БЫЛОЕ

НОЯБРЬ

1906

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 11 НОЯБРЬ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія“, Загородный 17.
1906.

75247

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. „Группа народовольцевъ“ (1891—1894 гг.) **М. С. Александрова** 1
2. Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу. (*Продолженіе*). **Старика** 30
3. Революція 1848 года и Москва 73
4. Первое мая въ Россіи. (*Продолженіе*). **В. П. Акимова-Махновца** 78
5. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Е. С. Семяновскій—одинъ изъ первыхъ карійцевъ. **С. Б. Богданова** . . . 100
6. Обвинительный актъ по процессу Е. С. Семяновскаго . 119
7. Предсмертное письмо Е. С. Семяновскаго къ отцу . . . 126
8. Продѣлки и поддѣлки властей 128
9. Въ Шлиссельбургской крѣпости (*продолженіе*). **М. В. Новорусскаго** 131
10. Семья декабристовъ. (*Окончаніе*). **М. О. Гершензона** . 162
11. Между былымъ и настоящимъ 190
12. „Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“ (*продолженіе*). **М. К. Лемке** . 194
13. Процессъ 17 лицъ въ 1883 году (*отрывокъ изъ воспоминаній*) **А. В. Прибылева** 221
14. Изъ „обзора“ за 1882 годъ, составленнаго департаментомъ полиціи 244
15. Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи (*окончаніе*) **В. А. Старосельскаго** 262
16. Карійская пѣсня, приписываемая Минакову. **Н. А. Виташевскаго** 279
17. М. Р. Гоцъ (памяти дорогого друга). **Л. Э. Шишко** . . 283

стр.

18. Афанасій Афанасьевичъ Спандони. (*Некрологъ*) **Н. Л. Геккера** 293
19. Историческая библіографія: 1. *Г. Энгель и В. Гороховъ.* Изъ исторіи студенческаго движенія.—2. Матеріалы по исторіи студенческаго движенія—**Сергѣя С.** 3. *М. Лядовъ.* Исторія россійской с.-д. рабочей партіи. **В. В. Португалова.** 4. *А. Цитронъ.* 72 дня перваго русскаго парламента. **В. Русина.** 5. *Н. Ростоцкая.* Потемкинскіе дни въ Одессѣ. 6. Рабочій ежегодникъ. **М. Ольминскаго.** 7. *Дебогорій-Мокріевичъ.* Воспоминанія **Д. П. Сильчевскаго** 307
20. Письма въ редакцію 330
21. Современная лѣтопись 331
22. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** („Дѣло о неприличномъ поступкѣ Пушкина—28. Ученый Комитетъ и Бѣлинскій. **Анатолія Кремлева**—159. Къ дѣлу В. И. Засуличъ—278. Къ біографіи А. А. Бестужева-Марлинскаго. **Б. Л. Модзалевскаго**—306).
23. Объявленія 346

Къ этой книгѣ приложены портреты: П. И. Войнаральскаго, Д. М. Рогачова, Е. С. Семяновскаго, М. Ѳ. Орлова и (въ текстѣ) А. А. Спандони.

Редакція проситъ исправить опечатку, вкравшуюся въ передачу факсимиле подъ портретомъ М. А. Бакунина съ женой въ іюльской книгѣ. Надпись подъ этимъ портретомъ нужно читать: „Съ нею увидитесь (а не увидаюсь) скоро—но со мною Богъ знаетъ гдѣ и когда—сердцемъ же будемъ всегда вмѣстѣ“. Портретъ съ такой надписью Бакунинъ далъ своимъ родственникамъ.

На 1907 годъ
открыта подписка на историческій журналъ
„БЫЛОЕ“.

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей **В. Я. Яковлева-Богучарскаго** и **П. Е. Щеголева** при ближайшемъ участіи **В. Л. Бурцева** по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая библіографія.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Въ 10 книжкахъ „Былого“ за 1906 годъ были помѣщены, между прочимъ, слѣд. статьи: **В П. Акимовъ-Махновецъ** — 1-е мая въ Россіи. **М. А Антоновичъ**—Арестъ Чернышевскаго. **М. Ю. Ашенбреннеръ** — Двадцать лѣтъ въ Шлис. тюрьмѣ и Военная организація пар. Нар. Воли. **В. Я. Богучарскій**—1-е марта—3 апрѣля 1881 года и Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій. **В. Л. Бурцевъ** — Сѣверно-русскій рабочій Союзъ. **И. П. Бѣлоконскій** — Изъ воспомин. объ А. И. Желябовѣ. **А. И. Бяловескій**—Изъ прошлаго. **П. И. Вейнбергъ**—4 апрѣля 1866 года. **Н. А. Виташевскій** — Первое вооруженное сопротивленіе, первый военный судъ и Централка. **И. И. Волковъ**—Народов. пропаганда среди москов. рабочихъ въ 1881 году. **М. О. Гершензонъ** — Къ характеристикѣ Чаадаева и Семья декабристовъ. **Герасимовъ**—Питомецъ воспитательнаго дома. **Дж. Гильомъ** — М. А. Бакунинъ. **М. Р. Гоцъ**—С. В. Зубатовъ. **Н. Л. Геккеръ**—Политич. каторга на Карѣ. **Х. Г. Гринбергъ-Конъ**—Къ процессу Ковальскаго. **Л. Я. Гуревичъ**—Народ. движ. въ Петербургѣ 9 января 1905 года. **И. С. Джабадари**—Въ неволѣ. **М. П. Драгомановъ**—Автобіографія. **Д—чъ**—Арестъ Нечаева. **В. С. Илличъ-Свитычъ**—Мое знакомство съ Ковальскимъ. **С. А. Ивановъ**—Изъ воспоминаній о 1881 г. и Возникновеніе и паденіе Дурноселовки. **С. А. Иванова-Борейша** – Воспоминанія о Перовской и Первая типографія Народной Воли. **М. В. Корольковъ**—Поручикъ Кречетовъ—шлис. узникъ XVIII вѣка. **Ф. Я. Конъ** - У подножія висѣлицы. **М. К. Лемке** — Дѣла бр. Критскихъ, Михайлова, Писарева, Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др. **О. С. Любатовичъ**—Далекое и Недавнее. **Н. А. Морозовъ**—Изъ Шлис. мотивовъ (стих.). **И. Л. Манучаровъ**—Мой процессъ и Эпизодъ изъ

жизни въ Шлис. крѣп. **Маклецова-Дегаева**—Судейкинъ и Дегаевъ. **О. С. Миноръ**—Якутская драма 1889 г. **Н. Я. Николадзе**—Освобожденіе Чернышевскаго. **М. В. Новорусскій** — Въ Шлиссельб. крѣпости. **Надинъ**—Стрѣльниковскій процессъ. **Г. Ф. Осмоловскій**—Карійская трагедія. **М. Р. Поповъ**—Къ біографіи И. Н. Мышкина и Земля и Воля наканунѣ Воронеж. съѣзда. **В. С. Панкратовъ**—Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1881—1884 гг. **А. П. Прибылева-Корба**. С. П. Дегаевъ—По поводу письма Исп. К-та къ Александру III и Къ портрету Желябова. **Плохоцкій**—Польская партія „Пролетаріатъ" и „Пролетаріатъ" передъ судомъ. **З. Ралли** — С. Г. Нечаевъ. **С. Ф. Русова** — Мартынъ Лангансъ. **Н. Р.**—Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ. **В. И. Семевскій**—Вопросъ о преобразованіи госуд. строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. **Н. Сильванскій**—Пестель предъ Верх. Угол. судомъ. **Д. В. Стасовъ** — Каракозовскій процессъ. **А. А. Спандони**—Страница изъ воспоминаній. **Л. С.**—Изъ воспоминаній студента-солдата. **С. А. Савинкова** — Годы скорби. **С. С. Синегубъ** — Воспоминанія чайковца. **В. А. Старосельскій**—Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи. **Старикъ**—Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). **М. Н. Тригони**—Мой арестъ въ 1881 году и Послѣ Шлиссельбурга. **Е. В. Тарле**—Самодержавіе Николая I-го и франц. обществ. мнѣніе. **Н. А. Танъ** — Коронація въ Колымскѣ. **А. В. Тырковъ**—Къ событію 1 марта 1881 года. **М. Ф. Фроленко**—Милость и Побѣгъ Алеши Поповича. **В. Н. Фигнеръ**—Шлиссельб. узница Л. А. Волкенштейнъ. **А. Р. Хирьяковъ**—Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой. **М. Н. Чернышевскій**—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. **П. Е. Щеголевъ**—П. Г. Каховскій, Сем. Олейничукъ, Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ, Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго. **В. Е. Якушкинъ**—Изъ бумагъ декабриста Якушкина.

Кромѣ того были помѣщены неизданныя произведенія Герцена, Шевченко, Лермонтова, Никитина, Огарева, Поливанова, Саблина и др. Письма Чернышевскаго, Тургенева, Салтыкова, Бакунина, Петрашевскаго, Желябова, Зотова, Гаусмана, Коганъ-Бернштейна и мн. др.; Матеріалы (между прочимъ отчеты о процессахъ 20-ти и 17 народовольцевъ), рѣдчайшія революціонныя изданія и др. документы, характеризующіе освободительное движеніе.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны:

М. Ю. Ашенбреннеръ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); **А. Бахъ**—Воспоминанія народовольца; **В. Я. Богучарскій**—Декабристъ М. С. Лунинъ; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **И. П. Бѣлоконскій**—Земское движеніе до образованія „Союза Освобожденія"; **В. А. Вейнштокъ**—Акатуевскій рудникъ; **М. О. Гершензонъ**—Западные друзья Герцена; **В. А. Даниловъ**—Изъ воспоминаній; **С. А. Жебуневъ**—Изъ воспоминаній; **А. И. Иванчинъ-Писаревъ**—Побѣгъ князя Кропоткина; **Н. И. Іорданскій**—Миссія П. С. Ванновскаго; **Кафіеро**—Воспоминанія; **Коваленко**—11 дней на „Потемкинѣ"; **Платонъ Лебедевъ**—Красные дни въ Нижнемъ Новгородѣ; **М. К. Лемке**—Процессы Митрофана Муравскаго, Сунгурова, Блюммера, Головина, кн. Долгорукова и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); **Е. Е. Лазаревъ**—Гавайскій сенаторъ; **А. О. Лукашевичъ**—Въ народъ!; **І. Д. Лукашевичъ**—Дѣло 1 марта 1887 года; **И. Л. Манучаровъ**—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; **Н. А. Морозовъ**. — Изъ воспоминаній; **П. Н. Переверзевъ** — Экспедиція генерала Ренненкампфа; **М. Р. Поповъ**—Изъ моего революціоннаго прошлаго; **А. С. Пругавинъ**—Декабристъ въ монаст. тюрьмѣ. **Л. Ф. Пантелѣевъ**—Дѣла давно минувшихъ дней (арестъ, ссылка и пр.); **З. Ралли**—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; **И. А. Рубановичъ**—Дѣло Гоца въ Италіи и Савицкаго во Франціи; **С. А. Савинкова**—Изъ воспоминаній; **С. Г. Сватиковъ**— Очерки по исторіи студенческаго движенія; **В. И. Семевскій**—Безпорядки въ л.-гв. Семеновскомъ

полку въ 1820 году; **Е. П. Семеновъ.** Народовольческіе кружки въ Одессѣ; **Э. А. Серебряковъ**—Революціонеры во флотѣ; **Н. П. Стародворскій** — Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній; **Е. В. Тарле**—Каннингъ и Николай Тургеневъ и Герценъ и газета Прудона; **Н. А. Танъ**—Послѣдній періодъ „Народной Воли" **М. Ф. Фроленко** — Воспоминанія о Воронежскомъ и Липецкомъ съѣздахъ; **Л. Ш.** Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ". **П. Е. Щеголевъ**—Агитаціонная литература декабристовъ и Конецъ императора Павла (историческое разслѣдованіе); **Ф. Л. Ястржембскій**—Записки петрашевца; Записки **императора Николая I** о 14 декабря, неизданныя произведенія **А. И. Герцена** и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ" (полностью); Докладъ (оффиціальный) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверского земства (извлеченіе изъ доклада г-на Штюрмера); Къ исторіи русской „конституціи" (оффиціальные матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ, и т д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—**8** руб.: на $^1/_2$ года (съ 1 янв. по 1 іюля)—**4** руб; на $^1/_4$ года (съ 1 янв. по 1 апр.)—**2** руб. Перемѣна адреса—**30** коп. (При перемѣнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—**1** руб., для покупающихъ въ конторѣ—**85** коп., для выписывающихъ изъ конторы—**1** р. **10** коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—**С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44** и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь"—въ **Москвѣ** (Срѣтенка, Ащеуловъ переулокъ, 13), **Кіевѣ** (Крещатикъ, 27), **Ростовѣ на Д.** (Казанская, 42) и **Одессѣ** (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое" проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только **8** р. **50** к. вмѣсто тепереш. **10** р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., причемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ **С.-Петербургѣ** на **Знаменской ул. д. 19.**

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { **В. Я. Богучарскій,** **П. Е. Щеголевъ.**

Издатель **Н. Е. Парамоновъ.**

ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7. Въ нихъ помѣщены:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ офиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** 1825—1876 г. Цѣна **1** р. **50** к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Цѣна **75** к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціею и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева.** Цѣна **60** к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева.** Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго.** Цѣна **50** к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева.** Выпускъ 2-й. Цѣна **50** к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ.** Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** (*1877 г.* **Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.**). Цѣна **1** р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ТРЕТІЙ.** (*1877 г.* **Процесссъ 193-хъ и др.**). Цѣна **1** руб.

Печатаются:

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).**

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Выпускъ первый.

10) Тоже самое. Выпускъ второй.

11) Убійство императора Павла. (Разсказы современниковъ).

12) Пестель, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ. **Н. П. Сильванскаго.**

13) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго.**

14) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева.**

15) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для біографіи). Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева.**

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрѣ 1905 года, получатъ за внесенную ими плату **первый, второй и третій** тома „Государств. преступленій“ и **три** тома приложеній къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“). Всего **шесть** томовъ.

Всѣ остальныя изданія „Русской исторической Библіотеки“ пріобрѣтаются не путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.

Дмитрій Михайловичъ
РОГАЧЕВЪ.

„Группа народовольцевъ“.

(1891—1894 г.г.).

I.

Общее положеніе.

Нынѣшняя молодежь врядъ ли знаетъ, сколько презрительнаго смысла вкладывалось лѣтъ десять тому назадъ въ слово «восьмидесятникъ»,—то есть человѣкъ восьмидесятыхъ годовъ. Заслуженное презрѣніе! Конецъ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго вѣка—одинъ изъ самыхъ мрачныхъ, самыхъ, казалось, безнадежныхъ и безотрадныхъ періодовъ новѣйшей русской исторіи. И всетаки находились люди, довольные своей эпохой, довольные самими собою, возглашавшіе съ гордостью: «шире дорогу, восьмидесятникъ идетъ!»

Восьмидесятникъ пришелъ не сразу. На почвѣ разложенія народническаго міросозерцанія и паденія народовольческой революціонной организаціи возникали разнаго рода убогія и односторонія теченія. Въ революціонномъ лагерѣ на мѣсто цѣльной, хотя и ошибочной, народовольческой программы стали пользоваться признаніемъ въ разныхъ кружкахъ исключительно отдѣльные кусочки программы: появились чистые террористы; создались группы, признававшія только военные заговоры или только роль либеральнаго «общества» (Протопоповъ восклицалъ: «все для народа, *ничего посредствомъ* народа!»). Явились даже проповѣдники исключительно возстанія съ самозванцемъ (въ родѣ Пугачева) во главѣ.

Революціонныя задачи мельчали, типъ революціонера вырождался. Помню прямо удручающее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ чтенія прокламаціи «общества десятикопѣечниковъ», образовавшагося въ Петербургѣ. Они завели собственную тайную типографію. Съ огромнымъ рискомъ для себя, въ моментъ сильнѣйшихъ цензур-

ныхъ гоненій, основатели общества выпускаютъ листокъ, въ которомъ объясняютъ торжество реакціи отсутствіемъ денегъ у революціонеровъ и приглашаютъ создать широкую организацію для взноса по 10 копѣекъ въ мѣсяцъ съ каждаго члена! (Зима 1884 1885 г.г.).

Чистые террористы сгруппировались вокругъ Александра Ильича Ульянова. Судя по личнымъ воспоминаніямъ, могу сказать, что террористическое настроеніе этихъ лѣтъ не можетъ быть названо иначе, какъ настроеніемъ отчаянія. Идея террора носилась въ воздухѣ, смыслъ его резюмировался словами: «лучше погибнуть на эшафотѣ, чѣмъ влачить нынѣшнее существованіе. Авось хоть наша смерть встряхнетъ общество». Кружокъ Ульянова окончилъ существованіе въ мартѣ 1887 года. Говорили—и судя по многимъ признакамъ, говорили справедливо,—что полиція была съ самаго начала прекрасно освѣдомлена о дѣлахъ кружка; тѣмъ не менѣе она допустила, чтобы трое студентовъ вышли 1 марта на Невскій проспектъ съ разрывными снарядами. Здѣсь ихъ арестовали. Въ результатѣ пятеро (Ульяновъ, Шевыревъ, Осипановъ, Андреюшкинъ и Генераловъ) были повѣшены, многіе осуждены на каторгу,—въ томъ числѣ Новорусскій и Лукашевичъ, вышедшіе изъ Шлиссельбурга въ октябрѣ 1905 года.

Возникшее на развалинахъ народовольчества единственно жизненное соціалъ-демократическое теченіе не пользовалось большимъ успѣхомъ. Гораздо болѣе широкимъ потокомъ разлилось по всей Россіи толстовство, «боевымъ» лозунгомъ котораго было непротивленіе злу насиліемъ. Рядомъ съ этимъ пріобрѣтаетъ все большій успѣхъ, если можно такъ выразиться, государственное народничество: надежда на осуществленіе народническихъ пожеланій переносится съ интеллигенціи на самодержавное правительство. Приклонскій, популярный одно время писатель, горячо доказывалъ, что министры быстрѣй и лучше, чѣмъ кто бы то ни было, способны проводить реформы на благо народа (крестьянскій банкъ, фабричная инспекція и т. под.).

Само собой разумѣется, что все это разложеніе и измельчаніе не могло не отразиться на печати того времени. Много говорить о ней я не стану, укажу только одинъ-два факта.

Въ «литературно-политическомъ» ежемѣсячномъ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» появилась статья профессора Фортунатова подъ заглавіемъ: «Къ вопросу объ откармливаніи скота зимой въ нечерноземныхъ губерніяхъ». Въ высшей степени характерная для того времени статья! Замѣтьте: рѣчь идетъ не о скотоводствѣ вообще, даже не объ откармливаніи скота вообще, а только объ откармливаніи его въ нечерноземныхъ губерніяхъ, только зимой! Но и такой вопросъ въ цѣломъ показался профессору слишкомъ большимъ,—онъ пишетъ только «къ вопросу» и имѣетъ смѣлость посылать статью въ литературно-политическій ежемѣсячникъ, а редакція журнала проявила достаточно безтактности, чтобы преподнести такую статью своимъ читателямъ. Кажется, трудно идти

дальше по пути разложенія и измельчанія въ области «литературно-политическихъ» вопросовъ.

А вотъ образчикъ изъ области этической.

Въ 1889 году въ Карійской каторжной тюрьмѣ политическая заключенная Надежда Константиновна Сигида дала пощечину смотрителю. Личныхъ мотивовъ у нея не было,—она хотѣла своею смертью добыть облегченіе для товарищей по заключенію. Русскіе чиновники дѣйствительно предали смерти героическую женщину, но смерти совсѣмъ особаго рода. Генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ отдалъ приказъ сѣчь Надежду Константиновну. Палачи исполнили приказаніе человѣка-звѣря, и въ тотъ же день Сигида скончалась, — по увѣренію врачей отъ разрыва сердца.

Случай этотъ своей чудовищной жестокостью выдѣлялся даже на фонѣ того жестокаго времени; онъ надѣлалъ порядочнаго шума заграницей. Вскорѣ вышелъ законъ, отмѣняющій тѣлесное наказаніе для женщинъ, осужденныхъ на каторгу.

Теперь слушайте дальше.

Сотрудникъ «Русскаго Богатства» Южаковъ поѣхалъ на постройку Южно-Уссурійской желѣзной дороги. Вскорѣ онъ выпустилъ книжку путевыхъ впечатлѣній: «Доброволецъ, Петербургъ. Дважды вокругъ Азіи». Въ ней мы встрѣчаемъ горячую апологію строителя уссурійской желѣзной дороги инженера Урсати, будто бы пострадавшаго за правду. А какой хорошій человѣкъ былъ Урсати и какъ высоко цѣнило его начальство,—Южаковъ иллюстрируетъ тѣмъ фактомъ, что баронъ Корфъ при встрѣчѣ поцѣловалъ Урсати. Южаковъ, когда писалъ свою книгу, не могъ не знать о случаѣ съ Сигидой...

И вотъ на фонѣ общаго разложенія, опошленія и измельчанія, явились люди, провозгласившіе себя идеологами своей эпохи, гордо называвшіе себя восьмидесятниками! Это—проводники малыхъ дѣлъ, старательно отмѣчавшіе «свѣтлыя явленія» русской жизни: тамъ то открылась новая народная школа, такой то купецъ завѣщалъ столько то на богадѣльню, и тому подобное.

Справедливость требуетъ сказать, что и культъ малыхъ дѣлъ, и проповѣдь непротивленія злу встрѣчали довольно энергичной отпоръ со стороны эпигоновъ умиравшей эпохи: Шелгунова и Михайловскаго. Въ кругахъ сколько-нибудь осмысленной интеллигенціи слово «восьмидесятникъ» почти тотчасъ стало ругательнымъ словомъ, а споры съ послѣдователями Льва Толстого какъ то сразу прекратились къ зимѣ 1890—91 года, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Бѣда была всетаки въ томъ, что кругъ людей, которыхъ можно хоть съ натяжкой назвать интеллигентными, сократился до невѣроятно узкихъ предѣловъ; да и въ этихъ кружкахъ преобладало такъ называемое культурническое теченіе. Лозунгъ культурниковъ можно резюмировать кратко: исполняй честно свои профессіональныя обязанности, не выходи изъ рамокъ закона, но отъ благотворительной дѣятельности съ дозволенія начальства (школы, столовыя) не отказывайся. Само собой разумѣется, что

вы тщетно стали бы искать у культурниковъ политическаго смысла, а тѣмъ менѣе—политической программы. Честно лечить, не воровать при постройкѣ мостовъ,—даже проповѣдь такой «программы» свидѣтельствовала объ интеллигентности выше средней.

Для характеристики общаго уровня учащейся молодежи разскажу эпизодъ, близко мнѣ извѣстный. Случилось это въ Петербургѣ зимой 1891—2 учебнаго года.

Студентъ-технологъ Ник. собрался на Рождество въ Воронежъ: одинъ изъ членовъ воронежскаго землячества передалъ ему письмо, въ которомъ дѣлился съ воронежскимъ товарищемъ петербургскими новостями. По возвращеніи изъ Воронежа Ник. обратился къ своимъ товарищамъ-студентамъ съ заявленіемъ слѣдующаго содержанія.

— Получивъ для передачи письмо, я вскрылъ конвертъ и увидѣлъ, что письмо носитъ политически-компрометирующій характеръ. Я отправился съ нимъ къ судебному слѣдователю, потомъ къ знакомому мировому судьѣ, но они посовѣтовали мнѣ сжечь письмо, что я и сдѣлалъ. Теперь я поднимаю вопросъ: терпимъ ли въ землячествѣ человѣкъ, который могъ послать такое письмо?

Нашлось во всемъ землячествѣ 4—5 человѣкъ, которые въ отвѣтъ поставили вопросъ: терпимъ ли въ землячествѣ человѣкъ, распечатывающій чужія письма? Землячество отвѣтило, что не считаетъ себя въ правѣ входить въ оцѣнку нравственнаго поведенія членовъ. О гнусности попытки доноса даже рѣчи не могло подняться, — поставить такъ вопросъ значило бы заранѣе оправдать доносчика.

На студенческихъ вечеринкахъ самой популярной пѣснью была безсмысленная «У попа была собака». Помню удручающее впечатлѣніе, которое произвела на меня «нелегальная» вечеринка подъ новый 1891 годъ. Какой-то студентъ произнесъ рѣчь, въ которой горячо развивалъ тезисъ: «Если ты врачъ, то будь прежде всего врачемъ, если инженеръ—то прежде всего будь хорошимъ инженеромъ!» Оратору горячо апплодировали. Высшіе женскіе курсы были преобразованы, получили въ директора нѣкоего Кулина и были прозваны кулинарными. Курсистки устраивали вечера, закрытые для мужчинъ, и проводили эти вечера въ танцахъ. Ходило много разсказовъ о новомъ поколѣніи студентовъ, объ ихъ колоссальномъ невѣжествѣ. Замѣчалось новое явленіе: студенты проходили университетскій курсъ съ «репетиторами».

Какъ я уже упоминалъ, литература измельчала до невозможности. Кажется, въ ту эпоху не выдвинулось вообще ни одной новой литературной силы. Въ частности среди соціалъ-демократовъ дѣло обстояло не лучше. Мартовъ, Ленинъ, Старовѣръ, Вл. И—нъ (Владимиръ Павловичъ Иваньшинъ) и другіе были еще юношами-студентами. Горькій, Андреевъ выдвинулись позже. И теперь всякій, знающій соціалъ-демократическую среду, можетъ замѣтить рѣзкій возрастный скачекъ отъ бывшихъ членовъ Группы Освобожденія Труда къ прочимъ соредакторамъ старой Искры, редакторамъ Рабочаго Дѣла, Борьбы и т. под.

Почва для политической агитаціи отсутствовала. Обрушившись съ гоненіемъ на политическихъ враговъ и противниковъ, правительство предприняло рядъ «либеральныхъ» мѣръ: отмѣну соляного налога и подушной подати, учрежденіе фабричной инспекціи и крестьянскаго банка и т. под. Налоги, правда, росли, но бюджетъ былъ приведенъ въ равновѣсіе, даже съ избыткомъ прихода надъ расходами. Во внѣшней политикѣ успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ, и дѣло завершилось франко-русскимъ союзомъ.

Публицистика отсутствовала. Суррогатомъ ея пытались сдѣлать статистику. Вычисленіе вольно-экономическаго общества, правда, показало чудовищный фактъ, что сборъ хлѣба въ Россіи даетъ въ среднемъ 1,6 фунта въ день на человѣка. Но на однихъ статистическихъ вычисленіяхъ не далеко уѣдешь въ дѣлѣ агитаціи. При такихъ условіяхъ всякая попытка осуществить планы широкой политической организаціи была обречена на неудачу. Это и показалъ опытъ такъ называемой Сабунаевской организаціи.

Бѣжавшій изъ Восточной Сибири народоволецъ Сабунаевъ съ вернувшимся изъ Сибири наборщикомъ Трофимовымъ [1]), Вас. Сем. Гусевымъ и нѣкоторыми другими устроилъ съѣздъ на Волгѣ. Рѣшили возстановить партію Народной Воли. Въ организацію вошли: 1) Московскій кружокъ: Анссовъ, Яблочковъ, Каратыгинъ (умеръ въ Крестахъ) и другіе; 2) Ярославскій кружокъ (Левъ Граціановичъ Осинскій умеръ въ Крестахъ); 3) Костромской кружокъ, главнымъ образомъ семинаристовъ; 4) въ Казани кружокъ Трофимова; 5) въ Саратовѣ Анатолій Владиміровичъ Сазоновъ, только что вернувшійся изъ Березова; 6) въ Воронежѣ кружокъ Петра Павловича Мануйлова, товарища Сазонова по ссылкѣ [2]). Были, кажется еще кружки или связи въ Нижнемъ Новгородѣ, Самарѣ, Астрахани, Рязани и нѣк. другихъ городахъ.

Не успѣла еще ничѣмъ проявить себя новая организація, какъ въ ней начался разладъ. Поводъ далъ Гусевъ. На поволжскомъ съѣздѣ онъ былъ проѣздомъ изъ Сибири. Проходное свидѣтельство имѣлъ въ Петрозаводскъ. Проѣзжая черезъ Петербургъ, онъ прописался здѣсь по этому свидѣтельству. Полиція потребовала немедленнаго выѣзда. Но онъ успѣлъ войти въ сношенія съ кружкомъ петербургскихъ народовольцевъ (Истоминъ, Фойницкій, Бѣляевъ, Кочаровскій и др.). Вдругъ полиція замѣняетъ требованіе о выѣздѣ Гусева подпиской о невыѣздѣ изъ Петербурга. Гусевъ былъ въ восторгѣ. Сабунаевъ, напротивъ, рѣшилъ, что перемѣна пове-

---

[1]) Былъ арестованъ по дѣлу типографіи на Рижскомъ проспектѣ въ Петербургѣ. Послѣ ссылки былъ въ Казани, затѣмъ перешелъ на нелегальное положеніе. Вновь арестованъ въ Ригѣ, умеръ отъ тифа въ Иркутской тюрьмѣ, по пути въ новую ссылку.

[2]) Перебывалъ съ 70-хъ годовъ въ нѣсколькихъ университетахъ, всюду былъ исключаемъ по политическимъ причинамъ. Въ Березовъ попалъ по Воронежскому дѣлу. Въ 1890 г. арестованъ, отбылъ около двухъ лѣтъ въ крѣпости и въ Крестахъ. Въ 1894 вновь арестованъ въ связи съ дѣломъ „Народнаго Права". Умеръ въ Тамбовѣ.

денія полиціи объясняется тѣмъ, что Гусевъ попалъ въ провокаторскія лапы; онъ потребовалъ, въ интересахъ безопасности организаціи, чтобы Гусевъ немедленно покинулъ Петербургъ и разорвалъ съ террористами. Гусевъ отказался,—и этимъ было положено начало распаденію организаціи.

Повидимому, предположеніе Сабунаева о наличности провокаціи въ петербургскомъ кружкѣ террористовъ было справедливо. Весной 1890 г. кружокъ провалился, а попутно были арестованы Мануйловъ въ Воронежѣ, Сазоновъ въ Саратовѣ и нѣк. другія лица, уже нѣсколько мѣсяцевъ раньше порвавшія связи съ Гусевымъ и вовсе не вступавшія въ сношенія съ петербуржцами.

Въ теченіе 1890 г. шли аресты, закончившіеся (кажется въ декабрѣ) арестомъ Сабунаева въ Костромѣ. Организація безслѣдно изчезла. Кажется, это была послѣдняя, сколько-нибудь крупная народовольческая организація. Безслѣдность ея исчезновенія объясняется отсутствіемъ въ то время почвы для политической агитаціи.

Характерно, между прочимъ, что въ памяти у меня не осталось ни одного случая принципіальнаго обсужденія вопросовъ въ этой организаціи. Программа и тактика казались вполнѣ ясными и законченными, — продолжать дѣло Народной Воли. Молчаливо предполагалось, что никакого пересмотра принциповъ не требуется.

Между прочимъ, стоитъ отмѣтить, что въ рукахъ Воронежскаго кружка была легальная типографія въ одномъ уѣздномъ городѣ. Съ вѣдома хозяина наборщикомъ въ нее поступилъ нелегальный Трофимовъ. Онъ успѣлъ отпечатать только программу Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли, безъ всякихъ измѣненій. Типографія эта никогда не была обнаружена полиціей, но перестала печатать нелегальныя изданія за распаденіемъ организаціи.

II.

Среди рабочихъ.

Еще до своего перваго ареста въ декабрѣ 1885 года я имѣлъ два кружка петербургскихъ рабочихъ: кружокъ наборщиковъ, полученный отъ только что образовавшейся соціалъ-демократической группы (т. наз. Благоевской), и кружокъ на заводѣ Берда (Франко-русскій), полученный отъ «Союза молодежи партіи Народной Воли».

Въ 1890 году мнѣ удалось, по возвращеніи въ Петербургъ, очень скоро отыскать представителей обоихъ кружковъ.

Наборщикъ, съ которымъ я возобновилъ знакомство, растерялъ къ этому времени всѣ свои связи. Онъ не былъ ни разу въ рукахъ полиціи, хотя сохранилъ отъ 70-хъ годовъ [1]) революціонныя

[1]) Онъ былъ распропагандированъ Жарковымъ, который впослѣдствіи сталъ предателемъ и былъ убитъ за выдачу типографіи Чернаго Передѣла въ Петербургѣ.

убѣжденія и продолжалъ группировать вокругъ себя рабочую молодежь. Въ то же время онъ оказывалъ существенныя услуги въ дѣлѣ постановки типографіи Группы Народовольцевъ. Назвать его имя я пока не считаю удобнымъ, хотя по своимъ услугамъ революціонному дѣлу и по своей вѣрности убѣжденіямъ онъ вполнѣ заслуживаетъ быть упомянутымъ въ исторіи петербургскаго рабочаго движенія. Замѣчу еще, что онъ не сталъ соціальдемократомъ, хотя и былъ организаторомъ того кружка, который занимался подъ руководствомъ Благоевской группы.

Изъ числа членовъ бывшаго народовольческаго кружка на заводѣ Берда я возобновилъ знакомство съ Гавріиломъ Александровичемъ Мефодіевымъ. Въ это время (осень 1890) онъ работалъ въ мастерскихъ Варшавской желѣзной дороги и былъ членомъ соціалъ-демократической рабочей организаціи. Изъ того же кружка былъ въ той же организаціи старикъ Крутовъ, но съ нимъ мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось возобновить знакомства.

Возвращусь на минуту къ Благоевской группѣ. Съ самаго своего появленія она обособилась отъ народовольческихъ кружковъ принципіально и организаціонно. Но фактическое обособленіе въ работѣ было еще мало проведено. Только этимъ, да развѣ еще недостаткомъ интеллигентскихъ силъ, и можно объяснить передачу кружка наборщиковъ мнѣ, не скрывавшему своего тяготѣнія къ народовольчеству. Были и другіе подобные случаи,—напримѣръ, съ Семеномъ Орловымъ (застрѣлился въ Орлѣ). Мнѣ только однажды случилось быть на оффиціальномъ собраніи лицъ, которые подъ руководствомъ группы вели занятія съ рабочими. Изъ этого собранія помню только, что поднимался вопросъ объ объединеніи всѣхъ рабочихъ черезъ рабочихъ же представителей кружковъ, то есть объ образованіи центральнаго, практическаго рабочаго кружка. Вопросъ, помнится, былъ рѣшенъ отрицательно по характерной для того времени причинѣ: рабочіе сами отказались, изъ конспиративныхъ соображеній, отъ непосредственнаго общенія между кружками разныхъ заводовъ.

Какъ шло въ дальнѣйшемъ рѣшеніе этого вопроса,—не знаю. Но фактъ тотъ, что въ 1890 центральный кружокъ уже существовалъ. Городъ былъ разбитъ на районы. Отъ каждаго района въ центрѣ былъ одинъ представитель. Онъ не избирался райономъ, а намѣчался самимъ центральнымъ кружкомъ изъ числа рабочихъ даннаго района и затѣмъ, выражаясь нынѣшнимъ жаргономъ, кооптировался.

Изъ рабочихъ, игравшихъ видную роль въ это время, кромѣ Мефодіева, могу назвать слѣдующихъ лицъ.

Николай Богдановъ и Александръ Филимоновъ—слесаря. Они были вскорѣ арестованы на карточной фабрикѣ за Невской заставой. Потомъ жили въ Воронежѣ. Богдановъ былъ послѣ того еще разъ арестованъ,—послѣдній разъ кажется въ январѣ 1906 года въ Воронежѣ. Также не разъ подвергался арестамъ Петръ Морозовъ (умеръ въ Екатеринославской тюрьмѣ). Далѣе—ткачъ Ѳеодоръ Афа-

насьевъ, убитый черносотенцами въ «дни свободы» въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Наконецъ, виднымъ членомъ центра былъ кузнецъ изъ Экспедиціи Заготовленія Госуд. Бумагъ Егоръ Афанасьевичъ Афанасьевъ, онъ же Климановъ. Онъ былъ арестованъ, если не ошибаюсь, въ 1891 году по дѣлу Бруснева, отбылъ ссылку, сильно бѣдствовалъ послѣ ссылки (въ Ревелѣ, Одессѣ),наконецъ пристроился въ Керчи. Въ дни «свободы» онъ постоянно выступалъ ораторомъ на митингахъ, за что и сосланъ въ Вологодскую губернію; скоро по прибытіи въ ссылку скрылся.

Вообще рабочая среда богата идейными борцами, которые въ теченіе десятковъ лѣтъ, «отъ колыбелы до могилы», не теряютъ энергіи. Священная обязанность партіи рабочаго класса—хранить въ памяти имена этихъ неутомимыхъ борцовъ и публиковать при первой возможности свѣдѣнія объ ихъ благородной дѣятельности.

Возвращаюсь къ организаціи петербургскаго рабочаго центра. Кромѣ представителей районовъ въ кружокъ входилъ одинъ (ни въ какомъ случаѣ не болѣе) представитель интеллигенціи. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, такимъ представителемъ былъ кончающій технологъ Михаилъ Ивановичъ Брусневъ, соціалъ-демократъ. Вообще, вся организація работала подъ руководствомъ соціалъ-демократической интеллигенціи. Въ 1891 году Брусневъ окончилъ курсъ и уѣзжая изъ Петербурга,—странное дѣло!—ввелъ въ центральный кружокъ меня, народовольца, какъ представителя отъ интеллигенціи. До сихъ поръ не знаю, чѣмъ объяснить это: то ли «всѣ господа разъѣхались на дачу»,—то ли онъ замѣтилъ то, чего я самъ не замѣчалъ еще,—мою принципіальную близость къ соціалъ-демократіи. Я «представительствовалъ» нѣсколько мѣсяцевъ, оставаясь въ сторонѣ отъ соціалъ-демократической интеллигенціи и вообще не будучи членомъ какой бы то ни было организаціи. Затѣмъ сблизился съ технологомъ соціалъ-демократомъ N, членомъ интеллигентской организаціи, очень энергичнымъ и толковымъ работникомъ. Увидавъ, что этотъ человѣкъ отдаетъ всѣ свои силы рабочему дѣлу, я предложилъ ему замѣстить меня въ центральномъ кружкѣ. Я считалъ, что онъ больше меня имѣетъ право быть тамъ представителемъ интеллигенціи.

При мнѣ и по моей рекомендаціи была приглашена въ центральный кружокъ, въ качествѣ представительницы Выборгскаго района, швея Наталья Александровна Григорьева, выдѣлявшаяся своей энергіей. Въ 1894 году она была арестована и сослана въ Восточную Сибирь. Въ 1905 году я встрѣтилъ ея имя въ спискѣ сидящихъ въ Одесской тюрьмѣ. Интересно было бы знать ея дальнѣйшую судьбу.

Касса центральнаго кружка пополнялась главнымъ образомъ взносами самихъ рабочихъ. Въ то время числилось въ ней нѣсколько сотъ рублей, но изъ этой суммы около 600 р. были взяты въ заемъ интеллигентами на изданіе (не доведенное до конца) литографскимъ способомъ Протоколовъ Парижскаго Конгресса. Деньги эти, кажется, такъ и не были возвращены рабочимъ.

Въ литературѣ, подходящей для пропаганды, ощущался сильнѣйшій недостатокъ. По старой памяти брошюровались въ синюю обложку статьи изъ журналовъ,—это велось съ начала 80-хъ годовъ. Говорили, что рабочіе изъ массы не охотно берутъ эти брошюры, объявляя ихъ на основаніи знакомой обложки «пашковскими». (Пашковцы секта, основанная полковникомъ Пашковымъ и служившая темой многихъ разговоровъ въ рабочихъ слояхъ Петербурга). Былъ въ Петербургѣ кажется единственный экземпляръ изданной на югѣ нелегальной брошюры «Борьба общественныхъ силъ». Авторомъ этой брошюры былъ Богоразъ (извѣстный нынѣ писатель Танъ). По ироніи судьбы или по отсутствію болѣе подходящей литературы, петербургскіе соціалъ-демократы брали эту брошюру за основу занятій въ наиболѣе сознательныхъ рабочихъ кружкахъ, сдѣлавши лишь предварительно размѣтки и кое-что выбросивъ изъ брошюры. Уже позже были получены брошюры Группы Освобожденія Труда и очень плохо изданная (по слухамъ въ Казани) брошюра Дикштейна «Кто чѣмъ живетъ» (кажется съ передѣлками).

Я уже упоминалъ, до какой степени паденія дошла въ то время интеллигенція. Лицъ, даже изъ студенчества, готовыхъ сколько-нибудь служить рабочему дѣлу, нужно было считать единицами. Въ то время какъ въ началѣ 80-хъ годовъ, по общему правилу, не хватало рабочихъ кружковъ, чтобы занять всѣхъ интеллигентовъ, теперь наблюдалось какъ разъ обратное явленіе. Точно передъ глухой стѣной стояли люди, которые пытались увеличить притокъ интеллигентскихъ силъ. Поэтому мнѣ довольно страннымъ показался разсказъ Акимова [1]) о томъ, какъ онъ или его товарищи искали связей съ рабочими.

Въ это время на немногочисленныхъ петербургскихъ соціалъ-демократовъ произвела сильнѣйшее впечатлѣніе статья Вѣры Засуличъ въ журналѣ или сборникѣ Соціалъ-Демократъ о революціонерахъ изъ буржуазной среды. Въ статьѣ доказывалось на основаніи опыта западно-европейской исторіи, что молодежь изъ буржуазной среды революціонна только до сверженія абсолютизма, до удовлетворенія политическихъ требованій буржуазіи. Хотя въ Россіи абсолютизмъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ, статья В. Засуличъ была принята, какъ теоретическое объясненіе упадка русской интеллигенціи. Было рѣшено (разсказываю все это на основаніи частныхъ бесѣдъ), что и впредь интеллигенція не будетъ поставлять идеологовъ рабочаго класса, что данные студенты—соціалъ-

---

[1]) Въ его извѣстной брошюрѣ „Очеркъ развитія с.-д. въ Россіи". Акимовъ юнымъ студентомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, кажется, въ 1893 г. и поступилъ въ Технологическій Институтъ, студенты котораго никогда не прерывали связей съ рабочими.

Попутно отмѣчу, что Акимовъ въ своей книгѣ вспоминаетъ о смерти отъ чахотки члена Благоевской группы Харитонова, который благополучно здравствуетъ и теперь.

демократы—послѣдніе могикане (изъ интеллигенціи) соціалъ-демократизма въ Россіи, что поэтому они должны всѣ силы употребить на созданіе Бебелей изъ рабочей среды, должны дать хоть самой небольшой кучкѣ рабочихъ самое полное, глубокое и всестороннее соціалъ-демократическое образованіе. Примѣнительно къ этому была составлена программа занятій, начинавшаяся съ астрономіи и физики, идущая черезъ исторію культуры и такъ далѣе—до соціализма. Такимъ образомъ политическая задача дѣятельности среди рабочихъ сводилась къ педагогикѣ. Конечно, въ этомъ не была виновата статья Вѣры Засуличъ,—къ даннымъ выводамъ толкала людей вся политическая ситуація того времени,—полная невозможность политической агитаціи по отсутствію матеріаловъ для нея въ самой жизни.

А кто же долженъ былъ завоевывать въ Россіи политическую свободу? Предполагалось, что это сдѣлаетъ наша буржузія. Рано или поздно она неизбѣжно вступитъ въ конфликтъ съ абсолютизмомъ на почвѣ вопроса о государственныхъ доходахъ и расходахъ (этотъ выводъ изъ общихъ положеній марксизма былъ вскорѣ подтвержденъ Плехановымъ въ брошюрѣ «Всероссійское Раззореніе»). Что касается до рабочаго класса, то предполагалось, что не его дѣло завоевывать политическую свободу, онъ долженъ лишь подготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ свое время свободой, завоеванной буржуазіей. Вопросъ о роли пролетаріата въ завоеваніи политической свободы былъ однимъ изъ пунктовъ нашего тогдашняго разногласія съ соціалъ-демократами. На практикѣ то или иное рѣшеніе его претворялось въ діаметрально-противоположное отношеніе къ вопросу о политической агитаціи среди рабочихъ.

Стоитъ отмѣтить еще одинъ выводъ, который дѣлали изъ вышеуказанныхъ положеній тогдашніе, впрочемъ, немногіе молодые петербургскіе марксисты.—«Если роль завоевателя политической свободы принадлежитъ буржуазіи,—говорили они,—то мы должны всѣ силы употребить на организацію буржуазіи и агитацію въ ней, такъ какъ завоеваніе политической свободы—самый насущный и неотложный интересъ пролетаріата». Если не ошибаюсь, Плеханову пришлось печатно бороться противъ этого вывода, не нашедшаго, насколько мнѣ извѣстно, своего непосредственнаго выраженія въ печати.

Что касается народовольческой интеллигенціи въ ея отношеніи къ рабочему классу, то здѣсь все для нихъ казалось яснымъ,—стоило только слѣдовать старой программѣ. Дебатовъ внутри народовольческой организаціи по этому вопросу не поднималось. Между тѣмъ споры наши съ марксистами производили на насъ свое вліяніе: молчаливо дѣлалась уступка за уступкой, и въ результатѣ въ головахъ получался порядочный сумбуръ.

Возвращаясь къ положенію дѣла среди рабочихъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ публичномъ выступленіи,—первомъ выступленіи, имѣвшемъ политическій оттѣнокъ. Я

имѣю въ виду ихъ участіе въ демонстраціи на похоронахъ Шелгунова весной 1891 года.

Неизвѣстно, какъ и когда возникла среди рабочей организаціи мысль поднести адресъ умирающему Шелгунову. Въ депутаціи участвовалъ упомянутый уже мною Гавр. Ал. Мефодіевъ. Посѣщеніе Шелгунова и разговоръ съ нимъ произвели на Мефодіева потрясающее впечатлѣніе. Привѣтливый, чуткій къ запросамъ читательской души, ветеранъ освободительнаго движенія, на вершинѣ своей славы умирающій въ убогой квартирѣ гдѣ то на второмъ дворѣ, очаровалъ посѣтителей, которые слишкомъ хорошо знали, что такое нужда. Когда Мефодіевъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, сильно волнуясь, разсказалъ подробности разговора съ Шелгуновымъ, у меня,—каюсь въ этомъ,—хватило безтактности замѣтить:

— Вѣроятно Шелгуновъ скоро умретъ. Нужно будетъ рабочимъ демонстративно участвовать въ его похоронахъ.

— Ахъ, не говорите теперь объ этомъ,—со слезами въ голосѣ воскликнулъ Мефодіевъ.

Къ сожалѣнію, «говорить» пришлось очень скоро...

Вѣсть о смерти Шелгунова разнеслась въ пятницу поздно вечеромъ, на литературномъ вечерѣ въ залѣ городской думы. Въ субботу вечеромъ я сообщилъ объ этомъ Мефодіеву. Онъ вскипѣлъ негодованіемъ:

— Почему вы не сообщили въ обѣдъ? Всѣхъ можно было бы оповѣстить на работѣ. А теперь... я не знаю адресовъ. Какъ быть?

Тѣмъ не менѣе въ воскресенье утромъ въ квартирѣ и на узкой лѣстницѣ дома, гдѣ жилъ Шелгуновъ, можно было замѣтить въ толпѣ интеллигенціи до десятка рабочихъ. Мефодіевъ и еще кое-кто попали на фотографическій снимокъ. Тутъ же на лѣстницѣ была рѣшена надпись на лентахъ къ вѣнку: «Указателю пути къ свободѣ и братству—отъ Петербургскихъ рабочихъ». Тотчасъ всѣ вмѣстѣ отправились покупать вѣнокъ,—сначала на Садовую, потомъ на Казанскую. Остановили выборъ на вѣнкѣ съ темно-зелеными дубовыми листьями. Нашлись пути отпечатать надпись на лентѣ, минуя полицейскую цензуру.

Хоронили Шелгунова въ понедѣльникъ,—рабочій день. Тѣмъ не менѣе къ выносу явились и рабочіе. Публика хотѣла нести гробъ на рукахъ,—полиція стала грубо отрывать руки отъ ручекъ гроба. Былъ моментъ, когда трупъ чуть не выпалъ на мостовую. Пришлось подчиниться требованію полиціи. Но тутъ моментально были разобраны вѣнки (до 50), уже сложенные было на катафалкъ. Положеніе, съ полицейской точки зрѣнія, еще ухудшилось: не задолго передъ тѣмъ вышло прямое запрещеніе носить вѣнки на рукахъ, о гробѣ же ничего не было сказано. Полиція стала волноваться больше прежняго, настроеніе публики росло, отношенія обострялись. Н. К. Михайловскій уговаривалъ молодежь подчиниться требованію властей. Какой то молодой господинъ громко произнесъ:

— Публика не хочетъ демонстраціи!

— Переодѣтые сыщики не хотятъ,—послышалось въ отвѣтъ изъ толпы.—Господинъ возмутился и произнесъ внушительно:

— Знаете ли вы, кто я?.. Я—сынъ Шелгунова!

Тѣмъ не менѣе, молодежь настояла на своемъ, и вѣнки поднялись надъ головами, вытянувшись длинной лентой.

— Рабочихъ впередъ!—послышались возгласы, и суровый вѣнокъ съ дубовыми листьями открылъ шествіе. Вокругъ него сгруппировалось десятка полтора рабочихъ.

Путь съ Воскресенскаго проспекта на Волково лежалъ по Знаменской. Но процессія дала большой крюкъ, прошедши по Литейному, Невскому и Николаевской. У Обводнаго канала примкнула новая группа рабочихъ. Для петербургской интеллигенціи,—даже для многихъ изъ числа наиболѣе революціонно настроенныхъ людей,—участіе рабочихъ въ похоронахъ было полной неожиданностью. Вообще, мало кто подозрѣвалъ, что сѣмена революціонной пропаганды 70-хъ и 80-хъ годовъ принесли уже обильные плоды, что среди петербургскихъ рабочихъ не прекращался ростъ сознательности и организованности даже въ самые мрачные годы чуть не поголовнаго отступничества интеллигенціи.

За участіе въ похоронахъ Шелгунова были высланы изъ Петербурга Г. А. Мефодіевъ (уликой послужилъ фотографическій снимокъ), его братъ (имени не помню), старикъ Крутовъ, работавшій въ это время на Балтійскомъ заводѣ, и десятка три учащихся.

Въ маѣ того же года состоялось первое въ Петербургѣ, тайное собраніе рабочихъ, посвященное празднованію перваго мая. Устроено оно было центральнымъ кружкомъ, въ которомъ представителемъ отъ интеллигенціи состоялъ еще Брусневъ. Фактъ собранія хранился въ глубокой тайнѣ. Только осенью одинъ изъ рабочихъ рѣшился дать текстъ рѣчей знакомой учительницѣ воскресной школы за Невской заставой. Отъ учительницы рѣчи попали въ руки только что образовавшагося народовольческаго кружка (будущей «Группы») и тотчасъ изданы на гектографѣ, къ большому неудовольствію соціалъ-демократической петербургской интеллигенціи. Затѣмъ рѣчи были перепечатаны заграницей Группой Освобожденія Труда.

Съ выступленіемъ народовольческой организаціи (январь 1892 г.) отношенія между интеллигентскими кружками обоихъ теченій обострились. Въ рабочей средѣ единство организаціи сохранялось. Хотя въ центральномъ кружкѣ представительствовалъ соціалъ-демократъ, но приглашенія, исходящія отъ него, заниматься въ отдѣльныхъ кружкахъ, обращались постоянно и къ народовольцамъ, вѣроятно за недостаткомъ интеллигентныхъ силъ среди соціалъ-демократовъ. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло вплоть до большихъ арестовъ въ апрѣлѣ 1894 года.

Въ 1893 году Группой Народовольцевъ была печатно издана написанная рабочимъ К. съ завода Сименса и Гальске брошюра «Братцы-товарищи!» Она имѣла успѣхъ среди рабочихъ. Интеллигенція упорно не хотѣла вѣрить, чтобы рабочій могъ написать та-

кую вещь. На самомъ же дѣлѣ текстъ не былъ измѣненъ ни на іоту, не было сдѣлано никакихъ поправокъ. Даже явная ошибка (отожествленіе парламента съ россійскимъ сенатомъ) была пропущена ради сохраненія принципа неприкосновенности литературы, исходящей отъ рабочихъ.

Въ 1894 году отношенія между интеллигенціей еще болѣе обострились изъ-за вопроса о рабочей газетѣ. Какъ разъ къ этому времени соц.-демократическая интеллигенція потеряла своихъ, кажется лучшихъ, товарищей. Оставшіеся упорно стояли на старой, педагогической точки зрѣнія. Газету они считали не своевременной, въ виду неизбѣжныхъ арестовъ изъ-за нея. Рабочіе же чувствовали потребность въ органѣ и потому довольно охотно откликнулись на призывъ доставлять хронику съ фабрикъ и заводовъ. Народовольческая рабочая подгруппа рѣшила, для перваго опыта, издать гектографированный Рабочій Сборникъ, имѣя въ виду перейти затѣмъ къ изданію печатной газеты Голосъ Рабочихъ. Мнѣ было поручено написать вступительную статью для сборника.

Въ это время шли у рабочей подгруппы (а м. б. и у группы—точно не помню) переговоры съ медицинскимъ кружкомъ о совмѣстномъ издательствѣ. Мой проектъ вступительной статьи встрѣтилъ рѣзкій протестъ со стороны медиковъ. Отрицательный отзывъ былъ формулированъ двумя словами:

— Это—плехановщина!

Чтобы не потерять медиковъ, пришлось всюду, гдѣ говорилось объ интересахъ рабочихъ и ихъ задачахъ, вставить слова «и крестьянъ», кое-что было сглажено, и медики удовлетворились.

Когда вышелъ Рабочій Сборникъ съ некрологомъ Энгельса и съ моей искаженной «плехановщиной», интеллигентные соціалъ-демократы увидѣли въ немъ демагогическую попытку поддѣлаться подъ соціалъ-демократовъ; они не поняли того, чего мы и сами еще не понимали,—что мы уже далеко эволюціонировали отъ народничества въ сторону марксизма.

Здѣсь можетъ быть не будетъ неумѣстно, для иллюстраціи только что сказаннаго мною объ эволюціи, упомянуть о дальнѣйшей судьбѣ пяти членовъ первоначальнаго состава центральнаго кружка Группы Народовольцевъ. Изъ ихъ числа трое стали соціалъ-демократами, одинъ—соціалистомъ-революціонеромъ. Пятый (А. А. Федуловъ) работалъ въ Группѣ во второй періодъ ея дѣятельности (послѣ 1894 года), когда Группа сдѣлала рѣзкій поворотъ въ сторону соціалъ-демократіи.

III.

Образованіе Группы Народовольцевъ. Ея издательская дѣятельность.

Неурожайный 1891 годъ наглядно передъ всѣми обнаружилъ то, что раньше замѣчали только профессіональные ученые, статистики

и экономисты: онъ показалъ, что крестьянство раззорено, что блестящій государственный бюджетъ покоится на зыбкой почвѣ. Неурожай вызвалъ голодовку въ 20 губерніяхъ. Правительственная ссуда на продовольствіе и обсѣмененіе достигла 150 милліоновъ рублей. Министръ финансовъ Вышнеградскій, пользовавшійся репутаціей беззастѣнчиваго биржевика,—и тотъ вынужденъ былъ заявить, что дальнѣйшее повышеніе налоговъ невозможно. На мѣсто Вышнеградскаго былъ поставленъ еще болѣе беззастѣнчивый С. Ю. Витте.

Массовыя извѣстія о широко разлившемся голодѣ нѣсколько всколыхнули спавшую интеллигенцію. Началось филантропическое движеніе въ пользу устройства столовыхъ. Добросердечная учащаяся молодежь, еще чуждая опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, откликнулась на призывъ о помощи голодающимъ. Начался сборъ денегъ, подготовка къ отъѣзду въ деревню. Въ 1892 г. многіе вернулись изъ деревни съ опредѣлившимся революціоннымъ настроеніемъ.

Той же осенью 1891 года въ Петербургѣ, среди молодежи старшихъ курсовъ, стала зарождаться мысль объ организаціи въ политическое общество. Въ октябрѣ было нѣсколько небольшихъ собраній на Пушкинской улицѣ. Опредѣлилась тенденція образовать «общество», которое займется между прочимъ и агитаціонной издательской дѣятельностью. Изданія должны выходить съ девизомъ «памяти Герцена». Однако въ самомъ обществѣ нашлись лица, душѣ которыхъ такой девизъ говорилъ слишкомъ мало... На первыхъ же шагахъ обнаружилась и крайняя неконспиративность «общества». Тогда члены его, болѣе соціалистически и революціонно настроенные, рѣшили принять мѣры. Они подняли агитацію по поводу одного факта крайней неконспиративности, убѣдили «общество» прекратить свое существованіе, а сами рѣшили создать болѣе тайную и болѣе революціонную организацію,—какую именно, нѣкоторые еще сами не знали.

Вопросъ: кто же мы?—поднялся только послѣ разрушенія «общества». Отвѣтъ «народовольцы»—не всѣми былъ принятъ съ одинаковымъ удовольствіемъ, но недовольные подчинились общему рѣшенію. Такъ, безъ особо тщательнаго сговора по вопросу о принципахъ, образовалась «Группа Народовольцевъ».

Чуть ли не на первомъ же собраніи опредѣлилось, что Группа, во первыхъ, имѣетъ связь съ рабочими, а во вторыхъ—можетъ получить въ свое распоряженіе шрифтъ. Наличностью этихъ двухъ обстоятельствъ опредѣлилось направленіе дѣятельности Группы. Среди ея членовъ не было ни литераторовъ, ни лицъ, сколько-нибудь знающихъ типографское дѣло. Тѣмъ не менѣе, главное вниманіе съ первыхъ дней было обращено на постановку типографіи. Это въ тѣ времена казалось очень крупнымъ дѣломъ,—публика совсѣмъ отвыкла отъ свободнаго печатнаго слова. Техническія трудности не пугали, разъ было рѣшено, что типографія нужна. Въ отношеніи литературныхъ силъ всѣ надежды покоились

на доставкѣ рукописей со стороны, главнымъ образомъ, отъ профессіональныхъ литераторовъ.

Ради курьеза можно было бы разсказать кучу анекдотовъ о первыхъ шагахъ Группы на поприщѣ типографской дѣятельности,— о томъ, какъ изобрѣтался типъ портативнаго станка, какъ учились набирать люди, въ первый разъ въ жизни увидавшіе шрифтъ и т. п. Чтобы разомъ покончить съ техническими вопросами, отмѣчу только два обстоятельства. Во первыхъ, до самаго ареста типографщики обходились безъ верстатокъ. Во вторыхъ, ощущался постоянный недостатокъ въ буквахъ заглавныхъ и рѣдкихъ (щ, ю, я, ф); въ силу недостатка шрифта въ задачу редакціи входило подгонять статью подъ имѣющійся въ наличности шрифтъ: изъ-за недостатка, напримѣръ, буквы э приходилось вытравлять слова: этотъ, поэтому,—и соотвѣтственно измѣнять все построеніе фразъ. Единственная въ своемъ родѣ редакторская работа!

Что касается надежды на профессіональныхъ литераторовъ, то тутъ насъ ждало много разочарованій. По своей наивности мы думали, что при невѣроятныхъ цензурныхъ условіяхъ достаточно возможности печататься безъ цензуры, чтобы перья литераторовъ заскрипѣли во всю. Оказалось же, что даже среди видныхъ сотрудниковъ прогрессивнѣйшихъ по тому времени изданій создалось «принципіальное» отрицаніе свободной печати, мотивируемое тѣмъ, что такая печать ведетъ къ «напраснымъ» жертвамъ! Рядомъ съ этимъ обнаружилось и принципіальное расхожденіе, дотолѣ незамѣтное для насъ въ ту пору повсемѣстнаго мрака, когда всѣ кошки сѣры. Пришлось браться за перо самимъ членамъ Группы.

Какъ бы то ни было, къ концу декабря 1891 года удалось оборудовать станокъ со всѣми принадлежностями, добыть шрифтъ, даже набрать двѣ прокламаціи; 1 января 1892 года все это было принесено въ частную квартиру, изъ которой на этотъ только день, подъ предлогомъ праздника, была удалена прислуга. Работали весь день, ночь и часть слѣдующаго дня непрерывно. Сначала дѣло долго не шло на ладъ. Работающіе не знали даже, что бумагу передъ печатаніемъ нужно мочить, и дошли до этого своимъ умомъ. Когда печатаніе кончилось (1000 + 625 листковъ), часть станка, менѣе цѣнная и оказавшаяся не вполнѣ приспособленной, была сожжена, все прочее тотчасъ разнесено съ квартиры.

Изъ двухъ прокламацій первая была составлена Н. К. Михайловскимъ. Вотъ она полностью:

Свободное Слово.

Милліоны голодныхъ простираютъ сытымъ руки за помощью; мы кладемъ въ эти простертыя руки гроши. Правительство принимаетъ разнообразныя, энергическія мѣры для предотвращенія бѣдствія: выдаютъ ссуды и вспомоществованія на продовольствіе, на обсѣмененіе полей, на прокормленіе скота; устанавливаются льгот-

ные тарифы на проѣздъ голодающихъ и движеніе хлѣбныхъ грузовъ; запрещается вывозъ хлѣба заграницу; предпринимаются общественныя работы; открывается пріемъ пожертвованій, учреждается особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ наслѣдника. Но отношеніе общества къ голоду остается вялымъ...

Правительство учреждаетъ наконецъ государственную лотерею, чтобы привлечь частныя средства на помощь голодающимъ, заинтересовавъ общество шансами выигрыша, возбудивъ въ немъ алчность. Такъ низко пали «потомки Минина и Пожарскаго», еще недавно не жалѣвшіе ни денегъ, ни своей крови на чужое дѣло освобожденія «славянскихъ братьевъ»! Или не братья наши стонутъ отъ горя, пухнутъ отъ болѣзни, умираютъ отъ голода? Или у насъ вмѣсто сердецъ карманы, изъ которыхъ можно вынуть пять рублей только въ обмѣнъ на надежду въ сто тысячъ?

Мы не вѣримъ въ эту низость русскаго общества. Билеты государственной лотереи будутъ раскуплены, но учрежденіе ея останется оскорбленіемъ, незаслуженно нанесеннымъ обществу рукою правительства. Не пять милліоновъ, которые получатся развращающимъ средствомъ государственной лотереи, дало бы общество, если бы былъ предоставленъ просторъ его лучшимъ, великодушнымъ чувствамъ. Чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ, а правительство боится развязать чистыя руки. Принимаемыя имъ чрезвычайныя мѣры показываютъ, что оно сознаетъ чрезвычайность бѣдствія. Не можетъ быть ничего тревожнѣе запрещенія вывоза хлѣба или учрежденія особаго комитета. Но въ то же время изъ опасенія тревоги печать не смѣетъ свободно говорить о размѣрахъ бѣдствія, и въ Петербургѣ запрещается публичное чтеніе о голодѣ корреспондента «Новостей» Михневича. Саратовскому губернатору, генералу Косичу, достаточно было заслужить довѣріе общества, чтобы получить другое назначеніе. Благотворительная дѣятельность семьи гр. Толстого ограждается только именемъ знаменитаго романиста. Открыто предлагаемая помощь отвергается, если предлагающіе требуютъ гарантіи, что помощь дойдетъ по назначенію. Люди, желающіе подавать милостыню, должны просить разрѣшенія и не всегда получаютъ его. Люди, желающіе кормить голодающихъ, должны почти тайкомъ пробираться въ деревню...

Правительство, вооруженное всѣми средствами усиленной охраны, наполнившее Сибирь и тюрьмы подозрительными людьми, боится революціонной пропаганды. Правительство, отнявшее у насъ всѣ реформы Александра II, лишившее общество участія въ государственной жизни, довело Россію до голода. Такое правительство не можетъ рѣшить предстоящую задачу своими силами. Бѣдствіе еще только начинается. Только съ весны обнаружатся его настоящіе размѣры потрясеніемъ всѣхъ основъ экономической жизни. Чѣмъ оно кончится, если правительство не измѣнитъ своихъ отношеній къ обществу, — государственнымъ банкротствомъ, новымъ терроромъ, политическимъ обезсиленіемъ и раздробленіемъ Россіи, народнымъ бунтомъ, потопленнымъ въ народной крови,—предвидѣть нельзя.

Но еще есть время...

Мы вѣримъ въ русскую землю. Мы вѣримъ, что она хранитъ въ себѣ достаточный запасъ силы. Спасеніе русской земли въ ней самой, а не въ министрахъ, генералъ-губернаторахъ и губернаторахъ...

Генералъ-губернаторы, министры и губернаторы привели Россію къ самому краю пропасти. Пора призвать другихъ людей. Только созывъ выборныхъ представителей земли и свободное обсужденіе настоящаго положенія разсѣютъ вялость и недовѣріе общества, сдѣлаютъ ненужными развращающія лотереи, вызовутъ энтузіазмъ самоотверженія, который всегда спасалъ Россію.

Январь, 1892 г.

Текстъ второй прокламаціи былъ написанъ А. А. Федуловымъ, затѣмъ подвергся передѣлкамъ и поправкамъ на общемъ собраніи Группы. Вотъ эта прокламація:

Отъ Группы Народовольцевъ.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ правительство и революціонеры, ставши лицомъ къ лицу, помѣрялись силами въ смертельной схваткѣ одинъ на одинъ. Общество смотрѣло на нее издали, лишь робко заявляя свое сочувствіе борцамъ за его же свободу, а народъ безмолвствовалъ... Революціонеры, увѣренные, что страна дѣйствительно жаждетъ свободы, сдѣлали тогда все, что было въ ихъ силахъ, чтобы только вывести свою родину на прямую дорогу. Для этого надо было устранить первую помѣху на пути развитія,—и съ невиданною энергіей они пошли прямо къ цѣли—къ устраненію самодержавія, — и устранили самодержца. Нѣсколько свободныхъ рѣчей въ печати, нѣсколько петицій отъ земствъ, да пожалуй общее втихомолку, про себя, сочувствіе революціонерамъ, и... общество малодушно смолкло.

Тогда съ сердечной болью за родину, со страхомъ за ея будущее, съ глубокой тоской по павшимъ товарищамъ, уцѣлѣвшіе революціонеры принуждены были отступить на шагъ и дать дорогу правительству.

Теперь ему ничто не мѣшало бы обнаружить свое стремленіе поднять хоть нѣсколько,—хотя бы постепенными реформами,—культурный уровень страны и тѣмъ на дѣлѣ проявить свою способность управлять ею. Вмѣсто этого правительство очертя голову пятило назадъ и народъ, и интеллигенцію. Бросивъ на произволъ судьбы народное благосостояніе и не допуская интеллигенціи къ народу, не давая ей возможности хоть сколько-нибудь послѣдовательно содѣйствовать росту культурности даже въ своей собственной средѣ, правительство только и предпринимало, не стѣсняясь никакими расходами, всевозможныя мѣры къ обузданію.

Держась только благодаря безкультурности народа, малокуль-

турности общества и малодушію интеллигенціи въ ея цѣломъ, опираясь на штыки и полицію, самодержавіе, этотъ анахронизмъ и историческая нелѣпица, производило надъ страной долгій, мучительный экспериментъ. Результаты его на лицо: народъ доведенъ до голода. Правительство, которому грозитъ финансовый крахъ, безсильно помочь ему даже временно. Общество, запуганное и отвыкшее интересоваться общественными вопросами, пока боязливо молчитъ...

Но чувство смятенія начинаетъ охватывать понемногу всѣхъ, недовольство грозитъ стать общимъ... Пора же положить конецъ произволу, пора прекратить дикое самоуправство правительства. Оно само себѣ подписываетъ смертный приговоръ, революціонеры силою вещей вызываются опять на историческую сцену: приходитъ, наконецъ, время, когда сами обстоятельства требуютъ отъ нихъ непосредственнаго вмѣшательства въ историческую жизнь страны. Надо быть имъ наготовѣ, насторожѣ...

Немедля поэтому,—въ провинціи и въ столицахъ,—вездѣ, гдѣ только есть люди революціонно настроенные, они должны сплотиться, съорганизоваться сначала въ мѣстныя группы, потомъ уже и въ одну общую,—должны теперь же озаботиться подготовленіемъ всѣхъ средствъ, какія только нужны для революціонной дѣятельности. Старые революціонеры, не измѣнившіе конечно революціонному дѣлу, могутъ съиграть въ этомъ, покамѣстъ организаціонномъ, движеніи большую роль: они должны взять на себя иниціативу дѣла. Рука объ руку съ ними будутъ дѣйствовать и всѣ тѣ, которые только и ждутъ того, чтобы вступить въ ряды революціонеровъ (реакція многихъ успѣла привести къ этому).

Настанетъ благопріятный моментъ для начала революціонной борьбы, и съорганизованная партія рѣшитъ тогда вступить въ открытую борьбу съ самодержавіемъ, руководимая мыслью о благѣ народномъ, волнуемая памятью о павшихъ революціонерахъ, завѣщавшихъ намъ бороться съ правительствомъ, биться до конца.

Январь, 1892 г.

Трудно, почти невозможно, выяснить теперь сколько-нибудь детально, какое впечатлѣніе произвело на публику содержаніе этихъ прокламацій. Но самый фактъ ихъ появленія заставилъ говорить о себѣ. Больше всего порадовала насъ замѣтка въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», куда листки были посланы съ надписью «для отзыва», въ замѣткѣ сообщалось о полученіи «мерзкаго листка», свидѣтельствующаго о томъ, что «гидра революціи поднимаетъ голову». Эти возраженія вошли тотчасъ въ нашъ разговорный обиходъ. Въ февральскомъ номерѣ «Вѣстника Европы» появилось стихотвореніе Жемчужникова, которое можно было истолковать, какъ привѣтствіе издателямъ листковъ. Заграницей, въ изданіи «Кружка старыхъ народовольцевъ» листки были перепечатаны (по поводу недавнихъ прокламацій. 6 марта 1892 года. Женева. Вольная русская типографія) съ прибавленіемъ статьи Ивана Сер-

гѣевскаго.—«Снова какъ будто проносится дыханіе революціи, и Россія пробуждается отъ сна. Жадно ловишь первые звуки протеста»,—писалъ Сергѣевскій.

Далѣе, по поводу листка, написаннаго Н. К. Михайловскимъ, Сергѣевскій говоритъ: «Уже то обстоятельство, что русскіе либералы обращаются къ вольному станку въ странѣ произвола, заставляетъ насъ предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ людьми серьезными и убѣжденными. Но какъ жаль, что содержаніе ихъ прокламаціи остается позади революціоннаго факта напечатанія ея безъ разрѣшенія цензора».

По поводу второго листка Сергѣевскій говоритъ: «Наши товарищи не даромъ, конечно, назвали себя народовольцами. Народная Воля вошла въ русскую исторію не только партіей революціонной, но и соціалистической... Только вялостью политической борьбы въ современной Россіи мы и можемъ объяснить, что группа нашихъ товарищей подчеркиваетъ именно борьбу съ самодержавіемъ... и оставляетъ въ тѣни борьбу съ современнымъ экономическимъ строемъ во имя соціализма».

Отношенія между Группой и Н. К. Михайловскимъ скоро прекратились. По поводу перваго листка Михайловскій выразилъ двойное неудовольствіе: во первыхъ, была по оплошности пропущена одна малозначущая фраза; во вторыхъ, одновременно, тѣми же техническими средствами, изданъ листокъ отъ имени народовольцевъ, чѣмъ устанавливается компрометирующая авторовъ Свободнаго Слова политическая связь. Однако, Михайловскій доставилъ въ маѣ еще второй листокъ, начинающійся словами: «Высочайшимъ указомъ, даннымъ на имя Правительствующаго Сената, голодъ считается прекратившимся». Членамъ Группы показалось зазорнымъ набирать своими руками такую казенную фразу, они предложили варіантъ: «По царскому повелѣнію голодъ считается прекратившимся». Михайловскій не согласился ни на какія измѣненія, и прекратилъ сношенія. Возможно, что на него повліяли въ этомъ рѣшеніи и обѣщанія членовъ болѣе умѣренной, возникавшей тогда, такъ называемой «партіи Народнаго Права».

Одной изъ первыхъ заботъ Группы было разсѣять глубоко укоренившійся въ публикѣ взглядъ на народовольчество, какъ на теченіе исключительно террористическое. Съ этою цѣлью была переиздана на изобрѣтенномъ студентами «черномъ гектографѣ» брошюра «Подготовительная работа партіи». Стали подумывать и о переизданіи «Программы Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли».

Въ это же время (въ февралѣ 1892 г.) получено было отъ извѣстнаго литератора и статистика Николая Михайловича Астырева предложеніе издать рядъ писемъ къ крестьянамъ по поводу голода. Предложеніе было принято, проектъ перваго письма одобренъ съ небольшими сокращеніями.

Въ концѣ февраля была налажена квартира для печатанія приблизительно въ теченіе мѣсяца. На самомъ дѣлѣ работали около

трехъ недѣль. Маленькій техническій опытъ уже имѣлся, и потому дѣло пошло на ладъ, насколько оно могло ладиться въ неумѣлыхъ рукахъ, при первобытныхъ техническихъ средствахъ. Были отпечатаны:

1) «Народовольческая Программа» (около 1000 экз.). Программѣ предпослано нѣсколько словъ отъ издателей. Объяснено, что подъ этимъ заглавіемъ Группа Народовольцевъ издаетъ принятую ею Программу Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли съ нѣкоторыми измѣненіями, «обусловленными временемъ», но «не измѣняя основныхъ принциповъ народовольчества». «Выполнить эту программу въ *цѣломъ*,—говорится далѣе,—пользуясь *всѣми* средствами революціонной борьбы—дѣло, конечно, *партіи*, а не группы... До сихъ поръ еще смѣшиваютъ народовольчество съ терроризмомъ. Между тѣмъ, какъ можно видѣть и изъ программы, надо отличать народовольчество вообще, какъ оно опредѣляется *принципіально*, отъ тѣхъ формъ, въ которыя оно можетъ вылиться при извѣстныхъ обстоятельствахъ». На самомъ дѣлѣ программа претерпѣла измѣненія именно въ своей принципіальной части. Въ первой же фразѣ: «по основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы соціалисты и народники»—были выкинуты слова «и народники». Не имѣя въ рукахъ подлинниковъ обѣихъ программъ, я не могу послѣдовательно выяснить всѣ измѣненія, которыя, по мнѣнію Группы, были «обусловлены временемъ». Но общій характеръ измѣненій,—ослабленіе специфически-народническаго духа программы,—виденъ уже изъ приведеннаго мною примѣра передѣлки первой фразы.

2) «Первое письмо къ голодающимъ крестьянамъ»,—составленное Астыревымъ (около 1800 экз.). Письмо довольно длинное, разъяснительнаго характера, написанное очень простымъ, популярнымъ языкомъ: подписано: «Мужицкіе доброхоты». Это первое письмо было и послѣднимъ, такъ какъ въ апрѣлѣ Астыревъ былъ арестованъ. Его продержали въ тюрьмѣ около 4 лѣтъ и освободили только послѣ удостовѣренія врачей о безнадежномъ состояніи здоровья. Черезъ мѣсяцъ-два по освобожденіи Николай Михайловичъ скончался въ Москвѣ отъ гипертрофіи сердца.

3) «Письмо къ молодежи» (500 экз.), составленное А. А. Федуловымъ. Это—горячо написанный призывъ организоваться подъ знаменемъ Народной Воли.

Эта вторая серія была первоначально распространена въ Ростовѣ на Дону, Харьковѣ и Москвѣ, а потомъ уже въ Петербургѣ. Довольно значительный транспортъ былъ захваченъ въ Москвѣ при арестѣ Астырева.

Группа стала готовиться къ лѣтней «типографской кампаніи». Но время шло, а литературныхъ матеріаловъ не поступало. Не было и хроники для задуманной газеты. Пришлось браться за перо кому-нибудь изъ членовъ самой Группы. Всѣ надежды были возложены на А. А. Федулова, уже испробовавшаго свои силы на двухъ прокламаціяхъ. Онъ поневолѣ взялся за перо. Лѣтомъ былъ отпечатанъ «Летучій Листокъ Группы Народовольцевъ». Онъ за-

ключалъ въ себѣ всего три статьи; но по размѣрамъ каждая статья могла бы быть изданной въ видѣ отдѣльной брошюры. Первая и третья статьи были написаны А. А. Федуловымъ, вторая—доставлена со стороны. Авторъ ея—статистикъ П—ъ. Она была написана въ умѣренно-либеральномъ тонѣ, съ преклоненіемъ передъ Лорисъ-Меликовымъ, съ отрицательнымъ отношеніемъ къ «крайнимъ партіямъ», какъ выражался авторъ. но главнымъ ея содержаніемъ была критика правительственной политики, и Группа нашла возможнымъ напечатать ее, вытравивши по возможности политически-умѣренный духъ. Въ публикѣ имѣла успѣхъ какъ разъ только именно эта статья. Листокъ въ цѣломъ былъ принятъ довольно холодно. Что касается П—а, то, какъ курьезъ, можно отмѣтить, что онъ, по его выраженію, «не замѣтилъ» особенно большой передѣлки своей статьи.

Осень и зиму 1892—3 гг. типографія бездѣйствовала за отсутствіемъ матеріала, силъ и средствъ для печатанія. Только въ апрѣлѣ было приступлено къ печатанію № 2 «Летучаго Листка». Онъ былъ помѣченъ днемъ пролетарскаго праздника 1 мая; предполагалось выпустить номеръ именно къ этому дню. Но полицейская тревога,—случайный арестъ одного лица,—вынудила оборвать печатаніе на срединѣ номера. Возобновить работу удалось только въ іюнѣ, а отпечатанный номеръ былъ распространенъ въ іюлѣ (первоначально въ Москвѣ, Рязани, Кіевѣ и Одессѣ). Лѣтомъ же отпечатаны двѣ брошюры: «Александръ III (къ десятилѣтію коронаціи)» и «Братцы-товарищи». Обѣ брошюры, хотя и напечатаны лѣтомъ, но помѣчены октябремъ,—и только въ этомъ мѣсяцѣ были распространены (первоначально въ Н. Новгородѣ, Орлѣ, Кіевѣ и Воронежѣ). Брошюра объ Александрѣ III написана литераторомъ, опубликованіе имени котораго пока несвоевременно. «Братцы-товарищи» составилъ рабочій К—ъ, впослѣдствіи попавшій въ ссылку. Обѣ брошюры были встрѣчены публикой сочувственно.

Это были послѣднія изданія, вышедшія изъ типографіи Группы перваго періода (до большихъ арестовъ въ апрѣлѣ 1894 года). Самая типографія въ 1894 году арестована не была. Группа обновленнаго состава завела новую технику, а старая хранилась про запасъ до 1896 года, когда и та и другая попала въ руки полиціи.

VI

Мѣры предосторожности. Арестъ. Приговоръ.

Я уже упоминалъ, что постановка нелегальной типографіи въ Россіи была для того времени дѣломъ исключительной важности,—можно даже сказать, дѣломъ новымъ. Публика успѣла совсѣмъ отвыкнуть отъ свободнаго печатнаго слова. Постановка типографіи считалась дѣломъ безнадежнымъ при данныхъ полицейскихъ усло-

віяхъ. Тѣмъ сильнѣе должно было быть впечатлѣніе отъ первыхъ листковъ и на публику, и на полицію. Слѣдовало ожидать, что Департаментъ Полиціи сосредоточитъ главное свое вниманіе на поискахъ типографіи. Найти ее казалось не труднымъ, такъ какъ въ рукахъ Департамента имѣлся огромный сыскной аппаратъ, сохранившійся отъ временъ Народной Воли, а количество революціонной публики было теперь ничтожно до смѣшного, каждый революціонеръ былъ на виду. Были на виду у полиціи и всѣ члены Группы. Всѣ они были еще ранѣе политически скомпрометированы, привлекались по тому или иному дѣлу. Переходъ на нелегальное положеніе былъ для нихъ невозможенъ по недостатку средствъ и связей и по отсутствію паспортовъ. Приходилось, такимъ образомъ, работать подъ самымъ носомъ полиціи. Съ другой стороны, было важно продержаться какъ можно дальше, чтобы разсѣять прочно укоренившееся представленіе о полицейскомъ всевѣдѣніи и всемогуществѣ. Не стану подробно описывать всѣ мѣры предосторожности, принимавшіяся Группой. Отмѣчу два основныхъ принципа, проводившихся въ интересахъ безопасности.

Во-первыхъ, было положено то правило, что чѣмъ *опаснѣе* работа (независимо отъ ея важности) тѣмъ обязательнѣе, чтобы ее исполняли сами члены центральной Группы. Изъ этого вытекало второе правило: «имѣть какъ можно меньше пособниковъ, исполнителей, укрывателей и т. п.» Добываніе шрифта, краски, бумаги, перевозка и переноска типографскихъ принадлежностей, печатаніе, — все это исполнялось по возможности самими членами Группы.

Во-вторыхъ, было обращено особенное вниманіе на такъ называемыхъ «революціонныхъ сплетниковъ». Это—типъ людей, которые сами дѣла не дѣлаютъ, но интересъ жизни которыхъ—собираніе и распространеніе интересныхъ новостей изъ подпольнаго міра. Бывшій префектъ полиціи въ Парижѣ Андріе разсказываетъ, что наибольшія услуги дѣлу сыска оказываютъ не агенты, состоящіе на жалованьи, а безсознательные агенты, разносящіе новости изъ безкорыстнаго любопытства. Полиціи, имѣющей связи съ безсознательными агентами (а добыть такія связи легче всего), остается только выслушивать отвѣты на вопросъ «что новаго?» и жать, гдѣ не сѣяла. Группа старалась выяснить себѣ наличныхъ «революціонныхъ сплетниковъ» и принимала противъ нихъ самыя строгія мѣры предосторожности.

И эти мѣры были не напрасны. Нужно было видѣть петербургскую интеллигенцію въ январѣ—февралѣ 1892 года, чтобы понять глубокую вѣрность замѣчаній Андріе о безсознательныхъ сыщикахъ! Точно муравьи изъ потревоженнаго муравейника, забѣгала публика изъ дома въ домъ, учиняя самый тщательный сыскъ, собирая улики, то нападая на слѣдъ, то теряя его. Было въ высшей степени забавно слушать, когда не подозрѣвающій правды «революціонный сплетникъ» передавалъ члену Группы «самую послѣднюю», «самую достовѣрную» новость, о мѣстонахожденіи типографіи и

о составѣ Группы [1]). Но комичность, въ данномъ случаѣ, положенія сплетниковъ не должна замѣтять ихъ дѣйствительной роли въ революціонномъ движеніи.

Когда прошелъ первый угаръ добровольческаго сыска, не давши никакихъ результатовъ, стали обнаруживаться попытки раскрыть составъ Группы посредствомъ спеціальныхъ пріемовъ: предложеній, спроса, слуховъ. Укажу на примѣрахъ сущность этихъ пріемовъ.

Предложенія. Предлагалась обыкновенно какая-нибудь спеціальная услуга,—шрифтомъ, деньгами и т. под. Предлагающій ищетъ человѣка, который могъ бы «передать». Лицамъ, имѣвшимъ дѣло съ Группой, было поручено никогда не принимать такихъ предложеній, не снесшись предварительно съ членами организаціи. Разскажу одинъ случай. Студентъ Т., пользовавшійся репутаціей милаго, честнаго, но немного легкомысленнаго товарища, дѣлая предложенія на право и на лѣво, между прочимъ наталкивается и на членовъ организаціи:

— У меня есть источникъ для добыванія шрифта,—говоритъ онъ,—не имѣете ли связей съ Группой? У нея очевидно мало шрифта.

— Къ сожалѣнію, не имѣю,—отвѣчаетъ членъ организаціи.

Черезъ недѣлю кромѣ шрифта предлагается уже и американскій станокъ, а еще черезъ недѣлю, уже другому члену организаціи, Т. сообщаетъ, что образовался кружокъ для изданія нелегальной литературы, что у кружка уже есть 500 р., которые онъ хотѣлъ бы передать Группѣ.

По обстоятельствамъ оказалось возможнымъ сдѣлать провѣрку. Съ общаго согласія Группы студенту Т. одинъ изъ его знакомыхъ отвѣтилъ, что онъ имѣетъ возможность передать деньги. Тогда Т. ударилъ отбой: встрѣтились затрудненія, понадобилась отсрочка, деньги оказалось возможнымъ дать только въ долгъ и т. д. Вскорѣ выяснилось, что близкій родственникъ Т. служитъ въ охранкѣ.

Спросъ. Агентъ полиціи черезъ своего безсознательнаго пособника предъявляетъ систематическій и значительный спросъ на литературу. Предполагается, «что слѣдя за передатчикомъ и его знакомыми, можно дойти до центральнаго склада. Если принято оплачивать литературу, то агентъ старается взять ее въ долгъ. При нѣкоторомъ вниманіи возможно бываетъ открыть, дѣйствительно ли литература, идущая черезъ данное лицо, распространяется въ публикѣ, или же она поступаетъ непосредственно въ полицейскій архивъ. Усиленный спросъ практиковалъ, между прочимъ, провокаторъ Кузкинъ, но въ силу особыхъ условій склада не могъ выяснить его мѣстонахожденія.

---

[1]) Въ наши дни (1906 г.) роль революціонныхъ сплетниковъ и безсознательныхъ агентовъ, по слухамъ, довольно успѣшно исполняется газетными хроникерами. Говорятъ, что нелегальнымъ организаціямъ постоянно приходится бороться съ этимъ родомъ политическаго сыска.

Слухи. Сенсаціонные ложные слухи пускаются однимъ изъ агентовъ; другимъ агентамъ поручается «ловить» эти слухи. По быстротѣ передачи и источнику пойманнаго слуха можно устанавливать связи. Напримѣръ, полиція не могла установить интеллигентовъ, съ которыми имѣла связь Н. А. Григорьева, обойденная провокаторомъ Штр—номъ. Григорьеву ночью арестуютъ, приводятъ въ участокъ. Приставъ оставляетъ комнату, «забывши» на столѣ телеграмму: «изъ-за границы имѣютъ прибыть революціонеры Иванъ Чугуновъ и Елена Корнѣева; обыскать и арестовать.» Затѣмъ Григорьеву отпускаютъ. Она должна конечно сообщить о телеграммѣ интеллигентамъ, тѣ будутъ всѣхъ предупреждать о грозящемъ арестѣ. Шпіоны среди интеллигенціи поймаютъ слухъ и установятъ, съ кѣмъ знакома Григорьева. Группѣ былъ извѣстенъ этотъ пріемъ, и продѣлка полиціи не дала въ данномъ случаѣ результатовъ.

Благодаря принятымъ предосторожностямъ Группа оставалась неоткрытой въ теченіе двухъ лѣтъ, хотя и вела интенсивную работу среди рабочихъ, привлекая все новыя интеллигентныя силы. Около Рождества 1893 года черезъ центральный рабочій кружокъ былъ полученъ кружокъ саморазвитія, во главѣ котораго сталъ провокаторъ, впослѣдствіи распубликованный, маляръ изъ Новаго Адмиралтейства Вас. Кузмичъ Кузкинъ. Онъ объявилъ себя старымъ народовольцемъ, познакомился съ другимъ пожилымъ рабочимъ, бывшимъ ссыльнымъ, провокаторомъ Боб-ымъ (за Невской Заставой). Оба они довольно быстро вошли въ довѣріе молодежи; пришлось и мнѣ сталкиваться съ ними. Такимъ образомъ интеллигентскій кружокъ (если прибавить вышеупомянутаго шпіона Штр-на, съ Выборгской стороны) оказался окруженъ довольно тѣснымъ кольцомъ провокаторовъ. Началась усиленная слѣжка въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. 21 апрѣля произведены массовые аресты, но наиболѣе близкій къ Кузкину студентъ Борисъ Львовичъ Зотовъ началъ «возстановлять связи.» Въ маѣ произведены дополнительные аресты, въ томъ числѣ и Зотова.

Ни типографія, ни складъ не были найдены.

На дознаніи вопросъ о Группѣ Народовольцевъ вовсе не фигурировалъ. Арестованные обвинялись только въ пропагандѣ среди рабочихъ и въ изданіи гектографированнаго Рабочаго Сборника. Приговоры по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ не находились ни въ какомъ соотвѣтствіи съ ихъ ролью въ организаціи, хотя городскіе сплетники сильно помогали полиціи, всюду распространяя слухи, что арестована именно Группа. Въ связи, очевидно, съ этими сплетнями или на основаніи ихъ въ заграничныхъ изданіяхъ дважды фигурировала моя фамилія, оба раза съ сообщеніемъ ложныхъ фактовъ.

Въ брошюрѣ Бахарева «Какъ держать себя на допросахъ» мнѣ, «главѣ» народовольцевъ, приписывается черезчуръ снисходительное отношеніе къ дачѣ молодежью компрометирующихъ показаній на допросахъ. Это облыжное обвиненіе тѣмъ менѣе основа-

тельно, что какъ разъ воспоминаніе о поведеніи молодежи въ нашемъ дѣлѣ являлось для меня постояннымъ предметомъ гордости и утѣшенія въ долгіе дни одиночки. *Вся внутренняя жизнь организаціи осталась нераскрытой.* Если и были случаи излишнихъ показаній, то только со стороны лицъ, хотя и работавшихъ, но еще не введенныхъ ни въ Группу, ни въ кружокъ для занятій съ рабочими. Одинъ студентъ—первокурсникъ, очень хорошій, но очень молодой и неопытный человѣкъ, далъ правда лишнія показанія обо мнѣ, но потомъ по собственной иниціативѣ взялъ эти показанія обратно. По переводѣ моемъ изъ крѣпости въ Д. П. З. онъ тотчасъ написалъ мнѣ объ этомъ, страшно мучимый упреками совѣсти и опасеніями,—не повредилъ ли онъ мнѣ. Мнѣ онъ дѣйствительно не могъ повредить, а самостоятельное взятіе показаній обратно достаточно характеризовало его нравственную личность. Мнѣ только и оставалось, что всячески успокоить измученнаго одиночкой и угрызеніями совѣсти товарища. Обобщать этотъ фактъ, выводить заключеніе о снисходительномъ вообще отношеній къ дачѣ показаній нѣтъ основаній.

Другой разъ, въ брошюрѣ Акимова «Очерки изъ исторіи соціалъ-демократіи въ Россіи», мнѣ приписывается руководящая роль въ Группѣ. По совѣсти не могу принять на себя этого комплимента. Играть руководящую роль въ глазахъ полиціи—вовсе не значитъ играть таковую въ дѣйствительности.

Черезъ 21 мѣсяцъ по арестѣ, 24 января 1896 года послѣдовалъ въ административномъ порядкѣ приговоръ по нашему дѣлу. Изъ массы арестованныхъ я могу припомнить только слѣдующихъ лицъ.

1) Зотовъ Борисъ Львовичъ, братъ казненнаго въ Якутскѣ, студентъ университета IV курса, сотрудникъ «Русскаго Богатства» (въ библіографическомъ отдѣлѣ). Умеръ до приговора отъ чахотки.

2) Ивановъ Константинъ Николаевичъ, студентъ-технологъ. Сосланъ въ Вилюйскъ на 8 лѣтъ. Къ организаціи не принадлежалъ: не задолго до арестовъ первый разъ пошелъ познакомиться съ рабочими.—Изъ Вилюйскаго округа бѣжалъ (первый въ исторіи удачный побѣгъ изъ тѣхъ мѣстъ); примкнулъ къ соціалъ-революціонерамъ; случайно арестованъ въ Харьковѣ, возвращенъ въ 1902 году въ Вилюйскъ. Отличался физической силой и выносливостью, и умеръ въ Якутскѣ отъ случайной болѣзни.

3) Окольскій Викторъ, студентъ-технологъ. Къ организаціи не принадлежалъ, съ рабочими не занимался. Не знаю, въ чемъ онъ обвинялся; я въ первый разъ увидѣлъ его только въ ссылкѣ, въ Якутскѣ, куда онъ былъ отправленъ на 8 лѣтъ.

4) Бѣлецкій Николай Георгіевичъ, студентъ-медикъ, членъ «рабочаго» кружка, благополучно отбылъ свои 8 лѣтъ ссылки въ Якутскую область (Вилюйскъ).

5) Сущинскій Михаилъ Гавриловичъ, членъ «рабочаго» кружка, студентъ-медикъ, сосланъ на 8 лѣтъ въ Киренскъ; бѣжалъ, аре-

стованъ на границѣ, не открылъ своего имени, возвращенъ въ Сибирь, какъ уголовный; вновь бѣжалъ съ дороги изъ-подъ стражи, жилъ въ Женевѣ и Парижѣ.

6) Браудо Василій Исаичъ,—окончившій университетъ, арестованъ черезъ годъ послѣ нашего ареста. Получилъ 8 лѣтъ Восточной Сибири. Съ пути (изъ Иркутска) возвращенъ въ Петербургъ въ виду новыхъ обвиненій (Гр. Нар. второго періода, иначе—дѣло Лахтинской типографіи). Его продержали еще два года въ тюрьмѣ, затѣмъ повторили приговоръ—8 лѣтъ. Отбывалъ ссылку въ Олекминскѣ, частью въ Киренскѣ и въ Енис. губ. Въ началѣ 1906 года вновь арестованъ въ редакціи газеты Новая Жизнь, въ іюлѣ выпущенъ на поруки.

7) Федуловъ Александръ Александровичъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Группы, освобожденъ за отсутствіемъ уликъ въ декабрѣ 1895 г., работалъ въ Группѣ второго періода, эмигрировалъ передъ арестомъ Лахтинской типографіи весной 1896 года. Бывшій студентъ.

8) Келлеръ Максимъ, студ. ун., занимался съ рабочими, ссылка въ Арх. губ. на 5 лѣтъ.

9) Галецкій—студентъ-медикъ, ссылка въ Арх. губ. на 5 лѣтъ. Въ организаціи не работалъ, былъ знакомъ только съ товарищами по академіи Сущинскимъ и Бѣлецкимъ, жилъ съ ними у одной квартирной хозяйки. Въ чемъ могли его обвинить—не понимаю.

10) Крамеръ—о немъ приходится повторить все тоже, что сказано о Галецкомъ.

11) Никитинскіе, братья, Александръ и Андрей Ив., студенты университета. Пять лѣтъ ссылки въ Арх. губ. Въ чемъ обвинялись, не знаю.

12) Скабичевскій Александръ Александровичъ, сынъ писателя, студентъ университета; пять лѣтъ Енисейской губерніи.

13) Чермакъ Левъ Карловичъ, завѣдующій статистикой Петербургскаго Губ. Земства: ссылка на три года въ Степной край. Вновь арестованъ въ Омскѣ въ 1903 году по приказанію ген.-губ. Сухотина; дѣло кончилось ничѣмъ.

14) Александровъ Мих. Степ., земскій статистикъ; обвинялся въ пропагандѣ среди рабочихъ и въ привлеченіи молодежи къ этому дѣлу. Приговоръ: три года тюрьмы и 5 лѣтъ Восточной Сибири (Олекминскъ).

15) Александрова Екат. Мих. Приговоръ: 5 лѣтъ Вологод. губ. (Сольвычегодскъ).

16) Фаддѣевъ Александръ Ив., крестьянинъ; 5 лѣтъ Архангельской губерніи.

17) Григорьева Наталья Александровна, швея; 5 лѣтъ Енисейской губ. (село Казачинское).

Всего по нашему дѣлу было арестовано сотни двѣ людей, привлечено, какъ говорили, 64 человѣка. Изъ этихъ 64 приблизительно двѣ трети не имѣли никакого отношенія къ организаціи; множе-

ство фамилій я услышалъ въ первый разъ на допросахъ. Что касается провинціальныхъ связей, то ни одна изъ нихъ не была открыта, ни одинъ человѣкъ не былъ арестованъ.

Изъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ Группѣ, но не арестованныхъ по нашему дѣлу, могу назвать теперь только троихъ.

1) Фрелихъ Ник. Ник., присяжный повѣренный изъ Нижняго Новгорода, членъ Группы. Впослѣдствіи арестованъ по другому дѣлу, отбылъ 5 лѣтъ Восточной Сибири. Умеръ въ 1905 году въ Крыму.

2) Фейтъ Андрей Юльевичъ, врачъ. Арестованъ по дѣлу Группы Народовольцевъ (періодъ Лахтинской типографіи) въ 1896 году, получилъ 2 года тюрьмы и 8 лѣтъ Восточной Сибири (Киренскъ, Забайкалье). Въ декабрѣ 1905 вновь арестованъ въ Петербургѣ, въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ. Лѣтомъ 1906 г. освобожденъ, въ августѣ опять арестованъ.

3) Ергинъ Алекс. Александровичъ, окончилъ СПБ. Ун.; арестованъ въ декабрѣ 1895 г. (соц.демократы, такъ называемые «декабристы»). Затѣмъ привлеченъ къ дѣлу Лахтинской типографіи. Приговоръ: 2 года тюрьмы (съ зачетомъ части предварительнаго заключенія) и 8 лѣтъ Восточной Сибири.

Вотъ все, что я считаю возможнымъ въ настоящее время сказать о лицахъ, работавшихъ въ Группѣ или обвиненныхъ въ принадлежности къ организаціи. О прочемъ лучше помолчать, памятуя, что россійская амнистія, какъ и россійская конституція, носятъ самобытный характеръ.

М. С. Александровъ.

„Дѣло о замѣчаніи, сдѣланномъ коллежскому секретарю Александру Пушкину въ неприличномъ поступкѣ въ Каменномъ театрѣ“.

1818—1819 гг.

На 3 листахъ.

Приводимъ со всевозможной точностью неизданное до сихъ поръ «дѣло» о Пушкинѣ, заглавіе котораго выписано выше. «Дѣло» состоитъ всего изъ двухъ бумагъ. Первая адресована с.петербургскимъ полицеймейстеромъ Горголи къ управлявшему въ то время Иностранной Коллегіей совѣтнику коллегіи П. Я. Убри, непосредственному начальнику по службѣ Пушкина. Вторая бумага представляетъ отвѣтъ Убри полицеймейстеру. Первое отношеніе находится въ «дѣлѣ» въ подлинникѣ, второе—въ такъ называемомъ «отпускѣ» или черновикѣ.

П. Щ.

I.

Милостивый государь мой

Петръ Яковлевичь!

20-го числа сего мѣсяца служащій въ Иностранной Коллегіи Переводчикомъ Пушкинъ бывъ въ каменномъ театре въ Большомъ Бенуарѣ во-время Антракту пришелъ изъ онаго въ креслы и проходя между рядовъ креселъ остановился противъ сидѣвшаго Коллежскаго Советника Перевощикова съ женою, почему Г. Перевощиковъ просилъ его проходить далѣе, но Пушкинъ принявъ сіе за обиду наделалъ ему грубости и выбранилъ его неприличными словами.

О поступке его уведомляя Ваше превосходительство,—съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
покорный слуга

Иванъ Горголи.

№ 15001
23 Декабря 1818 г.
Его Пре—ву П. Я.
Убри.

Вверху, карандашемъ, рукою Убри написано:
„*J'ai parlé à M. Pouschkin et je l'ai pressé de se moderer a l'avenir ce qu' il a promis*“.

II.

Горголи. Отъ П. Я. Убри.

М. Г. мой Иванъ Савичь!

Въ слѣдствіе отношенія Вашего Превосходительства отъ 23-го минувшаго декабря подъ № 15001. Я не оставилъ сдѣлать строгое замѣчаніе служащему въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Пушкину на счетъ неприличнаго поступка его съ Коллежскимъ Совѣтникомъ Перевощиковымъ, съ тѣмъ, чтобы онъ воздержался впредь отъ подобныхъ поступковъ; въ чемъ и далъ онъ мнѣ обѣщаніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою

Петръ Убри.

№ 64.
Генваря 9 дня
1818 г.

Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу (193-хъ).

(Продолженіе [1])

VII.

Кружки московскіе и провинціальные.

Изъ кружковъ, возникшихъ или преобразовавшихся подъ вліяніемъ движенія въ Москвѣ и провинціи скажу нѣсколько словъ о пяти слѣдующихъ: Московскомъ, Кіевскомъ, Одесскомъ, Самарскомъ и Харьковскомъ.

Въ Москвѣ съ давнихъ поръ существовали радикалы, которые до извѣстной степени подготовили въ студенчествѣ почву для революціонной пропаганды. Александръ Васильевичъ Долгушинъ старался и въ извѣстной мѣрѣ успѣлъ утилизировать Московскій радикализмъ для новаго рода дѣятельности—революціонной пропаганды въ народѣ. Изъ Петербурга онъ перенесъ свою штабъ-квартиру въ Москву, имѣлъ близкія отношенія съ тамошними радикалами и привлекъ одного изъ нихъ—Гамова—въ свою среду.

Кстати замѣчу здѣсь, что въ настоящемъ очеркѣ я не имѣю намѣренія описывать дѣятельность Долгушинцевъ, которые въ своей революціонной дѣятельности практиковали почти такіе-же пріемы, какъ и участники большого процесса. Долгушинцы не дожили до начала широкаго движенія молодежи (сидѣли въ тюрьмѣ) и потому не могли принять въ немъ участія. Они года на два на три опередили движеніе и были какъ-бы піонерами новаго рода революціонной дѣятельности, но не только не всколыхнули молодежи, но ушли на работу почти не замѣченные ею. На одной почвѣ, питаясь одними и тѣми-же соками, произрастаетъ много отдѣльныхъ стебельковъ; одни изъ нихъ, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ причинъ, созрѣваютъ раньше, но этимъ не оказываютъ никакого вліянія на остальныя растеньица, приносящія плодъ въ предназначенное имъ время. Такъ и Долгушинцы были первыми колосьями на нивѣ народнической интеллигенціи, которая продолжала созрѣвать совершенно самостоятельно.

---

[1]) См. „Былое“, Октябрь.

Къ концу 1873 года мы застаемъ московскую молодежь, вращающейся главнымъ образомъ около двухъ центровъ — университета и Петровской земледѣльческой академіи. Первая изъ этихъ группъ состояла не изъ однихъ студентовъ университета и раньше стала принимать опредѣленную физіономію, соотвѣтствующую духу времени. Это была довольно обширная группа, въ которой можно было прослѣдить вліяніе прежняго радикализма. Въ ней перебывало нѣсколько видныхъ дѣятелей изъ Чайковцевъ, болѣе всего Клеменсъ и Кравчинскій; Войнаральскій былъ въ довольно близкихъ съ ней отношеніяхъ. Нѣкоторые изъ Петровцевъ также принимали въ ней участіе, напр. Аносовъ и Фроленко, извѣстный впослѣдствіи народоволецъ. Изъ этой группы, съ участіемъ нѣсколькихъ постороннихъ ей лицъ, образовался революціонный кружокъ для пропаганды въ народѣ. Въ кружкѣ между прочими были: братья Аркадакскіе, Николай Алексѣевичъ Саблинъ, застрѣлившійся въ мартѣ 1881 года, Николай Александровичъ Морозовъ, въ то время талантливый юноша, только что окончившій гимназію, впослѣдствіи извѣстный шлиссельбуржецъ, и Олимпіада Григорьевна Алексѣева. Подъ вліяніемъ пропаганды Чайковцевъ кружокъ намѣтилъ себѣ первоначальную, довольно умѣренную программу, признавая главною цѣлью движенія въ народѣ ознакомленіе со средою и подготовку себя къ дальнѣйшей дѣятельности. Попытки анархистовъ толкнуть кружокъ къ болѣе активной дѣятельности потерпѣли полное фіаско.

Изъ членовъ кружка Саблинъ, Морозовъ и Алексѣева проживали одно время въ Ярославской губерніи въ мастерской, устроенной въ деревнѣ Иванчинымъ-Писаревымъ. Здѣсь они вмѣстѣ съ докторомъ Добровольскимъ и Потоцкою занимались и революціонною пропагандою среди крестьянъ.

Петровская земледѣльческая академія уже въ семидесятыхъ годахъ имѣла репутацію самаго оппозиціоннаго изъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ ней сохранялась память о Нечаевѣ и революціонерахъ, вышедшихъ изъ ея среды. Студенты пользовались относительной свободой; общежитіе при академіи укрѣпляло связи между студентами, будучи мѣстомъ, въ которомъ они могли свободно собираться. Въ немъ при случаѣ могли находить убѣжище и пріѣзжіе агитаторы. При этихъ условіяхъ начавшееся революціонное движеніе не могло не затронуть сравнительно большого числа студентовъ. Оно между прочимъ коснулось и студента Богусскаго, единственнаго поляка [1]), принимавшаго нѣкоторое участіе въ движеніи. Агитаторы задумывались о привлеченіи въ революціонную среду студентовъ-поляковъ, обучавшихся въ русскихъ университетахъ, но вслѣдствіе отчужденности польскихъ кружковъ не могли получить къ нимъ доступа. Изъ обвинительнаго акта видно, что упомянутый выше Богусскій условливался съ Коваликомъ о

---

[1]) Если не считать Студзинскаго, не принадлежавшаго къ польскимъ кружкамъ и выступившаго нѣсколько позднѣе.

напечатаніи прокламаціи къ полякамъ, очевидно съ цѣлью привлеченія ихъ къ революціонному движенію.

Петровскую академію посѣщали агитаторы изъ болѣе видныхъ петербургскихъ кружковъ. Анархисты имѣли здѣсь болѣе успѣха, чѣмъ въ описанной выше группѣ. Изъ мѣстныхъ дѣятелей наиболѣе видными были Фроленко и Аносовъ. Послѣ ряда собраній, происходившихъ въ общежитіи, сталъ формироваться кружокъ, въ которомъ между прочимъ приняли участіе кромѣ упомянутаго Николая Михайловича Аносова, студенты: Алексѣй Егоровичъ Знаменскій, Александръ Андреевичъ Малиновскій, Михаилъ Гавриловичъ Соловцовскій и умершіе вскорѣ Цвѣтковъ и Дружининъ.

Михаилъ Федоровичъ Фроленко проявлялъ уже тогда большую активность и кажется одинъ изъ всѣхъ москвичей не замыкался въ тѣсныя рамки мѣстнаго кружка, а принималъ участіе въ организаціи движенія и въ другихъ городахъ. Такъ онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ кіевскимъ кружкомъ Мокріевича, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Остальные члены кружка ушли въ народъ для пропаганды и были арестованы на мѣстахъ своей дѣятельности.

Оба московскіе кружка имѣли близкія отношенія съ Войнаральскимъ, работали въ мастерской, устроенной имъ и нѣкоторые въ типографіи Мышкина.

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ, начавшій свою революціонную дѣятельность въ Москвѣ, открылъ первоначально вмѣстѣ съ нѣкіимъ Вильдэ, а потомъ, весною 1874 года отдѣльно, при помощи Войнаральскаго, типографію, въ которой печатались въ большомъ числѣ революціонныя изданія и разныя запрещенныя книги. Въ типографіи работали студенты и преимущественно интеллигентныя женщины, принимавшіе участіе въ революціонномъ движеніи. Поэтому типографія являлась какъ-бы третьимъ центромъ въ Москвѣ. О Мышкинѣ подробнѣе будетъ сказано ниже. Изъ работавшихъ въ типографіи назову: Соловцовскаго, Малиновскаго (петровцы), Супинскую, Прушакевичъ, Фетисову, Ермолаеву. Они работали въ особой комнатѣ, куда не допускались непосвященные въ дѣло рабочіе. Отпечатанные листы тотчасъ-же уносились изъ типографіи.

Въ семидесятыхъ годахъ Кіевъ имѣлъ уже репутацію одного изъ наиболѣе революціонныхъ городовъ въ Россіи. Настроеніе мѣстной молодежи вполнѣ оправдывало эту репутацію. Какъ революціонный центръ, Кіевъ имѣлъ въ описываемое время большее значеніе, чѣмъ первопрестольная Москва. Революціонное движеніе протекало въ немъ самостоятельно, почти безъ всякаго вліянія со стороны петербургскихъ кружковъ, но, само собою разумѣется, проходило всѣ тѣ формы, хотя быть можетъ и въ болѣе рѣзкомъ видѣ, которыми характеризовалось движеніе въ Петербургѣ.

Къ началу движенія въ Кіевѣ существовалъ кружокъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ чайковцамъ и получавшій отъ нихъ для распространенія легальныя книги. Кружокъ былъ организованъ на подобіе радикальскихъ кружковъ Петербурга и по

немногу занимался съ рабочими. Въ кружкѣ участвовали Эмме, Иванъ Федоровичъ Рашевскій, г-жа Ширмеръ, имѣвшая ранѣе въ городѣ публичную библіотеку, Аксельроде, братья Левенталь и др. Кружокъ не проявлялъ большой активности, но охватывалъ своимъ вліяніемъ сравнительно большой кругъ молодежи. Когда въ Россіи начали обрисовываться два революціонныхъ направленія, лавровское и анархистское, дѣятели обоихъ пытались придать кружку направленіе, къ которому они сами принадлежали. Для пропаганды лавровскихъ идей пріѣзжалъ въ Кіевъ докторъ Воронцовъ, со стороны-же анархистовъ дѣйствовалъ Дебагоріо-Мокріевичъ. — Пропаганда лавризма не могла привлечь къ себѣ страстныхъ кіевлянъ. Изъ кружка только Эмме и отчасти Рашевскій принимали въ большей или меньшей степени ученіе Лаврова, болѣе же молодой элементъ сочувствовалъ анархіи. Кружокъ распался и скоро пересталъ играть роль въ движеніи. Мокріевичъ сблизился съ Аксельроде и братьями Левенталь и обучалъ ихъ сапожному мастерству. Лурье также тяготѣлъ къ Мокріевичу и къ анархіи. Въ это-же время (зимой 1873 г.) Мокріевичъ сблизился съ Стефановичемъ. Мало-по-малу около него сталъ сформировываться новый кружокъ чисто анархическаго направленія. Къ кружку принадлежали: Аксельроде, Стефановичъ, Дейчъ, Ходько и Ѳекла Донецкая (перешедшіе оба изъ американскаго кружка), Лурье, Марья Александровна Колѣнкина (впослѣдствіи осужденная по другому дѣлу и вышедшая замужъ за сына смотрителя Петропавловской крѣпости Богородскаго, также сосланнаго по политическому дѣлу въ Сибирь), Малинка, Дробязгинъ, Чубаровъ (всѣ трое потомъ были казнены) Студзинскій (впослѣдствіи осужденный до дѣлу Ковальскаго), извѣстная Вѣра Ивановна Засуличъ, Викторъ Костюринъ, перешедшій изъ одесскаго кружка, Анна Макаревичъ (жена члена одесскаго кружка Волховскаго, Макаревичъ, урожденная Розенштейнъ, вышла впослѣдствіи замужъ за извѣстнаго итальянскаго соціалиста), Гориновичъ, облитый потомъ за предательство сѣрной кислотой, Николай Бухъ, бывшій членъ самарскаго кружка и осужденный впослѣдствіи на каторгу, Марья Ковалевская, урожденная Воронцова (сестра извѣстнаго Воронцова, осужденная потомъ на каторгу и отравившаяся послѣ истязанія въ карійской тюрьмѣ Сигиды). Въ кружокъ попалъ какимъ то образомъ и извѣстный предатель Курицынъ. Послѣ покушенія на жизнь Гориновича явились нѣкоторыя разногласія въ кружкѣ, усилившіяся еще болѣе, когда Стефановичъ вмѣстѣ съ Дейчемъ (впослѣдствіи къ нимъ присоединился и Бохановскій), задумали своеобразное чигиринское дѣло. Кружокъ раздѣлился еще до начала этого дѣла, и вмѣстѣ съ Стефановичемъ ушли кромѣ Дейча, Колѣнкина и Засуличъ. Оба кружка пережили арестный погромъ 1874 года и дотянули свое существованіе до начала террора.

Когда революціонное движеніе въ Россіи приняло опредѣленную физіономію, и молодежь готовилась уже или даже и начала свое путешествіе въ народъ, въ Кіевѣ стали собираться какъ члены уже сорганизовавшихся кружковъ, такъ и одиночки, по-

чему либо тяготѣвшіе къ югу. Между прочимъ въ Кіевъ переселился почти весь кружокъ Каблица. Изъ одиночекъ появилась Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, урожденная Вериго, уже тогда начинавшая играть видную роль въ средѣ молодежи. Предрасположенная по условіямъ воспитанія къ идеализму, она съ юныхъ лѣтъ увлекалась передовыми идеями и старалась быть полезной народу. Между прочимъ въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ она принимала участіе въ земскихъ дѣлахъ Мглинского уѣзда Черниговской губерніи и по ея иниціативѣ демократическое земство, уже начавшее подвергаться разгрому, избрало въ міровые судьи Ковалика. Земское дѣло не могло всецѣло поглотить Брешковскую и потому она, особенно послѣ окончательнаго разгрома Мглинского земства, продолжала искать дѣла, чтобы отдать ему всѣ свои силы и способности. Начавшееся революціонное движеніе открыло для нея широкое поле дѣятельности, и она посвятила революціи всю свою дальнѣйшую жизнь. Съ начала 1874 года она переѣхала въ Кіевъ, гдѣ особенно сошлась со Стефановичемъ и Фищеромъ. Съ первымъ она ходила вмѣстѣ въ народъ для пропаганды. Въ кружкахъ молодежи Стефановичъ былъ извѣстенъ подъ кличкою «сына», данною вслѣдствіе того, что въ народѣ его принимали за сына Брешковской, которой въ то время было уже лѣтъ 30.

Значительно ранѣе, еще въ то время, когда движеніе едва намѣчалось, пріѣхала въ Кіевъ сестра Брешковской Ольга Константиновна, по мужу Иванова. Она не имѣла опредѣленнаго міросозерцанія, но была женщина въ высшей степени добрая и чуткая. Въ квартирѣ ея поселилось нѣсколько студентовъ, и всѣ жильцы составили одну семью, жившую на началахъ, напоминавшихъ коммуну. Число жильцовъ въ этой коммунѣ то увеличивалось, то уменьшалось, коммуна перемѣнила нѣсколько квартиръ и продолжала свое существованіе и послѣ смерти Ивановой. Всякій интеллигентъ, имѣвшій знакомыхъ въ числѣ жителей коммуны, могъ свободно въ ней остановиться на такое время, какое ему нужно. Тѣмъ болѣе имѣли доступъ въ коммуну пріѣзжавшіе революціонеры, которые легко могли получить рекомендацію къ одному изъ членовъ коммуны, также болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ революціонному движенію. Члены кіевскаго кружка Мокріевича также постоянно посѣщали коммуну, а иногда и жили въ ней. Скоро коммуна сдѣлалась штабъ-квартирой революціонеровъ. Кружокъ Каблица почти цѣликомъ переселился въ Кіевъ и большинство его членовъ, само собою разумѣется, поселилось въ коммунѣ. Здѣсь же временно проживали члены другихъ кружковъ. Всѣ они безъ всякаго принужденія подчинялись порядку, который самъ собою установился въ коммунѣ. Собственно говоря коммуна была только общей квартирой, въ которой каждый временный жилецъ получалъ мѣсто для спанья, хотя бы и на полу, и простой обѣдъ. Коммуна не имѣла никакихъ собственныхъ средствъ и существовала только благодаря взаимной товарищеской поддержкѣ.

Вслѣдствіе отсутствія всякой организаціи въ коммуну могли попадать люди, не отличающіеся высотой нравственнаго типа. Такъ кромѣ Гориновича—первой жертвы расправы съ предателями—въ коммуну вошелъ нѣкій Ларіоновъ, Петръ Ѳедоровичъ, который своимъ мнимымъ или дѣйствительнымъ экстазомъ и преданностью революціи и народу вызвалъ интересъ къ себѣ со стороны революціонеровъ. Онъ, едва посвященный самъ въ дѣло, вскорѣ писалъ уже такія письма къ начинающимъ революціонерамъ: «Мнѣ одному изъ смертныхъ пришлось дѣйствительно обрѣсти микроскопическій уголокъ этого рая, это полное «дивнаго огня», правды и честности дѣло... ...Я не могу самъ теперь ничего написать про извѣстное, въ настоящую минуту слившееся съ моимъ существованіемъ «дѣло», для этого нужно перечитать тебѣ все посѣянное представителями русской заграничной прессы... Въ будущемъ я не откажусь помазать тебя мѵромъ посвященія. Конечно, если получу убѣжденіе, что ты съ теплою вѣрою послушаешь моего глагола и не какъ Іуда или разбойникъ, а какъ другъ, братъ, а главное человѣкъ».

Какъ было не повѣрить человѣку, выражающемуся подобнымъ образомъ, особенно въ то, полное энтузіазма время? Ларіоновъ поселился въ коммунѣ и былъ принятъ въ кружокъ Мокріевича. Послѣ небольшого промежутка святой, апостольской жизни, Ларіоновъ сталъ обнаруживать своимъ поведеніемъ «ветхаго» человѣка. Особенно это проявилось въ его любовной интрижкѣ, въ которую, по словамъ прокурора-обвинителя, вмѣшались члены коммуны и уговорили жертву Ларіонова не препятствовать его ласкамъ въ виду положительныхъ его заслугъ. Это само собою разумѣется сплошная выдумка, и Ларіоновъ въ дѣйствительности не совершилъ никакого поступка, за который его и всю коммуну можно было бы заклеймить позоромъ, но тѣмъ не менѣе чувствовалась низменность натуры Ларіонова, заставлявшая знакомыхъ перешептываться о немъ. Это перешептываніе превратилось потомъ въ родъ нелѣпыхъ слуховъ, которые слѣдственныя власти подбирали вездѣ, гдѣ могли, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Дальнѣйшіе упреки, посылаемые обвинителемъ коммунѣ за яко-бы безнравственное ея поведеніе, настолько нелѣпы по своей формѣ, что заставляютъ читателя скорѣе увѣровать въ злой умыселъ прокуратуры, чѣмъ въ безнравственное поведеніе коммуны. Такъ обвинитель добылъ показанія отъ яко-бы свидѣтелей, которые слышали: одинъ—что въ коммунѣ спали по двѣ-три пары мужчинъ и женщинъ, другой, что такихъ паръ было пять-шесть, а третій, что мужчины и женщины спали въ перемежку, мужчина, потомъ женщина, затѣмъ опять мужчина и т. д. Слѣдуетъ удивляться строгому порядку, соблюдавшемуся въ коммунѣ—ни одного лишняго мужчины и непремѣнно въ перемежку.

Само собою понятно, что все это сплошная инсинуація, къ которой уже съ давнихъ поръ любятъ прибѣгать агенты правительства, чтобы очернить всѣхъ тѣхъ, кто по нравственному уровню своему стоитъ значительно выше ихъ.

Вздорность утвержденій обвинительнаго акта между прочимъ хорошо видна изъ одного, приведеннаго въ немъ примѣра, яко-бы доказывающаго, что коммунисты далеко не были мирно настроены по отношенію другъ къ другу. По словамъ прокурора Каблицъ и Фишеръ «дрались между собою на вилкахъ»!?!?

Одинъ изъ членовъ такъ называемой кіевской коммуны, Василій Александровичъ Бенецкій, хотя и участвовалъ въ соглашеніи большинства товарищей по большому процессу протестовать противъ суда и отказаться отъ защиты, тѣмъ не менѣе, въ виду исключительности положенія кіевлянъ, выставленныхъ прокуратурою какими-то нравственными уродами, пригласилъ въ защитники Евгенія Утина, поручивъ ему защищать коммуну, а не личность кліента. Утинъ, въ блестящей рѣчи, сказанной передъ особымъ присутствіемъ Сената, легко распуталъ грубо сотканную паутину, въ которую прокуратура думала затянуть свои жертвы и доказалъ, что члены коммуны были не исчадіемъ ада, а порядочными и нравственными людьми. Послѣ рѣчей Утина и другихъ талантливыхъ адвокатовъ всѣмъ стало понятно, что та грязь, которую удалось уловить составителю обвинительнаго акта (товарищу оберъ-прокурора сената Желеховскому), процѣживая чистое движеніе 70 годовъ чрезъ слѣдовательскія сита, происходила не отъ самаго движенія, а отъ ситъ, не отличавшихся, какъ оно, чистотою. Послѣ сказаннаго можно оставить безъ всякаго опроверженія утвержденіе прокурора, что дѣятели коммуны Брешковская, Фишеръ и Тетельманъ ѣздили въ Мглинской уѣздъ, чтобы добыть отъ одной помѣщицы довѣренность на продажу ея имѣнія и воспользоваться деньгами, которыя могутъ быть выручены при самой продажѣ. Я, конечно, не стану отрицать возможности совершенія безнравственныхъ поступковъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, примкнувшихъ къ революціонному движенію не только въ Кіевѣ, но и во всѣхъ другихъ городахъ—въ семьѣ, какъ говорится, не безъ урода,—но не подлежитъ сомнѣнію, что идейныя группы, готовыя во всякую минуту на самопожертвованіе, не представляютъ сколько нибудь благопріятной почвы для развитія разврата и составленія плановъ уголовныхъ преступленій.

Чтобы покончить съ Ларіоновымъ, скажу, что кромѣ чисто-политическаго преступленія, онъ обвинялся еще въ кражѣ лошади, на которой бѣжалъ изъ Вологодской губерніи, и въ полученіи въ свою пользу денегъ изъ керченскаго казначейства по довѣрію крестьянъ. Оба эти преступленія, если они и носили дѣйствительно, какъ утверждаетъ обвинитель, уголовный характеръ, тѣмъ не менѣе были совершены до вступленія Ларіонова въ революціонный кружокъ.

Какъ бы то ни было, значительное большинство революціонеровъ, избравшихъ своею штабъ-квартирою Кіевскую коммуну, отличались не дюжинною энергіею, проявили большую работоспособность и во всякомъ случаѣ не ослабили репутаціи Кіева, какъ одного изъ крупныхъ революціонныхъ центровъ.

Въ Одессѣ, съ самаго начала движенія, дѣло приняло иной оборотъ, чѣмъ въ остальныхъ городахъ Россіи. Несмотря на

южный темпераментъ одесситовъ, все движеніе протекало у нихъ съ наименьшею, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, страстностью.

Броженіе охватило въ Одессѣ широкіе круги молодежи, но не носило спеціально революціоннаго характера—по крайней мѣрѣ въ началѣ—и приняло своеобразныя формы: наряду съ проповѣдью революціи въ томъ видѣ, какъ это происходило во всѣхъ крупныхъ центрахъ, въ Одессѣ имѣла нѣкоторый успѣхъ пропаганда вегетаріанизма, которую велъ одинъ французъ—докторъ. Онъ думалъ обновить міръ перемѣною всего образа жизни человѣчества и приглашалъ своихъ послѣдователей переселиться въ теплыя страны, гдѣ можно было бы ходить безъ одежды и питаться фруктами, и тамъ основать на соціалистическихъ началахъ новое человѣческое общество. Французъ былъ сильно обиженъ Бакунинымъ, отвѣтившимъ ему на проповѣдь вегетаріанизма короткой репликой, что въ нашъ вѣкъ слѣдуетъ питаться буржуазнымъ мясомъ, и думалъ своею мирною пропагандою, главнымъ образомъ среди студенчества, взять верхъ надъ имѣющей по его мнѣнію кровавый характеръ пропагандою анархіи. У доктора былъ десятокъ другой послѣдователей, которыхъ обыкновенно высмѣивали студенты, когда они въ студенческой столовой требовали себѣ фасоли и т. п. растительной пищи. Кромѣ непосредственныхъ послѣдователей ученія были еще въ сравнительно небольшомъ количествѣ и сочувствующіе или просто интересовавшіеся личностью доктора.

Другой небольшой кружокъ или вѣрнѣе группа собиралась около Ковальскаго, казненнаго впослѣдствіи за первое въ Россіи вооруженное сопротивленіе обыску [1]). Ковальскій совершенно отрицалъ революціонные пути дѣятельности и единственно спасительнымъ считалъ сектанство. Онъ хорошо изучилъ предметъ и съ каждымъ готовъ былъ подѣлиться своими знаніями, но не имѣлъ популярности—нѣкоторые даже считали его маніакомъ. Впослѣдствіи онъ перемѣнилъ свои взгляды и сталъ убѣжденнымъ революціонеромъ.

Какъ ни малы были круги, увлекавшіеся вегетаріанствомъ и сектами, но тѣмъ не менѣе самая наличность ихъ свидѣтельствовала о нѣкоторомъ разбродѣ мысли, невозможномъ въ средѣ съ сильно повышеннымъ настроеніемъ. Это настроеніе явилось послѣ, но въ началѣ движенія зимою 1873 года его еще не было.

Одесскій революціонный кружокъ также имѣлъ физіономію отличную отъ другихъ такихъ же кружковъ. Это объясняется по всей вѣроятности выше упомянутыми условіями среды, въ которой ему приходилось дѣйствовать, а можетъ быть и нѣкоторыми личными особенностями лидера кружка Волховского и его ближайшихъ сотрудниковъ. Кружокъ мало интересовался анархическимъ ученіемъ и продолжалъ свое существованіе и дѣятельность почти въ такомъ-же видѣ, какъ это было въ радикальскій періодъ, предшествовавшій движенію, замѣтно усиливъ только дѣятельность

---

[1]) Это не совсѣмъ точно: первое вооруженное сопротивленіе оказалъ осужденный по процессу 50-ти кн. Циціановъ. *Ред.*

среди рабочихъ. Для этихъ послѣднихъ были устроены небольшія школки, въ которыхъ члены кружка, со всею возможною въ то время конспиративностью, постепенно развивали рабочихъ, подготовляя ихъ къ революціи. Пропагандой среди интеллигенціи кружокъ мало занимался, но умѣлъ улавливать выдающихся людей, которыхъ и вводилъ въ свою среду. Такъ онъ принялъ въ свои члены въ концѣ 1873 г. Желябова, впослѣдствіи одного изъ самыхъ видныхъ народовольцевъ. Интересно было видѣть съ какою скромностью и благоговѣніемъ слушалъ Желябовъ рѣчи Волховского и другихъ старшихъ по времени вступленія въ кружокъ членовъ его. Огонекъ, потухавшій въ Желябовѣ въ то время, когда онъ находился въ составѣ кружка, тотчасъ же вспыхивалъ за предѣлами. Хотя Желябовъ и былъ исключенъ изъ университета, но онъ продолжалъ принимать участіе въ студенческихъ дѣлахъ и на происходившихъ по поводу ихъ собраніяхъ рѣзко обрывалъ признанныхъ студенчествомъ авторитетовъ, если не раздѣлялъ ихъ взглядовъ.

Скромнымъ и тихимъ человѣкомъ Желябовъ оставался и на большомъ процессѣ, предоставляя руководить товарищами другимъ лицамъ, съ которыми онъ никогда не вступалъ въ состязаніе. Такъ-же скромно онъ около двухъ лѣтъ просидѣлъ въ деревнѣ и только, почуявъ въ себѣ силу, онъ вскорѣ послѣ окончанія процесса, занялъ подобающее ему мѣсто въ партіи.

Въ кружкѣ Волховскаго, кромѣ Желябова, принимали участіе слѣдующія лица: Жолтановскій, Ольга Разумовская, по мужу Романовская [1]), Вильгельмъ Лангансъ, впослѣдствіи занявшій видное мѣсто въ партіи «Народная Воля», Франжоли, Леонидъ Аполлоновичъ Дическуло, Петръ Маркеловичъ Макаревичъ, Викторъ Федоровичъ Костюринъ, перешедшій потомъ въ Кіевскій кружокъ, и Леонидъ Ивановичъ Голиковъ.

Феликсъ Вадимовичъ Волховской принималъ участіе въ Нечаевскомъ процессѣ и имѣлъ, до начала движенія 70-хъ годовъ, нѣкоторую извѣстность въ радикальныхъ кругахъ. Обладая большою эрудиціею, онъ въ то же время не былъ лишенъ и организаторскихъ способностей и владѣлъ слогомъ. Во время большого процесса онъ составлялъ для нелегальныхъ листковъ бюллетени обо всемъ, происходившемъ на судѣ. Отправленный по суду на житье въ Томскую губернію, онъ принималъ участіе въ издававшейся въ Томскѣ «Сибирской Газетѣ», былъ высылаемъ на Востокъ и, совершивъ удачный побѣгъ, поселился въ концѣ концовъ въ Лондонѣ.

---

[1]) Романовскій, учитель Каменецъ-Подольской гимназіи, вошелъ въ 1871 году въ составъ кружка, имѣвшаго цѣлью основать въ Америкѣ настоящую коммуну, и въ качествѣ піонера вмѣстѣ съ извѣстнымъ потомъ писателемъ Григоріемъ Александровичемъ Мачтетомъ и шестидесятникомъ Рѣчицкимъ-Логиновымъ уѣхалъ въ Америку, чтобы выбрать мѣсто поселенія. Пробуя свой револьверъ во время скитаній по Западной Америкѣ, Рѣчицкій нечаянно убилъ Романовскаго. Американцы судили оставшихся въ живыхъ товарищей судомъ Линча, но торжественно оправдали ихъ. Рѣчицкій скоро возвратился въ Россію и, будучи арестованъ въ Николаевскѣ Самарской губерніи, лишилъ себя жизни.

Здѣсь онъ принималъ участіе въ «Листкѣ Фонда Вольной Русской прессы» и занимался другими литературными работами. Взгляды его дѣлались со временемъ болѣе умѣренными и онъ сталъ склоняться къ конституціонализму.

Костюринъ былъ еще очень молодъ, когда сблизился съ Волховскимъ. Изъ всѣхъ членовъ кружка только у Костюрина замѣтна была какъ бы нѣкоторая внутренняя неудовлетворенность и исканіе болѣе крайнихъ направленій. Это сквозило въ его рѣчахъ, когда онъ защищалъ общую программу кружка. Вскорѣ онъ дѣйствительно перешелъ къ самымъ крайнимъ взглядамъ и поступилъ въ самый лѣвый изъ существовавшихъ кружковъ - Кіевскій. Здѣсь онъ замѣшанъ былъ въ покушеніи на жизнь Гориновича и осужденъ на каторгу (по особому процессу). Впослѣдствіи онъ принялъ участіе въ Сибирской прессѣ и отдался литературѣ. Въ Тобольскѣ онъ издавалъ (фактически) газету «Сибирскій листокъ», которая потомъ перешла въ собственность его жены; газета, конечно, была все время прогрессивная. Въ Тобольскѣ онъ принялъ участіе въ нынѣшнемъ освободительномъ движеніи и высланъ на сѣверъ.

По составу своему кружокъ Волховского былъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ кружковъ. Члены въ него подбирались съ большою осторожностью и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго испытанія. Въ этомъ кружкѣ можно было наблюдать проявленія партійной дисциплины, столь рѣдкой въ описываемое время.

Необыкновенная конспиративность, съ которою велись всѣ дѣла кружка, казалось, на долго горантировала его существованіе. Но волна движенія, охватившаго вмѣстѣ съ другими городами и Одессу, подымалась настолько высоко, что никакія искусственныя сооруженія, никакія плотины не могли устоять. Конспиративность кружка тоже кое гдѣ порвалась, и свѣденія о его дѣятельности проникали за стѣну, которою онъ себя окружилъ. Между прочимъ о кружкѣ кое-что извѣстно было нѣкоему Георгію Трудницкому. Онъ выдалъ правительству все, что зналъ о революціонерахъ, не пощадивъ и кружокъ Волховского. Трудницкій скоро раскаялся въ своемъ поступкѣ и въ порывѣ отчаянія лишилъ себя жизни.

Кружокъ имѣлъ болѣе или менѣе близкія отношенія къ такъ называемымъ Сенъ-Жебунистамъ—группѣ, состоявшей изъ трехъ братьевъ Жебуневыхъ— сплотившихся еще въ Цюрихѣ. Сенъ-Жебунисты долго отказывались слиться съ общимъ движеніемъ и вступить на чисто революціонный путь, но въ концѣ концовъ усвоили общую программу того времени. Эта-то группа и приняла въ свою среду названнаго выше Трудницкаго, который и выдалъ ее. Сергѣй и Владиміръ Жебуневы были арестованы, а Николай скрылся.

Самарскій кружокъ образовался изъ кружка самообразованія, въ которомъ принимали участіе гимназисты. Кружокъ изучалъ литературу и науки, начиная отъ химіи и кончая соціологіей. Особенно занимали его вопросы объ ассоціаціяхъ и улучшеніи быта рабочихъ. Духъ отрицанія все болѣе и болѣе крѣпъ въ кружкѣ и, когда

до Самары стали доходить отклики начинающагося революціоннаго движенія, члены кружка быстро усвоили себѣ обычную въ то время программу революціонеровъ. Самый составъ кружка увеличился вслѣдствіе принятія новыхъ членовъ. Дѣятельность кружка особенно усилилась съ пріѣздомъ Городецкаго съ товарищами, которые были своими людьми въ кружкѣ. Вскорѣ въ Самару начали пріѣзжать анархисты. Войнаральскій, практическая программа которого вполнѣ отвѣчала анархическому ученію, также посѣщалъ Самару, ходилъ вмѣстѣ съ Осташкиными къ пильщикамъ и вмѣстѣ съ Селивановымъ путешествовалъ по губерніи для пропаганды въ селахъ. Семинаристы тоже заинтересовались пріѣзжающими революціонерами и зашевелились. Нѣкоторые изъ нихъ вступили потомъ въ кружокъ. Вообще все молодое и живое поднялось въ Самарѣ на ноги—образовался настоящій революціонный муравейникъ. Самара 1874 года во всякомъ случаѣ не могла разочаровать революціонеровъ въ той вѣрѣ ихъ въ Поволжье, которая заставила многихъ изъ нихъ избирать ареной своей агитаторской дѣятельности расположенныя по Волгѣ губерніи. Самарцамъ удалось привлечь къ своему дѣлу и нѣсколькихъ обывателей, въ числѣ которыхъ былъ Ѳоминскій, дававшій пріютъ въ своемъ постояломъ дворѣ пріѣзжимъ революціонерамъ.

Изъ членовъ кружка назову слѣдующихъ лицъ: Егора Егоровича Лазарева, эмигрировавшаго послѣ суда и нынѣ проживающаго въ Швейцаріи, Виктора Александровича Осташкина, Василія Васильевича Филадельфова, Владиміра Осипова, Ивана Ивановича Бѣлякова, Никифора Ивановича Емельянова. Въ кружкѣ были: крестьяне, такъ называемый нынѣ третій элементъ (служащіе въ земствѣ), учителя и даже одинъ лакей (Павелъ Алексанровъ.).

Кружокъ пробовалъ свои силы въ народѣ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ пропагандистовъ былъ Н. И. Емельяновъ, крестьянинъ. У него отчасти у самого, отчасти чрезъ Александрова было много связей въ средѣ крестьянства, чѣмъ онъ и пользовался въ цѣляхъ пропаганды. Не получивъ сколько нибудь широкаго образованія, Емельяновъ развилъ себя чтеніемъ, особенно запрещенныхъ книгъ, и былъ убѣжденнымъ народникомъ-революціонеромъ. Анархія, какъ ученіе, его мало занимала, но онъ съ наивностью простой души глубоко вѣрилъ въ успѣхъ пропаганды. Скептиковъ онъ пытался разбивать такими аргументами: я оставлю послѣ себя (если арестуютъ) самое меньшее двухъ сознательныхъ, способныхъ къ дальнѣйшей пропагандѣ крестьянъ, каждый изъ нихъ сдѣлаетъ тоже и такимъ образомъ чрезъ небольшое число лѣтъ даже въ глухой деревнѣ будутъ сознательные революціонеры, при помощи которыхъ легко будетъ произвести соціальный переворотъ.

Самарскій кружокъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ выдающихся кружковъ, работавшихъ въ глухой провинціи, вдали отъ университетскихъ центровъ.

Въ противоположность Самарскому, Харьковскій кружокъ не представлялъ собою ничего замѣчательнаго ни по своей дѣятель-

ности, ни по личностямъ, входившимъ въ его составъ; тѣмъ не менѣе исторія его образованія въ высшей степени интересна въ томъ отношеніи, что наглядно показываетъ силу революціоннаго вихря, роковымъ образомъ захватывающаго въ свой круговоротъ даже самыхъ среднихъ, но лишь бы молодыхъ и честныхъ людей.

Кружокъ, какъ упомянуто выше, образовался по иниціативѣ лица, пріѣхавшаго въ Харьковъ лишь на нѣсколько дней (Ковалика). Вѣсть о пріѣздѣ агитатора съ быстротой молніи облетѣла учащихся, и кружокъ закончилъ свою организацію въ бытность Ковалика.

До 1874 года Харьковъ былъ однимъ изъ самыхъ глухихъ въ революціонномъ отношеніи городовъ, а студенчество—однимъ изъ самыхъ мирныхъ и отсталыхъ въ Россіи, могшимъ сравниться только съ Казанскимъ. До пріѣзда Ковалика въ Харьковѣ уже былъ прочитанъ № 1 журнала «Впередъ», не прозведшій почему-то особаго впечатлѣнія на молодежь. По крайней мѣрѣ чтеніе не вызвало не только сходокъ, но даже коллективнаго обсужденія прочитаннаго въ небольшихъ группахъ. Самый кругъ лицъ, прочитавшихъ «Впередъ», былъ весьма ограниченъ. Трудно допустить, что Харьковская молодежь была не подготовлена къ воспріятію ученія Лаврова, поэтому остается предположить, что въ Харьковѣ случайно не нашлось человѣка, обладающаго агитаторскими способностями и умѣющаго перевести на практическую почву идеи, развивавшіяся въ журналѣ. Въ пріѣздъ Ковалика дѣло обстояло иначе и результаты получились другіе.

Юрій Николаевичъ Говоруха-Отрокъ, узнавши отъ Ковалика, что революціонное движеніе быстро развивается въ Россіи, отдался новому для него дѣлу со всей энергіей, на которую былъ способенъ, и на первое время сталъ руководителемъ кружка. Кружокъ имѣлъ цѣлый рядъ сходокъ. На первой изъ нихъ, по свидѣтельству обвинительнаго акта, Говоруха доказывалъ ненормальность существующаго политическаго и экономическаго строя. Этотъ строй долженъ быть поэтому уничтоженъ революціей. Въ то же время ораторъ утверждалъ, что физическій трудъ есть единственно честный трудъ и звалъ слушателей въ народъ для революціонной дѣятельности, имѣющей конечною своею цѣлью возстаніе. На другой сходкѣ Говоруха развивалъ уже мысль о необходимости устрашенія правительства и привилегированныхъ классовъ и на вопросъ одного изъ семинаристовъ, какъ это сдѣлать, будто-бы отвѣтилъ: «да я самъ сейчасъ зарѣжу прокурора». Видимая абсурдность этого отвѣта показываетъ еще разъ, насколько ненадежными показаніями руководствовался прокуроръ при составленіи обвинительнаго акта. Между тѣмъ къ услугамъ его былъ обильный матеріалъ, собранный дознаніемъ. Большинство членовъ кружка и вообще лицъ, бывавшихъ на сходкахъ, и во главѣ ихъ самъ Говоруха, давали подробныя показанія обо всемъ, что имъ было извѣстно. Кружокъ въ полномъ составѣ не приступилъ къ практической дѣятельности и потому не могло существовать такихъ дѣлъ, которыя требовали строгой тайны, болтовня-же о сходкахъ почему-то не казалась

харьковцамъ предосудительною. Одно показаніе, данное съ полною откровенностью жандармамъ, вызывало рядъ другихъ подобныхъ-же показаній. Какъ-бы то ни было, но данныя, приведенныя въ обвинительномъ актѣ, послужили однимъ изъ главныхъ матеріаловъ при составленіи этого очерка Харьковскаго кружка.

Говоруха представлялъ собою типъ разочарованнаго лишняго человѣка. Подъ вліяніемъ новыхъ идей онъ на время воспрянулъ духомъ, но оживленіе и подъемъ энергіи продолжались у него не долго. Скоро онъ сталъ устраняться отъ руководства кружкомъ и даже отъ всякой дѣятельности. Говоруха между прочимъ имѣлъ склонность къ литературѣ. Изъ тюрьмы онъ посылалъ Н. К. Михайловскому какой-то написанный имъ разсказъ и получилъ благословеніе знаменитаго критика на дальнѣйшую литературную дѣятельность. По выходѣ изъ тюрьмы Говоруха пристроился однако не къ передовымъ органамъ печати, а къ реакціонной газетѣ «Южный Край», издававшейся въ Харьковѣ и за свою постоянную травлю въ ней студенчества получилъ пощечину отъ одного изъ студентовъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ революціонеромъ, Говоруха умеръ реакціонеромъ или по меньшей мѣрѣ участникомъ въ реакціонной литературѣ.

По устраненіи Говорухи главная роль въ кружкѣ перешла къ Николаю Михайловичу Баркову, студенту Харьковскаго университета. Онъ продолжалъ развивать въ кружкѣ программу революціонной дѣятельности въ анархическомъ духѣ. Онъ вмѣстѣ съ другими агитировалъ въ средѣ ветеринаровъ, по словамъ обвинительнаго акта онъ также доказывалъ необходимость уничтоженія правительства, считая его, а не личность царя, виновнымъ во всѣхъ несовершенствахъ общественнаго строя. «Члены Царствующаго дома, по его словамъ, должны быть устранены, т. е. должны, потерявъ вліяніе, поступить въ разрядъ всѣхъ другихъ гражданъ». Барковъ вмѣстѣ съ семинаристомъ Спѣсивцевымъ и ветеринаромъ Емельяновымъ ходилъ въ сосѣднее село для пропаганды рабочимъ революціонныхъ идей, но рабочіе будто-бы отказались отъ предложенныхъ имъ нелегальныхъ книгъ. Во время главенства Баркова окончательно завершилась организація кассы, получившей начало еще при Коваликѣ. Въ кассу поступили деньги отъ розыгрыша въ лотерею разныхъ книгъ и отъ продажи революціонныхъ изданій. Весь фондъ кассы состоялъ изъ 170 рублей.

Барковъ тоже недолго игралъ руководящую роль, которая постепенно переходила къ ветеринарамъ. Среди нихъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ былъ Калюжный.

Анархисты издали слѣдили за развитіемъ кружковъ въ Харьковѣ. Въ апрѣлѣ 1874 г. въ Харьковъ пріѣхалъ, по порученію Ковалика, Рабиновичъ, съ книжками и деньгами. Въ это же приблизительно время Харьковскій кружокъ былъ введенъ въ зачаточную революціонную организацію (общую кассу), о которой будетъ сказано ниже. Пріѣздъ Рабиновича вызвалъ оживленіе, сходки участились и самый кругъ лицъ, причастныхъ къ движенію, расширился.

На сходкахъ сталъ играть замѣтную роль ветеринаръ Лебедевъ подъ именемъ Долинскаго, застрѣлившійся во время производства дознанія. Въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ ветеринара Михаила Михайловича Серебрякова, судившагося по процессу 193, между прочимъ читаемъ: «Въ Харьковѣ духъ нашей братіи и вообще *всѣхъ* измѣнился къ лучшему; всѣ интересуются крайне подпольною литературою. Дѣло Долгушина не сходитъ съ языка, всѣ трактуютъ, возмущаются, приходятъ въ препирательства и просто зачитываются Цюрихскими изданіями. Но все это пахнетъ чѣмъ-то навѣяннымъ извнѣ, временною экзальтаціею, а не продуманными убѣжденіями».

На лѣто члены Харьковскихъ кружковъ, какъ первоначальнаго, такъ и ветеринарнаго разъѣхались, нѣкоторые поселились въ деревняхъ и пробовали свои силы въ народѣ. Семинаристъ Михаилъ Феоктистовичъ Спѣсивцевъ перебрался въ Пензу, гдѣ вступилъ въ сношенія съ Войнаральскимъ и принималъ участіе въ мѣстномъ кружкѣ, затѣмъ онъ появляется въ Самарской губерніи. Барковъ уѣхалъ въ Екатеринославскую губернію, ходилъ тамъ по деревнямъ и начиналъ уже разочаровываться.

По отношенію ко многимъ дѣятелямъ харьковскихъ кружковъ Серебряковъ былъ правъ, утверждая, что они были временно экзальтированы. Весь семинарскій кружокъ не выдерживалъ строгой критики, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія способности его членовъ къ продолжительной революціонной работѣ. Главы этого кружка также росписались въ полной неумѣлости вести дѣло. Но характерность всей исторіи возникновенія и дальнѣйшаго существованія кружка заключается именно въ томъ, что при крайней его неустойчивости и слабости входящихъ въ него силъ, онъ сыгралъ крупную роль въ дѣлѣ революціонизированія Харьковской молодежи. Только со времени появленія на сцену кружка Харьковъ измѣняетъ установившуюся за нимъ репутацію: изъ тихаго города онъ становится однимъ изъ революціонныхъ центровъ, въ которомъ правительство сочло даже нужнымъ посадить послѣ Турецкой войны особаго генералъ-губернатора.

Нѣкоторую, впрочемъ довольно слабую связь съ Харьковскими кружками имѣлъ Викторъ Александровичъ Даниловъ. Обвинительный актъ констатируетъ, что онъ уѣхалъ изъ Харькова на Кавказъ на средства кружка.

Имѣя около 20 лѣтъ отъ роду, Даниловъ отправился въ Цюрихъ и поступилъ въ Политехникумъ, гдѣ занимался науками и принималъ слабое участіе въ жизни русской колоніи. Онъ всегда отличался оригинальностью, которая не позволяла ему слѣдовать по пути обычному для людей его круга. Въ то время, когда въ русской колоніи кипѣла бурная жизнь и обитатели ея дѣлились на двѣ враждующія партіи, Даниловъ не присталъ ни къ одной и со всею страстностью, на которую былъ способенъ, отдался изученію русскаго сектанства, долженствующаго, по его мнѣнію, сыграть крупную революціонную роль въ Россіи. Когда колонія разъѣхалась,

онъ остался въ Цюрихѣ, но потомъ и самъ бросилъ науки и возвратился въ Россію, чтобы осуществить свою завѣтную идею—вести народъ къ революціи черезъ сектанство. Проживъ нѣкоторое время въ Харьковѣ, онъ отправился на Кавказъ къ молоканамъ. Онъ довольно долго оставался въ средѣ сектантовъ, сошелся съ ними и пользовался у нихъ уваженіемъ.

Мирная дѣятельность среди сектантовъ не могла удовлетворить активной натуры Данилова, и онъ сталъ искать революціонныхъ путей дѣятельности. Возвратившись въ Харьковъ, онъ во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ собралъ небольшой кружокъ революціоннаго характера, въ которомъ наиболѣе виднымъ членомъ былъ юный Александръ Осиповичъ Сыцянко, сынъ харьковскаго профессора, кончившій свою жизнь въ 90 годахъ самоубійствомъ въ Воронежской тюрьмѣ. Кружокъ былъ арестованъ и преданъ суду, приговорившему Данилова къ каторжнымъ работамъ на 4 года. Отбывъ этотъ срокъ, онъ вышелъ на поселеніе. Съ этого времени начинается его скитаніе. Онъ бѣгалъ, былъ снова водворяемъ въ ссылку и становился чѣмъ-то въ родѣ революціоннаго бродяги. Въ это время ему пришлось совершить нѣсколько путешествій вмѣстѣ съ партіями политическихъ арестантовъ. Такимъ образомъ онъ составилъ себѣ большое знакомство съ революціонными дѣятелями разныхъ эпохъ и пріобрѣлъ себѣ много поклонниковъ среди молодыхъ революціонеровъ. Собственно съ этого времени и начинается его слава. Самъ онъ еще болѣе революціонизировался. Революція стала его единственною профессіей и въ бумагахъ, подаваемыхъ начальству, онъ подписывался не иначе, какъ «плѣнный соціалистъ».

Въ отношеніи своихъ личныхъ потребностей онъ былъ строгимъ ригористомъ и не позволялъ себѣ не только никакихъ излишествъ, но считалъ даже роскошью обыкновенную пищу политическихъ арестантовъ. Стараясь приготовить для нихъ, насколько позволяли средства, вкусный и здоровый обѣдъ, онъ самъ питался объѣдками или же варилъ себѣ какую-то похлебку изъ травъ. Въ своемъ собственномъ питаніи онъ придерживался вегетаріанства, но не обыкновеннаго, а своеобразнаго, какъ и все, что онъ дѣлалъ. Во время своего содержанія на Карѣ, онъ, какъ и всѣ товарищи, имѣлъ право на расходованіе 75 копѣекъ въ мѣсяцъ на чай, сахаръ, табакъ и пр., но не тратилъ на себя ни копѣйки и время отъ времени задавалъ угощеніе своимъ сожителямъ по камерѣ въ видѣ пироговъ и т. п. Это показываетъ, что у него, какъ и у всѣхъ высоко-нравственныхъ людей, наряду со строгими принципіальными требованіями къ себѣ была самая широкая снисходительность къ мелкимъ человѣческимъ слабостямъ.

По природѣ своей Даниловъ долженъ бы былъ явиться въ міръ въ качествѣ нравственнаго учителя, а между тѣмъ судьба сдѣлала его революціонеромъ по профессіи. Въ этомъ противорѣчіи заключается причина какъ его силы, такъ и слабости. Молодежь увлекалась имъ какъ героемъ, не имѣвшимъ обычныхъ человѣческихъ

недостатковъ, люди-жъ видавшіе всякіе виды относились къ нему съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, какъ къ человѣку, который не въ состояніи осуществить на практикѣ тѣ великія революціонныя задачи, которыя онъ себѣ ставилъ. Въ своей революціонной дѣятельности онъ всегда являлся больше проповѣдникомъ, чѣмъ организаторомъ. Отсюда понятно, что на Карѣ, гдѣ собрано было много выдающихся людей, Даниловъ не имѣлъ той популярности, которой онъ пользовался въ арестантскихъ партіяхъ, состоявшихъ большею частью изъ молодежи.

Послѣ долгихъ странствованій, Даниловъ былъ водворенъ въ Колымскомъ краѣ. Здѣсь онъ наконецъ почувствовалъ, что организмъ его, начинавшій изнашиваться, не въ состояніи далѣе выносить тѣхъ лишеній, которымъ онъ себя подвергалъ добровольно. Онъ долженъ былъ разрѣшить себѣ вино и елей, т. е. питаться, какъ всѣ обыкновенные смертные. Но и здѣсь онъ сохранилъ свою своеобразность, поселившись одинъ далеко отъ остальныхъ товарищей въ Верхне-Колымскѣ. Сначала онъ все получаемое казенное пособіе затрачивалъ на выписку книгъ философскаго содержанія, которыми и зачитывался въ уединеніи, но потомъ онъ сталъ вести обыкновенную жизнь якута—скотовода, помогая бѣднымъ якутамъ совѣтами и матеріальными средствами. Этотъ періодъ его жизни описанъ Таномъ въ разсказѣ, подъ заглавіемъ «Ожилъ». Авторъ описываетъ возрожденіе Данилова къ новой жизни. Собственно говоря, съ точки зрѣнія прежняго Данилова, разсказъ правильнѣе было бы назвать «Умеръ».

VIII.

Выдающіеся одиночки: Войнаральскій, Рогачевъ, Мышкинъ и Маликовъ.

Въ предъидущихъ главахъ данъ очеркъ наличныхъ силъ революціоннаго движенія въ лицѣ организованныхъ кружковъ. Очеркъ былъ бы не полонъ, если бы я умолчалъ о наиболѣе выдающихся одиночкахъ, принимавшихъ болѣе или менѣе видное участіе въ движеніи.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся людей того времени былъ Порфирій Ивановичъ Войнаральскій, незаконный сынъ княгини Кугушевой, принявшій фамилію своего отца, прочтенную наоборотъ, отъ конца къ началу съ прибавленіемъ «скій». (Вонойральскій, потомъ передѣланную для благозвучія на Войнаральскій).

За участіе въ студенческомъ движеніи 1861 года онъ былъ высланъ изъ московскаго университета на сѣверъ, въ возрастѣ около 17 лѣтъ. Будучи студентомъ, онъ стоялъ ближе всего къ группѣ, извѣстной потомъ подъ именемъ Каракозовцевъ. Въ этой группѣ были земляки Войнаральскаго, съ которыми онъ поддерживалъ нѣкоторыя отношенія почти до своей смерти. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ возвратился изъ ссылки на родину въ Городищенскій

уѣздъ, Пензенской губерніи, гдѣ былъ избранъ мировымъ судьею, но продержался недолго, не будучи утвержденъ, какъ и Коваликъ, въ этой должности Сенатомъ [1]).

Войнаральскій не принадлежалъ ни къ какому опредѣленному кружку. Предавшись всею душою революціонному дѣлу, онъ съ первыхъ же шаговъ встрѣтился на избранномъ имъ пути со многими кружками и не слился окончательно ни съ однимъ. О близости его къ московскимъ кружкамъ, а черезъ нихъ и къ Чайковцамъ, уже было упомянуто. Онъ былъ также своимъ человѣкомъ въ кружкахъ: Саратовскомъ, Самарскомъ, Пензенскомъ и Тамбовскомъ, участвуя вмѣстѣ съ Рогачевымъ въ организаціи двухъ послѣднихъ.

Войнаральскій не умѣлъ отдаваться захватившему его дѣлу на половину. Разъ онъ ступилъ на революціонный путь, онъ отдавалъ революціи всѣ свои силы и матеріальныя средства. Его личное состояніе, доходившее до 40 тысячъ рублей, было достояніемъ революціи. Правда не всѣ его деньги были употреблены на дѣло, которому онъ служилъ—часть пристала къ рукамъ распорядителей, которыхъ онъ долженъ былъ назначить, когда былъ вмѣстѣ со своею женою арестованъ. Въ обвинительномъ актѣ сохранилась характерная черта для Войнаральскаго и всѣхъ вообще дѣятелей движенія 70-хъ годовъ. Въ мастерской, устроенной на его средства въ Москвѣ, онъ повѣсилъ на стѣнкѣ сумку съ деньгами (400—500 руб.) и всякій изъ постоянныхъ посѣтителей мастерской могъ свободно опускать руку въ сумку и брать столько денегъ, сколько ему было нужно.

По природѣ своего ума Войнаральскій не былъ теоретикомъ. Обладая яснымъ умомъ, онъ быстро усвоивалъ сущность всякой новой идеи или новаго ученія, но его болѣе всего интересовала практическая сторона дѣла—способы ихъ осуществленія. Даже въ самый разгаръ своей дѣятельности, онъ никогда не объявлялъ себя послѣдовательнымъ анархистомъ, а между тѣмъ по образу своихъ дѣйствій онъ былъ несомнѣнно таковымъ. Войнаральскій былъ по преимуществу практикъ, интересовавшійся болѣе всего матеріальными слѣдами своей работы. Въ средѣ интеллигенціи онъ устраивалъ мастерскія, типографіи, агентуры, въ народѣ — лавочки, постоялые дворы и разные притоны для пропагандистовъ. Сѣтью такихъ, связанныхъ между собою пунктовъ, онъ мечталъ покрыть весь районъ Повольжья, куда онъ перенесъ главную свою дѣятельность.

Независимо отъ этой дѣятельности чисто организаціоннаго характера, Войнаральскій стремился испытать свои силы на пропагандѣ революціонныхъ идей въ народѣ. Получивъ отъ Самарскихъ пильщиковъ адреса крестьянъ, способныхъ сочувственно отнестись

---

[1]) Войнаральскаго и Ковалика публика считала какъ бы двумя близнецами (въ родѣ Стефановича и Дейча) и иногда даже перепутывала ихъ фамиліи и дѣятельность. Поводъ къ этому данъ былъ не только нѣкоторымъ сходствомъ ролей, которыя они играли въ движеніи, но еще болѣе ихъ одинаковымъ общественнымъ положеніемъ. Въ ссылкѣ они дѣйствительно были близки между собою, но во время своей революціонной дѣятельности шли разными путями, сходившимися, конечно, въ одной точкѣ.

къ проповѣдуемымъ имъ идеямъ, Войнаральскій въ сопутствіи Селиванова обошелъ два уѣзда Сызранскій и Корсунскій. Затѣмъ въ сообществѣ Надежды Юргенсонъ ходилъ въ Ставропольскій уѣздъ, гдѣ былъ временно арестованъ сельскими властями (объ этомъ будетъ упомянуто ниже). Войнаральскій остался очень доволенъ результатами своихъ путешествій. Ему между прочимъ удалось устроить нѣсколько новыхъ пунктовъ для предполагаемой сѣти.

Войнаральскій былъ окончательно арестованъ въ Самарѣ въ концѣ іюля 1874 г. и вскорѣ былъ увезенъ въ Москву, а затѣмъ и въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость. Ко времени начала слѣдствія, во главѣ котораго стоялъ сенаторъ, Войнаральскій и другіе заключенные были переведены въ Домъ предварительнаго заключенія. Здѣсь онъ и Коваликъ составили планъ побѣга и въ одну, уже довольно свѣтлую, петербургскую ночь пытались осуществить его. Съ воли устройству побѣга помогали Григорій Александровичъ Мачтетъ и Орестъ Мартыновичъ Габель [1]. Когда бѣглецы спускались на простыняхъ по стѣнамъ тюрьмы, ихъ увидѣлъ инженеръ Чечулинъ, возвращавшійся навеселѣ изъ клуба, нѣкогда самъ сидѣвшій по политическому дѣлу въ крѣпости. Онъ поднялъ тревогу, и бѣглецы, уже садившіеся на извозчика, были пойманы и препровождены вмѣстѣ съ Чечулинымъ въ участокъ. Этотъ послѣдній раскаивался въ своемъ поступкѣ и увѣрялъ, что онъ принялъ спускавшіяся по стѣнѣ фигуры за уголовныхъ преступниковъ.

Судъ приговорилъ Войнаральскаго, наравнѣ съ другими «зачинщиками» Коваликомъ, Рогачевымъ и Мышкинымъ къ 10 лѣтней каторгѣ, но ходатайствовалъ о замѣнѣ наказанья ссылкой на поселеніе. Только Мышкинъ былъ исключенъ изъ ходатайства, какъ совершившій «уголовное» преступленіе, отстрѣливаясь въ Вилюйскѣ отъ ловившихъ его казаковъ. Въ это время была оправдана присяжными засѣдателями Вѣра Засуличъ, стрѣлявшая въ Трепова—отца. Это обстоятельство настроило «Звѣздную Палату» того времени на воинственный ладъ, и подъ ея давленіемъ Министръ Юстиціи Паленъ сдѣлалъ соотвѣтствующій докладъ Государю. Ходатайство суда не было уважено и только время предварительнаго заключенія—для Рогачева два года, а для остальныхъ четыре—было зачтено въ срокъ каторги [2].

Въ концѣ 1878 года Войнаральскій, Коваликъ, Рогачевъ и Муравскій по Высочайшему повелѣнію были закованы въ Петропавловской крѣпости въ кандалы и подъ усиленнымъ конвоемъ отправлены въ Харьковъ, а оттуда по одиночкѣ въ Ново-Борисоглѣбскую или Андреевскую централку, отстоящую отъ Харькова въ 50 верстахъ. Зная приблизительно время отправки каторжанъ въ централку, революціонеры рѣшили отбить одного изъ нихъ во время слѣдованія въ Андреевку. Нападеніе было произведено въ то

---

[1]) Габель по крайней мѣрѣ былъ арестованъ по дѣлу о побѣгѣ.

[2]) Черезъ нѣкоторое время это же было продѣлано съ Сажинымъ, доставленнымъ также въ Андреевскую централку.

время, когда везли Войнаральскаго. Нападавшіе ранили одного изъ сопровождавшихъ арестанта жандармовъ, другой же въ это время всею тяжестью своею налегъ на ноги Войнаральскаго и тройкѣ удалось ускакать.

Войнаральскій съ товарищами просидѣлъ въ централкѣ, въ одиночномъ заключеніи, около двухъ лѣтъ. Только въ самое послѣднее время ихъ заключенія разрѣшены были прогулки по двое. Въ либеральный періодъ Лорисъ-Меликова, арестанты изъ обѣихъ централокъ—Андреевской и Печенѣжской—были переведены въ Мценскую пересыльную тюрьму, а оттуда, за исключеніемъ Сажина, отправленнаго изъ Иркутска прямо на поселеніе, въ Карійскую каторжную тюрьму [1]). На Карѣ болѣе чѣмъ вѣрноподданная администрація продолжала произвольно держать Войнаральскаго (равно Рогачева и Ковалика) въ кандалахъ, полагая, что она слишкомъ ничтожна, чтобы имѣть право толковать Высочайшее повелѣніе, данное только на время слѣдованія въ Харьковъ.

Товарищи Войнаральскаго, какъ по путешествію на Кару, такъ и на самой Карѣ, быстро оцѣнили практическія его способности и обыкновенно избирали его въ старосты, какъ для веденія артельнаго хозяйства, такъ и для сношеній съ начальствомъ.

По отбытіи срока каторги, сокращеннаго на основаніи существующихъ положеній, Войнаральскій въ 1883 году былъ отправленъ на поселеніе въ Верхоянскій округъ Якутской области, расположенный близь сѣвернаго полярнаго круга. Въ первое время онъ жилъ въ якутскихъ стойбищахъ, въ собственной юртѣ, занимаясь понемногу адвокатурой и мыловареніемъ. Приготовить самое простое мыло оказалось дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Зола, получавшаяся въ мѣстѣ жительства Войнаральскаго, какъ содержащая мало щелочи, была непригодна для мыловаренія и пришлось нарочито выжигать золу изъ тополя, растущаго въ разстояніи 300 верстъ. Войнаральскій жилъ какъ простой якутъ, питался молочными продуктами и мясомъ. Онъ дѣлалъ опыты посѣва ячменя, но не получилъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. И здѣсь судьба свела его съ Коваликомъ, высланнымъ въ тотъже Верхоянскій округъ и занимавшимся въ городѣ печными работами и плотничествомъ. Впослѣдствіи Войнаральскій тоже переѣхалъ въ Верхоянскъ и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ торговлю, которою ранѣе занимались немногочисленные тамъ политическіе.

Вскорѣ ему удалось переѣхать въ г. Якутскъ, гдѣ онъ получилъ возможность пріобрѣтать въ болѣе широкомъ размѣрѣ въ кредитъ необходимые товары, отправлявшіеся въ Верхоянскъ на лошадяхъ вьюкомъ. Но политическіе были плохими торговцами, и Войнаральскій скоро прогорѣлъ, превратившись изъ купца въ обыкновеннаго ссыльнаго, живущаго на жалкое денежное пособіе отъ

[1]) Не попали на Кару четыре человѣка, страдавшіе психическимъ разстройствомъ: Боголюбовъ, который подвергся истязанію по приказанію Трепова (за что Засуличъ и явилась мстительницею), Донецкій, Плотниковъ и Соколовскій.

Порфирій Ивановичъ
ВОЙНАРАЛЬСКІЙ.

казны. Положеніе его было тѣмъ болѣе тяжело, что въ это время онъ былъ уже семейнымъ человѣкомъ и имѣлъ четверыхъ дѣтей.

Первая его жена не послѣдовала за нимъ въ ссылку и осталась въ Россіи съ единственной дочерью, родившеюся въ тюремной камерѣ въ Самарѣ. Между мужемъ и женою произошло охлажденіе еще до судебнаго приговора, послѣ-же него никакія свиданія не допускались въ централкѣ, такъ что, даже и въ случаѣ желанія, жена не могла въ началѣ слѣдовать за Войнаральскимъ. Съ теченіемъ времени Войнаральскій сталъ совершенно равнодушенъ къ женѣ, но дочь, взятую на воспитаніе близкимъ ему человѣкомъ, онъ продолжалъ любить и часто вспоминать.

Такимъ образомъ въ Верхоянскъ Войнаральскій явился и по закону и въ дѣйствительности на правахъ холостого человѣка. Онъ сошелся съ якуткой, бывшей у него въ услуженіи, и, когда явились дѣти, женился на ней. Она была совершенно простая, неграмотная якутка, никогда не владѣвшая вполнѣ русскимъ языкомъ. Превращеніе изъ купчихи снова въ бѣдную якутку для нея было вѣроятно чувствительнѣе, чѣмъ для самого Войнаральскаго, но она безропотно несла свой крестъ. Положеніе семьи было тѣмъ труднѣе, что Войнаральскій не чуждъ былъ склонности къ выпивкѣ и злоупотребленіемъ спиртными напитками во время своего купеческаго благосостоянія нѣсколько подорвалъ свое слабое вообще здоровье.

Ликвидировавъ торговлю, Войнаральскій съ семьею поселился въ сѣверной части Якутскаго Округа на Алданѣ, гдѣ земледѣліе было очень слабо развито. Здѣсь онъ между прочимъ занялся кропотливымъ изслѣдованіемъ роста хлѣба въ этомъ холодномъ краѣ и помѣстилъ большую статью въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», издающемся на средства Министерства Земледѣлія.

Когда, по иниціативѣ Клеменса, бывшаго консерваторомъ музея въ Иркутскѣ, сооружена была на средства Сибирякова научная экспедиція изъ ссыльныхъ для изученія Якутскаго края и вліянія золотопромышленности на бытъ якутовъ, Войнаральскій отнесся отрицательно къ постановкѣ ея работъ. Онъ предложилъ свой планъ организаціи экспедеціи, невстрѣтившій сочувствія, и на отрѣзъ отказался отъ всякаго участія въ ней. Изъ ближайшихъ товарищей Войнаральскаго участіе въ экспедиціи принялъ Коваликъ, жившій уже въ то время въ Иркутской губерніи, въ самомъ-же Якутскомъ округѣ работали на жалкія средства, ассигнованныя на ихъ долю, многіе ссыльные изъ мѣстныхъ, а изслѣдованіе отдаленнаго Колымскаго края приняли на себя Танъ (Богоразъ) и Іохельсонъ.

Въ 1897 году Войнаральскій получилъ право вернуться въ Европейскую Россію. Сохранивъ бодрость духа во всѣхъ перипетіяхъ своей ссыльной жизни, онъ оживлялся еще болѣе при мысли, что скоро увидитъ родину, гдѣ можетъ снова всѣ свои силы посвятить служенію тому дѣлу, отъ котораго былъ насильственно оторванъ

болѣе 20 лѣтъ назадъ. Онъ между прочимъ мечталъ и о совмѣстной работѣ съ любимой дочерью, теперь взрослою дѣвушкою.

Послѣдующій короткій періодъ жизни Войнаральскаго былъ полонъ трагизма. Уѣзжая изъ Якутска по недостатку средствъ одинъ, онъ условился съ женою относительно послѣдующаго выѣзда ея съ дѣтьми и о встрѣчѣ съ ними въ извѣстномъ мѣстѣ; самъ-же онъ тѣмъ временемъ долженъ былъ добыть для нея денегъ и для сокращенія расходовъ совершить путь волокомъ съ Лены на Ангару, минуя Иркутскъ. Не получивъ отвѣта отъ жены на посланную телеграмму, онъ нѣкоторое время поджидалъ ее на волокѣ и, такъ какъ навигація скоро должна была прекратиться, отправился одинъ водою въ Красноярскъ. Только здѣсь онъ узналъ о смерти жены и о томъ, что добрые люди везутъ двухъ его дѣтей—остальныхъ двухъ (младшихъ) онъ, еще будучи въ Якутскѣ, отдалъ якутамъ на воспитаніе.—Не падая духомъ, Войнаральскій продолжалъ свое путешествіе съ прежней вѣрой въ свои силы. Въ Россіи онъ совершилъ революціонное турнэ по главнѣйшимъ городамъ, собиралъ молодежь, старался вдохнуть въ нее начинавшую оскудѣвать по его мнѣнію вѣру въ революцію и надѣялся связать въ болѣе крѣпкую организацію разрозненные революціонные кружки. Молодежь вообще хорошо принимала старика, сохранившаго пылъ юности, но онъ встрѣтилъ противодѣйствіе своимъ планамъ со стороны соціалъ-демократовъ, этой новой силы, которую онъ еще мало зналъ. Онъ вѣрилъ, что ему удастся преодолѣть это противодѣйствіе и удваивалъ усилія...

Дни его однако уже были сочтены. Организмъ его, надорванный въ ссылкѣ, не могъ долго выдерживать того страшнаго напряженія духовныхъ силъ, въ которомъ онъ находился все время своего путешествія по Россіи. Сильное нервное возбужденіе лишило его сна и добило его слабое здоровье. Не успѣвъ окончить своего объѣзда, онъ скоропостижно скончался въ г. Купянскѣ Харьковской губерніи на рукахъ своей старой знакомой по ссылкѣ Марьи Ипполитовны Легкой, урожденной Тихоцкой.

Двое дѣтей Войнаральскаго, сынъ и дочь, привезены были въ Россію уже послѣ смерти Войнаральскаго и помѣщены на воспитаніе въ извѣстную интеллигентную колонію на Кавказѣ.

Дочь свою отъ первой жены Войнаральскому не удалось увидѣть. Семья, которая ее воспитала, принадлежала къ другому лагерю и встрѣтила Войнаральскаго очень холодно.

Дочь также не проявила никакого интереса видѣть своего отца. Онъ затаилъ эту жестокую обиду въ своемъ сердцѣ и еще съ большимъ одушевленіемъ принялся за начатое дѣло.

Дмитрій Михайловичъ Рогачевъ—Митька, какъ его часто называли — получилъ военное образованіе; окончивъ артиллерійское училище, онъ былъ произведенъ въ офицеры и служилъ въ артиллеріи, какъ и младшій его братъ, повѣшенный въ 84-мъ году. Въ 1873 году онъ былъ уже въ отставкѣ. Будучи уроженцемъ Орловской губерніи, онъ нѣкоторое время послѣ выхода своего

въ отставку, вращался между орловскою молодежью и познакомился между прочимъ съ молодою нигилисткою Вѣрою Павловною Карповою, подчинившеюся его умственному вліянію. Чтобы освободить ее отъ власти родителей, онъ, какъ упомянуто выше, вступилъ съ нею въ фиктивный бракъ, послѣ чего каждый изъ супруговъ пошелъ своею дорогою.

Рогачевъ получилъ революціонную закваску еще въ училищѣ, вмѣстѣ съ Кравчинскимъ, Шишко и др. Ко времени начала движенія 70 годовъ онъ уже выработалъ свое міросозерцаніе и былъ убѣжденнымъ революціонеромъ-народникомъ. Черезъ Кравчинскаго онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ чайковцами, но въ кружокъ ихъ не былъ принятъ.

Рогачевъ не имѣлъ крупнаго организаторскаго таланта, но былъ выдающимся работникомъ. Вліяя на окружающую его молодежь, онъ всегда оставался первымъ между равными, не претендуя на какую-нибудь исключительную роль. Агитаторомъ, въ строгомъ смыслѣ слова, онъ не былъ, но имѣлъ талантъ проповѣдника и популяризатора. Никто лучше его не могъ доказать учащейся и стремящейся къ самообразованію молодежи полную непригодность офиціальной науки для настоящаго, не игрушечнаго только дѣла. Подборомъ доказательствъ, расположенныхъ въ извѣстной системѣ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ приводилъ своихъ собесѣдниковъ къ признанію, что никакая легальная дѣятельность невозможна въ Россіи при существующихъ условіяхъ, тѣмъ-же, кого не убѣдила живая рѣчь, онъ предлагалъ продолжать свое самообразованіе чтеніемъ книгъ въ порядкѣ составленнаго имъ систематическаго каталога.

Революціонная дѣятельность Рогачева имѣла перемежающійся характеръ. Потолкавшись въ интеллигентныхъ кружкахъ, онъ отправлялся для пропаганды въ народъ и послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ путешествій снова возвращался въ города. Здѣсь онъ какъ-бы отдыхалъ и набирался силъ для дальнѣйшей работы въ народѣ.

Рогачевъ появлялся во многихъ кружкахъ въ Петербургѣ, посѣщалъ вмѣстѣ съ Кравчинскимъ московскія собранія молодежи, принималъ дѣятельное участіе вмѣстѣ съ Войнаральскимъ въ Пензенскомъ, Тамбовскомъ и Саратовскомъ кружкахъ. Въ Саратовѣ онъ чуть не былъ захваченъ въ расплохъ во время сна въ квартирѣ учителя, но въ то время, когда жандармы входили для обыска въ дверь, онъ успѣлъ выскочить въ окно (вмѣстѣ съ Коваликомъ и Фаресовымъ) безъ шапки и сапогъ. Въ такомъ видѣ онъ могъ найти себѣ пріютъ только въ домѣ терпимости, одинаково открытомъ и для вѣрноподданныхъ и для революціонеровъ.

Еще болѣе, чѣмъ въ средѣ интеллигенціи, Рогачевъ работалъ въ народѣ. Обладая хорошимъ здоровьемъ и крупной силой, онъ не только не отказывался, но искалъ физической работы. Вмѣстѣ съ Кравчинскимъ онъ работалъ въ ноябрѣ 1873 года въ Тульской губерніи въ качествѣ пильщика. Здѣсь оба они были арестованы,

но имъ удалось бѣжать. Послѣ этого Рогачевъ бурлачилъ по Волгѣ. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ онъ успѣлъ перебывать во многихъ мѣстностяхъ и зналъ народъ въ совершенствѣ. Открытое симпатичное лицо и сердечность, съ которой онъ относился къ каждому встрѣтившемуся на его пути человѣку, привлекали къ нему слушателей. Они не подозрѣвали, что видятъ передъ собою человѣка другого класса—дворянина и интеллигента—и относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Рогачевъ никогда не жаловался на неудачи въ народѣ.

Во время своихъ странствованій Рогачевъ былъ нѣсколько разъ арестованъ сельскою полиціею, но успѣвалъ благополучно убѣгать. О побѣгахъ его создались настоящія легенды, и имя его было однимъ изъ самыхъ популярныхъ среди интеллигентной молодежи. Правительству наконецъ удалось арестовать его въ 1876 г. и прочно засадить въ тюрьму.

Жизнь его въ заключеніи протекала такъ-же, какъ и всѣхъ другихъ арестованныхъ. Въ централкѣ онъ вмѣстѣ съ Муравскимъ, жизнь котораго описана раньше, поддался религіозному настроенію. Подъ вліяніемъ ли этого настроенія, или вслѣдствіе нѣкотораго разстройства нервовъ, въ немъ замѣчалась небольшая, впрочемъ, физическая вялость, которая быстро прошла съ переѣздомъ въ Мценскъ. Здѣсь онъ исцѣлился отъ всѣхъ своихъ недуговъ. Онъ былъ первымъ силачемъ въ тюрьмѣ и уступалъ только своему брату, пріѣзжавшему къ нему для свиданій.

На Кару онъ явился бодрый физически и нравственно. Какъ краткосрочный, онъ не думалъ о побѣгѣ, но въ качествѣ добровольца принималъ участіе въ подземныхъ работахъ, начатыхъ задолго до его пріѣзда съ цѣлью подготовить массовый побѣгъ. По своей выдающейся силѣ онъ неизбѣжно долженъ былъ принять участіе въ перенесеніи изъ тюрьмы въ мастерскую кровати, въ ящикѣ которой спрятанъ былъ Мышкинъ, совершившій первый побѣгъ изъ политической Кары.

Послѣ того, какъ администрація открыла исчезновеніе Мышкина и товарищей, въ тюрьму проникли слухи, что начальство готовитъ погромъ, долженствующій уничтожить всѣ завоеванныя послѣ продолжительной борьбы права полусвободной карійской республики. Ожиданіе погрома вызвало необыкновенное оживленіе среди каторжанъ. Рѣшено было сопротивляться до послѣдней крайности. Рогачевъ былъ избранъ главнокомандующимъ. Онъ организовалъ своего рода боевую дружину, безъ оружія только, которая должна была забаррикадировать всѣ входы и не впускать непріятеля. Начальство однако перехитрило каторжанъ. Не появляясь въ теченіи нѣсколькихъ дней въ тюрьмѣ, оно успокоило или вѣрнѣе усыпило ея обитателей, и затѣмъ ночью, когда все спало крѣпкимъ сномъ, нагрянуло съ массою вооруженныхъ солдатъ. Каторжане безъ сопротивленія сдались въ плѣнъ и были разведены по разнымъ тюрьмамъ-клоповникамъ, гдѣ всячески издѣвались надъ заключенными. Режимъ, установившійся въ этихъ клоповникахъ,

продолжался и въ общей тюрьмѣ, по переселеніи туда арестантовъ. Тюрьма была вынуждена объявить голодовку [1]), которая продолжалась 13 дней и не достигла серьезныхъ результатовъ.

При распредѣленіи домашнихъ работъ между заключенными Рогачевъ обыкновенно выбиралъ самыя тяжелыя изъ нихъ. Однажды, послѣ мытья половъ, онъ простудился, получилъ воспаленіе легкихъ и умеръ въ цвѣтѣ силъ. Это было во второй половинѣ 80-хъ годовъ.

По натурѣ своей Рогачевъ былъ идеалистъ. Онъ даже во время наибольшаго увлеченія революціонной дѣятельностью не могъ оторвать своей мысли отъ вопросовъ этики и въ часы досуга продолжалъ мечтать о нравственномъ самоусовершенствованіи. Въ этихъ мечтахъ онъ забывалъ лишенія, которыя испытывалъ въ своихъ не всегда легкихъ странствованіяхъ въ народѣ. Идеалистомъ онъ остался до конца жизни и сошелъ въ могилу окруженный любовью товарищей.

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ уже извѣстенъ читателямъ русскихъ журналовъ по нѣсколькимъ очеркамъ, посвященнымъ ему, поэтому я не имѣю намѣренія сообщить о немъ полныя біографическія свѣдѣнія и коснусь главнымъ образомъ тѣхъ обстоятельствъ его жизни, которыя извѣстны мало или совсѣмъ неизвѣстны. Поэтому же я обойду молчаніемъ и его знаменитую попытку къ похищенію Чернышевскаго изъ вилюйской тюрьмы.

Мышкинъ прошелъ суровую школу кантонистовъ и собственнымъ трудомъ проложилъ себѣ дорогу къ жизни. Развитіемъ своимъ онъ также обязанъ исключительно самому себѣ; ремесло его— онъ былъ правительственнымъ стенографомъ при окружномъ судѣ,— только въ нѣкоторой степени могло облегчить процессъ его развитія.

Во время своей революціонной дѣятельности Мышкинъ былъ извѣстенъ только немногимъ, соприкасавшимся съ нимъ по дѣлу лицамъ. Кипучая энергія, съ которой онъ брался за всякое дѣло, еще не успѣла создать ему широкой популярности. Онъ никогда не былъ главаремъ движенія и не могъ имъ быть по своему характеру. Ораторскія способности его до суда не имѣли случая проявиться, и никто изъ самыхъ близкихъ къ нему людей не подозрѣвалъ, какой крупный талантъ таится въ немъ. Собственно говоря, онъ только два раза въ своей жизни выступалъ передъ публикою въ качествѣ оратора: первый разъ на судѣ, когда онъ, несмотря на постоянные перерывы предсѣдателя, не только сумѣлъ высказать все то, что хотѣлъ, но и успѣлъ мастерски охарактеризовать въ нѣсколькихъ словахъ революціонное движеніе 70-хъ годовъ. Собственно съ этой рѣчи и начинается популярность Мышкина. Судъ по своему засвидѣтельствовалъ ему свое уваженіе, отнеся его къ числу самыхъ главныхъ организаторовъ движенія. Второй разъ

[1]) Войнаральскій не считалъ ее цѣлесообразною и вмѣстѣ съ меньшинствомъ не участвовалъ въ ней.

онъ сказалъ прочувствованное слово въ Иркутской тюремной церкви при отпѣваніи Дмоховскаго, товарища Долгушина. Объ этой рѣчи разсказалъ М. Р. Поповъ въ «Быломъ». Ораторъ не можетъ существовать безъ толпы. Мышкина могла вдохновить только толпа, въ частныхъ же разговорахъ онъ былъ довольно вялымъ собесѣдникомъ, подъискивающимъ надлежащія слова и чуть-чуть не заикающимся. Мышкинъ-собесѣдникъ и Мышкинъ-ораторъ, казалось, были двумя противуположностями.

Точно также, но въ другомъ отношеніи, Мышкинъ преображался подъ вліяніемъ охватившей его идеи. Самая обыкновенная «идея», которая не даетъ покоя арестанту,—это побѣгъ. Въ обыкновенное время, когда умъ Мышкина не былъ занятъ выношеннымъ въ уединеніи планомъ побѣга, онъ представлялся нервнымъ человѣкомъ, способнымъ по ничтожному поводу совершить самый рискованный для него шагъ. Въ это время онъ казался начальству самымъ опаснымъ и вреднымъ агитаторомъ и неблагодежнымъ человѣкомъ. Но какъ только въ головѣ его слагался планъ, онъ становился неузнаваемъ. Спокойствіе его, казалось, нельзя было ничѣмъ нарушить, общественно-тюремныя дѣла переставали его занимать и въ случаяхъ конфликтовъ съ администраціей онъ старался держаться примирительной политики, а до конфликтовъ пытался предупредить ихъ. Въ это время между арестестантами трудно было найти другого такого благонадежнаго человѣка, какъ Мышкинъ; друзья Мышкина сразу догадывались, что это за благонадежность.

Такъ какъ Мышкинъ не принадлежалъ къ привилегированнымъ сословіямъ, то приговоръ о немъ суда подлежалъ немедленному исполненію, и онъ вскорѣ дѣйствительно былъ увезенъ въ Печенѣжскую централку [1]), гдѣ ужъ сидѣло болѣе 20 человѣкъ. При отсутствіи всякихъ сношеній съ волей, арестантъ, одѣтый въ казенную куртку, съ бритой головой и кандалами на ногахъ и не имѣющій при себѣ никакихъ инструментовъ, казалось, не могъ даже помышлять о побѣгѣ. Но Мышкинъ, оріентировавшись въ централкѣ, сдѣлался «благонадежнымъ», слѣдовательно онъ нашелъ планъ. Ему удалось гдѣ-то раздобыть гвоздь, онъ имѣлъ въ распоряженіи своемъ половую щетку и въ переплетной мастерской, гдѣ каторжане подъ надзоромъ стражника могли работать по одиночкѣ, скралъ кусокъ коленкору. Гвоздемъ онъ вскрылъ половицу и пользовался имъ-же для подкопа, изъ щетки сдѣлалъ себѣ парикъ, а изъ коленкору сшилъ костюмъ, хотя и не франтовской, но не похожій на арестантскій. Долго онъ работалъ, пока довелъ подкопъ до наружной стѣны своей одиночной камеры. Ему оставалось пройти еще одинъ или два аршина и онъ могъ выскочить на тюремный дворъ, войти незамѣченнымъ въ тюремную церковь, а оттуда безъ дальнѣйшихъ приключеній выйти за тюремную ограду.

---

[1]) Объ этой централкѣ см. статью Джабадари въ „Быломъ“. Ранѣе жизнь въ Печенѣгахъ была описана въ брошюрѣ „Заживо-погребенные“.

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Мышкину. Но планъ его рухнулъ, не доведенный до конца. Надзиратель, заглянувъ въ волчекъ (стеклышко въ двери), замѣтилъ отсутствіе Мышкина въ камерѣ и, войдя, нашелъ его на мѣстѣ преступленія—онъ оканчивалъ подкопъ.

По пути въ Сибирь Мышкинъ составилъ планъ побѣга съ этапа, но самъ не пожелалъ имъ воспользоваться и выпустилъ товарища по путешествію, «Ваничку» Мартыновскаго, для себя-же выжидалъ другого благопріятнаго случая, который представился ему однако только на Карѣ. Здѣсь, посовѣтовавшись съ болѣе близкими ему товарищами, онъ рѣшилъ бѣжать, не считаясь съ тѣмъ, что въ тюрьмѣ въ двухъ камерахъ велись общественные подкопы, чрезъ которые предполагалось въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ совершить массовой выходъ изъ тюрьмы. Зачѣмъ, вполнѣ справедливо разсуждалъ Мышкинъ, ожидать неизвѣстно сколько времени выполненія сомнительнаго плана побѣга, когда можно было навѣрняка бѣжать сейчасъ? Кромѣ того вслѣдъ за нимъ и другіе могли воспользоваться, какъ это потомъ и случилось, его планомъ. Мышкинъ былъ вынесенъ въ мастерскую, находившуюся за оградой тюрьмы, въ кровати, требующей яко-бы починки, Рогачевымъ и Коваликомъ, и остался тамъ незамѣченный конвоемъ. Спутникъ его Хрущовъ просто запуталъ счетъ, который вели конвойные по числу приходящихъ въ мастерскую и тоже остался въ ней. Ночью оба скрылись и были арестованы, спустя мѣсяцъ, во Владивостокѣ.

Дальнѣйшая судьба Мышкина извѣстна: онъ, какъ и многіе другіе, нашелъ преждевременную могилу въ Шлиссельбургѣ.

Выше было упомянуто о нервности Мышкина. Подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій она доходила иногда до такой степени, что его можно было признать психически разстроеннымъ. Когда онъ далъ пощечину смотрителю Печенѣжской тюрьмы, само начальство признало его дѣйствовавшимъ въ невмѣняемомъ состояніи и, не совершая надъ нимъ никакой расправы, ограничилось тѣмъ, что перевело его въ Андреевскую тюрьму, гдѣ онъ попалъ въ лучшія условія и скоро оправился. Здѣсь онъ пользовался обществомъ Рогачева, Ковалика, Войнаральскаго и Сажина, съ которыми имѣлъ общія прогулки и вскорѣ вмѣстѣ со всѣми отправленъ былъ во Мценскъ, гдѣ окончательно поправилъ свое здоровье.

Насколько Мышкинъ былъ близокъ къ психическому разстройству, это въ настоящее время трудно сказать. Съ одной стороны существуютъ уровновѣшенные люди, которые считаютъ ненормальнымъ всякаго, кто во имя идеи отказывается отъ доступныхъ ему благъ жизни и идетъ на вѣрную смерть. Съ этой точки зрѣнія Мышкинъ былъ самымъ ненормальнымъ. Съ другой стороны во время продолжительной своей жизни въ средѣ товарищей во Мценскѣ и на Карѣ онъ ни разу не обнаружилъ такой нервности, которая сколько нибудь напоминала-бы психическое разстройство. Не будучи психіатромъ, я на основаніи своихъ наблюденій пришелъ къ заключенію, что самый надежный признакъ, по которому

можно узнать психически разстроеннаго человѣка, это когда онъ, безъ вполнѣ достаточныхъ основаній, притворяется сумасшедшимъ. Мышкинъ однажды въ своей тюремной жизни симулировалъ сумасшедшаго, но я не знаю степени основательности причинъ, по которымъ онъ дѣлалъ это. Изъ его разсказовъ мнѣ показалось, что вполнѣ достаточныхъ причинъ для симуляціи не было. Но такъ это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ многіе могутъ засвидѣтельствовать, что послѣ выхода своего изъ централки Мышкинъ былъ вполнѣ здоровъ, какъ тѣломъ, такъ и духомъ.

Въ семидесятыхъ годахъ въ кругахъ молодежи пользовался сравнительно большой, хотя и не всегда положительной (въ смыслѣ одобренія его міросозерцанія) популярностью человѣкъ уже не первой молодости—Маликовъ. Онъ безъ всякаго сомнѣнія принадлежалъ къ прогрессивному направленію, былъ въ такой же степени, какъ и все передовое общество, народникомъ, но тѣмъ не менѣе не только не пошелъ нога въ ногу съ начинающимся движеніемъ, но пытался повернуть его на другой путь.

Всякое движеніе можно уподобить замкнутому току съ болѣе или менѣе сильнымъ электрическимъ напряженіемъ, оказывающимъ свое вліяніе на большія массы народа или общества. Главный токъ по сосѣдству съ собою вызываетъ индукціонные токи или боковыя теченія, по характеру своему рѣзко отличающіяся отъ основного движенія. Если это послѣднее явилось результатомъ назрѣвшихъ въ широкихъ слояхъ потребностей высшаго порядка, то оно захватываетъ въ кругъ своего вліянія всѣхъ идейныхъ людей. Боковыя теченія поэтому не могутъ имѣть въ основаніи своемъ какой бы то ни было идеи. Эти, явившіяся вслѣдствіе индукціи, теченія такъ же могутъ поднимать энергію, какъ и главныя, но не въ состояніи измѣнить мыслей, выработанныхъ при другихъ условіяхъ жизни. Такимъ образомъ боковыя теченія въ предполагаемомъ случаѣ должны имѣть въ большей или меньшей степени черносотенный характеръ, что мы и наблюдаемъ въ настоящее время. Если же идейное движеніе распространяется только на извѣстную часть общества, какъ это было въ 70-хъ годахъ, то боковыя теченія зарождаются также на идейной почвѣ. Мыслители боковыхъ теченій пытаются разрѣшить влекущіе общество вопросы иначе, чѣмъ дѣятели главнаго теченія, и чаще опираясь на нравственное ученіе съ болѣе или менѣе полнымъ отрицаніемъ внѣшнихъ формъ общественной жизни. Пока господствуетъ главное движеніе, боковыя теченія не могутъ имѣть широкаго распространенія, но потомъ съ наступленіемъ затишья или расцвѣтаютъ, если они сколько-нибудь жизненны, какъ толстовство въ 80 годахъ, или умираютъ, какъ Маликовское.

Въ 1873 году Маликовъ получилъ откровеніе, что истинная религія есть бого-человѣческая. Каждый человѣкъ есть богъ, поэтому въ ближнихъ мы должны любить и почитать божеское достоинство. Боги должны оставить старые грѣховные пути и вести человѣчество впередъ только словомъ убѣжденія, при полномъ непро-

тивленіи злу. Съ такимъ ученіемъ Маликовъ выступилъ въ самый разгаръ революціоннаго движенія.

Всѣ условія, кромѣ главнаго, а именно революціоннаго настроенія молодежи, казалось благопріятствовали распространенію ученія Маликова. Оно затрогивало самыя возвышенныя струны человѣческаго сердца и имѣло своимъ апостоломъ такого даровитаго оратора и извѣстнаго человѣка, какъ Маликовъ. Онъ раньше пострадалъ за убѣжденія и въ описываемое время проживалъ въ Орлѣ. Въ томъ же городѣ жилъ якобинецъ Зайчневскій, отбывшій каторгу въ 60 годахъ. Ограничивая свою задачу только нѣкоторымъ революціонизированіемъ молодежи, онъ подробно не развертывалъ своего якобинскаго міросозерцанія и лишь вносилъ свои поправки въ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ того времени. Русская молодежь никогда не могла понять якобинизма, поэтому Зайчневскій былъ для Маликова мало опаснымъ конкурентомъ. Молодежь толпилась около Маликова, такого-же какъ и она, народника, съ которымъ у нея были общія симпатіи и антипатіи. Къ нему пріѣзжали интеллигенты, не только посторонніе движенію, но и пристроившіеся уже къ революціи — словомъ всѣ тѣ, въ сердцѣ которыхъ копошился еще червь сомнѣнія. Около Маликова сталъ собираться кружокъ послѣдователей, среди которыхъ наиболѣе замѣтны были члены кружка артиллеристовъ Тепловъ и Аитовъ, сестра литератора Пругавина и др. Вслѣдъ за ними въ новую религію увѣровалъ извѣстный революціонный дѣятель Чайковскій. Дѣло, казалось, начинало принимать серьезный оборотъ. Кромѣ настоящихъ послѣдователей Маликова можно было встрѣтить въ разныхъ кружкахъ лицъ, болѣе или менѣе ему сочувствовавшихъ. Когда все это становилось извѣстнымъ въ широкихъ кругахъ молодежи, революціонеры пришли въ нѣкоторые безпокойство и поняли, что необходимо оказать какое нибудь сопротивленіе нарождающемуся ученію. Большая часть ограничивалась впрочемъ полемикою съ сочувствующими Маликову, а нѣкоторые, и въ числѣ ихъ Клеменсъ, ѣздили въ Орелъ, чтобы на мѣстѣ оцѣнить опасность, и тамъ естественно устраивались въ присутствіи вѣрующихъ и молодежи вообще диспуты съ Маликовымъ. Диспуты въ большинствѣ случаевъ оставались безрезультатны; по мнѣнію присутствовавшихъ логика была на сторонѣ революціонеровъ, но сочувствіе большинства на сторонѣ Маликова.

Безпокойство революціонеровъ въ сущности не имѣло твердой почвы. Не было никакихъ основаній опасаться, что боковое теченіе пересилитъ главное. Напротивъ, при внимательномъ отношеніи къ вопросу нельзя было не видѣть, что все новое ученіе держится только талантомъ Маликова. Въ самомъ дѣлѣ, если Маликовъ и пріобрѣталъ много прозелитовъ, то его послѣдователи не пріобрѣли ни одного. Надо было признать одно изъ двухъ: если движеніе 70 годовъ жизненно, то должно потерпѣть полное фіаско боковое теченіе, если же оно восторжествуетъ, то революціонное движеніе должно признать себя несостоятельнымъ. У революціонеровъ не

могло быть двухъ отвѣтовъ на вопросъ и потому они въ концѣ концовъ махнули рукою на ученіе Маликова и предоставили ему умереть естественною смертью.

Переходъ Маликова съ оппозиціоннаго пути на почву непротивленія злу не избавилъ его отъ преслѣдованій со стороны жандармовъ. Онъ былъ арестованъ и пристегнутъ къ дознанію по политическому дѣлу, закончившемуся процессомъ 193-хъ. Обаяніе личности Маликова и его широкая извѣстность привлекли на допросъ его много жандармовъ и прокуроровъ. Тутъ же присутствовалъ и самъ генералъ Слезкинъ, въ рукахъ котораго было сосредоточено все дознаніе.

Спрошенный о виновности, Маликовъ сначала отвѣчалъ вяло, но мало-по-малу вдохновился и въ блестящей рѣчи развилъ основы своего ученія. Въ серединѣ рѣчи генералъ махнулъ рукой и сказалъ своимъ подчиненнымъ, что Маликова можно выпустить. Такъ практикъ сыскного дѣла оцѣнилъ значеніе новой религіи, проповѣдью которой послѣдователи ея думали обновить міръ.

Чрезъ нѣкоторое время послѣ своего освобожденія Маликовъ вмѣстѣ съ Чайковскимъ отправились въ Америку и основали тамъ общину, которая просуществовала недолго. Оба апостола возвратились Маликовъ въ Россію, а Чайковскій въ Западную Европу. Дальнѣйшія подробности о Маликовѣ можно найти въ посвященной его памяти статьѣ Фаресова.

Кромѣ очерченныхъ выше лицъ движеніе 70 годовъ выдвинуло много другихъ, оставившихъ свой слѣдъ въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. Къ этой категоріи принадлежатъ: Натансонъ, Кравчинскій, Сажинъ, Клеменсъ, Брешковская, Коваликъ и много другихъ; изъ нихъ Кравчинскій уже извѣстенъ русской публикѣ, а остальные находятся еще въ живыхъ и производить оцѣнку ихъ я считаю преждевременнымъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые могутъ принимать участіе въ современномъ освободительномъ движеніи.

Въ заключеніе замѣчу, что какъ-бы ни была велика роль всѣхъ лицъ, упомянутыхъ выше, они не могутъ быть признаны творцами, или, какъ полагалъ судъ, зачинщиками движенія. Только люди старой исторической школы и чиновники воспитанные бюрократіей, всегда неподготовленной къ пониманію новыхъ явленій жизни, могутъ считать крупныя стихійныя движенія результатомъ замысла и агитаціи нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ.

IX.

Дальнѣйшая характеристика движенія.—Народничество.

Познакомивши читателя съ наличными силами движенія, продолжаю его характеристику, уже данную въ общихъ чертахъ въ IV главѣ.

Подготовительный періодъ движенія продолжался съ осени 1873 до весны 1874 года. Въ этотъ короткій промежутокъ времени—полгода съ небольшимъ—движеніе постоянно измѣняло свою форму, поэтому для болѣе яснаго его пониманія необходимо подраздѣлить подготовительный періодъ на три части: 1) чисто народническое движеніе; 2) постоянное революціонизированіе движенія и выработка программъ и 3) окончательная организація движенія и переходъ на путь практической дѣятельности.

Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности не могло быть такого рѣзкаго разграниченія промежуточныхъ ступеней движенія, какое дано въ предъидущей схемѣ. Въ теченіе всего подготовительнаго періода можно было одновременно наблюдать и народничество, и выработку программъ, и организацію, но въ каждое данное время преобладали тѣ или другія характерныя черты, оправдывающія предлагаемое подраздѣленіе.

Выше было показано, что передовая часть общества семидесятыхъ годовъ была склонна къ народничеству. Молодежь, идущая всегда въ самыхъ переднихъ рядахъ общества, должна была тѣмъ болѣе воспринять народническое міросозерцаніе. Сильно возбужденный интересъ къ народу убивалъ и безъ того слабый въ то время интересъ къ политикѣ. Къ чему конституція и разныя политическія свободы, если народъ голодаетъ? При существовавшихъ условіяхъ жизни, молодежь не могла воспитать въ себѣ политическихъ интересовъ. Цензура не давала прессѣ останавливаться на фактахъ, вызывавшихъ стремленіе къ политической борьбѣ. Газеты были распространены весьма слабо, отличались сухостью и наводили скуку, поэтому мало читались молодежью. Она не хотѣла знать того, что въ жизни Европы политическій вопросъ ставился ранѣе или одновременно съ соціальнымъ, и мечтала только о разрѣшеніи послѣдняго. Она съ большимъ интересомъ изучала теоріи Оуэна, Сенъ-Симона, Фурье и др. и вообще склонялась къ утопическому соціализму, полагая, что онъ восторжествуетъ, какъ только люди поймутъ его. Особенную цѣну въ глазахъ молодежи пріобрѣли чистыя соціалистическія идеи, безъ примѣси политики, во время затишья между Нечаевскимъ дѣломъ и движеніемъ семидесятыхъ годовъ. Хорошей иллюстраціей въ этомъ отношеніи можетъ служить образовавшійся въ 1871 году довольно большой американскій кружокъ, который предпочелъ соціализмъ даже народничеству. Кружокъ понималъ, что при существующихъ политическихъ условіяхъ, онъ не можетъ работать для своего народа и потому рѣшилъ начать обновленіе человѣчества устройствомъ коммуны въ свободной Америкѣ. Какъ только началось движеніе, открывшее перспективы дѣятельности въ средѣ русскаго народа, всѣ до одного члены кружка присоединились къ движенію и въ Америку не поѣхали. Въ описываемое время были въ большомъ ходу коммуны—общежитія и артели, болѣе или менѣе соціалистическаго характера... Примѣромъ могутъ служить студенческія коммуны и Петербургская сапожная артель, устроенная передовою женщиною Смит-

тенъ, изъ этой артели взятъ былъ Войнаральскимъ членъ ея Пельконенъ для завѣдыванія мастерской въ Саратовѣ. Молодежь находила въ соціализмѣ единственное утѣшеніе въ той пустотѣ жизни и мысли, которыя были дѣломъ государственной мудрости нашихъ правителей.

Съ началомъ движенія прежде всего оживились народническія тенденціи молодежи. Въ ея міросозерцаніи народничество стало занимать центральное мѣсто. Молодежь уже начинала смутно сознавать, что все старое міросозерцаніе должно быть перестроено, но пока ограничивалась тѣмъ, что подчеркивала свое народничество. Сильная вѣра требуетъ дѣлъ, безъ которыхъ она рискуетъ остаться мертвой. Народническія тенденціи, достигнувъ извѣстной интенсивности, также требовали поступковъ, переходя отъ слова къ дѣлу. Слово—объ уплатѣ долга народу—было уже давно произнесено учителемъ молодежи П. Л. Лавровымъ и глубоко запало въ ея душу, но оставалось неясно, какое же именно нужно дѣло. Не имѣя готовыхъ политическихъ идеаловъ, которые могли бы послужить критеріемъ при рѣшеніи этого вопроса, молодежь могла обратиться за помощью только къ этикѣ, къ идеалу нравственному. Прежде всего человѣкъ долженъ быть честенъ, сказала она себѣ: нельзя пользоваться тѣмъ, что не составляетъ достоянія всѣхъ людей. Поэтому долой всякое привилегированное положеніе! Требованіе это обсуждалось съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ душѣ каждаго молодого человѣка въ той или другой формѣ возникалъ вопросъ, имѣетъ-ли онъ, какъ нравственное существо, право, и въ какой степени, пользоваться унаслѣдованными отъ предковъ преимуществами богатства, культуры и образованія. Приподнятое настроеніе подсказывало самыя радикальныя рѣшенія. Каблицъ, какъ было упомянуто выше, накопленіе знаній считалъ столь-же безнравственнымъ, какъ и накопленіе въ частныхъ рукахъ капиталовъ. Вопросы о знаніяхъ и культурѣ не всѣми разрѣшались такъ радикально, но въ отношеніи матеріальныхъ благъ не было двухъ мнѣній. Никто не имѣетъ права пользоваться этими благами въ большей степени, чѣмъ народъ или представитель его, рабочій — вотъ единогласное мнѣніе передовой молодежи того времени. Но такое общее рѣшеніе не удовлетворяло многихъ. Имъ казалось, что необходимо установить точную норму потребностей интеллигента-народника, и по этому вопросу созывался рядъ собраній. Выступавшіе ораторы подвергали подробному разсмотрѣнію каждую человѣческую потребность и искали той законной мѣры, въ какой она могла быть удовлетворяема. Возникали даже вопросы, честно-ли ѣсть мясо, когда народъ питается вообще растительною пищею. Послѣ самаго детальнаго обсужденія всѣхъ мелочей, большинство склонялось къ признанію, что интеллигентъ имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ потребностей въ той мѣрѣ, въ какой ихъ удовлетворяетъ простой чернорабочій или вообще получающій наименьшую заработную плату. Что требовалось отъ интеллигента, то почему-то не было обязательно для рабочаго, получающаго болѣе высокое вознагражденіе за свой квалифицированный трудъ и питаю-

щагося нерѣдко лучше, чѣмъ бѣдный студентъ. Такой рабочій оставался честнымъ, тогда какъ интеллигентъ, имѣющій равныя съ нимъ потребности, заслуживалъ упрековъ. Очевидно нравственное ученіе само по себѣ не въ состояніи рѣшить тѣхъ вопросовъ жизни, которые связаны съ данными формами общественнаго строя.—Тамъ, гдѣ этика оказывалась безсильной, молодежь прибѣгала къ помощи народническихъ идеаловъ. Народъ она знала въ большинствѣ случаевъ только по книжкамъ и потому страшно его идеализировала. Крайніе народники были даже увѣрены, что народъ самъ укажетъ интиллигенту, желающему слиться съ нимъ, что онъ долженъ дѣлать и куда направить свои силы. Менѣе крайніе чувствовали, что у нихъ должна быть кое какая программа для работы среди народа, но не могли удачно сформировать ее. Для этого имъ нужна была помощь болѣе опытныхъ людей, знавшихъ дѣйствительныя нужды народа и возможные способы дѣятельности въ его средѣ. Такіе люди и явились въ лицѣ отдѣльныхъ радикаловъ-революціонеровъ и членовъ радикальныхъ кружковъ, уже усвоившихъ, или по меньшей мѣрѣ начинавшихъ усвоивать революціонныя ученія Лаврова и Бакунина. Подъ ихъ вліяніемъ сходки оживились и стали чуть-ли не ежедневнымъ явленіемъ. Несмотря на самый мирный повидимому характеръ сходокъ, на нихъ велась борьба двухъ направленій, одного чисто народническаго и другого революціоннаго, но еще недостаточно опредѣлившагося. Борьба эта во многихъ отношеніяхъ напоминала борьбу западниковъ и славянофиловъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Народническая молодежь въ сущности не имѣла ничего общаго съ отживавшими славянофилами, но у нея была одна черта, свойственная также и славянофиламъ: она обожала свой народъ и отъ него и только отъ него ожидала новаго откровенія. Подобно славянофиламъ, она также не знала, что именно она должна дѣлать въ народѣ. При самомъ поверхностномъ обсужденіи этого вопроса, мысль невольно наталкивалась на препятствія, которыя ставитъ правительство всякой просвѣтительной работѣ въ народѣ. Естественно возникалъ вопросъ, возможна-ли какая-нибудь правильная дѣятельность въ полицейской вотчинѣ, именовавшейся Россійскимъ Государствомъ. Народники, не будучи въ состояніи справиться съ этимъ вопросомъ, закрывали на него глаза и надѣялись, что вѣра ихъ въ народъ подскажетъ имъ, что именно слѣдуетъ дѣлать. Революціонеры явились въ среду народнической молодежи съ самой широкой формулой отрицанія. Весь существующій строй, какъ экономическій, такъ и политическій, говорили они, никуда не годенъ, и потому единственно возможная дѣятельность въ народѣ и вмѣстѣ съ народомъ это окончательное, вплоть до самаго основанія, разрушеніе этого отжившаго строя. Революціонеры въ своихъ проповѣдяхъ являлись до нѣкоторой степени тѣмъ-же, чѣмъ были западники въ 60 годахъ—ученіе свое они получили съ запада и должны были вести борьбу съ самобытностью народниковъ — этихъ новыхъ славянофиловъ.

При всемъ различіи основныхъ точекъ зрѣнія у борящихся сторонъ, ихъ сближала безграничная любовь къ народу, подсказывавшая имъ иногда одинаковыя, или почти одинаковыя мнѣнія. Нѣкоторыя, а можетъ быть, и большинство революціонеровъ, какъ Лавровскаго, такъ и Бакунинскаго направленій, вѣрило, что русскій народъ, сохранившій одинъ, несмотря на всѣ историческія превратности своей судьбы, общину и не испытавшій вредныхъ послѣдствій капитализма, увидитъ первый осуществленіе на землѣ соціализма. Здѣсь слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что Лавровцы и тѣмъ болѣе Бакунисты не считали общину панацеей, защищающей народъ отъ всѣхъ бѣдъ, и только полагали, что черезъ общину легче осуществить соціалистическій строй, чѣмъ безъ нея. Эти упованія революціонеровъ на русскій народъ настолько сближали ихъ съ народниками, что казалось шла не борьба, а взаимное согласованіе направленій чисто-народническаго и революціоннаго.

Побѣда, между тѣмъ, все болѣе и болѣе склонялась на сторону революціонеровъ и была въ концѣ концовъ не менѣе рѣшительна, чѣмъ западниковъ надъ славянофилами. Но между этими двумя побѣдами существуетъ и крупная разница. Побѣжденные новыми западниками народники вошли полноправными членами въ кружки побѣдителей и окончательно съ ними слились, славянофилы-же 60-хъ годовъ, выбитые изъ своихъ позицій, чаще всего становились реакціонерами и продолжали борьбу съ передовыми западниками уже на другомъ фронтѣ.

Во многихъ случаяхъ можно наблюдать, что чѣмъ дальше мы отъ ходячихъ мнѣній, тѣмъ ближе къ истинѣ. Ходячее мнѣніе по отношенію къ движенію 70-хъ годовъ, хотя и недостаточно опредѣлилось, но склоняется къ тому, что это было скорѣе мирное, чѣмъ революціонное движеніе чисто-народническаго характера. Ошибочность этого мнѣнія происходитъ отъ смѣшенія двухъ моментовъ. Движеніе, революціонное по существу, имѣло чисто народническую форму. Студенты и гимназисты бросали европейскіе костюмы, одѣвались въ поддевки и шли въ народъ; отсюда ходячее мнѣніе заключало, что и существо движенія народническое. Нѣкоторые пошли далѣе и утверждали, что революціонеры 70-хъ годовъ боролись не только за интересы народа, но и за его мнѣнія. Въ данномъ случаѣ смѣшиваются двѣ фазы движенія. Какимъ образомъ анархистъ, напр., могъ подчиняться мнѣніямъ народа, если онъ, прежде всякаго знакомства съ народомъ, усвоилъ, какъ непреложный догматъ, космополитическое ученіе объ анархіи, какъ о самомъ совершенномъ строѣ общества, и шелъ въ народъ съ программою, выработанною секціею Юрской федераціи, русскою только по имени? Паленъ въ своей секретной запискѣ о революціонной пропагандѣ, распространившейся въ тридцати слишкомъ губерніяхъ, былъ ближе къ истинѣ, признавая за движеніемъ революціонный характеръ.

X.

Революціонизированіе движенія и выработка программъ.

Побѣда революціоннаго направленія, о которомъ сказано выше, еще не была завершена вполнѣ къ концу народническаго періода движенія. Часть молодежи еще не была вполнѣ убѣждена въ правильности точки зрѣнія революціонеровъ. Проповѣдь непрерываемой борьбы съ государственною властью на первый разъ ошеломила эту часть молодежи, и ей нужно было время, чтобы переварить слышанное. Это время она и получила въ самомъ началѣ разсматриваемаго въ настоящей главѣ періода, когда продолжались начатыя еще въ предыдущемъ періодѣ разсужденія объ устройствѣ мастерскихъ. Разсужденія эти не вызывали рѣзкаго столкновенія мнѣній. Всѣ въ принципѣ были согласны въ томъ, что прежде чѣмъ идти въ народъ, необходимо изучить какое нибудь ремесло и привыкнуть къ физическому труду. Нѣкоторыя разногласія встрѣчались впрочемъ и при разговорахъ на эту тему. Не вполнѣ еще отказавшіеся отъ чистаго народничества молодые люди смотрѣли на дѣло съ этической точки зрѣнія: только при знаніи ремесла можно жить совершенно самостоятельно, не ложась въ конечномъ подсчетѣ на шею народа. Революціонеры-же видѣли въ знаніи ремесла главнымъ образомъ средство сойтись съ народомъ, не вызывая въ немъ подозрѣній въ какомъ-либо зломъ умыслѣ.

Выше была отмѣчена тенденція народнической молодежи рѣшать простые вопросы слишкомъ по кабинетному, какъ это было, напримѣръ, при установленіи меню интеллигента, уплачивающаго свой долгъ народу. При обсужденіи вопроса о ремеслѣ случилось нѣчто подобное. Признаніе ремесла обязательнымъ для каждаго интеллигента безъ исключенія, независимо ни отъ его индивидуальныхъ качествъ, ни отъ степени его здоровья, вызвало толки о томъ, какое ремесло менѣе всего вредитъ здоровью и потому наиболѣе пригодно для интеллигентовъ. Этому вопросу посвящена была почти цѣлая сходка. Одни высказывались за кузнечество, другіе за сапожное мастерство и т. д., пока одинъ агитаторъ не сорвалъ вопроса, замѣтивъ, что самое вредное ремесло революціонное, потому что влечетъ за собою каторгу и висѣлицу.

Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ разсужденій, кружки приступили къ устройству мастерскихъ или обученію ремесламъ на дому. Въ Петербургѣ была устроена слесарная мастерская артиллеристами при участіи Чайковцевъ. Москва не отстала отъ Петербурга. Дебагоріо-Мокріевичъ обучалъ товарищей сапожному дѣлу на частной квартирѣ и т. д.

Мастерскія усердно посѣщались интеллигентами, не только своего, но и чужихъ кружковъ. Молодежь хотѣла, какъ можно скорѣе, завоевать себѣ право на физическій трудъ, которое она, казалось, пріобрѣтала изученіемъ ремесла. Впрочемъ, мастерскія

имѣли обыкновенно и другое значеніе: онѣ служили центромъ для пропаганды и агитаціи. Въ мастерской артиллеристовъ перебывала масса народа и несомнѣнно часть его получила въ ней свое революціонное воспитаніе.

Устройствомъ мастерскихъ, задуманныхъ еще народниками. была выполнена послѣдняя, ясная для всѣхъ, часть ихъ программы, Интеллигентъ, изучившій ремесло, могъ уже считать себя рабочимъ, имѣющимъ доступъ во всякую народную среду. Далѣе самъ собою возникалъ вопросъ, что дѣлать въ народѣ, вопросъ, на который народники не имѣли отвѣта. Поэтому выработка программъ стала дѣломъ рукъ исключительно революціонеровъ; чистое народническое направленіе въ это время окончательно сходитъ со сцены. Если еще и оставались непреклонные народники, то они перестали появляться на сходкахъ. Почти одновременно съ чистыми народниками стали сходить со сцены Лавровцы [1]); теперь на сходкахъ можно было встрѣчать лишь отдѣльныхъ представителей этого направленія. Такимъ образомъ поле сраженія осталось за революціонерами, признавшими себя анархистами.

Не слѣдуетъ забывать, что какъ революціонныя идеи, такъ и временные лозунги движенія вырабатывались въ борьбѣ направленій или, по меньшей мѣрѣ, мнѣній. Побѣдившее мнѣніе имѣло тѣмъ большее значеніе для широкихъ круговъ молодежи, чѣмъ сильнѣе была предшествовавшая ему борьба. Теперь, когда на очередь выступила разработка программы, борьба должна была происходить, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ одного направленія — анархическаго.

Анархизмъ не дѣлился на толки, такъ какъ всѣ были согласны въ пониманіи основныхъ его положеній. Но, по аналогіи съ французскими республиканцами, анархистовъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: коренныхъ и своего рода ralliés, т. е. присоединившихся. Подъ первыми нужно понимать отдѣльныхъ дѣятелей и кружки, съорганизовавшіеся во имя анархіи и бросившіеся въ движеніе съ цѣлью пропаганды этого ученія. Сюда, главнымъ образомъ, относятся три петербургскихъ и одинъ кіевскій кружокъ (Мокріевича). Въ категорію вторыхъ слѣдуетъ отнести всѣ тѣ кружки, которые усвоили анархію уже въ то время, когда они имѣли свою радикальную или даже революціонную программу и во имя ее работали. Сюда относятся, прежде всего, Чайковцы, а также и большинство старыхъ кружковъ (напр., Одесскій Волховского) или новыхъ, состоявшихъ подъ ихъ вліяніемъ (напр. артиллеристы). Между этими двумя видами анархизма и началась борьба при выработкѣ новой и общей для всѣхъ программы революціонной дѣятельности.

Борьба, какъ и прежде, велась не съ глазу на глазъ, а передъ

---

1) Объ этомъ разсказано въ VI главѣ. Между Лавровцами и народниками было нѣкоторое сродство, такъ что Лавровецъ часто бываетъ въ то-же время и народникомъ. Въ предыдущемъ изложеніи я старался не смѣшивать ихъ между собою, такъ какъ я имѣлъ цѣлью охарактеризовать направленія, а не лица.

лицомъ всего народа, т. е. на сходкахъ при участіи всѣхъ желающихъ. Дѣло происходило обыкновенно такимъ образомъ: агитаторы изъ Бакунистовъ (коренныхъ) и Чайковцевъ или другихъ старыхъ кружковъ приходили на собраніе въ какой-нибудь молодой кружокъ, который уже пріобщился къ движенію, но не сталъ еще твердо на революціонную почву. Ставился какой-нибудь частный вопросъ программнаго характера и начинались горячіе дебаты. Тутъ происходилъ, можно сказать, публичный турниръ, имѣвшій цѣлью привлеченіе каждымъ изъ борящихся на свою сторону слушателей. Послѣдніе тоже участвовали въ спорахъ, поддерживая то одну, то другую сторону.

Спорили о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о степени подготовленности интеллигенціи для дѣятельности въ народѣ, о формѣ этой дѣятельности, о значеніи агитаціи и пропаганды, о преимуществахъ летучей пропаганды, о степени революціонности народа, о значеніи мелкихъ бунтовъ, о роли въ народѣ женщинъ-пропагандистокъ и т. д., наконецъ даже о способѣ организаціи революціонеровъ.

Послѣдній вопросъ былъ возбужденъ Рабиновичемъ, доказывавшимъ, что организація должна имѣть характеръ строго-централистскій [1]), но онъ по молчаливому согласію борящихся сторонъ скоро былъ снятъ съ очереди. Молодежь, не имѣвшая никакой политической опытности и знавшая только отрицательныя стороны генеральства, склонна была видѣть въ проповѣди централизаціи и дисциплины замаскированное желаніе лишить ее свободы самоопредѣленія—этого права, которое, казалось, должно принадлежать каждому развитому человѣку—и подчинить ее новымъ генераламъ. Что-же касается другихъ, перечисленныхъ выше, вопросовъ, то они были предметомъ самаго внимательнаго обсужденія и трактовались на многихъ сходкахъ.

При обсужденіи вышеупомянутыхъ вопросовъ коренные анархисты стояли за такой способъ ихъ разрѣшенія, который не препятствовалъ-бы осуществленію немедленной и самой активной дѣятельности въ народѣ. Они поэтому признавали, что молодежь, усвоившая анархическое ученіе, вполнѣ готова для практической дѣятельности, что народъ не только созрѣлъ для пониманія пропагандируемыхъ ему идей, но имѣетъ въ своей средѣ достаточное количество лицъ, способныхъ стать активными революціонерами, что агитація поэтому имѣетъ большее значеніе, чѣмъ пропаганда, что мелкіе бунты, естественно вспыхивающіе въ крестьянствѣ, воспитываютъ революціонныя чувства въ народѣ и подготовляютъ

[1]) Вопреки тому, что принято думать объ анархистахъ, здѣсь кстати замѣтить, что Бакунинъ и его послѣдователи признавали строгую централизацію наилучшей формой организаціи, которая только и могла быть противупоставлена сильной и тоже централистской организаціи современнаго государства. На первое время анархисты считали полезнымъ, чтобы центральная организація не объявляла открыто о своемъ существованіи и составилась изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ анархистскихъ кружковъ.

его къ общему возстанію, что летучая пропаганда захватываетъ большій кругъ лицъ и потому, въ цѣляхъ только пропаганды въ народѣ, нѣтъ надобности осѣдать крѣпко и на долго въ опредѣленныхъ мѣстахъ, и т. д. «Присоединившіеся» придерживались вообще болѣе умѣренныхъ взглядовъ и соблюдали большую осторожность въ рѣшеніи практическихъ вопросовъ. Въ доказательство правильности своей точки зрѣнія они ссылались на свой опытъ, коренные-же анархисты по ихъ мнѣнію мало знаютъ народъ, разсуждаютъ больше по книжкамъ и прежде какихъ-нибудь рѣшительныхъ дѣйствій должны потолкаться въ народѣ и хорошенько его изучить.

Присоединившимся, особенно изъ среды Чайковцевъ, нельзя отказать ни въ эрудиціи, ни даже въ талантахъ, но у нихъ чувствовалась часто нѣкоторая двойственность. У нихъ было свое достаточно разработанное міросозерцаніе, въ которое анархическое ученіе насильственно вторглось и заставило себя признать. Точно также у нихъ были намѣчены и практическіе способы дѣятельности, которые теперь требовалось пересмотрѣть, чтобы согласовать съ новымъ ученіемъ. Вслѣдствіе этого у нихъ замѣчались нѣкоторыя колебанія—оружіе свое въ борьбѣ они какъ-бы держали не твердыми руками. Наоборотъ коренные анархисты, считая себя апостолами новаго ученія, свободно, безъ всякихъ оглядокъ назадъ, развивали его до послѣднихъ, хотя бы и самыхъ крайнихъ, выводовъ. Въ движеніи они все время играли роль крайней лѣвой.

Молодежь, особенно во времена движеній, не любитъ останавливаться на полдорогѣ и слѣдуетъ за тѣмъ, кто доводитъ свою идею до логическаго конца. Она всегда рукоплещетъ рѣшительному отрицанію стараго и широкимъ обобщеніямъ, служащимъ основаніемъ новому. Ее нельзя смутить сомнѣніями въ осуществимости идеи въ данное время—на эти сомнѣнія она отвѣчаетъ: приналяжемъ крѣпче и цѣль будетъ достигнута. Отсюда понятна побѣда революціонеровъ надъ лавровцами и народниками. Этимъ же въ значительной степени объясняется перевѣсъ сравнительно малочисленныхъ коренныхъ анархистовъ надъ присоединившимися. Перевѣсъ этотъ сталъ сказываться довольно рано. Бывало, что молодежь, во время обсужденія какого-нибудь вопроса, соглашается съ ораторами изъ присоединившихся, но потомъ на слѣдующую сходку приходитъ со взглядами коренныхъ анархистовъ. Въ большинствѣ сходокъ побѣда не склонялась ни на чью сторону, но тѣмъ не менѣе коренные анархисты усиливались. На нѣсколькихъ сходкахъ они терпѣли даже видимое пораженіе—это случалось тогда, когда по вопросу, касающемуся выясненія условій крестьянской жизни, отъ присоединившихся выступалъ ораторъ, бывавшій въ народѣ и умѣвшій противъ теоретическихъ положеній своихъ противниковъ удачно приводить конкретные факты. Но и эти случаи пораженій не на долго задерживали распространеніе крайнихъ анархическихъ идей.

Само собою понятно, что дѣленіе анархистовъ на коренныхъ и ralliés только приблизительное и даже схематическое. Въ старыхъ кружкахъ были также убѣжденные анархисты, смѣло идущіе въ своихъ выводахъ до логическаго конца. Первое мѣсто между такими анархистами занимаетъ Кропоткинъ. Онъ безъ сомнѣнія былъ тоже «коренной», но въ періодъ обсужденія программныхъ вопросовъ, будучи занятъ пропагандою среди рабочихъ, мало появлялся на сходкахъ. Другимъ убѣжденнымъ анархистомъ былъ Чарушинъ, также какъ и Кропоткинъ, принадлежавшій къ кружку Чайковцевъ. Оба они въ практическихъ вопросахъ занимали большею частью серединную позицію между крайними и болѣе осторожными анархистами. Въ рѣшеніяхъ вопросовъ они конечно не могли далеко отходить отъ своего кружка, но особенно Кропоткинъ велъ анархическую пропаганду среди членовъ этого послѣдняго. Еще ранѣе Кропоткинъ составилъ записку подъ заглавіемъ «Должны-ли мы заниматься разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя». Эта записка имѣетъ анархическій характеръ и въ ней уже до извѣстной степени виденъ будущій послѣдовательный анархистъ. Вотъ содержаніе ея въ томъ видѣ, какъ она изложена въ обвинительномъ актѣ:

Доказавъ цѣлымъ рядомъ доводовъ непригодность всѣхъ существующихъ формъ государственной жизни, авторъ предоставляетъ народу разрѣшеніе вопроса объ идеалѣ будущаго строя. «Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ народъ можетъ осуществить свой идеалъ, авторъ записки находитъ, что единственнымъ для сего путемъ представляется насильственный соціальный переворотъ, который не ограничился бы только ниспроверженіемъ государственности, но и уничтожилъ бы весь существующій соціальный и экономическій строй народной жизни; всѣ мирные пути прогресса отвергаются въ запискѣ и признаются даже вредными. Для подготовленія соціальной революціи въ Россіи необходимо образовать революціонную организацію, основными положеніями которой должны служить: полнѣйшее равенство всѣхъ ея членовъ, отсутствіе всякаго подчиненія всѣхъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, отрицаніе обмана и насилія въ взаимныхъ отношеніяхъ и въ то же время признаніе обмана и насилія [1]) вполнѣ разумными и необходимыми средствами въ отношеніяхъ членовъ организаціи къ правительственной власти и представителямъ капитала. Подготовительная дѣятельность революціонной организаціи должна быть направлена главнымъ образомъ на увеличеніе числа ея единомышленниковъ въ средѣ крестьянства и городскихъ рабочихъ посредствомъ дѣятельной пропаганды своихъ воззрѣній и усиленія недовольства противъ правительства. Участіе въ революціонной организаціи учащейся молодежи отвергается запиской. Въ организацію должны быть принимаемы только тѣ представители упомянутой

[1]) Здѣсь составитель обвинительнаго акта, повидимому, не совсѣмъ точно излагаетъ записку.

молодежи, которые, бросивъ науку, отправятся въ народъ для пропаганды, отрѣшившись отъ всей своей предъидущей жизни не только въ принципѣ, но и во внѣшней формѣ, оставивъ всѣ свои привычки и поставивъ себя вполнѣ въ положеніе рабочаго. Люди изъ народа признаются авторомъ записки наиболѣе надежными и полезными революціонерами. Для подготовленія такихъ дѣятелей агитаторы должны поселиться между крестьянами и вести осѣдлую пропаганду посредствомъ сближенія съ народомъ [1]). Для приведенія въ извѣстность результатовъ пропаганды и выработки дальнѣйшихъ мѣръ, въ запискѣ рекомендуется устройство періодическихъ съѣздовъ агитаторовъ, а затѣмъ авторъ записки обращаетъ особенное вниманіе на подготовку революціонныхъ дѣятелей изъ городскихъ рабочихъ, которые, возвращаясь на родину, могутъ распространять между крестьянами соціальныя идеи, усвоенныя отъ агитаторовъ. Кромѣ устной пропаганды, признанной наиболѣе цѣлесообразною, авторъ допускаетъ и пропаганду литературную, въ видахъ которой организація должна озаботиться изготовленіемъ и распространеніемъ въ народѣ книгъ, въ родѣ разсказовъ о сильныхъ и выдающихся личностяхъ изъ народа, картинъ безвыходности современнаго соціальнаго строя и т. п. Стачки рабочихъ и устройство артелей не одобряются авторомъ, такъ какъ означенныя мѣры въ свою очередь служатъ средствомъ къ скопленію капиталовъ и въ результатѣ оказываютъ вредное вліяніе на народъ. Мѣстныя волненія между рабочими (и крестьянами) и сопротивленіе властямъ признаются имѣющими для народа «воспитательное» значеніе въ смыслѣ революціонномъ, почему, не совѣтуя агитаторамъ возбуждать (искусственно?) подобныя явленія, дабы не отвлекать ими народа отъ стремленія къ достиженію главной цѣли— всеобщаго возстанія во имя коренного переворота—авторъ находитъ тѣмъ не менѣе полезнымъ не препятствовать ихъ развитію, если только они вызываются естественнымъ путемъ. Въ заключеніе авторъ опредѣляетъ отношенія русской революціонной организаціи къ международной ассоціаціи рабочихъ и къ русскимъ эмигрантамъ, причемъ, заявляя полное сочувствіе къ дѣятельности секцій федералистовъ и преимущественно ея русскихъ представителей, вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ *полной* [2]) (курсивъ обвинителя) солидарности со всѣми партіями эмигрантовъ, признавая, что русская народная революціонная партія должна самобытно развиться среди Русскаго Народа».

Записка предназначалась для Чайковцевъ, которыми и были

---

[1]) Это не совсѣмъ ясно. Повидимому рѣчь идетъ о томъ, что для привлеченія отдѣльныхъ лицъ изъ народа въ революціонную организацію, нельзя ограничиваться летучей пропагандой, и необходимо осѣсть въ народѣ и сблизиться съ этими лицами.

[2]) Въ программѣ цюрихской секціи содержится отрицаніе религіи—атеизмъ. Ни Кропоткинъ, ни русская молодежь не считали цѣлесообразнымъ затрагивать религіозныя чувства народа. Уже по этому не могло быть и рѣчи о полномъ согласіи съ федераціей, а не со всѣми партіями эмигрантовъ, какъ формулируетъ обвинитель. Со всѣми партіями никто не можетъ согласиться.

приняты главнѣйшія ея положенія. Пространныя объясненія автора по отношенію къ организаціи—полное равенство, отсутствіе обмана и насилья—очевидно вызваны боязнью, чтобы не повторились ошибки нечаевской организаціи. Казалось-бы вмѣсто всѣхъ этихъ азбучныхъ истинъ достаточно было сказать, что организація должна составляться изъ людей, строго подобранныхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Отсутствіе упоминанія о дисциплинѣ также характерно для описываемаго времени. Всѣ вопросы, затронутые запиской въ томъ или другомъ видѣ, обсуждались на сходкахъ. Окончательная программа, къ которой на нихъ приходили, по существу мало отличалась отъ предлагаемой въ запискѣ. Совѣтъ Кропоткина не заниматься разсмотрѣніемъ будущаго идеальнаго строя слѣдуетъ понимать не въ народническомъ смыслѣ, требующемъ подчиненія тому идеалу, который хранитъ народъ, а въ смыслѣ безцѣльности обсужденія деталей. Самъ Кропоткинъ былъ убѣжденный анархистъ и не отказался бы отъ своего убѣжденія, если бы его не раздѣлялъ народъ, напротивъ, онъ старался бы привести народъ къ признанію анархіи идеаломъ будущаго строя. На сходкахъ молодежь пробовала выяснять себѣ разныя детали анархическаго строя общества. Между прочимъ было потрачено много времени на выясненіе вопроса, что дѣлать съ общиною, если она, пользуясь своею полною самостоятельностью, откажется присоединиться къ какому нибудь общему предпріятію всѣхъ союзныхъ общинъ, напримѣръ проведенію черезъ ея территорію желѣзной дороги, и тѣмъ сдѣлаетъ невозможнымъ самое предпріятіе. Вопросы этого рода выдвигались лицами, не принявшими еще окончательно анархическаго ученія. Анархисты по мѣрѣ возможности старались отвѣтить на нихъ, но отвѣты ихъ въ сущности сводились къ тому, что если отдѣльныя общины не идутъ ни на какія соглашенія съ союзомъ остальныхъ общинъ, то, слѣдовательно, общество еще не дозрѣло до полнаго осуществленія анархіи. Споры эти именно и показали на практикѣ безплодность разсмотрѣнія подробностей будущаго анархическаго строя. Въ концѣ концовъ молодежь приняла программу русской секціи юрской федераціи, выбросивъ изъ нея пунктъ объ атеизмѣ. Программа была приложена къ книгѣ «Государственность и анархія». Программа была краткая и не входила совершенно въ неразрѣшимыя теоріей подробности.

Выше изображено, какъ разрѣшались разные практическіе вопросы въ Петербургѣ и притомъ въ главномъ руслѣ анархическаго теченія. Отдѣльныя лица и даже кружки болѣе или менѣе уклонялись отъ наиболѣе типичнаго способа ихъ рѣшенія. Одни, какъ, напр., Каблицъ, уклонялись влѣво, доходя до апоѳеоза мелкихъ крестьянскихъ бунтовъ, другіе, напротивъ, останавливались на болѣе умѣренныхъ рѣшеніяхъ, чѣмъ даже большинство присоединившихся. Приведу изъ обвинительнаго акта одинъ изъ такихъ болѣе правыхъ взглядовъ по собственному показанію представителя ихъ, Льва Городецкаго.

Члены его кружка (Самарцевъ) «были того мнѣнія, что революція въ Россіи должна произойти сама собою, въ силу историческаго хода вещей, вслѣдствіе чего считали своею задачею—содѣйствовать посредствомъ устной и книжной пропаганды (объ агитаціи ни слова!) сознанію народомъ идеала своего будущаго устройства (конечно анархіи). Для осуществленія такой задачи члены кружка рѣшили идти въ народъ подъ видомъ простыхъ рабочихъ, разыскивать недовольныхъ настоящимъ положеніемъ вещей и дѣйствовать на нихъ слѣдующимъ образомъ: развивая и выясняя, устно или чтеніемъ, существующее уже недовольство, указывать на возможность выхода изъ настоящаго тяжелаго положенія лишь при условіи единодушнаго образа дѣйствій со стороны народа, въ доказательство чего ссылаться на бунты Стеньки Разина и Пугачева; затѣмъ изъяснять, что, дѣйствуя совокупными силами всего народа, слѣдуетъ добиваться общиннаго землевладѣнія, свободнаго перехода изъ одной общины въ другую и самоуправленія [1]), а потому и уничтоженія правительства и администраціи; вопросъ о существованіи Верховной Власти предполагали не затрагивать, такъ какъ само собою подразумѣвалось, что таковая будетъ уничтожена въ виду ея несомнѣннаго сопротивленія требованіямъ народа. Каковою предполагалась устная пропаганда, таковою-же должна была быть и книжная; самою пригодною для послѣдней книгой признавалась «*Исторія одного французскаго крестьянина*», а также считалось полезнымъ распространять въ народѣ разсказы въ родѣ «*Митюхи*», «*Дѣдушки Егора*» и пр., какъ указывающіе на вредное вліяніе эксплоатаціи на народъ; книги-же «*Стенька Разинъ*» и «*Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ*» были признаны годными исключительно для лицъ болѣе или менѣе развитыхъ, какъ-то: народныхъ учителей, семинаристовъ и гимназистовъ» [2]).

При всякомъ рѣшеніи практическихъ вопросовъ, если и не высказывалось, то подразумѣвалось, что дѣятельность въ народѣ возможна только для лицъ, вполнѣ ставшихъ въ положеніе рабочаго или крестьянина. Это была аксіома, не вызывавшая никакихъ споровъ, признанная также и въ запискѣ Кропоткина. Революціонеры, проповѣдывавшіе народникамъ необходимость коренного разрушенія существующаго строя и неутомимую революціонную борьбу, силою вещей должны были принять отъ народниковъ эту аксіому. Только при условіи выполненія ея требованій, революціонеры могли объединить всю передовую молодежь и оставить замѣтный слѣдъ въ исторіи. Молодежь въ первый разъ выступила широкимъ строемъ на подмостки исторіи и только рядомъ подвиговъ и актовъ самопожертвованія могла запечатлѣть въ памяти слѣдующихъ поколѣній факты и событія изъ своей жизни и дѣятельности. Подвигъ

[1]) Это—неумѣлое изложеніе прокурора или самого Городецкаго ученія анархіи о вольномъ союзѣ вольныхъ общинъ снизу вверхъ.

[2]) Изложеніе здѣсь мнѣнія о значеніи нѣкоторыхъ нелегальныхъ книгъ принадлежитъ исключительно кружку Городецкаго.

же былъ дѣйствительно великъ: молодежь, чуть не поголовно, отказывалась отъ всѣхъ выгодъ своего привиллегированнаго положенія, бросала семью и школу и шла на безконечныя лишенія, которыя она, полуголодная и плохо одѣтая, должна была претерпѣвать въ народѣ. Кто въ состояніи измѣрить величину только одной жертвы—отказа отъ дальнѣйшаго образованія со стороны интеллигентнаго человѣка, готоваго считать знанія превыше самой жизни? Оставляя въ сторонѣ дѣйствительные успѣхи, достигнутые вслѣдствіе превращенія въ рабочаго или крестьянина, нельзя не констатировать полной цѣлесообразности совершенія этого подвига.

Сжиганіе кораблей, т. е. добровольное оставленіе университетовъ и всякихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, соединенное съ рѣшимостью отказаться и отъ другихъ выгодъ своего положенія, началось чуть-ли ни съ первыхъ дней движенія. Въ описываемый-же періодъ каждый день приносилъ извѣстіе, что такіе-то молодые люди сожгли свои корабли. Рядомъ съ этимъ все болѣе и болѣе усиливалось отрицательное отношеніе молодежи къ интеллигенціи. Кропоткинъ признавалъ учащихся и вообще интеллигентовъ, не превратившихся въ рабочихъ, непригодными для организаціи, молодежь-же шла дальше и считала ихъ вообще никуда негодными. Ругательства по адресу интеллигенціи раздавались такъ-же часто, какъ во время расцвѣта марксизма. Само собою понятно, что порицанія исходили отъ любви, а не изъ враждебнаго къ интеллигенціи чувства. Порицающая молодежь быть можетъ сильнѣе любила интеллигенцію, чѣмъ славословящая ея часть, подобно тому, какъ болѣе всего любитъ свое отечество самый рѣзкій обличитель его недостатковъ, а не слащавый патріотъ.

Не столько разумъ, сколько какой-то инстинктъ общественно-группового (или партійнаго) самосохраненія велъ молодежь къ подвигамъ и самоотрицанію. Этотъ же инстинктъ заставлялъ и высказываться при выборѣ профессіи за самыя низкія изъ нихъ. Лавровцы считали наиболѣе удобными для пропагандиста изъ интеллигенціи профессіи врача, фельдшера, учителя, и т. п. Часть анархистовъ также признавала эти профессіи весьма удобными для пропагаторской и вообще революціонной дѣятельности въ народѣ, но большинство считало самой почтенной роль чернорабочаго или въ крайнемъ случаѣ мастерового. Профессіи, не соединенныя съ жертвами, мало привлекали молодежь.

При обсужденіи способовъ дѣятельности въ народѣ, молодежь неизбѣжно приходила къ опредѣленію своего отношенія къ правительству. Она не могла не понимать, что всякая пропаганда или агитація непремѣнно вызоветъ со стороны правительства противодѣйствіе и репрессіи, и потому естественно приходила къ выводу о необходимости уничтоженія правительства, а до того о непрестанной борьбѣ съ нимъ. Формы этой борьбы подробно же намѣчались, но неизбѣжность ея уже никѣмъ не отрицалась. Одно изъ популярнѣйшихъ потомъ средствъ борьбы—терроръ—не признавалось исключительно по соображеніямъ тактическаго характера.

Отсюда очевидно, что идея политической борьбы не была чужда движенію семидесятыхъ годовъ. Чрезвычайно распространено мнѣніе, что анархисты отрицаютъ политику вообще, но это далеко не вѣрно. Анархисты дѣйствительно относятся огрицательно къ участію въ легальной политической дѣятельности напр. въ парламентахъ, но могутъ-ли они, стремясь къ уничтоженію государственныхъ властей, не понимать значенія политической борьбы? Въ неподлежавшемъ опубликованію уставѣ [1]) европейскихъ анархическихъ организацій, главою которыхъ былъ Бакунинъ, содержался между прочимъ пунктъ, дозволяющій участіе въ политическихъ выборахъ и парламентѣ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія организаціи.

Многими цитатами изъ обвинительнаго акта можно было-бы доказать, что вопросъ о политической борьбѣ (нелегальной) возникалъ въ отдѣльныхъ кружкахъ довольно рано. Даже мирный Говоруха по словамъ обвинителя собирался зарѣзать прокурора. Такимъ образомъ движеніе семидесятыхъ годовъ, начавшееся съ отрицанія политики, весьма скоро приходитъ къ своеобразному признанію ея. Собственно говоря о политикѣ вообще не было рѣчи, но политическая борьба признавалась однимъ изъ способовъ дѣятельности. Анархисты, допускавшіе свое участіе въ мелкихъ бунтахъ, производимыхъ крестьянами, безъ всякаго сомнѣнія смотрѣли на это участіе, какъ на одинъ изъ видовъ политической борьбы.

Движеніе, начавшееся въ семидесятыхъ годахъ, продолжалось почти 10 лѣтъ. Программы нѣсколько разъ измѣнялись, но политика, или вѣрнѣе политическая борьба все болѣе и болѣе выдвигалась впередъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно вспомнить требовавшіеся программами: «Земли и Воли» дезорганизацію правительства и «Народной Воли» терроръ. Поэтому одной изъ заслугъ движенія 70-хъ годовъ слѣдуетъ признать воскрешеніе начавшей было замирать «политики» вообще и цѣлесообразности политической борьбы въ частности.

Старикъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Уставъ этотъ, выкраденный, по словамъ Бакунина, тремя русскими анархистами, не принадлежавшими къ организаціи, былъ въ извлеченіи напечатанъ ими въ одной прокламаціи, заглавія которой я не помню, выпущенной къ русской молодежи въ 1873 году.

Революція 1848 года и Москва.

Послѣ февральской революціи русское правительство весьма обезпокоилось, какъ бы это событіе не произвело гибельнаго вліянія на русскихъ людей. Отовсюду, отъ всѣхъ агентовъ были затребованы рапорты о состояніи умовъ и о движеніи въ народѣ. Изъ Москвы былъ полученъ цѣлый рядъ донесеній, не столько интересныхъ для характеристики дѣйствительнаго положенія вещей, сколько любопытныхъ по стилю, по истинѣ специфическому, и по личности доносителя, необыкновенно рельефно выступающей изъ-за этихъ строкъ. Многія подробности какъ будто выхвачены изъ произведеній М. Е. Салтыкова. Беремъ на удачу три изъ нихъ:

I.

Секретно.

Здѣсь, думаю, какъ и всюду, всѣ разговоры превратились въ толки о Франціи; но здѣсь въ Благоговѣйной Царелюбивой Москвѣ, дай Богъ чтобъ и всюду такъ было, говорятъ съ презрѣніемъ о Парижскихъ происшествіяхъ. Какъ сладостно вѣрному доложить о вѣрныхъ русскихъ чувствахъ, слышать одинъ сердечный голосъ и не слышать ни одного отголоска, увлекающагося безуміемъ Французовъ. По крайней мѣрѣ, съ радостію даже побожусь, что мнѣ не случалось ни самому, ни чрезъ другихъ, ничего иного слышать. Вѣдь много бывало въ Парижѣ здѣшнихъ, а не замѣтно сочувствія къ тамошнему. Вотъ какіе толки по выслушаніи отъ кого либо изъ разсказывающихъ что читалъ о событіяхъ въ Франціи: „Чего тамъ и ждать, гдѣ нѣтъ Вѣры“.

О Людовикѣ-Филиппѣ выражаются не какъ о Монархѣ, а какъ о человѣкѣ, надъ коимъ совершилось слово Божіе: „въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится и Вамъ“. Что какъ онъ изгналъ законную династію Бурбоновъ, такъ и самъ изгнанъ. Бранятъ Ламартина, котораго набожные Meditation читали съ наслажденіемъ, вспомнили когда онъ какъ поклонникъ Святаго Гроба привезъ воды изъ Іордана для купели тогда Новорожденнаго Герцога Бордоскаго, а теперь, въ числѣ распорядителей въ неизбѣжныхъ безпорядкахъ гибельнаго безначалія.

Добрая Москва, твердо основаніе ее въ Святой Вѣрѣ къ Богу, въ дѣтской приверженности къ Помазаннику, Царю Великому Законному, любовь

къ Коему, слита въ душахъ съ Закономъ Православной Вѣры. Кто не согласится, что и въ Москвѣ люди, а въ людяхъ и грѣхи и страсти, но основаніе твердо. Посмотрите теперь во время поста, какъ умилительно видѣть толпы, но куда идущіе? Въ Церковь, на молитву, на исповѣдь, къ Святому Божественному причащенію. Молются, исповѣдая чистую Вѣру; а кто вѣритъ, тотъ вѣренъ.

Москва. 6-го Марта 1848 года.

II.

Секретно.

Впечатлѣніе, произведенное Манифестомъ, возвѣстившимъ о смутахъ на западѣ Европы, были слезы восторженныхъ русскихъ чувствъ. Я пріѣхалъ въ Дворянскій клубъ въ ту минуту, когда шелъ вопросъ, каждаго тутъ бывшаго, къ пріѣзжающему знакомому: „Читали ли?“ „и у насъ есть Манифестъ (ибо слышали предварительно о немъ). Да чтожъ вы поопоздали, вотъ одинъ изъ членовъ прекрасно придумалъ какъ столпились въ газетной, что прочиталъ вслухъ“. Слыша это, сильно билось во мнѣ приверженное сердце, я слезливъ въ радости, а совладѣлъ съ моими глазами, чтобъ съ осторожною зоркостью видѣть глаза другихъ и у многихъ видѣлъ ихъ влажными. Свидѣтельствуюсь Богомъ всемогущимъ, что лесть никогда не управляла ни языкомъ, ни перомъ моимъ; покойный отецъ мой удалилъ отъ души моей это зло; продолжаю писать какъ истинно видѣлъ, какъ слышалъ; я слышалъ и весьма замѣтно было что голосъ дребезжалъ въ отзывахъ о Франціи, Австріи и Пруссіи, но когда рѣчь возвращалась къ Манифесту, рѣчи становились тверды; твердость какъ бы почерпалась изъ самаго Манифеста, онъ такъ всѣмъ былъ по сердцу, какъ будто каждый участвовалъ въ написаніи его. Тутъ услышался отъ кого то вопросъ: „кто бы писалъ его?“ Этотъ вопросъ издавна существуетъ при сильныхъ впечатлѣніяхъ отъ того, что изложеніями получили извѣстность въ 1812 году Шишковъ и прочіе. Я былъ на этотъ разъ превращенъ въ молчаніе, въ слухъ, сердце мое жаждало одного отвѣта и услышался желаемый отвѣтъ: „кому писать это? безъ сомнѣнія Самъ писалъ“. Таково было видѣнное мною впечатлѣніе, гдѣ, выражусь просто, каждой росъ душою, чувствовалъ что онъ русскій, что онъ сынъ Воззвавшаго къ сердцамъ русскихъ — и видно было, что для русскаго сердца небывать иныхъ воззваній, кромѣ Того, чье сердце Помазавшаго Его. Истинно этотъ Манифеетъ былъ утверждающимъ, освящающимъ помазаніемъ сердца.

Такъ истинно, такъ я видѣлъ, я слышалъ.

Не могу притомъ скрыть переливая въ сердце мое каждое слово Вашего драгоцѣннаго довѣрія и „чтобъ я писалъ со всею откровенностью“ чтобъ недоложить что послѣ послышался при вопросахъ кто бы писалъ? одного какого то отзывъ: „чай Киселевъ писалъ“. — Тонъ этого отзыва кажется заключалъ въ себѣ ясную иронію на этого сановника. Безъ сомнѣнія до Васъ доходило, что дворянство нелюбитъ его, потомъ слышны было тѣ же отзывы объ Манифестѣ уже не въ клубѣ и слѣдующія слова о Государѣ: „да приласкай онъ Дворянство такъ Ей Богу все двинется куда только прикажетъ“.

Въ среднемъ сословіи и черни поняли такъ: но лучше употреблю и выраженіе ихъ: „вотъ союзныя Державы отъ насъ отказались и Французъ идетъ на насъ войною“ и по этому нѣкоторые изъ Дворянъ, желающіе умничать (но все съ благонамѣренными сердцами) поумничали въ сужденіяхъ, что Манифестъ прекрасный, но что будто на что было писать его, на что употребить было слово что дерзость *угрожаетъ* и Россіи, вотъ это слово *угрожаетъ* немногимъ непонравилось, но и это самое умничество о выраженіи, не выражаетъ ли только пустое умничество, а однакожъ показываетъ русское сердце если не по уму, то въ чувствахъ.

Я считаю что лутчіе агенты для чиновника — это добрыя дѣла, коихъ онъ былъ исполнителемъ отъ Благодѣтельнаго Начальства,—благодарность рѣдка, но неподкупна, когда самъ исполнитель неподкупенъ вотъ изъ таковыхъ ходитъ комнѣ одинъ старикъ хлѣбникъ (но не мой) Сидоръ, который и къ Вамъ хаживалъ; у него большая семья, большая артель; истинно случилось же такъ, что когда я ему объяснилъ въ чемъ дѣло, и онъ мнѣ сказалъ: ну Баринъ, спасибо, вѣдь я почти во всѣ трактиры ставлю хлѣбы, такъ если будутъ врать, что всѣ на насъ войной идутъ, я вѣдь не назову тебя, а скажу что они по пусту тревожатся и войны никакой у насъ нѣтъ; случилось же такъ, что на другой же день вышла газета съ статьею изъ С. Петербурга объясняющею точно такъ толки и этою статьею для народа, вообще довольны.

Ни о дерзкихъ, ни о ропотныхъ сужденіяхъ здѣсь нѣтъ слуховъ; вырываются въ гостинныхъ выраженія: не было бы чего? но слава Богу невидно никакого основанія къ опасеніямъ; утѣшительно то, что не къ русскимъ клонятся предположенія возможностей, а все къ Полякамъ. Дай Богъ, чтобъ ничего и небыло основательнаго для опасеній, но какіе слухи даже изъ вздорныхъ будутъ позначительнѣе непремину съ неограниченною искренностію доложить.

Здѣсь много говорили и въ гостинныхъ, что Графъ Алексѣй Федоровичь [1]) посланъ въ Вѣну и такъ утвердительно говорили, что по тамошнимъ смутамъ сердце боялось, пусть хоть и теперь утверждаютъ это, но Ваше милостивое письмо, изъ котораго видно, что Графъ въ С. Петербургѣ, втайнѣ мною хранимое, успокоило приверженнаго.

26 Марта 1848 г. № 8. Москва.

Его Превосходительству Леонтію Васильевичу Дубельту.

III.

Секретно.

При приказаніи Вашемъ отъ 23-го Марта дозволивъ мнѣ писать неофиціальнымъ письмомъ, Вы какъ будто милостиво угадали: что у меня около глаза сильный ревматизмъ, такой, что сегодня мнѣ поставили шпанскую мушку къ затылку и что я долженъ даже докладывать Вамъ, диктуя моему писарю, въ вѣрности и глубокой скромности коего не имѣю причинъ сомнѣватся.

---

[1]) Орловъ, шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія.
Ред.

И пишу къ Вамъ съ неограниченною искренностію какъ къ отцу родному, прося Васъ нисколько не думать о моей простудѣ и неостанавливатся удостаивать меня Вашими приказаніями. И съ больнымъ глазомъ, Господь не лишаетъ меня свѣта душевнаго, и въ ревматизмѣ, я пламенно усерденъ въ вѣрноподданической службѣ и убѣждаю Васъ при поставленной мнѣ шпанской мушкѣ на затылкѣ, ни какъ небрить мнѣ затылка отъ Вашего драгоцѣннаго мнѣ довѣрія.—Третьяго дня принесли мнѣ повѣстку о секретномъ пакетѣ, это было воскресенье и по правиламъ почтъ получить нельзя было—получилъ вчера а сегодня доношу Вамъ въ отвѣтъ—кажется нельзя поспѣшнѣе.

Коротенькое, но заключающее въ себѣ важность, приказаніе Ваше, я прочиталъ не разъ и затаивъ отъ всѣхъ въ душѣ моей тайну вопроса, хотя и былъ тотчасъ готовъ отвѣтствовать Вамъ: что касательно политическихъ въ Европѣ обстоятельствъ, здѣсь благодареніе Господу въ народномъ духѣ ничего дурного не видно и не слышно; но желалъ провѣрить изыскиваемыя мною основательныя свѣденія и поѣхалъ какъ будто пить чай къ здѣшнему Головѣ, богачу и владѣтелю огромной фабрики Лепешкину. Я небалую купцовъ частыми посѣщеніями за ихъ визиты и особенно Лепешкинъ тѣмъ болѣе радъ моимъ пріѣздомъ, и когда нѣтъ никого, бѣседуетъ со мною довольно искренно.—

Извлеченіе изъ разговора съ нимъ Вамъ яснѣе покажетъ незамѣтную для хозяина дома провѣрку моихъ свѣденій о духѣ народа. Начало всякаго разговора теперь, чужіе краи—такъ и началось, потомъ онъ *за келью* сталъ говорить о непомѣрной слабости Щербатова къ Лужину [1]) о затрудненіяхъ головы Градскаго, имъ угождать, а потомъ что прошедшій вторникъ Щербатовъ [2]) присылалъ за нимъ и просилъ его, что какъ до него дошли свѣденія, что будто нѣкоторые фабриканты хотятъ ссылать фабричныхъ, то чтобъ убѣждать ихъ оставить и чтобъ они не притѣсняли ихъ въ разсчетахъ. Голова въ слѣдствіе этаго созвалъ (кажется онъ назвалъ) старостъ, которые имѣютъ вліяніе на фабрики, и они доставили черезъ нѣсколько дней свѣденія что никто недумаетъ ссылать фабричныхъ и разсчетовъ притѣснительныхъ нигдѣ нѣтъ. Такъ и доложилъ Лепешкинъ Щербатову *вразумляя его:* что никто изъ купцовъ нессылаетъ рабочихъ а къ Пасхѣ они сами въ свои селенія отходятъ и послѣ Святой недѣли, недѣли черезъ двѣ, судя по разливамъ рѣкъ, они опять возвращаются. Лепешкинъ самъ непонимаетъ съ чего Щербатовъ это взялъ, а мнѣ это дало прямой случай взойти съ Головой въ разговоръ о фабричныхъ; Фабричные говорилъ Лепешкинъ думали что будетъ война, но боялись не Французовъ и не войны, а большаго рекрутскаго набора; а теперь, благодарятъ Бога, что нѣтъ набора, а какъ заслышали о французахъ то право закипѣли русскимъ духомъ такъ поговаривая: „вѣдь ужъ было, что у нихъ закружилась голова на руси—такъ видно опять захотѣлось отвѣдать каковы русскіе,“ и вообще Лепешкинъ говоритъ „что *такъ тихи, такъ ведутъ себя что лутче требовать нельзя,*“ прибавлю еще что и въ иностранцахъ, магазейнщикахъ и ре-

[1]) Московскій оберъ-полицеймейстеръ того времени.

[2]) Московскій генералъ-губернаторъ.

месленникахъ, замѣтно не только сожалѣніе но даже омерзеніе къ переворотамъ случившимся за границей.

Дай Богъ чтобъ я и впредь Вамъ могъ докладывать таковыя свѣденія о русскомъ духѣ. Ей Богу теперь все тихо, *у русскихъ въ душѣ Богъ и Царь* что этаго тверже и верте что *это здѣсь всему основаніе.* Простите мнѣ мою неограниченную искренность Батюшка Леонтій Васильевичь, всѣ единогласно отдаютъ цѣну Москвѣ, что при безтолковости Щербатова и неспособности Лужина быть оберъ-полиціймейстеромъ, все держится внутреннею привязанностію къ Царю и личною привязанностію къ ВЕЛИКОМУ Духу ГОСУДАРЯ.—Батюшка, уладьте чтобъ Лужина хоть Егермейстеромъ сдѣлали, но дайте на это мѣсто человѣка достойнаго, вѣдь Лужина просто презираютъ просто говорятъ: чего и ждать отъ него когда его баба била по рожѣ, офицеры говорили ему грубости, и даже купецъ поставщикъ полиціи дровъ Иванъ Васильевъ Волковъ ему въ домѣ Щербатова и при Щербатовѣ въ глаза дерзко правду высказалъ, выражаясь именно: „ошибаешся молодой Генералъ.“ И Лепешкинъ также разсказывалъ это, если Вы объ этомъ другихъ спросите то помирволятъ, если спросите Лепешкина, скажетъ какъ купецъ что онъ и мнѣ неговаривалъ; а напишите ко мнѣ: чтобъ я отъ него попросилъ искренняго свѣденія о состояніи здѣшняго управленія въ отношеніи къ Думѣ онъ бы отъ меня не отдѣлался чтобъ не написать къ Вамъ, когда бы въ письмѣ ко мнѣ изволили сказать: что это останется въ глубокой тайнѣ, которую и онъ хранить обязанъ—что бы Вы не узнали, особенно еслибъ молвили объ его умѣ ибо онъ очень самолюбивъ.—Но ни въ какомъ случаѣ не дѣлайте на мѣсто Лужина, здѣшнихъ Полиціймейстеровъ, ей Богу, ни одинъ неспособенъ, да попробуйте перемѣстить Вашего С.-Петербургскаго въ Москву, а здѣшняго къ Вамъ, тогда ближе разсмотрите.

Повторяю мое всепокорнѣйшее извиненіе что самъ не пишу, ибо наклонится не могу и лѣвой глазъ опухъ, я и вчера имѣлъ опухоль, но вѣроятно это бросилось къ глазу при возвращеніи вечеромъ отъ Лепешкина, отъ сырости, когда ѣхалъ по мосту черезъ Москву рѣку, которой, ледъ уже прошелъ.

30-го Марта 1848 года Москва.

Первое мая въ Россіи.

(*Продолженіе* [1]).

Мы обозрѣли уже десятокъ лѣтъ празднованія въ Россіи Перваго Мая. Не одна тысяча людей отдала свою свободу для торжества этого праздника свободы. Многіе и совсѣмъ погибли въ этой борьбѣ, не дождавшись зари; но тѣ, кто остался, можетъ быть истомленнымъ, усталымъ, но живымъ тѣломъ и духомъ, тотъ видитъ теперь, что жертвы не были напрасными.

Уже въ 1900 году безвѣстный поэтъ могъ воскликнуть:

Праздникъ свѣтлый и свободный,
Славься первый майскій день!
Нашъ союзъ международный
Новымъ блескомъ ты одѣнь!
Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ голосъ грянетъ разомъ
Какъ весенній первый громъ!

Да, въ день Перваго Мая теперь уже раздавался во всѣхъ концахъ Россіи смѣлый голосъ рабочаго класса среди гнетущей тишины порабощенной страны. Дальше я уже не могу останавливаться на тайныхъ собраніяхъ въ этотъ день и на всѣхъ прокламаціяхъ, едва ли удастся мнѣ даже указать на всѣ ихъ, такъ ихъ стало много. Но годъ за годомъ, то въ томъ, то въ другомъ городѣ, маевка оканчивалась яркою вспышкою, которая черезъ все огромное пространство нашей родины подавала знакъ жизни освободительнаго движенія всѣмъ чающимъ свободы. Не только неволей, но кровью своею платили борцы за этотъ знакъ своимъ братьямъ. Объ этихъ искрахъ, теперь разгорѣвшихся въ пожаръ, я долженъ здѣсь говорить.

Какъ мы уже видѣли, первые вступили въ Россіи на путь открытыхъ демонстрацій польскіе рабочіе, за ними еврейскіе, потомъ латышскіе. Въ 1900 году ихъ дѣло продолжали рус-

---

[1]) См. „Былое", октябрь.

скіе рабочіе, харьковцы. Мы знаемъ, что на двухъ маевкахъ до этого наши харьковскіе товарищи говорили въ прокламаціяхъ и на тайныхъ собраніяхъ о значеніи Перваго Мая. Въ этомъ году брошюры, разъясняющія значеніе майскаго праздника, появились въ серединѣ апрѣля. За недѣлю до Перваго Мая выпущены были прокламаціи, призывавшія не работать въ этотъ день. Въ листкахъ были выставлены слѣдующія требованія: свободы печати, слова, стачекъ, союзовъ, повышенія платы, восьмичасового дня и „участія народа въ управленіи".

Полиція и жандармы принимали свои обычныя мѣры, и въ ночь на Первое Мая были арестованы 7 рабочихъ паровозостроительнаго завода.

Утромъ желѣзнодорожные рабочіе предъявили свои требованія; тотчасъ явились казаки; но рабочіе все-же вышли толпой изъ мастерскихъ, подняли красное знамя и двинулись процессіей, направляясь въ другой конецъ города для встрѣчи съ паровозостроительными рабочими. У мостика, ведущаго въ городъ, полиція загородила имъ дорогу; шествіе двинулось въ обходъ; при этомъ были остановлены работы на гончарномъ заводѣ Бернгейма; появились казаки и послѣ нѣсколькихъ стычекъ выхватили изъ толпы и арестовали около 400 человѣкъ. Между тѣмъ на Паровозостроительномъ заводѣ забастовало механическое отдѣленіе; узнавъ о движеніи желѣзнодорожниковъ, забастовщики вошли въ сборную мастерскую и тамъ остановили работу; къ нимъ присоединились рабочіе кузнечнаго и литейнаго цеха, а также и модельной мастерской; толпа вышла на улицу и направилась къ Бельгійскому заводу и заводу земледѣльческихъ машинъ Гельфериха Саде. Изъ красныхъ рубахъ сдѣлали знамена и запѣли революціонныя пѣсни. Въ узкомъ переулкѣ на демонстрантовъ напали казаки и уведя въ казармы около 200 человѣкъ, разогнали толпу. Всего до 10.000 рабочихъ приняли участіе въ этой демонстраціи.

Петербургъ еще и въ этомъ году не выступалъ открыто. Мы видимъ, что петербургскія прокламаціи начинали принимать ясно выраженный политическій характеръ; въ 1900 году въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ; были выпущены двѣ майскія прокламаціи каждая въ 5.000 экземпляровъ, одна 18 апрѣля, другая 1-го мая. Въ первой изъ нихъ [1]) говорилось: „что ни дѣлаютъ . . . . и жандармы, министры и шпіоны, наше дѣло идетъ впередъ; тихо, неслышно растетъ могучая сила и настанетъ день нашего Перваго Мая. Мы развернемъ наши знамена, на которыхъ будутъ блестѣть при весеннемъ солнцѣ наши требованія: долой самодержавіе! да здравствуетъ свобода! право составлять союзы и собранія!

---

[1]) Подписи на этой прокламаціи нѣтъ; въ заголовкѣ помѣчено очень крупнымъ шрифтомъ: „Рабочее Знамя". Шрифтъ Лондонской типографіи Рабочаго Знамени.

право думать и вѣрить какъ хочешь! Восемь часовъ работы! Да здравствуетъ побѣда правды и рабочаго класса!“

Второй листокъ разсчитанъ очевидно на менѣе сознательные круги; въ немъ не формулированы требованія, но листокъ ссылается на первую прокламацію: „наши заграничные товарищи празднуютъ Первое Мая, бросая работу, устраивая уличныя демонстраціи и собранія, какъ мы это указали въ первомъ листкѣ“. О правительствѣ и здѣсь говорится вполнѣ опредѣленно, какъ о врагѣ народа: „докажемъ же и мы, товарищи, фабрикантамъ и ихъ подлому правительству, что и мы—сила“. „Первое Мая—выраженіе единенія и силы рабочихъ“; „ничего такъ не боится буржуазія и ея правительство, какъ этого праздника“.

И такъ—вотъ моментъ, гдѣ спаяны двѣ послѣдовательныя стадіи въ развитіи петербургскаго рабочаго движенія, поскольку вообще можно говорить о границахъ періодовъ въ одной сплошной эволюціи, съ тою точностью, съ какою реальное движеніе отражалось въ нашей очень чуткой прокламаціонной литературѣ. Этимъ моментомъ было Первое Мая 1900 года: по ту сторону—борьба за гражданскія права, за „частичныя политическія права“, „экономизмъ“; по сю сторону—борьба за участіе во власти, за право устанавливать права.

Вотъ краткая хроника событій Майскаго праздника 1900 года. О Харьковѣ и Петербургѣ я уже говорилъ. Въ Москвѣ также была выпущена прокламація. Въ Кіевѣ готовились къ демонстраціи, но ее не удалось организовать; прокламаціи были напечатаны на красной бумагѣ въ собственной типографіи; на собраніи было болѣе 100 человѣкъ. Въ Ростовѣ прокламаціи распространилъ Донской Комитетъ; въ нихъ выставлены требованія законодательной охраны труда и 8-ми часового дня, а также „свободы союзовъ, стачекъ, собраній, слова, печати, неприкосновенности личности и участія въ изданіи законовъ“. Такимъ образомъ о конституціи говорится, не упоминая этого слова; но и то, что, по словамъ корреспондента изъ Ростова, было высказано въ прокламаціяхъ, „впервые вызвало въ большинствѣ сочувственные отзывы“ [1]). Въ Екатеринославѣ предмайскія прокламаціи были выпущены 13 апрѣля и привели къ провалу типографію и аресту 80 лицъ; взяты были красныя знамена, приготовленныя для демонстраціи; демонстрація поэтому не удалась, но 18 апрѣля были расклены по городу 340 красныхъ плакатъ и 200 бѣлыхъ листовъ. Въ Одессѣ были распространены прокламаціи „Южнаго Рабочаго“, 16-го и 17-го апрѣля были массовые обыски, а послѣ Перваго Мая было арестовано около 120 человѣкъ; однако майское собраніе прошло благополучно, на немъ присутствовало болѣе 100 человѣкъ.

Улицы Варшавы Перваго Мая были заполнены войсками,

[1]) Листокъ Рабочаго Дѣла № 1, іюнь 1900 года.

казаками, жандармами и полиціей. Несмотря на это по призыву Польской Соціалистической Партіи и Бунда двадцатитысячная толпа рабочихъ собралась въ Уяздовскихъ Аллеяхъ и двинулась къ памятнику Мицкевича. Три работницы, взявшись за руки, шли впереди шествія; манифестанты пѣли „Красное Знамя“ и „Варшавянку“ и несли знамя; цѣлый рядъ стычекъ произошелъ съ казаками, борьба народа съ войсками длилась до 10 часовъ вечера. Впослѣдствіи князь Имеретинскій выразилъ свою сердечную благодарность командовавшему полкомъ генералу Комарову за „умѣнье и распорядительность“ при дѣйствіяхъ противъ манифестантовъ. Жалкіе люди! Они взяли въ этотъ день въ плѣнъ 2.000 рабочихъ и работницъ и думали, что побѣдили! Но грандіозная демонстрація достигла всѣхъ цѣлей, какія только могли себѣ ставить демонстранты.

Въ Домбровѣ полиція произвела обыски даже въ подземельяхъ угольныхъ копій: самыя нѣдра земли теперь уже таили опасность господствующимъ! Несмотря на все, ко дню Перваго Мая во всемъ округѣ были расклеены прокламаціи; многотысячная толпа устроила демонстрацію и безпрепятственно прошла по улицамъ, хотя войска шли за толпою. Ораторъ въ теченіе четверти часа говорилъ свою рѣчь.

Лодзь вздохнула въ этотъ день послѣ столькихъ лѣтъ кошмара кровавой бойни 1893 года. Уличную демонстрацію не рѣшились устроить, но на фабрикахъ день прошелъ съ большимъ оживленіемъ, а улицы города были украшены красными флагами съ бѣлыми надписями. Въ лѣсу состоялось собраніе 300 еврейскихъ рабочихъ и работницъ.

Бундъ издалъ къ этому дню майскій номеръ „Рабочаго Голоса“ и прокламацію Центральнаго Комитета; кромѣ того вышли воззванія отъ Лодзинскаго, Варшавскаго, Виленскаго, Минскаго и Бѣлостокскаго комитетовъ Бунда. Въ прокламаціи Центральнаго Комитета выставляется требованіе Конституціи; мы увидимъ позже, что Бундъ и вся партія не остановилась на требованіи конституціи и пошла дальше въ своихъ политическихъ лозунгахъ.

Въ Вильнѣ произошла демонстрація, въ которой приняли участіе тысяча рабочихъ; отмѣчено присутствіе христіанскихъ рабочихъ среди демонстрантовъ. Въ Креславкахъ демонстрацію устроили 300 рабочихъ. Въ Двинскѣ было собраніе въ 150 человѣкъ. Въ Витебскѣ произошла всеобщая забастовка. Союзъ щетинщиковъ собралъ изъ разныхъ мѣстечекъ до 600 своихъ членовъ и отпраздновалъ Первое Мая. Въ Минскѣ демонстранты, идя по улицамъ, кричали: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ Въ Гроднѣ было собраніе 130 рабочихъ съ красными знаменами.

Въ Тифлисѣ „развернули красное знамя съ портретами Маркса, Энгельса и Лассаля и говорили рѣчи. Мы возвращались въ городъ увѣренные въ нашемъ будущемъ, возбужденные жаждою

того дня, когда мы открыто выступимъ и во всеуслышаніе потребуемъ политическую свободу и заявимъ свою солидарность съ пролетаріатомъ всѣхъ странъ и національностей; года три подрядъ мы, тифлисскіе рабочіе, праздновали Первое Мая за городомъ въ ущельяхъ; признаться, намъ надоѣло праздновать, прячась!..“ [1]).

Мы сейчасъ увидимъ, что тифлисскіе товарищи не долго ждали дня, о которомъ здѣсь такъ горячо говорится.

* * *

Въ 1901 году на двухъ полюсахъ Россіи, въ Тифлисѣ и Петербургѣ, вспыхнуло Первое Мая. Друзья поняли эти сигналы, но не враги. Они не понимаютъ и теперь, что совершилось и что совершается. А между тѣмъ, вотъ какія краснорѣчивыя событія произошли еще тогда.

Въ Тифлисѣ демонстрація была назначена на первое воскресенье послѣ заграничнаго 1-го Мая, на 22-ое апрѣля. За недѣлю передъ тѣмъ вышла прокламація, объяснявшая значеніе маевки, и затѣмъ ихъ выпустили еще нѣсколько. Рабочіе уже настолько были подготовлены къ мысли о демонстраціи предыдущими маевками, что брали прокламаціи на расхватъ и распространяли ихъ очень широко.

Правительство знало о томъ, что готовится. Полкамъ были розданы боевые патроны; съ 15-го апрѣля драгуны, казаки и даже артиллерія демонстрировали по городу; на площадяхъ солдаты расположились бивуаками, сборища даже изъ трехъ человѣкъ разгонялись полиціей. Можно-ли было лучше популяризировать предстоящее событіе? И можно-ли было лучше обнаружить безсиліе правительства, когда демонстрація все же удалась? Или, можетъ быть, правительство и тутъ считало себя побѣдителемъ?

„Толпа рабочихъ, говоритъ уже цитированная брошюра о Тифлисскомъ рабочемъ движеніи, три тысячи человѣкъ, смѣшанныхъ съ солдатами, полицейскими, жандармами и съ мирными покупателями и продавцами, возбужденно ждали сигнала, краснаго знамени. Величественно и грозно поднялось оно надъ головами толпы, четко и ясно провозглашая политическую свободу, восьмичасовой рабочій день и призывъ: рабочіе всѣхъ странъ—соединяйтесь! Какая торжественная минута! Всѣ рабочіе, снявъ шапки, отдали земной поклонъ знамени и затѣмъ раздался дружный возгласъ: Да здравствуетъ политическая свобода! Впервые кавказкія вершины за сто лѣтъ услышали требованіе свободы, и сѣдой Казбекъ повторилъ: „Свобода!..“

Далѣе все пошло обычнымъ путемъ: налетѣли казаки, стали бить, рубить, забирать въ плѣнъ. Горстка храбрецовъ отчаянно

---

[1]) „Изъ Тифлисскаго Рабочаго Движенія“. Разсказъ рабочаго. Тип. „Искры“. Женева, февраль, 1902 г.

защищала знамя. Сорокъ человѣкъ было арестовано, въ томъ числѣ 17 рабочихъ и три курсистки; раненыхъ саблями было 24, большинство въ голову и знаменосецъ въ томъ числѣ.

Другая „побѣда“ была одержана въ этомъ году правительствомъ въ связи съ маевкой въ Петербургѣ [1]). Обуховцы уже въ предыдущемъ году пытались организовать празднованіе Перваго Мая. Въ этомъ году это имъ отчасти удалось: 15% всѣхъ работавшихъ на заводѣ не вышли въ этотъ день на работу. Это еще небольшой успѣхъ, но разжечь изъ искры пламя взяла на себя администрація и правительство. Небольшая часть рабочихъ завода, бастовавшихъ въ этотъ день, составляла однако не малое число сознательныхъ людей — 1500 рабочихъ. Ихъ поступокъ, требовавшій риска и пожертвованія непосредственными интересами ради простого заявленія своей солидарности съ международнымъ рабочимъ движеніемъ, несомнѣнно имѣлъ бы большое значеніе въ жизни всего Обуховскаго завода; но правительство придало ему своими репрессіями всероссійское значеніе. Я не отрицаю, оно не могло поступить иначе, оставаясь правительствомъ деспотіи, но въ этой роковой для него необходимости—признакъ исторической силы развитія рабочаго движенія.

Начальникъ завода, подполковникъ Ивановъ уволилъ за празднованіе Перваго Мая 26 рабочихъ, казавшихся ему самыми неблагонадежными. Сначала онъ хотѣлъ расчитать всѣхъ неявившихся на работу Перваго Мая, но ихъ оказалось слишкомъ много. Обуховцы не выдали своихъ товарищей, пострадавшихъ за общее дѣло; они всѣ бросили работу и предъявили начальству свои требованія: восьмичасового дня и пріема обратно уволенныхъ товарищей. Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ вышла на Шлиссельбургскій трактъ, но была остановлена полиціей и конными жандармами. По словамъ обвинительнаго акта „толпа вела себя крайне вызывающимъ образомъ и осыпала бранью и насмѣшками чиновъ полиціи, по адресу же патрульныхъ раздавалась площадная ругань и крики, что ни полиція, ни солдаты ничего не значатъ. Скопленіемъ народа окончательно было прекращено всякое уличное движеніе и остановленъ проѣздъ конныхъ патрулей, которымъ толпа опускала на головы брусья шлагбаума; подошедшій же вагонъ конной желѣзной дороги съ чинами полиціи былъ засыпанъ градомъ заранѣе заготовленныхъ камней. Заперевъ и забаррикадировавъ изнутри ворота карточной фабрики, толпа стала бросать камни и кирпичи; жандармы и конная стража принуждены были отступить. Захвативъ пѣшихъ городовыхъ, полицеймейстеръ Полибинъ три-

---

[1]) „Обуховцы. Майскія волненія на Обуховскомъ заводѣ“, съ предисловіемъ Кривевскаго. Изд. Союза Рус. Соц.-дем. Женева 1901 г.—„Процессъ Обуховскихъ Рабочихъ“. Изд. Спб. Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Женева 1901 г. Тип. Союза Рус. Соц.-Дем.

жды тщетно пытался подойти къ воротамъ съ цѣлью ихъ выломать: большинство сопровождавшихъ его городовыхъ получили ушибы, а самъ онъ былъ сбитъ съ ногъ ударами камней. Вытребовавъ эскадронъ жандармовъ, двѣ роты пѣхоты и отрядъ городовыхъ, Полибинъ выстроилъ прибывшую на мѣсто морскую команду и открылъ огонь вдоль проспекта"...

Къ суду были привлечены 37 лицъ; изъ нихъ только 8 оправдано. „Правительство мстило борцамъ. Каторга имъ за то, что они осмѣлились требовать и добиваться лучшей жизни! Каторга имъ, тюрьма, арестантскія роты, за то что дерзнули они открытою грудью своей встрѣтить пули и шашки солдатъ!"—говорилъ Петербургскій Комитетъ въ прокламаціи своей въ октябрѣ послѣ суда.

„Было пять часовъ утра—писалъ присужденный къ 6 годамъ каторги Анатолій Гавриловъ, когда читали приговоръ, отъ котораго поднялся плачъ и надолго, а можетъ быть навѣчно неизгладимая печаль"... „Идемъ въ міръ отъ людей отверженныхъ! даже нашихъ побѣдоносныхъ дѣвицъ и тѣхъ не миновала эта горькая участь".

Двѣ дѣвушки-работницы, обѣ 18-ти лѣтъ, были приговорены судомъ къ тюрьмѣ—Лидія Бурчевская на $1^1/_2$ года и Марфа Яковлева на три... Вѣроятно правительство считало себя удовлетвореннымъ. „Пусть же на каторгѣ суровой и холодной и въ душной тюрьмѣ вамъ свѣтитъ и грѣетъ васъ надежда, что цѣною своихъ страданій вы приблизили день освобожденія всего рабочаго класса". Этими словами напутствовала прокламація Петербургскаго Комитета вырванныхъ изъ нашихъ рядовъ врагами товарищей.

Задолго до Перваго Мая комитеты Петербурга, Кіева, Харькова, Ростова, Тифлиса, Симферополя, Центральный Комитетъ Бунда, Заграничный Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ, группа „Искры" и группа „Южнаго Рабочаго" рѣшили выпустить общую майскую прокламацію съ требованіями 8-ми часового дня, политическихъ избирательныхъ правъ, политической свободы, съ призывомъ къ забастовкамъ и демонстраціямъ. 40 тысячъ этихъ прокламацій взялись напечатать въ Россіи типографіи Искры и Южнаго Рабочаго. Союзу поручено было составить и напечатать въ 10 тысячахъ экземплярахъ брошюру, разъясняющую подробно эти требованія. Кромѣ этого Союзъ доставилъ до 18-го апрѣля въ Петербургъ, Москву, Кіевъ, Харьковъ, Ивано-Вознесенскъ, Ростовъ, Тифлисъ и Саратовъ 10 тыс. своихъ прокламацій, $2^1/_2$ тысячи № 6-го „Листка Рабочаго Дѣла" съ изложеніемъ февральскихъ и мартовскихъ событій 1901 года и 3 тыс. отдѣльнаго оттиска передовой статьи этого листка „Историческій Поворотъ" Кричевскаго. 22 человѣка отправились въ апрѣлѣ въ Россію изъ-за границы и перевезли всю эту литературу, имѣя по 30 фунтовъ каждый. Трое нелегальныхъ

оѣхавшихъ съ этою цѣлью, руководили этимъ дѣломъ, увѣнавшимся полнымъ успѣхомъ.

Между тѣмъ полиція напрягала всѣ силы, чтобы помѣшать ашей работѣ. Хотя уже тюрьмы были переполнены въ мартовкіе дни, аресты возобновились къ серединѣ апрѣля. Въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Россіи было произведено не менѣе 500 арестовъ помимо огромнаго количества обысковъ.

Общепартійная прокламація призывала „заявить протестъ ротивъ современнаго общественнаго и государственнаго порядка". Прокламація носитъ ясно выраженный соціалистическій арактеръ и рѣзко враждебно говоритъ о самодержавіи. „Товарищи, говоритъ она, если мы дѣйствительно хотимъ отдохнуть огда-нибудь отъ нашихъ страданій, мы должны начать рѣшительную борьбу за наше освобожденіе отъ самодержавія. До ихъ поръ вы боролись подъ знаменемъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи противъ хозяйскаго гнета на абрикѣ. Теперь Рабочая Партія зоветъ васъ въ день Перваго Мая, на-ряду съ требованіемъ 8-ми часового рабочаго дня, провозгласить требованіе политической свободы, созыва выборныхъ тъ народа для управленія государствомъ и контроля надъ министрами".

Легко видѣть огромное превосходство этой прокламаціи надъ бщепартійной прокламаціей 1898 года. Въ политическомъ отношеніи она не такъ ярка, точнѣе, не такъ рѣзка, но въ ней чувствуется близость къ жизни и пролетарскій духъ: теперь только адачи указанныя въ общепартійной прокламаціи 1898 года стали оотвѣтствовать стадіи развитія рабочаго движенія и они могли ыть выражены въ формѣ не радикальной. Русское рабочее виженіе теперь находилось на той стадіи, на которой еврейкое было въ 1898 году, и бросается въ глаза удивительное ходство между прокламаціей Центральнаго Комитета Бунда ъ 1898 году и общепартійною 1901 года: онѣ были обѣ созданы дною и тою же стадіей развитія рабочаго движенія.

А Бундъ? Бундъ шелъ уже дальше. Русскія прокламаціи ризывали рабочихъ къ борьбѣ; еврейскія заявляли, что „наша еперешняя жизнь—одна непрерывная борьба, борьба, которая асъ оживляетъ и одушевляетъ, улучшаетъ наше положеніе, ѣлаетъ насъ смѣлыми и безстрашными". „Съ гордой надежой, съ чувствомъ радости, съ ликованіемъ мы можемъ встрѣить нашъ святой праздникъ". Прокламація выставляла тѣ же ребованія, что и русская, но называла вещи своимъ именемъ: Долой . . . . . самодержавіе! Долой враговъ демокраіи и соціализма! Мы требуемъ конституціи и всѣхъ гражданскихъ правъ! Да здравствуетъ Первое Мая! Да здравствуетъ еждународная соціалдемократія!" Еврейское рабочее движеніе тояло на той позиціи, на которую становилось русское.

Польскія соціалдемократическія прокламаціи оканчивались возгласомъ: „Да здравствуютъ борющіеся русскіе рабочіе! Да

здравствуетъ политическое братство русскихъ и польскихъ рабочихъ! Долой Самодержавіе! Да здравствуетъ конституція!“ Въ Варшавѣ 15 тыс. рабочихъ участвовали въ демонстраціи. Въ Лодзи соціалистическія организаціи не рѣшились призывать къ демонстраціи и организовали мирную сходку. Но на эту сходку явилось 30 тыс. рабочихъ!

Нѣтъ возможности описать здѣсь всѣ проявленія майскихъ событій за этотъ годъ. „Въ 1901 году не было почти ни одного фабричнаго центра, говоритъ одна брошюра о первомъ маѣ [1]), гдѣ не появлялись бы въ этомъ году майскія прокламаціи, гдѣ не стояло бы на готовѣ войско, гдѣ не были бы произведены жандармами десятки арестовъ для предотвращенія маевки. Пролетарскій праздникъ сталъ уже въ Россіи грознымъ днемъ для всѣхъ враговъ рабочаго класса, днемъ надежды для всѣхъ угнетенныхъ, для всѣхъ чающихъ свободы и свѣта!“

Въ „Искрѣ“, въ № 8 Листка Рабочаго Дѣла и въ Послѣднихъ Извѣстіяхъ Бунда имѣются описанія событій Перваго Мая за 1901 годъ въ Петербургѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Ростовѣ, Тифлисѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Лодзи, Ковнѣ, Сморгони, Витебскѣ, Двинскѣ, Бѣлостокѣ, Ригѣ, Либавѣ, Митавѣ, Одессѣ, Керчи, Симферополѣ.

* * *

Въ мартѣ 1902 года въ Бѣлостокѣ состоялась конференція представителей комитетовъ и организацій Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, принявшая рѣшеніе создать Организаціонный Комитетъ для созыва 2-го съѣзда Партіи и выпустить общую для всей Россіи Майскую прокламацію. Только двое изъ участниковъ этой конференціи уцѣлѣли; остальные были арестованы прежде, чѣмъ успѣли уѣхать изъ Бѣлостока и были послѣ долгаго тюремнаго заключенія отправлены въ Сибирь. Но рѣшенія ихъ были исполнены нашею Партіей.

Прокламація вышла въ нѣсколькихъ изданіяхъ и была распространена по всей Россіи. „Да здравствуетъ Россійская Соціалдемократія! Да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день! Да здравствуетъ политическая свобода! Долой самодержавіе!“ Такъ заканчивалась прокламація. „Чтобы открыто и съ успѣхомъ добиться улучшеній въ своей жизни — говорила она — мы должны добиваться политической свободы; безконтрольное самодержавное управленіе должно уступить мѣсто демократіи, т. е. управленію страны собраніемъ выборныхъ отъ всего народа“. Здѣсь не употреблено слово конституція, можетъ быть случайно, а можетъ быть даже потому, что оно еще казалось рѣзкимъ даже тогда, когда его содержаніе—ограниченіе само-

---

[1]) „Пролетарскій праздникъ“ изд. Искры, апрѣль 1903.

державія—было уже провозглашено. Но можетъ быть авторы сознательно отъ него уклонились по другой причинѣ? Во всякомъ случаѣ это умолчаніе какъ бы ставило на очередь внесеніе въ прокламацію по вопросу о формѣ государственнаго управленія формулы соціалдемократической программы минимумъ, требующей большаго, чѣмъ ограниченіе самодержавія.

Какъ я уже нѣсколько разъ отмѣчалъ, въ первомайскихъ прокламаціяхъ высказывались два существенно различныхъ взгляда на характеръ этого праздника. Одни видѣли въ немъ актъ борьбы, которая, усиливаясь изъ году въ годъ, въ одно прекрасное первое мая, „когда наступитъ *наше* Первое Мая“, превратится въ генеральную битву съ защитниками существующаго строя. Другіе считали этотъ день днемъ „недѣланья“, днемъ обновленья, когда всѣ сторонники великаго международнаго движенія, остановивъ обычное теченіе жизни, отдаются общему порыву нашихъ желаній, подводятъ итоги прошлаго, размышляютъ о задачахъ будущаго, провозглашаютъ свои идеалы. Въ этой мирной, но могучей демонстраціи признаютъ сторонники этого взгляда всю силу и значеніе нашего праздника.

Какъ же смотритъ на это прокламація, о которой идетъ рѣчь? Она выражается неясно и неопредѣленно.

„Товарищи, говоритъ она, годъ отъ году въ майскомъ праздникѣ въ Россіи участвуетъ все болѣе и болѣе рабочихъ. Постарайтесь, чтобы празднованіе этого года было шире и громче, чѣмъ когда либо. Пусть всякій рабочій не работаетъ въ день Перваго Мая (18 апрѣля), а въ день назначенный комитетомъ пусть каждый явится на демонстрацію“. „Встанемъ дружно и сплоченно въ день Перваго Мая и заявимъ протестъ рабочаго класса противъ безправія“. Здѣсь, какъ будто, рѣчь идетъ о мирной демонстраціи.

Но далѣе говорится: „Покажемъ же всѣмъ желающимъ свободы, что мы готовы добывать ее въ бою, что мы намѣрены бороться за нее до послѣдней капли крови“. „Помните, что отъ числа участниковъ зависитъ успѣхъ демонстраціи. Сотни лицъ разгонитъ полиція, съ тысячами справится вооруженная сила, но противъ десятковъ тысячъ будетъ безсильно и царское воинство“. „Самодержавіе идетъ навстрѣчу своей гибели. Близокъ часъ расплаты за всѣ его вѣковые грѣхи противъ народа, противъ Россіи“. Этимъ день Перваго Мая какъ бы назначается для боя, который приведетъ къ успѣху, когда въ немъ примутъ участіе „десятки тысячъ“.

Эта неопредѣленность и двойственность, какъ мы увидимъ дальше, постепенно исчезала въ послѣдующіе годы и уступала мѣсто боевому тону майскихъ прокламацій до тѣхъ поръ, пока, въ 1905 году, не обнаружилась полная несостоятельность этого взгляда на нашъ праздникъ.

Хронику событій и въ этомъ году и въ послѣдующихъ излагать не приходится, въ 1-хъ потому, что она становится къ началу девятисотыхъ годовъ слишкомъ сложной, во 2-хъ потому, что интересующіеся деталями этого дѣла безъ особыхъ затрудненій смогутъ найти подробныя свѣдѣнія въ газетахъ: Искра, Революціонная Россія и Послѣднія Извѣстія Бунда. За 1902 годъ въ этихъ газетахъ имѣются описанія первомайскихъ событій въ Баку, Батумѣ, Бердичевѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Витебскѣ, Гомелѣ, Двинскѣ, Екатеринославѣ, Иркутскѣ, Канскѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Ковнѣ, Красноярскѣ, Кременчугѣ, Лодзи, Минскѣ, Могилевѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новозыбковѣ, Одессѣ, Перми, Петербургѣ, Прилукахъ, Ригѣ, Ростовѣ, Саратовѣ, Сормовѣ, Тифлисѣ, Томскѣ, Харьковѣ, Читѣ, Яновѣ, Ялтѣ... Движеніе такимъ образомъ стало поистинѣ всероссійскимъ. Но требуютъ спеціальнаго упоминанія событія въ Саратовѣ, Сормовѣ, Нижнемъ, Вильнѣ.

Въ Саратовѣ небольшая группа лицъ, большею частью уже состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи, сошлась въ ближайшее послѣ Перваго Мая воскресенье на базарѣ; человѣкъ 30, собравшись, запѣли революціонныя пѣсни, подняли знамена, три красныхъ съ революціонными лозунгами и одно чорное съ надписью: „Балмашовъ казненъ, вѣчная память герою“. Скоро къ нимъ примкнуло еще человѣкъ 50, которые и составили ядро демонстраціи; вокругъ нихъ двигалась многочисленная толпа.

„Зрѣлище было весьма эффектное—пишетъ корреспондентъ Революціонной Россіи,—я наблюдалъ его въ цѣломъ изъ виднаго мѣста. Издали вся толпа представляла одно импозантное цѣлое, густую массу народа, надъ головами котораго плавно колыхались чорное и красныя знамена“. „Толковъ по городу—масса, добавляетъ онъ, и эта цѣль всякой подобной демонстраціи можетъ считаться достигнутой“.

Искрѣ писали по этому поводу: „демонстрацію нельзя назвать неудачной; демонстрантамъ удалось пройти съ развернутыми знаменами довольно значительное пространство, и знамена развѣвались по крайней мѣрѣ въ теченіе 20 минутъ“.

Полиція проявила особую тактику: она въ формѣ вела себя сдержанно и корректно, но полицейскіе въ штатскомъ и сыщики „занимались избіеніемъ“. „Впечатлѣніе получалось такое, будто происходитъ драка среди публики. Но всѣ пострадавшіе отъ защищавшихся демонстрантовъ оказались переодѣтыми жандармами и городовыми“ (Искра).

Саратовскіе товарищи вели себя чрезвычайно мужественно и, будучи уже арестованными, обращались къ солдатамъ съ рѣчами и пѣли революціонныя пѣсни. Они были отданы на судъ Судебной Палатѣ и присуждены къ ссылкѣ на поселеніе.

„Карайте демонстрантовъ, которые мирно выступили съ требованіями рабочаго класса!—писалъ въ прокламаціи Саратовскій комитетъ по поводу суда надъ демонстрантами. Этимъ

вы научите рабочихъ прибѣгать не къ мирнымъ демонстраціямъ, а выходить на открытый бой съ вами, на бой съ оружіемъ въ рукахъ на улицахъ, на баррикадахъ. Чѣмъ строже вы будете раздѣлываться съ мирными демонстрантами, тѣмъ скорѣе наступитъ рѣшительный бой!"

Здѣсь эта демонстрація-маевка характеризуется какъ мирное заявленіе желаній. Само правительство противъ нашего желанья превращаетъ ее въ „бой". Какъ ни парадоксально будетъ это звучать, но надо сказать, что мы побѣдили правительство, заставляя его совершать насилія надъ нами! Оно боялось этого, оно не рѣшалось насъ судить открыто; желая запугать насъ карами, оно однако скрывало отъ народа свои жестокости. Но мы заставили его снять маску: то, чѣмъ оно думало запугать—оно скрывало, а мы разглашали! Мы стали открыто проявлять естественныя права человѣка и гражданина: свободу слова, печати, собраній, организацій—несмотря на то, что юридически у насъ не было этихъ правъ. Правительство, чтобы подавить естественное, имѣло лишь одно средство—насиліе: вступить на путь открытаго насилія и вызвать съ нашей стороны отвѣтъ насиліемъ, вызвать насъ на битву—таковъ единственный выходъ для правительства. Но для насъ битва не только не является единственнымъ способомъ борьбы, но, наоборотъ, она для насъ самое рискованное дѣло: какъ грубая физическая сила, правительство было и есть сильнѣе насъ и не симъ побѣдитъ его наше движеніе.

То самое, что произошло въ Саратовѣ, произошло также въ Нижнемъ и въ Сормовѣ. Даже по словамъ обвинительнаго акта демонстрація въ Нижнемъ была устроена единственно „съ цѣлью дерзостнаго порицанія самодержавной власти и установленнаго закономъ образа правленія". Эту цѣль демонстранты преслѣдовали мирными средствами, они „учинили шествіе по городскому бульвару съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, выкинувъ красное знамя съ надписью: „долой самодержавіе" и дозволили себѣ неоднократно кричать: да здравствуетъ политическая свобода, долой самодержавіе!" И противъ этой горстки людей, которая, по выраженію обвинительнаго акта, „скоро составила толпу въ 30 приблизительно человѣкъ", правительство великой державы было безсильно. Оно, конечно, могло бы раздавить всю эту „толпу", но оно знало, что этимъ оно вступаетъ хотя и на единственный остающійся для него, но опасный путь, и оно скрывало свои дѣйствія, переодѣвало своихъ агентовъ, такъ что, какъ гласитъ обвинительный актъ, „наблюдавшіе за происходившимъ изъ квартиры инженера Майдановича на Семинарской площади свидѣтели Александръ Майдановичъ и инженеръ Николай Антоновичъ удостовѣряютъ, что во время борьбы нападавшими несомнѣнно являлись демонстранты, при чемъ полиція вела себя осторожно и спокойно".

Въ Сормовѣ демонстрація была гораздо болѣе многолюдной и была устроена рабочими: „Огромная толпа демонстрантовъ, пишутъ Послѣднія Извѣстія, направилась по большой дорогѣ отъ Сормовскаго завода и шла все время съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ; когда же она на своемъ пути поравнялась съ войсками, то пройдя мимо всего строя оторопѣвшихъ солдатъ, стройно и тихо повернула и пошла обратно, а затѣмъ, дойдя до завода, разошлась по домамъ. Только одинъ рабочій-знаменосецъ не захотѣлъ уходить домой и остался до тѣхъ поръ, пока его не окружили и не арестовали“.

Здѣсь не было „битвы“, но демонстрація, по словамъ Послѣднихъ Извѣстій, производила впечатлѣніе какого-то грандіознаго торжества“. „Всѣ только и говорятъ о томъ, что произошло въ Сормовѣ Перваго Мая“, заявляетъ прокламація Нижегородскаго комитета; она сообщаетъ также о томъ, какъ устроилась демонстрація: толпа рабочихъ начала было громить заводскую контору и канцелярію пристава. „Но скоро на мѣсто происшествія явилась толпа сознательныхъ рабочихъ. Что вы дѣлаете, говорили они; разгромомъ заводской конторы мы не добьемся ничего. Мы должны другими путями добиваться уничтоженія теперешняго несправедливаго порядка“. И они предложили устроить демонстрацію. „Народъ стоялъ по обѣ стороны улицы сплошною толпой; видъ демонстраціи такъ дѣйствовалъ на нее, что нѣкоторые, слыша стройное пѣніе, не могли удержаться отъ слезъ“.

Такъ прошло Первое Мая въ Поволожьѣ, въ коренныхъ русскихъ городахъ. Это были проявленія новыхъ методовъ борьбы, и мы должны были здѣсь хотя бы вкратцѣ описать ихъ. Но это самое въ западномъ краѣ было уже обычнымъ явленіемъ; тамъ правительство уже отбросило свою осторожность и прибѣгло къ новымъ опытамъ „предупрежденія и пресѣченія“.

Вильна уже задолго до Перваго Мая казалось была на военномъ положеніи. „Патрули разъѣзжаютъ по улицамъ, вызвана еще сотня казаковъ“,—пишутъ Послѣднія Извѣстія. „Пороховые и оружейные склады охраняются двойными нарядами; цѣлый батальонъ готовъ къ выступленію по первому требованію; офицера ночуютъ въ казармахъ“.

Въ день Перваго Мая,—пишетъ Искра, съ утра всѣ дворники дежурили у воротъ съ дубинами въ рукахъ; въ оживленныхъ центрахъ на каждомъ перекресткѣ кромѣ городовыхъ стояли околоточные надзиратели; весь городъ принялъ особый видъ, всякій ходилъ, какъ бы озираясь по сторонамъ. Въ $5^1/_2$ часовъ вечера Валь, впереди полусотни казаковъ, выѣхалъ осмотрѣть „позиціи“. Въ 7 часовъ стало собираться много народу; на Большой тротуары положительно запружены; на Нѣмецкой улицѣ всѣ окна домовъ были раскрыты, балконы черны отъ стоявшей на нихъ публики; около Малаго театра выстроились казаки, а за ними пѣхота“.

„Три смѣльчака выскочили изъ Еврейской улицы. Одинъ изъ нихъ съ краснымъ фонаремъ крикнулъ: долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода! Въ ту же минуту онъ былъ сшибленъ съ ногъ и буквально истерзанъ. Изъ толпы стали выходить лица съ красными фонарями; они были схвачены и избиты, а одного изъ нихъ убили“.

„Въ то же время въ Городскомъ театрѣ посыпались въ публику прокламаціи и разноцвѣтныя бумажки съ надписью: Поздравляемъ народъ съ праздникомъ Перваго Мая. Валь былъ также въ театрѣ и къ нему въ ложу тоже попало нѣсколько такихъ штучекъ. Раекъ былъ оцѣпленъ и 35 человѣкъ арестовано“.

Вотъ и все, что сдѣлали наши виленскіе товарищи въ этотъ день. И однако, „Искра“ совершенно справедливо замѣчаетъ, что демонстрацію можно считать удавшейся. Что оставалось дѣлать фонъ-Валю? Онъ принялъ чудовищныя мѣры предосторожности, онъ былъ грозною силою, могущею все сокрушить, и однако демонстрація удалась, онъ былъ ея безсильнымъ зрителемъ; болѣе того, онъ и его штабъ своимъ присутствіемъ, своими дѣйствіями только усугубляли значеніе событій“. Въ безсильной злобѣ онъ глумился надъ своими плѣнными политическими врагами.

„На другой день послѣ манифестаціи, пишетъ корреспондентъ Послѣднихъ Извѣстій, арестованныхъ вывели изъ кутузки на дворъ. Фонъ Валь осыпалъ ихъ площадною руганью, а затѣмъ прокуроръ произнесъ офиціальную рѣчь: „Пусть не думаютъ эти мальчишки, что ихъ кто-нибудь боится; ихъ всѣхъ сейчасъ такъ выпорятъ, что другой разъ они не прійдутъ демонстрировать“. По окончаніи этой рѣчи принесли доску, спеціально приспособленную для этой экзекуціи: одна дощечка подпирала подбородокъ, другая вкладывалась въ ротъ, чтобы нельзя было кричать. По-очередно брали всѣхъ и раздѣвали; одинъ казакъ садился на голову, другой на ноги, а два казака стояли съ обѣихъ сторонъ и сѣкли; давали по 25 ударовъ, а нѣкоторымъ 50. При экзекуціи присутствовали: фонъ-Валь, прокуроръ, полицеймейстеръ Назимовъ, врачъ Михайловъ, пристава Снитко и Кончевскій, околоточный Мартыновъ“. „Мы выставляемъ къ позорному столбу этихъ лицъ“ заявляла прокламація, выпущенная за общею подписью Виленскаго Комитета Бунда, Виленскаго Комитета Соціалдемократіи Царства Польскаго и Литвы, Литовской Соціалдемократической Партіи“.

Въ этой прокламаціи, прекрасно написанной, есть нѣсколько строкъ, характеризующихъ взглядъ виленскихъ товарищей на демонстраціи. Вотъ эти строки.

„Въ западно-европейскихъ странахъ голосъ рабочихъ раздается въ парламентахъ, народъ можетъ свободно высказываться о своихъ нуждахъ на собраніяхъ, въ газетахъ и въ книгахъ. Мы всего этого лишены! Намъ остается только одно: вынести

свой протестъ на улицу, открыто передъ всѣмъ міромъ провозгласить наши требованія".

„Напрасно гнусное правительство распространяетъ черезъ своихъ прислужниковъ слухи, что въ день Перваго Мая—въ мирный международный праздникъ пролетаріата—рабочіе будутъ жечь, грабить и убивать капиталистовъ, устраивать погромы. Оно клевещетъ въ надеждѣ вызвать къ намъ вражду". „Во время демонстрацій даже слѣпые прозрѣваютъ и общество начинаетъ намъ сочувствовать; на демонстраціяхъ правительство выступаетъ во всей своей отвратительной наготѣ и вызываетъ къ себѣ ненависть и презрѣніе; вотъ почему правительство расправляется такъ жестоко съ демонстрантами". „Мы боремся мирными средствами, въ наши задачи не входитъ пролитіе человѣческой крови; но... терпѣніе имѣетъ свои границы!.."

Границы были перейдены. Рабочій еврей Гиршъ Лекертъ явился выразителемъ царившаго настроенія, онъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ фонъ-Валя; генералъ былъ раненъ въ руку и въ ногу. Лекертъ былъ повѣшенъ.

Сѣченіе розгами въ маѣ этого года повторилось въ Минскѣ, Екатеринославѣ и на Воткинскихъ заводахъ въ Вятской губерніи. Это было очевидно системой, новымъ первомайскимъ опытомъ реакціи. „Режимъ массового примѣненія розги, писала по этому поводу Искра, одновременно проявился на западѣ, на востокѣ и на югѣ Россіи, среди великорусскаго, малорусскаго и еврейскаго населенія"...

* * *

На праздникѣ Перваго Мая 1903 года лежитъ мрачная тѣнь Кишиневскихъ событій. Опытъ Сипягина въ Николаевѣ 18-го апрѣля 1900 года Плеве повторилъ въ этомъ году въ Кишиневѣ. Документы, опубликованные въ „Освобожденіи", не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ужасный погромъ былъ совершенно сознательно и планомѣрно подготовленъ полиціей; впрочемъ безполезно это доказывать теперь, когда передъ глазами всѣхъ раскрывается кровавая исторія Бѣлостокскаго погрома.

Кишиневскій погромъ начался въ воскресенье 6-го апрѣля т. е. всего за 12 дней до заграничнаго Перваго Мая. По всей Россіи полиція заявляла, что Кишиневскій погромъ есть актъ ненависти вѣрноподданнаго христіанскаго населенія къ евреямъ-революціонерамъ. Въ „Бессарабцѣ", органѣ Крушевана, въ этомъ, такъ сказать, офиціальномъ органѣ погромщиковъ, было прямо заявлено, что „Кишиневскій погромъ является отвѣтомъ христіанскаго населенія на еврейское революціонное движеніе" Еврейскій пролетаріатъ дѣйствительно шелъ все время въ авангардѣ всенароднаго, всероссійскаго освободительнаго движенія, этого не могли ему простить власти; этого никогда не

должны забывать мы, русскіе люди, послѣ того какъ наше отечество будетъ освобождено отъ деспотизма.

Повсюду въ другихъ городахъ полицейскія власти предупреждали, что отвѣтомъ на демонстрацію Перваго Мая будетъ погромъ. Соціалисты были поэтому поставлены передъ тяжелою нравственною отвѣтственностью, призывая и въ этомъ году пролетаріатъ всѣхъ націй Россіи демонстрировать Перваго Мая. Передъ лицомъ этой отвѣтственности во многихъ городахъ демонстраціи были отмѣнены. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ Кіевѣ къ демонстраціи готовились за долго до 18-го апрѣля. Но „Еврейскій комитетъ самообороны“ выпустилъ гектографированное воззваніе ко всѣмъ революціоннымъ организаціямъ, прося не устраивать Перваго Мая демонстраціи.

„Это заставило насъ—пишетъ корреспондентъ Революціонной Россіи—еще разъ обсудить дѣло. Мы нашли, что опасенія погрома неосновательны, что настроеніе рабочихъ—лучшій залогъ для того, что демонстрація будетъ носить рѣзко выраженный антиправительственный характеръ, тѣмъ болѣе, что большинство рвущихся на борьбу, это—фабрично-заводскіе рабочіе, русскіе. Еще въ четвергъ 17-го апрѣля вечеромъ Комитетъ Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ имѣлъ офиціальные переговоры съ Комитетомъ Россійской Соц.-дем. Рабочей Партіи, во время которыхъ было условлено о мѣстѣ и часѣ демонстраціи“. Но въ пятницу вечеромъ соціалдемократическій комитетъ выпустилъ прокламацію отмѣняющую назначенную на воскресенье демонстрацію, „мотивировка—возможностъ погрома!“

Изъ Одессы въ Послѣднія Извѣстія сообщено: „Одна изъ главныхъ причинъ, помѣшавшихъ празднованію Перваго Мая, это—Кишиневскія событія. Администрація грозила превратить демонстрацію въ погромъ, если она гдѣ либо произойдетъ. Отношеніе несознательной массы къ организованнымъ рабочимъ крайне враждебное“.

Изъ Житоміра туда же сообщалось: „Кишиневская бойня всѣхъ ошеломила. Полиція усиленно распространяетъ слухи о томъ, что, если будетъ демонстрація, то произойдутъ погромы“.

Кромѣ „черныхъ сотенъ“ войска и полиція повсемѣстно готовились во всеоружіи встрѣтить врага. Объ этомъ единодушно сообщаютъ корреспонденты всѣхъ газетъ со всѣхъ концовъ Россіи. Это было офиціальнымъ признаніемъ всероссійскаго значенія Перваго Мая. Однако же крупныя, блестящія демонстраціи произошли въ этомъ году на Кавказѣ, въ одинъ и тотъ же день, въ воскресенье 27 апрѣля, по рѣшенію Кавказскаго Союза Комитетовъ въ Тифлисѣ, Баку, Батумѣ и Кутаисѣ; произошли онѣ также въ Варшавѣ и Томскѣ.

Но демонстраціи лишь одно изъ проявленій первомайскаго движенія. Если это проявленіе было во многихъ случаяхъ не допущено, то за то отказы отъ работъ въ этотъ день, тайныя

собранія, распространеніе прокламацій—приняли колоссальные размѣры. Въ русскихъ заграничныхъ газетахъ я нашелъ сообщенія о событіяхъ, связанныхъ съ праздникомъ Перваго Мая, изъ слѣдующихъ шестидесяти трехъ мѣстъ: Астрахань, Баку, Батумъ, Бердичевъ, Бѣлостокъ, Варшава, Венденъ, Вильна, Виндава, Витебскъ, Вольмаръ, Вологда, Вятка, Гомель, Двинскъ, Донецкій Бассейнъ, Добрянка, Екатеринбургъ, Екатеринославъ, Житоміръ, Иркутскъ, Кайданы, Кіевъ, Кишиневъ, Ковно, Кострома, Креславль, Кутаисъ, Либава, Лодзь, Ляды, Минскъ, Митава, Могилевъ, Москва, Николаевъ, Нижній, Одесса, Орша, Паричи, Пермь, Петербургъ, Пинскъ, Поневѣжъ, Ревель, Рига, Ростовъ, Рѣжица, Самара, Саратовъ, Смоленскъ, Сормово, Сновскъ, Сувалки, Сѣдлецъ, Тверь, Тифлисъ, Томскъ, Тукумъ, Тула, Харьковъ, Шавли, Шаты, Юрьевъ...

Если читателю показалось скучнымъ чтеніе этого длиннаго перечня городовъ, то пусть онъ вспомнитъ, что все это аванпосты, которые мы укрѣпляли и защищали на глазахъ у одного изъ сильнѣйшихъ въ мірѣ правительствъ, что за каждымъ изъ этихъ названій оказывается долгая, упорная, кропотливая, опасная работа. Каждый экземпляръ прокламацій, какъ дитя, требовалъ за собою сложнаго ухода, а ихъ было распространено по Россіи къ одному только этому дню *больше милліона*. Сколько было предварительныхъ собраній и сходокъ, и сколько силъ требуетъ каждая? Сколько было поднято красныхъ знаменъ и сколько геройства видѣло каждое?

Одинъ только Организаціонный Комитетъ выпустилъ триста тысячъ майскихъ прокламацій. Та его прокламація, которая очевидно предназначалась быть прочитанной въ самый день Перваго Мая, является совершенно выдающимся произведеніемъ этого рода литературы.

„Какъ? и сегодня также, товарищи?“ такъ начиналась эта замѣчательная прокламація. „Сегодня, въ день Перваго Мая, также стоите вы у станковъ, вы, живые слуги мертвыхъ слугъ хозяина, машинъ? И въ этотъ день пришли вы, измученные люди, еще не отдохнувъ послѣ вчерашняго трудового дня, послѣ многихъ тяжелыхъ рабочихъ дней! Пришли закаливать сталь для ружей, изъ которыхъ въ васъ станутъ стрѣлять, отдѣлывать колеса машинъ, которымъ станутъ служить ваши дѣти; пришли, чтобы и сегодня, какъ и во многіе дни вашей жизни, работать для тѣхъ, кто гнететъ и порабощаетъ васъ!..“

„И вотъ вы стоите за работою, блѣдные, вялые отъ полуголодной жизни, истомленные отъ непосильной работы. На улицу! На улицу зовемъ мы васъ, товарищи! Остановите вертящіеся колеса! Тушите огни въ печахъ! Давайте тревожный сигнальный гудокъ!“

„Но вы сурово склоняете свои лица надъ станками и уходите мыслями въ работу и наполняете весенній воздухъ шумомъ хлопотливаго труда. „Уйдите, уйдите!“ говорите вы намъ...

„мы работаемъ, мы работаемъ! оставьте насъ, мы добываемъ свой хлѣбъ. Уйдите! Оставьте насъ!“

„Нѣтъ! мы не уйдемъ безъ васъ, товарищи!“

И далѣе прокламація вспоминаетъ, какъ много разъ уже рабочіе во всѣхъ концахъ Россіи вступали въ борьбу за свободу свою, за свободу всего народа; указываетъ, что въ этотъ день пролетаріатъ всего міра выступаетъ передъ врагомъ, какъ единая армія.

„И развѣ вы не чувствуете, какъ крѣпнутъ ваши силы отъ того, что гдѣ то за сотни и тысячи верстъ борются невѣдомые вамъ братья? Они родились подъ чужимъ небомъ, они говорятъ чужимъ вамъ языкомъ, они живутъ по своимъ непохожимъ на ваши обычаямъ. Но они—рабочіе. Они чувствуютъ, какъ и вы, тяготу своей жизни. И вотъ исчезаютъ эти сотни и тысячи верстъ, какъ будто падаютъ перегородки разныхъ странъ, и вы, рабочіе всѣхъ странъ, мыслите одни мысли, живете однимъ чувствомъ, однимъ могучимъ крикомъ требуете лучшей жизни!“

„Сегодня нашъ рабочій праздникъ, праздникъ борьбы. Кто не выходитъ сегодня бороться, тотъ измѣняетъ дѣлу борьбы“. „Каждая страна на перекличкѣ выступаетъ впередъ и говоритъ: я здѣсь! И развѣ, когда назовутъ сегодня имя Россіи, она отвѣтитъ молчаніемъ?“ „Такъ станемъ же въ ряды! Потребуемъ вмѣстѣ съ другими 8-ми часового рабочаго дня для рабочихъ всѣхъ странъ. Потребуемъ политической свободы для насъ. Долой самодержавіе! Да здравствуетъ самодержавіе народа! Да здравствуютъ рабочіе депутаты будущаго русскаго парламента! Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день! Да здравствуетъ майскій праздникъ! На улицу, товарищи!“

Въ смыслѣ лозунговъ, или, какъ у насъ принято говорить, требованій эта прокламація еще не заканчивала эволюціи майскихъ листковъ, за которой мы слѣдили въ этой статьѣ: здѣсь политическіе лозунги взяли перевѣсъ и не оставили мѣста соціалистическимъ; кромѣ того и въ области политики не поставлено точки, не произнесено имени демократической республики. Въ прокламаціи Центральнаго Комитета Бунда этихъ пробѣловъ уже нѣтъ.

Указавъ на „радостную и яркую картину“, которую представляетъ праздникъ „соціализма, священнаго идеала настоящей свободы, равенства и братства“, прокламація говоритъ, что требованіе 8-ми часового дня, выставляемое рабочими въ этотъ день, вытекаетъ изъ сознанія, что „человѣкъ не для того живетъ, чтобы работать, но работаетъ для того, чтобы жить“. Такимъ образомъ прокламація входитъ въ кругъ бытовыхъ вопросовъ сознательнаго рабочаго и лишь затѣмъ касается „русской тираніи и деспотическаго государства“, которое „виситъ еще какъ грозныя черныя тучи на широкомъ и глубокомъ небѣ нашего соціалистическаго праздника“. „Вотъ почему, за-

ключаетъ прокламація, для насъ Первое Мая имѣетъ особое значеніе: кромѣ общихъ соціалдемократическихъ требованій, мы выставляемъ еще наши спеціальныя требованія—демократической республики, въ которой каждый человѣкъ безъ различія націи и религіи могъ бы—насколько это вообще доступно въ буржуазномъ обществѣ—свободно развивать свои физическія и нравственныя силы".

Далѣе прокламація переходитъ къ практическимъ указаніямъ—вѣдь прокламація есть актъ агитаціи, она должна быть призывомъ и опредѣленнымъ дѣйствіямъ. „Праздникомъ, днемъ борьбы должно быть для насъ Первое Мая", говоритъ она. „Всеобщей забастовкой должны мы праздновать Первое Мая". „Въ этотъ день мы должны открыто выносить нашу борьбу на улицу, чтобы показать еще яснѣе нашу революціонную энергію, смѣлость и готовность умереть за наши требованія и священный идеалъ. Гдѣ только возможно, мы обязаны съ красными знаменами, съ революціонными пѣснями пройти по улицамъ и возвѣстить всему міру, что мы скоро разрушимъ нашей революціонной войной желѣзную стѣну деспотизма".

Заканчивается прокламація такъ: „Да здравствуетъ международная пролетарская солидарность и соціализмъ! Долой самодержавіе, да здравствуетъ демократическая республика!"

Эта прокламація, не будучи выдающимся литературнымъ произведеніемъ, съ точки зрѣнія лозунговъ и своего построенія является совершенно развитымъ законченнымъ типомъ соціалдемократическихъ майскихъ воззваній; мы увидимъ, что на слѣдующій годъ общепартійная прокламація достигла того же уровня.

Напротивъ, съ точки зрѣнія своихъ философскихъ тенденцій, она остается еще очень неопредѣленной. Вожаки Бунда все время находились подъ двойственнымъ вліяніемъ высокоразвитаго еврейскаго рабочаго движенія и болѣе сильной, чѣмъ у нихъ теоретической мысли русскихъ соціалдемократовъ. Бундовская интеллигенція руссифицирована, отсюда ея неспособность явиться теоретическимъ выразителемъ глубоко оригинальнаго еврейскаго пролетарскаго движенія, отсюда отсутствіе у нея собственной соціалдемократической программы и преклоненіе передъ отсталою русскою программою.

Прокламація совершенно правильно—на мой взглядъ правильно, но неудачно по мнѣнію моихъ фракціонныхъ противниковъ-товарищей по партіи—характеризуетъ, хотя и въ самой краткой, общей формѣ, причины, задачи и цѣли нашего движенія. „Милліоны рабочихъ всѣхъ націй всего міра—говоритъ прокламація—объединенные общими мыслями, надеждами и стремленіями выступаютъ какъ одинъ человѣкъ противъ капиталистическаго міра насилія, гнета и эксплуатаціи". „Пролетаріатъ вдунетъ новый духъ въ общественный организмъ", стремясь къ тому, чтобы каждый человѣкъ могъ свободно раз-

вивать свои физическія и нравственныя силы", чтобы добиться настоящей свободы, равенства и братства". Однако авторы не смогли проникнуться сами этимъ „новымъ духомъ" и указать путь, по которому долженъ идти пролетаріатъ. Этотъ путь названъ „борьбою", тѣмъ неопредѣленнымъ терминомъ, который еще объединяетъ собою оба теченія въ нашей богатой первомайской прокламаціонной литературѣ. „Нашей революціонной волной мы разрушили желѣзную стѣну деспотизма"—это такая же безсодержательная формула, какъ и слово „борьба". Но эта неопредѣленность была слѣдствіемъ съ одной стороны расхожденія взглядовъ массы и вожаковъ на задачи Перваго Мая и съ другой—тѣсной связи вожаковъ Бунда съ рабочимъ движеніемъ, связи, которая не позволила бундовскимъ майскимъ прокламаціямъ, точно выражая взгляды вожаковъ, оторваться отъ жизни пролетаріата, какъ это случилось—мы это увидимъ - съ русскими майскими прокламаціями послѣднихъ лѣтъ.

Петербургскій Комитетъ также уже говоритъ о республикѣ въ своемъ „воззваніи ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ и работницамъ". Оно начинается эпиграфомъ: „вставай, поднимайся рабочій народъ, вставай на врага братъ голодный!" и заканчивается такъ: „Русскіе рабочіе! въ день Перваго Мая бросайте работу всѣ сразу и покажите ..... и его правительству, что то время уже не за горами, когда вы отомстите за все, и за убитыхъ рабочихъ Ростова и Златоуста, и за разстрѣлянныхъ по ..... приказу голодныхъ крестьянъ, за многія тысячи убитыхъ. Во имя вашихъ погибшихъ товарищей дайте себѣ въ день Перваго Мая клятву не успокоиться до тѣхъ поръ, пока не сотрете съ лица земли ихъ убійцъ, пока не уничтожите проклятья вашей родины, самодержавія! Да здравствуетъ народная республика! Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день! Да здравствуетъ соціализмъ!"

На майскомъ праздникѣ этого года побѣднымъ шествіемъ представилось развитіе рабочаго движенія въ Россіи. Всѣ мѣры правительства, отъ розогъ до погромовъ, оказались тщетными, и ему оставалось только позаимствовать у своего врага методы агитаціи. Уже въ предыдущемъ году, подавивши безумно жестокими средствами демонстраціи еврейскихъ рабочихъ, агенты правительства сами организовали дозволенный начальствомъ майскій праздникъ въ Минскѣ, при небрезгливомъ содѣйствіи еврейскихъ націоналистовъ, сіонистовъ. Въ настоящемъ году полицейскіе легализаторы рабочаго движенія выпустили въ Харьковѣ нелегально свою прокламацію къ рабочимъ, старающуюся дискредитировать въ глазахъ рабочихъ все освободительное движеніе въ Россіи. Безполезно добавлять, каковы были послѣдствія этой нелегальной монархической агитаціи.

Однако правительство, кажется, было довольно результатами своей дѣятельности. „Разсказываютъ—сообщаетъ Освобожденье (№ 24, стр. 421)—что въ петербургскихъ чиновныхъ сферахъ

очень довольны Кишиневскими звѣрствами: одинъ лишь погромъ—говорятъ тамъ—и демонстраціи какъ рукой сняло. Эта похвальба немного преждевременна; цѣлый рядъ свѣдѣній показываетъ, что несмотря на застращиваніе полиціи, демонстраціи все же состоялись; дѣятельность полиціи будетъ имѣть лишь одинъ результатъ: укрѣпленіе революціонныхъ организацій и ростъ революціоннаго движенія".

Чѣмъ же объясняется „похвальба" правительства? Демонстраціи еще состоялись, но въ настроеніи рабочихъ массъ уже было замѣтно нерасположеніе превратить этотъ день въ день битвы. Прокламаціи въ этомъ году, какъ мы видѣли, громче чѣмъ когда либо призывали на улицу, но рабочіе инстинктивно угадывали, что этотъ день менѣе чѣмъ всякій другой благопріятенъ для боя. Петербургское движеніе и на этотъ разъ оказалось наиболѣе развитымъ по сравненіи съ другими русскими городами и эта тенденція въ немъ обнаружилась особенно замѣтно, противорѣчіе между настроеніемъ массъ и лозунгами прокламацій особенно рѣзко.

Мы видѣли, что прокламація Петербургскаго Комитета была болѣе боевою, чѣмъ даже прокламація Организаціоннаго Комитета; она, на ряду съ прокламаціей Центральнаго Комитета Бунда, по своимъ лозунгамъ завершила даже развитіе нашихъ майскихъ прокламацій отъ экономики къ политикѣ. И въ то же время петербургскіе товарищи первые замѣтили и заявили, что рабочія массы не пойдутъ на демонстрацію Перваго Мая въ этомъ году. 9-го мая, т. е. послѣ неудачи маевки, корреспондентъ Искры (№ 41) писалъ: „Комитетъ рѣшилъ демонстраціи не устраивать, такъ какъ было извѣстно, что полиція приняла угрожающія мѣры, а между тѣмъ и *настроеніе массъ не обѣщало въ этомъ году сколько нибудь внушительной демонстраціи, такъ что пошли бы одни организованные рабочіе* и, конечно, стали бы жертвой полиціи".

Изъ многихъ городовъ корреспонденты сообщаютъ, что „комитетъ *по нѣкоторымъ соображеніямъ* рѣшилъ демонстраціи не устраивать", но только петербуржцы высказали не колеблясь эти соображенія. Полиція была безсильна помѣшать демонстраціямъ, но имъ мѣшало нѣчто другое: стремленіе всѣхъ соціалистическихъ организацій придать этимъ демонстраціямъ характеръ рекогносцировокъ, имѣющихъ превратиться, въ одинъ прекрасный годъ, въ битву.

Этотъ ошибочный взглядъ на задачи первомайскихъ демонстрацій, какъ я уже однажды отмѣтилъ, опредѣленнѣе всего былъ формулированъ въ прокламаціяхъ и статьяхъ соціалистовъ-революціонеровъ и сначала проскальзывалъ въ туманныхъ фразахъ отдѣльныхъ соціалдемократическихъ воззваній, но съ развитіемъ политическаго радикализма сталъ въ нашихъ прокламаціяхъ господствующимъ.

Въ этомъ году „Революціонная Россія" помѣстила въ своемъ

номерѣ (23) отъ перваго мая передовую статью, гдѣ высказала взглядъ на значеніе этого дня. „День Перваго Мая, говоритъ статья, могъ *бы* у насъ уподобиться тѣмъ праздникамъ, которые праздновались первыми христіанами въ римскихъ катакомбахъ. Тамъ, въ сырыхъ подземельяхъ, при слабомъ мерцаніи огоньковъ, собирались они, чтобы въ молитвахъ излить свою наболѣвшую душу. Но рабочіе не хотятъ быть только мучениками. Они хотятъ грудью встрѣтить врага, гордо развернуть свое красное знамя. И праздникъ Перваго Мая превращается въ пока неравную борьбу, чаще всего въ бойню“.

Эта мысль высказана также въ прокламаціи кіевскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. „Пусть этотъ день, говоритъ прокламація, будетъ для насъ не только днемъ великаго соціалистическаго праздника; пусть станетъ онъ днемъ борьбы, днемъ смѣлаго и рѣшительнаго нападенія на правительство. Въ день борьбы за конечное освобожденіе человѣчества, въ день Перваго Мая, пусть раздастся на улицахъ и площадяхъ поддержанный вооруженною рукою грозный крикъ: Долой Самодержавіе!“

Этотъ взглядъ былъ усвоенъ и соціалдемократическими организаціями. Но онъ былъ ошибочнымъ и привелъ къ тому, что „настроеніе массъ не обѣщало сколько нибудь внушительныхъ демонстрацій“.

Вл. Акимовъ-Махновецъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Е. С. Семяновскій — одинъ изъ первыхъ карійцевъ.

Евгеній Степановичъ Семяновскій былъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго при СПБ. окруж. судѣ, я познакомился съ нимъ не за долго до моего и его ареста въ 1875 г. Мнѣ хотѣлось бы воскресить память объ этомъ замѣчательномъ по уму и нравственному складу человѣкѣ, погибшемъ еще совсѣмъ молодымъ въ далекой ссылкѣ, на карійской каторгѣ. Къ сожалѣнію, я мало зналъ Евгенія Степановича на волѣ и могу разсказать объ его судьбѣ только послѣ его ареста и въ ссылкѣ, въ которой мы находились вмѣстѣ. Но я надѣюсь, что люди, знавшіе его на волѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, пополнятъ этотъ пробѣлъ. Семяновскій жилъ мало,— арестованъ 25 лѣтъ,—но своей беззавѣтной преданностью великому освободительному движенію, своей нравственной чистотой онъ заслужилъ, чтобы люди не забыли о немъ. Это былъ человѣкъ не только выдающійся по своему уму, образованію, это былъ въ высшей степени обаятельный человѣкъ по всему своему складу. Кто хоть разъ съ нимъ побесѣдовалъ, того неотразимо влекло къ нему. Мягкій, почти женственный характеръ, аристократизмъ въ привычкахъ и вкусахъ, все это служило только украшеніемъ его, и простые люди, также какъ и люди съ высокимъ образованіемъ чувствовали себя съ нимъ просто, и бесѣда съ нимъ всегда вызывала на откровенность, всегда хотѣлось подѣлиться съ нимъ радостями и горестями. Никто не боялся показать ему свою душу, какъ она есть, со всѣми недостатками и убожествами. Но всѣ эти прекрасныя качества не дѣлали его слабымъ. Самъ строгій въ своей жизни, онъ строго стоялъ на стражѣ правды и справедливости. При своемъ многостороннемъ образованіи, громадной начитанности, онъ былъ скроменъ, можетъ быть, больше, чѣмъ нужно, былъ въ высшей степени деликатенъ и въ спорахъ старался не побить своего оппонента неотразимыми аргументами, а убѣдить въ истинности своего взгляда, и это кажется всегда ему удавалось, конечно съ тѣмъ, кто искалъ правды.

Прежде, чѣмъ разсказать о жизни Евг. Степ. въ ссылкѣ, я долженъ разсказать, какъ я съ нимъ познакомился. Въ 1873 г. меня изъ Пскова перевели въ Петербургъ въ Главный Штабъ военнымъ

писаремъ. Въ Главномъ Штабѣ было нѣсколько человѣкъ писарей изъ семинаристовъ, поступившихъ вольноопредѣляющимися. Это были юноши, свободное время по большей части проводили въ чтеніи и спорахъ объ общественныхъ вопросахъ. Я получилъ маленькое образованіе, но чтеніе всегда было моимъ любимымъ занятіемъ и я много читалъ безъ разбору, безъ всякой системы. Споры моихъ товарищей меня заинтересовали, но я стоялъ ниже ихъ по своему развитію и не могъ принимать участія въ ихъ дебатахъ. Я сталъ искать, кто бы мнѣ помогъ разобраться, что надо читать и что не надо. Этому помогъ одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, Михаилъ Павловичъ Овчинниковъ, окончившій духовную семинарію. Онъ познакомилъ меня со студентами мед.-хир. академіи. Это были радикальные кружки, гдѣ велись по вечерамъ бесѣды, гдѣ я получалъ нелегальную литературу и тамъ же мнѣ указывали, что брать изъ библіотеки. Кромѣ меня на бесѣды приходили и рабочіе. Меня неотразимо влекло на эти бесѣды, я чувствовалъ, что это именно тотъ путь, на которомъ моя жизнь получаетъ смыслъ, въ моей жизни намѣчалась цѣль, къ которой я могу радостно стремиться. Я крестьянинъ по происхожденію и мнѣ казалось, что въ соціалистическомъ строѣ народъ найдетъ свое счастье. Мнѣ не надо было говорить о тяжелой жизни народа, я видѣлъ ее самъ, я видѣлъ, какъ народъ работаетъ до изнеможенія, работаетъ только для того, чтобы заплатить подати и оброкъ помѣщику,—самъ же онъ жилъ хуже рабочаго скота. Грязныя, курныя избы, пища грубая, не питательная, мясо только въ годовые праздники, отсутствіе медицинской помощи, поголовная безграмотность. Просвѣта не было видно никакого. Начальства было хотя и меньше, чѣмъ сейчасъ, но начальство было грубо, съ мужикомъ не считалось, о человѣческомъ достоинствѣ никто не думалъ. Начальствомъ считался всякій, надѣвшій сюртукъ, мужикъ былъ загнанъ, забитъ. Въ матеріальномъ отношеніи ему часто хуже жилось, чѣмъ въ крѣпостное время. И вотъ вдругъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ открылась чудная, свѣтлая картина будущей жизни, не за гробомъ, а здѣсь на землѣ. Я глубоко увѣровалъ въ возможность этой жизни, я уже видѣлъ впереди народъ счастливымъ, разумнымъ. Но я зналъ, что народъ еще теменъ, что его не легко сдвинуть. Я видѣлъ, что путь къ осуществленію свѣтлаго соціалистическаго идеала труденъ и мнѣ онъ не представлялся яснымъ. Я съ убѣжденіемъ, съ одушевленіемъ говорилъ о возможности другого, справедливаго строя жизни, но практической программы дѣятельности у меня не было, не было ея, кажется, и у моихъ руководителей; моя аргументація была слаба. Это парализовало мою дѣятельность, я не смѣло и неумѣло выступалъ въ роли пропагандиста. Я не могъ на этомъ помириться и началъ высказывать своимъ руководителямъ о необходимости создать что-нибудь въ родѣ школы пропагандистовъ. Необходимо, чтобы во главѣ этой школы сталъ человѣкъ хорошо образованный, который съумѣлъ бы дать систематическія знанія будущимъ пропагандистамъ по общественнымъ вопросамъ. Эта мысль была одо-

брена и въ одной конспиративной квартирѣ на Петербургской сторонѣ меня познакомили съ Евг. Степ. Семяновскимъ. Евгеній Степановичъ былъ уже ознакомленъ съ моими запросами и я условился съ нимъ, что приду къ нему на другой день съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ товарищей [1]). Я пригласилъ съ собою Савченко, который былъ тоже знакомъ съ нелегальной литературой. Литературу эту онъ получалъ отъ Богушевича, чиновника главнаго штаба, и Богушевичъ, уѣзжая въ Новгородъ для пропаганды, просилъ меня поддерживать Савченко. Савченко былъ южанинъ и разговоръ у Семяновскаго вертѣлся, главнымъ образомъ, на именахъ южныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ этотъ день въ главномъ штабѣ была получена телеграмма объ арестѣ въ Новгородѣ Богушевича и нѣсколькихъ военныхъ. У Семяновскаго мы условились, что я зайду на квартиру Богушевича предупредить его мать и сестру объ арестахъ въ Новгородѣ. У Семяновскаго я взялъ послѣдній № газеты «Впередъ», издававшейся Лавровымъ въ Лондонѣ и нѣсколько брошюръ, и мы съ Савченко отправились. Дорогой я передалъ Савченко брошюры и газеты, чтобы онъ унесъ домой, а самъ отправился въ квартиру Богушевича. Это было около 11 час. вечера. Въ квартирѣ я узналъ, что только что ушли полицейскіе и жандармы, которые дѣлали обыскъ и забрали всѣ бумаги Богушевича. Къ счастью, полицейскаго не было оставлено въ квартирѣ, но засиживатся не приходилось и я отправился домой. Вечеромъ же Савченко передалъ мнѣ брошюры и газеты. На слѣдующій день я былъ свободенъ отъ дежурства и оставался въ помѣщеніи. Когда всѣ писаря ушли на занятія, я съ товарищемъ Щербаковымъ начали читать вслухъ газету «Впередъ». Приблизительно черезъ полчаса въ нашу комнату вошли экзекуторъ и фельдфебель, подошедшіе такъ тихо, что мы не слыхали. Щербаковъ сейчасъ же вышелъ, а я хоть и сунулъ подъ подушку газету, но экзекуторъ это замѣтилъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, какую газету я читалъ. Я назвалъ и подалъ ему газету. Спросилъ, гдѣ взялъ. Я отвѣтилъ, что купилъ у разносчика. Онъ мнѣ сказалъ, что это газета запрещенная и сейчасъ же съ фельдфебелемъ вышли. По ихъ уходѣ я сунулъ брошюры подъ шкафъ, изорвалъ записки и бросилъ въ нетопившійся каминъ. Продѣлавъ все это, я сейчасъ же направился къ выходу, но въ корридорѣ я увидѣлъ, что опять идетъ экзекуторъ. Я вернулся въ свою комнату. Вслѣдъ за мной вошли экзекуторъ и фельдфебель и я былъ арестованъ и отведенъ въ карцеръ при главномъ штабѣ. Это было 27 августа 1875 г. Въ мое отсутствіе въ моемъ комодѣ сдѣлали обыскъ, но ничего не было найдено. О Семяновскомъ я не безпокоился, такъ какъ рѣшительно никакихъ подозрѣній, что сдѣланъ доносъ, у меня не являлось. Обо мнѣ начали заботиться: изъ маленькаго карцера меня перевели въ большой, принесли обѣдъ, чай, а къ вечеру подушку и постель.

---

[1]) Имѣлось въ виду вербовать пока въ школу пропагандистовъ военныхъ писарей главныхъ управленій.

Это крайне озадачило старика сторожа. Онъ привыкъ видѣть, что объ арестованныхъ обыкновенно не проявляется никакихъ заботъ, и все повторялъ: Господи, что жъ это такое? Никогда этого не бывало, и спрашивалъ меня, что я набѣдокурилъ и утѣшалъ, что это ничего, завтра выпустятъ. Но завтра пріѣхала карета съ жандармскимъ офицеромъ и двумя конными жандармами. Меня торжественно увезли въ 3 отдѣленіе.

Тамъ тов. прокурора Поскочинъ снялъ съ меня допросъ. Относительно газеты я показалъ то же самое, что купилъ у разносчика. Это показалось невѣроятнымъ и присутствовавшій при допросѣ жандармскій полковникъ убѣждалъ меня показать правду, что это облегчитъ мое наказаніе, а иначе грозитъ жестокая кара.

Я остался при своемъ показаніи. На вопросъ о знакомыхъ я назвалъ нѣсколько безразличныхъ знакомыхъ, которые оказались не нужны Поскочину. Онъ спросилъ, знакомъ ли я съ Вышегородскимъ и Крыловымъ, учившимися въ то время въ учительской семинаріи на Васильевскомъ островѣ. Я сказалъ, что знаю ихъ, такъ какъ они служили вмѣстѣ со мной въ Глав. Штабѣ. Знакомства съ Богушевичемъ я тоже не отрицалъ. На вопросъ, ходилъ ли я предупреждать родныхъ Богушевича о его арестѣ, я отвѣтилъ отрицательно. На вопросъ, знакомъ ли я съ Семяновскимъ, я тоже отвѣтилъ отрицательно, но сердце мое уже сжалось, я почуялъ, что творится что то неладное, но мысль о шпіонствѣ Савченко все таки мнѣ не пришла въ голову. Такъ далекъ я былъ отъ мысли подозрѣвать людей въ такихъ гнусныхъ поступкахъ. Поскочинъ издѣвался надо мной, что я такъ быстро забываю своихъ знакомыхъ и совѣтовалъ припомнить. Я оставался при своемъ. Съ Семяновскимъ у насъ было условлено, что въ случаѣ ареста, я долженъ объяснить свое знакомство съ нимъ тѣмъ, что я ходилъ къ нему подготовляться къ экзамену на классный чинъ. Почему то мнѣ показалось это показаніе неправдоподобнымъ, хотя я дѣйствительно готовился, но безъ посторонней помощи, и я не сдѣлалъ этого показанія. Я боялся впасть въ противорѣчіе съ Семяновскимъ и потому отрицалъ знакомство съ нимъ.

Этимъ я могъ повредить Семяновскому, хотя вся моя забота была теперь сосредоточена на томъ, чтобы какъ нибудь не впутать его въ мое дѣло. Конечно, всѣ мои объясненія ни къ чему бы не повели, такъ какъ Семяновскій также, какъ и я, былъ арестованъ по доносу Савченко. Но тогда я этого еще не зналъ, и судьба Семяновскаго меня страшно безпокоила.

Послѣ допроса меня отвели въ камеру при 3-мъ отдѣленіи, гдѣ я содержался мѣсяцъ. Камера была просторная, съ двумя окнами, пищу давали очень хорошую, два раза въ день чай съ бѣлымъ хлѣбомъ и даже папиросы. Давали и книги «Русскій Вѣстникъ» и др., въ этомъ же родѣ. Прислуживали два жандарма, которые на всѣ вопросы отвѣчали полнымъ молчаніемъ

Въ корридорѣ ходилъ часовой.

Нижнія стекла въ окнахъ были замазаны мѣломъ, и съ полу нельзя было видѣть, кто проходитъ по двору.

Но какъ то, поднявшись на окно, я увидѣлъ, что провели Семяновскаго. У меня сердце упало. Потомъ я уже узналъ отъ самого Семяновскаго, что его арестовали 28 авг. 1875 г. Недѣли черезъ двѣ меня опять повели къ допросу. Спросили, не желаю ли я добавить свои показанія. Я сказалъ, что мнѣ нечего больше сказать. Меня опять увели. Какъ то разъ спросили, не желаю ли я сходить въ баню. Я съ удовольствіемъ согласился. Жандармъ долго велъ меня вдоль глухой стѣны, въ которой не было ни оконъ, ни дверей. Наконецъ, мы подошли къ двери, въ которую и вошли. У меня мелькнула мысль, что здѣсь отчехвостятъ меня, и стало жутко. Оказалось, меня ввели въ комнату, гдѣ была ванна. Жандармъ приготовилъ воду и я отлично вымылся. Дни казались мнѣ безконечно длинными и я много ходилъ изъ угла въ уголъ. Я представлялъ, что меня сошлютъ въ Сибирь, въ глушь, какъ я тамъ буду жить, что непремѣнно буду тамъ охотиться.

Картины одна заманчивѣй другой пробѣгали въ моихъ мечтахъ. Мнѣ не казалось страшно. Но часто мнѣ приходило въ голову, что меня освободятъ и непремѣнно весной. Будетъ тепло и я поѣду въ деревню, къ матери. Буду вести тамъ пропаганду среди крестьянъ. Я представлялъ, какъ легко крестьяне будутъ усваивать соціалистическія идеи, и организаціи одни грандіознѣе другой возникали въ моемъ разгоряченномъ воображеніи. Но все таки было скучно, а до весны далеко. Свиданій не давали, и я не зналъ, знаютъ ли даже мои родные о моемъ арестѣ. Оказывается, братъ мой, Тимофей, жившій въ Пензенской губ., узнавъ о моемъ арестѣ, бросилъ тамъ службу и пріѣхалъ въ Петербургъ. Пытался въ 3-мъ отдѣл. получить разрѣшеніе на свиданіе со мной, но ему было отказано. Черезъ мѣсяцъ меня перевели въ домъ предварительнаго заключенія.

Сначала мнѣ показалась очень мрачной камера, похожая на гробъ, но потомъ я освоился. Мнѣ показалось, что здѣсь лучше. Надзиратели не молчатъ и хоть въ разговоры не пускаются, но отвѣчаютъ на вопросы.

Стали давать прогулки изрѣдка, въ двѣ недѣли разъ. Политическихъ здѣсь еще немного было, но во дворѣ не было еще знаменитыхъ клѣтокъ для прогулки, расположенныхъ кругомъ будки для надзирателей, и насъ выводили гулять во дворъ, гдѣ мы и гуляли вдоль стѣнъ, по одному. Скоро мнѣ дали и свиданіе съ братомъ въ католической церкви въ присутствіи тов. прокур. и жандармскаго офицера. Свиданіе съ любимымъ братомъ меня несказанно обрадовало, но присутствіе чуждыхъ намъ людей стѣсняло насъ и мы говорили о пустякахъ, перебѣгая съ одного на другое. Свиданіе было не болѣе $^1/_4$ часа.

Потомъ начали давать свиданія въ школѣ въ присутствіи одного тов. прокурора, который садился на передней партѣ, а мы на задней, и говорили уже, не стѣсняясь. Я всегда съ благодарностью

вспоминаю этого тов. прокурора. Потомъ стали давать свиданія два раза въ недѣлю: одинъ разъ черезъ двойную рѣшетку, а другой разъ личное. Клѣтки, въ которыхъ помѣщались заключенные, были расположены въ два ряда, между ними сидѣлъ тов. прокурора за письменнымъ столомъ. Въ этомъ же промежуткѣ между клѣтками давались и личныя свиданія заразъ нѣсколькимъ лицамъ. Прокурору не было никакой возможности слѣдить за разговорами, и благодаря этому эти свиданія были пріятны и непринужденны.

Но вслѣдствіе долгаго одиночнаго заключенія нервы были такъ напряжены, что вызовъ на свиданіе всегда сильно потрясалъ, и къ роднымъ выходилъ въ возбужденномъ состояніи.

Съ Семяновскимъ мнѣ удалось сговориться, и я на предварительномъ слѣдствіи призналъ знакомство съ нимъ, хотя это было совсѣмъ лишнее дѣло.

Этимъ я можетъ быть только ускорилъ окончаніе слѣдствія, а я и Семяновскій страшно хотѣли, чтобы дѣло поскорѣе такъ или иначе кончилось. На слѣдствіи выяснилось, что Савченко сдѣлалъ на меня доносъ начальству Главнаго Штаба въ тотъ день, когда я пригласилъ его съ собою къ Семяновскому, и донесъ, что я пригласилъ его къ интеллигентному человѣку. Начальство велѣло ему идти со мной и потомъ донести, какіе были у насъ разговоры. Генералитетъ Главн. Штаба блестяще проявилъ жандармскія наклонности. Начальникомъ Главн. Штаба былъ графъ Ѳедоръ Логгиновичъ Гейденъ, а помощниками его были генералы Мещериновъ и Клугинъ.

26 августа 1875 г. Савченко шелъ со мной къ Семяновскому уже какъ Іуда, и сердце мнѣ этого не подсказало.

На слѣдствіи, при очной ставкѣ, Семяновскій обратилъ вниманіе, что у Савченко была другая форма и спросилъ, что значитъ эта перемѣна. Савченко разсказалъ, что послѣ моего ареста писаря Главн. Штаба стали его преслѣдовать.

Повидимому онъ пожаловался начальству, и начальство предложило ему перевестись въ жандармское управленіе, если онъ хочетъ. Онъ выразилъ желаніе и былъ переведенъ. И это единственный свидѣтель, по показаніямъ котораго насъ осудили на 11 л. въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ съ лишеніемъ правъ. Слѣдствіе производилъ членъ судебн. палаты Гераковъ. Сестра Богушевича на слѣдствіи не показала, что я приходилъ предупредить ее объ арестѣ ея брата. Но Гераковъ записалъ ея показаніе совершенно иначе; выходило, что я приходилъ предупредить. Это было при мнѣ. Я это замѣтилъ г. Гераковy, но онъ строго объявилъ, что г-жа Богушевичъ именно это показала. Оробѣвшая дѣвушка подписала показаніе и на судѣ въ Особ. Прис. Прав. Сената подтвердила подписанное ею показаніе. Все это показывало, что на правосудіе намъ разсчитывать было нечего. Но мы всетаки еще не теряли надежды.

Въ особенности относительно Семяновскаго я питалъ большія

надежды, такъ какъ, кромѣ оговора Савченко, противъ него не было рѣшительно никакихъ уликъ.

Вотъ почему мы и защищались на судѣ. На слѣдствіи оказалось еще, что въ бумагахъ Богушевича было найдено мое письмо, въ которомъ я сообщалъ ему, что М. въ Москвѣ, а С. въ больницѣ. На требованіе объяснить, кто эти лица, я заявилъ, что отказываюсь назвать ихъ, чтобы не причинить имъ непріятности. Тогда Гераковъ говоритъ, что это Мышкинъ и Семяновскій. Я утверждалъ, что нѣтъ. Гераковъ спросилъ, въ какой больницѣ былъ С., можетъ быть въ Петропавловской? Я сказалъ, что не помню. Были опрошены всѣ больницы, между проч. и Петропавловская (такая оказалась въ Петербургѣ). Оказалось, что Семяновскій нигдѣ въ больницѣ не лежалъ. Съ Мышкинымъ я встрѣтился только разъ и писалъ я не о немъ. Подъ иниц. М. я писалъ о Михаилѣ Овчинниковѣ, а С. былъ Семенъ Ивановичъ Козельскій, студ. М.-Х. акад., сидѣвшій тогда въ тюрьмѣ по политическому дѣлу, но мѣсяца черезъ четыре освобожденный. Въ октябрѣ намъ былъ врученъ обвинительный актъ. Я и Семяновскій обвинялись въ распространеніи соц.-рев. идей и въ ниспроверженіи существующаго порядка вещей, по 251 ст. улож. о наказ. и я кромѣ того кажется по 249 ст. въ оскорбленіи величества на томъ основаніи, что въ № «Впередъ», который у меня забрали, была оскорбительная для величества статья. 26 и 27 октября 1877 г. насъ судили въ Особ. Прис, Прав. Сената въ зданіи Сената.

Къ намъ присоединили новгородцевъ, хотя связи не было рѣшительно никакой, такъ какъ ни я, ни Семяновскій никого изъ нихъ не знали, а Богушевичъ умеръ до суда въ тюрьмѣ. Изъ Новгорода привлекались рядовой Захаръ Богдановъ (мой однофамилецъ), офицеръ Дьяковъ, юнкера Мышкинъ (братъ Ипполита Мышкина) и Бужинскій. Они были мало распропагандированы и сваливали другъ на друга, такъ что впечатлѣніе получалось непріятное.

Кромѣ того, еще привлекался технологъ Соломонъ Желѣзнякъ, жившій гдѣ-то на югѣ. У Семяновскаго была найдена почтовая росписка, благодаря которой у него и сдѣланъ обыскъ, нашли брошюру «Хитрая Механика», за имѣніе которой онъ и привлекался къ суду. На судѣ было немного публики. Семяновскаго защищалъ Герардъ, сказавшій блестящую рѣчь, а меня защищалъ Матросовъ, по назначенію суда.

Савченко (шпіонъ) подтвердилъ на судѣ свои показанія, что Семяновскій передалъ мнѣ газету «Впередъ» и какія-то брошюры. Кромѣ этого оговора сыщика противъ Семяновскаго не было больше рѣшительно никакихъ уликъ. Относительно меня Савченко показалъ, что я познакомилъ его съ Семяновскимъ и что я у Семяновскаго взялъ газету «Впередъ» и брошюры и ходилъ предупредить Бугушевичъ. Богушевичъ показала, что я приходилъ предупредить ее объ арестѣ брата. Писарь Щербаковъ показалъ, что онъ зашелъ ко мнѣ спросить какую-то книгу, но видя, что я

читаю, присѣлъ на мою кровать, чтобы подождать, когда я дочитаю статью, что читалъ я про себя, а не въ слухъ и затѣмъ ушелъ, когда взошелъ экзекуторъ. Экзекуторъ показалъ, что онъ засталъ меня съ газетой въ рукахъ, но не слышалъ, чтобы я читалъ вслухъ Щербакову. Сторожъ показалъ, что онъ видѣлъ въ каминѣ какія-то изорванныя клочки бумаги, а кѣмъ они брошены, онъ не знаетъ. Онъ затопилъ каминъ и клочки бумаги сгорѣли. Этотъ старикъ былъ лѣтъ 30 сторожемъ въ помѣщеніи писарей Главнаго Штаба и бѣдняга заплакалъ, когда увидѣлъ меня на скамьѣ подсудимыхъ. Вотъ всѣ свидѣтели противъ меня и Семяновскаго, всѣ улики въ потрясеніи основъ. Щербаковъ показываетъ, что я не читалъ, экзекуторъ показываетъ, что онъ не слышалъ, чтобы я читалъ вслухъ Щербакову, но когда судъ ставилъ вопросы, то на вопросъ, читалъ ли я Щербакову, судъ вынесъ резолюцію, что я читалъ вслухъ Щербакову. Значитъ распространеніе есть. На вопросъ, давалъ ли Семяновскій мнѣ газету «Впередъ», вопреки моему категорическому утвержденію, что я отъ Семяновскаго газеты не получалъ, судъ вынесъ резолюцію, что Семяновскій мнѣ газету давалъ. Основы потрясены. Если бы я до тѣхъ поръ не былъ революціонеромъ, я неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться таковымъ на судѣ. Возмутить чувство справедливости нельзя было больше, какъ такимъ издѣвательствомъ надъ правосудіемъ. Прокуроръ требовалъ смертной казни для меня (измѣна присягѣ) и кажется 15 лѣтъ каторжной работы для Семяновскаго. Судъ уровнялъ насъ. Онъ приговорилъ насъ обоихъ на 11 лѣтъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, а затѣмъ на вѣчное поселеніе въ Сибири. По выходѣ изъ суда братъ Семяновскаго, Александръ Степановичъ, совѣтовалъ подать апелляціонную жалобу. Евгенію Степановичу, очевидно, не хотѣлось, очень ужъ онъ былъ возмущенъ, но вслѣдствіе настояній брата онъ колебался и поставилъ въ зависимость, какъ я рѣшу. Я высказалъ, что это безполезно, что обращаться къ палачамъ за справедливостью даже неловко какъ-то, но если Евгеній Степановичъ этого хочетъ, то я попрошу защитника написать апелляціонную жалобу. Въ концѣ концовъ мы рѣшили не подавать апелляціонной жалобы. Семяновскому потомъ говорили, что сенаторы раздѣлились, часть ихъ была за оправданіе, но вѣдь были и «сословные представители»! Это хитрая выдумка бюрократіи. Юристъ хотя бы и лакействующій еще можетъ смутиться явной несправедливостью, но чѣмъ смутится избранное самодержавіемъ тріо изъ предводителя дворянства, городского головы и волостного старшины. Голосъ первоприсутствовавшаго сенатора Петерса также много значилъ въ отправленіи правосудія. Да къ тому же, говорятъ, Министръ Юстиціи графъ Паленъ бѣгалъ около полуотворенныхъ дверей совѣщательной комнаты и все повторялъ: «неужели оправдаютъ, неужели оправдаютъ?» Всѣ мѣры были приняты, и отечество спасено! Обвинялъ насъ товарищъ оберъ прокурора Сената Роде.

Противъ Захара Богданова не было выставлено обвиненіемъ

свидѣтелей. Онъ обвинялся въ томъ, что ругалъ царя, читалъ будто бы солдатамъ въ казармахъ въ Новгородѣ революціонныя брошюры. Его присудили къ семилѣтнимъ каторжнымъ работамъ на заводахъ, а потомъ на вѣчное поселеніе въ Сибири. Дьяковъ осужденъ на годъ въ крѣпость главнымъ образомъ за то, что рѣзко выражался на судѣ. Мышкинъ и Бужинскій осуждены къ содержанію въ военной тюрьмѣ на три мѣсяца. Желѣзнякъ приговоренъ тоже къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца.

Черезъ мѣсяцъ намъ объявили приговоръ въ окончательной формѣ. Даже прокуроръ въ Д. П. З. возмущался жестокимъ приговоромъ.

Насъ продолжали содержать въ Д. П. З.

Послѣ суда, черезъ нѣсколько дней, я спрашивалъ Евгенія Степановича въ предварилкѣ, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ говорилъ, что чувствуетъ какую-то слабость, чисто физическую, что ему не хочется читать, не хочется говорить и хочется только лежать.

Въ разговорахъ въ нашемъ клубѣ (чрезъ ватерклозетную трубу) не разъ говорилось, что такой срокъ въ каторгѣ вынести нельзя, и что такой приговоръ все равно, что смертный приговоръ. Оказалось вѣрно не для всѣхъ. Мы тогда о каторгѣ и о Сибири вообще знали очень мало. Главнымъ образомъ представленіе о каторгѣ у насъ было по «Запискамъ изъ М. Д.» Достоевскаго. Со мной въ одномъ клубѣ были въ 76 г. Михаилъ Грачевскій, Михаилъ Державинъ, Всеволодъ Лопатинъ, офицеръ Аитовъ и рабочій Николай, а фамилію не помню.

Мнѣ и Семяновскому управляющій Д. П. З. усердно предлагалъ подать прошеніе о помилованіи и увѣрялъ, что есть очень много шансовъ, что мы будемъ помилованы совершенно. Евгеній Степановичъ мнѣ говорилъ потомъ, что будто-бы сенаторы, судившіе насъ, высказывали, что мы навѣрное будемъ помилованы, если подадимъ прошенія. Къ Семяновскому подсылали еще кого-то, но кого, я не помню. Конечно, о подачѣ прошеній съ нашей стороны и рѣчи не могло быть. Въ декабрѣ 1876 г. въ Д. П. З. привезли арестованныхъ за казанскую демонстрацію 6 декабря. Это насъ сильно взбудоражило и до нѣкоторой степени ободрило.

Въ періодъ 1873—75 гг. было масса арестованныхъ по всей Россіи, изъ которыхъ былъ потомъ составленъ знаменитый процессъ 193-хъ. Аресты разстраивали кружки, затрудняли сношенія. Много народу перешло на нелегальное положеніе. Все клонилось къ тому, что мирная дѣятельность пропагандистовъ дѣлалась болѣе трудной и мало продуктивной. Нелегальнымъ въ особенности было трудно что-нибудь дѣлать, такъ какъ приходилось переѣзжать съ мѣста на мѣсто, чтобы отклонить подозрѣнія отъ себя. Иногда нелегальные желали сами, чтобы ихъ арестовали, такъ какъ невозможно было что-нибудь дѣлать. Нужны были большія средства, а средствъ не было. Деньги были нужны и для помощи сидящимъ по тюрьмамъ. Но о террорѣ въ 75—76 гг. еще не было разгово-

ровъ. Выстрѣлъ въ 77 г. Вѣры Засуличъ въ П-Б-го градоначальника Трепова насъ поразилъ. Мы были уже на Карѣ, когда узнали объ этомъ. Но этотъ фактъ мы объяснили исключительно местью и не подозрѣвали, что это начало новаго направленія въ революціонной дѣятельности. Мы еще не знали тогда, что покушеніе на Трепова было уже задумано организаціей и Попко (умершій на Карѣ) съ другими товарищами искали момента, чтобы убить Трепова за истязаніе Боголюбова, осужденнаго въ каторгу за казанскую демонстрацію. Но Засуличъ, не знавшая о замыслахъ Попко, предупредила его.

Процессъ Засуличъ имѣлъ громадное, знаменательное значеніе. Оправданіе ея на судѣ присяжныхъ было отвѣтомъ общества на самодержавную политику. Правительство никогда уже не прибѣгало къ суду общества по политическимъ дѣламъ, какъ не обращается къ суду присяжныхъ и до сего времени. Вся Россія была объявлена неблагонадежной въ политическомъ отношеніи. Правительству не на кого было опереться въ своемъ угнетеніи народа, кромѣ штыковъ. Это не могло насъ не ободрить, мы съ надеждой смотрѣли на будущее и намъ легче было переносить тяжелую ссылку.

Семяновскаго перевели изъ Д. П. З. въ Литовскій тюремный замокъ, кажется въ январѣ 1877 г., а меня въ мартѣ того же года. Семяновскаго вывозили на площадь, гдѣ на эшафотѣ ему прочитали приговоръ и переломили надъ его головой шпагу. Это кажется была послѣдняя публичная казнь. Меня водили въ Управленіе воинскаго начальника, гдѣ при барабанномъ боѣ провели между двумя рядами выстроенныхъ солдатъ въ казармѣ, прочитали приговоръ, еще разъ пробилъ барабанъ и затѣмъ опять увезли въ Д. П. З.

Когда въ мартѣ меня перевели въ Литовскій замокъ, тамъ уже находились политическіе, кромѣ Семяновскаго, Акимовъ, бывшій ж.-д. контролеръ, осужденный на поселеніе въ Сибирь, Розановъ, бывшій сельскій учитель, осужденный на поселеніе, Захаръ Богдановъ, по нашему процессу, Альбовъ, лѣсничій, осужденный на поселеніе, Терентьевъ и Тефтулъ, осужденные въ каторгу за пропаганду въ Одессѣ. Это былъ рядъ мелкихъ процессовъ осенью 1876 г.

Насъ разсадили въ разныя камеры вмѣстѣ съ уголовными, но днемъ камеры были отворены въ корридоръ и мы свободно видѣлись между собою. Большая часть уголовныхъ были молодые солдаты, осужденные за нарушеніе дисциплины въ каторгу. Это былъ совершенно неиспорченный народъ и странно было видѣть ихъ арестантами. Къ государственнымъ они относились съ уваженіемъ. Когда насъ перевели въ другой корпусъ, государственныхъ помѣстили въ двухъ отдѣльныхъ камерахъ, солдаты подобрались въ одну большую камеру. Какъ то разъ они устроили чай и пригласили насъ въ качествѣ гостей и были ужасно рады, что мы пришли къ нимъ и не смотримъ на нихъ, какъ на преступниковъ. Но и настоящіе

уголовные относились къ государственнымъ съ уваженіемъ. Режимъ въ Литовскомъ замкѣ былъ строгій, но съ государственными были все-таки вѣжливы. Мы были пока въ своей одеждѣ, къ намъ пропускали книги, но уже съ разборомъ. Какъ то разъ не позволили передать мнѣ сочин. Некрасова, потому что не было надписи: «дозволено цензурою», а помощникъ смотрителя не слыхалъ про такого писателя, и брату пришлось обратиться къ градоначальнику, который и пропустилъ. Свиданія давались два раза въ недѣлю. Я сидѣлъ въ одной камерѣ съ Семяновскимъ и Терентьевымъ. Предметами разговоровъ были преимущественно политическія темы. Мы ожидали, что насъ пошлютъ въ Харьковскую каторжную тюрьму (централку) и будущее намъ рисовалось въ ужасномъ видѣ. Никто изъ насъ не разсчитывалъ когда нибудь выйти на волю. Семяновскому принесли пилку и мы начали пилить рѣшетку. Но я нечаянно уронилъ пилку, достать ее было невозможно, и это страшно меня взволновало. Я опять увидѣлъ себя виновникомъ на пути къ освобожденію Семяновскаго. Онъ всячески утѣшалъ меня и говорилъ, что отъ имѣнія пилки далеко еще до свободы. Предпріятіе дѣйствительно казалось мало осуществимымъ. Общій корридоръ выходилъ въ переулокъ, но въ корридорѣ всегда находился надзиратель. Во дворѣ также находились часовые. Въ апрѣлѣ 1877 г. Семяновскаго увезли отъ насъ неизвѣстно куда, и я началъ ожидать своей очереди. Въ концѣ апрѣля 1877 г. меня заковали въ тѣсные кандалы, обрили половину головы, одѣли въ арестантскій костюмъ и отправили въ пересыльную тюрьму, а черезъ два дня, 1 мая, увезли на Николаевскій вокзалъ съ двумя конвойными. Братъ вышелъ меня провожать, какъ выходилъ провожать и другихъ государственныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь. Терентьевъ разсказывалъ, что онъ ужасно былъ растроганъ, когда мой братъ перекрестилъ его при отходѣ поѣзда. Меня везли въ пассажирскомъ вагонѣ 3-го класса. Въ Москвѣ помѣстили въ какой то части, въ довольно чистой камерѣ, позволили купить, что нужно изъ съѣстного. Немного денегъ у меня было при себѣ. Черезъ два дня меня отправили съ новыми конвойными до Владиміра. Тамъ тоже меня продержали два дня, но въ такомъ клоповникѣ, что я и до сихъ поръ не могу вспомнить безъ ужаса.

Изъ Владиміра съ новыми конвойными отправили до Нижняго, гдѣ помѣстили въ пересыльной тюрьмѣ. Тамъ я, къ величайшей радости, встрѣтилъ Семяновскаго, Терентьева, Альбова и Телье. Мы просидѣли тамъ двѣ недѣли. Было довольно свободно, а главное мы начинали думать, что насъ повезутъ не въ Харьковскую тюрьму, а въ Сибирь. О каторгѣ въ Сибири мы знали очень мало, но намъ казалось, что это все-таки лучше. Въ Нижнемъ рѣшался важный вопросъ, какъ насъ отправить, на пароходѣ или на лошадяхъ. Изъ Питера пришло распоряженіе отправить на почтовыхъ лошадяхъ по одному съ 2-мя жандармами. Далѣе насъ везли отъ губернскаго города до губернскаго. Жандармы мѣнялись. Семяновскій ѣхалъ впереди и я уже встрѣтилъ его только на Карѣ. Въ

Перми меня свирѣпо встрѣтилъ полицеймейстеръ, наговорилъ грубостей, но камеру дали хорошую, свѣтлую и чистую въ центральной тюрьмѣ. Когда перевалили Уральскій хребетъ, на станціяхъ меня часто утѣшали, что въ Сибири будетъ лучше, свободнѣе и большой обиды я не встрѣчу. Особенно сочувственно относились поляки, которые нерѣдко встрѣчались, какъ содержатели станцій. Въ то время много возвращалось поляковъ амнистированныхъ. Въ Томскѣ меня встрѣтили особенно тепло помощникъ смотрителя тюрьмы и караульный офицеръ,—оба молодые. Послѣ пріема въ конторѣ они сейчасъ же оба пришли ко мнѣ въ камеру, разсказали, кого провезли впередъ и предложили свой ужинъ.

Мнѣ приходилось уже въ дѣйствительности убѣждаться, что въ Сибири къ намъ отнесутся человѣчнѣе, чѣмъ въ Россіи. Въ Красноярскѣ меня опять продержали двѣ недѣли въ пересыльной тюрьмѣ, такъ какъ не хватало жандармовъ возить по одиночкѣ. Но я былъ не одинъ. Кромѣ меня сюда подъѣхали Терентьевъ, Тефтулъ и Телье. Смотритель Островскій (полякъ) старался по возможности смягчить наше положеніе. Къ намъ приходилъ губернскій прокуроръ Долгушинъ, сынъ котораго Николай былъ осужденъ тоже въ каторгу за тайную типографію въ Москвѣ, но содержался въ Харьковской центральной тюрьмѣ, режимъ которой, какъ извѣстно, отличался страшной жестокостью. Старикъ горько жаловался, что правительство само нарушаетъ законы. Бѣдный старикъ, такъ ему и не пришлось дождаться своего сына.

Въ Иркутскѣ меня продержали два мѣсяца, что было крайне томительно. Заключеніе нѣсколько скрашивалось тѣмъ, что я встрѣтился тамъ съ Новаковскимъ, осужденнымъ на поселеніе за Казанскую демонстрацію. Я нѣкоторое время сидѣлъ съ нимъ въ одной камерѣ. Онъ большой спорщикъ, и у насъ велись нескончаемые споры по политическимъ вопросамъ. Сюда же подвезли Николаева, сосланнаго по Нечаевскому процессу. Онъ уже кончилъ каторгу на Карѣ, ему было только 24 года. Его ссылали въ Верхоянскъ. Отъ него я узналъ только, что меня ожидало на Карѣ, и что Семяновскій уже тамъ. Въ сентябрѣ меня отправили вмѣстѣ съ Тефтуломъ на Кару. Было уже холодно, особенно ночью, и мы сильно мерзли дорогой.

Изъ Срѣтенка насъ везли на лодкѣ. По рѣкѣ уже шла шуга.

27 сентября 1877 г. насъ привезли на Усть-Кару. Здѣсь я впервые увидѣлъ каторжную тюрьму. Это была женская тюрьма. Она была мрачна. Кончился нашъ далекій путь, но я не радовался этому. Сердце у меня сжалось. Что то ожидаетъ насъ здѣсь, гдѣ намъ суждено провести долгіе годы. Но я былъ еще молодъ, красивые виды окружающей мѣстности привлекли мое вниманіе, и я на нѣкоторое время забылъ о нетихой пристани, къ которой мы причалили. Насъ отправили дальше, на Нижній промыселъ, гдѣ жилъ комендантъ Кононовичъ.

Насъ отвели на гауптвахту, гдѣ я встрѣтилъ раньше пріѣхавшихъ Семяновскаго, Терентьева, Захара Богданова и Петра Гаври-

ловича Успенскаго, сосланнаго по Нечаевскому процессу. Радость наша была велика. Мы опять вмѣстѣ. Евгеній Степановичъ удивился, что я такъ поправился за дорогу.

Въ вольной командѣ находились Алексѣй Кириловичъ Кузнецовъ, сосланный по Нечаевскому процессу. Онъ завѣдывалъ дѣтскимъ пріютомъ. Ишутинъ, по Каракозовскому дѣлу, былъ совсѣмъ больной человѣкъ и лечился на Усть-Карѣ, но жилъ внѣ тюрьмы. На Кару его перевели изъ Акатуя послѣ 11 л. одииночнаго заключенія.

Александра Ивановна Успенская жила въ своемъ домикѣ на Нижнемъ промыслѣ съ маленькимъ сыномъ Викторомъ. Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ Ишутинъ и Кузнецовъ зашли къ намъ на гауптвахту. Ишутинъ былъ веселъ, остроуменъ и не казался ненормальнымъ.

Гауптвахта была нашей тюрьмой. Здѣсь помѣщался караулъ изъ казаковъ. По одну сторону караульной комнаты была камера, въ которой помѣщались Успенскій и Семяновскій, а по другую, гдѣ помѣщались Тефтулъ, Терентьевъ, Зах. Богдановъ и я. Наше помѣщеніе состояло изъ большой, всегда холодной комнаты и двухъ карцеровъ, которые служили намъ спальнями. Я помѣстился въ одномъ карцерѣ съ Терентьевымъ. Пищу мы готовили себѣ сами въ голландкѣ, которая была между нашими спальнями. Мнѣ удалось привезти 100 р., которые намъ очень пригодились. Семяновскому приносили обѣдъ отъ Александры Ивановны. Успенскій ходилъ въ пріютъ заниматься съ дѣтьми, хотя оффиціально онъ числился въ столярномъ цехѣ.

Семяновскій каждый день въ сумеркахъ приходилъ къ намъ, становился на мою койку спиной къ печкѣ и мы вели безконечные разговоры о Россіи. Съ воли намъ приносили газеты и мы могли слѣдить за тѣмъ, что тамъ дѣлается. Терентьевъ и Тефтулъ недурно пѣли малороссійскія пѣсни, и Семяновскій любилъ послушать. Иногда мы задавали пиръ въ праздникъ, который ознаменовывался чѣмъ нибудь въ родѣ пирога и появлялся фамильный чай съ сахаромъ. Обыкновенно же мы пили кирпичный чай и безъ сахару. Къ намъ приходили Евг. Степ. и Петръ Гавриловичъ. Послѣ обѣда было непремѣнно пѣніе и оживленные разговоры. Такъ какъ двора у насъ не было, то прогуливаться насъ выводили прямо на улицу, и мы съ конвойными съ полчаса дѣлали довольно длинные концы по дорогѣ.

Когда получились газеты съ отчетомъ о процессѣ 193-хъ, мы были поражены мягкостью приговора и часто спрашивали другъ друга, за что же насъ то такъ жестоко? И мнѣ, и въ особенности Семяновскому не трудно было установить связь съ большимъ процессомъ своими показаніями, и тогда мы могли бы отдѣлаться совсѣмъ легко. Но могли и не присоединить насъ, такъ какъ въ нашемъ процессѣ было много военныхъ, и правительство вѣроятно хотѣло особенно строго покарать насъ, «дабы другимъ военнымъ не повадно было» заниматься революціей. Процессъ 193-хъ насъ сильно взбудоражилъ. Подсудимые на судѣ своимъ поведеніемъ по-

Евгеній Степановичъ
СЕМЯНОВСКІЙ.

казали правительству, что они не считаютъ себя послѣдними, взятыми въ плѣнъ, что за ними остаются дѣятели, и революція не умретъ. Казалось, что и общественное мнѣніе на сторонѣ революціонеровъ и что правительство начинаетъ уже считаться съ нимъ. „Голосъ“ не писалъ уже «что могутъ сдѣлать 11 человѣкъ въ такомъ необъятномъ государствѣ, какъ Россія?», какъ писалъ послѣ Долгушинскаго процесса. Это ободряло насъ, мы съ надеждой смотрѣли въ будущее и вѣрили, что дорогое намъ дѣло справедливости будетъ рости и развиваться въ нашей отчизнѣ, и произволу настанетъ конецъ.

Въ январѣ 1878 г. получилось распоряженіе отъ Иркутскаго генералъ-губернатора, чтобы насъ разсадить по разнымъ промысламъ, по одному, и посылать на разрѣзныя работы вмѣстѣ съ уголовными. Намъ было тяжело разставаться другъ съ другомъ. Меня увезли на самый верхній промыселъ, называемый «Амуръ». Тамъ посадили на такую же гауптвахту, какъ и на Нижнемъ, но уже карцеръ держали въ заперти, а тамъ было такъ тѣсно, что можно было только лежать или сидѣть, ходить было негдѣ. Пищу я получалъ изъ общей уголовной тюрьмы, изъ общаго котла. «Баланда» была невкусная и съ тараканами, но арестанты всегда присылали мнѣ побольше кусокъ мяса. По положенію полагалось 40 зол. на человѣка, а хлѣба было больше, чѣмъ достаточно. Зах. Богданонова помѣстили на Верхнемъ промыслѣ въ такомъ же карцерѣ, какъ и меня. Тефтулъ былъ увезенъ въ такъ называемую новую тюрьму. Семяновскій и Терентьевъ оставлены на Нижнемъ промыслѣ и зачислены въ столярный цехъ. Семяновскій и Терентьевъ не были закованы, какъ привиллегированные, хотя это была конечно любезность полковника Кононовича, который вообще относился къ намъ гуманно. Когда мы сидѣли еще на Нижнемъ, привезли Агапова, рабочаго ткача. Онъ сразу же былъ провезенъ на «Амуръ». Но когда меня туда перевели, то Агапова перемѣстили на Верхній промыселъ.

На работу съ Верхняго промысла и съ «Амура» ходили въ одинъ разрѣзъ, расположенный между этими двумя станами, такъ что въ разрѣзѣ я встрѣчался съ Зах. Богдановымъ и Агаповымъ. Мы были поставлены въ разныя артели. Работа состояла въ сниманіи торфовъ. Торфами называется весь тотъ пластъ земли, который лежитъ надъ золотоноснымъ пластомъ. Золотоносные пески возились на машину и промывались вольными рабочими, а торфа снимались арестантами. Зимой вырабатывались почти исключительно иловатыя породы. Ломами, кайлами и желѣзными клиньями ила скалываются легко, но гдѣ выступитъ глина или рѣшниковатая порода, тамъ уже работа трудная и потому такія мѣста по возможности оставлялись до весны, когда эти породы снимались уже таликами. Торфа относились въ отвалъ носилками. Въ артели ставилось по 8 человѣкъ. Артели дѣлились на полносильныхъ и малосильныхъ. Первымъ назначалось выработать куб. саж. торфовъ мерзлотой, а послѣднимъ $^1/_2$ куб. саж. Работа эта была посильная. Вольные рабочіе обыкновенно выработываютъ значительно больше. Конечно

они и питаются лучше и не истощены долгимъ сидѣньемъ въ тюрьмѣ. Но случалось все таки, что арестанты иногда не выработывали свой «урокъ», и тогда ихъ нещадно сѣкли здѣсь же въ разрѣзѣ.

Весной 1878 г. привезли А. Н. Бибергаля, осужденнаго за Казанскую демонстрацію на 15 л. въ каторжныя работы. Съ Бибергалемъ пріѣхала и его жена А. А., которая поселилась на Среднемъ промыслѣ. Бибергаля помѣстили на Верхнемъ промыслѣ, куда и меня перевели, а Зах. Богданова и Агапова перевели на Амуръ. На работу мы выходили уже четверо въ одинъ разрѣзъ вмѣстѣ съ уголовными. Въ разрѣзѣ мы устроили себѣ шалашъ, въ которомъ могли укрываться въ непогоду. Комендантъ Кононовичъ требовалъ, чтобы мы неуклонно выходили каждый день на работу, но самую работу съ насъ требовали не строго, мы выносили нѣсколько носилокъ валуновъ изъ разрѣза въ отвалъ. Свободнаго времени у насъ было много, и мы брали съ собой книги и читали въ шалашѣ. Здѣсь же мы варили себѣ въ котелкѣ обѣдъ и чай. Такое привиллегированное положеніе не нравилось смотрителю тюрьмы Касперову и онъ поставилъ насъ вновь въ артели съ уголовными и притомъ въ разныя. Случилось, что въ первый же день нашей работы въ артеляхъ одну изъ нихъ перепороли чуть не всю за невыработку. Мы заявили смотрителю, что не будемъ работать въ артеляхъ. Смотритель пожаловался коменданту, и Кононовичъ въ наказаніе лишилъ А. Н. свиданій съ женой, а мнѣ не велѣлъ выдавать деньги, присланныя братомъ. Мы послали письменныя объясненія Кононовичу, въ которыхъ объяснили свой отказъ работать въ артеляхъ тѣмъ, что, благодаря намъ, артели не вырабатываютъ свой урокъ и за это ихъ подвергаютъ жестокому наказанію. Наказаніе для насъ было отмѣнено, и мы вновь таскали камни изъ разрѣза. Пребываніе въ разрѣзѣ съ 4-хъ час. утра до заката солнца было утомительно, и мы предложили смотрителю, что будемъ выработывать сколько приходится на насъ четвертыхъ, если смотритель будетъ отпускать насъ домой, т. е. въ нашу тюрьму, сейчасъ же по окончаніи выработки. Смотритель согласился, и мы къ часу по полудни выработали свою часть. Смотритель былъ въ разрѣзѣ, и Бибергаль пошелъ къ нему, чтобы онъ принялъ отъ насъ урокъ. Смотритель сказалъ, что мы должны находиться въ разрѣзѣ до вечера и онъ конвоя намъ не дастъ. Тогда Бибергаль заявилъ ему, что въ такомъ случаѣ онъ ни вершка не получитъ отъ насъ. Цѣлый день мы лежали въ шалашѣ и читали.

Въ 1878 же году привезли Бобохова Серг. Ник. и помѣстили на Среднемъ промыслѣ на гауптвахтѣ Къ осени этого же года привезли сосланныхъ по процессу 193-хъ С. С. Синегуба, Л. Э. Шишко, Ник. Апол. Чарушина, Тимофея Алекс. Квятковскаго и Ив. Осип. Союзова. Ихъ помѣстили на Нижнемъ промыслѣ вмѣстѣ съ Семяновскимъ и Успенскимъ. Съ ними пріѣхали жена Синегуба Лар. Вас., жена Чарушина Анна Дмитр. и жена Квятковскаго Алекс. Григор. Жены поселились въ частныхъ домикахъ на Нижнемъ промыслѣ.

Въ концѣ 78 же г. была привезена и Ек. Конст. Брешковская, которая была сейчасъ же отпущена въ вольную команду, такъ какъ ей приходилась не долго быть на Карѣ. Они поселилась у А. И. Успенской.

Осенью 78 г. я просилъ отправить меня въ лазаретъ, находившійся на Нижнемъ. Конвой подвелъ меня сначала къ гауптвахтѣ, и мнѣ удалось повидать Семяновскаго и вновь прибывшихъ. Въ лазаретѣ лежалъ сильно больной Ишутинъ. Я могъ навѣщать его, такъ какъ палаты на день не закрывались. Ишутина навѣстила Брешковская и разсказала намъ новости. Ишутинъ не могъ сосредоточиться на одномъ предметѣ въ разговорахъ и часто перебѣгалъ съ одного предмета на другой. Бесѣдовать съ нимъ было тяжело. Только разъ онъ увлекся своей теоріей государственнаго устройства и развивалъ ее послѣдовательно, при чемъ обнаружилъ большую начитанность. О своемъ дѣлѣ онъ не разсказывалъ. О немъ могъ бы многое разсказать докторъ Влад. Яков. Колосовъ, который уже началъ помѣщать свои воспоминанія о Карѣ въ «Русскомъ Богатствѣ».

Лѣтомъ 78 г. насъ расковали, а передъ Пасхой въ 79 г. освободили въ вольную команду всѣхъ, кромѣ Бибергаля и Бобохова. Радость наша была велика. Мы свободно могли видѣться съ товарищами, ходить въ лѣсъ, а окрестности на Карѣ чудныя. Сначала чувствовалось какъ-то неловко, что нѣтъ конвоя. Только долго просидѣвшій въ тюрьмѣ пойметъ, какое жгучее чувство радости охватывало, когда мы съ Верхняго промысла пошли безъ конвоя къ своимъ товарищамъ на Нижній промыселъ. Погода стояла прекрасная. На Среднемъ мы зашли къ А. А. Бибергаль и она тоже пошла съ нами. Товарищи насъ ожидали и встрѣтили насъ на половинѣ дороги. Трудно себѣ представить болѣе радостную встрѣчу. Мы были еще молоды, хотѣлось смѣяться, прыгать, распрашивали, перебивали другъ друга, не давая кончить, и уже спрашивали о другомъ. Всѣ вмѣстѣ мы отправились на Нижній къ Алекс. Иван. Это было въ самый день Пасхи и А. И. угощала насъ всякими пастями и радовалась вмѣстѣ съ нами. П. Г. Успенскій тоже былъ освобожденъ.

Я, Терентьевъ и Тефтулъ должны были жить на Верхнемъ промыслѣ и могли уходить только по запискѣ смотрителя тюрьмы. Мы купили себѣ за 40 р. домикъ и развели огородъ. На Нижній мы ходили часто. Семейные товарищи разселились въ разныхъ домикахъ. Семяновскій жилъ у Успенскихъ, потомъ перешелъ къ Святковскимъ и позже къ Чарушинымъ. Шишко все время жилъ у Чарушиныхъ. Союзовъ устроился въ банькѣ Успенскаго и бралъ столярные заказы. Позднѣе въ этой банькѣ жилъ Синегубъ. Мы жили всѣ дружно и часто собирались вмѣстѣ. Шишко, Терентьевъ и Тефтулъ недурно пѣли малороссійскія пѣсни. Семяновскій любилъ послушать и иногда даже подпѣвалъ, но это ему плохо удавалось. Въ спорахъ Семяновскій всегда одерживалъ верхъ и другіе всегда съ нимъ соглашались въ концѣ концовъ. Успенскій какъ-то

разъ не выдержалъ и воскликнулъ: «да дайте же Вы, Евг. Сте
хоть разъ одержать надъ Вами побѣду». Что, конечно, всѣхъ ра
смѣшило.

Вопросъ о побѣгѣ у насъ обсуждался, и было рѣшено, что ес
мы бѣжимъ, то этимъ уничтожимъ для будущихъ нашихъ тов
рищей возможность выйти въ вольную команду. Сторонники п
бѣга были, но они согласились съ большинствомъ. Военные су
надъ народовольцами уже начались, и мы знали, что къ намъ ско
начнутъ прибывать большія партіи.

Дѣйствительно, въ 80-мъ году прибыла первая большая парт
которую помѣстили въ Среднекарійской тюрьмѣ. Тюрьма состоя
изъ двухъ громадныхъ камеръ, раздѣленныхъ сѣнями. Окна тюрьм
выходили на улицу, и съ другой стороны былъ обширный двор
обнесенный высокими палями (тынъ). Во дворѣ была кухня и ба

Бибергаль и Бобоховъ, сидѣвшіе послѣ нашего освобожденія
вольную команду вмѣстѣ на гауптвахтѣ на Среднемъ, были пер
ведены въ общую съ другими политическими тюрьму. Вскорѣ
первой партіей прибыла вторая.

Большая часть изъ вновь прибывшихъ была уже съ народовол
ческимъ направленіемъ. Завязалась дѣятельная переписка съ тѣ
изъ нашихъ товарищей, которые жили на Нижнемъ. Всѣ мы, пр
бывшіе раньше, не могли стать на точку зрѣнія народовольцевъ
относились къ террору отрицательно. Мы не считали партію н
столько сильной, чтобы она могла выступить съ оружіемъ въ р
кахъ противъ еще сильнаго правительства. Доводы въ пользу пр
паганды фактами для насъ не были убѣдительны. Намъ думало
что революціонныя силы быстро истощатся, и можетъ наступи
реакція. Мы, конечно, не думали, что революція совершится как
то мирно, но народъ еще слишкомъ косный, массы совсѣмъ е
мало затронуты революціонными идеями, и нужно продолжать ми
ную пропаганду среди рабочихъ и крестьянъ. Доходившія до на
вѣсти о террористическихъ фактахъ намъ казались скорѣе акта
мести за жестокую расправу съ политическими, чѣмъ политич
скимъ терроромъ. Мы, конечно, не могли не сочувствовать таки
фактамъ. Правительство должно было увидѣть изъ этихъ фактов
что народъ вышелъ изъ рабскаго состоянія и если не народъ,
лучшая его часть возмущена до крайней степени произволомъ ца
скаго деспотизма, и всегда найдутся самоотверженные люди, ко
рые вступятъ въ борьбу съ особенно рьяными слугами этого д
спотизма.

Покушеніе Вѣры Засуличъ на убійство Трепова, убійство М
зенцова, кн. Крапоткина не могли казаться намъ ни чѣмъ иным
какъ только актами чистой мести. Вотъ почему мы не смотрѣ
на эти факты, какъ на политическій терроръ. Только когда у
начались покушенія на царя, намъ пришлось измѣнить свой взгля
и признать поворотъ, совершившійся въ революціонной дѣяте
ности. Впрочемъ о перепискѣ вольнокомандцевъ съ вновь прибы
шими товарищами, я надѣюсь, напишутъ товарищи Шишко и Си

бъ, которые стояли ближе къ этимъ сношеніямъ, лучше знаютъ лучше меня сумѣютъ изложить этотъ моментъ въ нашей карійой жизни.

Во всякомъ случаѣ, это различіе во взглядахъ на терроръ подило нѣсколько натянутыя отношенія между нами и тюрьмой, тя никто изъ насъ рѣшительно не думалъ ставить эти споры личную почву, и я отлично знаю, что всѣ мои товарищи, живе внѣ тюрьмы, относились съ любовью и уваженіемъ къ товариамъ, находившимся въ тюрьмѣ.

Въ декабрѣ 80 г. пришла инструкція Лорисъ-Меликова, знаметаго творца не менѣе знаменитой конституціи; по этой инструки вольная команда для политическихъ уничтожалась и мы, уже пущенные на свободу, должны быть вновь посажены въ тюрьму. ононовичъ объявилъ это на Нижнемъ пром. Семяновскій былъ дкошенъ этимъ. Онъ пришелъ къ намъ на Верхній съ Шишко съ Чарушинымъ или Синегубомъ, не помню, и сообщилъ эту сть. Мы начали обсуждать, возможенъ ли побѣгъ среди жестокой байкальской зимы. Для всѣхъ насъ было очевидно, что это тоже моубійство, только болѣе мучительное. Евг. Степ. заявилъ, что ъ рѣшительно не можетъ помириться, что онъ, какъ баранъ, мъ пойдетъ въ тюрьму, да и все равно онъ увѣренъ, что ему не нести еще три года, которые приходится просидѣть еще въ орьмѣ, и онъ рѣшилъ кончить самоубійствомъ. Это было ужасно. ы не знали, что дѣлать. Какіе же убѣдительные доводы мы могли ивести нашему дорогому товарищу, что онъ долженъ жить. Онъ касно страдалъ катарромъ желудка, у него былъ порокъ сердца, онъ могъ ходить только очень тихо. Если бы онъ хоть сколько будь вѣрилъ въ возможность побѣга, мы, конечно, согласились съ нимъ бѣжать, но онъ находилъ это безсмыслицей. И это йствительно была бы безсмыслица. Бѣжать было невозможно. раздники Рождества мы провели вмѣстѣ на Нижнемъ. 30 декабря черъ мы всѣ провели у Синегуба въ Дѣтскомъ пріютѣ, которымъ ъ завѣдывалъ тогда. Шли оживленные споры философскаго хактера, въ которыхъ Евг. Степ. принималъ горячее участіе. Трудно ло подумать, что онъ окончательно остановился на мысли о моубійствѣ. Поздно вечеромъ со мной сдѣлалась истерика. Ласа Васильевна Синегубъ уложила меня, и я не помню, что помъ было.

Новый годъ мы встрѣчали у П. Г. Успенскаго. Собралась вся ша компанія. Я шелъ туда съ Семяновскимъ и на крылечкѣ заржалъ его. Я спросилъ его, отказался ли онъ отъ своей ужасной ысли. Онъ отвѣтилъ уклончиво, но тогда мнѣ показалось, что ъ бросилъ эту мысль. Здѣсь опять таки за весь вечеръ рѣшильно нельзя было подумать, что Евг. Ст. живетъ послѣдній веръ. Онъ былъ оживленъ, весело шутилъ. Когда зашелъ разговоръ о томъ, что дѣлается въ Россіи, Евг. Ст. сказалъ, что надо изнать, что народовольцы сдѣлали очень много и что намъ придится измѣнить свой взглядъ на терроръ. Свой взглядъ онъ

измѣнилъ, конечно, не въ этотъ вечеръ и это было видно из разговоровъ съ нимъ, но въ этотъ вечеръ, какъ то вышло сам собой, что онъ высказался категорически. При наступленіи нова года, онъ предложилъ мнѣ, Синегубу и Шишко выпить бруде шафтъ. Мы горячо поцѣловались. Мнѣ онъ сказалъ, что мы дав бы должны перейти на ты и только взаимная деликатность мѣша этому.

Мы разошлись далеко за полночь. Семяновскій, Шишко, Сок ловъ и я пошли ночевать къ Чарушинымъ, гдѣ Семяновскій и жил Онъ помѣщался въ отдѣльной комнаткѣ. Уходя спать, онъ ск залъ, что это, кажется, первый день, сколько онъ помнитъ себ что онъ не прочиталъ ни строчки. Мы легли въ залѣ. Утром чуть разсвѣтало еще, что-то щелкнуло. Я бросился въ комна Семяновскаго. Онъ выстрѣлилъ себѣ въ високъ, лежа на крова Револьверъ валялся на полу. Онъ еще конвульсивно двига рукой.

Не стало прекраснаго товарища, самоотверженнаго борца свободу, за счастье народа, у котораго не было другихъ желані другихъ мыслей, какъ только бороться съ ненавистнымъ пра тельствомъ, угнетающимъ народъ. Я не знаю человѣка, въ котором такъ гармонично соединились бы всѣ прекрасныя качества, ка въ Семяновскомъ.

Черезъ часъ насъ увели въ тюрьму. Семяновскій оставил письмо къ отцу, въ которомъ онъ проситъ простить его за пр чиняемое горе. Письмо онъ закончилъ словами, что онъ умирает съ полнымъ сознаніемъ, что онъ не сдѣлалъ ошибки въ сво жизни и что дѣло народнаго освобожденія, дѣло справедливост оставалось дорогимъ для него до послѣдней минуты его жизн На письменномъ столѣ лежала газета «Недѣля», которую онъ, оч видно, читалъ ночью, въ послѣдніе часы своей жизни.

С. Б. Богдановъ.

Москва.
30 марта 1906 г.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ,

коимъ предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената рядовой 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генералъ-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Захаръ Богдановъ, Портупей Юнкеръ того же полка Эдмундъ-Евгеній Петровъ Бужинскій, Прапорщикъ того же полка Константинъ Александровъ Дьяковъ, Помощникъ присяжнаго повѣреннаго кандидатъ правъ С.-Петербургскаго Университета Евгеній Степановъ Семяновскій, Портупей Юнкеръ исполняющій обязанности кондуктора Новгородской Инженерной дистанціи Григорій Никитинъ Мышкинъ, писарь Главнаго Штаба Степанъ Богдановъ Богдановъ и студентъ технологическаго института Соломонъ Желѣзнякъ. [1])

1875 года августа 18 дня, въ восьмомъ часу вечера, въ трактирномъ заведеніи, содержимомъ крестьяниномъ Михаиломъ Елистратовымъ и находящемся въ г. Новгородѣ, по лазаревской улицѣ противъ казармъ, гдѣ квартировалъ 85-й пѣхотный Выборгскій Генералъ-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полкъ, находились рядовые того полка изъ вольноопредѣляющихся Викторъ Рудольфовъ Іогансонъ и Петръ Михайловъ Летюхинъ и писарь Константинъ Ивановъ Соликовъ. Въ то время, какъ названные нижніе чины пили чай, въ трактиръ вошелъ рядовой 11-й роты того же полка Захаръ Богдановъ, который притворившись пьянымъ, сѣлъ на диванъ около стола, за коимъ помѣщалися вольноопредѣляющіеся и Соликовъ. Немного посидѣвъ, Захаръ Богдановъ сказалъ про себя: „ахъ какъ дурно быть пьянымъ". Затѣмъ онъ обратился къ Іогансону съ просьбою, чтобы послѣдній приказалъ подать свѣчу. На вопросъ Іогансона, зачѣмъ нужна свѣча, Захаръ Богдановъ выразилъ, что имѣетъ показать ему, Іогансону, „какія то данныя"; на это Іогансонъ замѣтилъ, что свѣчи не нужно, такъ какъ достаточно свѣтло. Тогда Захаръ Богдановъ подалъ Іогансону завернутый въ сѣрую бумагу свертокъ, сказавъ: „вотъ прочтите." Іогансонъ, развернувъ свертокъ, увидѣлъ въ немъ четыре брошюры, изъ коихъ три имѣли слѣдующія заглавія: „Исторія четырехъ братьевъ", „Исторія крестьянина" и „Хитрая механика". Зная, что содержаніе этихъ сочиненій преступное, Іогансонъ тотчасъ же отдалъ ихъ обратно Захару Богданову, сказавъ: „такого рода книгъ я нетолько не буду читать, но даже и держать въ рукахъ." На это Захаръ Бог-

---

[1]) Обвинительный актъ этотъ опубликованъ не былъ.

Ред.

дановъ возразилъ: „а вы боитесь, а я такъ не боюсь.“ Объ этомъ происшествіи было доведено до свѣдѣнія полковаго начальства, по сообщенію котораго, послѣдовавшему 21 августа, приступлено къ производству дознанія. Привлеченный къ отвѣтственности рядовой Захаръ Богдановъ, не отвергая вышеизложенныхъ обстоятельствъ, между прочимъ, объяснилъ, что преступныя изданія онъ, Захаръ Богдановъ, получилъ отъ чиновника Богушевича, съ которымъ сошелся въ трактирѣ купца Ивана Петрова. 25-го августа задержанъ въ Новгородѣ, прибывшій туда изъ С.-Петербурга, отставной дѣлопроизводитель сарапульскаго уѣзднаго воинскаго начальника Коллежскій Регистраторъ Николай Михайловъ Богушевичъ, причемъ у него Богушевича, между прочимъ, найдены: 1) номера 1, 2, 3 и 4 преступнаго періодическаго изданія озаглавленнаго: „Работникъ,“ „Газета для русскихъ рабочихъ“, и 2) записная книжка, въ которой между разными адресами значится: „Богдановъ 11 р. 85.“ Богушевичъ на допросѣ, сознаваясь въ томъ, что 11-го августа передалъ рядовому Захару Богданову преступныя сочиненія, между прочимъ, объяснилъ, что самъ получилъ эти изданія отъ неизвѣстнаго человѣка и что онъ, Богушевичъ, не зналъ о преступности содержанія этихъ книгъ, когда передавалъ ихъ Захару Богданову. Между тѣмъ при произведенномъ того же числа обыскѣ квартиры, которую Богушевичъ занималъ въ С.-Петербургѣ, были, между прочимъ, найдены слѣдующія сочиненія преступнаго содержанія: 1) два экземпляра брошюры „Хитрая механика,“ 2) три экземпляра сочиненія „Сказка о копѣйкѣ“, 3) одинъ экземпляръ книги „Въ память столѣтія о пугачевщинѣ.“ 4) номера 1, 4, 5, 6, 7 и 9 періодическаго изданія „Впередъ.“ Тѣсныя отношенія Богушевича съ исполняющимъ обязанности кондуктора новгородской инженерной дистанціи Портупей Юнкеромъ Григоріемъ Никитинымъ Мышкинымъ и оговоръ обвиняемаго Захара Богданова послужили основаніемъ для привлеченія Мышкина къ слѣдствію по обвиненію въ томъ, что онъ, Мышкинъ, зная о распространеніи Богушевичемъ преступныхъ сочиненій, не довелъ о томъ до свѣдѣнія правительства. Обвиняемый Мышкинъ сознался въ томъ, что распространеніе Богушевичемъ вредныхъ изданій въ Новгородѣ было ему, Мышкину, извѣстно, а также и въ томъ, что онъ, Мышкинъ, зналъ и о передачѣ Богушевичемъ части этихъ сочиненій рядовому Захару Богданову. При этомъ Мышкинъ, однако же, объяснилъ, что онъ распространяемыхъ Богушевичемъ сочиненій не читалъ и потому съ точнымъ содержаніемъ таковыхъ знакомъ не былъ. хотя и предполагалъ, что онѣ запрещенныя. Но это послѣднее объясненіе Мышкина вполнѣ опровергается собранными при дознаніи и слѣдствіи данными, не только обнаруживавшими существованіе между Мышкинымъ и Богушевичемъ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній, но и положительно доказывающими, что Мышкинъ безотлучно находился вмѣстѣ съ Богушевичемъ въ теченіи всего двухдневного пребыванія послѣдняго въ Новгородѣ и даже былъ въ трактирѣ Ивана Петрова именно въ то время, когда Богушевичъ передалъ тамъ Захару Богданову преступныя сочиненія. Этого послѣдняго обстоятельства впрочемъ не отвергаетъ и самъ обвиняемый Мышкинъ, между прочимъ, сознавшійся также и въ томъ, что Богушевичъ, уѣзжая изъ Новгорода, просилъ его, Мышкина, не только „справляться о томъ, какъ поступитъ Богдановъ съ книгами,“ но и вообще прислушиваться къ толкамъ въ Новгородѣ и, въ случаѣ надобности, из-

вѣстить его, Богушевича. Кромѣ сего Мышкинъ признался и въ томъ, что Богушевичъ передъ отъѣздомъ изъ Новгорода обѣщалъ вновь туда самъ пріѣхать, или же прислать довѣренное лицо, у котораго будетъ пароль «12 Августа.» По обвиненію въ знаніи о распространеніи Богушевичемъ книгъ преступнаго содержанія и недонесеніи о томъ начальству, кромѣ Мышкина привлечены еще къ слѣдствію Прапорщикъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генералъ-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Константинъ Александровъ Дьяковъ и Портупей Юнкеръ того же полка Эдмундъ-Евгеній Петровъ Бужинскій. Обвиняемый Бужинскій, сознаваяся въ томъ, что имѣлъ сношенія съ Богушевичемъ, между прочимъ, показалъ слѣдующее: Богушевичъ, во время своего пребыванія въ Новгородѣ 11 и 12 августа, посѣщалъ квартиру, занимаемую имъ, Бужинскимъ, вмѣстѣ съ Прапорщикомъ Дьяковымъ. При этомъ посѣщеніи Богушевичемъ, во время разговора, имѣвшаго предметомъ положеніе рабочихъ, передалъ ему, Бужинскому, три номера періодическаго изданія „Впередъ“ и брошюры озаглавленныя „Хитрая механика“ „Емелька Пугачевъ,“ говоря, что сочиненія эти могутъ разъяснить ему, Бужинскому, вопросы, составлявшіе предметъ бесѣды ихъ. Уходя, Богушевичъ обѣщалъ доставить ему, Бужинскому, еще другія подобныя же сочиненія, сказавъ, чтобы онъ, Бужинскій, довѣрился лицу, которое черезъ нѣкоторое время пріѣдетъ и скажетъ „12 Августа“. При этомъ посѣщеніи Богушевича въ квартирѣ находился и Прапорщикъ Дьяковъ. Полученныя отъ Богушевича сочиненія, по объясненію Бужинскаго, хранились въ комодѣ до тѣхъ поръ, пока обвиняемый этотъ не уѣхалъ въ отпускъ въ Полоцкъ-куда онъ и увезъ часть полученныхъ отъ Богушевича изданій; другую же часть оныхъ взялъ къ себѣ Прапорщикъ Дьяковъ. Обвиняемый Дьяковъ, не отвергая вышеизложенныхъ обстоятельствъ, не только сознался въ томъ, что бралъ изъ комода переданныя Богушевичемъ Бужинскому сочиненія, въ томъ числѣ озаглавленное: „Хитрая механика“, но даже объяснилъ, что нѣкоторое время часть этихъ изданій носилъ при себѣ, пока таковыя не уничтожилъ. Въ то время, какъ въ Новгородѣ производилось дознаніе о распространеніи преступныхъ изданій между чинами 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генералъ Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка, было обнаружено распространеніе подобныхъ сочиненій въ С.-Петербургѣ между нижними чинами главнаго штаба. Тождество сочиненій, которыя были распространяемы въ С.-Петербургѣ и Новгородѣ и обнаруженная связь обвиняемыхъ въ С.-Петербургѣ съ Богушевичемъ, указывавшая на отношеніи ихъ именно по предмету распространенія преступныхъ изданій, послужили основаніемъ для соединенія производствъ новгородскаго и с.-петербургскаго въ одно предварительное слѣдствіе. Распространеніе преступныхъ сочиненій въ С.-Петербургѣ сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: 25 августа писарь главнаго штаба Степанъ Богдановъ Богдановъ передалъ писарю того же штаба Афонасію Федотову Савченкѣ для прочтенія номеръ шестой періодическаго изданія „Впередъ“ и пять рукописныхъ тетрадокъ, заключающихъ въ себѣ сочиненіе озаглавленое „Изъ огня, да въ полымя“. Савченко, усмотрѣвъ изъ содержанія этихъ сочиненій, что таковое преступнаго свойства, передалъ оба изданія исправляющему должность экзекутора главнаго штаба Подполковнику фонъ-Рибену. На другой день Степанъ Богдановъ предложилъ Савченкѣ познакомиться съ тѣмъ лицомъ, отъ котораго можно получать подобныя со-

чиненія. Савченко согласился, и Богдановъ часу въ шестомъ дня повелъ его къ помощнику присяжнаго повѣреннаго кандидату правъ с.-петербургскаго университета Евгенію Степанову Семяновскому, проживавшему по малой итальянской улицѣ въ домѣ № 6. Семяновскій принялъ посѣтителей, посадилъ ихъ и угощалъ чаемъ. Здѣсь Савченко и Богдановъ пробыли часа два въ бесѣдѣ о разныхъ предметахъ, причемъ Богдановъ и Семяновскій читали вслухъ выдержки изъ газеты „Впередъ“ и брошюры „Хитрая механика“. Въ разговорѣ была рѣчь и о чиновникѣ Богушевичѣ. По этому поводу было высказано, что Богушевичъ уѣхалъ въ Новгородъ и выражено опасеніе, чтобы его тамъ не задержали. Семяновскій совѣтывалъ Богданову зайти на квартиру Богушевича и тамъ разузнать о немъ; при уходѣ Богданова и Савченко, Семяновскій вручилъ первому: нѣсколько номеровъ газеты „Впередъ“ и брошюру подъ заглавіемъ „Хитрая механика“. Отъ Семяновскаго Богдановъ пошелъ на квартиру Богушевича, а Савченко въ зданіе главнаго штаба. По возвращеніи домой Богдановъ говорилъ Савченкѣ, что у Богушевича была полиція и производила обыскъ, при коемъ были найдены сочиненія преступнаго содержанія. На слѣдующій день исправляющій должность экзекутора главнаго штаба Подполковникъ фонъ-Рибенъ, обходя казарму писарей, замѣтилъ Степана Богданова, читавшаго вмѣстѣ съ писаремъ главнаго штаба Александромъ Щербаковымъ какую то газету. Газета эта, будучи отобрана фонъ-Рибеномъ, оказалась номеромъ 13 періодическаго изданія „Впередъ.“ Въ числѣ бумагъ, найденныхъ при обыскѣ въ квартирѣ Богушевича, между прочимъ оказалось письмо, подписанное буквою «Б», по содержанію своему несомнѣнно указывающее на связь лица, его писавшаго, съ Богушевичемъ, и притомъ именно по предмету распространенія преступныхъ сочиненій. Хотя въ письмѣ этомъ не означенъ день, когда оно составлено, по содержанію можно заключить, что оно писано 26 іюня. Обвиняемый Степанъ Богднаовъ призналъ это письмо за имъ собственноручно написанное. При арестованіи помощника присяжнаго повѣреннаго Семяновскаго у него были, между прочимъ, найдены: 1) номеръ шестнадцатый періодическаго изданія „Впередъ“ и 2) квитанція волжско-камскаго коммерческаго банка отъ 9 августа за № 239 на сто рублей, принятыхъ отъ Семяновскаго для перевода по телеграфу Соломону Желѣзняку въ Одессу. Эта квитанція послужила основаніемъ для производства 2-го сентября обыска въ квартирѣ, которую занималъ въ г. Одессѣ студентъ технологическаго института Соломонъ Моисеевъ Желѣзнякъ. При обыскѣ этомъ у Желѣзняка былъ найденъ экземпляръ преступной брошюры, озаглавленной „Хитрая механика.“ Обвиняемый Желѣзнякъ объяснилъ, это сочиненіе сіе попало въ его вещи случайно и къ изобличенію этого обвиняемаго въ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія или знаніи распространителей дознаніемъ и слѣдствіемъ никакихъ данныхъ не обнаружено.

На основаніи вышеизложеннаго обвиняются: 1) рядовой 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генералъ-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Захаръ Богдановъ въ томъ, что онъ 18-го августа 1875 года, въ г. Новгородѣ, въ трактирѣ, содержимомъ крестьяниномъ Михаиломъ Елистратовымъ и находящемся по лазаревской улицѣ, предлагалъ рядовому того же полка изъ вольноопредѣляющихся Виктору Рудольфову Іогансону для прочтенія четыре запрещенныя сочиненія, въ томъ числѣ одно озаглавленное „Хитрая меха-

ника“, причемъ онъ, Захаръ Богдановъ, зналъ, что содержаніе этихъ сочиненій, въ томъ числѣ озглавленнаго „Хитрая механика,“ преступное, и, предлагая таковыя сочиненія, въ томъ числѣ озаглавленное „Хитрая механика,“ Іогансону, имѣлъ намѣреніе распространить содержаніе оныхъ; каковыхъ предложенныхъ имъ, Захаромъ Богдановымъ, рядовому Іогансону сочиненій, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика,“ послѣдній отъ него, Захара Богданова, не принялъ, зная, что сочиненія сіи содержанія преступнаго; 2) исполняющій обязанности кондуктора новгородской инженерной дистанціи Портупей Юнкеръ Григорій Никитинъ Мышкинъ въ томъ, что онъ, зная о распространеніи отставнымъ дѣлопроизводителемъ сарапульскаго воинскаго уѣзднаго начальника Коллежскимъ Регистраторомъ Николаемъ Михайловымъ Богушевичемъ запрещенныхъ изданій, а также о передачѣ названнымъ Богушевичемъ рядовому 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генералъ-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Захару Богданову такихъ сочиненій, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика,“ содержаніе коихъ, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика,“ ему, Мышкину, было извѣстно, и, имѣвъ возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, таковой обязанности своей не исполнилъ; 3) Портупей Юнкеръ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генералъ-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Эдмундъ Евгеній Петровъ Бужинскій въ томъ, что онъ, получивъ отъ отставного дѣлопроизводителя сарапульскаго уѣзднаго воинскаго начальника Коллежскаго Регистратора Николая Михайлова Богушевича преступныя сочиненія, въ томъ числѣ брошюру, озаглавленную „Хитрая механика,“ преступное содержаніе коихъ, въ томъ числѣ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика,“ было ему, Бужинскому, извѣстно и, имѣвъ возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, таковой своей обязанности не исполнилъ и переданныхъ ему, Бужинскому, Богушевичемъ преступныхъ сочиненій, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика,“ кому слѣдуетъ не представилъ, а часть оныхъ увезъ въ Полоцкъ, впрочемъ безъ доказанной цѣли распространенія; 4) Прапорщикъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генералъ-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Константинъ Александровъ Дьяковъ въ томъ, что онъ, зная о передачѣ отставнымъ дѣлопроизводителемъ сарапульскаго уѣзднаго воинскаго начальника Коллежскимъ Регистраторомъ Николаемъ Михайловымъ Богушевичемъ Портупей Юнкеру 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генералъ-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Эдмунду Евгенію Петрову Бужинскому преступныхъ сочиненій, въ томъ числѣ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика,“ содержаніе каковыхъ сочиненій, въ томъ числѣ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика,“ было ему, Дьякову, извѣстно, и, имѣвъ возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, таковой обязанности своей не исполнилъ и сочиненій тѣхъ кому слѣдуетъ не представилъ, а часть оныхъ даже нѣкоторое время при себѣ носилъ, впрочемъ безъ доказанной цѣли распространенія, а затѣмъ уничтожилъ; 5) Помощникъ присяжнаго повѣреннаго кандидатъ правъ с.-петербургскаго университата Евгеній Степановъ Семяновскій въ томъ, что онъ передалъ писарю главнаго штаба Степану Богданову Богданову номера шестой и тринадцатый періодическаго изданія „Впередъ“, брошюру, озаглавленную „Хитрая механика“, и рукописное сочиненіе подъ названіемъ „Изъ огня, да въ

полымя“, причемъ онъ, Семяновскій, зналъ преступное содержаніе этихъ сочиненій и, передавая эти сочиненія Степану Богданову Богданову имѣлъ намѣреніе распространить содержаніе оныхъ; 6) писарь главнаго штаба Степанъ Богдановъ Богдановъ а., въ томъ, что онъ передалъ писарю главнаго штаба Афонасію Федотову Савченкѣ номеръ шестой періодическаго изданія: „Впередъ“ и рукописное сочиненіе подъ названіемъ: „Изъ огня, да въ полымя“, причемъ онъ, Степанъ Богдановъ Богдановъ зналъ преступное содержаніе оныхъ сочиненій, и, передавая эти сочиненія Афонасію Федотову Савченкѣ, имѣлъ намѣреніе распространить содержаніе оныхъ; б., въ томъ, что онъ, Степанъ Богдановъ Богдановъ, читалъ вмѣстѣ съ писаремъ главнаго штаба Александромъ Щербаковымъ отобранный отъ него, Степана Богданова Богданова, исправляющимъ должность экзекутора главнаго штаба Подполковникомъ фонъ-Рибеномъ номеръ тринадцатый періодическаго изданія „Впередъ“, причемъ онъ, Степанъ Богдановъ, имѣлъ намѣреніе познакомить вышеназваннаго Щербакова съ содержаніемъ означеннаго тринадцатаго номера періодическаго изданія „Впередъ“, преступность коего ему, Степану Богданову, была извѣстна; 7) студентъ технологическаго института Соломонъ Моисеевъ Желѣзнякъ въ томъ, что онъ хотя и безъ доказанной цѣли распространенія, но и безъ разрѣшенія высшаго начальства имѣлъ у себя одинъ экземпляръ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика“, преступное содержаніе которой было ему, Желѣзняку, извѣстно. По содержанію своему преступныя сочиненія, распространеніе коихъ составляетъ предметъ настоящаго дѣла, не только состоятъ изъ оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, постановленіяхъ, распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій и о должностныхъ лицахъ Имперіи, сужденій, оспаривающихъ обязательную силу законовъ, одобряющихъ и оправдывающихъ воспрещенныя ими дѣйствія съ цѣлію возбудить къ законамъ неуваженіе, а также воззванія, направленныя къ возбужденію вражды между сословіями государства, но даже заключаютъ въ себѣ статьи, отзывы и сужденія, помѣщенные съ цѣлію возбудить неуваженіе къ Верховной Власти, къ личнымъ качествамъ Государя и къ управленію Его государствомъ, особливо же на слѣдующихъ мѣстахъ: а., брошюра „Хитрая механика“ со словъ: „ну какъ, къ слову, не поблагодарить тутъ нашего нынѣшняго Царя батюшку....“ (на страницѣ девятнадцатой) — до конца книги, б., номеръ тринадцатый періодическаго изданія: „Впередъ“ статья, озаглавленная „изъ Саксоніи“ (отрывки изъ двухъ корреспонденцій) I. II, в., номеръ шестой періодическаго изданія „Впередъ“ статья, озаглавленная „изъ села Александровскаго“. Кромѣ того сочиненіе, озаглавленное „Хитрая механика“, также заключаетъ въ себѣ, со словъ „не любилъ я таковыя рѣчи Степана“ (на страницѣ двадцать восьмой) до конца брошюры, отзывы и сужденія, помѣщенные съ цѣлію возбудить къ явному неповиновенію Верховной Власти.

Посему дѣянія вышеназванныхъ обвиняемыхъ по признакамъ своимъ соотвѣтствуютъ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ слѣдующими статьями уголовнаго закона: а) дѣянія Захара Богданова и Евгенія Сѣмяновскаго 2 ч. 245 и 2 ч. 251 ст. улож. о наказ.; б) дѣянія Степана Богданова — 2 ч. 245 ст. улож. о наказ., дѣянія Мышкина, Бужинскаго и Дьякова — 15, 2 ч.

245 и 2 ч. 251 ст. улож. о наказ.; в), дѣяніе Желѣзняка — 4 ч. 245 и 4 ч. 252 ст. улож. о наказ. По обвиненію въ таковыхъ, ими содѣланныхъ преступленіяхъ, вышеназванные обвиняемые Захаръ Богдановъ, Григорій Мышкинъ, Эдмундъ-Евгеній Бужинскій, Константинъ Дьяковъ, Евгеній Семяновскій, Степанъ Богдановъ и Соломонъ Желѣзнякъ предаются, на основаніи 2 ст. Высочайше утвержденнаго 7 іюня 1872 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, суду особаго присутствія Правительствующаго Сената, для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Составленъ въ г. С.-Петербургѣ, іюня 26 дня 1876 года.

Подлинный подписалъ Членъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, Статскій Совѣтникъ Владиміръ Роде. Съ подлиннымъ вѣрно: Помощникъ Оберъ Секретаря *В. Поповъ*

Предсмертное письмо С. С. Семяновскаго къ отцу [1]).

Карійскіе промыслы. Ночь съ 31 декабря 1880 г. на 1-ое января 1881 г.

Дорогой отецъ! пишу тебѣ только что вернувшись съ товарищескаго собранія, гдѣ всѣ мы провожали старый годъ и встрѣчали новый. Встрѣтили мы этотъ годъ въ грустной, удручающей обстановкѣ. Ты, вѣроятно, уже получилъ письмо жены одного изъ моихъ товарищей, которую я просилъ сообщить тебѣ, что отнынѣ намъ не дозволяется ни съ кѣмъ переписываться, ни съ кѣмъ—даже съ родителями. Какъ ни безсмысленно и безчеловѣчно это запрещеніе, но насъ ожидало нѣчто еще худшее, нѣчто, о чемъ я ровно ничего не зналъ, когда писалось то письмо. Дней десять спустя послѣ объявленія запрещенія писать письма намъ объявили, что всѣ мы возвращаемся назадъ въ тюрьму и должны быть закованы въ кандалы. Насъ всего девять человѣкъ мужчинъ, а именно: Шишко, Чарушинъ, Квятковскій, Успенскій, Союзовъ, Богдановъ, Терентьевъ, Тефтулъ и я, и всѣ мы вотъ уже года два пользовались сравнительною свободою, живя внѣ тюрьмы. Уже съ самаго того дня, когда намъ объявили приказъ Лорисъ-Меликова, запрещавшій писать письма, мы ждали чего-либо въ этомъ родѣ, потому что въ приказѣ былъ пунктъ, заставившій догадываться, что въ покоѣ насъ не оставятъ. Завтра мы должны снова отправиться въ тюрьму. Если бъ не доброе къ намъ расположеніе полковника Кононовича, насъ бы арестовали и посадили тотчасъ же послѣ полученія приказа; но онъ довѣряетъ намъ и далъ намъ нѣсколько дней, чтобъ устроить свои дѣла. Мы воспользовались этой льготой, чтобъ собраться въ послѣдній разъ на свободѣ, проводить старый и встрѣтить новый годъ. А я воспользуюсь этимъ еще и для другой цѣли. Не знаю—составитъ ли она злоупотребленіе довѣріемъ полковника Кононовича или нѣтъ, но еслибъ и составила—все равно я ее непремѣнно выполню.

Кто нибудь, прочитавъ слова „они возвращаются назадъ въ тюрьму“, подумаетъ о насъ, пожалуй, какъ о баранахъ, покорно подставляющихъ глотки подъ ножъ мясника. Но подобное предположеніе было бы жестоко невѣрнымъ. Единственное средство выйти изъ нашего положенія это—бѣ-

---

[1]) Подлинника письма Семяновскаго или копіи съ него у насъ нѣтъ. Письмо это мы помѣщаемъ въ переводѣ съ англійскаго изъ книги Кенана „Siberia and the exile system“. 1891, p. 210.

Ред.

жать, но какъ бѣжать при температурѣ въ 35 градусовъ мороза и безъ всякой предварительной подготовки побѣга? Почему мы не готовились къ побѣгу—тебѣ извѣстно, если ты получилъ мое августовское письмо.

Лично я рѣшилъ попытаться бѣжать, если распоряженіе возвратить насъ назадъ въ тюрьму получится весною, когда побѣгъ былъ бы возможенъ, и бѣжать не подъ давленіемъ минуты, а серіозно подготовившись. Но случилось иначе. Между тѣмъ я чувствую, что мои физическія силы исчезаютъ съ каждымъ днемъ. Я сознаю, что мое недомоганіе отразится на моихъ умственныхъ способностяхъ, и что мнѣ грозитъ опасность обратиться въ полнаго идіота даже при условіи внѣтюремной жизни. Возникаетъ вопросъ, что же станется со мною въ тюрьмѣ? Вся моя жизнь держалась на надеждѣ вернуться когда нибудь въ Россію и служить всѣми силами моей души дѣлу правды и справедливости, которымъ я давно уже всего себя посвятилъ; но какъ возможно такое служеніе для человѣка и физически и духовно разбитаго? И когда надежды на подобное служеніе у меня отняты, что мнѣ остается? Личное самооправданіе? Но пока то еще наступитъ моментъ чего нибудь подобнаго полному удовлетворенію такого желанія, меня десять разъ подвергнутъ пыткѣ. Поэтому я пришелъ къ заключенію, что жить болѣе не для чего и что я, наконецъ, заслужилъ право положить предѣлъ страданіямъ, ставшимъ безцѣльными и безполезными. Жизнь мнѣ давно уже надоѣла, смертельно надоѣла и только мысль о родинѣ удерживала меня до сихъ поръ отъ самоуничтоженія. Я знаю, что страшно огорчу брата Сашу, тебя и всѣхъ, кто меня любитъ, но развѣ вашей любви не хватитъ на то, чтобъ простить самоубійство человѣку, измученному до послѣдней степени? Поймите меня, ради Бога! За послѣдніе годы меня вѣдь буквально до смерти замучили. Ради всего дорогого вамъ—простите меня. Вы же знаете, что мои послѣднія мысли вамъ принадлежатъ, что имѣй я хоть немножко болѣе силъ, я бы жизнь отдалъ, чтобъ только сохранить васъ отъ дальнѣйшей муки; но силы мои истощились. Мнѣ ничего не остается, какъ либо съ ума сойти, либо умереть; и послѣднее во всякомъ случаѣ лучше перваго.

Прощай же навсегда мой дорогой, добрый всегда добромъ поминаемый мною чтимый отецъ и другъ! Прощай Саша и ты мой младшій братъ, котораго я такъ мало знаю. Помните, что лучше умереть даже такъ, какъ умираю я, нежели жить, не сознавая себя человѣкомъ принципа и чести!

Еще разъ прощайте! Не поминайте лихомъ вашего несчастнаго сына и брата, который даже и въ несчастьи находитъ утѣшеніе. *Евгеній.*

Продѣлки и поддѣлки властей.

Въ 1863 году Виленскимъ, Ковенскимъ и Гродненскимъ генералъ-губернаторомъ было получено конфиденціальное предложеніе министерства внутреннихъ дѣлъ о поднесеніи Императору Александру II благодарственныхъ адресовъ отъ имени крестьянъ Сѣверо-западнаго края за освобожденіе ихъ манифестомъ 19 февраля 1861 года отъ крѣпостной зависимости. Тутъ же рекомендовалась, чтобы въ этихъ адресахъ были крестьянами выражены и ихъ вѣрноподданическія чувства.

Генералъ-губернаторъ Сѣверо-западнаго края, получивъ предложеніе министерства, сдѣлалъ, конечно, съ своей стороны необходимое распоряженіе, такъ-что во всѣхъ волостяхъ и въ болѣе крупныхъ сельскихъ поселеніяхъ мировые посредники говорили крестьянамъ рѣчи по прилагаемому образцу, высланному министерствомъ генералъ-губернатору, и наводили крестьянство на мысль, послать Императору благодарственный адресъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженія вѣрноподданическихъ чувствъ. Адресъ былъ составляемъ также, какъ и рѣчь мировыхъ посредниковъ, по приложенному министерствомъ образцу.

Нечего и говорить, что все совершилось по предписанному министерствомъ. Кстати замѣтить, что министромъ внутреннихъ дѣлъ въ это время былъ графъ Валуевъ, а генералъ-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края графъ Муравьевъ.

У насъ находится въ рукахъ и образецъ рѣчи, и образецъ адреса императору. И то и другое мы воспроизводимъ здѣсь съ *печатныхъ* подлинниковъ. Вотъ они:

Секретно.

(ОБРАЗЧИКЪ).

РѢЧЬ

къ временно-обязаннымъ крестьянамъ, по случаю полученія ими полной личной свободы, 19-го февраля 1863 года.

Привѣтствую васъ, друзья мои, отъ всей полноты души, съ восторгомъ привѣтствую васъ величайшимъ счастіемъ, какое только можетъ быть даровано человѣку на землѣ, привѣтствую васъ съ полученіемъ той свободы, которая нынѣ дарована вамъ незабвеннымъ во вѣки нашимъ Благодѣтелемъ нашимъ Царемъ-Отцомъ, человѣколюбивѣйшимъ Александромъ II. Прежде вы не имѣли этой свободы, дѣлали то, что вамъ было приказано, тамъ, гдѣ указано, тогда, когда у васъ свой бѣдный хлѣбъ валился съ колоса, прежде вы были почти не люди; теперь, о радость! вы свободны, еще разъ съ восторгомъ привѣтствую васъ.

Вы знаете, мои братья, кому вы обязаны этимъ счастіемъ, я уже назвалъ вамъ Имя незабвеннаго Освободителя вашего; чтожъ вы принесете ему въ даръ за Его къ вамъ отеческую любовь, за освобожденіе васъ отъ недавней неволи? Онъ ничего отъ васъ не требуетъ, кромѣ взаимной любви и молитвы.

Осѣни же себя нынѣ, всякая душа русская, православная, крестнымъ знаменіемъ, пади на колѣна и отъ всей души помолись Богу о ниспосланіи твоему Освободителю, твоему Моисею, всего лучшаго на землѣ и на небѣ не забывай его въ своихъ молитвахъ, когда только молишься Богу, и завѣщай эту молитву своимъ дѣтямъ и внукамъ, въ вѣки-вѣчные.

Но есть еще одинъ способъ сколько нибудь возблагодарить вашего Освободителя. Душа его теперь болѣзнуетъ отъ возстанія противъ Него вашихъ недавнихъ владѣльцевъ—польскихъ; они хотятъ отдѣлить нашъ край отъ родной и единовѣрной Россіи, вырвать его отъ покровительства православнаго Царя русскаго, вашего Освободителя и, можетъ быть, снова закабалить васъ въ то тяжкое рабство, отъ котораго вы нынѣ освобождены Имъ. Они уже просили объ этомъ Царя и даже осмѣлились сказать въ этой просьбѣ, что вы сами желаете отдѣлиться отъ Него, отъ Россіи и присоединиться къ Польшѣ. Вижу ваше всеобщее негодованіе при одномъ извѣстіи объ этой гнусной, взведенной на васъ клеветѣ предъ вашимъ Освободителемъ, вѣрю отъ всей души, что васъ оклеветали предъ Царемъ

нашимъ; но Онъ-то, Отецъ нашъ, почемъ знаетъ, что это клевета, какъ Онъ отвѣтитъ клеветникамъ, что это клевета, пока мы сами не скажемъ, что это точно клевета. Чтожъ намъ дѣлать, спросите вы? А вотъ что: напишемъ на бумагѣ, что насъ предъ Царемъ оклеветали, что мы клянемся за себя и наше потомство жить и умереть подъ властію нашего Освободителя и Его преемниковъ русскихъ Государей, въ одной семьѣ съ родною и единовѣрною намъ Россіею, а Польши и польскихъ пановъ и знать не хотимъ,—и пошлемъ эту бумагу къ самому Царю. [1])

(ОБРАЗЧИКЪ).

АДРЕСЪ НА ИМЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

(Послѣ краткаго титула, какой употребляется на великомъ выходѣ съ прибавкою на концѣ: *Освободителю народа русскаго отъ крѣпостной зависимости*, писать:)

въ знакъ глубочайшей признательности (отъ такого-то общества, села).

Вѣрноподданнѣйшій Адресъ.

Мы нижеподписавшіеся, предъ лицемъ Бога всевидящаго и правосуднаго, въ Его храмѣ, въ торжественный и приснопамятный день нашего освобожденія отъ неволи, симъ свидѣтельствуемъ и клянемся нашему Всемилостивѣйшему Освободителю, Великому Государю Императору Александру Николаевичу въ томъ, что люди недобрые оклеветали насъ предъ Нимъ, когда сказали, что мы желаемъ присоединиться къ Польшѣ, и что всѣ мы и наши потомки желаемъ жить и умереть подъ властію незабвеннаго нашего Царя-Отца Александра II и Его преемниковъ, въ неразрывномъ единеніи съ родною и единовѣрною намъ Россіею, и никакой Польши и поляковъ знать не хотимъ. 19 февраля 1863 года. [2])

(Слѣдуютъ подписи грамотныхъ буквами, не грамотныхъ—крестами, а на концѣ подпись священника и причта).

---

[1]) Когда послѣ этой рѣчи послѣдуетъ взрывъ единодушнаго согласія на подпись адреса, тотчасъ же предъявить его и подписывать. Можно это сдѣлать и послѣ молебна, но лучше предъ молебномъ. Рѣчь должна быть читана на память, безъ тетрадки, а во всякомъ разѣ безъ печатнаго лоскутка, потому что весь процессъ дѣла долженъ быть покрытъ глубокою тайною для враговъ нашихъ, довѣдомою одному Богу.

[2]) Адресы въ тотъ же день могутъ быть препровождены къ благочиннымъ, для отсылки Архипастырю, а имъ уже будутъ препровождены къ генералъ-губернатору для передачи Государю Императору. Адресы и частію поученія можно разнообразить какъ угодно. Дѣло тутъ не въ краснорѣчіи.

Въ Шлиссельбургской крѣпости [1]).

Отношенія внѣшнія и внутреннія.

I.

Для управленія нашей тюрьмой образовано было съ самаго начала ея основанія Шлиссельбургское жандармское управленіе. Во главѣ его стоялъ полковникъ въ званіи начальника, а рядомъ съ нимъ два помощника его—старшій и младшій. Первый былъ, собственно, смотрителемъ тюрьмы; второй же завѣдывалъ ея хозяйственной жизнью, въ томъ числѣ нашей кухней, а затѣмъ, по мѣрѣ образованія денегъ разныхъ категорій въ нашемъ распоряженіи, и этими деньгами.

Фактически начальникомъ тюрьмы былъ, конечно, не смотритель, а полковникъ, снабженный свыше спеціальной инструкціей, которой мы никогда не видали, но о ней мы постоянно слыхали—всякій разъ, какъ замышляли какое нибудь новшество, еще не допускавшееся въ нашей жизни.

— «Ничего не подѣлаешь: *наша* инструкція рѣшительно не позволяетъ разрѣшить вамъ это»....

— «Эхъ, господа, если бы вы знали нашу инструкцію!»....

— «Да такъ ли еще слѣдовало бы по инструкціи!»....

Словомъ, инструкція стояла на каждомъ шагу, какъ нѣкое пугало или чудище, коимъ пугаютъ малыхъ ребятъ—всякій разъ, какъ они начинаютъ надоѣдать взрослымъ. Надоѣдать же мы, разумѣется, не ослабѣвали.

На основаніи этой инструкціи мѣстная администрація сочиняла инструкцію и для насъ, по временамъ мѣняя ее: въ первый разъ она была гектографированная, потомъ печатная, и наконецъ писаная на машинѣ. Она вывѣшивалась у каждаго въ камерѣ; но мы почти тотчасъ же срывали ее и уничтожали въ удостовѣреніе того, что считаться съ ней мы не намѣрены. Тѣмъ болѣе, что она ни разу не была никѣмъ подписана, и значитъ являлась въ нѣкоторомъ родѣ подпольнымъ произведеніемъ.

---

[1]) См. Былое № № 4, 6, 7, 8, 9 и 10.

При управленіи состояли еще докторъ, фельдшеръ и священникъ, и конечно канцелярія, въ которой орудовалъ писарь, простой унтеръ-офицеръ.

Вѣроятно, нѣкоторыя дѣла рѣшались у нихъ коллегіально. Но какъ и во всякой бюрократической коллегіи, въ концѣ концовъ вершителемъ всѣхъ судебъ являлся главный начальникъ, личность котораго всегда накладывала замѣтный отпечатокъ на весь нашъ режимъ.

Въ распоряженіи нашего начальника находилось еще до 30 человѣкъ унтеровъ, которые несли внутреннюю стражу какъ въ самой тюрьмѣ, такъ и на дворѣ.

Только эти лица и пользовались правомъ постояннаго входа на нашъ тюремный дворъ и имѣли возможность видѣть насъ въ лицо. Впрочемъ священникъ допускался только въ томъ случаѣ, если его кто-нибудь позоветъ. Тюремной церкви вовсе не было, а въ крѣпостную, которая стояла какъ разъ у насъ подъ окнами, никого изъ насъ не пускали, какъ не пускали и вообще никого изъ насъ изъ предѣловъ тюремнаго двора.

II.

Кромѣ названныхъ лицъ, въ каждый «ванный» день приводили къ нашимъ дамамъ въ ванную комнату женщину, обыкновенно жену вахмистра. Но намъ, мужчинамъ, видѣть ее удавалось лишь изрѣдка и украдкой, такъ какъ принимались тщательныя мѣры предосторожности, чтобы какъ нибудь мы не встрѣтились съ нею случайно на корридорѣ либо на дворѣ.

Такія-же мѣры предосторожности принимались и противъ встрѣчи со слесаремъ, который нерѣдко приходилъ въ тюрьму по дѣламъ своей профессіи. Но всякій шагъ не предусмотришь. Поэтому видали и мы его, а онъ, навѣрное, зналъ каждаго изъ насъ.

Рабочихъ же наемныхъ, приходившихъ «съ воли», всегда тщательно отъ насъ прятали: мы еще могли видѣть ихъ тайкомъ, они же насъ едвали, развѣ только издали. Въ послѣдніе же два года, крамола, очевидно, расползлась повсюду. Яковлевъ выдумывалъ особыя хитроумныя приспособленія, чтобы насъ не увидали каменщики, перекладывавшіе трубы на крышахъ зданій, отстоявшихъ отъ нашей тюрьмы на 50 саж. и болѣе.

Приходилъ еще изрѣдка на нашъ дворъ, точно также по надобностямъ своей профессіи, военный инженеръ. Но въ такомъ случаѣ насъ предварительно «убирали» со двора и запирали дома, такъ что мы только изъ своихъ оконъ видѣли его на дворѣ или на стѣнѣ крѣпости.

Затѣмъ, почти каждый годъ, а иногда и дважды въ годъ, пріѣзжалъ изъ Петербурга кто нибудь изъ высшихъ чиновъ, обыкновенно со свитой, о чемъ администрація наша всегда была предупреждена, а въ послѣдніе 10—12 лѣтъ регулярно предупреждала

и насъ. Все это были, конечно, лица «своего» круга, т. е. изъ жандармскихъ или департаментскихъ сферъ. Изъ болѣе извѣстныхъ именъ у насъ были: П. Н. Дурново, Галкинъ-Врасскій, Оржевскій, И. Н. Дурново (преемникъ Толстого), генералъ Шебеко, Горемыкинъ, генералъ Петровъ, Зволянскій, генералъ Пантелѣевъ, Святополкъ-Мирскій и фонъ-Валь.

Изъ лицъ совершенно другого круга за всѣ 21 годъ насъ посѣтилъ только митрополитъ Антоній (9 іюля 1904 г.) и старушка княжна М. М. Дондукова-Корсакова. Послѣдняя получила спеціальное разрѣшеніе и посѣщала насъ многократно лѣтомъ 1904 г. и 1905 г. Причемъ свиданія съ нею происходили сначала при полузакрытыхъ дверяхъ и при явномъ подслушиваніи, а потомъ, когда ей удалось добиться отмѣны такого унизительнаго порядка,—при закрытыхъ дверяхъ и при тайномъ подслушиваніи.

Вѣроятно, нѣкоторыя особы высокаго ранга имѣли право, въ силу своего званія, дѣлать визиты къ намъ. Когда пріѣзжалъ въ крѣпость Куропаткинъ (кажется въ 1902 г.) въ званіи военнаго министра, неимѣвшій никакого отношенія къ нашей тюрьмѣ, то мѣстная администрація, на всякій случай, приготовилась къ встрѣчѣ его и предупредила насъ объ этомъ. Но онъ не зашелъ. Всѣ же остальные, хотя бы и состоящіе при департаментѣ, допускались только въ томъ случаѣ, если предъявляли полковнику соотвѣтствующую грамоту, безъ которой онъ имѣлъ право отказать всякому, не взирая на его чинъ.

Наши родные, конечно, ни разу не были допущены туда. И на спеціальную просьбу М. Р. Попова—дозволить его матери, въ виду ея престарѣлаго возраста, повидаться съ сыномъ въ послѣдній разъ и проститься передъ смертію, послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Передъ этимъ она не видала его болѣе 20 лѣтъ.

III.

За 21 годъ тамъ смѣнилось 6-ть полковниковъ: Покрошинскій, Добродѣевъ, Кореневъ, Гангардтъ, Обухъ и Яковлевъ. Точно также 6 старшихъ помощниковъ и болѣе 8 младшихъ, 6 докторовъ, не считая четверыхъ пріѣзжавшихъ изъ Петербурга для временнаго исправленія должности, пока подыскивался кандидатъ на освободившуюся вакансію.

Изъ унтеровъ нашелся только одинъ, который безсмѣнно прослужилъ тамъ 21 годъ, да и туда пріѣхалъ еще изъ равелина. Остальные всѣ служили болѣе или менѣе короткіе сроки, служили, конечно, по собственному желанію. Смѣны были для насъ большею частію всегда неожиданны: одно знакомое лицо дежурнаго перестало появляться, а появилось другое незнакомое. Вотъ и все. Такимъ образомъ передъ нашими глазами за все время прошло ихъ не менѣе 100 человѣкъ.

Всѣ вышепоименованныя лица были единственными людьми, ко-

торыхъ мы видѣли за всѣ 21 годъ. Я не считаю солдатъ, несшихъ наружную охрану, стоявшихъ на часахъ на стѣнѣ, состоявшихъ при кухнѣ и употреблявшихся для уборки двора и тюрьмы. Насъ всѣхъ они видѣли, но заговаривать съ нами имъ строжайше было запрещено. И нѣкоторые изъ нихъ впадали чуть не въ паническій ужасъ, если неожиданно обращался къ нимъ съ какимъ-нибудь невиннымъ вопросомъ. До какой степени можно запугать солдата, которому, по самому званію его, должна быть и смерть не страшна!

И все таки, какъ и всюду на свѣтѣ, жизнь брала свое, разрушая людскія убѣжденія, и въ средѣ солдатъ мы находимъ своихъ друзей. Одинъ изъ нихъ даже взялся однажды (въ 1902 г.) передать письмо Попова на почту, но сдѣлалъ это такъ неумѣло, что былъ арестованъ и, вѣроятно, строго наказанъ. Мы же всѣ за такую дерзость были немедленно лишены прежнихъ льготъ.

Остальное населеніе крѣпости состояло изъ женщинъ и дѣтей, которыхъ мы отлично видѣли изъ своихъ оконъ, они же насъ никогда не видали. И только при выходѣ того или другаго изъ насъ на свободу давали волю своему естественному любопытству и выглядывали откуда-нибудь изъ за угла, чтобъ хоть однимъ глазомъ взглянуть на выпускаемую жаръ-птицу, сидѣвшую взаперти невѣдомое число лѣтъ и недоступную глазу обыкновеннаго смертнаго.

IV.

Объ отношеніи къ намъ унтеровъ я уже кое-что говорилъ ранѣе. Вообще они были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нашего главнаго дирижера и безпрекословно, безъ всякихъ разсужденій, исполняли всякое его велѣнье. И не мудрено. Они получали по 30 руб. въ мѣсяцъ жалованья при готовой квартирѣ,отопленіи, освѣщеніи и даже одеждѣ. По крайней мѣрѣ полушубки зимой имъ давались казенные.

Дѣлать же имъ было рѣшительно нечего. Днемъ они фланировали около насъ, большею частію съ газетой въ рукахъ; ночью же, особенно въ послѣдніе годы, спали почти безпробудно, несмотря на то, что спать на дежурствѣ имъ строжайше запрещалось. Людямъ ихъ категоріи, полу-грамотнымъ и отвыкшимъ отъ крестьянскаго труда, не легко было подыскать другое, столь же сытое существованіе. И они сами хорошо сознавали это. Даже когда строгости усилились, какъ-то въ 1903 г. одинъ сѣдобородый унтеръ сознавался предо мной откровенно:

— «Житье наше хорошее: *дай Богъ всякому*!»

Назначались они къ намъ, должно быть, департаментомъ, конечно, послѣ тщательнаго испытанія ихъ благонадежности. Уволить же ихъ могъ самъ полковникъ во всякое время по собственному усмотрѣнію, хотя, можетъ быть, не безъ верховной санкціи изъ Петербурга.

А такъ какъ своимъ мѣстомъ они очень дорожили, то угроза увольненіемъ въ рукахъ начальника всегда была самымъ могучимъ орудіемъ, которымъ онъ держалъ ихъ ежедневно въ слѣпомъ подчиненіи. И когда дежурный, во исполненіе воли своего начальника, чего нибудь не допускалъ или что нибудь запрещалъ, то никакіе резоны съ нашей стороны не оказывали на него ни малѣйшаго вліянія. Даже болѣе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ у него было свое мнѣніе, явно несогласное съ мнѣніемъ начальства. И тѣмъ не менѣе, самое нелѣпое распоряженіе находило всегда въ ихъ лицѣ самыхъ покорныхъ исполнителей. Вахмистръ Муравскій, стоявшій лѣтъ 8 твердо на своемъ посту, какъ вѣрный стражъ и оберегатель всякихъ послѣднихъ начальственныхъ предписаній, неоднократно сознавался въ минуты откровенности:

— «Эхъ, еслибъ я былъ министромъ! Я бы прописалъ вамъ... напр. выпустилъ васъ всѣхъ здѣсь на островѣ, и кормитесь сами чѣмъ и какъ хотите».

Особенно забавно было наблюдать это во время перемѣны вѣяній, когда вдругъ запрещалось что-нибудь, что еще вчера было дозволено, или дозволялось то, что вчера пресѣкалось, какъ преступленіе. Въ томъ и другомъ случаѣ унтеръ сохранялъ истуканообразную невозмутимость и ни однимъ жестомъ не выдавалъ своего субъективнаго отношенія къ велѣніямъ властей: одобряетъ ли онъ то, что было вчера, или то, что введено сегодня.

Вообще для любознательнаго антрополога много поучительнаго было въ наблюденіи за этой породой россійскихъ гражданъ, которые органически неспособны были понять, что законно и что незаконно. Всѣ они отъ высшихъ до низшихъ, съ законами никогда не церемонились.

— «У насъ, вѣдь, не Англія!» глубокомысленно и назидательно изрекалъ ротмистръ Гудзь. И мы постоянно слышали, какъ они называли «закономъ» то инструкцію, то послѣднюю бумагу изъ департамента, то устный приказъ того или другаго бурбона.

Говорятъ, впрочемъ, что и самые опытные юристы за послѣдніе годы не могли точно рѣшить, что нужно считать закономъ въ примѣненіи къ такому государству, какъ русское.

V.

Позднѣе уже, когда режимъ ослабѣлъ и унтера стали болѣе разговорчивы съ нами, они не стѣснялись критиковать и поносить свое начальство съ присущею русскому человѣку развязностью. И тогда нѣкоторые сознавались, что они люди маленькіе, что съѣсть ихъ ничего не стоитъ, а дѣться имъ некуда. Словомъ, приносили оправданія, коими споконъ вѣка оправдываетъ себя всякій палачъ, жандармъ и полицейскій и всякій вообще агентъ власти, которому приходится возмущаться душой противъ безнравственныхъ ея велѣній и оправдывать себя мистическими терминами служебнаго долга и присяги.

Любопытнѣе всего, что въ тѣ времена, когда они боялись говорить намъ что бы то ни было изъ области высшей политики и сообщать о перемѣнахъ, происходящихъ внѣ нашихъ стѣнъ, они не боялись выдавать намъ свое непосредственное начальство и спокойно разсказывали о ихъ внутреннихъ и семейныхъ дрязгахъ или о ихъ недобросовѣстномъ хозяйничаньи въ тюрьмѣ и крѣпости. Очевидно, это не было предусмотрѣно начальственными запрещеніями и не входило въ понятіе нарушенія долга службы.

Въ свою очередь офицеры держались той же самой тактики въ отношеніи высшихъ сферъ. Особенно живописенъ здѣсь былъ совершенно безпардонный Яковлевъ, называвшій неприличными терминами не только департаментскихъ чиновниковъ, но и самого носителя верховной власти.

Но такое отношеніе къ своей власти не имѣло ничего общаго съ духомъ критики, который овладѣваетъ человѣкомъ при революціонномъ настроеніи и возвышаетъ его индивидуально. Тогда онъ неспособенъ оставаться безсмысленнымъ исполнителемъ и играть роли, обезличивающія человѣка.

И всетаки, нужно отдать имъ честь: несмотря ни на что, ихъ дисциплинѣ можно было во многихъ случаяхъ позавидовать и пожалѣть, что она не всегда оказывается на лицо въ массовыхъ выступленіяхъ въ дни революціонной борьбы и въ средѣ, не затронутой военной выправкой.

VI.

Удивительнѣе всего, что ихъ дисциплина не страдала отъ взаимнаго шпіонства другъ за другомъ, на которомъ основана вся система надзора.

Каждый долженъ былъ доносить на каждаго, независимо отъ его подчиненности. Получалась своеобразная картина:

Полковникъ могъ въ одну минуту прогнать подчиненнаго ему унтера. Но унтеръ могъ предупредить его и, донеся въ департаментъ на какія-нибудь отступленія отъ инструкціи, надѣлать ему не мало непріятностей.

Въ первое время, какъ только начали колебаться наши суровые устои, многіе изъ нихъ въ широкой степени пользовались своими полномочіями по части доноса. И департаментъ, благодаря этому, постоянно зналъ всѣ мелочи нашей жизни. Но зато и полковникъ находился всегда подъ угрозой выговора. Потомъ Гангардтъ хвалился, что онъ вывелъ изъ моды эти доносы. Какъ это онъ сдѣлалъ, я доподлинно не знаю, но, вѣроятно, не безъ поощренія со стороны самого департамента, который могъ, наконецъ, понять, какой развратъ онъ вноситъ подобной политикой въ среду своихъ вѣрныхъ и надежныхъ стражей.

Когда эти доносы прекратились, а «послабленія» и «льготы» усилились, нѣкоторые правовѣрные унтера громко ворчали на

допускаемыя новшества. Всюду вѣдь есть врожденные консерваторы, о которыхъ еще Милль написалъ въ своей логикѣ: «всякій тупоголовый человѣкъ есть непремѣнно консерваторъ». Одинъ изъ такихъ у насъ не могъ напр. долго помириться съ тѣмъ, что намъ стали выдавать чай натурой, прямо изъ магазина, и въ торговой же укупоркѣ.

— «До чего дошло!» негодовалъ онъ: «чай даютъ прямо изъ магазина! Они развернутъ четвертушку, а тамъ, вдругъ, прокламація!».

Прокламація въ ихъ пониманіи была, конечно, одна, а именно преступная. И этому хулителю новыхъ порядковъ казалось особенно опаснымъ появленіе въ нашемъ герметически замкнутомъ учрежденіи какой-нибудь прокламаціи, хотя бы на мотивъ современной: «чего хотятъ люди, которые ходятъ съ краснымъ знаменемъ». Это было еще то старое невинное время, когда прокламація была событіемъ, а чтеніе ея «дѣяніемъ»!

Когда другому, менѣе ретивому критику либеральныхъ дѣйствій нашей администраціи въ шутку мы предложили донести на насъ въ департаментъ, онъ съ горечью въ голосѣ отвѣтилъ:

— «Да, донеси... А оттуда напишутъ не твое это дѣло!».

Очевидно, онъ уже испыталъ это на опытѣ.

Но послѣ того, какъ «донесенія» прекратились, зависимость ихъ отъ своего ближайшаго начальства еще болѣе усилилась: крѣпкая власть торжествовала на всѣхъ пунктахъ и всегда грубо третировала вѣрныхъ исполнителей своихъ повелѣній.

За это лишеніе ихъ доносительныхъ функцій они однажды отплатили сразу своему мѣстному начальству, когда въ 1902 г. Сипягинъ прислалъ своего адъютанта по случаю происшедшихъ у насъ «безпорядковъ», связанныхъ съ письмомъ Попова, о которомъ я упомянулъ выше. Онъ допросилъ всякаго унтера по одиночкѣ о нашихъ порядкахъ и, судя по послѣдствіямъ, они не поцеремонились въ изображеніи ихъ и разсказали всю подноготную про «послабленія» и «отступленія», какія у насъ допускались. Особенно не пощадили они Гудзя, который донималъ ихъ больше всего ежечасными визитами въ тюрьму и ежечаснымъ же требованіемъ «чести»—каждый разъ, сколько бы онъ ни проходилъ. Въ результатѣ ихъ дружескихъ усилій смотритель Гудзь и начальникъ управленія Обухъ были уволены и замѣщены новыми лицами (Правоторовъ и Яковлевъ).

VII.

Несмотря на слѣпую дисциплину, на совершенно одинаковую зависимость, чреватую роковыми для насъ неожиданностями (сдѣлаютъ все, что ни прикажутъ), наши унтера не были простыми машинами, реагирующими всегда одинаково на одинаковое давленіе рычага. Индивидуальность и у нихъ все же сказывалась постоянно.

Изъ цѣлой толпы солдатъ, взятыхъ наудачу, всегда можно выдѣлить при первомъ знакомствѣ наиболѣе жестокихъ, наиболѣе злобныхъ и мстительныхъ, которые при всякомъ рѣшительномъ столкновенiи готовы сверхъ должнаго и положеннаго по уставу наддать еще кое-что и отъ себя.

По многу лѣтъ мы жили со своими унтерами неразлучно, и потому имѣли достаточно времени, чтобы распознать каждаго изъ нихъ во всѣхъ отношенiяхъ. По природѣ это были, несмотря на свой мундиръ, обыкновенные русскiе мужики—изъ тѣхъ, что добровольно ловятъ «сицилистовъ» и доставляютъ становому, частiю по своему неразумiю, частiю потому, что это поощряется властями, а власти вообще имъ импонируютъ. При другой обстановкѣ, съ большинствомъ изъ нихъ легко было бы имѣть разныя дѣловыя и хозяйственныя отношенiя, не находя въ нихъ ничего сугубо отталкивающаго.

Между тѣмъ въ тюрьмѣ, естественно, между нами и ими былъ хроническiй антагонизмъ, причемъ съ нашей стороны въ отношенiи ихъ чувствовалось постоянное раздраженiе, такъ какъ именно они были непосредственными исполнителями приказовъ, которые несли лишенiе, отнятiе, прекращенiе, затрудненiе и запрещенiе. И никакое возраженiе съ ихъ стороны, что они тутъ не причемъ, что они только работаютъ за кусокъ хлѣба, согласно принятому на себя обязательству, не могло дѣйствовать на насъ, потому что впечатлѣнiе отъ ихъ исполнительныхъ функцiй, т. е. отъ ихъ ежедневныхъ пресѣченiй и предупрежденiй, дѣйствовало сильнѣе резоновъ, которыми они передъ нами оправдывались.

VIII.

Обыкновенно дежурный наблюдалъ за тѣмъ, чтобы мы не выходили изъ сферы запрещенiй, которыя въ данное время всюду опутывали насъ. Если запрещено было намъ перестукиваться, онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы не покушались на это. Если запрещено было сноситься письменно,—чтобъ мы не бросали записки черезъ заборъ къ сосѣду. Если запрещено быть втроемъ,—чтобъ не сходились. Если запрещено останавливаться при встрѣчахъ на дворѣ или на коридорѣ,—чтобъ не дѣлали этого, и т. д. и т. д.

При малѣйшемъ покушенiи съ нашей стороны проявить свою волю, несогласную съ указанными рамками, онъ долженъ былъ немедленно воспрепятствовать нарушенiю, или-же позвать другого свободнаго дежурнаго, чтобъ тотчасъ же доложить о «безпорядкѣ» вахмистру. Смотря по характеру дѣла, вахмистръ или являлся самъ водворять порядокъ, или-же давалъ знать смотрителю, который опять таки, смотря по характеру дѣла, или приказывалъ махнуть рукой на пустякъ, нестоющiй разбирательства, или являлся самъ для разбора дѣла и возстановленiя нарушенныхъ нормъ, или же докладывалъ начальнику управленiя. Въ исключительныхъ случаяхъ самъ являлся на мѣсто дѣйствiя.

Весьма нерѣдко смотрителя звали и мы сами, если намъ казалось, что унтеръ злоупотребляетъ властью и отъ себя ли, по приказу ли, пресѣкаетъ тамъ, гдѣ мы не желали встрѣчать ни малѣйшихъ пресѣченій. Тогда происходила бурная сцена. Слышалось вдругъ:

— «Это что еще за новость? Позвать сюда смотрителя! Подать сюда смотрителя! Чтобъ живо пришелъ сюда смотритель!» и т. п. Если кипѣніе произошло очень бурное, унтера спокойно молчатъ. Если не очень, то прибѣжавшій немедленно вахмистръ вставляетъ свое трезвое слово:

— Звать его я не имѣю права, а могу только доложить...

Тѣмъ не менѣе, смотритель является немедленно, бурю выдерживаетъ самолично и обыкновенно въ концѣ ея изрекаетъ резолюцію, создающую какой нибудь компромиссъ, съ которымъ взбунтовавшійся готовъ помириться.

Нерѣдко такія сцены происходили въ тѣхъ случаяхъ, когда администрація дѣлала пробные шаги къ лишенію насъ той или другой льготы. Унтерамъ дается тайный приказъ, и они «не допускаютъ». Происходитъ вспышка. Смотря по ея силѣ и опасности для общаго спокойствія, администрація торгуется, иногда совсѣмъ отмѣняетъ только что данный приказъ, сваливши все на унтера, который будто-бы отъ себя задумалъ это стѣсненіе, или не понялъ данныхъ ему инструкцій.

Кромѣ экстренныхъ донесеній въ дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства, ежедневно дѣлались дежурными общіе и детальные доклады о проведенномъ днѣ и о замѣченныхъ нарушеніяхъ. Причемъ принимающій донесеніе вахмистръ или смотритель давалъ соотвѣтствующіе директивы для дѣйствій дежурнаго на будущее время въ аналогичныхъ обстоятельствахъ.

Понятно, что при такихъ порядкахъ отъ личности дежурнаго много зависѣло. Онъ могъ замѣчать и не замѣчать, въ зависимости отъ степени бдительности и отъ желанія быть бдительнымъ. Могъ и замѣтивши доносить, или смотрѣть сквозь пальцы. Словомъ, тоже, что и во всякой тюрьмѣ, гдѣ заключенные отлично знаютъ свойства каждаго дежурнаго и пользуются ими въ своихъ интересахъ. Если задумывается заранѣе какое нибудь «правонарушеніе, то принимается въ соображеніе, кто именно стоитъ на дежурствѣ въ данномъ мѣстѣ и въ данный часъ.

«Нарядъ» на дежурство составлялся для нихъ вахмистромъ на цѣлую недѣлю. Но намъ онъ не былъ извѣстенъ. Самыя фамиліи унтеровъ мы узнавали случайно, и знали почти половину ихъ, иныхъ награждали прозвищами, но были и просто безымянные. Гудзь особенно тщательно скрывалъ ихъ фамиліи. И когда я однажды попросилъ технологію, принадлежавшую сыну унтера Власова, съ которымъ я предварительно договорился объ этомъ, и фамилію котораго я зналъ съ незапамятныхъ временъ, Гудзь тщательно запечаталъ своей печатью первый листъ книги, гдѣ была фамилія. На мой вопросъ: «къ чему это? Что за бѣда, еслибъ узналъ фамилію?» онъ отвѣтилъ:

— «Да, сначала вы узнаете фамилію, а потомъ еще что нибудь; смотришь, вы ужъ и очень много знаете!».

Съ нашими фамиліями даже бывали курьезы. Всѣ унтера прекрасно знали всѣхъ насъ не только по именамъ, но и по отчествамъ. Но должны были не показывать виду, что это имъ извѣстно, называть-же насъ не иначе, какъ по номерамъ. Если-же я посылаю что нибудь своему товарищу и называю его по фамиліи, дежурный дѣлаетъ иногда невинное лицо и говоритъ: «я не знаю такого», или «а кто это такой?» въ ожиданіи, что я назову адресата по номеру.

IX.

Такъ ужъ всегда бываетъ, что когда злыя собаки не даютъ проходу прохожему, то послѣдній бьетъ именно ихъ, а не хозяевъ, которые ихъ содержатъ и дѣлаютъ злыми. Приходилось и намъ воевать со своими унтерами, и нерѣдко со всею рѣзкостью, какая могла прорваться послѣ многократныхъ ежедневныхъ и ежечасныхъ мелочныхъ придирокъ.

Къ этому вынуждали, большею частію, сами наши власти. Любезничая при личныхъ встрѣчахъ, заглазно они третировали насъ какъ арестантовъ, съ которыми церемониться особенно не приходится и потому, когда имъ требовалось чего нибудь лишить насъ, или въ чемъ нибудь подтянуть, они дѣлали это большею частью тайно и экспромтомъ. Вмѣсто того, чтобы наканунѣ формально и гласно объявить, что такая-то «льгота» съ завтрашняго дня прекращается, они давали просто оффиціальное приказаніе унтерамъ—съ завтрашняго дня пресѣкать то, что вчера дозволялось.

Понятное дѣло, всякій прохожій, привыкшій многократно мирно и безмятежно проходить по извѣстному мѣсту, склоненъ выйти изъ себя, если завтра онъ встрѣтитъ здѣсь загородку, либо цѣпныхъ собакъ, готовыхъ разорвать его на части. Такъ какъ наши унтера были все-же разумныя существа и притомъ не всѣ одинаковые, а были и такіе, которые готовы были при случаѣ и отъ себя лично учинить какую-нибудь непріятность, то естественно, что каждый изъ насъ, встрѣтивши неожиданную препону, набрасывался прежде всего на того, кто загораживаетъ дорогу своей особой.

Получалась сцена, болѣе или менѣе бурная, въ зависимости отъ такта и сдержанности унтера. Несмотря на все разнообразіе характеровъ и на всю сдержанность, которою многіе обладали, не было изъ нашей среды ни одного человѣка, котораго бы не вывели изъ себя ни разу такія отношенія и доведя до бѣлаго каленія не заставили пережить нѣсколько жгучихъ минутъ крайняго возбужденія и острой вспышки. Очевидно, въ самомъ существѣ тюремныхъ отношеній лежало то, чтобы насъ раздражали, а мы раздражались.

Первымъ буферомъ въ такихъ случаяхъ бывалъ всегда дежур-

ный. Зато, какъ же радовался, бывало, иной откровенный унтеръ, что такая-то сцена случилась не въ его дежурство или не въ его участкѣ! Очевидно, имъ солоно приходилось всегда при такой оказіи!

При воспоминаніи объ этихъ отношеніяхъ, предо мной проходитъ галлерея лицъ, угрюмыхъ и открытыхъ, злобныхъ и добродушныхъ, мстительныхъ, равнодушныхъ, убѣжденныхъ гонителей и тюремщиковъ и совершенно безразличныхъ. Отъ этой галлереи лицъ, стоявшихъ возлѣ меня безотлучно сомкнутымъ кольцомъ болѣе 18 лѣтъ, ежедневно зависѣлъ каждый короткій шагъ моей укороченной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мое доброе настроеніе и, значитъ, мое времяпрепровожденіе.

Послушные только голосу своего начальства, они менѣе всего заботились именно о моемъ душевномъ спокойствіи и о томъ, какъ тотъ или другой актъ ихъ служебнаго усердія дѣйствуетъ на мою психику. Подчасъ, и нерѣдко, казалось даже, что они и приставлены то ко мнѣ спеціально затѣмъ, чтобы постоянно раздражать и допекать, и тѣмъ создавать атмосферу непрерывныхъ огорченій, чтобы какъ можно вѣрнѣе осуществить идеалъ пенитенціарной тюрьмы, въ задачи которой входитъ мученіе, а не успокоеніе.

X.

Я говорю о среднемъ, такъ сказать, нормальномъ и постоянномъ характерѣ отношеній съ унтерами, и при томъ о времени *моего* пребыванія въ тюрьмѣ. Ранѣе этого, по разсказамъ товарищей, они дѣйствовали въ буквальномъ смыслѣ какъ безсловесныя твари, потому что никогда не произносили ни одного слова, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по мановенію пальца Ирода, набрасывались чисто по звѣрски, вязали, били, стучали въ заслоны, чтобъ лишить возможности сосѣдей перестукиваться другъ съ другомъ, и вообще дѣйствовали активно, вызывающе и наносили страданіе вполнѣ сознательно и даже съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ.

Теперь, когда тотъ или другой министръ старается сдѣлать невинную мину по поводу избіеній въ участкахъ и тюрьмахъ, приписывая это злоупотребленію низшихъ агентовъ, мы, пережившіе всѣ ужасы длительныхъ и сложныхъ репрессій, можемъ торжественно и всенародно удостовѣрить, что низшіе агенты,—того же ранга, какъ въ участкахъ и проч. тюрьмахъ,—дѣйствовали всегда согласно волѣ и «предначертанію высшихъ властей». И эти послѣдніе, отъ скромнаго жандармскаго полковника Покрошинскаго, до блестящаго жандармскаго генерала Оржевскаго, умѣли дѣлать такую же добрую мину, какую теперь дѣлаютъ персоны болѣе крупнаго калибра.

Мы воочію убѣдились въ этомъ, переживши переломъ, котораго сейчасъ добивается вся Россія, когда избіенія прекратились, хотя всѣ низшіе агенты оставались безсмѣнно на своихъ мѣстахъ. И

видѣли, какъ тѣ же самыя лица, которыя вчера еще горѣли желаніемъ учинить надо мной какое нибудь грубое насиліе, сегодня становились разговорчивы, любезны, обходительны и деликатны. Точь въ точь какъ маріонетка, которую дернули за другой шнурокъ.

Затѣмъ мѣнялись лица, младшія и старшія и самыя старшія, сидящія наверху; бывали изъ нихъ и жестокіе, и мягкіе, бывали и такіе, которые открыто выражали сожалѣніе о невозможности заковать насъ въ кандалы, и такіе, которые угрожающе кричали на весь коридоръ, какъ Шебеко:

«Полковникъ, плети! плети, плети!»

Но лозунгъ «не бить» оставался въ силѣ, и никто ни разу за цѣлыхъ 15 лѣтъ насъ пальцемъ не тронулъ.

XI.

Унтера подавали намъ чай или кипятокъ, хлѣбъ и вообще пищу, бѣлье спальное и носильное, книгу, бумагу, дѣлали ванну, отворяли и затворяли дверь при входѣ и выходѣ, разогрѣвали клей, варили клейстеръ, передавали инструменты, порученія и записки, матеріалы и вообще разныя покупки. Въ виду этого неудивительно, если они въ концѣ концовъ превратились въ особый родъ лакеевъ или «коридорныхъ» въ гостинницѣ, которые исполняютъ роль услужающихъ» при господахъ и получаютъ за это на чай. Въ эпоху бо̀льшаго либерализма, когда самъ Гудзь, дѣлая имъ внушеніе, говорилъ откровенно: «не *они* ради васъ живутъ здѣсь, а вы ради нихъ, и потому вы *должны*...» эти служебныя отношенія выступали особенно рельефно.

И вообще, чѣмъ меньше съ нихъ требовалось въ порядкѣ охраны, тѣмъ больше требовалось въ порядкѣ услуги. Большинство изъ нихъ были вовсе не въ претензіи отъ такой замѣны, потому что требованія начальства держали ихъ подъ угрозой кары, требованія же наши не угрожали ничѣмъ, кромѣ легкихъ взаимныхъ попрековъ между ними. И это несмотря на то, что по мѣрѣ ослабленія репрессій, расширялись и разнообразились наши нужды, а значитъ и наши притязанія.

А когда установились такія отношенія, что я просилъ или заявлялъ, а они приносили или исполняли, тогда трудно было имъ удержаться въ границахъ и исполнять только то, что они обязаны были по складу нашей жизни и только тогда, когда просьба объ этомъ была выражена въ вѣжливой формѣ. Они были не только мужики, т. е. люди, вѣками порабощенные, съ инстинктами раба, но и солдаты, т. е. недавно нарочито дисциплинированные въ систематическомъ исполненіи чужихъ приказаній и привыкшіе къ тому, чтобы эти приказанія выражались властно, т. е. рѣзко и грубо. А потому они вовсе не претендовали на тѣхъ изъ насъ, кто обходился съ ними круто. Вѣдь смотритель, котораго они никапли не уважали, обходился съ ними неизмѣримо хуже. Мы же,

какъ общее правило, были вѣжливы и обходительны съ ними, и нерѣдко платили имъ какъ могли за ихъ услуги натурой, т. е. какими нибудь издѣліями, когда это позволялось, или огородными овощами, до которыхъ они, какъ многосемейные, были особенно лакомы! Когда Яковлевъ строжайшее запретилъ имъ брать у насъ что бы то ни было, овощи они все же брали, хотя съ большой оглядкой.

XII.

Неудивительно при этомъ, что несмотря на писанныя инструкціи, повелѣвавшія намъ «безпрекословно исполнять распоряженія дежурнаго унтеръ-офицера», жизнь, слѣдуя своей собственной логикѣ, слагалась какъ разъ наоборотъ, и господами и командирами надъ ними постепенно сдѣлались мы. Но такъ какъ они были не только лакеи по натурѣ, но при этомъ служили еще законному господину по найму, и охраняли его интересы отъ нашихъ покушеній на нихъ, то получалась самая удобная комбинація для того, чтобы мы въ минуты раздраженія третировали ихъ по собачьи, а они злобствовали на насъ и, будучи наружно послушными, исподтишка старались всячески напакостить намъ.

Такъ и жили мы постоянно, точно кошка съ собакой, то мирясь и добродушничая, то воюя.

И хотя были изъ нихъ 2—3 человѣка, которые тяготились обязанностью открывать передъ нами незамкнутую дверь или дѣлать другія подобныя вещи, которыя каждый изъ насъ и самъ могъ бы сдѣлать, но и такіе были, собственно, лакеями въ душѣ. И не было изъ нихъ ни одного человѣка съ истинныхъ самоуваженіемъ, который запротестовалъ бы серьезно противъ своей двусмысленной роли и бросилъ ее съ негодованіемъ, вовсе не желая прислуживать лицамъ, которыхъ за глаза онъ зоветъ арестантами, каторжниками или преступниками.

Очевидно, какъ ни называй людей, и какъ ни лишай ихъ правъ и преимуществъ своего званія, а высшая индивидуальность всегда будетъ господствовать надъ низшей и подчинять ее себѣ, независимо отъ оффиціальныхъ рамокъ и указокъ. Такъ было у насъ, такъ и всюду было съ политическими заключенными. И правительство, чтобы парализовать эти неизбѣжные результаты, всегда прибѣгало или къ частой смѣнѣ своихъ вѣрныхъ стражей, плохо вѣря въ незыблемость ихъ преданности, или же окружало ихъ свирѣпыми угрозами и страхомъ немедленнаго возмездія за малѣйшее уклоненіе отъ пути долга, т. е. отъ интересовъ тѣхъ, кто сейчасъ у власти.

Но нужно отдать справедливость нашимъ унтерамъ, ихъ услуженіе намъ никогда не выходило изъ границъ, за коими оно становится съ ихъ точки зрѣнія преступнымъ. Быть можетъ, здѣсь все дѣло только въ деньгахъ. И продажныя души, которыя надѣваютъ и носятъ мундиръ только потому, что за это хорошо пла-

тятъ, едва ли бы было трудно перекупить, давши имъ другое болѣе соблазнительное и не менѣе прочное обезпеченіе.

Такъ какъ унтера выходили отъ насъ и замѣнялись новыми по одиночкѣ, то каждый вновь поступившій, какъ бы тщательно онъ ни вызубрилъ свою инструкцію, при выходѣ на дежурство совмѣстно съ другими старшими унтерами, тотчасъ замѣчалъ, что инструкція особь статья, а уклады нашей жизни—особь статья, и что течетъ она по своимъ особеннымъ законамъ, а вовсе не по писаной бумажкѣ. Поэтому онъ тотчасъ же подвергался «обрусенію», обращался въ новую вѣру и уже не осмѣливался предъявлять намъ требованій, которыя давно стали въ нашихъ глазахъ нетолько устарѣлыми, но и смѣшными. Въ крайнемъ случаѣ, его, при первой же попыткѣ проявить свое усердіе, такъ недвусмысленно осаживали, что онъ долго послѣ этого ломалъ голову надъ соотношеніемъ между писанымъ закономъ и неписанымъ.

XIII.

Почти такому же обученію нужно было подвергать и каждаго смотрителя—новичка. Тотъ являлся въ первый разъ съ большимъ вѣсомъ и апломбомъ. Отъ него еще вѣяло полномочіями, только что полученными въ департаментѣ, и онъ дѣлалъ обыкновенно одну или двѣ попытки къ водворенію «порядка» и къ проявленію только что полученной власти, которая отуманила его голову. Но такъ какъ онъ брался за дѣло ретиво, то все кончалось обыкновенно скандаломъ. А такъ какъ онъ не хотѣлъ доводить до свѣдѣнія департамента, что съ его поступленіемъ начались въ тюрьмѣ небывалыя прежде «исторіи», то быстро успокаивался и оставлялъ завоеванный ранѣе «безпорядокъ» въ прежнемъ видѣ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, портить себѣ кровь, когда такъ легко и спокойно можно лежать дома по цѣлымъ днямъ, показываясь въ тюрьмѣ только на нѣсколько минутъ во время раздачи обѣда и ужина и получать за это заслуженныя $3^1/_2$ т. руб. жалованья? Такъ обыкновенно и вели себя послѣдніе два смотрителя, умудренные жизнію и опытомъ предшественника.

Полковникъ Гангардтъ, который больше всѣхъ своихъ предшественниковъ допускалъ у насъ новшествъ и «послабленій», уходя на другое мѣсто, попробовалъ, было, водворить старый порядокъ, мотивируя это тѣмъ, что онъ долженъ сдать тюрьму въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ принялъ ее отъ своего предшественника. Но изъ этого все равно ничего не вышло. Слишкомъ мало мы склонны были поступаться тѣмъ, чѣмъ уже пользовались фактически.

Дѣло въ этомъ отношеніи стояло всегда одинаково, сколько бы ни было повторныхъ попытокъ. Можно было произвести «переворотъ» тайно, давши приказъ унтерамъ завтра вести все по новому. Но тогда «бунтъ» былъ бы неизбѣженъ. Или же пуститься съ нами въ дипломатію и начать переговоры о сокращеніи тѣхъ или дру-

гихъ льготъ. Въ дипломатіи же верхъ всегда оставался за нами. При этомъ начальство какъ бы случайно зондировало почву, слишкомъ ли мы дорожимъ той или другой льготой и способны ли пойти въ защиту ея на открытую войну. Мы же всегда ставили ему на видъ, что вѣдь терять намъ нечего... Словомъ, въ великомъ и ничтожномъ политика есть политика, и черты ея тѣ же.

XIV.

Чѣмъ были унтера въ отношеніи своего непосредственнаго начальства, тѣмъ было это послѣднее въ отношеніи начальства департаментскаго. Трудно, почти невозможно, говорить и не проговориться.

Нѣчто подобное практиковалось у насъ постоянно въ отношеніи нашихъ офицеровъ съ тѣхъ поръ, какъ они стали разговаривать съ нами. Правда, немного у насъ было охотниковъ до этого рода спорта. Но были любители, которые пользовались всякимъ случаемъ встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ для того, чтобы кстати интервьюировать ихъ и позондировать почву насчетъ текущаго момента. Какъ ни осторожны и сдержанны они были, но, конечно, проговаривались. Ихъ собственныя сужденія и взгляды были неинтересны. Но они отражали на себѣ взгляды либо только что вычитанные изъ *своей* газеты, т. е. изъ Новаго Времени, либо вчера привезенные изъ департамента. И то, и другое знать было любопытно.

Сплошь и рядомъ тотъ или другой изъ нихъ скажетъ какое нибудь неожиданное beau mot, которое даетъ намъ забаву на цѣлый день. Когда при Плеве стали насъ подтягивать, а фонъ-Валь не обинуясь изрекъ, что здѣсь должны быть водворены «старые порядки» (т. е. запрещены книги, работы, сношенія и проч.), смотритель Правоторовъ въ одномъ изъ обычныхъ такихъ разговоровъ сдѣлалъ признаніе, что «они стремятся къ *идеалу*», т. е. хотятъ поставить нашу тюрьму на возможно высшую степень тюремнаго, а значитъ, и одиночнаго совершенства. Всякіе, оказывается, бываютъ идеалы! Но въ то же время всякому человѣку, даже и жандарму, свойственно стремленіе къ нему!

Особенно много проговаривались они въ послѣдній годъ насчетъ хода военныхъ дѣйствій. Откровенничать они, все же, не желали, да, можетъ быть, и сами изъ Новаго Времени не могли хорошенько знать о настоящемъ положеніи дѣла, а все таки невольно выдавали правду. Такъ, когда Портъ-Артуръ былъ уже взятъ, Яковлевъ на прямой вопросъ объ этомъ ничего не отвѣтилъ. А когда затѣмъ сталъ объяснять причины военныхъ неудачъ, то спокойно сказалъ:

— «Ничего не подѣлаешь: одинъ только путь, по которому приходится посылать все необходимое для арміи».

Для насъ, ровно ничего не знавшихъ о войнѣ, стало очевидно, что другой путь, т. е. морской, былъ совершенно закрытъ.

XV.

Отношенія наши съ мѣстной администраціей были въ корнѣ фальшивыя. Безсильному и порабощенному вездѣ остается въ удѣлъ только хитрость и скрытность.

Сила была не на нашей сторонѣ, и гдѣ нельзя было взять открытой стычкой, убѣжденіемъ или дипломатіей, приходилось брать хитростью, т. е. продѣлывать за спиной и за глазами все то, что запрещалось дѣлать явно. Любопытно, что многіе изъ нихъ (особенно Гудзь и Обухъ) сами поощряли такую политику и взыскивали только за то, что они *лично* видѣли. «Дѣлай, да не попадайся», было ихъ девизомъ.

Даже прямой какъ палка и тупой какъ бревно Соколовъ, и тотъ, утомившись въ борьбѣ противъ стука, въ концѣ концовъ училъ В. С. Панкратова:

— «Стучи, но чтобъ тебя не видѣли и не слышали!»

Я помню, какъ Обухъ, проходя по корридору не въ свое время, случайно увидалъ меня въ мастерской Вѣры Николаевны, гдѣ мы вмѣстѣ съ нею разводили какую-то краску. Дверь, какъ всегда, была открыта настежь. Гудзь счелъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе по этому поводу, но не за то, что я былъ тамъ, — это онъ не могъ считать преступленіемъ,—а за то, что былъ тамъ *тогда*, когда проходилъ мимо полковникъ. На это наивное разсужденіе можно было только отвѣтить:

— «Вы бы предупредили»...

Обыкновенно и предупреждали. Смотритель предупреждалъ о пришествіи полковника, а полковникъ о пріѣздѣ кого-нибудь изъ Петербурга.

Очевидно на такое поведеніе, практикуемое нами добровольно, во избѣжаніе безплодныхъ и раздражающихъ словопреній, они не могли быть въ претензіи. Гдѣ все сводится къ показной сторонѣ, тамъ только ей и придаютъ значеніе.

Для насъ же самихъ это не казалось надувательствомъ. Всякая правомѣрная и вполнѣ нормальная дѣятельность неизбѣжно становится подпольной, разъ ей ставятъ насильственныя и ничѣмъ не оправдываемыя преграды.

XVI.

Въ свою очередь сами они, несмотря на торжество грубой силы, не находили въ себѣ достаточно физическаго мужества, чтобы опираться только на нее, не считаясь ни съ какими принципами. При всякомъ случаѣ, подъ то или другое распоряженіе свое или департаментское, они старались подвести какое нибудь разумное или этическое основаніе. А такъ какъ такихъ основаній подыскать было не легко, то они выдумывали ихъ и доходили въ изобрѣтеніи лживыхъ доводовъ до самаго откровеннаго безстыдства.

Благодаря этому, вести съ ними какіе-нибудь переговоры и разсужденія было настоящей пыткой. Врали они на каждомъ шагу, врали систематически, врали неумѣло и неумно, какъ артисты, которымъ ухищряться особенно нечего, врали кстати и некстати, по важному дѣлу и безъ всякаго дѣла, старшіе и младшіе, врали по нашему запросу, врали и по собственной иниціативѣ, врали намъ, врали и другъ другу.

Какъ они еще могли существовать и работать вмѣстѣ въ этой атмосферѣ сплошной и безысходной лжи!

Унтеръ иногда откровенно сознавался, какъ онъ совралъ вахмистру; вахмистръ, какъ онъ совралъ смотрителю; смотритель только и дѣлалъ, что водилъ за носъ начальника управленія. А тотъ, разумѣется, оперировалъ подобнымъ же образомъ съ департаментомъ.

Можно представить себѣ послѣ этого, какіе отчеты доставляли они этому учрежденію! И что писалось въ ихъ книгахъ, хозяйственныхъ и иныхъ, шнуровыхъ и скрѣпленныхъ печатями! Можно представить себѣ, что лично передавалось ими въ Петербургѣ, и въ какомъ видѣ они рисовали тамъ и насъ, и нашу жизнь!

Когда кто-то изъ товарищей, возмущенный особенно наглой ложью вахмистра, заявилъ объ этомъ Гудзю, тотъ не смущаясь отвѣтилъ:

— «Если-бы онъ не вралъ, то и не служилъ бы въ жандармахъ»!

Характерно, именно, формальное признаніе этого. Что весь корпусъ жандармовъ пропитанъ лживостью, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался, кто хоть разъ имѣлъ неудовольствіе познакомиться съ нимъ. Недаромъ же онъ пользуется всеобщимъ презрѣніемъ, каковой аттестатъ выдалъ ему даже самъ знаменитый Ренненкампфъ. Даже цѣлая юридическая комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, несмотря на свою бюрократическую лойяльность, принуждена была сознаться, что слѣдствіе, ведомое жандармами, чаще всего «не соотвѣтствуетъ дѣйствительности».

Но всякому, даже лжецу, свойственно прикидываться честнымъ. Здѣсь же цинизмъ полный и оголтѣлый: лжемъ не только по случаю, либо увлеченію, а по принципу. Служба требуетъ постоянной лживости, значитъ ложь составляетъ служебный долгъ, строгое исполненіе котораго гарантируется торжественной присягой, освященной церковью. А этотъ терминъ «служебный долгъ» звучитъ такъ возвышенно и такъ торжественно, что въ умахъ даже и не жандармскаго калибра можетъ смѣло покрывать и затмевать житейскія условности, вродѣ какой-то правдивости, и придавать всему черному и грязному видимость чистоты и невинности.

Что такое правдивость? Что такое «слово благороднаго офицера»? Оно нужно только въ домашнемъ обиходѣ, да и то среди недалекихъ людей. Врагамъ же всегда всѣ лгутъ, начиная съ самого министра иностранныхъ дѣлъ. Что же дѣлать цѣлому корпусу, который непрерывно ведетъ войну и для котораго всякій обыватель всегда можетъ оказаться «врагомъ»?

И чрезвычайно рѣдко случалось, чтобы кто-нибудь изъ нихъ на прямой и неудобный для нихъ вопросъ отвѣтилъ:

«Этого я вамъ не могу сказать», или:

«Отвѣчать на подобный вопросъ мнѣ запрещаетъ моя инструкція». Отвѣтъ почти всегда получался немедленный и всегда лживый. Отвѣчали всегда смотря въ глаза съ наглой откровенностью, безъ малѣйшихъ слѣдовъ смущенія. И когда ложь была очевидная и явная для всякаго младенца, я невольно опускалъ глаза при видѣ такого безстыдства и поскорѣе давалъ понять, что разговоръ послѣ этого считаю поконченнымъ.

Любопытнѣе всего, что и высшіе и низшіе лгуны чаще всего выдвигали на сцену наши собственные интересы: точь въ точь какъ губернаторъ, налагающій veto на земское постановленіе, который никогда не скажетъ, что онъ дѣлаетъ это въ силу негласнаго распоряженія изъ Петербурга, или въ интересахъ своей карьеры, а непремѣнно приплететъ сюда государственныя нужды и пользы. Кажется, не было ни одного запрещенія, дѣлая которое у насъ не ссылались бы на наше собственное душевное спокойствіе или тѣлесное здравіе. Читать романъ или газеты, писать роднымъ или видѣться съ ними, перестукиваться другъ съ другомъ—всего этого нельзя дѣлать, главнымъ образомъ, потому, что все это причиняетъ намъ лишнее безпокойство и волненіе. А топить теплѣе печи, давать намъ кофе, или устроить кузницу — все это разрушительно можетъ повліять на наше здоровье.

Понятно, что всякій лгунъ въ то же время хлопоталъ о томъ, чтобъ мы вѣрили ему на слово. И самый отчаянный и виртуозный изъ нихъ, Яковлевъ, любилъ часто повторять:

— «Слово мое вѣрно».

На этомъ его часто ловили, требуя настойчиво, чтобъ онъ исполнилъ то или другое обѣщаніе, которое у него случайно сорвалось съ языка.

XVII.

Это было самое тяжелое въ нашемъ положеніи съ того времени, какъ всякіе крайніе эксцессы съ ихъ стороны совершенно прекратились. Откровенной грубости и жестокости всякаго сорта можно было дать отпоръ. Откровенная грубость и жестокость по самому существу своему таковы, что моментально вызываютъ рѣзкую вспышку и, значитъ, ведутъ, такъ сказать, дѣло къ прекращенію. Надъ такими натурами, каковы были у насъ, система откровенныхъ репрессій физически не могла долго практиковаться.

Елейное же вранье, ежедневно превращаясь въ новыя и новыя благовидныя формы, вползало всюду гадомъ и вызывало только чувство брезгливости и отвращенія. Какъ ни понятно и ни интенсивно оно было, оно вело къ другимъ болѣе сложнымъ рефлексамъ, чѣмъ явный и безцеремонный гнетъ. А такъ какъ жить, все-таки, было надо, и водить дѣла съ людьми подобной категоріи

было неизбѣжно, то было неизбѣжно таить въ себѣ это чувство, производить надъ собой постоянное нравственное насиліе и обращаться къ людямъ, отъ которыхъ все нутро отворачивалось съ явнымъ омерзеніемъ.

Индивидуальность и здѣсь много значила, и мѣстныя власти могли многое попускать отъ себя. Но попускали они, конечно, съ оглядкой и всегда держали носъ по вѣтру, прислушиваясь къ вѣяніямъ въ высшихъ сферахъ.

Зависимость нашихъ льготъ и вообще порядковъ отъ этихъ вѣяній была такъ велика, что по настроенію мѣстнаго начальства мы довольно точно опредѣляли настроеніе сферъ. Если полковникъ, или смотритель былъ особенно разговорчивъ и любезенъ, мы говорили, что дѣлишки идутъ недурно. Если же тотъ или другой былъ угрюмъ, сердитъ или невнимателенъ, мы заключали, что наши фонды стоятъ плохо.

Нѣкоторые изъ насъ были особенно склонны предаваться иллюзіямъ въ ту или другую сторону и гадать по этимъ «внутренностямъ животныхъ». И какъ ни серьезны и ни внушительны бывали подчасъ эти признаки сами по себѣ, все же злоупотребленіе ими доходило иногда до смѣшного, когда забывалось, что и у нашего начальства, какъ и у всякаго смертнаго, можетъ быть несвареніе желудка, картежный проигрышъ или непріятность съ женой—причины весьма серьезныя для угрюмаго вида, но съ политикой вовсе не связанныя.

Когда не было никакихъ вѣстей съ воли, всѣ наши новости сводились къ посѣщенію кого-нибудь изъ насъ администраціей.

— «Кто былъ, и зачѣмъ?—Что говорилъ, и какъ выглядѣлъ»?

И эти свѣдѣнія давали прочный базисъ для какихъ-нибудь высшихъ заключеній, на которыя никогда не скупилась наша праздная творческая фантазія. И какъ ни курьезны подчасъ были эти заключенія, въ общемъ, мы часто угадывали истину, точно также, какъ угадывало ее и все русское общество, которое, не будучи посвящено въ политику сферъ, тѣмъ не менѣе умѣло улавливать кое-что въ зловѣщемъ молчаніи ихъ. У насъ же при этомъ проницательность постепенно развивалась до виртуозности.

Когда въ жандармскомъ присутствіи идетъ «дознаніе» и ради него ведется праздный разговоръ между опытнымъ и прожженнымъ докой и допрашиваемымъ новичкомъ, каждое слово и каждое сужденіе послѣдняго даетъ матеріалъ въ руки этихъ слѣдователей для соотвѣтствующихъ заключеній.

Къ числу тюремныхъ лишеній, т. е. страданій отрицательнаго характера, присоединялось еще одно неизбѣжное страданіе, положительное, происходящее отъ необходимости сожительствовать въ подчиненныхъ отношеніяхъ съ людьми, каждый разговоръ съ которыми оставлялъ слѣды нравственной тошноты, подчасъ столь же тягостной, какъ и тошнота физическая.

Такова уже участь всѣхъ новаторовъ, что ихъ отдаютъ обыкновенно въ руки распинателей и палачей, т. е, людей вырождаю-

щихся, съ полнымъ отсутствіемъ моральнаго чувства и съ неистощимымъ запасомъ безчеловѣчія.

О нашихъ главныхъ распинателяхъ мы не могли сказать въ извиненіе и оправданіе: «не вѣдятъ бо что творятъ», потому что они прекрасно знали, что дѣло, которое они творятъ, у всѣхъ развитыхъ людей и народовъ называется гнусностью.

Но я долженъ оговориться: преждевременная ли старость, или слишкомъ продолжительное пребываніе въ этой отвратительной атмосферѣ алчности, лжи и насилій, притупили во мнѣ естественное чувство негодованія. И я пишу эти строки безъ должнаго душевнаго трепета, обязательнаго для всякаго здороваго человѣка. А потому я увѣренно могу заявить, что эти строки продиктованы не чувствомъ застарѣлой мести и злобы въ отношеніи людей, которые, какъ ни какъ, были только простыми орудіями, а чувствомъ правдивости, отъ которой больше всего я боюсь уклониться.

XVIII.

„Даже въ лучшихъ людяхъ есть нѣчто отвратительное; и даже лучшій человѣкъ есть нѣчто, что должно преодолѣть“.

Ницше.

Обойти молчаніемъ наши внутреннія отношенія другъ къ другу было бы большимъ опущеніемъ. Входить же въ анализъ ихъ, по самому существу дѣла, чрезвычайно затруднительно и я, признаюсь, совсѣмъ теряюсь передъ этой задачей.

Мы прожили вмѣстѣ полъ жизни, точнѣе—лучшую пору своей жизни. За этотъ долгій, долгій промежутокъ времени можно было пережить очень много. И едва-ли кто будетъ такъ наивенъ, что вообразитъ, будто весь этотъ длинный и тягостный путь былъ усѣянъ только розами взаимной дружбы и взаимныхъ привязанностей.

Многіе совсѣмъ не знали другъ друга ранѣе, сошлись и познакомились въ тюрьмѣ, среди тюремнаго бездѣлья и будничной прозы. Сошлись люди въ самую бурливую пору своей жизни, въ условіяхъ вѣчно раздражающихъ и озлобляющихъ, куда лучъ радости и оживленія почти не заглядывалъ, и гдѣ хмурыя и непривѣтливыя лица можно было встрѣтить чаще, чѣмъ лица, дышащія довѣрчивостью и дружелюбіемъ.

Когда человѣка постоянно терзаютъ невзгоды, и въ душѣ тревожно, больно и раздражительно, отъ какихъ-бы причинъ это ни зависѣло, онъ невольно выражаетъ это и на своемъ лицѣ, которое тогда разучивается отвѣчать съ радушіемъ и улыбаться привѣтливо при встрѣчахъ и обращеніи съ самыми близкими для него товари-

щами. Послѣдніе же, при видѣ хмураго лица, инстинктивно сами хмурятъ брови, даже если собственное самочувствіе у нихъ совершенно удовлетворительно.

Пока мы были молоды и разъединены, мы страстно стремились другъ къ другу. Юность всегда вѣдь общительна, склонна къ сердечнымъ и проч. изліяніямъ, весьма экспансивна и отзывчива, жизнерадостна, довѣрчива и легковѣрна.

XIX.

Поэтому, вначалѣ, пока мы еще сидѣли изолированно, у насъ постоянно были раскрыты братскія объятія, и мы готовы были включить въ нихъ всякаго, кто получилъ себѣ на долю рѣдкое счастье—засѣсть въ Шлиссельбургѣ милостью Плеве, Дурново, или Толстого. *Живого* человѣка мы или не знали вовсе, или знали по тѣмъ дѣловымъ или недѣловымъ встрѣчамъ, которыя среди молодежи обыкновенны, и въ которыхъ люди съ первой встрѣчи сближаются необыкновенно быстро, но и расходятся затѣмъ безъ сокрушенія.

Въ своемъ сосѣдѣ, къ которому мы пылали самой искренней любовью, большею частію мы знали не человѣка, а только политическое или соціальное знамя, стоять подъ которымъ и охранять которое одинаково считали общею честью и общимъ дѣломъ. Но подъ всякимъ знаменемъ можно стоять, ходить, бороться, вообще дѣйствовать, а не сидѣть сложа руки безъ движенія. Мы же обречены были именно на бездѣйствіе.

И если-бы кто зналъ, какъ трудно бездѣйствовать долгое время подъ знаменемъ! Кто нейдетъ впередъ, неминуемо идетъ назадъ. Здѣсь, какъ и на велосипедѣ: нужно или катиться, или падать.

Неудивительно, что знамя, само по себѣ достаточное орудіе для сближенія людей въ активной жизни, не могло служить такимъ орудіемъ въ жизни пассивной.

Въ первые года, пока пассивность этой жизни не была еще вполнѣ оцѣнена нами, и пока отголоски только что смолкшей борьбы звучали у всѣхъ созвучно и одинаково интенсивно, мы жили совмѣстно этимъ недавнимъ прошлымъ. Оно у всѣхъ насъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, было общее и при томъ не только самое дорогое само по себѣ, но и одинаково увѣнчанное ореоломъ смертнаго или каторжнаго приговора. Въ сосѣдѣ чувствовался не только собратъ по оружію, товарищъ по цѣлямъ всей жизни, но и мученикъ за идею, пострадавшій можетъ быть сильнѣе и больше, чѣмъ я самъ, и потому съ моей стороны достойный удивленія и особой симпатіи за ту доблесть и нравственное мужество, съ которымъ все это онъ перенесъ непоколебимо, и котораго не сломили ничѣмъ и до сихъ поръ.

Стойкость въ настоящемъ и прошломъ и вѣрность «святымъ завѣтамъ» юности, которымъ не суждено было восторжествовать,

но которые во всемъ своемъ грозномъ величіи перешли къ слѣдующему поколѣнію, была единственнымъ душевнымъ свойствомъ, при наличности котораго, казалось, дружба обезпечена навѣки, а солидарность упрочена нерушимо.

XX.

Еще задолго до того, какъ мы увидали другъ друга въ лицо, мы собирали свѣдѣнія о всѣхъ сидящихъ съ нами подъ одной крышей, и знали каждый о каждомъ все, что полагалось и считалось достаточнымъ знать, т.-е. что совершилъ, за что судился, въ чемъ обвинялся, какъ допрашивался и какъ защищался. Казалось, всѣ эти данныя, разъ онѣ удовлетворительны, составляли всю сущность человѣка и, при наличности ихъ, все наше сердце открывалось для него и онъ имѣлъ право на наше безграничное расположеніе.

Собирать такія свѣдѣнія посредствомъ стука было крайне затруднительно. Естественно, ограничивались этимъ малымъ и самымъ существеннымъ. Уже значительно позднѣе, и то какъ-нибудь случайно, узнавалось, кто онъ по происхожденію, по профессіи, по образованію и по семейному состоянію.

Соотвѣтственно этому, симпатіи, скопившіяся въ душѣ и не находившія нигдѣ приложенія, щедро разсыпались направо и налѣво. Заочно мы чувствовали себя прочной единой неразрывной семьей, узы которой, казалось, становились еще тѣснѣе отъ общей тягости тюремныхъ узъ. И въ сознаніи этой солидарности мы почерпали громадныя силы для перенесенія нашихъ невзгодъ, которыя каждый несъ и чувствовалъ не только за себя, но и за другихъ, и притомъ какъ бы на глазахъ другихъ.

— «Тяжело... Что за пустяки! Вонъ такой-то чувствительнѣе тебя; онъ потерялъ больше и страдалъ больше тебя, межъ тѣмъ вовсе не охаетъ и не вздыхаетъ, стыдись!..

И чувство стыдливости за легкій приступъ малодушія дѣлало свое дѣло, побѣждало врага и вселяло бодрость и даже умиленіе. «На людяхъ и смерть красна». Въ толпѣ солидарныхъ лицъ всегда вѣдь индивидъ способенъ на нѣчто большее, и нерѣдко можетъ совершенно превзойти себя.

Я упоминалъ уже ранѣе, какое самочувствіе явилось у меня тотчасъ, какъ только меня привели въ новую тюрьму и я почувствовалъ себя въ ней точно въ общежитіи, благодаря одному только присутствію въ однѣхъ стѣнахъ со мной большой толпы товарищей.

XXI.

Это былъ самый лучшій, можно сказать—завидный періодъ нашей внутренней жизни.

Мудрые люди давно думаютъ, что для того, чтобы быть съ людьми въ прекрасныхъ отношеніяхъ, нужно отойти отъ нихъ на

нѣкоторое разстояніе. Издали всѣ неровности и шероховатости сглаживаются, а все непріятное становится менѣе замѣтнымъ.

Мы сидѣли всѣ подъ одной крышей и бокъ-о бокъ. Но такъ какъ были изолированы стѣнами, то были точно вдали другъ отъ друга. А небольшія фразы, которыми обмѣнивались посредствомъ стука, вначалѣ очень рѣдкія, были столь кратки, что если-бы ихъ написать на бумагѣ, получилось бы за цѣлую недѣлю одно письмо— въ родѣ того, какимъ обмѣниваются другъ съ другомъ добрые знакомые, разъединенные сотнями верстъ.

Отрѣзанные отъ всего живого, мы были *всѣмъ* другъ для друга. Всякій изъ насъ оставилъ на волѣ одного или нѣсколькихъ лицъ, которыхъ онъ любилъ больше всего на свѣтѣ... Какъ ни свѣжа еще была разлука, эта разлука была на вѣки. За исключеніемъ двухъ товарищей, сроки всѣхъ превышали 10 лѣтъ. А это—такой промежутокъ, въ теченіи котораго чрезвычайно легко утратить всѣхъ близкихъ лицъ. Добрая же половина состояла изъ безсрочныхъ, которымъ иной департаментскій законникъ откровенно говорилъ:

— «Вы приговорены безъ срока? Ну, и сидѣть будете безъ срока!»

У каждаго почти въ душѣ была рана, требующая долгаго врачеванія и нѣжнаго прикосновенія. У каждаго почти былъ уголокъ въ душѣ, особенно чувствительный ко всякаго рода взаимности и теперь совершенно праздный.

У каждаго изъ насъ, сверхъ того, было не только любящее сердце въ широкомъ смыслѣ, но и вообще натура эмоціональная, склонная къ чувствительности, и необыкновенно отзывчивая. Только прокуроры въ цѣляхъ своей карьеры и согласно своей профессіи расписывали насъ извергами, бездушными «исчадіями», лишенными всѣхъ нормальныхъ сердечныхъ движеній, свойственныхъ человѣку въ футлярѣ, никогда не мечтавшему ни о государственныхъ переворотахъ, ни о нарушеніи прописной морали. Чувствительность у каждаго было молодая и чуткая. Разочарованій мы почти незнали. А холодный скепсисъ, удѣлъ старости, еще не зарождался подъ нашими черепами.

Поэтому, какъ нельзя болѣе естественно было перенести всѣ освободившіяся симпатіи на своихъ случайныхъ спутниковъ подневольной жизни, которые отнынѣ и, можетъ быть, навсегда должны замѣнить для меня и родителей, и братьевъ, и сестеръ, и друзей, и ближнихъ и дальнихъ, и родину и человѣчество.

Время была ничѣмъ не занято. Политическія чувства, недавно еще составлявшія преобладающій тонъ жизни, отошли на задній планъ за ненадобностью. Оставалось немножко размышлять, немножко мечтать и сантиментальничать.

Соотвѣтственно такому состоянію, мы всѣ вдругъ прозрѣли поэтическими очами и стали писать стихи. Даже я, никогда не умѣвшій связать и пары строкъ въ рифму, теперь обрѣлъ въ себѣ поэтическій даръ и рифмовалъ не хуже другихъ. Можно сказать,

только лѣнивый не писалъ стиховъ. На Парнасѣ бывали почти всѣ. Даже болѣе: Парнасъ сдѣлался мѣстомъ, куда лазили на спортъ, изъ ухарства и соревнованія, шутя и зубоскаля и всячески забавляясь.

Въ стихахъ мы изливали избытки чувствъ, оставшихся безъ употребленія, стихами утишали сердечныя боли, свои и своихъ сосѣдей и друзей, посвящали ихъ другъ другу, даже дебатировали и полемизировали ими, и вообще разряжали атмосферу, черезчуръ пересыщенную эмоціями. Въ стихахъ разсказывались воспоминанія, стихами воспроизводилось прошлое, стихами же отзывались и на злобу дня. А такъ какъ эта злоба была очень мизерная, то цвѣты поэзіи, которыми старались подкрасить ее, принимали особый пикантный характеръ, возмущавшій иногда поклонниковъ стараго искусства, недопускавшихъ его профанаціи. Когда напр. послѣ долгой голодухи въ наше меню впервые проникла такая рѣдкость, какъ макароны, одинъ поэтъ сложилъ въ честь ихъ прочувствованное стихотвореніе, которое начиналось такъ:

О благодѣтельныя власти,
Какія вы даете сласти.

XXII.

Присутствіе дамъ въ нашей средѣ еще больше насыщало атмосферу сантиментами и вносило въ нее особый оттѣнокъ нѣжности, неизбѣжно проявляющійся всюду, гдѣ есть дѣти и женщины. И одна Людмила Александровна, доброе сердце которой у всѣхъ насъ было притчей въ языцѣхъ, навѣрное унесла въ могилу отъ этой эпохи огромную коллекцію сувенировъ, связанныхъ съ этимъ напоромъ чувствъ, неимѣвшихъ примѣненія и также безсильно бившихся въ судорогахъ неволи, какъ безсильно билась и наша мысль, запертая въ клѣтку и лишенная самыхъ элементарныхъ средствъ для продуктивной и бодрой дѣятельности.

«Быль молодцу не укоръ». Къ тому же теперь вѣдь это уже давно минувшіе дни. А потому можно спокойно сознаться, что въ отношеніи дамъ чувства у насъ были нѣсколько особаго характера, чѣмъ въ отношеніи другъ друга. Мы были хоть и въ могилѣ, но всетаки живыми людьми. А живому человѣку, особенно молодому, свойственны и соотвѣтствующія волненія. Напротивъ, было-бы совершенно противоестественно, если-бы оставаясь всю жизнь подъ одной крышей, ежедневно чувствуя присутствіе женщины, а потомъ и видя ее, мы оставались холодны, какъ трупъ, и невозмутимы, какъ истуканъ.

И кто знаетъ? Не было ли у правительства, посадившаго въ одну тюрьму мужчинъ и женщинъ на режимъ одиночества, спеціальныхъ цѣлей внести въ эту тюрьму новый родъ мученій, еще не испытанныхъ древностью и неизвѣстныхъ въ арсеналѣ инквизиціи?

Въ среду мужчинъ такое отношеніе къ дамамъ вносило нѣкоторый оттѣнокъ соперничества, которое иногда проявлялось въ формахъ не вполнѣ корректныхъ и принесло всѣмъ намъ не мало горькихъ минутъ. Но было бы грубой ошибкой отнести, какъ самое соперничество, такъ и слѣдствія, вытекавшія изъ него, исключительно насчетъ половыхъ отношеній. Когда вся жизнь течетъ ненормально, неизбѣжны въ ней и ненормальныя чувства, и горькія минуты. И весьма вѣроятно, что и въ томъ случаѣ, если бы въ нашей средѣ дамъ вовсе не было, намъ суждено было пережить много совершенно аналогичныхъ настроеній и волненій, которыя развились бы тогда на какой-нибудь другой почвѣ.

Что же касается самихъ дамъ, то можно легко вообразить, что избытокъ преклоненія и нѣжныхъ чувствъ, которыми ихъ окружали, доводилъ ихъ до раздраженія и вызывалъ чувство досады чаще, чѣмъ всякое другое. Всякое изилишество всегда приноситъ горькіе плоды. Но касаться этой стороны я совершенно не вправѣ, да къ тому же и общественнаго интереса она вовсе не представляетъ.

XXIII.

Я уже упоминалъ, какую роль сыгралъ этотъ избытокъ соціальныхъ и альтруистическихъ чувствъ и связанное съ ними стремленіе другъ къ другу въ разрушеніи всяческихъ преградъ ко взаимнымъ сношеніямъ.

Но когда преграды всѣ были сломлены, наши чувства совершенно неожиданно для насъ потерпѣли крушеніе и даже сдѣлали эволюцію совсѣмъ въ обратную сторону.

Прежде мы знали одно только имя, или человѣка подъ знаменемъ. Прежде политическое въ товарищѣ заслоняло передъ глазами всѣ остальныя его свойства. Мы знали его съ одной только стороны. Все остальное какъ бы само собой подразумѣвалось.

Но этотъ періодъ скоро прошелъ. При личныхъ встрѣчахъ мы узнали другъ въ другѣ живого человѣка, который, какъ это постоянно бываетъ, не походилъ на воображаемаго, узнали тогда, когда ореолъ прошлаго значительно поблекъ, когда чувства окружавшія его, были изжиты и замѣтно остыли, и когда текущая жизнь постоянно подсовывала намъ мелочи житейскаго обихода, къ совмѣстному веденію и рѣшенію которыхъ мы были вовсе не подготовлены ни личнымъ опытомъ, ни живыми примѣрами.

Когда въ этихъ будничныхъ рамкахъ мы увидали живого человѣка, казавшагося еще вчера чуть не вершителемъ судьбы Россіи, мы были поражены крайней неожиданностью и глубоко разочарованы. Между тѣмъ будничныя рамки отнынѣ были постоянными рамками для нашихъ душевныхъ проявленій, въ которыхъ, естественно, не могло оказаться ничего ни великаго, ни возвышеннаго. И отнынѣ, какъ бы вздорны и мелочны ни были и эти рамки, и эти душевныя движенія, они должны были неминуемо составлять все содержаніе нашей жизни...

Чрезвычайно рѣдко бываютъ люди,—если только они бываютъ,—гармонически развитые, у которыхъ одни чувства не погашали бы и не заглушали другихъ, или одно и то же чувство одинаково проявлялось во всѣ возрасты и при всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Люди находчивые въ исключительныхъ и необыкновенныхъ обстоятельствахъ теряются передъ пустыми задачами повседневной жизни. И наоборотъ: прекрасно лавирующіе среди этихъ послѣднихъ совсѣмъ теряютъ голову въ рѣшительныя минуты. Люди мужественные до самопожертвованія бываютъ боязливы передъ какой-нибудь ничтожной житейской непріятностью. Люди, способные отказаться отъ всѣхъ житейскихъ соблазновъ и утѣхъ, неспособны пожертвовать ничтожной мелочью или блестящей бездѣлушкой, которая въ данную минуту овладѣла ихъ воображеніемъ. И наоборотъ: чрезвычайно добрые и уступчивые въ мелочахъ тотчасъ становятся скупы и расчетливы, какъ только нужно бываетъ поступиться чѣмъ-нибудь посерьезнѣе.

XXIV.

Эти простыя и повседневныя истины, прекрасно извѣстныя каждому изъ житейскаго опыта, были совершенно неизвѣстны намъ, младенцамъ въ практикѣ жизни, когда свои возвышенныя мечты пришлось намъ прилагать къ житейской дѣйствительности и провѣрять ихъ на ней. Всякая другая, болѣе сложная и серьезная дѣйствительность могла легко вынести эту провѣрку: мы всѣ доказали, что на серьезныя-то вещи мы способны.

Наша же дѣйствительность была не только не серьезна, но и гнетуща, и не только гнетуща, но и сплошь неестественна. Уже не говорю о томъ, что дамы у насъ носили навозъ въ носилкахъ и рубили топоромъ, а мужчины шили, вязали иглой и стряпали. Это, конечно, пустяки и привожу ихъ только ради курьеза. Нѣтъ неестественность была совсѣмъ другого сорта. Всякое общее дѣло, какъ бы оно ни было ничтожно, для своего успѣха требовало общественнаго рѣшенія и общественнаго осуществленія. Мы же составляли, такъ сказать, общество въ идеѣ, а не въ натурѣ, потому что въ натурѣ мы все время были разъединены и считали верхомъ свободы, если 6 человѣкъ могли сойтись вмѣстѣ обсуждать свои дѣла и, порѣшивши на чемъ-нибудь, уступить это мѣсто для другой шестерки, которая могла рѣшить то же дѣло, какъ разъ наоборотъ.

Благодаря этому, невозможно было ни убѣждать другъ друга, ни уяснять положеніе вещей. Благодаря этому неизбѣжны были ложные шаги, сомнительные опыты и вѣчныя недоразумѣнія, связанныя со взаимными непріятностями. А такъ какъ народъ у насъ былъ по природѣ горячій,—одиночка же не только не располагала къ сдержанности, а напротивъ отучала отъ нея и держала всѣхъ въ состояніи хроническаго раздраженія,—то при всякомъ взаимномъ

столкновенiи горячность переходила въ рѣзкость, вызывала соотвѣтствующiй откликъ съ другой стороны, обостряла неудовольствiя и порождала вѣчныя размолвки и вѣчные «инциденты».

Притомъ же каждый, живя постоянно съ глазу на глазъ со своимъ *я*, привыкши къ самоуглубленiю и самосозерцанiю, совершенно утратилъ способность входить въ нужды и чувства другихъ, быть внимательнымъ къ нимъ и дѣлать необходимыя уступки, вызываемыя всякимъ общежитiемъ. Вслѣдствiе этого получался тотъ постоянный диссонансъ, съ очень серьезными дефектами, который ставилъ иногда нашу тюрьму на одинъ уровень съ домомъ умалишенныхъ. И жаль, что не было въ то время у насъ психiатра, который позондировалъ бы у всякаго подъ черепомъ и вообще въ центральной нервной системѣ!

XXV.

Кто самъ живалъ или слыхалъ о жизни политическихъ ссыльныхъ или эмигрантовъ, и русскихъ и иностранныхъ, тому покажется все это въ порядкѣ вещей. Что подобныя исторiи—въ порядкѣ вещей и во всякой другой соцiальной сферѣ, объ этомъ я ужъ лучше умолчу. Онѣ тамъ меньше замѣтны лишь потому, что каждому открывается полный просторъ—перемѣнить и мѣсто, и лицъ, и самую арену дѣятельности во всякую нужную минуту и даже заблаговременно.

Но надо быть справедливымъ: мы имѣли въ свою пользу больше извиняющихъ обстоятельствъ, чѣмъ кто бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. И безнадежность положенiя, и болѣзненная нервность, требующая чисто психiатрическаго ухода, и наконецъ полная невозможность выпрыгнуть изъ тѣсной навязанной обстановки, перемѣнить хоть на короткое время и ее, и надоѣвшiя до отупѣнiя лица,—все это свойственно было только намъ, и въ полной мѣрѣ исключительно намъ. Были ли у насъ натуры исключительныя и героическiя, объ этомъ не намъ судить. Но если бы и такъ, наивно думать, что такимъ натурамъ не свойственны слабости обыкновенныхъ смертныхъ.

Нужно сказать еще, что наиболѣе печальные спутники, порхавшiе вокругъ нашего «общежитiя», относились къ тому времени, когда мы только что приступили съ неумѣлыми руками къ организацiи нашей промышленной и вообще хозяйственной жизни, и приступили въ самый неудобный для насъ моментъ: нѣкоторые способы ко взаимному общенiю были уже дозволены намъ, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это нужно было для дѣла, хотя въ совершенно достаточныхъ размѣрахъ для нанесенiя словесныхъ обидъ и огорченiй.

Позднѣе, когда мы свое имущество и свои владѣнiя такъ или иначе подѣлили и пользованiе ими урегулировали, когда сношенiя наши расширились и стали почти безпрепятственными (за исклю-

ченіемъ *общихъ* собраній, которыя никогда не допускались) и когда мы узнали другъ друга во всѣхъ подробностяхъ, наши взаимныя столкновенія почти совершенно исчезли. Шероховатости сгладились. Каждаго каждый зналъ въ натурѣ, а не въ заоблачной фантазіи, бралъ его какъ онъ есть, со всѣми достоинствами и недостатками, и имѣлъ съ нимъ дѣло постольку, поскольку симпатизировалъ однимъ и брезговалъ другими. А затѣмъ старался обходить всѣ подводные камни, близъ которыхъ въ прошлые годы случались какія нибудь аваріи.

Съ возрастомъ мы немного поумнѣли и поостыли. Кипѣніе въ крови, если и происходило, то не столь бурное. Привыкли смотрѣть на многія вещи трезво, и естественно увидали то, что и должны были увидать, т. е., что наши товарищи по счастью и несчастью— не простыя заурядныя натуры, которыми легко и смѣло можно пренебречь въ случаѣ сосѣдскихъ неудовольствій, а люди во всѣхъ отношеніяхъ весьма богато одаренные, общеніе съ которыми не только неизбѣжно въ силу подневольныхъ условій, но и вполнѣ желательно и пріятно само по себѣ.

Въ то же время, благодаря привычкѣ быть постоянно на людяхъ, такъ какъ многіе лѣтомъ почти цѣлые дни проводили въ компаніи 3—5 лицъ, составъ которыхъ постоянно мѣнялся,—главные недостатки, нажитые одиночкой, сгладились или исчезли, и наши взаимоотношенія вошли почти въ нормальную колею.

XXVI.

Въ годы общественныхъ начинаній, когда наша общественность зарождалась и ей никакъ неудавалось родиться, рѣдкій изъ насъ послѣ какихъ-нибудь особенно громкихъ выступленій, сопровождавшихся „инцидентами“, не забирался опять въ свою скорлупу, гдѣ онъ чувствовалъ себя анахоретомъ и мизантропомъ.

Но время проходило и брало свое: уязвленія рубцевались, заживали и забывались, и вчерашній анахоретъ, взывавшій къ небесамъ о томъ, чтобы они обрушились на грѣшную землю, опять являлся міру и становился болѣе или менѣе частымъ и, конечно, желаннымъ гостемъ „толкучки“, потому что толкучка всегда была бѣдна людьми.

Бывало это и со мной лично. Впрочемъ самъ я вообще проводилъ болѣе или менѣе замкнутую жизнь. Благодаря большей сдержанности и уравновѣшанности характера, я, можетъ быть, рѣже входилъ въ конфликты и потому менѣе другихъ вынесъ «дружескихъ» репримандовъ. Да, наконецъ, гдѣ и какая жизнь совершенно обходится безъ нихъ?

Какъ и всякій другой, съ однимъ я былъ болѣе близокъ, чаще встрѣчался, разсуждалъ, спорилъ и откровенничалъ, чѣмъ съ другими. Но всегда чувствовалъ, что настоящее сближеніе между людьми можетъ развиться и упрочиться только на какомъ-нибудь общемъ

дѣлѣ, постоянно поддерживающемъ и закрѣпляющемъ общность чувствъ, идей и симпатій.

А именно дѣла-то этого у насъ и не было, и его-то жаждали мы больше всего и упорнѣе всего.

XXVII.

Въ концѣ же концовъ, мы, какъ водится, тѣсно сжились другъ съ другомъ и разстались добрыми товарищами. Особенно этому помогли послѣдніе $2^1/_2$ года, когда мы опять вступили въ эру репрессій и намъ угрожала не только безнадежность, которую явно стали подчеркивать («выходъ отсюда зависитъ де отъ васъ самихъ, и *только* отъ васъ»), но и новый циклъ страданій, о которыхъ мы давно уже успѣли забыть, а заботливое начальство успѣло вспомнить и вздыхало о нихъ съ сожалѣніемъ, обѣщая вернуть ихъ обратно.

И вообще слишкомъ ощутительно и постоянно было давленіе, подъ которымъ мы жили. Оно невольно сплачивало насъ независимо отъ мимолетныхъ и преходящихъ огорченій.

И мы вышли дружеской семьей, съ чувствами сердечной пріязни другъ къ другу, и въ тѣмъ болѣе приподнятомъ настроеніи, что выходили мы, старики, всѣ сразу, и не имѣли несчастья пережить муки выходившихъ ранѣе насъ, которые покидали въ тюрьмѣ всѣхъ старыхъ товарищей и потому не могли радоваться свободѣ, ожидающей только ихъ лично.

Нашъ возрастъ уже не таковъ, чтобъ давать мѣсто изліяніямъ и экспансивности. Но, быть можетъ, я не ошибусь, если сдѣлаю обобщеніе и скажу за всѣхъ, что мы разстались другъ съ другомъ въ Петропавловской крѣпости не безъ истинной грусти, сознавая, что разстаемся, быть можетъ, на вѣки. Чувствовалось, что предъ каждымъ открывается совершенно новая жизнь, сложная и богатая необычайнымъ обиліемъ впечатлѣній, сулящая новыя связи и новыя дружескія отношенія, за которыми старыя совершенно поблекнутъ и станутъ только предметомъ досужихъ и рѣдкихъ воспоминаній.

Выборгъ,
Іюль 1906 г.

М. Новорусскій.

Ученый Комитетъ и Бѣлинскій.

Въ настоящее время, когда повсюду происходитъ повидимому генеральная переоцѣнка всѣхъ общественныхъ цѣнностей, понятій и величинъ, представляется вполнѣ своевременнымъ вытаскивать „за ушко да на солнышко“ тѣ или другіе замѣчательные, возведенные въ перлъ созданія, результаты дѣятельности отъ начальства поставленныхъ надъ наукой и литературой опекунскихъ учрежденій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пріѣхавъ въ Пензу для участія въ чествованіи великаго русскаго критика В. Г. Бѣлинскаго, я случайно познакомился съ вышедшей въ Пензѣ книжкой И. Ф. Кузьмина—„Пензенская губернія“. Составитель книжки—учитель двухкласснаго сельскаго училища, а самая книжка представляетъ собой нѣчто среднее между сборникомъ и мѣстнымъ альманахомъ, такъ какъ говоритъ и о географіи мѣстности, даже съ задачами для учениковъ, и о дѣланіи стекла и мыла, и объ исторіи края, и о замѣчательныхъ его уроженцахъ.

Просматривая книжку, я былъ крайне изумленъ, увидя, что о Бѣлинскомъ составитель книжки счелъ возможнымъ сказать только въ подстрочномъ примѣчаніи по поводу письма Буслаева (стр. 89) и притомъ буквально только слѣдующее: „Висс. Григ. Бѣлинскій (род. въ 1811 году, умеръ въ 1848 году) былъ сынъ чембарскаго уѣзднаго врача, учился сначала въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ пензенской гимназіи. Когда Буслаевъ поступилъ въ первый классъ гимназіи, прежній учитель русскаго языка выбылъ, а новаго опредѣлить не успѣли. Тогда на нѣсколько мѣсяцевъ гимназическое начальство поручило обучать учениковъ гимназисту Бѣлинскому, который уже кончилъ курсъ въ это время, но оставался въ Пензѣ, потому что не имѣлъ средствъ ѣхать въ Москву, гдѣ намѣревался поступить въ университетъ“. Выходило, что Бѣлинскій только тѣмъ и былъ замѣчателенъ, что ловко подвернулся начальству для обученія гимназистовъ русскому языку.

Я рѣшилъ изслѣдовать корень вещей—и наконецъ мнѣ удалось получить документъ, все объяснившій. Оказалось, что бѣдный альманахъ въ свое время поступалъ на просмотръ Особаго Отдѣла такъ называемаго Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія—и, разсмотрѣвъ этотъ альманахъ въ засѣданіи 27 мая 1894 г., Особый Комитетъ постановилъ о Бѣлинскомъ такой приговоръ, что еслибъ составитель книжки былъ болѣе пугливаго нрава, Бѣлинскій не попалъ бы и въ подстрочное примѣчаніе.

Приговоръ особаго отдѣла „ученаго комитета“ о Бѣлинскомъ занесенъ въ журналъ отдѣла 27 мая 1894, № 903, ст. XIII. Указавъ на нѣкоторыя „неточности“, „необстоятельности“ и т. п. въ разныхъ мѣстахъ альманаха, особый отдѣлъ не считаетъ этихъ замѣчаній „важными“, а переходя къ Бѣлинскому, говоритъ буквально слѣдующее:

„Но вотъ два замѣчанія болѣе важныя: первое касается рѣчи автора на стр. 140 объ извѣстномъ Бѣлинскомъ. Дѣлая отзывъ объ этомъ писателѣ, г. Кузьминъ ограничивается только слѣдующей характеристикой: „Бѣлинскій оставилъ послѣ себя 12 томовъ сочиненій, въ которыхъ содержится много умныхъ разсужденій и прекрасныхъ мыслей о разныхъ предметахъ“. Вѣдь это—рекомендація книги для учениковъ,—между тѣмъ сохрани богъ нашу школу и неопытную юность отъ соприкосновенія съ Бѣлинскимъ! Въ послѣдній и самый шумный періодъ своей дѣятельности это былъ завзятый проповѣдникъ невѣрія и грубаго матеріализма, невидѣвшій ничего добраго въ Россіи и ждавшій спасенія для нея отъ всесвѣтной революціи. Конечно, полная крайность такого рода воззрѣній и вожделѣній не могла найти себѣ мѣста въ тѣхъ 12 томахъ его сочиненій, о которыхъ говоритъ авторъ разсматриваемой рукописи и которые прошли сквозь цензуру. Чтобы понимать Бѣлинскаго и судить о немъ, надобно заглянуть въ другіе памятники его литературной дѣятельности, въ его переписку съ друзьями и между прочимъ въ знаменитое письмо его къ Гоголю. Тутъ Бѣлинскій обнаруживается весь, какъ онъ есть и былъ. Да и въ тѣхъ 12 томахъ, о которыхъ сдѣлалъ такой лестный отзывъ г. Кузьминъ, не мало содержится непригоднаго для молодого незрѣлаго читателя. Достаточно вспомнить хоть то мѣсто его критики сочиненій Пушкина, гдѣ онъ изрыгаетъ хулу на прекрасный образъ Татьяны за ея въ высшей степени чистыя отношенія къ Онѣгину. Кажется, что, если говорить о Бѣлинскомъ въ такомъ краткомъ трудѣ, какъ разсматриваемый теперь трудъ г. Кузьмина, назначенный притомъ для школъ низшихъ, то достаточно ограничиться упоминаніемъ лишь о томъ, что Бѣлинскій родился тамъ то и тогда то, а еще лучше вовсе о немъ не упоминать“. Затѣмъ особый отдѣлъ дѣлаетъ свое второе „замѣчаніе“ объ упомянутомъ въ рукописи Огаревѣ: „Объ этомъ дѣятелѣ нельзя совсѣмъ говорить въ книгѣ, которую будутъ читать ученики“.

На подлинномъ журналѣ тогдашній товарищъ министра князь Волконскій 20 іюля 1894 г. сдѣлалъ собственноручную надпись: „Согласенъ“.

Въ этомъ приговорѣ все—начиная съ тона, которымъ написанъ журналъ, продолжая специфическими выраженіями и пріемами и кончая резолюціей товарища министра—все такъ характерно, что комментаріи становятся совершенно излишними.

Вотъ какимъ лицамъ и учрежденіямъ ввѣрялась опека надъ наукой и литературой великаго русскаго народа!

Анатолій Кремлевъ.

Семья декабристовъ.

(*Окончаніе* [1]).

VIII.

Александръ Раевскій жилъ эти годы въ Одессѣ, куда въ серединѣ 1823 г. переѣхалъ и Пушкинъ. Они прожили здѣсь вмѣстѣ годъ въ тѣснѣйшей дружбѣ, если только можно назвать дружбой взаимное тяготѣніе двухъ противоположныхъ натуръ. Раевскій заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе.

Одинъ изъ людей, знавшихъ его въ тѣ годы, говоритъ: „Этотъ Раевскій дѣйствительно имѣлъ въ себѣ что-то такое, что придавливало душу другихъ. Сила его обаянія заключалась въ рѣзкомъ и язвительномъ отрицаніи“. Другой—Вигель, ненавидѣвшій его страстно и глубоко, какъ только и можетъ человѣкъ ненавидѣть самого себя въ своемъ прообразѣ,—называетъ его адскимъ смѣшеніемъ самолюбія, коварства и злобы, говоритъ о его презрѣніи къ людямъ и глубочайшемъ эгоизмѣ, о его твердомъ умѣ, лишенномъ благородства. И даже родной отецъ, этотъ прекрасный, цѣльный и умный человѣкъ, нѣжно любившій всѣхъ своихъ дѣтей, съ болью свидѣтельствовалъ, что у Александра — „холодное, себялюбивое сердце“. Вотъ отрывокъ изъ его письма къ старшей дочери, писаннаго въ 1820 году: „Съ Александромъ живу въ мирѣ,—но какъ онъ холоденъ! Я ищу въ немъ проявленія любви, чувствительности, и не нахожу ихъ. Онъ не разсуждаетъ, а споритъ, и чѣмъ болѣе онъ неправъ, тѣмъ его тонъ становится непріятнѣе, даже до грубости. Мы условились съ нимъ никогда не вступать ни въ споры, ни въ отвлеченную бесѣду. Не то, чтобы я былъ имъ недоволенъ, но я не вижу съ его стороны сердечнаго отношенія. Что дѣлать! таковъ ужъ его характеръ, и нельзя ставить ему это въ вину. У него умъ на изнанку; онъ философствуетъ о вещахъ, которыхъ не понимаетъ, и такъ мудритъ, что вся-

[1]) См. Былое, октябрь.

кій смыслъ испаряется. То-же самое съ чувствомъ: онъ очень любитъ Николашку [1]) и безпрестанно его цѣлуетъ, но онъ такъ-же любилъ и цѣловалъ Аттилу [2]). Отъ него зависитъ, чтобы я его полюбилъ или, вѣрнѣе, чтобы я открылъ ему мою любовь. Я думаю, что онъ не вѣритъ въ любовь, такъ какъ самъ ея не испытываетъ, и не старается ее внушить. Я дѣлаю для него все, когда только есть случай, но я скрываю чувство, которое побуждаетъ меня къ этому, потому что онъ равнодушно принимаетъ все, что бы я ни дѣлалъ для него. Я не сержусь на него за это. Дѣлай и ты такъ, Катенька; онъ тебя любитъ настолько, насколько способенъ любить. Говорю тебѣ это для того, чтобы тебѣ не пришлось страдать отъ ошибки, тягостной для нѣжнаго сердца. Николай будетъ, можетъ быть, легкомысленъ, надѣлаетъ много глупостей и ошибокъ; но онъ способенъ на порывъ, на дружбу, на жертву, на великодушіе. Часто одно слово искупаетъ сто грѣховъ".—Въ этомъ портретѣ недостаетъ одной существенней черты: старикъ не могъ знать того сарказма, которымъ обычно дышала рѣчь Александра,—для этого онъ слишкомъ импонировалъ сыну. Но вотъ двѣ мимоходомъ брошенныхъ замѣтки, которыя дополняютъ портретъ. Въ 1823 году Орловъ пишетъ А. Н. Раевскому изъ Москвы: „Я не видѣлъ здѣсь никого, кромѣ моихъ родныхъ, и всѣ мои сношенія съ ними представляли собою одно непрерывное изліяніе нѣжныхъ чувствъ—вещь, я знаю, тошнотворная для твоего стоическаго сердца"; а въ 1841 г. тотъ-же Орловъ пишетъ женѣ, что только-что былъ съ Эвансомъ у Александра и что его дѣвочкѣ лучше: „Онъ осыпалъ насъ обоихъ сарказмами; это хорошій знакъ: если къ нему вернулись его сарказмы, это показываетъ, что къ его дочкѣ возвращается здоровье".

Любопытно, что этотъ другъ Пушкина и прототипъ пушкинскаго „Демона" и наружностью удивительно походилъ на того гетевскаго друга Мёрка, который послужилъ моделью для Мефистофеля: онъ былъ высокъ и худъ, почти костлявъ, съ небольшой головой, длиннымъ и острымъ носомъ, очень широкимъ съ тонкими губами ртомъ и маленькими изжелта-карими глазами, которые блестѣли сквозь очки наблюдательнымъ и слегка насмѣшливымъ взглядомъ; „онъ всегда,—прибавляетъ очевидецъ,—(я думаю, даже когда спалъ) сохранялъ саркастическое выраженіе" [3]).

Раевскій былъ, конечно, очень уменъ. Пушкинъ, послѣ перваго сближенія съ нимъ на Кавказѣ, писалъ о немъ, что онъ будетъ „болѣе, нежели извѣстенъ", а на словахъ, какъ передавали слышавшіе, выражался еще рѣшительнѣе: „при тогдаш-

---

[1]) Ребенокъ-черкесъ, пріемышъ А. Н. Раевскаго, который вывезъ его 3-хъ лѣтъ раненаго съ Кавказа и на колѣняхъ привезъ въ Кіевъ.

[2]) Собака.

[3]) *Рус. Стар.* 1899 май, 241.

немъ всеобщемъ ожиданіи политическихъ перемѣнъ во всѣхъ углахъ Европы, Пушкинъ говорилъ объ А. Раевскомъ, какъ о человѣкѣ, которому предназначено, можетъ быть, управлять ходомъ весьма важныхъ событій" [1]). Это былъ ясный, холодный и твердый умъ, гордый и независимый, казавшійся на первый взглядъ непобѣдимымъ Его сила заключалась въ необыкновенной остротѣ взгляда, съ которою онъ подмѣчалъ ирраціональное: никакое противорѣчіе, никакая туманность мысли, никакой капризъ воли не ускользалъ отъ него, онъ мгновенно вскрывалъ невинную хитрость бѣдной души человѣческой и безжалостно казнилъ ея самообманъ однимъ словомъ, одной язвительной насмѣшкой. Онъ не зналъ иллюзій, былъ недоступенъ имъ и по злому инстинкту неутомимо охотился за ними въ другихъ. И такъ какъ всякое чувство—иллюзія и капризъ, то передъ его взоромъ не могло уцѣлѣть ни одно нравственное чувство: онъ обдавалъ холодомъ энтузіазмъ и шутя показывалъ элементарный эгоизмъ на днѣ всякаго благородства. Пушкинъ такъ изображаетъ Раевскаго-демона:

Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Но умъ, лишенный способности чувствовать силу и красоту ирраціональнаго въ мірѣ, — плоскій и скудный умъ, и таковъ, при всей своей остротѣ, былъ умъ Раевскаго. Высшія сферы человѣческаго духа были для него закрыты. Вигель говоритъ по поводу его отношеній къ Пушкину: „поэзія была ему дѣло вовсе чуждое, равномѣрно и нѣжныя чувства, въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣшное сумасбродство". Это подтверждается документально. Извѣстно, что первая пѣснь „Онѣгина" не понравилась Раевскому: онъ ждалъ отъ нея романтизма и, по выраженію Пушкина, „порядочно не расчухалъ". Въ мартѣ 1825 года, когда онъ страдалъ безсонницей, сестра прислала ему для развлеченія рукопись „Горе отъ ума" (онъ былъ пріятель съ Грибоѣдовымъ), и вотъ что онъ писалъ ей затѣмъ: „Твоя глупая пьеса, которую я читалъ всю эту ночь, отвратительна во всѣхъ отношеніяхъ; двѣ-три мѣткія черты не составляютъ картины и не могутъ искупить ни отсутствіе плана, ни нелѣпость характеровъ, ни жесткость и безпорядочность версификаціи, достойной Тредьяковскаго. Меня всегда удивляетъ, какъ Грибоѣдовъ, съ его острымъ умомъ, становится тяжелъ и нелѣпъ, лишь только возьметъ въ руки перо".

---

[1]) Анненковъ, *А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху*, В. Евр 1874 янв., 8.

Въ атмосферу этого-то ума, какъ раскаленное желѣзо въ холодную воду, погрузился Пушкинъ. Это были два человѣческихъ типа въ необыкновенно яркихъ проявленіяхъ, двѣ противоположныя нравственныя стихіи: наивысшая полнота переживаній — и скудость разсудочной мысли, нераздѣльность порыва—и чувство, парализованное въ корнѣ, наивное ясновидѣніе—и жалкая проницательность разсудка. Но глубокая мудрость Пушкина была безоружна, какъ голый ребенокъ, а трезвый умъ Раевскаго былъ вооруженъ всѣмъ оружіемъ логики; и случилось то, что всегда случается въ такихъ случаяхъ: умный покорилъ мудраго, и какъ всегда—на минуту. Пушкинъ ясно говоритъ:

Но, *одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,*
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ.

Иначе и не могло быть. На сторонѣ Раевскаго были два великихъ преимущества: первое—та непоколебимая увѣренность, которая всегда присуща абсолютному скептицизму; эта увѣренность сообщала его отрицанію неотразимую убѣдительность, его сарказму—страшную остроту. Второе—то, что та стихія, которой Раевскій былъ олицетвореніемъ, жила и въ самомъ Пушкинѣ. Потому что холодная разсчетливость ума присуща поэту даже въ большей степени, чѣмъ среднимъ людямъ: безъ нея какъ могъ-бы онъ мѣрить, отбрасывать, шлифовать формы? Она обуздана въ немъ высокой настроенностью духа и несетъ лишь служебную роль, но въ ней—опасное искушеніе.

Пушкинъ самъ въ чудесныхъ строкахъ описалъ свою дружбу съ Раевскимъ [1]). Во власти, которую пріобрѣлъ надъ нимъ Раевскій, было какое-то навожденіе, и самому Пушкину чудились здѣсь дьявольскія чары. Отъ него вѣяло на Пушкина дыханіемъ смерти:

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.

Юзефовичъ разсказываетъ, что Пушкинъ, ходившій къ Раевскому обыкновенно по вечерамъ, выговорилъ себѣ право тушить свѣчи, чтобы разговаривать съ нимъ свободнѣе въ потьмахъ. И въ то же время Пушкинъ жадно слушалъ эти рѣчи, онъ упорно повторяетъ:

Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ...

Въ чемъ-же была тайна этого очарованія? Что сообщало

---

[1]) „Демонъ", черновые наброски этого стихотворенія, и варіанты XLV строфы I гл. „Онѣгина".

такую сладость бесѣдамъ? Предъ Пушкинымъ открывалась здѣсь новая, неожиданная точка зрѣнія на міръ. Въ своей наивной мудрости онъ ощущалъ до сихъ поръ міръ, какъ неразгаданную увлекательную тайну, и жадно смотрѣлъ вокругъ и вглядывался въ бездонную глубь бытія, ища разгадать эту тайну; а Раевскій давно разгадалъ ее и зналъ все съ полной ясностью:

Онъ обѣщалъ...
Истолковать мнѣ все творенье
И разгадать добро и зло...

Каждой своей улыбкой, каждымъ мимолетнымъ сарказмомъ онъ говорилъ поэту: всѣ твои мысли о жизни —вздоръ; ты видишь въ ней глубину и тайну, потому что одураченъ романтическимъ бредомъ. Взгляни трезво, и ты увидишь, что вся она—смѣсь немногихъ простыхъ и въ сущности дрянныхъ элементовъ.

Эта пошлая мудрость была-бы безвредна для Пушкина, если бы въ немъ самомъ не было задатковъ того-же раціонализма, да если бы еще раннія страданія не ожесточили его самого и не научили презирать людей. Но голосъ внутри его сочувственно откликался на цинизмъ Раевскаго; „Я сталъ взирать его глазами“,—говоритъ Пушкинъ,

Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ.

И казалось, секретъ дѣйствительно разгаданъ; но, Боже мой, какъ жалко было то, что открылось, и съ какой безконечной грустью Пушкинъ говоритъ: „*Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ*“!

Но и самъ Раевскій былъ глубоко несчастливъ. Гдѣ-то за семью замками эгоизма и холодной разсудочности въ его душѣ жила большая острая нѣжность, и я думаю, когда онъ спалъ, его лицо не сохраняло саркастическаго выраженія, а принимало отпечатокъ мучительной скорби, и еще рѣзче становилась морщина между бровей, унаслѣдованная имъ отъ отца. Во время его близости съ Пушкинымъ въ Одессѣ ему было 28 лѣтъ; съ 15 лѣтъ онъ велъ походную жизнь, сначала при отцѣ, потомъ адъютантомъ при Воронцовѣ во Франціи, въ 1818 году служилъ на Кавказѣ и жилъ въ одной палаткѣ съ Ермоловымъ, въ 1820-мъ былъ товарищемъ Чаадаева по адъютантству при Васильчиковѣ. Теперь онъ полковникомъ праздно жилъ въ Одессѣ. Онъ переѣхалъ туда вслѣдъ за Воронцовымъ, назначеннымъ на постъ Новороссійскаго генералъ-губернатора,—переѣхалъ потому, что любилъ жену Воронцова. Она была ему сродни и давно близка: она была дочерью графини Браницкой, приходившейся ему, кажется, троюродной теткой и не чаявшей въ немъ души. Онъ часто гостилъ у Браницкой въ ея царственныхъ помѣстьяхъ (ей принадлежала Бѣлая Церковь и въ трехъ верстахъ Александрія съ чуднымъ дворцомъ), и какъ разъ въ 1822 году долго

жилъ у нея одновременно съ Воронцовой. Въ это время, повидимому, онъ и полюбилъ ее. Лѣтомъ этого года онъ писалъ сестрѣ изъ Александріи, что среди царящей тамъ скуки его единственное утѣшеніе—Воронцова: „Она очень пріятна, у нея мѣткій, хотя и не очень широкій умъ, а ея характеръ—самый очаровательный, какой я знаю. Я провожу съ нею почти весь день“. Будучи издавна близокъ и съ мужемъ, онъ въ Одессѣ занялъ въ ихъ домѣ родственное положеніе. О происходившемъ здѣсь существуютъ только смутныя свѣдѣнія. Вигель какъ очевидецъ и П. Капнистъ—по разсказамъ современниковъ [1]) передаютъ, что Раевскій для прикрытія своего чувства къ графинѣ воспользовался Пушкинымъ: Пушкинъ не замедлилъ влюбиться въ Воронцову, и на него-то обратилась вся подозрительность, а потомъ и ненависть мужа. Вигель прибавляетъ, что, не довольствуясь этимъ, Раевскій еще разжигалъ безнадежную страсть Пушкина и съ дьявольскимъ злорадствомъ тѣшился его восторгами и мукой.

Все это можетъ быть, но достовѣрно то, что Раевскій самъ глубоко страдалъ. Въ сентябрѣ 1825 года онъ писалъ сестрѣ: „Милый другъ, я все такъ-же печаленъ, какъ всегда, мое существованіе безсмысленнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и я не вижу никакой утѣшительной надежды ни съ какой стороны“. И въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ къ ней онъ безпрестанно повторяетъ то-же. Отъ Пушкина не ускользнула удивительная красота чувства, овладѣвшаго Раевскимъ, этого нѣжнаго цвѣтка, расцвѣтшаго въ безводной пустынѣ: уже нѣсколько лѣтъ спустя онъ по-своему разсказалъ эту исторію, возведя въ перлъ созданія и демона—Раевскаго, и Воронцову—молодую, счастливую мать, чей быстрый, нѣжный взглядъ и улыбку устъ съ удивленіемъ вспоминалъ потомъ даже Вигель и чью всегда нѣсколько склоненную внизъ головку Пушкинъ такъ часто чертилъ перомъ въ своихъ тетрадяхъ.

Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.
Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.
Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

[1]) *Русская Старина* 1899, май, 243.

IX.

Въ январѣ 1825 года въ Кіевѣ состоялась свадьба между будущимъ декабристомъ кн. С. Г. Волконскимъ и Маріей Николаевной Раевской, сестрой Александра. Въ своихъ Запискахъ Волконскій разсказываетъ, что будучи давно влюбленъ въ М. Н. и рѣшивъ наконецъ сдѣлать предложеніе, онъ повелъ дѣло чрезъ своего друга Орлова, причемъ категорически заявилъ, что если его принадлежность къ Тайному обществу будетъ признана помѣхою въ полученіи руки М. Н., то онъ, хотя съ болью, предпочтетъ отказаться отъ своего счастія, нежели измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Однако согласіе было дано. Раевской было 17 лѣтъ, ему 36. Она съ грустью шла подъ вѣнецъ, покоряясь отцовской волѣ. „Мои родители,—говоритъ она,—думали, что обезпечили мнѣ блестящую по свѣтскимъ воззрѣніямъ будущность".

Извѣстіе о 14-мъ декабря застало Орлова въ Москвѣ. Принималъ-ли онъ послѣдніе 2—3 года какое-нибудь прямое участіе въ дѣлахъ Тайнаго общества, объ этомъ ничего неизвѣстно. Повидимому, отъ активной дѣятельности онъ держался въ сторонѣ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ поддерживалъ самыя тѣсныя отношенія съ нѣкоторыми виднѣйшими членами общества, былъ освѣдомленъ, такъ сказать, объ ежедневномъ ходѣ дѣлъ въ московскомъ кружкѣ и въ Южномъ обществѣ и пользовался большимъ престижемъ среди заговорщиковъ. Событія, разыгравшіяся въ московскомъ кружкѣ 16—18 декабря, доказываютъ, что московскіе, а отчасти и петербургскіе заговорщики придавали большое значеніе участію Орлова, и что первые, идя къ нему, были заранѣе увѣрены въ его полномъ сочувствіи ихъ дѣлу.

Изъ неяснаго разсказа Якушкина можно извлечь слѣдующія фактическія свѣдѣнія, подтверждаемыя и другими показаніями [1]).

Когда получено было въ Москвѣ Семеновымъ письмо отъ Пущина съ извѣстіемъ о томъ, что въ Петербургѣ рѣшено сдѣлать попытку возстанія, на первомъ предварительномъ совѣщаніи между Якушкинымъ, Фонъ-Визинымъ, Шереметьевымъ и Митьковымъ (въ ночь съ 15 на 16 декабря) условлено было созвать на завтра (или на 18-ое) московскихъ членовъ къ Митькову и пригласить на это собраніе Орлова. Между тѣмъ Нарышкинъ выпросилъ у Семенова письмо Пущина, чтобы показать его Орлову, „какъ принимавшему участіе въ дѣлахъ общества и по своей скромности ему извѣстному"; притомъ, и самъ Пущинъ писалъ, чтобы его письмо показали Орлову. Вечеромъ

---

[1]) *Обществ. движ. въ Россіи*, т. I, статья В. И. Семевскаго, стр. 46 и слл., Якушкинъ 74 и слл., Докладъ слѣд. ком., и пр.

17-го декабря Фонъ-Визинъ пріѣхалъ къ Орлову и показалъ ему это письмо. На утро, разсказываетъ Якушкинъ, Фонъ-Визинъ просилъ его (Якушкина) непремѣнно побывать у Орлова и привести его вечеромъ къ Митькову. Въ это время въ Москвѣ уже всѣ знали о неудачномъ исходѣ событія 14 декабря. Пріѣхавъ къ Орлову подъ Донской, Якушкинъ вошелъ къ нему со словами: Eh bien, général, tout est fini. Орловъ протянулъ ему руку и съ увѣренностью отвѣчалъ: Comment fini? Ce n'est que le commencement de la fin. Тутъ вошелъ незнакомый Якушкину Мухановъ, который, разсказавъ подробности о многихъ петербургскихъ заговорщикахъ, арестованныхъ послѣ 14-го числа, сказалъ, что надо во что бы ни стало выручить ихъ и что онъ поѣдетъ въ Петербургъ и убьетъ императора; при этихъ словахъ Орловъ всталъ, подошелъ къ Муханову, взялъ его за ухо и поцѣловалъ въ лобъ. Якушкинъ уговаривалъ Орлова поѣхать къ Митькову, гдѣ всѣ его ждали, но Орловъ отвѣчалъ, что не можетъ пріѣхать, такъ какъ сказался больнымъ, чтобы не присягать сегодня: „а между тѣмъ,—пишетъ Якушкинъ,—онъ былъ въ мундирѣ, звѣздѣ и лентѣ, и можно было подумать, что онъ возвратился отъ присяги". Совѣщаніе у Митькова прошло безъ толку, и въ ближайшіе дни московскіе заговорщики начали присягать; такъ, 20 декабря принесъ присягу Фонъ-Визинъ. 21-го декабря первымъ въ Москвѣ былъ арестованъ Орловъ и тотчасъ отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость; прочихъ московскихъ взяли только погодя, Якушкина, напримѣръ,—лишь спустя три недѣли.

27 декабря былъ арестованъ въ полку младшій Раевскій—Николай, 29-го въ Бѣлой Церкви—Александръ, 7-го января въ Умани взятъ Волконскій, жена котораго родила пять дней назадъ, и къ числу этихъ арестованныхъ надо присоединить еще В. Л. Давыдова изъ Каменки, брата по матери старику Раевскому. Такимъ образомъ изъ одной этой семьи взято было пять человѣкъ. 5 января, еще не зная объ арестѣ Орлова, и до ареста Волконскаго и Давыдова [1]), старикъ Раевскій писалъ другому брату, П. Л. Давыдову, что оба его сына взяты и увезены въ Петербургъ. „Естли сіе происшествіе и огорчительно, по крайней мѣрѣ, не нарушаетъ моего спокойствія: на сыновей моихъ я имѣю надежду,—ты знаешь, братъ Петръ, что я безъ основанія утверждать не стану, но отвѣчаю за ихъ невинность, за ихъ образъ мыслей и за ихъ поступки... Вотъ, братъ милый, несчастливыя обстоятельства. Мѣры правительства строги, но необходимы, говорить нечего; со всѣмъ тѣмъ, время для всѣхъ вообще чрезвычайно грустное" [2]).

---

[1]) Кн. П. В. Долгоруковъ въ своемъ некрологѣ кн. С. Г. Волконскаго (*Колоколъ* № 212, отъ 15 янв. 1866 г.) говоритъ, что послѣ 14-го декабря старикъ Раевскій уговаривалъ Волконскаго бѣжать за-границу, но тотъ не послушался его и 7 января поѣхалъ въ Умань, гдѣ и былъ взятъ.

[2]) Записки кн. Волконской, „Приложенія", стр. 124.

14 января 1826 г. оба брата Раевскіе изъ заключенія написали сестрѣ Екатеринѣ Николаевнѣ (т. е. Орловой). Александръ писалъ ей: „Мы спокойны и здоровы и тревожимся только о тебѣ. Ради Бога, береги себя, не поддавайся отчаянью... У насъ есть книги, помѣщеніе хорошее, и мы ждемъ отца, который долженъ теперь скоро пріѣхать". Это письмо изъ-за разныхъ формальностей было отправлено только 16-го; въ промежуткѣ Раевскіе получили отъ сестры часы и деньги. 18-го А. Н. уже опять писалъ сестрѣ: „Спасибо, милый другъ, за твое письмо отъ 13-го. Только чрезъ тебя мы и получаемъ извѣстія о нашей семьѣ. Я очень радъ, что отецъ рѣшилъ остаться на контракты; это доказываетъ, что онъ не безпокоится о насъ больше, чѣмъ слѣдуетъ; это съ его стороны знакъ довѣрія къ намъ. Удивляетъ меня только, что до сихъ поръ отъ него нѣтъ прямыхъ извѣстій... Что до насъ, то мы здоровы и терпѣливо переносимъ свое заключеніе, такъ какъ у насъ есть книги, удобная комната, деньги и хорошая пища, которую намъ приносятъ изъ трактира". На слѣдующій день, 19 января, А. Раевскій уже извѣщалъ сестру, что и онъ, и братъ свободны.

Они дѣйствительно не были ни въ чемъ замѣшаны и ихъ арестовали только по огульному доносу, основанному, конечно, на ихъ родственной близости съ Орловымъ, В. Л. Давыдовымъ, Волконскимъ и другими обвиняемыми. Слѣдствіе обнаружило ихъ полную непричастность къ заговору, и ихъ отпустили. Въ запискахъ Лорера есть любопытный разсказъ о допросѣ Раевскихъ Николаемъ. Призвавъ ихъ къ себѣ, царь сказалъ Александру Раевскому: „Я знаю, что вы не принадлежите къ тайному обществу; но, имѣя родныхъ и знакомыхъ тамъ, вы все знали и не увѣдомили правительство; гдѣ же ваша присяга?" Александръ Раевскій, одинъ изъ умнѣйшихъ людей нашего времени, смѣло отвѣчалъ государю: „Государь! Честь дороже присяги; нарушивъ первую, человѣкъ не можетъ существовать, тогда какъ безъ второй онъ можетъ обойтись еще" [1]).

Мы знаемъ, что обычно такіе отвѣты приводили Николая въ ярость. Какъ-бы то ни было, Раевскихъ онъ рѣшилъ помиловать, какъ въ виду ихъ невинности, такъ и ради заслугъ, высокаго положенія и завѣдомой лойяльности ихъ отца. Но въ то же время онъ захотѣлъ использовать и это помилованіе; оправданіе Раевскихъ должно было путемъ соотвѣтственной инсценировки получить характеръ публичнаго назиданія, стать какъ бы отрицательной казнью. И вотъ, 20 января оба Раевскихъ были удостоены чрезвычайно любезнаго пріема на аудіенціи; царь поручилъ Александру написать отцу объ ихъ освобожденіи и о готовящемся на его имя указѣ, обнадежилъ ихъ насчетъ Орлова и предложилъ Александру, который уже нѣсколько лѣтъ не служилъ, вновь поступить на службу или быть камер-

---

[1]) *Рус. Арх.* 1874, I, 389.

геромъ. Раевскій, поблагодаривъ, отговорился плохимъ состояніемъ здоровья, а въ письмѣ къ отцу, гдѣ онъ на слѣдующій день описывалъ эту аудіенцію, онъ признается, что не желалъ бы воспользоваться „никакою милостью до тѣхъ поръ, пока участь мужей моихъ сестеръ не будетъ окончательно рѣшена". 23 января былъ подписанъ и затѣмъ опубликованъ въ газетахъ высочайшій рескриптъ на имя старика Раевскаго: „Съ особеннымъ удовольствіемъ могу увѣдомить васъ, что слѣдственная коммисія, разсмотрѣвъ поведеніе сыновей вашихъ, нашла ихъ совершенно невинными и непричастными къ обществу злоумышленниковъ, и что я первый душевно радуюсь, что дѣти столь достойнаго отца совершенно оправдались. Пребываю, впрочемъ, всегда къ вамъ благосклоннымъ. Николай". Сверхъ того, отъ Слѣдственной коммисіи былъ выданъ А. Н. Раевскому „Аттестатъ" о его невинности [1]).

X.

Теперь Александръ Раевскій настойчиво звалъ отца въ Петербургъ, потому что дѣла Орлова и особенно Волконскаго принимали очень серьезный оборотъ. Николай, конечно, издавна зналъ о политическомъ вольнодумствѣ Орлова и о вліяніи, которымъ онъ пользовался въ оппозиціонныхъ кругахъ общества. Имя Орлова встрѣтилъ онъ и въ той собственноручной запискѣ Александра I, которая нашлась въ кабинетѣ покойнаго императора; а слѣдствіе на первыхъ-же порахъ дало вѣскій фактическій матеріалъ для обвиненія. Открылось, что однажды, говоря о Пестелѣ, властолюбіе котораго внушало заговорщикамъ, какъ извѣстно, большія опасенія, Трубецкой сказалъ:

— Должно будетъ послать Орлова во 2-ую армію, и сила Пестеля исчезнетъ.

— Да развѣ Орловъ нашъ?—спросилъ Рылѣевъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Трубецкой,—имъ владѣютъ Раевскіе; но тогда по неволѣ будетъ нашъ.

Далѣе было дознано, что наканунѣ мятежа, 13-го, диктаторъ—Трубецкой послалъ Орлову въ Москву письмо съ кавалергардскимъ офицеромъ Свистуновымъ, который въ пути, узнавъ о событіи 14-го декабря, сжегъ это письмо. По показанію Трубецкого, онъ въ этомъ письмѣ, не упоминая о причинахъ, звалъ Орлова въ Петербургъ, но прибавлялъ: „Если быть чему-нибудь, то будетъ и безъ васъ, какъ при васъ". Это показывало, что заговорщики во всякомъ случаѣ имѣли основанія считать Орлова своимъ единомышленникомъ и придавали большое значеніе его поддержкѣ. О томъ-же свидѣтельствовала открывшаяся на допросахъ исторія Пущинскаго письма. Самъ Трубецкой на

---

[1]) Рескриптъ и аттестатъ напечатаны въ „Приложеніяхъ" къ Запискамъ кн. Волконской, стр. 128.

вопросъ слѣдственной комиссіи, чѣмъ была обусловлена его рѣшимость сдѣлать такое предложеніе Орлову, отвѣчалъ: „Рѣшился я сдѣлать столь опасное предложеніе ген.-м. Орлову по причинамъ, кои я уже и прежде объяснялъ: то есть что ген.-м. князь С. Г. Волконскій сказывалъ мнѣ по пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ, что хотя ген.-м. Орловъ теперь и не вмѣшивается ни во что и отъ всѣхъ обществъ отсталъ, но въ случаѣ нужды можно на него надѣяться, и что я и самъ полагалъ что ген.-м. Орловъ, котораго образъ мыслей столь гласенъ былъ прежде, по какимъ-нибудь причинамъ только притаился, но образа мыслей своего не перемѣнилъ“ [1]). Но главное обвиненіе противъ Орлова состояло въ томъ, что когда Никита Муравьевъ сообщилъ ему о рѣшеніи Якубовича убить императора, онъ не донесъ властямъ.

Орловъ былъ привезенъ въ Алексѣевскій равелинъ 29 декабря, а на слѣдующій день Николай велѣлъ Сукину перевести его на офицерскую квартиру, „давъ свободу выходить, прохаживаться и писать, что хочетъ, но не выходя изъ крѣпости“ [2]). 31 декабря Бенкендорфъ наединѣ снялъ съ него допросъ въ крѣпости. 4 января Орловъ по требованію Николая представилъ въ слѣдственную комиссію обширную записку о своемъ отношеніи къ Союзу Благоденствія и къ членамъ тайнаго общества. Это была чрезвычайно искусная апологія, гдѣ все фактически вѣрно, но все такъ сопоставлено и освѣщено, что получается картина очень далекая отъ истины. Она написана въ тонѣ отвращенія и ужаса передъ безумствомъ заговорщиковъ; самое непріятное въ ней,—ея аффектированное чистосердечіе и благородство подчеркиваемое на каждой страницѣ. Изъ дополнительныхъ запросовъ, поставленныхъ Орлову слѣдственной комиссіей въ ближайшіе дни, видно, что она не придала большой вѣры его запискѣ [3]).

9 января статсъ-секретарь Вилламовъ, фактотумъ императрицы и свой человѣкъ во дворцѣ, записалъ въ своемъ дневникѣ, со словъ шталмейстера Самарина, сцену допроса М. Ѳ. Орлова царемъ [4]). Позвавъ Орлова въ свой кабинетъ, Николай сказалъ ему:

— Въ этотъ моментъ съ тобой говоритъ не императоръ, но Николай Павловичъ.

Они усѣлись.

— Ты любилъ моего покойнаго брата; ты знаешь, что онъ

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, цит. соч., стр. 311.

[2]) Собственноручныя повелѣнія Николая на имя ген.-ад. Сукина, *Былое* 1906, май, 202.

[3]) Эта записка, какъ и дополнительныя показанія Орлова, напечатаны въ сборникѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго, *Мемуары декабристовъ*, 1906, стр. 1—26. Въ предыдущемъ изложеніи мы пользовались ею съ величайшей осмотрительностью.

[4]) Воцареніе имп. Николая I (Изъ дневн. Г. П. Вилламова), *Рус. Стар.* 1899, мартъ, стр., 670—671.

тебя любилъ также; ты ему обѣщалъ оставить это сообщество. Что же ты сдѣлалъ? Вотъ письмо, которое ты писалъ послѣ своего обѣщанія. Что ты можешь отвѣтить? Честный человѣкъ сдерживаетъ свое слово, и т. д. Говори, что можешь сказать?

Орловъ не далъ никакого отвѣта, несмотря на дружественныя увѣщанія императора, который, наконецъ поднялся и сказалъ ему:

— Теперь императоръ приказываетъ тебѣ: иди прочь! —При этомъ государь показалъ Орлову дверь. Сконфуженный Орловъ хотѣлъ что-то пробормотать, но императоръ, показывая дверь, сказалъ ему:

— Императоръ не повторяетъ; теперь ты станешь отвѣчать въ крѣпости на вопросы комиссіи.

Этотъ неудавшійся допросъ могъ-бы сильно повредить Орлову,—но дѣло скоро разъяснилось, какъ видно изъ слѣдующаго письма А. Н. Раевскаго къ сестрѣ Орловой. „Милый другъ,—писалъ онъ,—теперь я могу подробнѣе разсказать тебѣ исторію Михаила. Дѣло въ томъ, что онъ принадлежалъ къ первому обществу, которое по своимъ замысламъ было гораздо менѣе преступно, нежели второе, такъ что бо̀льшая часть тѣхъ, кто принадлежалъ къ нему, уже освобождены. Но противъ него было еще другое обвиненіе, болѣе тяжкое,—это сообщенія, сдѣланныя ему въ Москвѣ Никитой Муравьевымъ, и письмо, которое долженъ былъ показать ему Фонъ-Визинъ. Въ послѣдней винѣ его оправдало простое сопоставленіе датъ; что-же касается перваго обвиненія, то тутъ его вполнѣ оправдываетъ то моральное освѣщеніе, въ которомъ представилъ ему дѣло Никита. Исторія Мемнона совсѣмъ его не касается—тутъ онъ чистъ. Главная ошибка Михаила та, что онъ нехорошо велъ себя съ императоромъ, не отвѣчалъ какъ слѣдовало на его дружескія увѣщанія; онъ оскорбилъ его лично. Но потомъ Михаилъ объяснился: причиною его молчанія было присутствіе Левашева. Теперь это дѣло поправлено“.

„Моральное освѣщеніе“ заключалось въ томъ, что, сообщая Орлову о намѣреніи Якубовича, Муравьевъ настойчиво-де говорилъ о необходимости всячески помѣшать этому безумію [1]), такъ что Орловъ будто-бы и весь разговоръ принялъ за хитрость съ цѣлью снова завлечь его въ тайное общество, чтобы посредствомъ его вліянія предотвратить злодѣйства и несчастія. Это было хорошо придумано, но, конечно, ни этотъ отводъ, ни разъясненія причины своего молчанія на царскомъ допросѣ не спасли-бы Орлова: мало-ли людей, гораздо менѣе заподозрѣнныхъ, чѣмъ онъ, ушли въ Сибирь по дѣлу 14-го декабря! Но онъ имѣлъ могущественнаго заступника въ лицѣ своего брата Алексѣя.

А. Ѳ. Орловъ былъ года на два старше Михаила, такой-же

---

[1]) Такъ показалъ на слѣдствіи и самъ Муравьевъ.

изъ себя богатырь и красавецъ, такая же открытая и талантливая натура, но уже умомъ и жестче сердцемъ. Не портя своей карьеры вольнодумствомъ, напротивъ—искореняя его и въ подчиненныхъ, онъ въ противоположность брату быстро и безъ задержекъ шелъ въ гору, давно уже былъ генералъ-адъютантомъ и пользовался дружескимъ расположеніемъ великихъ князей. Мятежъ 14 декабря засталъ его командиромъ конногвардейскаго полка. Извѣстно, какъ много Николай былъ обязанъ своей побѣдою въ этотъ день преданности и рѣшимости Орлова: онъ первый изъ полковыхъ командировъ явился со своимъ полкомъ на Сенатскую площадь и первый повелъ его въ атаку на карре мятежниковъ. 25 декабря Алексѣю Орлову пожаловано было графское достоинство, и съ этихъ дней въ теченіе всего царствованія Николая онъ былъ, какъ извѣстно, ближайшимъ другомъ и довѣреннымъ послѣдняго.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ первой же минуты слѣдствія началъ дѣйствовать въ пользу брата. Выпросивъ себѣ у Николая разрѣшеніе посѣщать брата въ тюрьмѣ невозбранно [1]) и будучи непрерывно освѣдомленъ о ходѣ допросовъ, онъ могъ во-первыхъ сообщать Михаилу нужныя свѣдѣнія о поведеніи другихъ подсудимыхъ и руководить его показаніями; кромѣ того, онъ безъ сомнѣнія и прямо просилъ за него Николая. Этимъ было сразу обусловлено благопріятное отношеніе царя къ М. Ѳ. Орлову, выяснившееся уже на аудіенціи братьевъ Раевскихъ 20 января, такъ что въ томъ письмѣ, уже цитированномъ выше, гдѣ А. Н. Раевскій описывалъ отцу эту аудіенцію, онъ уже могъ сообщить успокоительныя извѣстія объ Орловѣ: „Его величество велѣлъ мнѣ передать тебѣ относительно Орлова, что хотя онъ и виновенъ и былъ однимъ изъ первыхъ соучастниковъ этого общества, но не раздѣлялъ его преступныхъ замысловъ, и вся его вина заключается въ томъ, что онъ не открылъ того, что зналъ по этому поводу. Его величество отозвался о немъ весьма милостиво, сказавъ, что сдѣлаетъ все возможное, дабы облегчить его участь; я не имѣю болѣе никакихъ опасеній относительно нашего дорогого Михаила; пріѣхавъ сюда, ты довершишь остальное“.

„Что до Волконскаго,—продолжаетъ тутъ-же А. Н.,—то его дѣло гораздо хуже. Его величество сказалъ мнѣ, что онъ даже не достоинъ того участія, которое ты вѣроятно оказываешь ему, и велѣлъ мнѣ предупредить тебя объ этомъ“. Въ концѣ письма онъ опять съ явной тревогой возвращается къ положенію Волконскаго и опять проситъ отца пріѣхать: „ты можешь своими просьбами много облегчить участь Волконскаго, а слѣдовательно и Маши [2]).

---

[1]) Это разрѣшеніе было ему дано на слѣдующій день послѣ водворенія М. Ѳ. Орлова въ Алексѣевскомъ равелинѣ, 30 декабря (*Былое*, тамъ-же, стр. 202).

[2]) Письмо А. Н. Раевскаго къ отцу отъ 21 янв. 1826 было впервые напечатано (въ русскомъ переводѣ) въ *Рус. Стар.* 1884 г., май, и затѣмъ перепечатано

XI.

А Марія Николаевна лежала въ это время, тяжело больная послѣ родовъ, въ усадьбѣ отца, Болтышкѣ Кіевской губ. Она ничего не знала; когда, приходя въ себя, она спрашивала о мужѣ, ей говорили, что онъ уѣхалъ по дѣламъ службы въ Молдавію. Старикъ Райскій не рѣшался оставить ее одну съ матерью, и въ то-же время рвался въ Москву, чтобы успокоить Екатерину Николаевну, которой въ ея состояніи (она была беременна), и при ея постоянной нервозности тревога за мужа могла причинить серьезный вредъ,—и оттуда въ Петербургъ, чтобы выяснить положеніе дѣлъ, и, если надо, похлопотать за Орлова и Волконскаго. Наконецъ, въ 20-хъ числахъ января мы видимъ его уже въ Петербургѣ; по пути онъ конечно останавливался въ Москвѣ. Какъ видно, ему тотчасъ была дана аудіенція, и онъ спѣшилъ успокоить Е. Н. „Милый, безцѣнный другъ мой Катенька,—писалъ онъ,—ничего тебѣ новаго еще не скажу, но въ полной надеждѣ на хорошій конецъ, кромѣ брата Василія (Давыдова) и Волконскаго. Прочти письмо мое къ матери, запечатай и отправь по почтѣ. Завтра надѣюсь увидѣть твоего мужа. Волконскому будетъ весьма худо, онъ дѣлаетъ глупости, запирается, когда все извѣстно. Что будетъ съ Машенькой! Онъ срамится. Государь сказалъ мнѣ: „въ первый разъ что я буду ими доволенъ (т. е. Давыдовымъ и Волконскимъ), въ награжденіе имъ позволю тебя видѣть“.

Чтобы не оставлять долго женщинъ однѣхъ, старикъ 3 февраля отправилъ прямо къ нимъ въ Болтышку младшаго сына, Николая. Царь позволилъ ему (какъ и А. Н. Раевскому) навѣстить Орлова въ тюрьмѣ. Видѣлъ-ли онъ и Волконскаго, мы не знаемъ. Въ столицѣ онъ пробылъ недолго; онъ уѣхалъ, повидимому, 7 февр., но не къ себѣ, а къ дочери въ Москву, оставивъ въ Петербургѣ Александра, который долженъ былъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и освѣдомлять о нихъ семью. Александръ самъ былъ очень мрачно настроенъ: его мучилъ страхъ за судьбу сестры Маши, мучилъ вообще разгромъ, постигнувшій столькихъ родныхъ и друзей, мучила разлука; въ его письмахъ къ сестрѣ, Орловой, за это время то и дѣло встрѣчаются такія строки: „Самъ я все еще боленъ, снѣдаемъ скукой и очень печаленъ“, или: „Что до меня, то я боленъ и несчастенъ больше, чѣмъ могутъ выразить слова“.

Орловъ писалъ женѣ изъ крѣпости 3—4 раза въ недѣлю и получалъ столько-же писемъ отъ нея; А. Н. Раевскій пишетъ ей каждые четыре дня, съ экстрапочтою. Е. Н., сначала соби-

---

въ „Приложеніяхъ“ къ Запискамъ кн. М. Н. Волконской, въ обоихъ случаяхъ—съ пропускомъ приводимыхъ здѣсь въ текстѣ словъ Николая I о Волконскомъ; предъ нами подлинникъ письма.

равшаяся въ Петербургъ, довольно скоро успокоилась на счетъ мужа и осталась въ Москвѣ; да и для всей семьи, оглушенной на первыхъ порахъ, уже въ концѣ января было ясно, что тяжелый ударъ грозитъ только Машѣ, 18-лѣтней, больной Машѣ. И въ письмахъ А. Н. къ Орловой—на первомъ планѣ дѣло Волконскаго и участь Маши. 12 февраля, вернувшись отъ А. Ѳ. Орлова, чрезъ котораго онъ добывалъ свѣдѣнія, А. Н. пишетъ: „Дѣло Михаила будетъ кончено чрезъ четыре недѣли навѣрное; стало быть, тебѣ незачѣмъ пріѣзжать сюда. Что до Маши, то ея дѣла отчаяно плохи, какъ и дѣла Василія; для нихъ нѣтъ никакой надежды". Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого А. Н. представлялся при дворѣ, и 16-го онъ сообщаетъ сестрѣ: „Государь велѣлъ мнѣ передать тебѣ его привѣтъ, императрица также. Все это хорошія предзнаменованія для Михаила, потому что для бѣдной Маши мнѣ ничего не было сказано". Два дня спустя онъ пишетъ ей длинное письмо, полное подробностей о дѣлѣ: „Михаилъ не въ вѣдѣніи слѣдственной комиссіи; онъ былъ допрошенъ только разъ, въ своей комнатѣ Бенкендорфомъ. Карою ему послужитъ его заключеніе и, вѣроятно, отставка. Какъ видишь, тебѣ не о чемъ тревожиться; его не отпускаютъ только потому, что есть и другіе члены, какъ напримѣръ Александръ Муравьевъ, замѣшанные не болѣе Михаила, но нужные для очныхъ ставокъ, почему ихъ и держатъ до окончанія слѣдствія, а если освободить Михаила, то пришлось бы освободить и остальныхъ. Что касается Волконскаго, то нѣтъ такого ужаса, въ которомъ онъ не былъ бы замѣшанъ; къ тому же, онъ держитъ себя дурно—то высокомѣрно, то униженнѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Его всѣ презираютъ, каждую минуту въ немъ открываютъ ложь и глупости, въ которыхъ онъ принужденъ сознаваться. Бѣдная Маша!" [1]). 12 марта А. Н. пишетъ: „Насчетъ Волконскаго не могу сообщить тебѣ ничего хорошаго; теперь онъ ведетъ себя, по слухамъ, какъ фанатикъ идеи; но я не ручаюсь, что завтра онъ опять не начнетъ хныкать". И безпрестанно въ своихъ письмахъ онъ повторяетъ: „Бѣдная Маша!" „Мнѣ страшно подумать, что ждетъ бѣдную Машу", и т. п. И Орловъ 1 апрѣля писалъ женѣ: „Нынче день рожденія бѣдной Маши. Что я могу прибавить къ этому, кромѣ того, что въ страхѣ за нее я повторяю эту короткую молитву: *Умилосердись, Господи, надъ участью Ма-*

---

[1]) Мы знаемъ теперь, на что намекаетъ послѣдними словами А. Раевскій: это, во-первыхъ, исторія вскрытія Волконскимъ пакета, адресованнаго Киселеву, которую передаетъ въ своихъ Запискахъ кн. Волконская, во-вторыхъ, ложь, въ которой уличала его слѣдственная комиссія. Въ „Донесеніи" послѣдней читаемъ: „По всему видно, что и дѣятельнѣйшіе въ Тайномъ обществѣ, точно не стыдясь, обманывали другъ друга. Такъ г.-м. кн. С Волконскій сообщалъ Пестелю, что онъ подговорилъ многихъ офицеровъ изъ всѣхъ полковъ 19-ой дивизіи... называлъ нѣкоторыхъ будто-бы принятыхъ имъ... и послѣ долженъ былъ признаться, что все было имъ вымышленно изъ тщеславія, для доказательства его преступнаго усердія".

Михаилъ Θедоровичъ
ОРЛОВЪ.

шеньки! [1]). Одинъ Богъ можетъ дать ей довольно душевной силы, чтобы стать выше своей участи".

Старикъ Раевскій вернулся въ Болтышку въ послѣднихъ числахъ февраля, когда Марія Николаевна уже начала поправляться. Какъ разъ въ отсутствіе отца ей наконецъ рѣшились сказать правду. Узнавъ, гдѣ мужъ, она тотчасъ рѣшила ѣхать въ Петербургъ, и несмотря на свою болѣзнь и весеннюю распутицу, пустилась въ дорогу съ двухмѣсячнымъ ребенкомъ; оставивъ его по пути у гр. Браницкой въ Александріи, она прямымъ путемъ, минуя Москву, двинулась дальше, а слѣдомъ за нею поспѣшала мать. 6 апрѣля А. Раевскій писалъ Орловой: „Мама пріѣхала сегодня утромъ, Маша здѣсь со вчерашняго вечера. Ея здоровье лучше, чѣмъ я смѣлъ надѣяться, но она страшно исхудала и ея нервы сильно разстроены. Бѣдная, она все еще надѣется. Я буду отнимать у нея надежды только съ величайшей постепенностью: въ ея положеніи необходима крайняя осторожность". А отецъ изъ Болтышки 14-го писалъ ей въ догонку (по-русски): „Неизвѣстность, въ которой о тебѣ, милый другъ мой Машенька, я нахожусь, мнѣ весьма тягостна. Я знаю все, что ожидаетъ тебя въ Петербургѣ. Трудно и при крѣпкомъ здоровьи переносить таковыя огорченія. Отдай себя на волю Божію! онъ одинъ можетъ устроить судьбу твою. Не забывай, мой другъ, въ твоемъ огорченіи милаго сына твоего, не забывай отца, мать, братьевъ, сестеръ, кои всѣ тебя такъ любятъ. Повинуйся судьбѣ; совѣтовъ и утѣшеній я никакихъ болѣе тебѣ сообщить не могу".

XII.

И вотъ началась та изумительная борьба, гдѣ слабой женщинѣ-полуребенку противопоставленъ былъ цѣлый заговоръ мужской хитрости и настойчивости и гдѣ въ концѣ концовъ воля сердца все-же одержала верхъ. Наши письма даютъ возможность прослѣдить перипетіи этой борьбы. Всѣ нити заговора держалъ въ своихъ рукахъ Александръ Раевскій; отецъ и старшая сестра, Орлова, дѣйствовали съ нимъ заодно, слѣдуя его указаніямъ. Ихъ цѣль была—не дать Маріи Николаевнѣ послѣдовать за мужемъ въ ссылку; а для этого нужно было во-первыхъ устроить такъ, чтобы она узнала о приговорѣ какъ можно позже, по возможности—когда осужденные уже будутъ отправлены въ ссылку, во-вторыхъ, оградить ее отъ вліянія мужниной семьи, такъ какъ легко было предвидѣть, что Волконскіе какъ разъ станутъ внушать ей рѣшимость раздѣлить судьбу мужа; въ началѣ апрѣля, когда она пріѣхала въ Петербургъ, уже всѣ знали, что бо́льшую часть подсудимыхъ ждетъ Сибирь,

[1]) Эти слова написаны по-русски.

и нѣкоторыя жены уже готовились послѣдовать за своими мужьями.

Въ этой борьбѣ М. Н. стояла совсѣмъ одна, ни отъ кого не встрѣчая дружеской поддержки или совѣта. Обѣ семьи—и мужнина, и своя—дѣйствовали корыстно, и корысть дѣлала ихъ жестокими, устраняла простоту и тепло отношеній. Свекровь, оберъ-гофмейстерша Волконская, была „въ полномъ смыслѣ слова придворная дама"; она ни разу не съѣздила къ сыну въ тюрьму, такъ какъ это свиданіе „убило-бы ее". Пріѣхавъ въ Петербургъ, М. Н. сразу почувствовала себя во враждебной средѣ. Ея первой мыслью было, конечно, просить свиданія съ мужемъ. Волконскій понималъ и отчасти зналъ, что между нимъ и женою стали ея родные; недаромъ онъ не получилъ отъ нея до сихъ поръ ни одной вѣсточки: значитъ, отъ нея все скрываютъ. Еще до пріѣзда жены въ Петербургъ онъ писалъ изъ Алексѣевскаго равелина сестрѣ Софьѣ Григорьевнѣ: „Уже нѣкоторыя изъ женъ просили и получили разрѣшеніе слѣдовать за своими мужьями къ мѣсту ихъ назначенія, о которомъ онѣ будутъ предувѣдомлены. Выпадетъ-ли мнѣ это счастье, и неужели моя обожаемая жена откажетъ мнѣ въ этомъ утѣшеніи? Я не сомнѣваюсь въ томъ, что она съ своимъ добрымъ сердцемъ всѣмъ мнѣ пожертвуетъ, но я опасаюсь постороннихъ вліяній, и ее отдалили отъ всѣхъ васъ, чтобы сильнѣе на нее дѣйствовать. Если жена пріѣдетъ ко мнѣ на свиданіе, то я бы желалъ, чтобы она пріѣхала безъ своего брата, иначе ее тотчасъ-же увезутъ отъ меня. Врачъ былъ-бы при этомъ нужнѣе" [1]).

По волѣ императора, А. Ѳ. Орловъ самъ отвезъ ее въ крѣпость на свиданіе съ мужемъ, и при ней дѣйствительно былъ врачъ. Это свиданіе было единственнымъ. Инстинктивно ища въ комъ-нибудь опоры, М. Н. хотѣла дождаться любимой сестры мужа, Софьи, съ которою не была знакома и которая на время отлучилась изъ Петербурга. Но А. Раевскій сталъ убѣждать ее, что ей необходимо ѣхать назадъ къ сыну: слѣдствіе кончится еще не скоро—можно-ли оставлять ребенка такъ долго на чужихъ рукахъ? Что же касается Софьи Волконской, то они несомнѣнно встрѣтятъ ее въ дорогѣ (С. Г. Волконская ѣхала изъ Бѣлева, сопровождая тѣло императрицы Елизаветы Алексѣевны).

Ничего не подозрѣвая, М. Н. сдалась на эти увѣщанія и рѣшилась ѣхать, съ цѣлью привезти ребенка въ Петербургъ. Раевскій поѣхалъ съ нею; отнынѣ онъ уже не отпуститъ ее ни на шагъ. Они поѣхали на Москву, чтобы повидаться съ сестрой, Орловой; здѣсь М. Н. была принята императрицей. Раевскій устроилъ такъ, что съ Софьей Волконской они разъѣхались. Въ Александріи они застали ребенка блѣднымъ и слабымъ послѣ привитія оспы. Теперь Александръ становится фор-

---

[1]) „Записки" кн. С. Г. Волконскаго, прилож., стр. 453.

менно тюремщикомъ сестры. Въ Александріи для нея потянулись долгіе мѣсяцы ожиданія и неизвѣстности. При ней находилась еще сестра Софья, гр. Воронцова съ дѣтьми тоже была здѣсь. А. Н. удерживалъ М. Н. подъ тѣмъ предлогомъ, что теперь незачѣмъ ѣхать, что надо подождать рѣшенія дѣла, а самъ скрывалъ отъ нея всѣ получаемыя письма, изъ которыхъ она могла бы узнать что-нибудь о ходѣ слѣдствія. 18-го мая онъ пишетъ Орловой: „Маша здорова, а ея сынъ прелестенъ... Хотя она и ни о чемъ не догадывается, однако бо́льшую часть времени она проводитъ при своемъ ребенкѣ, а когда есть чужіе, то выходитъ только къ завтраку или обѣду; я не мѣшаю ей въ этомъ, потому что нахожу это удобнымъ. При ней все время Соня; ты знаешь, какой я плохой утѣшитель, благодаря моему рѣзкому характеру. Графиня Браницкая относится къ ней съ трогательной добротой. Новаго нѣтъ ничего. Жду извѣстій отъ Бенкендорфа или Алексѣя насчетъ духовнаго завѣщанія, какъ мы условились“. „Пиши для меня одного, — проситъ онъ 1 іюня.—Впрочемъ, я вскрываю всѣ письма, адресованныя Машѣ, потому что письма тетушки иной разъ такъ зажигательны, что я не могу отдавать ихъ ей“. 9-го іюня онъ пишетъ другой сестрѣ, Еленѣ, которая жила при Орловой въ Москвѣ: „Спасибо за твои письма, милый другъ; только скажи Катѣ, чтобы она не писала Машѣ ничего, относящагося до приговора и суда; она забываетъ, что если бы только Маша подозрѣвала близость суда, то не было бы возможности удержать ее здѣсь. Необходимо, чтобы она узнала все какъ можно позже. Послѣдніе дни она очень грустна; не знаю, что дѣлать съ этимъ, потому что подавать ей ложныя надежды было-бы жестоко. Я рѣшилъ вообще не говорить съ нею обо всей этой грустной исторіи. Ея сынъ здоровъ,—это большое счастье“. „Маша съ каждымъ днемъ грустнѣе,—пишетъ онъ недѣлю спустя.—Она сердится на меня за то, что я не говорю съ нею о дѣлѣ ея мужа, и жалуется на это Сонѣ; но я предпочитаю навлекать на себя ея несправедливые упреки, нежели внушать ей ложныя надежды... Со дня на день ждемъ гр. Воронцова, который привезетъ намъ извѣстія“. 22-го іюня онъ пишетъ отцу: „Дорогой отецъ, въ своихъ письмахъ ко мнѣ ты говоришь о приговорѣ, о категоріяхъ и пр., и Катя тоже, поэтому я не могу показывать вашихъ писемъ Машѣ, которая, по моему мнѣнію, не должна ничего знать до окончательнаго рѣшенія. Пожалуйста, пишите ей отдѣльно, не говоря ничего, а мнѣ—со всѣми возможными подробностями. До сихъ поръ я получалъ достовѣрныя свѣдѣнія благодаря письмамъ Воронцова къ его семьѣ, но теперь онъ пріѣхалъ и мы уже ничего не будемъ получать изъ Петербурга. Браницкая уѣзжаетъ въ Москву въ первой половинѣ іюля. Машѣ не хочется оставаться здѣсь безъ графини, и я ей ничего не говорю объ этомъ, исключая того, что ты къ тому времени вѣроятно вернешься... Вотъ письмо Бенкендорфа. Предупреждаю тебя, что

это человѣкъ грубый и наглый со своими подчиненными; поэтому нельзя вполнѣ довѣрять его словамъ. Когда ты будешь ближе къ Одессѣ, ты самъ сможешь гораздо лучше уладить дѣло“

Наконецъ судъ былъ конченъ, и 12-го іюля подсудимымъ объявленъ приговоръ. 24-го іюля А. Раевскій писалъ сестрѣ: „Видишь, какъ я былъ правъ, рѣшивъ остаться съ Машей, потому что она каждую минуту можетъ узнать о своемъ несчастіи и о всѣхъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, которыми оно сопровождалось... Хотѣлъ писать тебѣ много, но моя голова пуста. Я не думалъ, что разжалованіе и ссылка Волконскаго такъ разстроятъ меня; я былъ готовъ къ этому, да и никогда не любилъ этого человѣка, а между тѣмъ мнѣ больно и за него, не говоря уже о Машѣ. Не забудь напомнить отцу о денежныхъ дѣлахъ сына Маши. Волконскій написалъ завѣщаніе, оно должно быть у министра юстиціи; для этого надо обратиться къ Бенкендорфу“.

Раевскій не торопился сообщать сестрѣ о приговорѣ; онъ ждалъ, конечно, пока Волконскаго отправятъ въ ссылку. Во всякомъ случаѣ, главное было сдѣлано; теперь надо было обдумать вторую половину дѣла, именно—дальнѣйшее положеніе Маши и ея сына. И этотъ вопросъ онъ считалъ нужнымъ рѣшить также не справляясь о ея собственныхъ желаніяхъ, съ тою-же деспотической непреклонностью воли, съ какою онъ раньше рѣшилъ, что ей не слѣдуетъ ѣхать за мужемъ. 31-го іюля онъ пишетъ Орловой: „Только-что получилъ письмо отъ несчастнаго Волконскаго, копію котораго прилагаю здѣсь. Я принимаю отвѣтственность, которую онъ возлагаетъ на меня, принимаю не столько ради него и его довѣрія ко мнѣ, сколько ради Маши, потому что несмотря на несчастіе, постигшее этого человѣка, я чувствую къ нему только жалость. Теперь намъ надо внимательно обсудить вопросъ о томъ, что должна дѣлать Маша. Покажи мое письмо отцу и попроси его взвѣсить мои доводы безъ предубѣжденія“. Тутъ онъ подробно разбираетъ нѣсколько плановъ устройства М. Н. на зиму съ точки зрѣнія удобства для нея и присутствія надлежащей медицинской помощи для ея ребенка; затѣмъ онъ продолжаетъ: „Не отнесись легко къ вопросу о мѣстѣ жительства Маши и о врачѣ для ея ребенка. Помни, что въ этомъ ребенкѣ все ея будущее, помни о страшной отвѣтственности, которая падетъ на насъ, если мы не примемъ всѣхъ мѣръ предосторожности, какія въ нашей власти. Мы должны строго руководиться наиболѣе благопріятными вѣроятностями, а онѣ всѣ или за кн. Репнину, или за Одессу. Что касается ея самой, ея воли, то когда она узнаетъ о своемъ несчастьи, у нея конечно не будетъ никакихъ желаній. Она сдѣлаетъ и должна дѣлать лишь то, что посовѣтуютъ ей отецъ и я. Заклинаю тебя показать мое письмо отцу цѣликомъ и не поступать по собственному усмотрѣнію; если ты не

сдѣлаешь этого, я напишу прямо отцу. Надо дѣйствовать разсудительно и оставить въ сторонѣ всѣ мелкія соображенія".

Итакъ, М. Н. и теперь еще ничего не знала, хотя со времени приговора прошло уже три недѣли. Наконецъ, 26-го іюля Волконскій былъ отправленъ въ ссылку. Теперь больше не было смысла скрывать отъ нея правду, и, вѣроятно, въ началѣ августа А. Н. сообщилъ ей все сразу—и приговоръ, и ссылку. Но какъ грубо онъ обманулся въ своемъ увѣренномъ предвидѣніи! Онъ былъ убѣжденъ, что, узнавъ о своемъ великомъ горѣ, она истаетъ въ слезахъ и впадетъ въ полное безсиліе, а случилось обратное: горе не только не парализовало ея воли, но, напротивъ, вдругъ, какъ это всегда бываетъ съ женщинами, стянуло въ одну точку всѣ тайныя силы ея существа, и она явила зрѣлище такой непреклонной энергіи въ достиженіи своей цѣли, какой невозможно было ожидать отъ 18-лѣтней избалованной женщины.

Въ своихъ „Запискахъ" М. Н. разсказываетъ, что, узнавъ о приговорѣ, она тотчасъ объявила брату, что послѣдуетъ за мужемъ; А. Н., которому нужно было ѣхать въ Одессу, сказалъ ей, чтобы она не трогалась съ мѣста до его возвращенія, но она на другой же день послѣ его отъѣзда уѣхала съ ребенкомъ въ Петербургъ. Она поѣхала не прямо въ столицу, а въ Яготинъ Полтавской губ., къ брату мужа Репнину; этотъ братъ, Николай Григорьевичъ, былъ въ дѣтствѣ переименованъ высочайшимъ указомъ по дѣду, за прекращеніемъ рода Репниныхъ, въ князя Репнина. М. Н. нашла шурина больнымъ; какъ только онъ поправился, всѣ, т. е. онъ съ женою и М. Н. съ ребенкомъ, пустились въ Петербургъ [1]).

Раньше ея прибылъ туда ея отецъ, старикъ Раевскій. 23-го октября онъ писалъ Орловой [2]): „Государь принялъ меня милостиво вмѣстѣ съ императрицей; они ѣхали гулять. Государь хотѣлъ увѣдомить, когда ему угодно будетъ пожаловать аудіенцію, чего и дожидаюсь.—Я жду Машеньку съ сыномъ вмѣстѣ съ княгиней Репниной всякую минуту. Буду ее удерживать отъ вліянія эгоизма Волконскихъ." А 5-го ноября онъ сообщаетъ брату, П. Л. Давыдову: „Вчерась пріѣхала дочь моя Машенька. Ее Репнина обманомъ склонила отправиться сюда, будто старуха Волконская [3]) ѣдетъ къ сыну; но я все это привелъ въ порядокъ". Послѣдняя записка старика помѣчена 20-го ноября: „Дѣла мои приводятся къ концу, но все еще дней пять пробыть долженъ, pour toucher un peu d'argent для Машенькинаго путешествія, которое будетъ, какъ я думаю, въ январѣ. Государь утвердилъ духовную Волконскаго, итакъ ничто меня болѣе не задержитъ".

Изъ „Записокъ" М. Н. мы знаемъ, при какихъ условіяхъ

---

[1]) *Русская Старина*, 1878, іюнь, стр. 337.
[2]) По-русски, какъ и дальнѣйшія его письма.
[3]) У Раевскаго здѣсь описка: „Репнина".

она уѣзжала въ Сибирь, какъ черство относились къ ней родные мужа, не позаботившіеся даже снабдить ее всѣмъ необходимымъ для страшнаго путешествія. Она уѣхала, оставивъ ребенка на попеченіи свекрови и невѣстокъ и давъ слово отцу, что вернется черезъ годъ. Она поѣхала чрезъ Москву и пробыла здѣсь два дня; здѣсь 26-го декабря Зинаида Волконская устроила для нея музыкальный вечеръ, на которомъ былъ и Пушкинъ и который такъ трогательно описанъ другимъ присутствовавшимъ поэтомъ, Веневитиновымъ. По немногимъ строкамъ въ ея „Запискахъ" Некрасовъ создалъ чудную картину ея свиданія съ Пушкинымъ на этомъ вечерѣ:

Печальна была наша встрѣча. Поэтъ
Подавленъ былъ истиннымъ горемъ.
Припомнилъ онъ игры ребяческихъ лѣтъ
Въ далекомъ Юрзуфѣ надъ моремъ.
Покинувъ привычный насмѣшливый тонъ,
Съ любовью, съ тоской безконечной,
Съ участіемъ брата напутствовалъ онъ
Подругу той жизни безпечной.
Со мной онъ по комнатѣ долго ходилъ,
Судьбой озабоченъ моею,
Я помню, родные, что онъ говорилъ,
Да такъ передать не съумѣю:
„Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!
Повѣрьте, душевной такой чистоты
Не стоитъ сей свѣтъ ненавистный.
Блаженъ, кто мѣняетъ его суеты
На подвигъ любви безкорыстной!"

и т. д., но кто не помнитъ этихъ строкъ?

Она ѣхала съ лакеемъ и горничной. 1-го января Александръ Раевскій писалъ сестрѣ Орловой: „Путешествіе Маши довольно плохо обставлено; при ней нѣтъ ни одного надежнаго человѣка. Не понимаю, какъ можно было не принять всѣхъ надлежащихъ мѣръ; кажется, стоило позаботиться. Кромѣ того, она ѣдетъ съ взвинченной головой; я предпочелъ бы, чтобы она предприняла эту поѣздку только изъ сознанія долга, а не по чувствительному порыву. Теперь Богъ знаетъ, когда она вернется".

Глубоко и сильно было горе отца. Оно сломило его крѣпкую натуру, и онъ недолго пережилъ разлуку съ Машей. Уцѣлѣли два его письма къ старшей дочери, писанныя вскорѣ послѣ отъѣзда Волконской. Ихъ невозможно читать безъ волненія.

„Ты не совсѣмъ справедливо судишь, мой другъ, Катенька,— пишетъ онъ 20-го марта 1827 г.—И ты также нѣсколько подвержена экзальтаціи, но энтузіазмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ,

до нѣкоторой степени, есть даръ Божій, переступая же черту, обращается въ сумашествіе.

„Если бъ я зналъ въ Петербургѣ, что Машенька ѣдетъ къ мужу безвозвратно и ѣдетъ отъ любви къ мужу, я бъ и самъ согласился отпустить ее навсегда, погрести ее живую; я бъ ее оплакалъ кровавыми слезами, и не менѣе отпустилъ бы ее. Если бъ ты была въ ея несчастномъ положеніи, я бъ сдѣлалъ то же.

„Возвратясь изъ Петербурга, я узналъ отъ брата твоего и сестеръ, что М. имъ говорила, что мужъ бываетъ ей несносенъ. Мужъ и отецъ, погубивъ жену, какъ погубилъ Волконскій, теряетъ всѣ свои права на сердце жены своей; священные и свѣтскіе законы уничтожаютъ справедливо бракъ. Но если изъ-за этого сердце жены влечетъ ее къ мужу, какъ я полагалъ М., тогда никто не долженъ препятствовать ей въ исполненіи ея желаній. Я то и сдѣлалъ, но полагалъ не безъ причины послѣ, что она знала, что она ѣдетъ навсегда, и что она меня обманывала.—Письмо ея, вчера полученное, доказываетъ мнѣ противное, — но не менѣе она не чувству своему послѣдовала, поѣхавъ къ мужу, а вліянію волконскихъ бабъ, которыя похвалами ея геройству увѣрили ее, что она героиня,—и она поѣхала, какъ дурочка. Нельзя мнѣ не негодовать на нее: она должна имѣть болѣе довѣренности ко мнѣ и къ моему разсудку, чѣмъ къ скверным В—мъ; мнѣ и спокойствіе, и слава ея должны быть драгоцѣнны. Если бъ я могъ надѣяться, что ея заблужденіе не исчезнетъ, тогда-бъ я не жалѣлъ о ея поступкѣ; но это не въ существѣ вещей, а между тѣмъ она единороднаго своего сына оставила безъ слезинки!

„Мой другъ! сердце отца не можетъ сохранить долго огорченія своего на дѣтей своихъ, и источникъ онаго доказываетъ привязанность мою къ ней. Я не показалъ ей ни капли онаго и никому не далъ подозрѣвать его, кромѣ тебя. Адресуясь съ онымъ къ тебѣ, я выбралъ того, кто не будетъ возбуждать его. Мой другъ, если-бы ты знала, что̀ мнѣ стоитъ Машенька здоровья, ты бъ извинила мою чувствительность.

„Письмо ея отъ 29-го января, писанное изъ Иркутска, принесло не малое утѣшеніе. Или она не знаетъ, что ей не позволено будетъ возвратиться, или сіе запрещеніе существуетъ только для удержанія женъ несчастныхъ отъ поѣздки въ Сибирь. Милосердый Государь нашъ не будетъ наказывать несчастныхъ и невинныхъ жертвъ своей любви къ мужьямъ за оную, и конечно чрезъ нѣкоторое время имъ позволено будетъ возвратиться. Дай Богъ мнѣ дожить до этого! Я тебѣ говорю, мой другъ, что письмо ея усладило мою горесть, и въ самую нужную для сего минуту, ибо за часъ до полученія онаго я писалъ къ Машенькѣ, и писалъ въ первый еще разъ по ея отъѣздѣ“.

Второе письмо писано мѣсяцемъ позже, 17 апрѣля.

„Неужто ты думаешь, мой другъ Катенька, что въ нашей семьѣ нужно защищать Машеньку, Машеньку, которая, по моему мнѣнію, поступила хотя неосновательно, потому что не по одному своему движенію, а по постороннему вліянію дѣйствуетъ, но не менѣе она въ несчастіи, какого въ мірѣ жесточе найти мудрено, мудрено и выдумать даже. Неужто ты думаешь, что могутъ сердца наши закрыться для нея? Но полно и говорить объ этомъ. Въ письмахъ своихъ она все оправдываетъ свой поступокъ, что доказываетъ, что она не совсѣмъ увѣрена въ добротѣ онаго. Я сказалъ тебѣ, мой другъ, одинъ разъ: ѣхать по любви къ мужу въ несчастіи—почтенно. Не будемъ возвращаться къ этому предмету. Дай Богъ, чтобы наша несчастная Машенька осталась въ этомъ заблужденіи, ибо опомниться было бы для нея еще бо̀льшимъ несчастьемъ“ [1]).

И точно для того, чтобы довершить свой портретъ, онъ пишетъ въ концѣ этого письма по поводу отставки А. П. Ермолова: „Ермоловъ заслужилъ свое огорченіе, но не могу не жалѣть объ немъ. Онъ не великодушенъ, поэтому будетъ несчастливъ: привыкши быть виднымъ человѣкомъ, ничтожность его будетъ ему мучительна“. Самъ Раевскій не любилъ громкихъ почестей и всего охотнѣе, по словамъ его біографа, „терялся въ сельскомъ убѣжищѣ среди семейства своего“.

XIII.

Орловъ отдѣлался легко: полугодичнымъ комфортабельнымъ заключеніемъ въ крѣпости, да увольненіемъ со службы. Лореръ разсказываетъ, что А. Ѳ. Орловъ выбралъ для ходатайства за брата ту минуту, когда царь шелъ пріобщаться. Сначала Николай отказалъ ему, но А. Ѳ. Орловъ просилъ, умолялъ, обѣщалъ за прощеніе брата посвятить Николаю всю свою жизнь,—и царь наконецъ уступилъ. „Ночью,—говоритъ Лореръ,—пріѣхалъ за М. Орловымъ возокъ, и такъ какъ онъ недалеко отъ меня сидѣлъ въ казематѣ, то я видѣлъ, какъ Подушкинъ сильно суетился, какъ одѣли генерала въ шубу, какъ его съ низкими поклонами усаживали и увезли“ [2]).

Герценъ безъ сомнѣнія былъ правъ, сказавъ позднѣе, что если М. Ѳ. не попалъ въ Сибирь, то это была *не его вина, а его брата*. Не будь Николай I такъ обязанъ Алексѣю Орлову и, главное, не нуждайся онъ и дальше въ немъ, онъ не выпустилъ-бы изъ своихъ рукъ Михаила. Есть вѣскія основанія думать, что онъ считалъ М. Ѳ. Орлова однимъ изъ главныхъ *закулисныхъ* виновниковъ заговора; это, конечно, о самомъ Николаѣ разсказываетъ Розенъ, что по окончаніи суда надъ декабристами „одно очень важное лицо сказало своимъ приближеннымъ:

[1]) Послѣдняя фраза написана по-французски.
[2]) „Изъ записокъ декабриста“, *Рус. Бог.* 1904, мартъ, стр. 55.

„Орлова слѣдовало-бы повѣсить перваго“ [1]). Точно такъ же думалъ вел. кн. Константинъ Павловичъ; когда Николай написалъ ему, что Орловъ зналъ о намѣреніи Якубовича, онъ отвѣчалъ 14 іюня 1826 г.: „Одна вещь удивляетъ меня—говорю тебѣ это прямо: именно, поведеніе Орлова, и какъ онъ съумѣлъ выйти сухимъ изъ воды и избѣгнуть суда“ [2]). И еще много позднѣе, въ декабрѣ 1832 г., когда былъ открытъ въ Тифлисѣ заговоръ, имѣвшій цѣлью вернуть Грузіи независимость, Николай писалъ Паскевичу: „Г.-м. кн. Чавчавадзе былъ всему извѣстенъ и, кажется, игралъ въ семъ дѣлѣ роль, сходную съ Михайлою Орловымъ по дѣлу 14-го декабря“ [3]).

16 іюня 1826 г. относительно М. Ѳ. Орлова послѣдовала высочайшая резолюція: „во уваженіе прежней отличной его службы и вмѣняя въ штрафъ шестимѣсячное содержаніе въ крѣпости“, приказано отставить его отъ службы съ тѣмъ, чтобы и впредь никуда не опредѣлять, и съ обязательствомъ безвыѣздно жить въ деревнѣ; мѣстному-же начальству имѣть за нимъ бдительный тайный надзоръ [4]). 19 іюня Орловъ былъ уже въ Москвѣ, въ объятіяхъ своей жены. Она родила чрезъ нѣсколько часовъ послѣ его пріѣзда. 30 іюня, извѣщая свою сестру о своемъ освобожденіи и о благополучномъ рожденіи дочери, онъ пишетъ: „Слѣдственно всѣ мои несчастія кончились, слава Богу, и могу я надѣяться на спокойную и счастливую жизнь въ семейственномъ кругѣ. Что-же касается до помысловъ о службѣ и блестящемъ состояніи въ обществѣ, вы знаете такъ же, какъ и я, что въ душѣ моей всѣ таковыя мысли давно уже исчезли. Спокойствіе и счастіе въ умѣренности, вотъ мой удѣлъ. Онъ не хуже удѣла прочихъ для благоразумнаго“.

Спокойствіе и счастье въ умѣренности—какъ это было далеко отъ мечтаній о бурной жизни за родную страну, отъ надеждъ на „событіе“! Правда, въ эту минуту Орловъ ошибался: какъ человѣку, спасшемуся изъ кораблекрушенія, ему казалось, что на свѣтѣ нѣтъ ничего желаннѣе тихой пристани и семейнаго очага. Но онъ не догадывался, какъ скудно окажется это счастіе въ умѣренности и какъ будетъ онъ томиться до конца. Лучше бы ему было не спастись такъ удачно.

Ближайшіе годы онъ жилъ въ своей калужской деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ, заводомъ и политической экономіей. Въ 1831 году онъ сдѣлалъ попытку выйти опять на сцену: онъ обратился къ Николаю съ просьбой позволить ему вступить въ военную службу рядовымъ. Николай велѣлъ сообщить ему, что ему разрѣшается жить въ Москвѣ и чтобы прислалъ своего сына для воспитанія въ Пажескомъ корпусѣ; на это

---

[1]) Баронъ А. Е. Розенъ, *М. Н. Муравьевъ*, *Рус. Стар.* 1884, янв., стр. 69.
[2]) Шильдеръ, *Николай I*, примѣч. № 519.
[3]). *Рус. Арх.* 1897, янв., стр. 9.
[4]) *Астаф. арх.* I стр. 459, и Шильдеръ, *Николай I*, стр. 447.

Орловъ отвѣчалъ, что съ благодарностью принимаетъ разрѣшеніе жить въ Москвѣ, сына-же своего хочетъ воспитать самъ [1]).

И вотъ онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ купилъ и великолѣпно отдѣлалъ себѣ большой домъ на Пречистенкѣ. Здѣсь онъ и прожилъ до смерти, все время подъ тайнымъ надзоромъ; лишь незадолго до смерти, въ 1841 г. ему былъ дозволенъ и въѣздъ въ Петербургъ. Онъ занялъ видное мѣсто среди московскаго общества, войдя въ кругъ тѣхъ передовыхъ людей, которые собирались въ салонахъ Свербеевой, Елагиной или у него самого. Всѣхъ ближе онъ былъ съ Чаадаевымъ; ихъ связывала долголѣтняя дружба и общность положенія. Орловъ пользовался большимъ уваженіемъ молодежи, какъ либералъ и западникъ. У него бывалъ молодой Герценъ, и Пушкинъ, наѣзжая въ Москву, знакомился у него съ литературной молодежью изъ „Моск. Наблюдателя“.

Герценъ художественно изобразилъ Орлова въ послѣдній періодъ его жизни [2]). Герценъ познакомился съ нимъ въ началѣ 30-хъ годовъ. „Тогда онъ былъ еще красавецъ: „чело, какъ черепъ голый“, античная голова, оживленныя черты и высокій ростъ придавали ему истинно что-то мощное. Именно съ такою наружностью можно увлекать людей. Возвращенный изъ ссылки, но не прощенный, онъ былъ въ очень затруднительномъ положеніи въ Москвѣ. Снѣдаемый самолюбіемъ и жаждой дѣятельности, онъ былъ похожъ на льва, сидящаго въ клѣткѣ и не смѣвшаго даже рычать. Faute de mieux онъ окружилъ себя небольшимъ кругомъ знакомыхъ и проповѣдывалъ тамъ свои теоріи; главное лицо по талантамъ и странностямъ занималъ въ этомъ кругу Чаадаевъ. Подавленное честолюбіе, глубокая увѣренность, что онъ могъ-бы дѣйствовать съ блескомъ на высшихъ правительственныхъ мѣстахъ и воспоминаніе прошедшаго, желаніе сохранить его какъ нѣчто святое, ставило Орлова въ безпрерывное колебаніе. „Стереть прошедшее“ и явиться кающейся Магдалиной,—говорилъ одинъ голосъ; „не сходить съ величественнаго пьедестала, который данъ ему прошедшимъ интересомъ и оставаться окруженнымъ ореоломъ оппозиціонности“,—говорилъ другой голосъ. Отъ этого Орловъ дѣлалъ безпрерывныя ошибки, вовсе безъ нужды и безъ пользы громогласно иной разъ унижался и пріобрѣталъ одинъ стыдъ. Ибо тѣ, передъ которыми онъ это дѣлалъ, не довѣряли ему, а тѣ, которые были свидѣтелями, теряли уваженіе... И въ самомъ дѣлѣ, непріятно было видѣть на московскихъ гуляньяхъ и балахъ Михаила Ѳедоровича въ то время, какъ всѣ его товарищи ныли и уничтожались на каторгѣ. Орловъ не умѣлъ носить трауръ, который ему повелѣвала благопристойность высшая“.

„Отъ скуки Орловъ не зналъ, что начать. Пробовалъ онъ и

---

[1]) Изъ писемъ Кристина, *Р. Арх.* 1884, № 6, стр. 148.
[2]) *Соч.* Герцена, русск. изд. т. VI, стр. 4 сл., т. II стр. 131.

хрустальную фабрику заводить, на которой дѣлались средневѣковыя стекла съ картинами, обходившіяся ему дороже, чѣмъ онъ ихъ продавалъ, и книгу онъ принимался писать „О кредитѣ“ [1]), нѣтъ, не туда рвалось сердце, но другого выхода не было. Левъ былъ осужденъ праздно бродить между Арбатомъ и Басманной, не смѣя даже давать волю своему языку“.

Герценъ оставилъ Орлова въ 1834 г. и снова увидѣлъ уже незадолго до его смерти, въ 1841-мъ: „Онъ на меня сдѣлалъ ужасное вліяніе: что-то руинное, убитое было въ немъ. Работавши 7 лѣтъ и все по пустому, чтобъ получить поприще, онъ убѣдился, что *тамъ* никогда не простятъ, что ни дѣлай. А юное поколѣніе далеко ушло и съ снисхожденіемъ (а не съ увлеченіемъ) смотрѣло на старика. Онъ все это чувствовалъ и глубоко мучился, занимался отдѣлкой дома, стеклянным заводомъ, чтобъ заглушить внутренній голосъ, но не выдержалъ“.

Орловъ умеръ въ Москвѣ въ 1842 г., 18 марта, въ день сдачи Парижа.

„Онъ умеръ спокойно, величаво,—говоритъ Герценъ.—Все путное въ Москвѣ показало участіе къ больному, даже незнакомые. Оцѣнили, поняли, благословили въ путь. Толпа народу была на отпѣваніи и проводила его. Послѣ его смерти полиція опечатала бумаги и отослала въ Петербургъ“.

Внуки Орлова хранятъ листокъ бумаги, гдѣ рукою Чаадаева написанъ проектъ надгробной надписи другу: „Здѣсь покоится прахъ ген.-м. М. Ѳ. Орлова. Современники помнили, что онъ участвовалъ въ достославномъ увѣнчаніи всенародной войны противъ Франціи, подписавъ 1814 года, марта 18, сдачу Парижа. Друзья любили его добрую душу. Боже, помилуй эту добрую душу! Родился 1788 года, скончался 1842 года, марта 18“. Иного рода эпитафію написалъ ему Герценъ въ „Быломъ и Думахъ“:

„...Въ Люцернѣ есть удивительный памятникъ; онъ сдѣланъ Торвальдсеномъ въ дикой скалѣ. Во впадинѣ лежитъ умирающій левъ; онъ раненъ на смерть, кровь струится изъ раны, въ которой торчитъ обломокъ стрѣлы; онъ положилъ молодецкую голову на лапу, онъ стонетъ, его взоръ выражаетъ нестерпимую боль; кругомъ пусто, внизу прудъ, все это задвинуто горами, деревьями, зеленью; прохожіе идутъ, не догадываясь, что тутъ умираетъ царственный звѣрь.

„Разъ какъ-то долго сидя на скамьѣ противъ каменнаго страдальца, я вдругъ вспомнилъ мое послѣднее посѣщеніе Орлова...“

---

[1]) Книга Орлова „О государственномъ кредитѣ“ вышла анонимно въ 1833 г. и позднѣе (1840) была переведена на нѣм. яз., см. *Рус. Арх.* 1899, I, 633—4.

А остальные наши герои?

Гроза 14 декабря убила ихъ всѣхъ, но по разному. Если Орлова она отравила ядовитыми газами, которые медленно убивали его въ продолженіе 16 лѣтъ, то старика Раевскаго она контузила на смерть. Онъ умеръ въ сентябрѣ 1829 г. Онъ давно простилъ свою Машеньку. Онъ дѣлалъ выговоры сыну Николаю, который въ своихъ письмахъ къ сестрѣ никогда не посылалъ поклона Волконскому [1]); а наканунѣ смерти онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей, указывая на портретъ М. Н., висѣвшій въ его комнатѣ: „Вотъ самая удивительная женщина, какую я видѣлъ“ [2]).

Александръ Раевскій такъ и не вернулся больше на службу и всю свою остальную жизнь проходилъ „отставнымъ камергеромъ“. Онъ вернулся въ Одессу и жилъ то здѣсь, то у Браницкой, смотря по тому, гдѣ жила Воронцова. Въ 1828 г. эта исторія кончилась: ее кончилъ Воронцовъ, и такъ же грубо, какъ четыре года назадъ съ Пушкинымъ. Что собственно произошло, мы не знаемъ, но въ одинъ прекрасный день графъ Воронцовъ послалъ письменное заявленіе полицеймейстеру одесскому о томъ, что Раевскій, встрѣтивъ его супругу на загородной прогулкѣ, преслѣдовалъ ее своими любезностями; онъ жаловался, *какъ частный человѣкъ* (а онъ былъ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ), угрожая въ то же время прибѣгнуть къ высшей власти, если не получитъ удовлетворенія.—Получивъ эту бумагу, полицеймейстеръ лично отправился къ Раевскому, который счелъ нужнымъ дать письменный отзывъ. Онъ отвѣчалъ, что не говорилъ графинѣ ничего дерзкаго. „Мнѣ весьма прискорбно,—писалъ онъ,—что графъ Воронцовъ вмѣшиваетъ полицію въ семейственныя свои дѣла, и чрезъ то даетъ имъ столь непріятную гласность. Я покажу болѣе умѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о таковомъ предметѣ. Что же касается до донесеній холопій его сіятельства, то оныя совершенно ложны“.

Въ это время старикъ Раевскій еще былъ живъ. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла краснорѣчиво повѣствуетъ его письмо на имя Николая I отъ 12 іюля 1828 г.:

„В. и. в., всемилостивѣйшій государь, графъ Воронцовъ извѣщаетъ меня письмомъ, что сынъ мой, по высочайшему вашему повелѣнію, высланъ изъ Одессы въ Полтаву за разговоры его противъ правительства и военныхъ дѣйствій, *оправдываясь предо мною, что онъ сему не причиною.*

„Тридцать съ лишнимъ лѣтъ я знаю графа Воронцова.

„Несчастная страсть моего сына къ графинѣ Воронцовой вовлекла его въ поступки неблагоразумные, и онъ непростительно виноватъ предъ графинею.

---

[1]) Воспоминанія М. В Юзефовича, *Рус. Арх.* 1880, III, стр. 432.
[2]) *Рус. Стар.* 1878, іюнь, 338.

„Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, по всей справедливости, что̀ могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ: графиня Браницкая могла о семъ просить васъ для спокойствія семейнаго. Но онъ не разсудилъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генералъ-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденіями найти кого донесть и присягнуть въ чемъ угодно графу Воронцову.

„Всемилостивѣйшій государь, сынъ мой не въ состояніи говорить ни мыслить противъ правительства; накажите его за его неблагоразуміе, но не по клеветѣ, на него взнесенной; первое можетъ его ввести въ разсудокъ, а послѣднее—погубить; если же я обманулъ васъ, я преступникъ, накажите меня по винѣ моей.

„Имѣю счастіе быть и проч. Николай Раевскій, генералъ-отъ-кавалеріи“ [1]).

Въ Полтавской губ. А. Н. оставался заточеннымъ довольно долго; еще годъ съ лишнимъ спустя онъ только по спеціальному разрѣшенію могъ съѣздить оттуда къ умирающему отцу. Потомъ онъ получилъ право жить въ столицѣ, поселился въ Москвѣ, женился, и даже на богатой, скоро овдовѣлъ и затѣмъ весь отдался воспитанію своей малютки-дочери „Сашокъ“. Потомъ и дочь выросла и вышла замужъ (за гр. Ностица), и уже не на что было тратить остатокъ такъ безцѣльно растраченныхъ душевныхъ силъ. Послѣднія нѣсколько лѣтъ онъ жилъ въ Ниццѣ, гдѣ и умеръ на 74 году, 23 октября 1868 г. И отца, и мужа, и братьевъ, и всѣхъ сестеръ пережила Екат. Ник. Орлова, умершая только въ 1885 году.

М. Гершензонъ.

---

[1]) *Рус. Стар.* 1885, ноябрь, стр. 402—3.

Между былымъ и настоящимъ.

(Изъ розыскныхъ дѣлъ N—скаго жандармскаго правленія). [1])

Псевдонимы революціонныхъ дѣятелей.

„Абрамсонъ“, онъ же „Давидовичъ“.—Медемъ, Владиміръ Давидовъ.
„Абсолютъ“.—Стасова, Елена Дмитріева.
„Адольфъ“.—Шерговъ, онъ же Шереговъ, Михаилъ Ивановъ.
„Александровъ“.—Милюковъ, Павелъ Николаевъ.
„Акимовъ“.—Махновецъ, Владиміръ Петровъ.
„Анисимовъ“.—Князь Долгоруковъ, Петръ Дмитріевъ.
„Анскій“.—Раппопортъ, Соломонъ (Шлема) Ароновъ.
„Ася“.—Кнунянцъ, Богданъ Мердзаджановъ.
„Арганьянецъ“.—Гогелія, Георгій Ильинъ.
„Афанасьевъ“.—Дейчъ, Левъ Григорьевъ.
„Барабанъ“.—Гурскій, Маріанъ Григорьевъ.
„Батуринскій“.—Бурцевъ, Владиміръ Львовъ; эмигрантъ.
„Богучарскій“.—Яковлевъ, Василій Яковлевъ.
„Борисъ“ („Сѣверскій“, „Нилъ“, „Глѣбовъ“).—Носковъ, Владиміръ Александровъ.
„Браунъ“.—Вечеславъ, Михаилъ Георгіевъ.
„Брукеръ“.- Махновецъ, Лидія Петровна.
„Бюловъ“.—Мандельбергъ, Викторъ, врачъ.
„Бѣлова“.—Брешковская, Екатерина.
„Валентинъ“.—Валлахъ, Мееръ (Максъ), Генохъ Мовшевъ.
„Василенковъ“ или „Басиленковъ“.—Локерманъ, Александръ Самойловъ, кличка Адамъ Юрьевичъ.
„Василій Ивановичъ“.—Щеколдинъ, Федоръ Ивановъ.
„Веніаминъ“.—Савинковъ, Борисъ.
„Викторовъ“.—Ногинъ, Викторъ Павловичъ.
„Волковъ“, онъ же „Бѣлкинъ“, онъ же „Мартынъ“.—Розановъ, Владиміръ.
„Воробьевъ“.—Липкинъ, Федоръ Андреевъ.
„Вѣра“.—Рерихъ, Екатерина.
„Галерка“.—Луначарскій, Анатолій.
„Гарденинъ“.—(„Кудринъ“, „Рудинъ“)—Черновъ, Викторъ Михайловъ.

---

[1]) Воспроизводя доставленный намъ документъ безъ коментаріевъ, не можемъ, однако, не замѣтить, что, напр. В. Л. Бурцевъ *никогда* подъ псевдонимомъ Батуринскаго не писалъ и *никогда* эту фамилію ни для какихъ цѣлей не носилъ. Существуютъ въ спискѣ, сколько намъ извѣстно, и другія столь же грубыя ошибки. Словомъ, нашимъ сыщикамъ до Лекоковъ еще далеко...

Ред.

„Горскій“.—Вольскій, Владиміръ Казиміровъ.
„Глѣбовъ“.—Яковлевъ, Василій Яковлевичъ.
„Глѣбовъ“ („Нилъ“).—Носковъ, Владиміръ Александровъ.
„Груздевъ“.—Блюменфельдъ, Іосифъ Соломоновъ, румынск. подданный.
„Гусевъ“ („Лебедевъ“).—Драбкинъ, Шмая Веніаминовъ.
„Донъ“.—Гуревичъ, Федоръ Ильинъ.
„Дементьевъ“.—Бассовскій, Іосифъ Берковъ.
„Динамитъ“.—Лазаревъ, Веніаминъ.
„Диканскій“.—Азефъ Евно.
„Доневичъ“.—Гуревичъ, Эмануилъ-Мендель Львовъ.
„Дядинька“ („Носарь“, „Василій Ивановичъ“).—Щеколдинъ, Федоръ Ивановъ.
„Егоровъ“.—Юрьевъ, Капитонъ Григорьевъ.
„Жена“.—Селянко, Александра Африкановна, рожд. Битрюмова.
„Заславскій“.—Вейнштокъ, Викторъ Александровичъ.
„Землячка“.—Трелина Зинаида.
„Звѣрь“ („Розенбергъ“ и „Соколъ“).—Дешина, Зинаида.
„Исааковъ“.—Гольдманъ, Михаилъ Исааковъ.
„Игнатъ“ („Павловичъ“).—Красиковъ Петръ Ананьинъ.
„Ильинъ“ (Ленинъ).—Ульяновъ, Владиміръ Ильинъ.
„Инсаровъ 1-й“.—Лалаянцъ, Исаакъ Христофоровъ.
„Инсаровъ 2-й“ или „Николай Инсаровъ“.—Раковскій, Кристо Георгіевичъ рум. подд.
„Каинъ“.—Соколовъ, Михаилъ.
„Катя“ („Ленина“).—Ульянова, Надежда Константинова.
„Кирова“.—Засуличъ Вѣра Ивановна.
„Клименко“.—Гурскій, Маріанъ Григорьевъ.
„Коганъ“.—Дейчъ, Левъ Григорьевъ, до православія Лейба Гершковъ.
„Кольцовъ“.—Гинцбургъ, Берко Абрамовъ.
„Комовъ, А. И.“.—Юделевскій, Яковъ (Янкель) Лейзеръ Лейзеровъ.
„Конявскій“.—Малиновскій.
„Конягинъ“, онъ же „Лошадь“.—Гальперинъ, Левикъ Хаимовъ.
„Костичъ“ („Костя“).—Гальберштадтъ, Сура-Рейзель Самсонова.
„Корнъ“.—Кочурихинъ, Николай Ивановъ.
„Красновскій, Миша“.—Сайфетъ Мойше Эліевъ.
„Краснопольскій“.—Раппопортъ.
„Куликовскій“.—Бассовскій, Берковъ.
„Лазарь“.—Балеръ Лейзеръ Шмулевъ.
„Лабукъ Мейеръ“.—Минесъ Мееръ Мовшевъ.
„Ларинъ Юрій“.—Лурье, Михаилъ Соломоновъ.
„Лидовъ“ („Людовъ“).—Лейтайзенъ, Гавріилъ Давыдовъ.
„Лидинъ“ („Лядовъ“).—Мандельштамъ, Маршинъ Львовъ.
„Литвиновъ“.—Валлахъ Максъ Генохъ Мовшевъ.
„Лѣсенко“.—Леманъ, Инна Гермогенова, рожд. Смидовичъ.
„Люсня“.—Баронъ Келлеръ-Краузе.
„Мальчикъ“.—Кокосовъ, Геннадій Ивановъ.
„Макаръ“.—Александровъ, Иванъ Платоновъ.
„Максимъ“.—Новаковскій, Яковъ.
„Маркъ“.—Гальперинъ, Левикъ.

„Мартовъ“, онъ же „Сергѣевъ“.—Цедербаумъ, Юлій Осиповъ.
„Мартыновъ“.—Пикеръ Саулъ Самуиловъ.
„Мартынъ“.—Розановъ, Владиміръ.
„Матреновъ“.—Смидовичъ, Петръ Гермогеновъ.
„Настасья Ивановна“ („Стихія“).—Радченко, Любовь Николаевна, рожд. Баранская.
„Никифоровъ“.—Веденяпинъ, Максимъ.
„Невзоровъ“, онъ же „Рязановъ“.—Нахамкисъ Евгеній Юрій Овша Моисеевъ
„Нагребецкій“.—Бурцевъ, Владиміръ.
„Олинъ“.—Лейстинскій, Пантелеймонъ Ивановъ.
„Ортодоксъ“.—Аксельродъ, Любовь Николаева.
„Павловъ“.—Миндлинъ.
„Перова“. Бончъ-Бруевичъ, Вѣра Михайловна, урожд. Величкина.
„Петербуржецъ, К.“ и „Петербуржецъ, А.“ („Короневскій“).—Мужъ и жена проживающіе въ Лондонѣ и извѣстные тамъ подъ именемъ „Таръ“ или „Тара“. Онъ бывшій редакторъ „Рабочей Мысли“.
„Петровскій“.—Сомовъ, Осипъ Ивановъ.
„Полетаевъ“, прежде „Грачъ“.—Бауманъ, Николай Эрнестовъ.
„Поповъ“.—Гуревичъ, Абрамъ Нафтиліевъ Герцевъ.
„Ровичъ“.—Полинковскій, Іосъ Мордуховъ.
„Розинъ“.—Милль, Іосель.
„Рудниковъ“.—Райхесбергъ, проф. Бернск. унив.
„Рузовъ“.—Орловъ, Александръ Георгіевъ.
„Рядовой“.—Малиновскій, Александръ Александровъ.
„Рязановъ“.—Гольдендахъ, Давидъ Симка Беровъ Зельмановъ.
„Самсоновъ“.—Вольскій, Давидъ Казиміровъ.
„Серебровъ“.—Зильберфарбъ Гецель Говсѣевъ.
„Спасскій“.—Чичинадзе, Николай Александровъ.
„Старикъ“.—Плехановъ, Георгій Валентиновъ.
„Старичекъ“ (въ 1902 г.).—Крохмаль, Викторъ Николаевъ.
„Старовѣръ“.—Потресовъ, Александръ Николаевъ.
„Сѣверскій, Борисъ Николаевъ“.—Носковъ, Владиміръ Александровъ.
„Тагъ“.—Таршисъ, Іосиль Оріоловъ.
„Ташкентецъ“.—Веденяпинъ, Михаилъ Александровъ.
„Тодоровъ“.—Иковъ Владиміръ Константиновъ или Пайкисъ Александръ.
„Тоня“.—Блюменфельдъ, Іосифъ; секретарь Центр. Ком. Рос. Соц.-Дем. Р. партіи въ Берлинѣ, сторонникъ меньшинства.
„Тимофей“ („Юдинъ“).—Капельзонъ, Цемахъ Мордуховъ.
„Троцкій“.—Бронштейнъ, Левъ-Лейба Давыдовъ.
„Устиновъ“.—Лозинскій, Евгеній Іустиновъ.
„Ульрихъ“.—Іодко-Наркевичъ, Фома Витольдовъ.
„Фоминъ“ („Загорскій“).—Крохмаль, Викторъ Николаевъ.
„Фроленко“.—Мальцманъ, Борисъ Шмулевъ.
„Фройка“.—Рахландъ, Фроимъ Мееровъ.
„Фруктъ“.—Лебедевъ, Борисъ Николаевъ.
„Черноземъ“, Авдѣевъ Михаилъ.
„Шарко“.—Елизарова, Анна Ильина, урожд. Ульянова.
„Шварцъ“.—Воровскій, Воцлавъ Феофилъ.

„Шведъ“.—Мееровичъ.
„Швейдъ, Евгенія Давыдова“.—Милашевская, Марія Ивановна.
„Эммануиловъ“.—Кореневскій, Маркусъ.

Псевдонимы революціонныхъ организацій.

„Борисъ“.—Боевая организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ.
„Боря“.—Большинство.
„Вѣра“.—Вѣстникъ Русской Революціи.
„Коля“.—Петерб. Ком. соц. дем. раб. партіи.
„Лида“.—Аграрно-соціалистическая лига.
„Миша“.—Меньшинство.
„Надя“.—Обозначаетъ въ Бурцевской группѣ народовольцевъ.
„Рая“.—Революціонная Россія.
„Фаустъ“.—Центральный Комитетъ.
„Фекла“.—Искра.
„Функель“ (въ перепискѣ „Бунда“).—Искра.

Условные термины.

„Сапоги“.—Иногда паспортъ.
„Таня“.—Транспортъ нелегальныхъ изданій.

„Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“.

(Продолженіе.) [1]).

Показанія Кожанчикова, Ничипоренка, Бени и Гаевскаго. Дренякинская работа.

Комиссія выжидала дѣйствій Дренякина и рѣшила, что какъ только узнаетъ, что онъ приступилъ въ Москвѣ къ обыскамъ, обыскать въ Петербургѣ *Дмитрія Ефремовича Кожанчикова,* доставить его къ оберъ-полицеймейстеру и сдѣлать подробный допросъ, на который вызвать Бени и Максимова.

22 ноября къ Кожанчикову нагрянули съ обыскомъ, но ничего подозрительнаго не нашли. На допросѣ онъ отрекся отъ знакомства съ Кельсіевымъ и поѣздки съ нимъ въ Москву и вообще не обнаружилъ говорливости. Желая дѣйствовать на него, какъ на вѣрующаго человѣка, Кожанчикова долго увѣщевалъ попъ, но, несмотря на это, 4 декабря онъ лишь подтвердилъ предыдущее показаніе. Дали очную ставку съ Ничипоренкомъ—Кожанчиковъ остался при своемъ.

Черезъ четыре дня послѣ очной ставки Ничипоренко далъ комиссіи очень цѣнныя указанія, въ которыхъ обнаружилъ способности сыщика. Онъ рекомендовалъ допытаться отъ Максимова всего, чтобы обнаружить участіе въ дѣлѣ Кожанчикова. Относительно же Гаевскаго его совѣтъ былъ таковъ: поискать въ его бумагахъ или въ банкѣ переводное письмо (вексель), адресованное на лондонскій торговый домъ отъ здѣшняго торговаго дома Винекена, съ бланковою надписью Тиблена. Отысканіе такого векселя въ архивѣ самого Гаевскаго или въ банковскомъ дастъ твердое указаніе, что Ничипоренко отослалъ такимъ образомъ деньги въ Лондонъ. При этомъ Ничипоренко добавилъ, что онъ на очной ставкѣ умышленно умолчалъ пока о двухъ доказательствахъ: первое—Кожанчиковъ далъ ему 100 рублей передъ отъѣздомъ за гра-

---

[1]) См. „Былое“ №№ 9 и 10.

ницу на пріобрѣтеніе сочиненій Кельсіева, и второе—письмо Герцена къ Владимірову Ничипоренко передалъ Гаевскому, на что тотъ сказалъ—«хорошо». Не преминулъ онъ и сообщить еще, что вспомнилъ, что подложный паспортъ Кельсіеву досталъ Налбандянъ.

Допрошенный Бени сознался, что Кельсіевъ былъ у него въ первый день пріѣзда въ Петербургъ и въ день отъѣзда въ Москву; о цѣли пріѣзда онъ не спросилъ, опасаясь быть ложно понятымъ въ виду слуховъ о своемъ шпіонствѣ. Когда Кельсіевъ сказалъ, что хочетъ видѣть Ничипоренко, Бени послалъ за нимъ мальчика въ редакцію «Сѣверной Пчелы». Подписей ни на какой адресъ не собиралъ, денегъ для Бакунина—тоже. Комиссія признала нужнымъ, учредить за нимъ строгій надзоръ... 28 ноября Бени обратился къ ней съ прошеніемъ, въ которомъ писалъ, что «убѣдившись уже съ нѣкотораго времени, что его занятія, какъ литературныя, такъ и ученыя, дѣлаютъ Россію болѣе выгоднымъ для него мѣстопребываніемъ, чѣмъ Англія, и имѣя вслѣдствіе этого намѣреніе поступить въ русское подданство», онъ узналъ, что, состоя подъ слѣдствіемъ, не можетъ сдѣлать этого теперь же. Поэтому онъ проситъ разрѣшить ему ходатайствовать о поступленіи въ русское подданство. При этомъ Бени прибавлялъ, что хорошо понимаетъ, что избавленъ отъ мѣръ административнаго воздѣйствія и именно потому «желалъ бы добровольно отказаться отъ этого преимущества именно теперь, когда подобный шагъ могъ бы служить по крайней мѣрѣ нравственнымъ доказательствомъ его желанія продолжать его прежнія занятія и совершенной безвредности его дѣйствій».

Комиссія объявила, что разрѣшеніе этого прошенія не входитъ въ ея компетенцію.

Читатели, можетъ быть, помнятъ, что взятъ былъ сначала на подозрѣніе а потомъ и просто на сугубое наблюденіе *Викторъ Павловичъ Гаевскій*, котораго только и поджидали изъ-заграницы. Еще въ октябрѣ у него на квартирѣ былъ сдѣланъ тщательный обыскъ, послѣ котораго всѣ бумаги опечатали и сдали въ III отдѣленіе, а книги запечатали въ сараѣ. Гаевскій вернулся въ серединѣ ноября и сейчасъ же запросилъ кн. Голицына, въ чемъ его обвиняютъ.

Изъ бумагъ его комиссія обратила вниманіе на два письма: одно Панаевой, другое—Касаткина.

1. «Успокойтесь; Антоновичъ, развѣ взятъ, то сейчасъ, потому что въ 2 часа дня сегодня видѣли Чернышевскаго, который былъ спокоенъ, а это невозможно было бы при арестованіи Антоновича. Очень желаю, чтобъ вы скорѣе выздоровѣли. Сейчасъ поѣдутъ къ Антоновичу, чтобы быть совершенно увѣренными, что арестованія не было. *Ав. Панаева*».

2. «Многоуважаемый
Викторъ Павловичъ.

«Такъ какъ я остаюсь въ Питерѣ до воскресенья, а четвергъ занятъ у васъ, да и я забылъ, что обѣщался быть въ этотъ день

въ клубѣ, то позвольте мнѣ побесѣдовать съ вами въ пятницу, или въ субботу. Назначеніе того или другого дня зависитъ отъ васъ, объ чемъ вы и черкнете мнѣ. За оттискъ вашей статьи душевно благодаренъ. О Вадимѣ [1]) до сихъ поръ—ни слуху ни духу».

Преданный вамъ.
В. Касаткинъ».

28 марта
1862 г.

Перваго декабря Гаевскому былъ сдѣланъ допросъ. Онъ категорически отрицалъ всякія свои сношенія съ заграничной эмиграціей и полученіе вырѣзокъ изъ «Колокола». Правда, получалъ отъ Ничипоренка «Колоколъ», но возвращалъ въ этотъ же день. Съ Кельсіевымъ никогда не видѣлся. Вообще Гаевскій рѣшилъ взять смѣлостью отрицанія. На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ онъ велъ себя точно также, между тѣмъ, по словамъ П. А. Ефремова, онъ самъ присутствовалъ при передачѣ Ничипоренкомъ письма Гаевскому... Временно его рѣшили оставить въ покоѣ.

Черезъ нѣсколько дней Потаповъ сообщилъ комиссіи, что у Траверсе наблюдаются признаки умопомѣшательства и что его попомѣстили уже въ военно-сухопутный госпиталь...

Дренякинъ работалъ.

Прежде всего по его просьбѣ комиссія увѣдомила министра иностранныхъ дѣлъ, что она не ручается за сохранность важныхъ государственныхъ актовъ въ московскомъ архивѣ, если не будетъ обращено должное вниманіе на служащаго тамъ литератора Афанасьева [2])... Разумѣется, на него было обращено это должное вниманіе и заявлено, что если онъ не оправдается совершенно отъ подозрѣнія въ неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ, то будетъ немедленно уволенъ.

22 и 23 ноября Дренякинъ произвелъ обыски у Челищевой, кн. Трубецкаго, Афанасьева, Козлова и Ошмянцева, ничего подозрительнаго не нашелъ и потому ограничился подписками о невыѣздѣ. Къ Орфано былъ командированъ полковникъ Дурново. При этомъ «любитель не бюрократическихъ способовъ сыска», Дренякинъ писалъ Потапову, что нарочно не арестовалъ помянутыхъ лицъ, избѣгая пока шума, но что, если правительство признаетъ арестованіе необходимымъ, то пусть только сообщитъ ему объ этомъ шифромъ—и все сдѣлается очень тонко и хорошо.

На допросѣ Афанасьевъ категорически отрицалъ знакомство съ Кельсіевымъ, котораго, по словамъ П. А. Ефремова, принялъ у себя весьма сухо. Трубецкаго и Шибаева знаетъ, а Козлова—только въ

[1]) Псевдонимъ В. Кельсіева.

[2]) Любопытно, что Афанасьеву не было поставлено въ вину изданіе „Народныхъ русскихъ легендъ“, выпущенное имъ въ 1859 г. въ Лондонѣ; оно совершенно ускользнуло отъ вниманія III отдѣленія и комиссіи.

лицо. Касаткинъ участвовалъ въ его «Библіографическихъ Запискахъ» 1858—1859 г.

Челищева о пріѣздѣ Кельсіева въ Россію не знала ничего, пока не арестовали Петровскаго. Тоже самое показали Ошмянцевъ, Козловъ, Трубецкой и братья Орфано.

Очевидно, надо было заставить ихъ всѣхъ говорить, и потому Голицынъ приказалъ пригласить ихъ въ Петербургъ, куда они и пріѣхали безъ особаго надзора. Но на допросахъ комиссіи всѣ пріѣхавшіе москвичи ровно ничего не прибавили къ сказанному Дренякину...

4 декабря былъ допрошенъ вытребованный для этого *Дмитрій Васильевичъ Каншинъ*, 33 лѣтъ, воспитывавшійся въ лицеѣ. Съ Герценомъ онъ познакомился въ Лондонѣ, гдѣ жилъ въ одномъ отелѣ съ Траверсе; оба они въ пропагандѣ не принимали никакого участія.

7 декабря Голицынъ доложилъ государю о необходимости вызвать изъ-заграницы Александра Серно-Соловьевича, Кельсіева, Тургенева, Касаткина и Черкесова, и получилъ высочайшее одобреніе этой мѣры. Немедленно были сдѣланы всѣ соотвѣтствующія распоряженія по министерству иностранныхъ дѣлъ.

15 декабря Голицынъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ о томъ, что слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ бумагахъ Афанасьева найдена копія секретнаго доклада о раскольникахъ. Александръ II написалъ: «необходимо».

Одновременно въ Рыбинскѣ былъ допрошенъ товарищъ Владимірова Журавлевъ, показавшій, что какъ только онъ получилъ экземпляръ прокламаціи «Земская Дума», такъ сейчасъ же его уничтожилъ. За Журавлевымъ приказано было учредить строгій полицейскій надзоръ.

Показанія Серно-Соловьевича.

Теперь вернемся къ Серно-Соловьевичу.

5, 8 и 11 декабря ему были сдѣланы второй, третій и четвертый допросы. Повидимому, онъ рѣшилъ измѣнить свою тактику и на этотъ разъ не уклонился отъ нѣкоторыхъ объясненій.

«У меня были два торговыхъ заведенія: книжный магазинъ и библіотека для чтенія на Невскомъ проспектѣ, открытыя мною однимъ въ концѣ прошлаго года, и книжная лавка съ читальней[1]), теперь уже не существующія, вслѣдствіе закрытія этихъ заведеній правительствомъ. Оставшіеся книжный магазинъ съ библіотекой принадлежатъ мнѣ одному. Комиссіонерами моими въ различныхъ городахъ Россіи книгопродавцы. За границей комиссіонеровъ не имѣю.

«Бумага о которой идетъ рѣчь въ этомъ вопросѣ, недоконченный черновой проектъ всеподданнѣйшаго письма къ Государю Императору, которое я имѣлъ намѣреніе написать и представить его

---

[1]) Она открыта была А. А. Слѣпцовымъ.

величеству въ такомъ случаѣ, еслибы успѣлъ вполнѣ обработать набросанный въ общихъ чертахъ законодательный проектъ, названный мною проектомъ Уложенія Императора Александра II. Письмо и проектъ не были поданы и даже окончены. Поводомъ къ написанію этихъ бумагъ были слѣдующія обстоятельства. Въ 1858 г. я имѣлъ счастье подать Государю Императору письмо; въ немъ не заключалось никакого общаго, органическаго проекта, а только отдѣльныя, въ общихъ словахъ выраженныя предположенія по разнымъ вопросамъ и очеркъ общаго положенія дѣлъ въ государствѣ, очеркъ далеко не свѣтлый. Несмотря на это, Государь Императоръ принялъ письмо весьма милостиво и повелѣлъ покойному предсѣдателю государственнаго совѣта, кн. Орлову, благодарить меня отъ имени его величества за «откровенное изложеніе настоящаго положенія дѣлъ», какъ сказано было въ высочайшей резолюціи на моемъ письмѣ. Съ тѣхъ поръ я сталъ думать, что составленіе не критической только замѣтки записки, а положительнаго органическаго проекта, имѣющаго въ виду пользу и благо отечества, было бы принято его величествомъ безъ неудовольствія. Затѣмъ два совершенно случайныя обстоятельства побудили меня начать составленіе помянутыхъ бумагъ. Первое изъ нихъ былъ разговоръ съ генералъ-губернаторомъ кн. Суворовымъ. Я, между прочимъ, сообщилъ ему о моемъ прежнемъ всеподданнѣйшомъ письмѣ и резолюціи Государя Императора. Кн. Суворовъ сказалъ: «Государь Императоръ только и думаетъ о народномъ благѣ и всѣ искренно любящіе отечество должны содѣйствовать ему въ достиженіи его благихъ намѣреній». Вскорѣ послѣ этого у меня былъ другой разговоръ съ г. предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Я справлялся объ участи одной написанной мною финансовой статьи. Г. Предсѣдатель сказалъ, что моя статья была представлена его величеству. Изъ общаго характера этого разговора я вынесъ впечатлѣніе, что моя статья не могла понравиться его величеству. Я боялся, что нѣсколько мыслей, не вполнѣ развитыхъ, не представлявшихъ общей системы, дадутъ невѣрныя понятія о моемъ образѣ мыслей и стремленіяхъ. Эти два случайныхъ разговора окончательно установили во мнѣ давнишнее намѣреніе—и я приступилъ къ составленію проекта уложенія и всеподданнѣйшаго письма.

«Въ городѣ какъ то разнесся слухъ, оказавшійся неосновательнымъ, будто г. Щаповъ, извѣстный профессоръ и литераторъ, подвергнется непріятностямъ за какую то журнальную статью. Не помню, кому то пришла мысль написать отъ имени литераторовъ прошеніе къ г. министру народнаго просвѣщенія, прося, чтобы онъ принялъ во вниманіе ученыя заслуги и болѣзненное положеніе г. Щапова. Я подписался, уговорилъ подписать брата Александра, гг. Николая Потѣхина и Андрея Ничипоренко, такъ какъ въ письмѣ или прошеніи къ г. министру ничего предосудительнаго не заключалось. Но потомъ мысль эта осталась безъ исполненія или потому, что слухъ оказался неосновательнымъ или потому, что кто то замѣтилъ, что мы вовсе не имѣемъ права подавать министру про-

шенія отъ многихъ лицъ. Знакомство мое съ гг. Николаемъ Потѣхинымъ и Андреемъ Ничипоренко какъ говорится, чисто шапочное, основанное на нѣсколькихъ встрѣчахъ. Съ студентомъ Гюбнеромъ, сколько припомню не знакомъ, можетъ быть и случалось какъ-нибудь встрѣтиться—при моихъ обширныхъ сношеніяхъ, но во всякомъ случаѣ не припомню и объ образѣ мыслей и занятій его ничего не знаю. Лично г. Щапова я не знаю.

«Кѣмъ сообщена и написана эта записка (о баронѣ Фирксѣ—*М. Л.*) рѣшительно не припомню, имѣлъ ее безъ всякой цѣли, вѣроятно случайно.

«Объ этомъ (о фактѣ, сообщенномъ въ статьѣ «Крѣпостники грамотности», напечатанной на стр. 193—194 сентябрьской книжки—*М. Л.*) я узналъ изъ городскихъ слуховъ и хотѣлъ помѣстить статью въ вѣдомостяхъ, но не помѣстилъ, сколько помню, потому, что не счелъ слухъ достовѣрнымъ источникомъ.

«Брошюра польская попала какъ нибудь случайно—польскаго языка не знаю совершенно.

«Статью (брошюру по крестьянскому вопросу, выпущенную за границей- *М. Л.*) я въ цензуру не представлялъ, но г. государственный секретарь, имѣвшій въ то время главный надзоръ за литературою по крестьянскому вопросу сказалъ мнѣ, что никакихъ замѣчаній о положеніи 19 февраля печатать нельзя. Цѣль моя изложена въ предисловіи. Изучивъ довольно основательно крестьянскій вопросъ, я видѣлъ, что рѣшеніе неудовлетворительно, свѣдѣнія публикуемыя въ вѣдомостяхъ о ходѣ дѣла вполнѣ оправдывали мой взглядъ: величайшая, благодѣтельнѣйшая мѣра для народа и всего государства приводилась въ исполненіе военною силою, наказаніями, ссылками, даже пролитіемъ крови. Я былъ убѣжденъ, что въ этомъ виновато чисто недоразумѣніе, неправильная постановка вопроса. По моему убѣжденію, подкрѣпляемому тѣмъ, что я слышалъ со всѣхъ сторонъ, подкрѣпляемому общимъ ходомъ дѣлъ—только выкупъ могъ быть благопріятнымъ для всего государства рѣшеніемъ вопроса. Составивъ полный проектъ и не имѣя возможности напечатать его въ Россіи, я рѣшился напечатать его за границей. Я такъ глубоко былъ убѣжденъ, что предлагаемыя мною мѣры клонятся къ истинной пользѣ государства, что счелъ истиннымъ долгомъ передъ отечествомъ напечатать свои предположенія. Послѣдствія доказали, что мой взглядъ былъ правиленъ. Я далекъ отъ мысли, чтобъ мой проектъ хотя насколько нибудь повліялъ на послѣдующія распоряженія правительства: я хочу только сказать, что я правильно смотрѣлъ на положеніе дѣлъ. Въ 1861 г. я указывалъ на три капитальныя мѣры существенно необходимыя для Россіи: выкупъ, заграничный заемъ и общественные губернскіе банки. Въ 1862 г. были приняты нѣкоторыя мѣры, относившіяся къ развитію кредитныхъ учрежденій въ губерніяхъ, былъ заключенъ заемъ и дозволены выкупныя сдѣлки владѣльцамъ барщинныхъ помѣстій. Только въ моемъ проектѣ всѣ эти мѣры были въ общей связи и системѣ, оттого, смѣю думать, дѣйствія ихъ были

бы значительнѣе. Что касается до послѣдней фразы статьи, то смыслъ ея вотъ какой: все послѣднее пятилѣтіе доказываетъ, что Россія выступаетъ на новую дорогу. Правительство своими преобразованіями доказываетъ, что считаетъ прежній порядокъ неудовлетворительнымъ. Внутренняя общественная жизнь требуетъ еще большихъ преобразованій—о чемъ ежедневно пишутъ во всѣхъ газетахъ, журналахъ, говорятъ во всѣхъ сферахъ общества, упрекая общество, т. е. самихъ себя, въ апатіи, лѣни и т. п. Чтобъ реформы были дѣйствительно успѣшны, нужно чтобъ въ Россіи прибавилось силъ: нравственныхъ и матеріальныхъ, чтобъ тѣ, которые ровно ничего не дѣлаютъ или трудятся непроизводительно, сдѣлались не только потребителями, но и производителями. Для этого нужно имѣть не только много внутреннихъ силъ, но и много смѣлости, такъ какъ придется бороться со многими предразсудками. Вотъ вкратцѣ моя мысль.

«Эта статья («Мысли вслухъ», напечатанная на стр. 190—193 сентябрьской книжки—*М. Л.*) была мною написана для журнала «Вѣкъ». Она должна была служить отвѣтомъ на одну изъ статей г. Чичерина, потому касалась общихъ теоретическихъ началъ. Не раздѣляя взглядовъ школы, началъ которой держится этотъ писатель, я высказалъ нѣсколько противоположныхъ ей положеній, имѣющихъ общій характеръ. Статья не была напечатана или потому, что была возвращена мнѣ редакціею, или по случаю прекращенія «Вѣка».

«Г. Тургеневъ передалъ мнѣ рукопись напечатанной уже теперь книжки «Дневникъ дѣвочки» сочинительница которой г-жа Буткевичъ.

«Съ г. Тургеневымъ я познакомился именно по поводу сдѣланнаго имъ мнѣ предложенія издать эту книгу. Вѣроятно г. Тургеневъ, не имѣя постоянной квартиры въ Петербургѣ, далъ своимъ знакомымъ адресъ моего магазина. Никакихъ другихъ отношеній съ г. Тургеневымъ я не имѣю, кромѣ переговоровъ объ изданіи «Дневника дѣвочки».

«Съ г. Долгоруковымъ я вовсе не знакомъ и не имѣлъ никакихъ сношеній. Журнала его «Правдивый» я даже никогда не видѣлъ. Почему онъ прислалъ его мнѣ—не знаю. До моего ареста я не получалъ отъ него никогда его журнала.

«О какомъ господинѣ говорится въ письмѣ Черкесова—не знаю.

«Я не могу припомнить, кто такая женщина, писавшая письмо и потому не знаю лицъ, упоминаемыхъ въ немъ, ни обстоятельствъ, о которыхъ въ немъ идетъ рѣчь.

«Съ г. Шелгуновымъ я знакомъ потому, что онъ нанималъ квартиру въ домѣ моей матери, которымъ я завѣдовалъ. Онъ служилъ кажется въ корпусѣ лѣсничихъ, но вышелъ въ отставку. Знаю, что онъ уѣхалъ въ Сибирь, но въ какое именно мѣсто и съ какою цѣлью не знаю, кажется имѣя въ виду какое то частное мѣсто. Статья, о которой онъ пишетъ, была написана имъ для журнала «Русское слово», содержаніе мнѣ неизвѣстно. Кто Петръ

Ларіоновичъ Михайловъ, и почему надо адресовать къ нему письма—не знаю, вѣроятно это знакомый Шелгунова, имѣющій постоянное мѣстопребываніе.

«Братъ мой Александръ, человѣкъ въ высокой степени болѣзненный, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ онъ заболѣвалъ около тридцати разъ и при томъ такъ, что доктора всякій разъ боялись за его жизнь. За границу его отправили насильно, при томъ пользовавшіе его доктора (Команъ, Вейде и временно Эккъ) настоятельно требовали, чтобы онъ остался за границей до совершеннаго выздоровленія,—онъ упорно хотѣлъ возвратиться послѣ одного курса. Комиссія могла видѣть изъ моихъ писемъ къ другому брату Владиміру, что я выражалъ сильное опасеніе о здоровьѣ брата Александра. Болѣзнь сдѣлала его въ высшей степени мнительнымъ и слабонервнымъ. Безъ сомнѣнія, получивъ извѣстіе о моемъ арестованіи, совершенно неожиданное и внезапное и къ тому же неопредѣленное, такъ какъ едвали писавшій могъ указать причину ареста—братъ Александръ былъ сильно потрясенъ. Можетъ быть, возобновился болѣзненный припадокъ, угрожавшій его жизни.

«Сколько я помню, ни литераторъ Тургеневъ, ни другое лицо не доставляло мнѣ письма и записки отъ Герцена и другого лица. Я дѣйствительно имѣлъ намѣреніе издать сочиненія Герцена писанныя имъ въ Россіи и даже подалъ объ этомъ прошеніе г. предсѣдателю комиссіи цензурнаго комитета, въ которомъ просилъ разрѣшенія условно, то есть если получу дозволеніе на изданіе отъ автора, или лицъ, имѣющихъ право на эту литературную собственность, но сколько помню, не входилъ еще съ г. Герценомъ въ сношенія по этому предмету, кажется, потому, что хотѣлъ обстоятельнѣе узнать, кому принадлежитъ законное право собственности на эти сочиненія.

«Означенныхъ объявленій (посланныхъ Ничипоренкомъ черезъ Тургенева—*М. Л.*) я не только не получалъ, но и не видалъ, обстоятельства о которыхъ здѣсь упоминается, мнѣ совершено неизвѣстны.

«Весьма можетъ быть, что я писалъ лондонскому книгопродавцу Трюбнеру, прося его переговорить объ этомъ дѣлѣ при случаѣ съ Герценомъ. Герценъ не говоритъ, что отвѣчаетъ на мое письмо къ нему, а просто на мое письмо, въ которомъ спрашиваю согласія. Сношеній съ нимъ, и съ другими лондонскими пропагандистами, въ томъ числѣ и съ Кельсіевымъ, не имѣлъ.

«Предъявленное мнѣ письмо, писанное различными почерками, не имѣющее подписи и неизвѣстно къ кому адресованное, откуда и когда написанное, мнѣ вовсе неизвѣстно и я не признаю достовѣрнымъ, чтобы оно было писано ко мнѣ. Всѣ обстоятельства, о которыхъ въ немъ упоминается, мнѣ вовсе неизвѣстны.

«Всѣ означенныя здѣсь обстоятельства (пріѣздъ Кельсіева и пр.—*М. Л.*) мнѣ совершенно неизвѣстны.

«Предъявленное мнѣ неподписанное письмо (Кельсіева къ Серно-Соловьевичу—*М. Л.*) писано неизвѣстною рукою, говоритъ объ об-

стоятельствахъ совершенно неизвѣстныхъ. Я вовсе не отношу его къ себѣ. Съ Кельсіевымъ, которому комиссія приписываетъ его, я не знакомъ и никакихъ дѣлъ никогда не имѣлъ».

Комиссія такъ была возмущена неискренностью Серно-Соловьевича, что отказала даже въ просьбѣ Константину брату, уволенному изъ лицея, выдать ему заграничный паспортъ. Разумѣется, здѣсь постарался Потаповъ, направивши прошеніе на уваженіе комиссіи.

11 декабря, вечеромъ, придя уже въ казематъ, Серно-Соловьевичъ написалъ дополнительное показаніе. Онъ заявилъ въ немъ, что подумавъ, сомнѣвается, чтобы письмо писалъ Черкесовъ и, чтобы отвести подозрѣніе отъ своего пріятеля, Николай Александровичъ сочинилъ цѣлый разсказъ, который я и привожу, въ увѣренности, что читатели не будутъ въ претензіи на эту деталь.

«Весь 1860 годъ я провелъ за границей, изучая финансовую науку. Въ концѣ года былъ въ Парижѣ и обыкновенно ходилъ завтракать въ Café de la Bourse, находившееся близко биржи и потому удобное для моихъ занятій. Мой третій братъ, проѣзжая черезъ Парижъ, въ hyerés, остановился на два дня въ томъ же отелѣ, гдѣ я стоялъ, и уговорилъ меня пойти съ нимъ въ Café Monmorancy, (если не ошибаюсь), гдѣ обыкновенно бывало много русскихъ. На другой день братъ уѣхалъ, я остался. Дня черезъ два въ Café de la Bourse подходитъ ко мнѣ незнакомецъ и по-русски проситъ передать газету. Когда я посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, онъ вступилъ въ разговоръ, объясняя, что слышалъ, какъ я говорилъ съ другимъ господиномъ въ Monmorancy и узнавъ, что я хожу въ Café de la Bourse, нарочно пришелъ познакомиться со мной, такъ какъ судя по нѣсколькимъ моимъ отзывамъ, слышаннымъ имъ въ Café Monmorancy, между нами должна быть симпатія. Я спросилъ его фамилію. Онъ замялся и сказалъ: «это щекотливый для меня вопросъ». Я изъявилъ удивленіе и назвалъ себя. Тогда онъ разсыпался въ комплиментахъ, благословлялъ судьбу, сведшую насъ и сказалъ, что онъ здѣсь подъ именемъ Михайлова, но что настоящая его фамилія другая, что онъ мнѣ сообщитъ ее, когда сойдемся поближе, что онъ уѣхалъ изъ Россіи по политическимъ дѣламъ. Затѣмъ этотъ господинъ сталъ преслѣдовать меня, несмотря на явное мое нежеланіе быть съ нимъ знакомымъ. Сверхъ того, постоянно зазывалъ къ своей кузинѣ, какъ онъ называлъ Alexandrine или Сашѣ, о которой сочинилъ цѣлую исторію. Мать ея русская, отецъ былъ полякъ, они эмигрировали, когда она была ребенкомъ, потомъ она вышла замужъ за венгерскаго магната, который былъ убитъ въ итальянскую кампанію, сражаясь за Италію. Я подъ предлогомъ своихъ занятій упорно отговаривался. Однажды онъ пришелъ въ Café съ чрезвычайно красивою женщиной, это была кузина, она обошлась со мной, какъ со стариннымъ пріятелемъ, говоря, что такъ много слышала обо мнѣ отъ своего брата. Спросила, говорю ли я по-венгерски, и послѣ отрицательнаго отвѣта продолжала по-французски, но не

особенно хорошо, русскій она совсѣмъ забыла, а нѣмецкій знаетъ, но ненавидитъ. На мой взглядъ она показалась какою-нибудь смѣшанною еврейкою. Спросила бутылку дорогого вина, я велѣлъ дать другую, настаивала, чтобы весь день провелъ съ ними, я отклонилъ, но долженъ былъ обѣщать вечеръ. Дала адресъ въ Rue de st. Honore. Михайловъ просилъ позволенія заплатить за меня, я конечно отказался, затѣмъ они очень скоро ушли. Мнѣ подали счетъ за двѣ бутылки. Вечеромъ я конечно не пошелъ къ нимъ и даже рѣшилъ перемѣнить Café. Рано утромъ на другой день ко мнѣ въ отель входитъ неожиданно Михайловъ, страшно претендуетъ, что я не сдержалъ слово, и располагается у меня какъ дома, смотритъ книги, бумаги. Между прочимъ, вдругъ спрашиваетъ, взяли съ меня за вино вчера, и, узнавъ, что взяли за ихъ бутылку, вошелъ въ пафосъ и сталъ просить пойти вмѣстѣ въ Café, обѣщая сдѣлать тамъ скандалъ, такъ какъ онъ заплатилъ и за меня. Я отклонилъ предложеніе, говоря, что не охотникъ до скандаловъ. Въ разговорѣ онъ сообщилъ, что думаетъ переселиться въ Лондонъ и просилъ рекомендательное письмо къ Герцену. Я отвѣчалъ, что не знакомъ съ нимъ, но, по его мнѣнію, мое имя было такъ извѣстно, что Герценъ даже не зная меня лично, уважитъ мое письмо. Я опять выразилъ сомнѣніе, представляя, что мои литературные труды не важны, письмо къ государю вѣроятно не особенная заслуга въ глазахъ Герцена, а больше ему неоткуда знать обо мнѣ. Вообще господинъ этотъ былъ крайне навязчивъ и наглъ и говорилъ мнѣ «ты» и mon chér, хотя я ему отвѣчалъ «вы». Наконецъ я выпроводилъ его, сказавъ, что долженъ идти, запретилъ трактирному лакею пускать его ко мнѣ, и перемѣнилъ café. Этимъ я на нѣсколько дней спасся, но однажды вечеромъ, въ театрѣ, они подходятъ ко мнѣ и кузина заявляетъ, что во что бы то ни стало, дѣлаетъ меня на вечеръ плѣнникомъ, приглашаетъ послѣ театра играть въ карты и посмотритъ, какъ я отдѣлаюсь на этотъ разъ. Мнѣ уже сильно наскучили эти преслѣдованія, потому я отвѣтилъ довольно рѣзко: «а вотъ какъ: я вамъ скажу, что крайне удивляюсь, что женщина, называющая себя вдовою венгерскаго магната, не имѣетъ достаточно такта и гордости, чтобы перестать навязывать свое знакомство человѣку, видимо уклоняющемуся отъ него»—и ушелъ не дожидая отвѣта. Это наконецъ избавило меня отъ преслѣдованій, къ тому же я скоро уѣхалъ. Всему этому происшествію я не придавалъ никакого серьезнаго значенія, считая его попыткой завлечь и обобрать молодого человѣка.

«Прошло больше года, я совсѣмъ забылъ о немъ, но въ началѣ нынѣшней весны получаю изъ Лондона письмо незнакомой руки съ неразборчивою подписью. Авторъ пишетъ мнѣ, какъ короткому пріятелю, на «ты», говоритъ, что онъ Михайловъ, но переселясь теперь въ Лондонъ, принялъ польскую фамилію, въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, какъ онъ выразился—«съ нашимъ общимъ другомъ А. И.» поздравляетъ меня съ открытіемъ магазина и желая доказать свою дружбу, рекомендуетъ золотого человѣка, Орловскаго, который

явится ко мнѣ съ запиской отъ него, онъ можетъ мнѣ служить секретаремъ и факторомъ, способности его я скоро оцѣню и все что имѣю пересылать Герцену могу сообщать ему, Орловскому, онъ будетъ пересылать своему пріятелю, а тотъ передавать Герцену, кузина его Саша, пріѣдетъ въ Петербургъ и на дѣлѣ докажетъ, что я былъ о ней невѣрнаго мнѣнія. Теперь она въ Берлинѣ. Орловскій будетъ знать ея адресъ, она не сердится на меня и всякій присланный мною будетъ принятъ, какъ другъ. Къ сожалѣнію эта наглость до того разсердила меня, что я, прочтя письмо, тутъ же скомкалъ и изорвалъ его въ мелкіе клочки. Съ недѣлю спустя ко мнѣ на квартиру явился незнакомый господинъ, рекомендуясь Орловскимъ, и показывая письмецо, въ которомъ значилось, что предъявитель его тотъ самый Орловскій, о которомъ уже было писано, къ кому обращаться не означено, подпись неясная. Я прежде всего спросилъ адресъ Орловскаго, онъ отвѣчалъ уклончиво и не далъ, я объявилъ, что мѣста для него у меня нѣтъ, и чтобъ онъ сообщилъ своему пріятелю, что если-бы я имѣлъ намѣреніе дать ему, Орловскому, мѣсто, то послѣ такого письма, какъ написалъ его пріятель, отказался бы отъ своего плана. Онъ поспѣшно взялъ со стола рекомендательную записку и ушелъ. Это было кажется въ маѣ. Съ тѣхъ поръ я ни о комъ изъ этихъ лицъ извѣстій не имѣлъ. Письмо упоминаемое въ вопросѣ комиссіи, говорящее о рекомендованномъ человѣкѣ и о Сашѣ, по содержанію своему могло быть написано этимъ самымъ человѣкомъ. Само по себѣ и это письмо не имѣло бы для меня никакого значенія, но нѣкоторыя другія обстоятельства, между прочимъ, присылъ въ мой книжный магазинъ *по почтѣ послѣ моего ареста* объявленій о газетѣ Долгорукова, естественно заставляютъ меня опасаться различныхъ тайныхъ козней. Потому я и счелъ необходимымъ довести объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія комиссіи».

Допросы Н. А. Серно-Соловьевича, его прислуги и Борщова.

Черезъ два дня послѣ дополнительнаго показанія, Николая Серно-Соловьевича призвали опять на допросъ, но онъ былъ твердъ и на всѣ увѣщанія комиссіи показать правду отвѣчалъ тѣмъ же, что показывалъ и раньше, а въ подтвержденіе справедливости сказаннаго о письмѣ, привезенномъ Ветошниковымъ, просилъ съ нимъ очной ставки, хорошо, конечно, зная, что она ровно ничего противъ него не дастъ. Вмѣсто этого сама комиссія въ тотъ же день дала ему очную ставку съ Ничипоренкомъ, на которой оба обвиняемые остались при своихъ показаніяхъ. Затѣмъ комиссія рѣшила вызвать для допроса лакея, кухарку и артельщика Серно-Соловьевича, а также и брата его Константина. 20-го декабря послѣдній показалъ, что ѣздилъ домой изъ лицея только по воскресеньямъ, никакого Кельсіева у брата не видалъ и ничего о немъ

не слыхалъ. Относительно кухарки Леоновой, лакея Игнатьева (тогда служившаго уже дворникомъ въ его домѣ въ Нарвской части) и артельщика Бѣлова Николай Серно-Совольевичъ ничего не имѣлъ противъ допроса ихъ подъ присягой, увѣренный, что хорошо скрылъ концы кельсіевскаго пребыванія у себя [1]).

Леонова показала, что поступила къ Серно-Соловьевичу въ услуженіе въ октябрѣ 1861 г. и жила до апрѣля слѣдующаго года. Во время великаго поста у барина жили: Илья Борщовъ весь постъ, Черкесовъ половину поста и какой то «молодой человѣкъ», пріѣхавшій неизвѣстно откуда, прожилъ около недѣли и куда уѣхалъ—ей неизвѣстно, но помнитъ, что уѣхалъ до Пасхи.

Онъ былъ средняго роста, худощавый, бѣлокурый, безъ бороды и усовъ; ходилъ въ статскомъ платьѣ. Прислуживалъ ему лакей Михайло Игнатьевъ.

Послѣдній показалъ, что ничего не знаетъ о пріѣздѣ человѣка, называемаго комиссіей «Василіемъ Ивановичемъ». Тоже самое сказалъ и Бѣловъ.

Затѣмъ спросили Серно-Соловьевича, думая, вѣроятно, что, узнавъ о предварительныхъ допросахъ прислуги, онъ покажетъ всю правду. Но Н. А. сказалъ, что не помнитъ, останавливался ли у него кто нибудь, кромѣ Борщова и Черкесова. Тогда ему дали очныя ставки съ тремя только то допрошенными. Ставка съ Леоновой ровно ничего не прибавила; на ставкѣ съ Игнатьевымъ Серно-Соловьевичъ только замѣтилъ, что въ домѣ его матери останавливался Василій Ивановичъ Мягковъ, это единственный ихъ знакомый «Василій Ивановичъ». Что было дѣлать комиссіи? Оставалось еще одно средство: перекрестныя очныя ставки самой прислуги. Такъ и сдѣлали. Оказалось, что Леонова хорошо знаетъ Мягкова

---

[1]) Въ сожженомъ изданіи „Сочиненій“ Шелгунова есть, между прочимъ, такія строки о прислугѣ Серно-Соловьевича:

„Когда я переѣхалъ къ Серно-Соловьевичамъ, у нихъ служилъ какой то необыкновенный лакей: изящный, красивый, съ салонными манерами, говорившій интеллигентнымъ языкомъ. Все это было подозрительно, а въ особенности никому не нравилась внимательность, съ которой интеллигентный лакей относился къ разговорамъ. Николай Серно-Соловьевичъ, болѣе довѣрчивый, смотрѣлъ на интеллигентнаго камердинера довольно безразлично, но Александръ думалъ иначе и былъ склоненъ подозрѣвать въ немъ не простого лакея, получавшаго жалованіе только отъ Серно-Соловьевичей. Конечно, въ этомъ щекотливомъ вопросѣ не могли не принять участіе друзья, которые и позаботились обставить Серно-Соловьевичей прислугой болѣе подходящей. По рекомендаціи друзей, мѣсто интеллигентнаго лакея занялъ деревенскій парень въ красной русской рубашкѣ и штанами въ сапоги бутылками, взятый изъ одного книжнаго магазина; а въ кухарки была отрекомендована дѣвушка (уже не молодая) изъ вѣрной и хорошей мѣщанской семьи. Судя по тому, что Кельсіевъ успѣлъ уѣхать благополучно, нужно думать, что пріѣздъ его сдѣлался извѣстнымъ уже послѣ и всего вѣроятнѣе по чьей нибудь неосторожной откровенности. . . . Черезъ нѣсколько времени былъ арестованъ и деревенскій парень и взята къ допросу и „вѣрная“ кухарка. Парень долго не дѣлалъ никакихъ показаній и говорилъ, что ничего не знаетъ, но вѣрная кухарка оказалась всезнающей, и на очныхъ ставкахъ съ парнемъ запальчиво, съ налетомъ уличала его въ томъ, что онъ говоритъ неправду, что къ Серно-Соловьевичамъ ходили такія то и такія то лица“.

и настаиваетъ, что у нихъ жилъ другой «Василій Ивановичъ». Тогда и Игнатьевъ прибавилъ, что припоминаетъ, что у нихъ останавливался «Василій Ивановичъ», но не Мягковъ.

Комиссія такъ была афропирована неудачными очными ставками, что рѣшилась на обычное средство, употребляемое въ такихъ случаяхъ. О немъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго протокола:

«1862 года декабря 10 дня, высоч. учрежденная въ С.-Петербургѣ слѣдствен. комиссія, въ присутствіи гг. членовъ ея, генералъ-маіора Огарева и д. ст. с. Гедда, по приводѣ къ присягѣ временно обязаннаго крестьянина Тульской губ. Крапивенскаго уѣзда деревни Сороченки, Михайла Игнатьева, приступила къ отобранію отъ него показанія. Первоначально Игнатьевъ запирался въ знаніи тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ его разспрашивали, отзываясь, что онъ не помнитъ или не знаетъ и видимо давалъ уклончивые отвѣты. Когда же, наконецъ, послѣ долгихъ изворотовъ смысла своихъ словъ, Игнатьевъ написалъ показаніе, то д. ст. сов. Гедда прочелъ оное и *послѣ каждой фразы* спрашивалъ его: «такъ ли?». На эти вопросы Игнатьевъ отвѣчалъ: «такъ» и подписалъ свое показаніе. Когда за симъ былъ призванъ надворный сов. Серно-Соловьевичъ и на очной ставкѣ съ Игнатьевымъ сталъ подтверждать прежніе свои отвѣты, то и Игнатьевъ, видимо желая согласоваться съ показаніями Серно-Соловьевича, отозвался, что останавливался ли въ квартирѣ послѣдняго Василій Ивановичъ—не помнитъ; когда же члены и *самъ Серно-Соловьевичъ* убѣдили Игнатьева, что въ показаніи своемъ онъ ясно выразилъ, что Василій Ивановичъ останавливался у Серно-Соловьевича зимой, то Игнатьевъ позволилъ себѣ сказать, что *члены комиссіи наговорили ему о пребываніи Василія Ивановича у Серно-Соловьевича.* На предложеніе членовъ, чтобы Игнатьевъ написалъ о семъ въ актѣ очной ставки, онъ далъ показаніе, въ которомъ, въ отмѣну перваго, объяснилъ, что онъ не помнитъ, останавливался ли Василій Ивановичъ у Серно-Соловьевича. Послѣ сего Игнатьеву дана была очная ставка съ вдовою Леоновою и когда сія послѣдняя уличала его, что въ посту, кромѣ Борщова и Черкесова, дѣйствительно останавливался у нихъ еще третій молодой человѣкъ, которому Игнатьевъ прислуживалъ, тогда онъ подтвердилъ прежнее свое показаніе о томъ, что Василій Ивановичъ дѣйствительно остановился въ показанное Леоновою время».

Ясно, что допросъ чинился «съ пристрастіемъ».

На слѣдующій день Серно-Соловьевичъ написалъ еще дополнительное показаніе, которое имѣетъ интересъ, но, разумѣется, не по существу дѣла.

«Возвратясь послѣ допроса въ свою комнату, я, напрягая свою память, вспомнилъ, что у меня, дѣйствительно, проживало короткое время, зимою, лицо, о которомъ я совершенно забылъ, такъ какъ наши отношенія были такого рода, что память о нихъ почти изгладилась во мнѣ. Вспомнивъ о немъ, я хотѣлъ тотчасъ возвратиться въ комиссію, для дополненія показанія, но мнѣ было сказано, что уже присутствіе кончилось.

«Обстоятельства знакомства съ помянутымъ лицомъ были слѣдующія: по окончаніи слѣдствія надъ бывшими студентами здѣшняго университета, въ городѣ были слухи (оказавшіеся справедливыми), что многимъ изъ заключенныхъ молодыхъ людей негдѣ пристать. Потому я далъ свой адресъ кому то изъ профессоровъ (кому именно, не помню), прося, въ случаѣ нужды, прислать ко мнѣ кого нибудь изъ молодыхъ людей, такъ какъ у меня есть возможность принять къ себѣ кого нибудь на короткое время. Вслѣдствіе этого ко мнѣ былъ присланъ молодой человѣкъ, наружность которого соотвѣтствуетъ описанной Леоновой; спалъ онъ, дѣйствительно, въ холодной комнатѣ. Фамилію и имя его я забылъ [1]), такъ какъ видался съ нимъ весьма рѣдко, потому что я проводилъ цѣлый день въ магазинѣ, а онъ у товарищей. Ходитъ онъ въ штатскомъ платьѣ, именно, если не ошибаюсь, ему дано было платье изъ числа пожертвованныхъ публикою, такъ какъ онъ не имѣлъ здѣсь никого изъ родныхъ и не имѣлъ денегъ. Пробылъ онъ у меня недолго, но не могу сказать опредѣлить, сколько именно времени. Онъ былъ опредѣленъ въ какое то губернское заведеніе, куда и отправился отъ меня; сколько могу припомнить, заведеніе это не университетъ, а, кажется, одинъ изъ губернскихъ лицеевъ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ о немъ никакого извѣстія. Какъ сказалъ уже, имени его не помню, можетъ быть, его, дѣйствительно, зовутъ Василіемъ Ивановичемъ, можетъ быть, что я, говоря съ помянутымъ Игнатьевымъ, служившимъ у меня въ комнатахъ, назвалъ этого молодого человѣка Василіемъ Ивановичемъ или по разсѣянности (такъ какъ у меня было много хлопотъ съ помянутымъ жильцомъ, Васильемъ Ивановичемъ Мягковымъ, по случаю его дѣлъ съ кварталомъ), или просто забывая его имя. Я тогда весь былъ погруженъ въ дѣла вновь открытаго магазина и во множество другихъ моихъ семейныхъ дѣлъ, такъ что былъ разсѣянъ въ остальныхъ маловажныхъ для меня предметахъ. Фактъ пребыванія у меня этого молодого человѣка былъ извѣстенъ мѣстному полицейскому начальству, которое, кажется, и дало ему денегъ на проѣздъ въ его новое заведеніе. Сколько припомню, ни Борщова, ни Черкесова во время пребыванія молодого человѣка у меня не было».

Комиссія игнорировала это показаніе, надо сознаться, очень недурно заметавшее слѣдъ Кельсіева, и дала Серно-Соловьевичу очную ставку еще съ бывшимъ его дворникомъ, Ефимомъ Тихоновымъ, но тотъ обманулъ ожиданія комиссіи, показавъ, что поступилъ на пятой недѣлѣ поста и объ остановкахъ Борщова, Черкесова и «Василія Ивановича» ровно ничего не помнитъ [2]).

Не больше дала и очная ставка Серно-Соловьевича съ Ничипо-

---

[1]) Николай Михайловичъ Соколовскій.

[2]) На самомъ дѣлѣ Борщовъ жилъ у Серно-Соловьевича съ 22 января 1862 г. по 20 мая, Черкесовъ—съ 4 октября 1851 г. по 4 января слѣдующаго и еще нѣсколько дней въ посту, а студентъ Соколовскій – съ первыхъ чиселъ декабря 1861 г. до 11 января, когда уѣхалъ въ Нѣжинъ.

ренкомъ, показавшимъ за нѣсколько дней до того, что онъ хорошо помнитъ, какъ въ день пріѣзда Кельсіева изъ Москвы, въ страстную субботу, къ нему, Ничипоренку, пришелъ Серно-Соловьевичъ, не раздѣваясь взялъ деньги Кельсіева и ушелъ, сказавъ, что Кельсіевъ сегодня же уѣзжаетъ изъ Россіи. Это было показано въ исправленіе ранѣе сдѣланной ошибки, будто бы Кельсіевъ зашелъ за деньгами самъ. Это совершенно справедливое показаніе Серно-Соловьевичъ, разумѣется, отрицалъ, и потому очная ставка ничего не дала.

Позже, уже въ январѣ 1863 г., надворный совѣтникъ *Илья Григорьевичъ Борщовъ* [1]) былъ отысканъ въ Петербургѣ и привлеченъ къ допросу. Оказалось, что онъ кончилъ лицей въ 1853 году, а тогда занимался уже естественными науками; въ 1857—1858 гг. былъ командированъ академіей наукъ въ ученую экспедицію, а по возвращеніи оттуда получилъ ученую командировку за границу. Отношенія его съ Н. А. Серно-Соловьевичемъ были всегда хорошія. Жилъ онъ у него въ 1862 г. около четырехъ мѣсяцевъ, но кромѣ Черкесова не помнитъ, чтобы кто нибудь останавливался у нихъ. На очной ставкѣ Борщова съ Ничипоренкомъ послѣдній заявилъ, что именно его то онъ и видѣлъ у Серно-Соловьевича, когда пришелъ къ нему съ Кельсіевымъ. Борщовъ сказалъ, что видѣлъ Ничипоренко, но безъ кого бы то ни было. Привлеченные снова къ допросу Леонова и Игнатьевъ, кухарка и лакей Н. А., показали, что не знаютъ, видѣлся ли Борщовъ съ «Василіемъ Ивановичемъ», потому что онъ почти не бывалъ дома. [2]).

Допросы Гаевскаго, Кожанчикова, Щапова и Траверсе.

11 декабря князь Голицынъ сообщилъ Потапову о желаніи комиссіи, чтобы въ Москву, въ помощь полковнику Дурново, былъ командированъ надзиратель петербургской полиціи штабсъ-капитанъ Мироновичъ, уже отличившійся энергичною дѣятельностью въ прошлую командировку.

Въ ожиданіи дѣйствій этихъ двухъ молодцовъ комиссія продолжала разслѣдованіе.

13 декабря снова былъ вызванъ для допроса Гаевскій, къ которому приступили, по совѣту Ничипоренка, относительно векселя съ бланкомъ Тиблена. Гаевскій продолжалъ тактику отрицанія и на этотъ разъ заявилъ, что ровно никакихъ дѣлъ съ Тибленомъ не имѣлъ и ни о какомъ векселѣ не знаетъ. На вопросъ комиссіи, что значитъ фраза въ письмѣ Касаткина: «О Вадимѣ ни слуху, ни духу», Гаевскій сказалъ, что вскользь упомянулъ Касаткину о слухѣ, будто Кельсіевъ пріѣзжалъ въ Россію, и на это Касаткинъ

[1]) Потомъ профессоръ кіевскаго университета.

[2]) Тучкова-Огарева говоритъ, будто Борщовъ такъ понравился Герцену, что тотъ не переставалъ твердить, что онъ былъ бы счастливъ, еслибы судьба послала его дочери такого мужа. (стр. 200 „Воспоминаній“).

отвѣтилъ фразой, называя Кельсіева его заграничнымъ литературнымъ псевдонимомъ. Снова ему была дана очная ставка съ Ничипоренкомъ, но Гаевскій ничего не прибавилъ. Тогда призвали Николая Тиблена, котораго Гаевскій разумѣется обо всемъ предупредилъ [1]). Онъ сказалъ, что, можетъ быть, и бралъ въ банкирскомъ домѣ Винекена въ мартѣ 1862 г. переводное письмо на Лондонъ въ 41 фунтъ, но не помнитъ, Гаевскому же никакихъ векселей не передавалъ.

Потерпѣвъ неудачу съ Гаевскимъ и Серно-Соловьевичемъ, обратились къ безпокоившему комиссію Кожанчикову. Но тотъ былъ очень кратокъ: съ Траверсе познакомился еще въ Москвѣ въ 1856 г. и не подозрѣвалъ о его знакомствѣ съ лондонскими пропагандистами; Ничипоренку денегъ никакихъ не давалъ, Касаткина въ Москвѣ не видѣлъ. Очная ставка съ Ничипоренкомъ ничего не прибавила...

Комиссія видѣла, что періодъ разслѣдованія самъ собой приходитъ къ концу, и обремененная массою другихъ дѣлъ, обусловленныхъ срочностью производства, рѣшила закончить его возможно быстрѣе и нашла нужнымъ 24 декабря испросить высочайшее повелѣніе на отдѣленіе этого дѣла отъ другихъ и на передачу его въ сенатъ.

Въ эти послѣдніе дни своего владычества она допросила, наконецъ, и *Щапова*. Въ виду историко-біографическаго интереса, привожу его показаніе полностью:

«Аѳанасій Прокопьевъ Щаповъ, сынъ пономаря, отъ роду мнѣ 31 годъ, вѣроисповѣданія православнаго, на исповѣди и у св. причастія бываю ежегодно, не женатъ, имѣю брата, сестеръ и родственниковъ, находятся они въ Иркутской губерніи. Недвижимой собственности не имѣю. Курсъ кончилъ въ Казанской духовной академіи; послѣ того проживалъ въ Казани, 4 года баккалавромъ казанской духовной академіи, потомъ полгода въ казанскомъ университетѣ. Въ настоящее время на службѣ не состою. Потомъ былъ подъ судомъ или подъ арестомъ по поводу панихиды въ Казани на куртинѣ 10 апрѣля 1861 года. Высочайше помилованъ. Дѣло о панихидѣ производилось, какъ мнѣ кажется, въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. канцеляріи, а потомъ въ свят. синодѣ. Содержался я подъ арестомъ сначала въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. канцеляріи, а потомъ въ I-й адмиралтейской части.

---

[1]) Въ дѣлѣ есть нѣкоторыя указанія на біографію Тиблена, игравшаго скромную роль въ движеніи того времени. Сынъ артиллериста, онъ не кончилъ гимназіи и перешелъ въ Михайловское артиллерійское училище, откуда вышелъ офицеромъ, въ севастопольскую кампанію раненъ и перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ на должность секретаря директора департамента общихъ дѣлъ. Выйдя затѣмъ въ отставку, открылъ на Васильевскомъ островѣ типографію, проданную въ 1862 г. Женатъ на дочери доктора Задлера, сыну котораго и продалъ свою типографію. Тогда занимался книгоиздательствомъ. Въ началѣ 1862 г. до III Отдѣленія дошли слухи, что Тибленъ въ сношеніяхъ съ Герценомъ и его товарищами, а, по словамъ покойнаго теперь уже литератора Пятковскаго, сказаннымъ имъ неосторожно въ интимномъ обществѣ, наборщики типографіи Тиблена разносили по городу воззванія. Всѣ эти обвиненія не подтвердились.

«Никакого письма я не передавалъ коллежскому регистратору Андрею Ничипоренко для отправленія въ Лондонъ къ Кельсіеву. Не было рѣшительно никакого повода и предмета для письма къ Кельсіеву. Никогда съ Кельсіевымъ я не знакомился и не имѣлъ рѣшительно никакихъ надобностей знакомиться: едва знаю о существованіи его.

«Съ Ничипоренкомъ только случайно видѣлся гдѣ-то разъ, кажется, въ Шахматномъ литературномъ клубѣ, не имѣлъ съ нимъ никакихъ отношеній и не отправлялъ никакого письма къ Кельсіеву, переписки съ Кельсіевымъ вовсе не было никакой и отъ Кельсіева не получалъ никакого письма. О Кельсіевѣ только по наслышкѣ слыхалъ».

На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ Щаповъ отрицалъ его показаніе о передачѣ ему написанной имъ статьи по поводу стихотворенія кн. Вяземскаго.

На этомъ для Щапова все и кончилось.

Жена маркиза Траверсе просила князя Голицына ускорить выясненіе степени участія въ дѣлѣ ея больного мужа, и потому комиссія запросила главнаго госпитальнаго врача, можно ли призвать маркиза на дополнительный допросъ. Тотъ отвѣтилъ, что въ виду все еще неопредѣленности истиннаго состоянія здоровья Траверсе, полагалъ бы невозможнымъ привозъ его въ крѣпость, а желательнымъ допросъ въ стѣнахъ госпиталя 5 января два члена комиссіи поѣхали туда и узнали кое-что новое. А именно: бывъ у Герцена вмѣстѣ съ Каншинымъ, маркизъ передалъ ему письмо мирового посредника къ дворянамъ, списанное имъ въ Псковѣ съ копіи бывшей у Болычева и просилъ напечатать его въ «Колоколѣ». Зачѣмъ найденныя у него уже послѣ письма Бакунина (напечатанныя въ октябрьской книжкѣ „Былого“ на стр. 114—116) были въ его столѣ— не знаетъ, но помнитъ, что доставилъ ихъ ему докторъ Бушъ. Хотѣлъ передать ихъ Н. С. Бакуниной, но за отъѣздомъ ея въ деревню не успѣлъ. Письмо Альбертини къ Громекѣ получилъ отъ Налбандяна, а жены Бакунина—по почтѣ, о другихъ письмахъ ничего не помнитъ.

Въ тотъ же день Траверсе были даны очныя ставки съ Гаевскимъ и Кожанчиковымъ, но какъ и многія другія, онѣ ничего новаго не выяснили.

Разумѣется, комиссія просила Потапова разыскать Буша и представить ей для допроса [1]). Тогда же Гаевскому была возвращена его обширная библіотека, отданная на просмотръ члену комиссіи Каменскому; удержаны были только три какія-то сочиненія Герцена.

---

[1]) Докторъ Богданъ Ивановичъ Бушъ былъ старшимъ врачемъ 16 флотскаго экипажа и вернулся изъ за границы въ началѣ августа 1862 г. По сообщенію оберъ-полицеймейстера—„либеральныхъ идей въ немъ не замѣчается“.

Дѣло въ сенатѣ. Письмо Касаткина.

31 декабря 1862 г. государь согласился на передачу этого дѣла въ сенатъ. 18 января 1863 г. министръ юстиціи Замятнинъ увѣдомилъ объ этомъ общее собраніе сената.

А пока министръ собирался писать сенату, комиссія получила въ свое распоряженіе очень интересный документъ, попавшій ей въ руки, повидимому, благодаря щедрости русскаго правительства, никогда не жалѣвшаго денегъ на подкупъ заграничныхъ чиновниковъ всякаго ранга. Это было письмо Касаткина къ Огареву отъ 7 января н. с. 1863 г. Вотъ оно:

«Поздравляю васъ и А. И. [1]) съ новымъ годомъ, потому что не жду отъ него гадостей прошлаго и вѣрю въ лучшее будущее.

«Черезъ десять дней ѣдетъ отсюда одинъ русскій съ женой въ Питеръ и потомъ въ Москву. Онъ берется кое что захватить съ собой и передать кому нужно *словесно* все, что ему будетъ поручено. Не найдется ли у васъ какихъ-нибудь порученій и слѣдуетъ ли отдать ему вашъ адресъ, который переписанъ въ двухъ экземплярахъ, для Петербурга и Москвы.

«Послѣднее время у меня была только дѣловая переписка и потому пока ничего не могу сообщить вамъ особенно важнаго. Серно-Соловьевичу пишутъ, что дѣло Николая Александровича и Николая Гавриловича [2]) вовсе не подвигается впередъ; вѣрно, ихъ еще долго протомятъ.

«Сообщу вамъ разсказъ здѣшняго попа, который съ недѣлю вернулся ихъ Россіи.

«Къ сожалѣнію, его *нельзя* напечатать, потому что схватятъ и попа и достанется тѣмъ двумъ русскимъ, которымъ онъ сообщалъ его. Попъ ѣздилъ въ Россію собирать на построеніе церкви въ Женевѣ. Время для этого было выбрано неудачно—и онъ обратился къ разнымъ властямъ помочь ему. Между прочимъ Филаретъ взялся сказать объ этомъ государынѣ (въ бытность ея въ Москвѣ). М. А—на дала слѣдующій отвѣтъ: церкви въ Женевѣ незачѣмъ строить, потому что, заведи въ Женевѣ церковь, такъ русскіе будутъ больше останавливаться въ этомъ *вольномъ* городѣ, а въ республикѣ имъ не житье и хорошему они не научатся, а привезутъ съ собой опасныя мысли. Передавая этотъ отвѣтъ попу, самъ Филаретъ пожималъ плечами. Петербургскій Суворовъ думаетъ объ этомъ не такъ, потому что помогъ попу въ дѣлѣ сбора.

«Изъ Москвы, между прочимъ, плачевная новость. Н. М. Щ. ([3] закрываетъ свой магазинъ къ новому году. Разладица дошла между «отцами» и «дѣтьми» до nec plus ultra. «Отцы» не посовѣстились

---

[1]) Герцена.

[2]) Чернышевскаго.

[3]) Николай Михайловичъ Щепкинъ, державшій въ Москвѣ свой книжный магазинъ.

все взвалить на шею одного Щ., который и долженъ за это порядочно поплатиться; это главнѣе всего разрушаетъ всѣ планы добраго дѣла. Щ. думаетъ сдѣлаться мировымъ судьей.

«Книга чичеринской наглости выше [1]). Первой статьей въ ней письмо его къ А. И. Хороши родители, нечего сказать. Теперь уже ни ихъ, ни ихъ адъютантовъ, чай, не своротишь съ колеи, въ которой они увязли. Остается желать, чтобы они завязли въ ней съ головой.

«А каковъ московскій лордъ-мэръ!? На колѣняхъ встрѣтилъ е. в. [2]). Онъ, вѣрно, подумалъ, что если ужъ становился (будучи головой же) на колѣни передъ Сѣчинскимъ въ номерахъ «Крыма», то встать передъ А. Н. и подавно слѣдуетъ.

«А, впрочемъ, вѣдь и одинъ изъ «отцовъ» становился на колѣни да еще передъ портретомъ А. Н.

«Будьте здоровы, *душевно преданный*».

Письмо это съ несомнѣнностью устанавливало виновность Касаткина, имя котораго, хотя и не подписанное, комиссіи было почему-то извѣстно.

Обыскъ и арестъ Любенкова и ходъ дѣла въ сенатѣ.

Первымъ распоряженіемъ сената [3]) было освобожденіе на поруку изъ крѣпости Бѣлозерскаго по ходатайству его брата, Василія Михайловича.

Черезъ недѣлю министръ юстиціи прислалъ въ сенатъ акты допросовъ отставного гвардіи штабсъ-капитана *Николая Владиміровича Любенкова*, произведенныхъ въ Москвѣ жандармскимъ полковникомъ Воейковымъ 3 мъ, и сообщилъ, что сдѣлано распоряженіе о заключеніи Любенкова въ Петропавловскую крѣпость и объ обыскѣ въ имѣніи его отца, отставного генерала.

Воейковъ доносилъ Потапову, что 13-го января онъ исполнилъ данное ему предписаніе «со всей возможною осторожностью и деликатностью». Это значило, что знакомый съ Любенковымъ квартальный надзиратель, прапорщикъ Крушинскій, подъ предлогомъ «гостей» пригласилъ его къ себѣ. Тамъ же былъ и Воейковъ, сообщившій Любенкову о порученіи своего начальства и сказавшій, что не является прямо къ нему на домъ, чтобы не испугать старика отца и семейство. Затѣмъ они тихонько отправились на квартиру Любенкова, сдѣлали тамъ обыскъ въ присутствіи брата его Льва, взяли съ Николая подписку о невыѣздѣ изъ Москвы и

---

[1]) Рѣчь идетъ о книгѣ Б. Н. Чичерина—„Нѣсколько современныхъ вопросовъ“, вышедшей въ свѣтъ въ концѣ 1862 года. Въ ней на первомъ мѣстѣ стояло письмо Чичерина къ Герцену, предварительно напечатанное въ „Колоколѣ“.

[2]) Его Величество.

[3]) Составъ I-го отдѣленія 5 департамента былъ въ то время слѣдующій: первоприсутствовавшій Карніолинъ-Пинскій, сенаторы: Карнѣевъ, Веневитиновъ, Беръ, Лукашъ и П. М. Донауровъ.

пригласили его для допроса въ канцелярію оберъ-полицеймейстера. Самъ Любенковъ очень тревожился, что дѣлалъ непріятность маркизу Траверсе, которому привезъ одно письмо для Бакунина.

На допросѣ онъ показалъ, что родился въ 1834 г., въ 1851 г. произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, въ сентябрѣ 1861 г. поѣхалъ прокатиться въ Германію, Италію, Францію и Англію и недѣлю пробылъ на лондонской выставкѣ. Въ это время дважды былъ у Герцена и видѣлъ много народу. Бакунинъ очень просилъ передать письмо Траверсе. Потомъ, уже изъ Россіи, онъ самъ писалъ Бакунину, на имя Громилова, о правительственныхъ слухахъ и о назначеніи Константина Николаевича въ Царство Польское.

Обыскъ въ имѣніи отца Любенкова не далъ никакихъ результатовъ.

2 февраля петербургскій генералъ-губернаторъ кн. Суворовъ сообщилъ сенату о томъ, что врачъ госпиталя, психіатръ Балинскій, находитъ необходимымъ, чтобы маркизъ Траверсе имѣлъ ежедневныя прогулки. Сенатъ разрѣшилъ ихъ, но подъ извѣстнымъ надзоромъ.

Въ тотъ же день кн. Суворовъ доводилъ до свѣдѣнія сената о просьбѣ Кожанчикова съѣздить на десять дней въ Москву. Надѣясь изъ этой поѣздки извлечь что нибудь и для себя въ смыслѣ выясненія личныхъ сношеній Кожанчикова, сенатъ разрѣшилъ и эту просьбу, взявъ только съ А. А. Краевскаго, на котораго выборъ палъ по соглашенію съ Кожанчиковымъ, ручательство, что Кожанчиковъ вернется по первому требованію.

6 февраля сенатъ заслушалъ словесное прошеніе Ветошникова о разрѣшеніи ему свиданія съ родственниками и съ тѣми, съ кѣмъ онъ видѣлся раньше, когда дѣло было въ рукахъ комиссіи, и прошеніе Николая Серно-Соловьевича и Ветошникова о допущеніи ихъ къ чтенію и рукоприкладству записки о нихъ сената. Всѣ эти просьбы были удовлетворены. Любопытно, что никто изъ другихъ обвиняемыхъ въ этомъ громадномъ дѣлѣ не просилъ о томъ, на что имѣлъ несомнѣнныя права: на прочтеніе сенатской записки, которая должна была вѣнчать все дѣло—настолько было велико незнаніе своего права, настолько многихъ подавляла обстановка заключенія....

Тутъ-же маленькое замѣчаніе: читатель помнитъ, что въ качествѣ привлеченныхъ къ дѣлу былъ и И. С. Тургеневъ. Я нигдѣ не буду касаться документовъ, къ нему относящихся, потому что всѣ они приведены въ замѣткѣ г. Безроднаго, напечатанной въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за этотъ годъ.

12 февраля Налбандянъ просилъ объ отдачѣ его на поруки и о продолженіи свиданій, какъ было и до передачи дѣла въ сенатъ. Сенатъ опредѣлилъ: первую просьбу имѣть въ виду, вторую—удовлетворить.

Въ тотъ же день Павелъ и Владиміръ Потѣхины просили отдать имъ на поруки брата Николая. Тогда же было доложено все-

подданѣйшее прошеніе Фанни Ферклундъ о разрѣшеніи ей слѣдовать за Ветошниковымъ въ ссылку, какъ за отцомъ ея ребенка, и быть обвѣнчанной съ нимъ до отправки въ Сибирь. Сенатъ положилъ имѣть прошеніе въ виду при окончаніи дѣла и опредѣленіи наказанія Ветошникову.

20 февраля были разрѣшены свиданія Бѣлозерскому и Петровскому, а первому еще и чтеніе книгъ.

26 февраля въ сенатъ явился Альбертини и далъ подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга.

Сенатъ почти два мѣсяца выяснялъ составъ преступленія всѣхъ обвиняемыхъ и только въ засѣданіи 4 марта приказалъ: Ветошникова, Николая Серно-Соловьевича, Владимірова, Петровскаго, Ничипоренко и Лялина—содержать по прежнему въ крѣпости до окончанія дѣла; Бѣлозерскаго, Пстѣхина, Воронова и Любенкова—отдать на поруки; съ Бени, Гаевскаго, Максимова и Каншина взять подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга. Относительно всѣхъ другихъ—оставить ихъ пока на свободѣ, но подъ надзоромъ полиціи.

6 марта кн. Суворовъ увѣдомилъ сенатъ, что государь разрѣшилъ Налбандяну, Петровскому и Бѣлозерскому свиданія только съ родственниками. А оберъ-полицеймейстеръ увѣдомилъ сенатъ, что литераторъ Максимовъ въ Петербургъ все еще не пріѣзжалъ, потому что командированъ морскимъ министерствомъ на Кавказъ [1]).

Тогда же министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ, что Черкесовъ проситъ разрѣшить ему остаться за границей до полнаго излѣченія.

14 марта сенатъ опредѣлилъ вызванныхъ въ Петербургъ Аркадьева, Афанасьева, Козлова, братьевъ Орфано и Трубецкого обязать подпиской явиться въ сенатъ по первому требованію и на этомъ условіи разрѣшить имъ жить, гдѣ пожелаютъ.

Записка Гаевскаго и допросъ Альбертини и Максимова.

19 марта Гаевскій представилъ въ сенатъ обстоятельную объяснительную записку, въ которой весьма ловко сумѣлъ доказать, что комиссія обратила все свое вниманіе на голословныя противъ него обвиненія, совершенно оставивъ безъ вниманія обстоятельства, его оправдывающія. Самымъ убѣдительнымъ должно было показаться первое доказательство: комиссія обвиняла его въ томъ, что и онъ ѣздилъ на «поклоненіе» въ Лондонъ, а между тѣмъ приложенный къ запискѣ заграничный паспортъ этого не подтверждаетъ; мало

---

[1]) Немедленно дано было знать морскому министру и получено отъ него увѣдомленіе, что приказано по всѣмъ Черноморскимъ и Каспійскимъ портамъ, чтобъ сдѣлано было распоряженіе о немедленномъ его возвращеніи въ Петербургъ. Дѣйствительно, вскорѣ Максимовъ пріѣхалъ въ Астрахань и на другой же день былъ отправленъ въ Петербургъ. 10-го іюня съ него была уже взята подписка о невыѣздѣ.

того, онъ даже не визированъ въ тѣхъ городахъ Европы, откуда можно отправиться въ Лондонъ... (Замѣчу, что Гаевскій ѣздилъ въ Лондонъ съ паспортомъ одного изъ своихъ друзей)... Затѣмъ Гаевскій писалъ, что, служа въ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній, т.-е. у того же Голицына, семь лѣтъ, онъ ничего не видѣлъ о ней въ «Колоколѣ», слѣдовательно, ничего туда не сообщалъ, потому что, разумѣется, если-бы былъ корреспондентомъ, то не преминулъ бы воспользоваться очень интереснымъ матеріаломъ своего мѣста службы. Гаевскій указывалъ также, что «эти темныя личности заслуживаютъ мало довѣрія». «Ничипоренко, старавшійся облегчить тяжесть павшихъ на него обвиненій, разложивъ ее на возможно большее число лицъ, и поощряемый слѣдователями, поразилъ своимъ нравственнымъ цинизмомъ всѣхъ, не исключая даже пользовавшихся его мнимыми услугами». «Траверсе—душевно-больной». Вотъ каковы его обвинители. Между тѣмъ кн. Голицынъ долженъ знать его, потому что всегда хвалилъ его, давалъ секретныя порученія и видѣлъ его не менѣе 200 разъ. Ничипоренко видѣлъ его только 10 разъ, значитъ, князь довѣряетъ какому-нибудь Ничипоренку въ 20 разъ болѣе, чѣмъ самому себѣ»... Гаевскій призналъ только за собой двѣ вины: полученіе отъ Ничипоренка двухъ-трехъ номеровъ «Колокола» и доставку Траверсе письма, полученнаго самимъ по почтѣ. Между тѣмъ, только за это Голицынъ уже уволилъ его со службы.

16 апрѣля сенатъ допросилъ *Альбертини*. Онъ воспитывался въ 3-й московской реальной гимназіи, потомъ въ московскомъ университетѣ, который кончилъ кандидатомъ юридическаго факультета въ 1851 г. Содержитъ себя гонораромъ съ «Отечественныхъ Записокъ». Отъ Ничипоренка «Колокола» не получалъ; Кельсіеву никогда не писалъ. Иногда въ литературныхъ кружкахъ слышалъ, какъ Ничипоренко читалъ вслухъ «Колоколъ». Кельсіева узналъ только въ Лондонѣ. Живя тамъ пять мѣсяцевъ въ 1862 г., онъ часто бывалъ у Герцена и разъ видѣлъ тамъ Потѣхина. «Разъ, дѣйствительно, выпилъ за обѣдомъ лишнее —объ этомъ и писалъ Бакунинъ». Близкихъ отношеній съ изгнанниками не имѣлъ и о планахъ ихъ ничего не знаетъ. Громекѣ писалъ потому, что узналъ, что онъ далъ за него согласіе Каткову, даже не спросивъ его разрѣшенія. Налбандяна очень уважаютъ въ Лондонѣ Мартьяновъ, Ковалевскій и Фрикъ. О польскихъ губерніяхъ писалъ Громекѣ, думая дать о нихъ свѣдѣнія въ англійскія газеты, а не въ «Колоколъ». Каткова и Чичерина «считаетъ врагами нашего прогрессивнаго движенія», потому что они были противъ судебной и земской реформъ. Что подъ конецъ своего пребыванія онъ не видѣлся уже съ Герценомъ и другими его товарищами—можно ясно видѣть изъ его писемъ къ Краевскому, которыя и представляетъ для этого сенату.

Вотъ они:

I.

7 іюля 1862 г.

«Посылаю вамъ, многоуважаемый Андрей Александровичъ, продолженіе статьи. Это—примѣчанія къ присланному дня три назадъ комитетскому отчету. Конецъ этихъ примѣчаній явится, должно быть, послѣ завтра. Прочитавши ихъ, вы убѣдитесь въ слѣдующемъ: во-первыхъ я старался, чтобъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя сообщаю, ни одного пункта для читателей не осталось необъясненнымъ. Поэтому примѣчанія эти, собственно, составляютъ мою главную работу. Во-вторыхъ, вы увидите, что для нихъ мнѣ пришлось залѣзть въ самую глубь, въ самую тину англійскихъ законовъ; а это дѣло для меня было весьма не легкое. Это объяснитъ вамъ, отчего такъ долго я не писалъ статей. Кажется, простая штука—информаціонный процессъ, напримѣръ, — а двое адвокатовъ не могли мнѣ объяснить его хорошенько, конечно, не потому, чтобъ они сами его не знали, а потому, что они слишкомъ сильны въ своемъ крючкотворствѣ, и крючки-то для нихъ важнѣе сущности. То же самое и въ ихъ юридическихъ книжкахъ.—Въ этомъ главная трудность.

«На дняхъ я переѣзжаю опять въ Лондонъ, на свою старую квартиру; позаймусь еще съ мѣсяцъ въ British Museum,—чтобъ дополнить матеріалы для статей о народныхъ школахъ,—единственно превосходныхъ школахъ въ Англіи (ни университеты англійскіе, ни частныя школы—grammos schools и industrial schools не могутъ дать намъ ничего для соображеній, для поученія) и единственно заслуживающихъ нашего вниманія; желательно было-бы, чтобъ и въ нашихъ народныхъ школахъ, ежели онѣ должны скоро явиться,—принята была англійская система, съ тѣми, конечно, измѣненіями, которыя для нихъ окажутся необходимыми.—Но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ.

«Мнѣ все кажется, что все то, что я теперь дѣлаю для англійскихъ законовъ о печати, будетъ собственно для насъ, русскихъ, толченіемъ воды въ рѣшетѣ. Трудно представить себѣ, чтобъ въ настоящее время можно было достигнуть отмѣны цензуры: послѣдняя мѣра относительно надзора за типографіями и книжными лавками, запрещеніе журналовъ,—общее направленіе дѣлъ,—все показываетъ, что не въ духѣ либеральныхъ реформъ будутъ новыя распоряженія и новыя мѣры.—Но можетъ быть, я и ошибаюсь,—и желалъ бы, чтобъ это такъ.

«Прочиталъ наконецъ я и «Молодую Россію»: Кто-то изъ русскихъ, не знаю, кто именно—въ Café de la Regence далъ мнѣ прочесть ее. Право, не знаю, что вы, въ Петербургѣ, нашли въ ней такого страшнаго. Это—глупость, которая не могла имѣть ни какого вліянія,—и способна только возбудить сожалѣніе къ той молодежи, которая набила себѣ голову французскими революціонными идеями заднихъ годовъ.—Подымать изъ-за этого гвалтъ въ

обществѣ, а особенно въ литературѣ, право, не стоитъ.—На дняхъ мнѣ попались англійскіе подобные же листки сороковыхъ годовъ: какихъ только тамъ нѣтъ воззваній,—а кто же на нихъ обращалъ здѣсь вниманіе? Право, надобно пожить въ Англіи, чтобъ отвыкнуть отъ пустыхъ страховъ, отвыкнуть отъ привычки придавать значеніе печатной строкѣ.

«А у насъ, у насъ-то, Господи, какія творятся вещи. Право, страшно и возвращаться въ Россію.—А все-таки, вы не повѣрите, Андрей Александровичъ, какъ мнѣ хочется вернуться поскорѣе. Такъ и рвусь туда,—туда;—работаю теперь съ какою-то лихорадочною поспѣшностью, только чтобъ все кончить скорѣе и пуститься въ путь.

«Въ Россіи обвиняютъ все и всѣхъ. Какъ мнѣ кажется, обвиненія эти не основательны.

«А плохую штуку сдѣлало правительство, запретивши журналы на время.—Ежели ничто у насъ не перемѣнится, то когда пройдетъ этотъ срокъ и снова воскреснутъ опаленные журналы, они привлекутъ къ себѣ огромную массу подписчиковъ,—а не опаленные останутся ни причемъ,—потеряютъ, можетъ быть, половину. Это исторія весьма плохая,—какъ для правительства, такъ и для умѣренно прогрессивныхъ журналовъ.—Тутъ ужъ надобно было или вовсе не запрещать, или ужъ запретить совсѣмъ, такъ чтобъ и духу не осталось.—Вы конечно не подумаете, чтобъ я когда-нибудь оправдывалъ такую звѣрскую штуку. Я только говорю, что этого требовала бы *послѣдовательность* съ точки зрѣнія тѣхъ людей, которые ужъ рѣшились запрещать журналы.—Полумѣра же не годится никуда и разразится особенно вредно надъ тѣми журналами, которые не гнутъ сильно ни на ту, ни на другую сторону.—Впрочемъ, въ восемь мѣсяцевъ можетъ еще многое измѣниться.

«Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ мы должно быть увидимся.—Кланяюсь всѣмъ и желаю вамъ всякаго благополучія.

«Вамъ искренно преданный

Н. Альбертини.

«Напишите, ради Бога, отвѣтъ о статьѣ Росселя.

«Въ іюльской книжкѣ Cornhill Magazine явилось начало новаго романа Джоржа Элліота, автора „*Адама Бида*“—называется „*Ромола*“. Романъ историческій—дѣйствіе въ Италіи, во Флоренціи, въ концѣ XV вѣка. Первыя пять главъ весьма интересны. Не посылаю вамъ вырѣзокъ единственно потому, что братъ Темирязева, переводчика нашего, говорилъ мнѣ, что онъ послалъ уже къ брату. Слѣдовательно вещь въ вашемъ распоряженіи».

II.

Лондонъ, 1 августа 1862 г.

«Запоздалъ я присылкой конца своей статьи, многоуважаемый Андрей Александровичъ; но надѣюсь, ни мало не помѣшалъ этимъ напечатанію первой половины ея въ іюльской книжкѣ. Вѣдь не можетъ же быть, чтобъ вся статья такъ ужъ и могла попасть цѣ-

ликомъ въ одну книжку. Въ это время мною была продолжаема другая статья, начатая еще прежде,—тоже о журналистикѣ—статья, въ которой разсказывается, что англійской журналистикѣ было плохо, пока она не заставила уважать себя,—а когда пришло уваженіе къ ней, то ужь не трудно было получить и все, что хотѣлось. Эта статья будетъ кончена уже въ Россіи. Тамъ же будутъ приготовлены къ печати и статьи о школахъ, для которыхъ матеріаловъ у меня множество.

«Воротиться въ Россію какъ можно скорѣе—мнѣ страшно хочется. А между тѣмъ есть еще пробѣлы, которые надо пополнить,—а пополнить ихъ на мѣстѣ не будетъ средствъ. Жить то здѣсь уже стало невыносимо. Въ послѣднее время я живу, почти никого не видя, почти одинокій. Говорю—одинокій, потому что очень рѣдко вижу русскихъ, со многими изъ нихъ я разошелся въ мнѣніяхъ до того, что даже какъ-то неловко съ ними встрѣтиться, другіе—пошлые дураки. Жду, не дождусь того времени, когда опять буду съ вами, съ Степаномъ Семеновичемъ [1]), Степаномъ Степановичемъ [2]), Константиномъ Николаевичемъ [3]). Тамъ хоть мы и спорили часто, но какъ-то все шло и все оканчивалось по душѣ. Съ другими не такъ,—поспоришь, вотъ ужъ и разошелся совсѣмъ, и ужъ трудно встрѣтиться и протянуть руку другъ другу. Такъ то бываетъ всегда съ людьми, отданными фанатической мысли. Богъ съ ними, съ такими людьми.

«Мое участіе въ „*Голосѣ*“,—насколько для этого нужно мое желаніе—не подлежитъ, многоуважаемый Андрей Александровичъ, никакому сомнѣнію,—послѣ того, какъ вы объяснили мнѣ роль и значеніе въ газетѣ Скарятина, котораго здѣсь уже называли *главнымъ редакторомъ*. Вотъ такъ то и все, и обо всемъ то тутъ толкуютъ такіе вздоры.

«Поклонитесь отъ меня всѣмъ моимъ добрымъ знакомымъ, кого увидите,—и скажите имъ одно,—что я жду не дождусь времени, когда увижу ихъ.

«Искренно преданный вамъ

Н. Альбертини.

«P. S. Прошу васъ, —отвѣтьте мнѣ, пожалуйста, на это письмо. Отвѣтъ вашъ можетъ еще застать меня въ Лондонѣ, ежели будетъ написанъ немедленно. Я буду ждать вашего письма».

Козырнувши этими двумя письмами, доказывавшими, что Альбертини вмѣстѣ съ большинствомъ русскаго общества послѣ майскихъ дней 1862 года шарахнулся вправо, онъ такъ закончилъ свое показаніе:

«Долга чести, вѣрноподданической преданности Государю Императору, полнаго уваженія къ закону и полной готовности испол-

[1]) Дудышкинъ.
[2]) Громека.
[3]) Бестужевъ-Рюминъ.

нить его во всякое время я не забывалъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ. Самымъ полнымъ ручательствомъ въ этомъ можетъ послужить все мое прошлое, хорошо извѣстное всѣмъ людямъ, съ которыми я находился въ сношеніяхъ. Настоящія, истинныя и постоянныя мои мнѣнія о такихъ дѣйствіяхъ, какъ преступленіе Михайлова, можно видѣть изъ многочисленныхъ статей моихъ политическаго содержанія, напечатанныхъ въ разное время въ «Отечественныхъ Запискахъ». Преступникъ, подобно Михайлову, покусившійся поколебать спокойствіе въ государствѣ, возбуждаетъ въ каждомъ честномъ человѣкѣ ужасъ и отвращеніе»...

На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ Альбертини остался при всѣхъ показаніяхъ. Онъ былъ отпущенъ съ миромъ.

10 іюля допросили Максимова, сказавшаго, что съ издателемъ его сочиненій, Кожанчиковымъ, онъ не поддерживалъ личныхъ отношеній, Кельсіева не знаетъ, въ Лондонѣ никогда не былъ. Очная ставка Максимова съ Ничипоренкомъ дала неожиданный результатъ: Ничипоренко вдругъ написалъ: «Я отказываюсь какъ въ отношеніи сказаннаго мною относительно г. Максимова, такъ и въ отношеніи другихъ лицъ, имѣвшихъ со мною очныя ставки и не согласившихся съ моими показаніями, хотя и теперь подтверждаю все, касающееся меня лично»...

Эффектъ былъ большой... Сенаторы не ожидали, что изъ ихъ рукъ выпадетъ такая масса драгоцѣнныхъ уликъ и обвиненій.

Помѣшательство Траверсе. Вызовъ изъ за-границы. Законъ о награжденіи доносчиковъ. Смерть Ничипоренка.

28 іюля губернаторъ и нѣсколько чиновниковъ свидѣтельствовали умственныя способности Траверсе и тоже были поражены: онъ обвинялъ государя въ сношеніяхъ съ Бакунинымъ и въ распространеніи прокламацій, клеветалъ на вѣрность своей жены и пр. Ясно было, что маркизъ совершенно уже ненормаленъ... Его помѣстили въ домъ для умалишенныхъ, по истеченіи шести недѣль снова освидѣтельствовали и признали нужнымъ подвергнуть опять шестинедѣльному испытанію...

Въ іюлѣ были получены, наконецъ, всѣ «повальные обыски» о поведеніи обвиняемыхъ; они были вполнѣ для нихъ благопріятны; любопытно, что обыскъ о Налбандянѣ подписанъ сотней нахичеванцевъ, что указываетъ на широкое къ нему уваженіе и на желаніе реабилитировать его.

Въ серединѣ сентября министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ сенатъ, что благодаря безобразной туринской полиціи, Черкесовъ и Николай Серко-Соловьевичъ до сихъ поръ еще не розысканы и потому не знаютъ о призывѣ ихъ въ Россію [1]). Тогда же гене-

---

[1]) Значитъ, прося отсрочки заграничнаго паспорта, Черкесовъ еще и не зналъ о привлеченіи его къ дѣлу.

ральный консулъ въ Лондонѣ увѣдомилъ министерство, что, несмотря на вызовъ, сдѣланный въ мартѣ въ газетѣ „Times“, ни Касаткинъ, ни Кельсіевъ не явились въ консульство, да, навѣрное, и не явятся. Въ сентябрѣ вызовъ былъ повторенъ.

Въ октябрѣ Бени просился съѣздить въ Царство Польское къ больной матери. Сенатъ отдалъ это на усмотрѣніе кн. Суворова, а послѣдній отпустилъ Бени, взявъ съ него подписку о возвращеніи по первому требованію [1])

Видя, что послѣ отказа отъ сдѣланныхъ показаній Ничипоренко и сумасшествія Траверсе, въ рукахъ его остается не очень то много уликъ, правительство рѣшилось на возмутительную мѣру, облеченную въ форму закона. А именно постановлялось, что:

«1. Обо всѣхъ лицахъ, которыя при производствѣ объ нихъ дѣлъ высочайше учрежденною въ С.-Петербургѣ слѣдственною комиссіею покажутъ полное раскаяніе и готовность способствовать къ открытію преступленій, дѣлать особыя представленія Его Величеству.

«2. Равно повергать на всемилостивѣйшее воззрѣніе участь и тѣхъ раскаявшихся и сознавшихся, о коихъ дѣла, по окончаніи производства въ комиссіи, переданы къ судебному разсмотрѣнію и находятся въ настоящее время въ правительствующемъ сенатѣ. При чемъ поставить въ обязанность суду: при заключеніи приговора объяснять отдѣльно и вкратцѣ, въ какой мѣрѣ означенныя лица способствовали къ открытію преступленій.

«3. Объ отставномъ штабсъ-капитанѣ Петровскомъ и другихъ подобныхъ ему лицахъ, преданныхъ уже суду правительствующаго сената, которые показали полное раскаяніе и готовность способствовать къ открытію преступленій, дѣлать особыя представленія Его Величеству»...

Трудно придумать что-нибудь возмутительнѣе такого покровительства доносительству... Разумѣется, сенатъ сейчасъ же вошелъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи на поруки Петровскаго, котораго и взялъ на поруки Д. Д. Дашковъ...

Показаній никакихъ получить, однако, не удалось: кто былъ непорядоченъ или малодушенъ—все уже разсказалъ, люди порядочные и твердые, разумѣется, не хотѣли купить свою относительную свободу цѣною будущаго другихъ... Это былъ лучшій отвѣтъ, но милостивое разрѣшеніе...

На другой день въ крѣпости умеръ Ничипоренко...

Сенатъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и сталъ вести дѣло къ окончанію.

Мих. Лемке.

(*Окончаніе въ слѣдующей книгѣ*).

---

[1]) Въ началѣ января 1864 г. онъ вернулся въ Петербургъ.

Процессъ 17 лицъ въ 1883 году.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

— Пожалуйте! — сказалъ надзиратель Дома Предварительнаго Заключенія, открывъ дверь въ мою камеру 4-й галлереи этой образцовой тюрьмы.

Намъ всѣмъ уже было извѣстно, что на дняхъ Особое Присутствіе Правительствующаго Сената приступитъ къ разбору нашего дѣла. Около недѣли тому назадъ, или нѣсколько больше, всѣхъ насъ, кромѣ женщинъ и Стефановича, привезли изъ Петропавловской крѣпости въ Домъ Предв. Заключенія, корпусъ котораго былъ смежнымъ съ корпусомъ суда, и разсадили по разнымъ камерамъ и галлереямъ. Здѣсь издавна существовалъ обычай переводить на время политическаго процесса всѣхъ его участниковъ поближе къ коридорамъ, ведущимъ въ судъ; при этомъ имѣлись въ виду и большія удобства при постоянныхъ передвиженіяхъ изъ тюрьмы въ судъ и обратно разомъ такого большого количества заключенныхъ, и наименьшій шумъ, обращающій на себя вниманіе и, естественно, возбуждающій товарищей подсудимыхъ, и большая легкость сношеній защиты со своими кліентами, и пр., а всѣмъ этимъ требованіямъ наиболѣе удовлетворялъ конечно рядъ камеръ нижняго этажа Дома Пр. Заключенія.

Эта еще новая тогда тюрьма, построенная по западно-европейскому образцу, на меня, какъ вѣроятно и на другихъ заключенныхъ, производила впечатлѣніе гостинницы послѣ девятимѣсячнаго пребыванія въ сырыхъ и темныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости. Недаромъ малолѣтняя дѣвочка нашего товарища по процессу Буцевича, когда приводили ее на свиданіе къ отцу, говорила ему: «въ какой гадкой гостинницѣ живешь ты, папа!» Бѣдному ребенку казалось плохой гостинницей то, что для ея отца было мѣстомъ отдыха послѣ крѣпостного сидѣнья и что при томъ было для него послѣднимъ отдыхомъ, какъ это оказалось впослѣдствіи!..

Эти дни, оставшіеся до начала суда, изобиловали свиданіями обвиняемыхъ съ родными; очевидно, администрація сама безсозна-

тельно желала чѣмъ нибудь скрасить ихъ для заключенныхъ, не безъ основанія предполагая, что для большинства эти дни были послѣдними днями пребыванія въ „первобытномъ“ (безъ лишенія гражданскихъ правъ) состояніи съ нѣкоторой возможностью общенія съ близкими людьми, а для нѣкоторыхъ и послѣдними днями жизни...

Имѣю основаніе дѣлать такое предположеніе потому, что неоднократно и отъ самихъ представителей власти, и отъ близкихъ людей на свиданіяхъ, въ свою очередь обмѣнивавшихся впечатлѣніями о процессѣ съ власть имѣющими, слышалъ мнѣніе, составившееся о подсудимыхъ на основаніи знакомства съ ними по дѣлу и лично. Эта, своего рода, рекомендація процесса заключалась въ томъ, что главное впечатлѣніе, производимое обвиняемыми, было впечатлѣніе людей съ душой и сердцемъ, къ которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя примѣнить эпитетовъ кровожадности и звѣрства, какими обвиненіе пыталось надѣлить участниковъ предшествовавшихъ террористическихъ процессовъ.

Говорили, что первый процессъ (первомартовцевъ) отличался строгой выдержанностью типа террориста, пользующагося судомъ какъ трибуной, чтобы освѣдомить общество возможно шире съ альфой и омегой своего направленія; представители его поражали своей убѣжденностью; процессъ далъ теоретиковъ партіи «Народной Воли», теоретиковъ террора въ лицѣ Желябова, Перовской, Кибальчича. Второй процессъ 20 лицъ въ 1882 г. выдвинулъ по преимуществу теоретиковъ и практиковъ партійной программы и организаціи въ лицѣ Ал. Михайлова и др.; третій же процессъ 17 лицъ, не блистая талантами теоретической обосновки и партійной организаціи, равно какъ и не имѣя задачъ стоявшихъ передъ первомартовцами, знакомилъ публику, поскольку она имѣла возможность знакомиться съ подсудимыми по свѣдѣніямъ проникающимъ въ нее черезъ судъ, защиту и родственниковъ обвиняемыхъ, съ представителями террора. Таково было общее мнѣніе, глухо доходившее и до объектовъ его.

Не мнѣ судить, насколько справедлива такая репутація процесса вообще, но долженъ сказать, что многое могло говорить въ пользу такой его оцѣнки.

Начать съ того, что здѣсь былъ огромный процентъ женщинъ, подчасъ помимо ихъ воли вносящихъ извѣстную степень чувства и душевной мягкости въ ихъ отношенія къ окружающему; въ самомъ дѣлѣ, на 10 ч. мужчинъ тутъ было 7 ч. женщинъ, тогда какъ на предыдущемъ процессѣ 20-ти ихъ было всего 3.— Затѣмъ, настроеніе нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, какъ Корба и особенно Грачевскаго, было таково, что также располагало ихъ, и безъ того людей въ высшей степени сердечныхъ, къ особой душевной мягкости; причина такого настроенія объясняется ихъ страстнымъ желаніемъ сколько возможно понизить отвѣтственность ихъ болѣе молодыхъ товарищей, о чемъ эти послѣдніе и не подозрѣвали тогда, и что болѣе подробно выясняется въ гото-

вящихся мемуарахъ другого участника процесса 17. Наконецъ обширный кругъ родныхъ и знакомыхъ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, какъ Прибылева (Роза Львовна, урожденная Гросманъ), Корба и Буцевичъ, сумѣлъ заинтересовать общество участниками этого процесса не только какъ представителями крайняго разрушительнаго направленія, но и какъ людьми въ широкомъ смыслѣ этого слова; съ другой стороны тѣмъ же порядкомъ и съ той-же точки зрѣнія неизбѣжно должны были познакомиться съ ними и предержащія власти: и общество, и власти привыкли смотрѣть на подсудимыхъ безъ особо предвзятой точки зрѣнія, и не усматривая со стороны ихъ аггрессивныхъ попытокъ на слѣдствіи и судѣ, видѣли въ нихъ обыкновенныхъ, даже очень симпатичныхъ людей, волею историческихъ судебъ попавшихъ на скамью подсудимыхъ. Кромѣ того Юрій Богдановичъ—участникъ подкопа на Малой Садовой, хозяинъ знаменитой сырной лавки Кобозевыхъ—придавалъ своеобразный колоритъ всему процессу, возбуждая интересъ и вниманіе общества, и отвѣчая на нихъ присущей ему корректностью поведенія, мягкостью своею характера и всегда окружающими его симпатіями со стороны лицъ входящихъ съ нимъ въ сношенія.

Но важнѣе всего конечно то, что процессъ 17 былъ поставленъ въ разбираемомъ отношеніи въ исключительное положеніе. Съ одной стороны идея террора и программа партіи были достаточно выяснены на предыдущихъ процессахъ, почему главари процесса 17-ти могли касаться ихъ въ гораздо меньшей степени; съ другой стороны процессъ этотъ не могъ выставить выдающихся ораторовъ, которые бы легко справились съ этой задачей. Такимъ образомъ на долю участниковъ процессовъ 1-го марта и 20-ти въ 82 г. выпало скрыть, замаскировать всѣ свои душевныя качества, всю силу ихъ любви къ человѣчеству, всю степень самопожертвованія, какими обычно отличались видные революціонеры того времени, и выступать передъ обществомъ съ грозной проповѣдью террора, оправдать его въ самомъ крайнемъ его проявленіи. Задача неблагодарная для дѣятелей этихъ процессовъ, но выполненная ими блистательно, съ полнымъ самозабвеніемъ. Въ совершенно противуположныхъ, но и несравненно болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ оказались участники процесса 17. Они могли явиться самими собою—несравненно больше, чѣмъ это можно было сдѣлать ихъ товарищамъ въ предыдущихъ процессахъ. И въ этомъ лежитъ корень впечатлѣнія, производимаго ими на окружающихъ. Какъ бы то ни было, вырисовывавшійся такимъ образомъ характеръ подсудимыхъ—главныхъ лицъ всей судебной драмы, проходящей передъ глазами русскаго общества—обусловливалъ и ихъ поведеніе на судѣ, которое въ общемъ было вполнѣ корректно, даже мягко и поражало отсутствіемъ всякаго задора, и мнѣ хочется сказать—какъ бы носило на себѣ отпечатокъ тона знаменитаго письма Исполнительнаго Комитета къ Императору Александру III, послѣ 1 марта 1881 г.

Другъ о другѣ мы знали мало въ дни предшествовавшіе суду.

Только женщины были въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, такъ какъ могли сноситься между собою путемъ летучей почты; режимъ ихъ содержанія былъ нѣсколько слабѣе. Впрочемъ, и намъ удавалось узнать кое-что другъ о другѣ. благодаря значительнымъ послабленіямъ обычныхъ тюремныхъ строгостей, что объяснялось тоже приближеніемъ суда.

Въ камеры часто заходили побесѣдовать съ обвиняемыми и защитники, и чины тюремнаго вѣдомства, и сама прокуратура даже, въ лицѣ, напр., тов. прок. при Д. П. З. борона Рауша. Помню, какъ однажды внезапно отворилась дверь моей камеры, и въ нее прошелъ окруженный соотвѣтственной свитой самъ прокуроръ судебной палаты, будущій министръ юстиціи—Муравьевъ. Не знаю, что побудило его посѣтить меня въ моемъ уединеніи, и мнѣ не удалось установить, посѣщалъ ли онъ также другихъ товарищей или сдѣлалъ это исключеніе только для моей особы. Какъ бы то ни было, для меня было ясно, что прокуроръ судебной палаты или дѣлаетъ это исполняя свою обязанность, какъ шаблонъ, или его загнало въ наши камеры праздное любопытство. Это было очевидно уже по одному тому, что, какъ оказалось, ему отъ меня не было ничего нужно. Онъ обратился ко мнѣ съ фразой и предложеніемъ, показавшимися мнѣ совершенно не нужными.

«Прошу васъ, сказалъ онъ, употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы на судѣ не было слезъ. Лучше я разрѣшу вамъ столько свиданій, сколько вы хотите, но необходимо, чтобъ судъ прошелъ безъ такого рода сценъ».

Я пожалъ плечами и далъ понять прокурору, что меня удивляетъ его предположеніе, что, кажется, я плакать не собираюсь и что дѣло, надѣюсь, пройдетъ гладко безъ какихъ либо экстраординарныхъ мѣръ. Фраза очевидно относилась къ роднымъ, часть женскаго элемента которыхъ усиленно хлопотала о разрѣшеніи присутствовать на засѣданіяхъ суда.

Съ прокуроромъ судебной палаты мы все же были старые знакомые. Впервые я видѣлъ его, когда просилъ разрѣшенія на свиданіе съ однимъ изъ товарищей, случайно,—какъ Эзопъ шедшій въ баню и попавшій въ «классическій» участокъ, оказавшійся въ Домѣ Пр. Закл. Это было въ 81 году. Затѣмъ, въ самые первые дни ареста, когда насъ еще держали при жандармскомъ управленіи, не успѣвъ составить постановленія о заключеніи въ крѣпость, онъ ввелъ въ мою камеру какое-то чрезвычайно высокопоставленное лицо, о значеніи и имени котораго, благодаря полной безгласности нашего конвоя, мнѣ такъ и не удалось освѣдомиться. Тогда онъ вбѣжалъ впереди всей свиты этой особы съ возгласомъ:—«Встаньте, милостивый государь!». Вопросъ этой особы, при томъ единственный, былъ также для меня неожиданъ и казался тогда мнѣ столь же ненужнымъ, какъ вышеописанное обращеніе самого прокурора передъ судомъ.—«Вы практиковали?»—спрашивалъ онъ меня, у котораго арестовали конспиративную квартиру, на одно оборудованіе каковой нужны были мѣсяцы... Послѣ этого я не имѣлъ удо-

вольствія видѣть г. будущаго министра юстиціи вплоть до нашихъ предпроцессныхъ дней.

Самый процессъ представлялъ для насъ огромный интересъ. Я нисколько не ошибусь, если скажу, что большинство его участниковъ жили только надеждой скорѣе явиться на скамьѣ подсудимыхъ. Не говорю уже о томъ, что многіе должны были интересоваться окончательнымъ выясненіемъ своей доли. Для каждаго создавалось такое положеніе, что періодъ суда долженъ быть наилучшимъ періодомъ всей оставшейся имъ жизни, для многихъ интереснѣйшимъ моментомъ изъ всего, что осталось еще пережить.

Лично мнѣ какъ-то не приходилось удѣлять много времени на думы о предстоящей участи. Не то, чтобы я отклонялъ отъ себя мысль о смерти, которая, разумѣется, не могла быть мнѣ въ моемъ положеніи желанной, и не то, чтобы я серьезно вѣрилъ, что въ данный моментъ избѣгу таковой... нѣтъ—просто какъ-то не хотѣлось думать о томъ, что будетъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, и все вниманіе сосредоточивалось на текущихъ моментахъ. Когда мой защитникъ, посѣщая меня и не слыша съ моей стороны вопросовъ, относящихся къ предстоящей мнѣ участи, самъ заговаривалъ, что я не такъ засѣлъ, какъ тотъ или другой изъ моихъ товарищей по дѣлу, очевидно, желая показать этимъ, что на мою долю должна выпасть меньшая степень взысканія, я какъ-то пропускалъ это соображеніе мимо ушей и быстро переводилъ разговоръ на другія темы, болѣе меня интересовавшія. Но мало-по-малу для меня все же стало очевиднымъ, что мнѣ грозитъ, быть можетъ, наименьшая кара среди всѣхъ моихъ товарищей по процессу, и потому мысль о тѣхъ, кому не избѣжать суроваго приговора, все больше и больше укоренялась въ головѣ, и становилось больно и какъ-то стыдно, что, находясь въ данный моментъ въ одинаковыхъ условіяхъ, я не буду имѣть чести идти съ ними до конца и вынужденъ отдалиться отъ нихъ, такъ сказать, вправо.

Хотѣлось бы сдѣлать ихъ менѣе виновными, хотѣлось, чтобы они стали въ такое же положеніе, въ какомъ были мы, чтобъ имъ не грозилъ по крайней мѣрѣ смертный приговоръ... Но сдѣлать это было невозможно и душа не переставала болѣть за тѣхъ, участь которыхъ была предрѣшена и представлялась ужасною... Душевное настроеніе временами дѣлалось мрачнымъ, тогда его не въ силахъ былъ разогнать интересъ къ предстоящему появленію на судѣ. Такое настроеніе поддерживалось, вѣроятно, и тяжестью предшествовавшаго тюремнаго содержанія (а оно могло быть и еще хуже!), которое многимъ заключеннымъ уже тогда подорвало силы и здоровье, о чемъ въ общихъ чертахъ другъ о другѣ мы были освѣдомлены...

Наши родные и знакомые съ воли не переставали оказывать намъ всевозможные знаки вниманія, и это трогало насъ до глубины души. Чего, чего не приносили они намъ, чѣмъ не баловали заключенныхъ! Казалось, не было, не могло существовать препятствій

къ исполненію малѣйшаго, едва выраженнаго нами желанія. Приходилось быть осторожными на свиданіи и слѣдить за собой, чтобы не прорвалось какое-нибудь неловкое слово, которое можно истолковать какъ желаніе, которое, каково бы оно ни было, будетъ приведено въ исполненіе. Но, къ сожалѣнію, даже и въ этомъ отношеніи не всѣ мы были въ одинаковыхъ условіяхъ. Кое-кто изъ насъ и вовсе не имѣлъ близкихъ людей, которые могли бы о нихъ позаботиться и иногда побаловать ихъ, что всегда необыкновенно цѣнится заключенными и доставляетъ имъ много невиннаго удовольствія и радости. Какъ могли, мы исправляли эту несправедливость и неравномѣрность распредѣленія благъ и завели для этой цѣли внутреннія передачи, поскольку позволялъ это тюремный режимъ.

Итакъ, немногіе дни, остававшіеся намъ до начала суда, прошли незамѣтно, быстро, наполненные свиданіями, разговорами, разспросами о ходѣ жизни за послѣдніе мѣсяцы и даже за цѣлый годъ, когда всѣ мы были оторваны отъ нея такъ основательно. А жизнь за это время шла своимъ чередомъ, совершался обычный круговоротъ событій крупныхъ и мелкихъ, въ которомъ мы уже не могли участвовать и о которомъ узнавали съ огромнымъ интересомъ, какъ о чемъ-то для насъ далекомъ, безконечно далекомъ, до насъ теперь какъ бы не касающемся...

Наступилъ наконецъ и день суда. Это было 28 марта 1883 г.

Съ утра загромыхали двери сосѣднихъ камеръ. Этотъ шумъ то приближался, то удалялся. Очевидно подсудимыхъ выводили не по порядку камеръ, а по какому-то особенному выбору. Дошла очередь и до меня. Опять любезное приглашеніе: «Пожалуйте!» и я отправился въ сопровожденіи двухъ надзирателей.

Въ среднемъ корридорѣ Дома предв. закл., между мужскимъ и женскимъ отдѣленіемъ, каждый изъ насъ находилъ неожиданную по оживленію картину. Вдоль всего корридора разставлены жандармы въ полномъ вооруженіи, съ шашками на-голо, между ними подсудимые; каждый изъ этихъ послѣднихъ находился между жандармами справа и слѣва. По корридору свободно ходили только чины тюремной администраціи, офицеръ, командовавшій жандармами, и нѣсколько защитниковъ, участвовавшихъ въ процессѣ и спустившихся изъ залы суда, чтобы еще разъ повидаться передъ разборомъ дѣла со своими кліентами. Разговоровъ, кромѣ мелкихъ отрывочныхъ фразъ, не было; очевидно по обычаямъ тюрьмы этого не полагалось. Слѣдомъ за мной изъ женскаго отдѣленія были выведены Прибылева, Гринбергъ, Корба и каждая была поставлена на соотвѣтственное мѣсто между двухъ жандармовъ. Скоро раздалась команда:—«Направо—кругомъ!» и вся колонна стражи сдѣлала полъ-оборота направо, лицомъ къ двери, ведущей въ глубь зданія. Намъ оставалось послѣдовать ихъ примѣру. Офицеръ нашелъ необходимымъ сдѣлать громкое предупрежденіе конвою, въ дѣйствительности имѣвшее въ виду подсудимыхъ. «Заложить патроны, держать оружіе на готовѣ!», кажется, сказалъ онъ, обращаясь къ

своей командѣ.—Ого!—раздалось со стороны конвоируемыхъ: было ясно, что предупрежденіе дошло по своему адресу. — «Шагомъ маршъ!»—и процессія двинулась длинной, извивающейся лентой по узкимъ, часто темнымъ корридорамъ, то поднимаясь, то иногда спускаясь на нѣсколько ступенекъ. Во главѣ ея шла Корба, а замыкалъ ее Борейша. Подсудимые были разставлены въ такомъ порядкѣ, въ какомъ имъ предназначено было сидѣть на двухъ скамьяхъ, причемъ сперва заполнялась нижняя скамья, а затѣмъ верхняя. Часть конвоировавшихъ жандармовъ расположилась сбоку скамей.

Порядокъ, въ которомъ размѣстили подсудимыхъ въ первый день, сохранялся до конца суда, вплоть до прочтенія приговора въ окончательной формѣ. На первой нижней скамьѣ сидѣли, считая отъ стола присутствія: Корба, Лисовская, Смирницкая, Гринбергъ, Прибылева, я и Буцевичъ; на второй верхней скамьѣ порядокъ былъ слѣдующій: Богдановичъ, Грачевскій, Ивановская, Златопольскій, Стефановичъ, Теллаловъ, Калюжный, Клименко, Юшкова и Борейша. Впереди подсудимыхъ расположились ихъ защитники: Стасовъ, Еше, Королевъ, Андреевскій, Граціанскій, Александровъ, Кедринъ, Коробчевскій, Холева, Спасовичъ и Гросманъ [1]. Сенаторы, составлявшіе судъ, съ первоприсутствующимъ Синеоковымъ-Андріевскимъ во главѣ, сидѣли за лѣвой половиной стола, а сословные представители за правой, ближайшей къ подсудимымъ половиною стола присутствія; здѣсь же на концѣ пріютился секретарь суда, а противъ подсудимыхъ и защиты черезъ всю залу за отдѣльнымъ столомъ возсѣдалъ грозный прокуроръ Желеховскій, уже знаменитый обвинитель по процессу 193-хъ, и его помощникъ товарищъ прокурора Островскій. Передъ столомъ присутствія на отдѣльномъ небольшомъ столикѣ лежали всѣ вещественныя доказательства, которыхъ было не Богъ вѣсть какъ много, а сзади присутствія на особыхъ креслахъ возсѣдали заинтересованные ходомъ дѣла высшіе чины юстиціи, тогдашній министръ Набоковъ, прокуроръ палаты Муравьевъ и пр. Если къ сказанному прибавить почти совершенно пустыя скамьи, предназначенныя для публики, на которыхъ кой-гдѣ сидѣли лица, такъ или иначе причастныя къ судебному міру, судебные пристава, полиція, чины охраны и пр. (исключеніе было сдѣлано для матерей Буцевича и Прибылевой, которыя дѣйствительно присутствовали на многихъ засѣданіяхъ), то описаніе внѣшней обстановки суда, вѣроятно одинаковой для всѣхъ процессовъ этого рода, будетъ исчерпано.

---

[1]) Стасовъ — защитникъ Грачевскаго, Полетаевъ—Клименко, Еше —Корба, Королевъ и Александровъ—Богдановича (рѣчь произносилъ первый, такъ какъ Александровъ былъ занятъ другимъ процессомъ), Андреевскій Калюжнаго, Граціанскій —Златопольскаго и Гринбергъ, Кедринъ — Буцевича и Стефановича, Коробчевскій—Юшковой, Холева—Ивановской; Спасовичъ—Прибылевыхъ; Гросманъ, братъ подсудимой—Прибылевой. Теллаловъ, Лисовская, Смирницкая и Борейша были безъ защитниковъ.

Мрачная торжественность, написанная на лицахъ «высокаго» суда, призваннаго произнести непререкаемый и суровый приговоръ, заранѣе предрѣшенный, нѣсколько дѣланная суровость и враждебность лицъ прокуратуры, озабоченной предстоящей задачей обвинить во что бы то ни стало, и полное равнодушіе, маска безсердечія, индиферентизма,—я сказалъ-бы—животная тупость выраженія лицъ, непричастныхъ къ дѣлу (чиновъ полиціи, охраны и лицъ за столомъ присутствія) плохо гармонировали съ оживленными, веселыми, обрадованными свиданіемъ съ товарищами лицами подсудимыхъ. Лица подсудимыхъ хранили, правда, черты болѣзненности и истощенія—результатъ физическихъ и нравственныхъ лишеній за время предварительнаго заключенія,—но они были жизнерадостны, и сказывающееся въ этомъ душевное состояніе, видимо, передавалось защитѣ, которая несомнѣнно вся относилась къ подсудимымъ вполнѣ сочувственно.

А многіе изъ послѣднихъ производили тягостное впечатлѣніе. Златопольскій, прежде всегда живой, здоровый и сильный, поражалъ необычайной для него полнотой, одутловатостью и блѣдностью лица, что заставляло предполагать начало ненормальности сердечной работы; его голосъ сдѣлался необыкновенно тихимъ, едва слышнымъ. Клименко, много перенесшій уже на своемъ еще непродолжительномъ вѣку, сохранившій и здѣсь остатки своей спокойной жизнерадостности, которой отличался и подкупалъ въ свою пользу еще такъ недавно, наканунѣ ареста, теперь былъ страшно истощенъ, сильно исхудалъ и видимо много страдалъ. Бѣдняга Клименко, благодаря своей пріобрѣтенной въ крѣпости болѣзни (disenteria), былъ вынужденъ даже пропустить не одно засѣданіе суда, что, конечно, для него было тяжело. Своей худобой и истощеніемъ поражали большинство и особенно Богдановичъ, Калюжный, Борейша, Теллаловъ, Смирницкая, Лисовская. На лицѣ Грачевскаго кромѣ того написана мука душевная, тяжесть которой въ такихъ сильныхъ характеромъ и волей людяхъ тѣмъ больнѣе поражаетъ окружающихъ. Онъ страдалъ, приписывая себѣ одному гибель своихъ болѣе молодыхъ товарищей, судьбою которыхъ и былъ озабоченъ. Тѣмъ тяжелѣе было видѣть, что теперешнее состояніе Грачевскаго было рѣзкимъ контрастомъ съ сильнымъ, мужественнымъ и стойкимъ Грачевскимъ, коимъ онъ былъ тоже еще такъ недавно, передъ арестомъ. Женщины сохранились лучше,—онѣ содержались въ Домѣ Предв. Заключенія. Не производилъ особо болѣзненнаго впечатлѣнія Стефановичъ, который свое предварительное заключеніе отбывалъ при Департаментѣ Полиціи.

Немедленно по приводѣ въ залу суда начались разговоры подсудимыхъ и знакомства между тѣми, кто впервые встрѣтился здѣсь (москвичи—петербуржцы). Потребность обмѣняться мыслями съ товарищами—братьями не только по предстоящей участи, но особенно по убѣжденіямъ и единомыслію,—вслѣдъ за продолжительнымъ одиночнымъ заключеніемъ, была настолько велика и естественна, что было бы странно, еслибы она не проявилась даже во-

преки прямому запрещенію суда, даже съ рискомъ на репрессіи. Это очевидно понимала судебная администрація и, сколько помню, ни разу формально не ставила препятствія такому естественному и неизбѣжному общенію подсудимыхъ, сидящихъ бокъ о бокъ другъ съ другомъ. Только одинъ разъ за всѣ дни суда было выражено желаніе, чтобы подсудимые разговаривали меньше, такъ какъ это мѣшало самому производству дѣла, но и это заявленіе было сдѣлано не оффиціально, а черезъ посредство или защиты, или инымъ какимъ-то путемъ. Этимъ разговорамъ, этому общенію, обмѣну мыслями всѣ предавались такъ страстно, что нерѣдко пропускали очень важные моменты дѣлопроизводства, чего иногда было уже невозможно и поправить. Къ тому же всѣ подсудимые (кромѣ Грачевскаго и Клименко) были совершенные новички въ судебныхъ разбирательствахъ, не знали, что и въ какіе моменты полагалось заявлять суду, не умѣли использовать данныя судебнаго производства въ интересахъ ли защиты, или въ интересахъ большаго освѣщенія партійной и своей собственной индивидуальности. Такъ, въ послѣдніе дни процесса не рѣдко спрашивали другъ друга, почему не сказано то или другое, не очерчена та или другая сторона дѣятельности или факта. Но необходимо добавить также, что этимъ недочетамъ много помогало и общее равнодушіе къ окончательному рѣшенію суда, которое казалось и предрѣшеннымъ и неизбѣжнымъ...

Усиленныя бесѣды въ полголоса начались съ перваго момента вступленія въ залъ судебнаго засѣданія. Чтеніе обвинительнаго акта, уже извѣстнаго намъ во всѣхъ деталяхъ, давало возможность переговариваться безпрерывно; дальнѣйшій ходъ разбирательства прерывалъ разговоры только въ интересные для всѣхъ моменты, какъ-то: рѣчи и объясненія подсудимыхъ, рѣчи защиты, почему либо интересные допросы свидѣтелей, экспертовъ и пр., и, само собой разумѣется, эти разговоры замѣтно утихли къ послѣднимъ моментамъ процесса, занятымъ «послѣднимъ словомъ» подсудимыхъ и ожиданіемъ вердикта суда.

Дни суда были богаты инцидентами, привлекавшими къ себѣ всеобщее вниманіе. Одни изъ нихъ отличались своею серьезностью, даже не были лишены нѣкотораго трагизма, иные были комичны. Такъ, на второй день суда Клименко обратился поочередно ко всѣмъ товарищамъ съ предупрежденіемъ, что ему, какъ бѣжавшему изъ Сибири и уже ранѣе того лишенному «всѣхъ правъ состоянія» [1]), кромѣ общаго приговора будетъ назначено наказаніе плетьми, но что эта прибавка къ приговору есть простая формальность и потому онъ проситъ товарищей не придавать ей никакого значенія и по поводу ея не волноваться и не безпокоиться. Это предупрежденіе было принято съ суровымъ молчаніемъ,

---

[1]) Клименко судился въ 1880 г. въ Кіевѣ, по приговору В. О. Суда былъ сосланъ съ лишеніемъ правъ на поселеніе, откуда бѣжалъ въ 1881 году.

но можно себѣ представить, какое впечатлѣніе могло произвести оно! Это было напоминаніе, что скоро, очень скоро, каждый изъ подсудимыхъ окажется лишеннымъ своей воли и желанія, будетъ на положеніи простой вещи, и даже хуже, въ положеніи вьючнаго и безъотвѣтнаго животнаго, которое все чувствуетъ, и которое могутъ погонять, бить и даже наказывать плетьми и розгой! Вѣдь никто изъ насъ не былъ знакомъ сколько нибудь детально съ положеніемъ, къ которому всѣ мы шли неизбѣжно и, конечно, чрезвычайно многое, связанное съ «лишеніемъ правъ», должно было насъ поразить, какъ оно и оказалось впослѣдствіи. Да! это предупрежденіе Клименко произвело удручающее впечатлѣніе, и нельзя сказать, чтобы оно было излишне, не кстати!..

Среди свидѣтелей былъ нѣкто Родзевичъ. Онъ, кажется, былъ выставленъ обвиненіемъ для доказательства виновности Лисовской. Это былъ молодой человѣкъ, съ крайне несимпатичными навыкатѣ глазами и съ печатью Каина на лицѣ и на всей приниженной и боязливой фигурѣ. Было извѣстно, что Родзевичъ [1]) когда то, еще не такъ давно, участвовалъ въ мелкихъ революціонныхъ кружкахъ западнаго края, но что въ настоящее время онъ чуть ли не состоитъ на жалованьи у охраннаго отдѣленія. Поэтому было естественно, что жандармское управленіе, а за нимъ и нашъ «высокій» судъ видимо старались затемнить его біографію, несмотря на усилія Лисовской обнаружить ее во всей прелести, съ цѣлью указать, какими свидѣтелями не брезгуетъ обвиненіе. Буцевичъ, нѣсколько зналъ Родзевича, и ему захотѣлось помочь Лисовской. Съ этой цѣлью онъ вмѣшался въ допросъ свидѣтеля и разсказалъ, что Родзевичъ, какъ ему положительно извѣстно, жилъ у своего дяди пастора на полномъ готовомъ содержаніи, ни въ чемъ слѣдовательно не нуждаясь, и въ то же время не гнушался пользоваться, какъ неимущій, деньгами изъ грошовыхъ суммъ революціоннаго кружка, въ которомъ числился членомъ. Буцевичъ, самъ идеально чистый человѣкъ, полагалъ, очевидно, что такая характеристика свидѣтеля совершенно уронитъ достовѣрность его показаній въ глазахъ суда; но судъ не понялъ чистоты намѣреній Буцевича и съ недоумѣніемъ спрашивалъ его, зачѣмъ онъ это говоритъ; Буцевичъ первоначально затруднился отвѣтомъ, но потомъ громко заявилъ, что говоритъ это въ интересахъ истины. Это оригинальное qui pro quo на секунду развеселило всѣхъ.

Въ числѣ свидѣтелей обвиненія былъ хозяинъ моей студенческой квартиры Аркадій Петровичъ N. Очевидно онъ долженъ былъ доказать суду, что нерѣдко видалъ у меня въ квартирѣ Хр. Гринбергъ. Для суда видимо не очень было важно, чтобъ этотъ фактъ былъ подтвержденъ и чтобы свидѣтель былъ допро-

---

[1]) Мнѣ кажется, что Родзевичъ, провоцировавшій польскую организацію въ Петербургѣ въ 1881 г., былъ другое лицо, не свидѣтель по процессу 17, хотя не могу утверждать этого положительно.

шенъ; поэтому прокуроръ не выразилъ желанія вводить его въ залу суда. Но мнѣ и Гринбергъ очень хотѣлось увидѣть добраго Аркадья Петровича, съ которымъ оба мы были нѣкогда большими друзьями, и мы условились настоять на его допросѣ. Не знаю, доставили-ли мы этимъ удовольствіе нашему свидѣтелю, но онъ своей знакомой намъ фигурой и доброй сочувственной полуулыбкой живо напомнилъ намъ уже отошедшія въ глубь и канувшія въ вѣчность добрыя и еще не старыя времена, чѣмъ доставилъ намъ много удовольствія. Его допросъ былъ коротокъ, онъ дѣйствительно установилъ наше знакомство, и мы тутъ-же, немедленно, оба подтвердили, что этого обоюднаго знакомства отрицать и не думали.

Калюжный съ присущей ему живостью и никогда его не оставлявшимъ юморомъ разсказывалъ, какъ онъ отъ скуки пытался «отвести» отъ суда одного изъ сенаторовъ, и какъ былъ радъ, когда нашелъ наконецъ въ спискѣ сенаторовъ имя, дававшее хотя тѣнь основанія. Это былъ сенаторъ Жерве. Калюжный тотчасъ же настрочилъ отводъ на томъ основаніи, что Жерве былъ попечителемъ Харьковскаго округа, когда Калюжный, будучи Харьковскимъ студентомъ, былъ исключенъ и высланъ за студенческіе безпорядки. Ясно, что Жерве не можетъ быть безпристрастнымъ къ подсудимому, нѣкогда высланному имъ студенту. Причина отвода была всетаки признана недостаточной, о чемъ онъ и получилъ скоро офиціальное увѣдомленіе, но инцидентъ далъ нѣкоторую пищу живому и гибкому уму Калюжнаго, вынужденному оставаться въ принудительномъ бездѣйствіи одиночки. Калюжный нѣкогда былъ въ административной ссылкѣ, бѣжалъ оттуда вмѣстѣ съ Смирницкой, былъ сподвижникомъ Богдановича въ его объѣздѣ Сибири для организаціи Краснаго Креста, освобожденія заключенныхъ и устройства побѣговъ и одновременно съ нимъ былъ арестованъ въ Москвѣ. Это былъ нервный, подвижной, жизнерадостный и крайне милый, симпатичный человѣкъ, весь какъ бы сотканный изъ благороднѣйшихъ стремленій и горячихъ самоотверженныхъ порывовъ. До конца своей жизни онъ оставался убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ, альтруистомъ и революціонеромъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Не будучи теоретикомъ-ораторомъ, онъ на судѣ предоставилъ теоретизировать своимъ старшимъ товарищамъ и самъ ограничился лишь нѣсколькими словами, характеризующими причины, такъ часто вырабатывающія революціонеровъ изъ среды молодежи, имѣвшей несчастіе подпасть подъ удары суроваго режима безпардоннѣйшаго произвола. Мнѣ довелось присутствовать при послѣднихъ минутахъ жизни этого дорогого товарища, и память объ немъ сохранится у меня навсегда, и не умретъ въ душѣ всѣхъ, когда либо знавшихъ его... Онъ погибъ самовольно, борясь и протестуя противъ грубаго произвола, продолжавшаго его преслѣдовать и въ стѣнахъ каторжной тюрьмы, почти наканунѣ его освобожденія. Онъ погибъ въ той карійской драмѣ, которая совмѣстно съ нимъ

унесла въ могилу и его сестру — молодую несчастную дѣвушку Марію Калюжную, и его жену—Надежду Смирницкую.

Буцевичъ, бывшій моимъ сосѣдомъ слѣва, часто и много разговаривалъ съ нами, былъ очень веселъ, шутилъ и смѣялся, и первые дни, повидимому, совершенно не предполагалъ, что вердиктъ суда будетъ къ нему такъ жестоко несправедливъ. Онъ разсказывалъ между прочимъ, при какихъ обстоятельствахъ ему пришлось дать показаніе, по его мнѣнію, наиболѣе для него тягостное. Существенныхъ, настоящихъ уликъ, кромѣ подозрѣваемыхъ сношеній съ Грачевскимъ, противъ него не было, и Буцевичъ былъ увѣренъ вначалѣ, по его словамъ, что онъ не можетъ быть даже привлеченъ къ суду. Но принадлежность къ партіи онъ все же не отрицалъ. На одномъ изъ допросовъ къ нему пришелъ прокуроръ палаты Муравьевъ; снимавшій допросъ съ Буцевича жандармскій полковникъ передалъ листъ прокурору, который по прочтеніи его обратился къ Буцевичу съ такимъ вопросомъ: «какимъ образомъ случилось, что вы, нося мундиръ государя, измѣнили ему и вступили въ заговоръ противъ него?»—Буцевичъ частію былъ захваченъ въ расплохъ, частію разсердился, справедливо усмотрѣвъ особую ядовитость въ предложенномъ вопросѣ; полагая при томъ, что ведетъ съ прокуроромъ простой разговоръ, а не подвергается допросу, отвѣчалъ:—«Я готовъ былъ служить государю и служилъ ему до тѣхъ поръ, пока его интересы не расходились съ интересами народа, служить которому я всегда считалъ своимъ первымъ и прямымъ долгомъ; когда же я увидѣлъ и убѣдился, что интересы царя и народа разошлись, я счелъ себя обязаннымъ перейти на сторону послѣдняго».

— Запишите эти слова въ ваши показанія,—мягко сказалъ прокуроръ.

Буцевичъ не нашелъ для себя возможнымъ отказаться отъ только что произнесенныхъ словъ, его въ высокой степени чистая и прямая натура не терпѣла разногласій слова и дѣла, и сказанная фраза безъ колебаній была занесена въ допросный листъ и скрѣплена подписью автора. Трудно думать, конечно, чтобы это обстоятельство было роковымъ или сколько нибудь рѣшающимъ судьбу Буцевича, но самъ онъ придавалъ этому факту извѣстное значеніе, хотя въ дѣйствительности былъ очень далекъ отъ угрожающаго ему приговора. Онъ даже шутливо сопоставлялъ во время суда его и мой предполагаемые приговоры, предупреждалъ меня, что даже и каторги не увижу я, какъ своихъ ушей, но что онъ и моя жена несомнѣнно поживутъ еще, хотя и въ далекихъ краяхъ:—«Ну что-жъ, говорилъ онъ ей, самое большее, что мнѣ могутъ дать, это лѣтъ 8, а вамъ какъ женщинѣ и того менѣе, и въ результатѣ еще много жизни впереди, хотя и въ Сибири!».

Буцевичъ былъ однимъ изъ лучшихъ друзей Суханова, судившагося и разстрѣляннаго за годъ до нашего процесса, и именно Сухановъ ввелъ его въ Исполнительный Комитетъ партіи. И Буцевичъ въ партіи высоко и прочно держалъ знамя, вложенное въ

его руку Сухановымъ, до тѣхъ поръ пока не изнемогъ подъ тяжестью преслѣдованій, такъ обильно и такъ щедро выпадающихъ на долю всѣхъ друзей и дѣятелей освободительнаго движенія нашей многострадальной родины... Онъ кончилъ морскую академію и былъ одно время прикомандированъ къ вѣдомству путей сообщенія; за это время онъ успѣлъ окончить курсъ института путейцевъ и всего лишь за двѣ недѣли до ареста подалъ прошеніе объ отставкѣ изъ военной службы съ цѣлью укрѣпиться въ званіи и службѣ инженера. Сдѣлай онъ это раньше, онъ былъ бы всего лейтенантомъ въ отставкѣ во время ареста, и бюрократизмъ суда не имѣлъ бы почвы обрушиться на него со всей суровостью приговора, въ концѣ концовъ сведшаго его въ могилу, какой обычно прилагается къ людямъ военнаго званія на политическихъ процессахъ.

Грачевскій былъ однимъ изъ видныхъ представителей Исполнительнаго Комитета, не столько въ области теоретической разработки вопросовъ, сколько въ сферѣ примѣненія теоріи къ практикѣ. Онъ отличался также опредѣленностью своего направленія, ясностью сознанія поставленныхъ передъ нимъ партіей задачъ, искренностью и беззавѣтной преданностью дѣлу грядущаго освобожденія обездоленныхъ массъ. Грачевскій былъ однимъ изъ первыхъ, въ практическомъ умѣ котораго возникла идея террора, и съ этой идеей онъ бѣжалъ изъ Пинеги и Архангельска, чтобъ развить ее и поддержать въ формировавшемся уже къ тому времени Исп. Комитетѣ. Онъ былъ практикъ до мозга костей. Техникъ по образованію, онъ естественно взялъ на себя въ партіи опредѣленную чисто техническую роль и всегда былъ правой рукой Кибальчича, помогая ему, приводя въ исполненіе его научныя и теоретическія указанія. Судьбѣ было угодно къ концу его дѣятельности выдвинуть его на роль организатора, когда ряды партіи значительно порѣдѣли и ея корифеи погибли... Недюжинныя способности Грачевскаго позволили бы ему и здѣсь проявить себя съ надлежащей пользою, но на его бѣду къ этому времени въ немъ сказалась естественная усталость послѣ столь продолжительной неутомимой работы, закончившейся катастрофой 81 года; къ этому присоединилось еще чисто случайное заболѣваніе. Все это вмѣстѣ сломило даже такого выносливаго и сильнаго человѣка, какъ Грачевскій, и онъ на моментъ утратилъ способность правильно оріентироваться. Прямой и сильный характеръ Грачевскаго доставилъ ему въ партіи увѣренное и солидное положеніе, и всей своей жизнью, даже самой трагической смертью своей, онъ доказалъ беззавѣтную преданность общему дѣлу и силою своего характера вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него партіей надежды.

Подъ суровой внѣшностью стойкаго революціонера-террориста однакоже скрывались неисчислимыя богатства душевной красоты и сердечное отношеніе къ людямъ. Считая себя виновникомъ провала въ 82 году, Грачевскій пережилъ тяжелую душевную драму какъ за 9 мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, такъ и во время суда. Его рѣчь, его послѣднее слово носили на себѣ отпечатокъ

той душевной муки, какую долженъ былъ испытывать этотъ необыкновенно сильный характеромъ человѣкъ, приписывая себѣ гибель ряда молодыхъ людей. Старушка мать Прибылевой, для которой быть можетъ была ясна драма переживаемая Грачевскимъ и которая во всякомъ случаѣ видѣла его попытки сколько нибудь облегчить участь ея любимой дочери цѣною самообвиненія, просила меня передать ему горячій привѣтъ, выражающій ея, какъ бы материнское къ нему отношеніе. Грачевскій былъ глубоко тронутъ этимъ привѣтомъ и не нашелъ сразу на него надлежащаго отвѣта. Только на другой день онъ растроганнымъ голосомъ просилъ меня передать ей, что часто смотритъ на нее во время судопроизводства и видитъ въ ней его собственную старушку мать, которую ему не суждено больше обнять ни разу въ жизни... [1])

Процессъ быстро приближался къ концу. Съ обычнымъ опросомъ подсудимыхъ было покончено скоро; не затянули дѣла и допросы свидѣтелей, экспертовъ и пр. Ни на слѣдствіи, ни здѣсь на судѣ подсудимые не отрицали дѣйствительныхъ, правдивыхъ фактовъ своего участія въ разнообразныхъ дѣлахъ и возставали только противъ явно ложныхъ и провокаторскихъ попытокъ прокуратуры, нагромождавшей улики на уликахъ для вящшаго обвиненія. Обвиненія были разнообразны. Всѣ обвинялись, какъ члены партіи «Народной Воли», нѣкоторые, какъ члены ея Исп. К—та; надъ многими тяготѣли обвиненія въ непосредственномъ участіи въ рядѣ террористическихъ фактовъ, имѣвшихъ опредѣленную цѣль—цареубійство. Самое старое дѣло относилось еще къ 1877 году—дѣло Стефановича, какъ организатора Чигиринскихъ крестьянъ при посредствѣ пресловутой золотой грамоты, и самое молодое дѣло—дѣло динамитной мастерской на Васильевскомъ Островѣ въ 1882 году, организованной Грачевскимъ и Корба. Это послѣднее дѣло, объединявшее собою 6—7 чел. подсудимыхъ, и по своему характеру и по своей сравнительной новизнѣ, заняло не малую долю судопроизводства. На судѣ въ концѣ концовъ не выяснилась цѣль, съ какою создавалась мастерская, хотя нельзя сказать, чтобы усилія Грачевскаго и Корба привели судъ къ убѣжденію, что онъ

---

[1]) Михаилъ Грачевскій первоначально былъ сельскимъ учителемъ, а затѣмъ служилъ машинистомъ на одной изъ юговосточныхъ желѣзныхъ дорогъ; захваченный общимъ движеніемъ 70-хъ годовъ, онъ былъ арестованъ и привлеченъ къ процессу 193-хъ. Оправданный по суду послѣ очень продолжительнаго предварительнаго одиночнаго заключенія, онъ отправился на югъ, частію чтобъ поправить свое разстроенное здоровье, частію для подысканія себѣ вновь какой либо службы. Послѣднее ему удалось, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякаго повода онъ вновь былъ арестованъ и отправленъ въ административную ссылку въ Пинегу Архангельской губерніи. Отсюда онъ бѣжалъ, преодолѣвъ всѣ трудности перехода въ осеннюю дождливую погоду черезъ лѣса и тундры Архангельской губерніи, и вновь былъ схваченъ при переправѣ черезъ С.-Двину и препровожденъ въ г. Архангельскъ. Здѣсь, немного не доѣзжая до города, ему опять удалось уйти, обманувъ бдительность своей стражи, и на этотъ разъ вполнѣ удачно Переждавъ нѣкоторое время въ самомъ Архангельскѣ, Грачевскій наконецъ благополучно добрался до Петербурга, нашелъ своихъ старыхъ товарищей по дѣлу и немедленно вступилъ въ ряды активныхъ революціонеровъ.

имѣлъ дѣло только съ *учебной* мастерской, у которой не было никакого опредѣленнаго объекта ея дѣятельности. Несмотря на всю горячность, съ какою Грачевскій пытался убѣдить судъ, что это дѣло всей своей тяжестью должно лечь только на его плечи, такъ какъ онъ одинъ былъ и иниціаторомъ и исполнителемъ предпріятія, и что работавшіе въ мастерской дѣлали это лишь съ учебными цѣлями, не имѣя въ виду какого либо опредѣленнаго факта, судъ, повторяю, не казался убѣжденнымъ въ этой мысли и смотрѣлъ на дѣло болѣе реально и, конечно, болѣе правильно. Утвержденіямъ Грачевскаго особенно противорѣчила оказавшаяся на лицо въ мастерской совершенно снаряженная, готовая къ употребленію новаго образца бомба. Тѣмъ не менѣе на судѣ ни разу не было упомянуто лицо, для котораго она на самомъ дѣлѣ готовилась.

Выслѣживая мастерскую, Судейкинъ, конечно, попалъ въ цѣль удачно, но все же онъ надѣялся при этомъ выиграть гораздо больше, чѣмъ выигралъ на самомъ дѣлѣ. Онъ полагалъ, что захватитъ здѣсь все ядро русской революціи, и раскинулъ свои сѣти возможно шире. Аресту мастерской, что составляло лишь одинъ эпизодъ изъ общаго провала 82 года, онъ придавалъ преувеличенное значеніе, какъ это ясно изъ тѣхъ предосторожностей, какія онъ принялъ при этомъ. Соотвѣтственно тому же и общая молва придала этому эпизоду не подобающую окраску. Говорили объ захватѣ рѣшительно всѣхъ вожаковъ партіи, объ исключительной опасности, сопровождавшей арестъ мастерской, о найденныхъ здѣсь бомбахъ въ причудливой формѣ шляпъ, о множествѣ проводовъ для взрывовъ на разстояніи, и пр.—Въ дѣйствительности дѣло происходило много проще.

Исполнительный комитетъ, рѣшивъ совершить казнь надъ Судейкинымъ, черезъ Грачевскаго предложилъ Прибылевымъ основать конспиративную квартиру для приготовленія динамита и снаряда съ этой спеціальной цѣлью и, попутно, для приготовленія взрывчатыхъ веществъ на запасъ; при этомъ, правда, имѣлось въ виду также создать техниковъ, недостатокъ которыхъ въ партіи къ тому времени ощущался очень замѣтно, и, такимъ образомъ, утвержденіе Грачевскаго на судѣ, что квартира имѣла назначеніе *учебной* мастерской, не было лишено нѣкотораго справедливаго основанія. Дѣйствительно, мастерская, снабженная всѣмъ необходимымъ, включая сюда лабораторскую посуду, реактивы, учебники и пр. за $1^1/_2$ мѣсяца своего существованія смогла приготовить достаточное количество запаснаго нитроглицерина, который оставалось только смѣшать съ индиферентнымъ веществомъ, продѣлала всѣ опыты изготовленія гремучаго студня, гремучей ртути и пр., изготовила ихъ въ необходимомъ на первый разъ количествѣ и сдѣлала совершенно новый, оригинальнаго образца снарядъ, вполнѣ готовый къ употребленію. Знаменитому шпіону Судейкину, сжигаемому тайнымъ тщеславіемъ и, быть можетъ, уже тогда мечтавшему начать свою большую игру съ революціонерами и съ русскимъ правительствомъ,

такимъ образомъ была объявлена безпощадная война, и въ этой войнѣ побѣдилъ Судейкинъ.

Дѣло взяла на себя нѣкая г-жа О., хорошо знакомая съ Судейкинымъ. Объ этомъ знакомствѣ зналъ Исп. Ком. и рѣшилъ имъ воспользоваться для убійства Судейкина, какъ главнаго россійскаго шпіона. Это было то же страстное желаніе со стороны отдѣльныхъ лицъ найти замѣстителя погибшему Клѣточникову, желаніе, наталкивающее партію въ ея поискахъ достойныхъ для такой огромной роли лицъ на людей въ родѣ С. Дегаева и г-жи О. [1]). Въ этомъ сказывалась, конечно, извѣстная степень дезорганизаціи партіи, ея безсиліе передъ лицомъ страшной репрессіи послѣ 81 года, когда она была обезкровлена безпримѣрнымъ кровопусканіемъ, гибелью большинства сильныхъ и незамѣнимыхъ дѣятелей. Остававшіеся еще въ живыхъ, не складывавшіе оружіе, но сильно утомленные работники, какъ Златопольскій, Грачевскій и др., не могли продолжать дѣло съ былымъ напряженіемъ, энергіей и осмотрительностью, которыя служили залогомъ успѣха каждаго предпріятія. Утомленный Грачевскій, начиная дѣло противъ Судейкина, врага опытнаго, окрыленнаго надеждами, внушенными ему его тщеславіемъ, еще больше поднявшаго голову въ виду замѣтной для него слабости партіи, не могъ противопоставить новымъ пріемамъ борьбы должной осмотрительности и скоро попалъ въ ловушку, ловко ему разставленную, и увлекъ за собою все, что было съ нимъ связано.

Судейкинъ обставилъ шпіонажъ неожиданнымъ для революціонеровъ способомъ. Получивъ данныя, быть можетъ, отъ той-же О. (не какъ сознательный доносъ, а благодаря ея болтливости), о пребываніи въ Петербургѣ членовъ Исп. К-та, онъ оставилъ ихъ на свободѣ и, ловко слѣдя за ними, скоро узналъ всѣ ихъ связи. При этомъ не было вовсе обычнаго шаблоннаго бѣганья и подглядыванія за намѣченными лицами; этотъ старый пріемъ онъ замѣнилъ совершенно новымъ. Шпіоны въ мундирахъ околодочныхъ надзирателей были разставлены на разныхъ перекресткахъ города; имъ достаточно было отмѣтить въ своихъ книжкахъ, совершенно незамѣтнымъ образомъ, что выслѣживаемый ими человѣкъ (обыкновенно извѣстный имъ подъ особымъ названіемъ по мѣсту его жительства—василеостровскіе хозяева—Прибылевы, Фонарный—Грачевскій, Дровяной (переул.)—Корба, и т. д.) въ такой-то часъ прошелъ въ такомъ-то направленіи, чтобы затѣмъ при сопоставленіи всѣхъ такихъ данныхъ получилась полная и точная картина дѣйствій за цѣлый день каждаго выслѣживаемаго. Предусмотрѣть такой ходъ было не легко, а утомленіе Грачевскаго и его болѣзнен-

---

[1]) О. была сослана административно въ Сибирь, гдѣ вышла замужъ за нѣкоего П. (игравшаго, кажется, очень незавидную роль по одному изъ южныхъ процессовъ, также отправленнаго въ 83 г. въ ссылку) и вмѣстѣ съ нимъ куда-то исчезла изъ Сибири, когда они оба получили возможность выѣхать въ Россію.

ное состояніе въ эти мѣсяцы только способствовали успѣху Судейкина. О., которая вызвалась взять на себя дѣло выслѣживанія Судейкина и, запутавшись въ сѣтяхъ разставленныхъ ей этимъ ловкимъ шпіономъ, быть можетъ, играла даже двойную игру, въ самую критическую минуту отказалась отъ выполненія взятой на себя задачи подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ.

Больной, утомленный Грачевскій, неоправдывавшая довѣрія партіи О. и опытный, ловкій, съ новыми способами слѣжки Судейкинъ— таково было соотношеніе силъ передъ погромомъ лѣтомъ 82 года.

Отказъ О. былъ сигналомъ къ этому полному разгрому, и на другой же день, послѣ того, какъ Грачевскій, самолично возившій снарядъ, привезъ его обратно въ мастерскую, самъ Грачевскій, Корба, Буцевичъ, Гринбергъ, Клименко и цѣлый рядъ связанныхъ съ ними лицъ были арестованы. Это было въ ночь съ 4 на 5 іюня. Мастерская со всѣми ея обитателями взята утромъ часовъ въ 10 на слѣдующій день; Судейкинъ, очевидно опасаясь приступить къ этому аресту ночью, рѣшилъ утромъ примѣнить здѣсь цѣлый рядъ предосторожностей. Во 1-хъ онъ подослалъ полотеровъ, которымъ якобы было нужно натирать полы и которые оказались также шпіонами Судейкина, во 2-хъ, войдя въ квартиру подъ видомъ мастера печника, онъ предварительно убѣдился въ собственной безопасности и только послѣ этого при помощи полотеровъ и стоявшей въ засадѣ полиціи быстро схватилъ и такъ сказать обезвредилъ всѣхъ обитателей квартиры. Теперь уже можно было впустить черезъ парадную дверь въ помѣщеніе весь полицейскій генералитетъ, включая сюда и обычнаго эксперта по взрывчатымъ веществамъ генерала Федорова; до этого момента весь генералитетъ, очевидно, стоялъ на лѣстницѣ. Ни о тайныхъ проводахъ для взрывовъ на разстояніи, ни о множествѣ бомбъ въ разнообразныхъ формахъ, ни о какой-либо опасности на самомъ дѣлѣ не могло быть и рѣчи. Безъ большого шума, хотя и при многочисленной полиціи, обитатели квартиры были отвезены въ тюрьму. Впечатлѣніе дѣйствительной опасности всего этого эпизода пережилъ, кажется, одинъ только человѣкъ—жилецъ того же дома, старый холостякъ чиновникъ, занимавшій квартиру какъ разъ надъ мастерской. По крайней мѣрѣ онъ сейчасъ же послѣ ареста, узнавъ на какомъ вулканѣ онъ жилъ, не подозрѣвая того, немедленно съѣхалъ на другую квартиру подальше отъ старой.

Наканунѣ вечеромъ Грачевскій вышелъ изъ мастерской довольно рано, такъ какъ работы были кончены, а за новыя рѣшено было приняться черезъ день, два отдыха, и ночью былъ арестованъ. Клименко оставался приблизительно до полуночи и взятъ противъ мастерской у почтоваго ящика, когда онъ хотѣлъ опустить частное письмо по просьбѣ М. А. Юшковой.

Судопроизводство шло своимъ чередомъ. Мало-по-малу окончи-

лись какъ допросы свидѣтелей, такъ и показанія экспертовъ, и стороны приступили къ судоговоренію.

Походъ противъ подсудимыхъ открылъ товарищъ прокурора Островскій, передавшій затѣмъ слово своему принципалу Желеховскому. Рѣчи обоихъ прокуроровъ не отличались талантливостью. Это были шаблонныя обвинительныя рѣчи, нагромождавшія одно обвиненіе на другое относительно каждаго подсудимаго, рѣчи, поставившія себѣ заранѣе цѣль какъ можно больше сконцентрировать уликъ, сгустить темныя краски на каждомъ отдѣльномъ лицѣ, представить каждаго подсудимаго въ возможно мрачномъ свѣтѣ. Обычная картина обвиненія, которое строитъ все свое зданіе лишь на фактахъ внѣшняго проявленія личности, не вдается въ оцѣнку внутреннихъ причинъ ихъ поступковъ, не разбирается въ фазисахъ психологическаго развитія, не углубляется мысленно ни въ философію ихъ міровоззрѣнія, ни въ тѣ соціально-политическія условія жизни, которыя порождаютъ столь сильныхъ и огромныхъ по своему значенію въ будущемъ лицъ, каковы главные подсудимые всѣхъ террористическихъ процессовъ.

Эта послѣдняя задача была дѣломъ отчасти защиты и главнымъ образомъ самихъ подсудимыхъ.

Однакоже первая, т. е. защита, только поверхностно знакомая съ личностями, никогда не жившая въ ихъ средѣ и ихъ жизнью, хотя идейно и сочувствующая имъ, бываетъ всегда связана оффиціальностью своего положенія, въ нѣкоторомъ родѣ зависимостью отъ суда, и потому ихъ можетъ встать на совершенно объективную точку зрѣнія. Ей больше всего приходится довольствоваться характеристиками подсудимыхъ, въ отвѣтъ на характеристики, создаваемыя обвиненіемъ, и частію опроверженіемъ фактическихъ неточностей. Другое дѣло—подсудимые, стоящіе лицомъ къ лицу съ своимъ исконнымъ врагомъ, отъ котораго нельзя ждать, не говорю уже—пощады, но даже справедливой, объективной оцѣнки фактовъ. Подсудимые въ этомъ положеніи вынуждены взять на себя всю тяжесть задачи посредствомъ враждебнаго имъ суда оповѣстить urbi et orbi, какъ объ основахъ ихъ міропониманія, такъ и о тѣхъ путяхъ, какіе они считаютъ единственно пригодными и возможными для достиженія своей конечной цѣли — торжества соціализма.

Изъ рѣчей защитниковъ необходимо отмѣтить нѣкоторыя.

Кедринъ одновременно велъ защиту Буцевича и Стефановича и потому произнесъ двѣ рѣчи, діаметрально противуположныя по впечатлѣнію, произведенному ими на слушателей. Его первая рѣчь была въ своемъ родѣ поэма въ защиту молодой погибающей жизни, и онъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы охарактеризовать своего кліента, съ которымъ онъ успѣлъ основательно познакомиться за время процесса, съ самой лучшей стороны, такъ старательно затушеванной и замолчанной обвиненіемъ. Недаромъ и Буцевичъ по окончаніи этой рѣчи, въ теченіе которой онъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, заявилъ своимъ сосѣдямъ, что гораздо охотнѣе выслу-

шалъ бы двѣ или три обвинительныя рѣчи, чѣмъ одну такую рѣчь защиты. Наоборотъ, вторая рѣчь Кедрина была сухимъ перечнемъ фактическихъ опроверженій обвиненія и на слушателей скорѣе производила впечатлѣніе вынужденной защиты, не опирающейся на внутреннее убѣжденіе оратора, и какъ-бы указывала на отсутствіе у него большихъ симпатій къ кліенту. Характеризуя общее направленіе. Стефановича, онъ всецѣло приравнивалъ его къ соціалистамъ-реформаторамъ въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, ничего не имѣющимъ общаго съ «народовольчествомъ». Недаромъ послѣ этой рѣчи защитника, нѣкоторые изъ подсудимыхъ громко обратились къ Стефановичу съ прямымъ требованіемъ высказаться и опровергнуть мнѣніе о немъ защиты, что онъ въ своемъ послѣднемъ словѣ и попытался сдѣлать.

Положеніе Королева было очень трудно. Его кліентъ Богдановичъ занималъ на судѣ настолько опредѣленную позицію, что защитѣ собственно оставалось только внести нѣсколько фактическихъ поправокъ къ обвиненію. При томъ эти поправки были такъ незначительны по сравненію съ главными фактами, не отрицавшимися подсудимымъ, что останавливаться на нихъ прямо не стоило. И Королевъ ограничился общей характеристикой своего кліента на основаніи личнаго съ нимъ знакомства за время процесса, и эта характеристика, конечно, была діаметрально противуположна той, какую объ немъ составило себѣ и въ какой пыталось убѣдить судъ обвиненіе.

Коробчевскій въ красивой рѣчи въ защиту Юшковой, единственный изъ всѣхъ защитниковъ, нашелъ возможнымъ просить для своей кліентки полнаго оправданія.

Рѣчь нашего защитника—Владиміра Даниловича Спасовича сохранилась въ подлинникѣ и, быть можетъ, будетъ при случаѣ воспроизведена въ печати. Какъ всякая рѣчь этого оригинальнаго оратора, она носила на себѣ отпечатокъ несомнѣннаго ума и таланта, но въ то же время не была лишена нѣкоторой, я бы сказалъ, жестокости по отношенію къ лицамъ, не являющимся его кліентами, если-бы не зналъ вполнѣ опредѣленно, что нѣкоторая часть нападокъ Спасовича на Грачевскаго была инспирирована самимъ Грачевскимъ. Очевидно этотъ пріемъ нѣсколько смягчалъ, уравновѣшивалъ то мучительное душевное состояніе Грачевскаго, о которомъ я говорилъ выше. Узнать обо всемъ этомъ мнѣ пришлось много позже. Другая отличительная черта рѣчи Спасовича заключалась въ его нападкахъ на организацію; какъ ни были остроумны его попытки доказать фиктивность существованія «Исп. Ком—та», онѣ произвели непріятное и удручающее впечатлѣніе на всѣхъ подсудимыхъ безъ исключенія. Съ Спасовичемъ впервые я видѣлся въ крѣпости, куда онъ пришелъ познакомиться со мною, когда для него окончательно выяснилось, что онъ беретъ насъ съ женой подъ свою защиту. Послѣ этого мы съ нимъ видѣлись много разъ, но разговоровъ, относящихся къ дѣлу, у насъ было немного: все казалось ясно и достаточно просто, чтобъ стоило тратить на

это много времени. Онъ часто освѣдомлялся у меня о разныхъ лицахъ изъ революціоннаго міра, прошедшихъ передъ его глазами на предыдущихъ процессахъ больше всего его интересовалъ Александръ Михайловъ, въ которомъ онъ видѣлъ поразительный для него образъ человѣка удивительной революціонной стойкости и убѣжденности, до крайняго самозабвенія преданнаго интересамъ своего дѣла.—«Были замѣчательные люди и до него, говорилъ Спасовичъ, но ни въ одномъ изъ нихъ нельзя было усмотрѣть такой чистоты убѣжденія, такой преданности дѣлу, такого безпредѣльнаго посвященія всего себя исключительно интересамъ партіи, какъ у Александра Михайлова.» Я отвѣчалъ ему, что такое же впечатлѣніе производилъ Александръ Михайловъ и на своихъ товарищей. Несмотря на незначительность нашихъ дѣловыхъ разговоровъ, у моего защитника, надо думать, выработался взглядъ, что онъ съумѣетъ убѣдить судъ вынести мнѣ довольно слабый приговоръ. Для меня это было ясно изъ того заявленія, съ какимъ онъ обратился ко мнѣ немедленно послѣ прочтенія приговора. Какъ сейчасъ помню взволнованнаго Спасовича, обернувшагося ко мнѣ съ протянутой рукой, какъ только замолкли слова предсѣдателя, читавшаго приговоръ.—«Я этого не ожидалъ, я этого никакъ не ожидалъ!»—почти прошепталъ онъ мнѣ... Странно, что меня мой приговоръ нисколько не удивилъ и былъ принятъ мною совершенно хладнокровно. Еще нѣсколько разъ я видѣлся съ моимъ защитникомъ. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ, чтобъ убѣдиться, что его роль около меня, такъ сказать, окончена, и его услуги для меня больше не потребуются. Онъ вошелъ ко мнѣ въ камеру и прямо началъ со словъ:—«Ну, мы конечно никакихъ прошеній подавать не будемъ!»—«Конечно не будемъ»,—отвѣчалъ я и крѣпко пожалъ его руку, такъ какъ усмотрѣлъ въ его вопросѣ сочувственное къ себѣ отношеніе. Въ послѣдній разъ Спасовичъ пришелъ проститься, такъ какъ послѣ этого его уже ко мнѣ, какъ къ осужденному, не пропускали. Крайне растроганный, со слезами на глазахъ онъ обнялъ меня и самымъ искреннимъ и сердечнымъ тономъ желалъ мнѣ возможнаго благополучія. Я выражалъ надежду на возможность когда-нибудь съ нимъ встрѣтиться уже въ обновленной Россіи.

Считаю для себя невозможнымъ даже въ простомъ пересказѣ приводить здѣсь рѣчи подсудимыхъ; это слѣдовало-бы сдѣлать возможно детальнѣе, полнѣе, такъ какъ говорившіе отнюдь не имѣли въ виду своей защиты, а преслѣдовали цѣль принципіальнаго выясненія взглядовъ партіи; а это конечно требуетъ особенно бережнаго отношенія въ передачѣ даже оттѣнковъ сказаннаго, для чего необходимо имѣть подъ руками надлежащій матеріалъ. Исторія не преминетъ воспроизвести эти рѣчи съ подобающей точностью, если еще можно надѣяться, что они сохранились гдѣ-нибудь въ правительственныхъ архивахъ или у частныхъ лицъ—современниковъ процесса.

Среди нашихъ товарищей по дѣлу, какъ мною указано выше, не было ораторовъ, которые могли-бы въ свободной и красивой формѣ излагать и отстаивать принципы партіи, тѣ принципы, за которые они жертвовали не только своей свободой, но и самой жизнью. Русь нашего времени вырабатывала борцовъ, смѣлыхъ и беззавѣтныхъ, но ораторы среди нихъ появлялись только случайно... Тѣмъ не менѣе Богдановичъ, Златопольскій, Грачевскій считали своимъ долгомъ открыто сказать суду, за что они шли на смерть, и, въ предѣлахъ возможнаго для себя, пытались изложить свои взгляды на положеніе забитой и угнетенной страны и выяснить роль революціоннаго движенія, какъ освободительнаго шествія массъ изъ подъ гнета самодержавно бюрократическаго произвола. Трудность положенія усугублялась для говорившихъ еще и тѣмъ, что предсѣдатель суда нерѣдко останавливалъ каждаго, съуживая еще больше границы его рѣчи. Златопольскій былъ даже вынужденъ прекратить рѣчь чуть не въ самомъ ея началѣ, и совершенно отказаться отъ своего слова. Корба, хотя и прерываемая, успѣла сказать свое слово: оно воспроизведено съ точностью Кенаномъ, которому ея рѣчь была сообщена свободными товарищами, и кажется, это—единственная рѣчь, попавшая въ печать въ неискаженномъ видѣ. Только Теллаловъ, этотъ симпатичный и опытный пропагандистъ и ораторъ, въ оцѣнкѣ котораго, какъ человѣка и революціонера, во всей революціонной средѣ того времени не было ни малѣйшаго разногласія [1]), нашелъ нужнымъ совершенно отказаться отъ защитника и велъ свою защиту очень толково и умѣло самъ. Его обширная рѣчь распадалась на двѣ половины,—фактическую и принципіальную; въ первой онъ опровергалъ всѣ искусственныя утвержденія, обвиненія и лживыя показанія его свидѣтелей — шпіоновъ, а во второй—въ живой, красивой и необыкновенно трогательной картинѣ, обрисовалъ положеніе русскаго революціонера, силою суроваго русскаго режима вынужденнаго обращаться къ крайнимъ революціоннымъ мѣрамъ воздѣйствія на правительство, поставившее себѣ цѣлью задавить и уничтожить въ странѣ всякую живую мысль, всякое стремленіе къ свободѣ и равенству. Его рѣчь произвела сильное впечатлѣніе не только на подсудимыхъ, наперерывъ старавшихся пожать его руку, но и на самый судъ, который казался взволнованнымъ прошедшей передъ его глазами яркой и безъискусственной картиной.

Кончились рѣчи. Подсудимые удалены изъ залы засѣданій на время совѣщанія суда. Ихъ новое появленіе въ ней имѣло цѣлью только выслушать уже состоявшійся приговоръ въ первоначальной, а затѣмъ и въ окончательной формѣ, и 5-го апрѣля драма закончилась, обрекая однихъ на смерть, другихъ на изгнаніе [2]).

Не радостно, какъ въ первый день процесса, и молча шли

---

[1]) Ни раньше, ни позже нельзя было встрѣтить человѣка, который не отзывался бы объ немъ иначе какъ съ восторгомъ.

[2]) Приговоръ по этому процессу приведенъ въ октябрьской книгѣ „Былого“.

подсудимые изъ залы судебнаго засѣданія въ свою тюрьму, какъ молча они только что выслушали постановленіе суда. Одинъ за другимъ исчезали они, по мѣрѣ приближенія къ камерамъ, съ тѣмъ, чтобы со многими изъ товарищей уже никогда болѣе не встрѣтиться. У послѣднихъ камеръ мы остановились втроемъ съ Буцевичемъ и Грачевскимъ. Буцевичъ продолжалъ успокаивать насъ, говоря, что въ самые послѣдніе дни онъ уже ясно видѣлъ, куда клонится его дѣло, и настолько успѣлъ подготовиться къ самому худшему исходу, что окончательный приговоръ не поразилъ его. Слабое утѣшеніе и для насъ и для самого Буцевича! Заинтересованный и сочувственно-взволнованный проводникъ-надзиратель пытался узнать у насъ о приговорѣ Буцевичу. Грачевскій молча провелъ рукою по шеѣ и только на новый вопросъ непонявшаго жеста надзирателя коротко сказалъ ему:—«наградили веревочкой!»— Грустная улыбка Буцевича была ему отвѣтомъ.

Мы попрощались въ послѣдній разъ.

Черезъ нѣсколько дней приговоренныхъ къ смерти, а также Ивановскую и Корба, снова увезли въ крѣпость, откуда двухъ послѣднихъ впрочемъ скоро возвратили,—всѣ остальные оставались въ Домѣ предварительнаго заключенія.

Прошло $1^1/_2$ или 2 мѣсяца, въ теченіе которыхъ всѣ приговоренные къ смертной казни ожидали ее со дня на день— вѣроятно, высшая форма пытки, на которую только могутъ быть способны месть и произволъ—и только тогда приговоръ былъ конфирмованъ: приговоренные къ смерти помилованы вѣчной каторгой [1]), Стефановичу вѣчная каторга замѣнена 8-лѣтней и Лисовской 15-ти-лѣтняя—4-хъ-лѣтней. Послѣдняя была возмущена этой милостью, громко заявила, что не просила и не желаетъ милости, и требовала, чтобъ ея заявленіе было передано тѣмъ, кто вздумалъ такимъ образомъ распорядиться ея судьбою [2]).

Прошло еще 2 съ небольшимъ мѣсяца. Снова передвиженіе въ камеры нижняго этажа, снова громыханье замками отворяющихся

---

[1]) Эта замѣна смертной казни не каторгой, а вѣчнымъ заключеніемъ въ мѣшкахъ Шлиссельбургской крѣпости, какъ это оказалось въ дѣйствительности, могла назваться „милостью“ только по недоразумѣнію. Послѣдствія, конечно, извѣстныя читателю, доказываютъ справедливость этого. Въ самомъ дѣлѣ, смерти послѣ длительной агоніи послѣдовали въ такомъ порядкѣ: прежде всего умеръ Теллаловъ еще въ Петропавловской крѣпости въ томъ же 1883 году; за нимъ послѣдовали: Клименко, повѣсившійся въ Шлиссельбургѣ въ октябрѣ 1884 г., Буцевичъ, умершій отъ чахотки тамъ же въ апрѣлѣ 1885 г., Златопольскій въ декабрѣ 1885 г., Грачевскій (сжегъ себя) въ Шлиссельбургѣ въ октябрѣ 1887 г. и Богдановичъ тамъ же отъ чахотки въ іюлѣ 1888 г.

[2]) Антонина Яковлевна Лисовская вмѣстѣ съ нами была отправлена въ карійскіе рудники, гдѣ вскорѣ у нея обнаружился общій туберкулезъ. Выпущенная въ вольную команду, она уже не вставала съ постели и умерла въ 1885 году, одновременно съ лечившимъ ее въ началѣ болѣзни товарищемъ д-ромъ Веймаромъ.

и запирающихся дверей, снова стереотипное приглашеніе:—пожалуйте!—на этотъ разъ уже въ баню, гдѣ обряжаютъ въ настоящій, отнынѣ присвоенный намъ костюмъ, стригутъ и брѣютъ головы, заковываютъ въ кандалы... Въ видѣ утѣшенія—заявленіе помощника смотрителя, что для меня должны были заказать не только отдѣльный арестантскій костюмъ, такъ какъ существующіе размѣры для меня не пригодны, но даже и отдѣльные кандалы. Итакъ цѣпи по особому заказу! Долгонько-ли придется услаждать себя ихъ непривычнымъ звономъ?!..

Дальше—особая комиссія, свидѣтельствующая здоровье, ростъ; записываніе примѣтъ осужденныхъ, и на другой день отправка за тысячи верстъ.

Прошло 23 года,—почти $^1/_4$ вѣка. Какое множество перемѣнъ! Не говоря уже о смѣнѣ поколѣній, какая смѣна идей, настроеній, переоцѣнка всѣхъ цѣнностей! Что такъ недавно еще каралось правительствомъ, какъ преступленіе, а для массы проходило незамѣченнымъ, теперь въ проснувшемся сознаніи общества признается актомъ участія въ освободительномъ движеніи; что вчера квалифицировалось, какъ отжившій анахронизмъ, сегодня почитается спасительнымъ!

Еще не вполнѣ затихъ шумъ той революціонной грозы, которая разразилась надъ нашей родиной, доселѣ спавшей безмятежнымъ сномъ подъ гнетомъ тяжелаго произвола. Эта гроза знаменуетъ собою конецъ и этому сну, и этому произволу. Повѣяло могучимъ дыханіемъ свободы, пришла пора ликвидаціи стараго, отжившаго, ненавистнаго прошлаго... и истерзанная, изстрадавшаяся родина не досчитывается многихъ и многихъ борцовъ за новый строй политической и соціальной жизни, за идеалы человѣческой правды и справедливости...

Теперь, когда можно подвести хотя отчасти итоги погибшимъ борцамъ въ общемъ освободительномъ движеніи Россіи, изъ процесса 17 оказывается въ живыхъ только 7 человѣкъ; остальные, замученные въ казематахъ Шлиссельбурга и равелина или до смерти искалѣченные режимомъ каторги, не видѣли этой занимающейся зари свободы и счастья, ради которыхъ они такъ беззавѣтно отдали свою богатую идеалами жизнь; ихъ не коснулось трепетное и знойное дыханіе надвигающейся великой всероссійской революціи. А за одно это они, еслибъ могли, охотно пожертвовали бы своей жизнью вторично.

А. Прибылевъ.

Изъ „обзора", составленнаго департаментомъ полиціи за 1882 годъ.

„Дѣло о лицахъ, принадлежащихъ къ руководящему кружку такъ называемой террористической фракціи тайнаго сообщества, именующаго себя русскою соціально-революціонною партіею, а также и о ближайшихъ пособникахъ ихъ."

Произведенные въ С.-Петербургѣ и Москвѣ съ ноября 1881 г. и по апрѣль 1882 г. аресты главныхъ дѣятелей террористическаго кружка, извѣстнаго подъ названіемъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли, хотя и были чувствительными для него потерями, разстроили и ослабили его дѣятельность, но не остановили ея. Съ весны текущаго года центръ тяжести этой дѣятельности, передвинувшейся послѣ злодѣянія 1-го марта изъ Петербурга въ Москву, былъ снова перенесенъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ по свѣдѣніямъ, добытымъ розыскными полицейскими органами, имѣлъ мѣстопребываніе Михаилъ Грачевскій, одинъ изъ главныхъ участниковъ всѣхъ преступленій, задуманныхъ или совершенныхъ террористическою организаціею въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Изъ показанія нѣкоторыхъ арестованныхъ лицъ о немъ было извѣстно, что онъ не только членъ Исполнительнаго комитета, но и спеціально завѣдуетъ въ немъ отдѣломъ террористическихъ предпріятій, а потому всѣ усилія сыскной полиціи были напряжены главнымъ образомъ къ розысканію этого опаснаго революціоннаго дѣятеля.

Михаилъ Грачевскій, сынъ діакона села Березовки, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи, родился въ 1849 г. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Аткарскомъ уѣздномъ духовномъ училищѣ, откуда перешелъ въ Саратовскую гимназію, но по прошествіи двухъ лѣтъ вышелъ изъ нея, не окончивъ курса. Затѣмъ Грачевскій поступилъ учителемъ въ сельскую школу въ селѣ Лопуховкѣ, Камышинскаго уѣзда, но вскорѣ оставилъ ее, и, поселясь у зятя своего, Ѳедора Скворцова, управляющаго имѣніемъ кн. Щербатова въ селѣ Ельшанкѣ, Саратовскаго уѣзда, въ 1871 г. женился на одной изъ своихъ бывшихъ ученицъ, крестьянкѣ Людмилѣ Борисовой. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ опредѣлился слесаремъ въ мастерскія Грязе-Царицынской желѣзной дороги и, послѣдовательно занимая на ней должности конторщика, начальника дистанціи, помощника машиниста и

машиниста, жилъ въ продолженіи всего этого времени на станціи Чертково и въ г. Борисоглѣбскѣ.

Въ маѣ 1874 г. Грачевскій оставилъ жену, къ которой съ тѣхъ поръ не возвращался, и отправился въ С.-Петербургъ. Тамъ онъ держалъ экзаменъ на вольнослушателя въ Технологическій институтъ, но не вступилъ въ это заведеніе, а опредѣлился слесаремъ на заводъ Струбинскаго, что на Обводномъ каналѣ. Въ ноябрѣ того же года онъ переселился въ Москву.

Грачевскій впервые былъ задержанъ полиціей въ 1875 г. по слѣдующему поводу. Въ Москвѣ познакомился онъ съ рабочимъ фабрики Гюбнера Николаемъ Скворцовымъ и при его посредствѣ сталъ хлопотать о мѣстѣ слесаря на той же фабрикѣ. 18-го января 1875 г, пригласивъ Скворцова въ трактиръ, онъ угостилъ чаемъ его и пришедшаго съ ними лавочника Степана Ноздрина и сталъ имъ говорить: „что правительство притѣсняетъ народъ и тратитъ непроизводительно народныя деньги, что правительство вовсе не нужно и что если бы народъ управлялся самъ, то жилъ бы богато". При этомъ онъ передалъ Ноздрину „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ", „Сказку о 4-хъ братьяхъ" и „Стеньку Разина". За это Грачевскій тутъ же задержанъ находившимся въ трактирѣ полицейскимъ и въ теченіи 1875, 1876 и 1877 г.г. содержался въ Московскихъ частныхъ домахъ и въ Домѣ предварительнаго заключенія въ С.-Петербургѣ. Преданный суду Особаго присутствія Правительствующаго сената по дѣлу 193-хъ, онъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, „что безъ разрѣшенія надлежащаго высшаго начальства имѣлъ у себя книги, по содержанію своему направленныя къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной" и присужденъ къ аресту на 3 мѣсяца, причемъ въ числѣ прочихъ подсудимыхъ, участь его была повергнута особымъ присутствіемъ на монаршее милосердіе съ ходатайствомъ о вмѣненіи ему въ наказаніе предварительнаго ареста.

Въ январѣ 1878 г. Грачевскій былъ освобожденъ изъ подъ стражи съ правомъ свободнаго выбора мѣстожительства, но съ подчиненіемъ полицейскому надзору. Онъ поступилъ помощникомъ машиниста на Курско-Харьково-Азовскую желѣзную дорогу и проживалъ въ г. Бѣлгородѣ, но вскорѣ перейдя на службу Одесско-Кишиневской желѣзной дороги, поселился въ Одессѣ. Оттуда его выслали по распоряженію III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи въ августѣ 1878 г. административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губ. и водворили сначала въ г. Холмогорахъ, а потомъ въ Пинегѣ. Годъ спустя, а именно въ августѣ 1879 г. Грачевскій бѣжалъ, но былъ взятъ и отправленъ въ Холмогорскую тюрьму, а потомъ въ Архангельскъ. Не доѣзжая 5-и верстъ до Архангельска онъ бѣжалъ снова и въ этотъ разъ ему удалось скрыться.

Въ 1880 г. Грачевскій оказался въ С.-Петербургѣ и принялъ дѣятельное участіе въ цѣломъ рядѣ террористическихъ предпріятій, организаторомъ которыхъ былъ Желябовъ. Такъ онъ вмѣстѣ съ прочими заговорщиками обсуждалъ во время прогулки, совершенной на лодкѣ, планъ цареубійства посредствомъ заложенія мины подъ Каменнымъ мостомъ, а въ февралѣ 1881 г. съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, Рысаковымъ, Тимофеемъ Михайловымъ, Емельяновымъ и Меркуловымъ ѣздилъ въ Парголово испытывать метательные снаряды. Въ это время онъ жилъ въ Подольской улицѣ въ д. № 42, гдѣ въ квартирѣ, занимаемой имъ подъ именемъ Пришибина

вмѣстѣ съ Прасковьей Ивановскою и Людмилой Терентьевою, находилась тайная типографія „Народной Воли". По арестѣ Терентьевой на улицѣ 2-го мая 1881 г. квартира эта и помѣщавшаяся въ ней типографія 6-го мая была обнаружена полиціей, но Грачевскій и Ивановская въ самый день обыска успѣли скрыться.

Съ тѣхъ поръ слѣдъ Грачевскаго былъ потерянъ. Вновь удалось напасть на него весною 1882 г. въ С.-Петербургѣ. По даннымъ, добытымъ наблюденіемъ, явилось основаніе предположить, что лицо, проживающее по Фонарному переулку въ д. № 9, кв. № 59 подъ именемъ дворянина Августина Галиновскаго, былъ Грачевскій. Предположеніе это подтвердилось: арестованный въ ночь съ 4-го по 5-е іюня мнимый Галиновскій дѣйствительно оказался Грачевскимъ. При произведенномъ въ квартирѣ его обыскѣ обнаружено до 37 слѣпковъ печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ и общественныхъ учрежденій, различное количество гербовой бумаги для изготовленія подложныхъ свидѣтельствъ, экземпляры „Народной Воли", рукописи и письма преступнаго содержанія, револьверъ, патроны, ножъ, кистень и т. п.

Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ наблюдая за Грачевскимъ полиція тщательно слѣдила за всѣми лицами, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе. Такимъ образомъ выяснено было, что Грачевскій часто встрѣчался и видѣлся съ однѣми и тѣми же личностями, хотя изъ числа ихъ его самого на квартирѣ посѣщала лишь одна женщина. Съ прочими же Грачевскій видѣлся либо у нихъ на квартирахъ, либо на заранѣе условленныхъ пунктахъ на улицахъ города и въ загородныхъ мѣстахъ. Одновременно съ обыскомъ и арестомъ Грачевскаго въ ту же ночь съ 4-го на 5-ое іюня были произведены обыски и у всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ.

Были обысканы и задержаны:

1) Проживавшій на Васильевскомъ островѣ, въ 11 линіи, въ д. № 24 ветеринарный врачъ Александръ *Прибылевъ*, его жена Раиса, урожденная *Гроссманъ* и служанка ихъ Марія Савина, оказавшаяся дочерью протоіерея Маріею *Юшковою* [1]).

2) Въ Дровяномъ переулкѣ въ д. № 22, кв. № 22, подъ именемъ вдовы

---

[1]) *Прибылевъ*, Александръ, сынъ священника гор. Камышлова, Пермской губ., родился въ 1856 г., воспитывался въ гимназіяхъ Екатеринбургской и Пермской и въ Медико-Хирургической Академіи, въ 1878 г. участвовалъ въ безпорядкахъ произведенныхъ студентами этой Академіи и въ подачѣ адреса Государю Наслѣднику Цесаревичу; окончилъ курсъ съ званіемъ ветеринарнаго врача; въ 1882 г. женился на дѣвицѣ Раисѣ Гроссманъ.

Прибылева, Раиса (Роза), урожденная Гроссманъ, еврейка, дочь врача, статскаго совѣтника Гроссмана, служащаго въ Одесскомъ медицинскомъ управленіи; уроженка Кіевской губ., Черкасскаго уѣзда, родилась въ 1857 г.; воспитывалась въ частной гимназіи въ г. Одессѣ; жила нѣкоторое время въ Гейдельбергѣ съ отцомъ и занималась медициною, поступила слушательницею на врачебные курсы въ С.-Петербургѣ; передъ вступленіемъ въ бракъ приняла православіе.

Юшкова, Марія, дочь протоіерея; родилась въ Черниговѣ, въ 1860 г.; окончила курсъ въ Черниговской женской гимназіи, а также фельдшерскіе и Маріинскіе курсы въ С.-Петербургѣ; въ 1879 г. проживала въ С.-Петербургѣ по Б. Дворянской ул. д. № 19, въ квартирѣ дочери священника Маріи Барышпольской, адресъ которой найденъ въ числѣ бумагъ, отобранныхъ въ Воронежѣ у мѣщанина Василія Тулисова, привлекавшагося въ 1879 г. къ дознанію о революціонной пропагандѣ въ Воронежской губ.

потомственнаго почетнаго гражданина Софіи Розановой, жена Швейцарскаго подданнаго Анна *Корба* [1]).

3) Въ Измайловскомъ полку по 10 ротѣ, въ д. № 9, кв. № 5, подъ именемъ дворянина Бармалѣева, бѣжавшій изъ мѣста ссылки государственный преступникъ Михаилъ *Клименко* [2]).

4) Въ Малой Мастерской, въ д. № 3, кв. № 6, флота лейтенантъ Александръ *Буцевичъ* [3]).

5) Въ Новой Деревнѣ по Средней улицѣ, на дачѣ № 75, маіоръ 9-го Лубенскаго гусарскаго полка Николай *Тихоцкій* [4]).

---

[1]) *Корба*, Анна, дочь инженера дѣйствительнаго статскаго совѣтника Павла Мейнгарда, родилась въ 1851 г. римско-католическаго вѣроисповѣданія, воспитывалась въ родительскомъ домѣ; въ 1868 г. вышла замужъ за Швейцарскаго подданнаго инженера Виктора Корба; въ 1876 г., живя съ мужемъ въ Минскѣ, принимала дѣятельное участіе въ сборѣ пожертвованій въ пользу русскихъ добровольцевъ въ Сербіи; съ мая по октябрь 1877 г. занималась въ Минскѣ же устройствомъ мѣстныхъ госпитателей Краснаго Креста и въ тоже время изучала фельдшерское искусство въ военномъ госпиталѣ и двухъ городскихъ больницахъ; въ октябрѣ 1877 г. отправилась въ Румынію и въ Бухарестѣ была принята въ число сестеръ милосердія Благовѣщенской общины, занималась перевязкою раненыхъ на поѣздахъ отъ Бухареста до русской границы; по возвращеніи въ С.-Петербургъ, въ маѣ 1878 г. заболѣла тифомъ и поступила въ больницу. По выходѣ изъ нея проживала у сестеръ своихъ частью въ С.-Петербургѣ, частью въ Курской губ.; въ маѣ 1879 г. снова сошлась съ мужемъ, но прожила съ нимъ всего одинъ мѣсяцъ и окончательно его покинула, начала даже бракоразводное дѣло въ Евангелической Консисторіи, но въ разводѣ ей было отказано, получила мѣсто въ Правленіи Поти-Тифлисской желѣзной дороги съ жалованьемъ 40 р. въ мѣсяцъ, но оставила его въ началѣ 1880 г., когда окончательно вступивъ въ соціально-революціонное сообщество, перешла на нелегальное положеніе.

[2]) *Клименко*, Михаилъ, дворянинъ Полтавской губ., родился въ 1856 г.; воспитывался въ Одессой гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ Кіевскаго университета, но былъ исключенъ изъ него на два года за участіе въ безпорядкахъ происходившихъ въ немъ въ мартѣ 1878 г.; былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей Кіевскаго соціально-революціоннаго кружка и 21-го іюня 1880 г. приговоромъ Кіевскаго военно-окружного суда присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири; бѣжалъ изъ г. Киренска, Иркутской губ., въ маѣ 1881 г.

[3]) *Буцевичъ*, Александръ, сынъ коллежскаго совѣтника; родился въ г. Псковѣ въ 1849 г.; воспитывался въ Институтѣ путей сообщенія и въ морскомъ училищѣ, по выпускѣ изъ котораго въ 1872 г. произведенъ въ мичманы во флотъ, служилъ въ 3-емъ флотскомъ экипажѣ, затѣмъ былъ прикомандированъ въ гидрографическому департаменту морского министерства, а въ 1876 г. откомандированъ въ распоряженіе министра путей сообщенія для работъ по описи и промѣру главнѣйшихъ рѣкъ и озеръ Россіи; въ 1876 г. произведенъ въ лейтенанты и женился на дочери булочнаго цеха мастера Маріи Гейндрихъ, но овдовѣлъ; съ 1875 г. и по 1879 г. находился въ навигаціонно-описной партіи при гидрографическомъ изслѣдованіи рѣки Сѣверной Двины; въ послѣднее время занималъ въ министерствѣ путей сообщенія мѣсто старшаго помощника начальника изысканій по устройству порта въ г. Николаевѣ.

[4]) *Тихоцкій*, Николай, дворянинъ Харьковской губ., родился въ дер. Благодатное, Купянскаго уѣзда, той же губ., въ 1849 г.; воспитывался въ г. Харьковѣ въ частномъ пансіонѣ; въ 1865 г. поступилъ на службу юнкеромъ въ 9-й Лубенскій гусарскій полкъ; въ званіи эскадроннаго командира участвовалъ съ полкомъ въ войнѣ 1877—78 гг.; состоялъ въ чинѣ маіора; въ октябрѣ 1881 г. вслѣдствіе столкновенія съ полковымъ командиромъ взялъ 11-ти мѣсячный отпускъ и пробылъ 3 мѣсяца въ имѣніи матери, въ Харьковской губ.; въ мартѣ 1882 г. прибылъ въ Петербургъ.

6) По Сергіевской улицѣ, въ д. № 16, кв. № 14, подъ именемъ дворянки Елизаветы Каммеръ, дочь купца Христина *Гринбергъ* [1]).

7) По Фурштадтской ул., въ д. № 12, кв. № 8, домашняя учительница Александра *Орлова* [2]).

8) Въ Дворянской ул., въ д. № 17, подъ именемъ дочери отставного поручика Надежды Кушнаренко, жена губернскаго секретаря Надежда *Гориновичъ* [3]).

9) Въ Таврической ул., въ д. № 17, кв. № 15, дочь маіора Лидія *Шапаровская* [4]).

10) По Невскому проспекту, въ д. № 94, въ меблированныхъ комнатахъ, вдова коллежскаго ассесора Ольга *Кучина* [5]) и проводившій ночь у нея кандидатъ лѣсоводства Иванъ *Морозъ* [6]).

11) На углу Николаевской и Невскаго, въ д. № 1—69, кв. № 12, дворянинъ Антонъ *Лапицкій* [7]).

---

[1]) *Гринбергъ*, Христина, еврейка, дочь купца, родилась въ г. Николаевѣ, Херсонской губ., въ 1858 г.; воспитывалась въ Одессѣ въ частномъ пансіонѣ; прибыла въ С.-Петербургъ въ 1880 г. и вступивъ въ соціально-революціонное сообщество перешла на нелегальное положеніе.

[2]) *Орлова*, Александра, дочь священника, уроженка Калужской губ., родилась въ 1858 г., воспитывалась въ Калужской женской гимназіи, слушала педагогическіе курсы въ С.-Петербургѣ и окончила ихъ съ званіемъ домашней наставницы.

[3]) *Гориновичъ*, Надежда, дочь коллежскаго секретаря Николая Андрушенко, уроженка Полтавской губ. родилась въ 1861 г. окончила курсъ въ Кіевскомъ институтѣ и 2 года слушала высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ, вышла замужъ за сына губернскаго секретаря Гориновича; въ 1881 г. вмѣстѣ съ мужемъ выслана изъ С.-Петербурга за неимѣніе опредѣленныхъ занятій; въ мартѣ 1882 г. жила съ нимъ въ Москвѣ подъ именемъ супруговъ Хоменко; по задержаніи мужа въ Москвѣ въ концѣ апрѣля прибыла въ С.-Петербургъ.

[4]) *Шапаровская*, Лидія, дочь маіора, уроженка г. Екатеринославля, родилась въ 1859 г.; окончила курсъ въ Екатеринославской женской гимназіи, имѣетъ званіе домашней учительницы, прибыла въ С.-Петербургъ въ маѣ 1882 г. и поступила учительницей въ женскую гимназію Стоюниной.

[5]) *Кучина*, Ольга, вдова коллежскаго ассесора, содержавшаго въ Кіевѣ торговую контору; воспитывалась въ Саратовскомъ институтѣ; имѣетъ постоянное жительство въ Москвѣ, гдѣ содержитъ игрушечную лавку; въ 1879 г., проживая въ имѣніи своемъ Кастроль, Лугскаго уѣзда, С.-Петербургской губ., нынѣ ею проданномъ, была привлечена къ дознанію по обвиненію въ сношеніяхъ съ лицами, политически неблагонадежными, подвергнута обыску и содержалась подъ стражею въ С.-Петербургѣ съ 2-го по 18-ое сентября и по распоряженію временнаго С.-Петербургскаго генералъ-губернатора отдана подъ надзоръ полиціи; въ маѣ 1881 г. находилась на квартирѣ у слушательницы врачебныхъ женскихъ курсовъ Розаліи Личкусъ во время производства въ квартирѣ этой обыска (Розалія Личкусъ, какъ извѣстно, обвинялась въ сношеніи съ террористами и согласно Высочайше утвержденному докладу министра юстиціи въ 1882 г. выслана въ западную Сибирь административнымъ порядкомъ съ учрежденіемъ за ней полицейскаго надзора на 5 лѣтъ); тогда же у Кучиной также произведенъ былъ обыскъ, но за необнаруженіемъ ничего подозрительнаго дѣлу не было дано дальнѣйшаго хода; прибыла въ С.-Петербургъ весною 1882 г. для продажи своего имѣнія.

[6]) *Морозъ*, Иванъ, дворянинъ, Подольской губ., родился въ 1856 г., римско-католическаго вѣроисповѣданія; воспитывался въ Ровенскомъ реальномъ училищѣ и въ Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи, гдѣ окончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента лѣсоводства; въ началѣ 1882 г. прибылъ въ С.-Петербургъ.

[7]) *Лапицкій*, Антонъ, дворянинъ, уроженецъ Минской губ., римско-католическаго вѣроисповѣданія, родился въ 1858 г.; воспитывался въ Тульской гимназіи, по

12) По Екатерингофскому проспекту, д. № 6, кв. № 44, бывшій студентъ СПБ. университета Соломонъ *Быховскій* [1]).

13) По Ивановской ул., д. № 18, кв. № 14, сынъ титулярнаго совѣтника Николай *Андреевъ*, жена его Надежда была арестована нѣсколько позже, по возвращеніи изъ Самары въ С.-Петербургъ [2]).

14) По Вознесенскому проспекту, въ д. № 30, кв. 7, подъ именемъ супруговъ Селезневыхъ, скрывавшійся государственный преступникъ отставной поручикъ Алексѣй *Ѳоминъ* [3]) и дѣвица Пелагея *Бончъ-Осмоловская* [4]) (по отчиму Виноградова).

Кромѣ того произведенъ былъ обыскъ въ квартирѣ по Фурштадтской ул., въ домѣ № 40 у выбывшихъ изъ Петербурга старшаго адъютанта 1-го армейскаго корпуса капитана Михаила Савельева и жены его Лидіи.

окончаніи курса въ которой поступилъ на математическій факультетъ Московскаго университета; получилъ степень кандидата математическихъ наукъ и, живя въ Москвѣ, готовился къ магистерскому экзамену; въ февралѣ 1880 г. привлекался къ дознанію по обвиненію въ хранеціи газеты „Народная Воля“ (дѣло это разрѣшено административнымъ порядкомъ и Ланицкому сдѣлано было строгое внушеніе).

[1]) *Быховскій*, Соломонъ, еврей, уроженецъ Кіевской губ., родился въ 1851 г.; воспитывался въ Каменецъ-Подольской гимназіи, а по окончаніи въ ней курса перешелъ въ СПБ. университетъ, но курса въ немъ не окончилъ; въ 1879 г. состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ извѣстнымъ пропагандистамъ: Левенталю, Аксельроде, Бурсаку, Буживскому и др., но за недостаткомъ уликъ къ дознанію не привлекался; съ 1879 г. подчиненъ негласному надзору; въ ноябрѣ 1879 г. задержанъ во время слѣдованія императорскаго поѣзда на станціи Тосна Николаевской жел. дор. вмѣстѣ съ бывшимъ студентомъ Симановскимъ, сосланнымъ впослѣдствіи административнымъ порядкомъ въ Вятскую губ.; содержался подъ стражею, но дальнѣйшей отвѣтственности не подвергался, до января 1882 г служилъ въ военномъ министерствѣ въ отдѣлѣ отчетности за минувшую войну.

[2]) *Андреевъ*, Николай, сынъ титулярнаго совѣтника, уроженецъ г. Перемышля, Калужской губ., родился въ 1853 г.; воспитывался въ Калужской гимназіи и Московскомъ техническомъ училищѣ, но курса не окончилъ; въ бытность въ училищѣ провелъ одно лѣто на практикѣ на Рижско-Вяземской жел. дор.; въ январѣ 1882 г. женился въ Москвѣ на купеческой дочери Надеждѣ Фирсановой; въ С.-Петербургъ прибылъ вмѣстѣ съ женою, въ мартѣ 1882 г., нанявъ квартиру, снова выѣхалъ въ концѣ апрѣля съ женою же; въ концѣ мая одинъ возвратился въ С.-Петербургъ.

Андреева, Надежда, урожденная Фирсанова, купеческая дочь, родилась въ Москвѣ въ 1856 г., окончила курсъ въ 3-й Московской женской гимназіи; при выходѣ замужъ получила отъ матери своей, состоящей во второмъ бракѣ за Московскимъ купцомъ Потаповымъ, въ приданое 25 тыс. руб.

[3]) *Ѳоминъ*, Алексѣй, дворянинъ, уроженецъ г. Луха, Костромской губ., родился въ 1859 г.; воспитывался въ Ярославской военной прогимназіи; по окончаніи въ ней курса, въ 1875 г. поступилъ вольноопредѣляющимся въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, а затѣмъ въ Кіевское юнкерское училище, гдѣ въ 1878 г. окончилъ курсъ по второму разряду; произведенъ въ офицеры въ 98-й пѣхотный Дерптскій полкъ; въ 1879 г. былъ арестованъ за преступную пропаганду между нижними чинами этого полка, но бѣжалъ изъ Виленской центральной тюрьмы заграницу; въ Женевѣ имѣлъ сношенія съ эмигрантами и вступилъ въ соціально-революціонное сообщество; возвратился въ Россію въ концѣ 1880 г. и съ тѣхъ поръ проживалъ нелегально.

[4]) *Бончъ-Осмоловская*, Пелагея, незаконорожденная, не приписанная ни къ какому сословію, уроженка Могилевской губ. Климовичскаго уѣзда, дер. Шестерики, родилась въ 1861 г.; воспитаніе получила въ домѣ матери, надзирательницы Александровской больницы въ г. Кіевѣ; вступивъ въ соціально-революціонное сообщество, жила нелегально сначала въ Одессѣ, а затѣмъ въ Москвѣ, гдѣ въ февралѣ 1882 г. была задержана подъ именемъ Ольги Виноградовой на вокзалѣ Московско-Ярославской желѣзной дороги; въ мартѣ выслана къ вотчиму своему Виноградову, въ г. Рославль, Смоленской губ.

Наблюденіе за подозрительными лицами производилось одновременно въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, въ виду того обстоятельства, что выяснены были дѣятельныя сношенія между злоумышленниками въ обѣихъ столицахъ и частые переѣзды ихъ изъ одной въ другую. Въ ту же ночь съ 4-го на 5-ое іюня была обыскана и задержана въ Москвѣ Любовь *Макаренко* [1]), проживавшая на одной квартирѣ съ арестованнымъ въ С.-Петербургѣ Антономъ Лапицкимъ, а также посѣтившій ее въ день обыска учитель приходскаго училища Александръ *Пановъ* [2]), жившій въ Москвѣ подъ именемъ дворянина Павла Сыромятникова.

Въ С.-Петербургѣ за квартирами арестованныхъ лицъ также было учреждено наблюденіе и 20 іюня въ квартирѣ Орловой задержана женщина, назвавшаяся Элеонорою Милошевичъ, но оказавшаяся дворянкою Волынской губ. Антониною *Лисовскою* [3]), розыскиваемою съ 1878 г. по обвиненію въ различныхъ государственныхъ преступленіяхъ. Въ той же квартирѣ 5-го іюля былъ арестованъ дворянинъ Оттокаръ *фонъ-Зейдлицъ* [4]).

На основаніи данныхъ, частью добытыхъ наблюденіемъ, частью же почерпнутыхъ изъ показаній задержанныхъ лицъ или изъ отобранныхъ у нихъ бумагъ, въ теченіи лѣта 1882 г. были арестованы:

Въ Москвѣ:

Сынъ подполковника Александръ *Линскій* [5]).

Отставной поручикъ Алексѣй *Литвиновъ* [6]).

Приказчикъ бумажнаго магазина Варгунина, С.-Петербургскій цеховой Николай *Латышевъ*.

Мѣщанинъ г. Луха Костромской губ., Василій *Шишкинъ*.

Слушательница фельдшерскихъ курсовъ Ксенія *Волошина*.

Дѣвицы Венда и Марія *Петкевичъ*.

Студентъ Московскаго университета Наумъ *Гольдинъ*.

---

[1]) *Макаренко*, Любовь, дочь губернскаго секретаря, родилась въ 1859 г.

[2]) *Пановъ*, Александръ, мѣщанинъ г. Острогожска, Воронежской губ., родился въ 1859 г.

[3]) *Лисовская*, Антонина, дворянка, уроженка села Жаборицы, Новоградъ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ., дочь Игнатія Лисовскаго, въ 1863 г. сосланнаго въ Сибирь за участіе въ польскомъ мятежѣ и нынѣ водвореннаго въ Великомъ-Устюгѣ Вологодской губ., римско-католическаго вѣроисповѣданія, родилась въ 1858 г., воспитывалась въ Устюжской женской прогимназіи; въ 1873 г. съ матерью и сестрой возвратилась въ Кіевъ и жила съ ними до 1875 г., затѣмъ поступила въ качествѣ домашней наставницы къ землевладѣльцу Конотопскаго уѣзда, Черниговской губ., Лихошерстому; съ 1876 по 1877 г. служила въ Кіевѣ въ частной торговой конторѣ; вступивъ въ соціально-революціонное сообщество, перешла на нелегальное положеніе.

[4]) *Зейдлицъ*, Оттокаръ, фонъ, дворянинъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія родился въ Москвѣ въ 1842 г.; воспитывался въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, вышелъ изъ него, не окончивъ курса въ 1862 г., женился на дѣвицѣ Маріи Штраухъ; служилъ бухгалтеромъ въ различныхъ частныхъ учрежденіяхъ; въ 1876 г. ѣздилъ добровольцемъ въ Сербію; въ послѣднее время служилъ бухгалтеромъ въ одномъ изъ виленскихъ банковъ.

[5]) *Линскій*, Александръ, сынъ подполковника, родился въ 1858 г.; проживалъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ подъ именемъ Константина Пантусова.

[6]) *Литвиновъ*, Алексѣй, изъ солдатскихъ дѣтей, уроженецъ г. Оренбурга, родился въ 1855 г., воспитаніе получилъ въ Оренбургской военной прогимназіи и въ тамошнемъ юнкерскомъ училищѣ; поступилъ на службу въ 159 пѣхотный Гурійскій полкъ; вышелъ въ отставку въ октябрѣ 1881 г. и поселился въ Москвѣ.

Въ Кіевѣ:

Жена капитана Лидія *Савельева* [1]. По доставленіи ея въ Петербургъ былъ задержанъ и мужъ ея, адъютантъ штаба 1-го армейскаго корпуса Михаилъ *Савельевъ* [2].

Студентъ института инженеровъ путей сообщенія Николай *Ивановъ* [3].

Въ Черниговской г.:

Бывшій студентъ СПБ. университета Левъ *Луговскій* [4].

Въ Волынской губ.:

Кандидатъ естественныхъ наукъ Василій *Кульчицкій* [5].

Въ Воронежѣ:

Дочь капитана Зинаида *Зацѣпина* [6].

Въ Одессѣ:

Дѣлопроизводитель городской управы Николай *Драго* [7] и австрійская подданная Сесилія *Гаммеръ* [8].

---

[1]) *Савельева*, Лидія, жена капитана, адъютанта штаба 1-го армейскаго корпуса, родилась въ 1857 г., воспитывалась въ Псковской женской гимназіи, а также прошла педагогическіе курсы въ С.-Петербургѣ; вышла замужъ за капитана Михаила Савельева; лѣтомъ 1881 г. проживала на дачѣ въ дер. Тойло, близъ станціи Іевы Балтійской жел. дор. вмѣстѣ съ сестрою лейтенанта Буцевича и держала съ нею общее хозяйство; имѣетъ брата, воспитателя Кіевской военной гимназіи Калашникова.

[2]) *Савельевъ*, Михаилъ, сынъ отставного генералъ-маіора, родился въ С.-Петербургѣ въ 1853 г., воспитывался во 2-й СПБ. военной гимназіи и въ 1-мъ Военномъ Павловскомъ училищѣ, въ 1871 г. выпущенъ въ офицеры; въ чинѣ капитана числится по армейской пѣхотѣ и состоялъ старшимъ адъютантомъ штаба 1-го армейскаго корпуса.

[3]) *Ивановъ*, Николай, сынъ купца, родился въ г. Кіевѣ въ 1860 г.; воспитывался въ Кіевской классической гимназіи, а затѣмъ въ реальномъ училищѣ, гдѣ и окончилъ курсъ; состоитъ студентомъ института инженеровъ путей сообщенія.

[4]) *Луговскій*, Левъ, мѣщанинъ г. Городни, Черниговской губ., родился въ 1860 г., воспитывался въ Черниговской гимназіи, а по окончаніи въ ней курса поступилъ въ СПБ. университетъ; въ 1881 г. за участіе въ студенческой сходкѣ, происходившей 13 марта, уволенъ изъ университета съ лишеніемъ права на годъ поступать въ высшее учебное заведеніе; въ маѣ того же года проживалъ съ мастеровымъ Егоромъ Корявовымъ, привлеченнымъ къ дознанію о революціонной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ; подвергался обыску и отданъ подъ гласный надзоръ полиціи.

[5]) *Кульчицкій*, Василій, сынъ священника, уроженецъ Волынской губ., родился въ 1854 г., первоначальное воспитаніе получилъ въ Житомірской семинаріи; кончилъ курсъ въ СПБ., университетѣ со степенью кандидата естественныхъ наукъ; въ 1878 г. привлекался къ дознанію по дѣлу о типографскомъ шрифтѣ, отобранномъ у студента Медико-Хирургической Академіи Григорія Исаева, но такъ какъ шрифтъ этотъ оказался переплетнымъ, то отъ отвѣтственности освобожденъ; состоитъ преподавателемъ въ частномъ реальномъ училищѣ инженера Муханова въ С.-Петербургѣ.

[6]) *Зацѣпина*, Зинаида, дочь отставного капитана, родилась въ г. Воронежѣ въ 1861 г., сестра ея Надежда замужемъ за студентомъ Якимовымъ, братомъ привлеченнаго къ дознанію о воспитанникѣ Воронежскаго училища Ивановѣ.

[7]) *Драго*, Николай, дворянинъ Черниговской губ., родился въ 1852 г.

[8]) *Гаммеръ*, Сесилія, родилась въ 1863 г.

Всѣ вышеозначенныя лица и нынѣ содержатся подъ стражей за исключеніемъ супруговъ Савельевыхъ, Кучиной, Андреевой и Шапаровской, освобожденныхъ по внесеніи ими денежныхъ залоговъ, а также Волошиной, сестеръ Петкевичъ, Гольдина и Шишкина, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи.

Дознаніе подтвердило обнаруженную наблюденіемъ связь между этими лицами и совмѣстное преслѣдованіе большинствомъ изъ нихъ преступныхъ цѣлей. Разборъ отобранныхъ у нихъ книгъ, бумагъ, допросы ихъ и свидѣтельскія показанія дозволяютъ признать выясненными нижеслѣдующія обстоятельства:

Въ апрѣлѣ 1882 г. группа террористовъ, присвоившая себѣ названіе Исполнительнаго Комитета, рѣшила устроить въ С.-Петербургѣ техническую школу и мастерскую для ознакомленія членовъ преступнаго сообщества съ миннымъ искусствомъ и для приготовленія гремучей ртути, пироксилина, динамита и другихъ взрывчатыхъ веществъ. Осуществленіе этого предпріятія взялъ на себя Грачевскій. Онъ предложилъ дѣвицѣ Гросманъ быть хозяйкою той квартиры, гдѣ должна быть устроена означенная мастерская. Та выразила согласіе подъ условіемъ, что въ дѣлѣ приметъ участіе и женихъ ея, ветеринарный врачъ Прибылевъ [1]). При содѣйствіи Грачевскаго, помогавшаго имъ денежными средствами, свадьба ихъ состоялась въ концѣ апрѣля. Вскорѣ послѣ свадьбы они переѣхали въ Серапинскую гостинницу и начали пріискивать подходящую квартиру. Выборъ ихъ и Грачевскаго палъ на квартиру въ 3-мъ этажѣ домъ № 24 по 11 линіи Васильевскаго острова. Они наняли ее и переѣхали 7-го мая, получивъ отъ Грачевскаго деньги на наемъ квартиры и на первоначальное обзаведеніе. При этомъ приняты были мѣры величайшей предосторожности. Раиса Прибылева уѣзжала въ Ямбургъ съ цѣлью увѣрить родныхъ и знакомыхъ въ томъ, что она покинула Петербургъ. Въ качествѣ служанки Грачевскій помѣстилъ къ Прибылевымъ Марію Юшкову, снабдивъ ее подложнымъ паспортомъ на имя Уманской мѣщанки Савиной. Такъ какъ паспортъ былъ новый, то Юшкова, по совѣту Грачевскаго, помѣщалась сперва въ меблированныхъ комнатахъ близъ вокзала Николаевской жел. дороги и лишь по прописѣ паспорта въ участкѣ переѣхала на квартиру Прибылевыхъ.

Квартира эта состояла изъ 5-ти комнатъ и кухни; изъ нихъ три комнаты: кабинетъ, зало и третья, въ которой была устроена лабораторія, выходили окнами на улицу; спальня, прихожая, и кухня были во дворъ. Въ прихожей за перегородкою помѣщалась ванна. Черная лѣстница отдѣляла кухню отъ прихожей.

Подробный осмотръ квартиры Прибылевыхъ произведенъ былъ 6 го іюня начальникомъ жандармскаго управленія г. С.-Петербурга въ присутствіи прокурора С.-Петербургской судебной палаты и при участіи экспертовъ по химіи, физикѣ и минному дѣлу.

Въ комнатѣ, гдѣ помѣщалась лабораторія, полъ обитъ былъ войлокомъ, а поверхъ его клеенкой. Изъ мебели въ ней стояли лишь комодъ, столъ,

---

[1]) Такъ показываетъ Прибылева; Грачевскій же, напротивъ, утверждаетъ, что обратился сначала къ Прибылеву, а потомъ, и черезъ него, къ его невѣстѣ.

покрытой клеенкой и простой табуретъ. На обоихъ окнахъ были опущены шторы. На комодѣ, покрытомъ двумя листами бумаги, лежали слѣдующіе предметы, составлявшіе принадлежность химической лабораторіи: бертолетова соль, сѣрнистая сурьма, сѣрная кислота, составъ для изготовленія стопина, гремучій студень, нитроглицеринъ, гуттаперчивыя трубки, стеклянныя трубочки и воронки, пробирные стаканчики, напильники, острозубцы, плоскозубцы, медицинскій термометръ, ареометръ для измѣренія плотности и разные другіе инструменты. Въ верхнемъ ящикѣ комода: пироксилинъ въ шашкахъ призматическихъ размѣровъ; резиновыя подушки съ чернымъ динамитомъ въ количествѣ около 4 фунтовъ, жестянка, наполненная взрывчатою смѣсью изъ пироксилина и нитроглицерина, приготовленнаго для гремучаго студня, на листѣ бумаги отмѣтки различныхъ предметовъ, необходимыхъ для изготовленія взрывчатыхъ веществъ. Въ среднемъ ящикѣ: трубки резиновыя, стеклянныя и латунныя; ручныя тиски, кронциркуль, цинковая пластинка, вата и мелкіе гвозди. Нижній ящикъ комода былъ весь наполненъ ватой. На столѣ стояли: вѣсы Роберваля съ французскимъ разновѣсомъ, бутыль съ остатками сѣрной кислоты, напильники, круглозубцы, трубки металлическія и стеклянныя, изъ нихъ одна наполненная сѣрной кислотой и запаянная съ обоихъ концовъ. Подъ поломъ: аптекарскіе вѣсы съ роговыми чашками. На полу помѣщались свертки и мѣшки съ гигроскопическою ватою, амміачной селитрой, камфорой, погашемъ, нашатыремъ, стклянка съ ѣдкимъ кали, двадцатифунтовая бутыль съ сѣрной кислотой, пятифунтовая банка съ дымящеюся азотною кислотою, двѣнадцатифунтовая банка съ сѣрной кислотой, пустыя бутыли изъ подъ разныхъ кислотъ, различные сосуды и инструменты. Въ ванной комнатѣ: стеклянный батарейный стаканъ съ нитроглицериномъ въ количествѣ около пяти фунтовъ, два другихъ такихъ же стакана пустыхъ, мѣшокъ съ двууглекислымъ натромъ, разные сосуды и инструменты. Во всѣхъ прочихъ комнатахъ найдены также бутыли съ кислотами, инструменты и большое число печатныхъ и рукописныхъ руководствъ и книгъ объ изготовленіи взрывчатыхъ веществъ. Висѣвшее въ шкафу, въ спальнѣ, мужское и женское носильное платье, равно какъ и полъ въ большей части комнатъ были изъѣдены кислотами. Въ нижнемъ же ящикѣ комода, также стоявшаго въ спальнѣ, найденъ завернутый въ бѣльѣ снарядъ, состоящій изъ цинковаго сосуда, наполненнаго чернымъ динамитомъ и гремучимъ студнемъ, съ припаяннымъ къ нему крючкомъ. Онъ былъ признанъ экспертами за вполнѣ снаряженный и годный для дѣйствія метательный снарядъ, крючекъ же повидимому долженъ былъ служить для ношенія сосуда при помощи снура съ металлическою петлею, найденною въ лабораторіи.

По объясненію Грачевскаго, въ квартирѣ Прибылевыхъ предполагалось сначала лишь читать демонстративныя лекціи по пиротехникѣ для обученія нѣкоторыхъ лицъ, назначенныхъ Исполнительнымъ Комитетомъ, но впослѣдствіи туда были перенесены, находившіяся въ распоряженіи сообщества, остатки чернаго и магнезіальнаго динамита, пироксилина и гремучей ртути и рѣшено заняться производствами динамита для пополненія запасовъ. Начали съ изготовленія нитроглицерина какъ одной изъ составныхъ частей всѣхъ видовъ динамита, и работа эта была окончена ко времени

ареста Прибылевыхъ. Что же касается до метательнаго снаряда, то Грачевскій утверждаетъ, что онъ не былъ изготовленъ въ мастерской, а принесенъ имъ въ квартиру Прибылевыхъ уже готовымъ, для поясненія читавшихся въ ней лекцій; для дѣйствія же онъ не годится, ибо не будучи герметически задѣланъ, не былъ обезпеченъ отъ вбиранія въ себя влаги изъ атмосферы, между тѣмъ какъ одинъ изъ составныхъ его элементовъ, а именно азотно-кислый аммоній, въ высшей степени гигроскопиченъ, а при нѣкоторой влагѣ этотъ родъ динамита теряетъ свои взрывчатыя свойства. Впрочемъ эксперты опровергаютъ такое объясненіе, утверждая, что присутствіе влаги въ динамитѣ, которымъ наполненъ означенный метательный снарядъ, весьма незначительно, такъ что оно не могло лишить его взрывчатыхъ свойствъ.

Кромѣ Грачевскаго, участіе въ изготовленіи взрывчатыхъ веществъ, по собственному сознанію, принималъ и Прибылевъ. Жена его и Юшкова также признались въ содѣйствіи, которое оказывали этому дѣлу; первая—покупая войлокъ, клеенку, вату, глицеринъ и сама занималась устройствомъ лабораторіи, а вторая — участвуя въ самомъ приготовленіи взрывчатыхъ веществъ, при чемъ руководствовалась литографированными записками.

Грачевскій отказался назвать прочихъ лицъ, помогавшихъ ему въ изготовленіи динамита, или приходившихъ въ конспиративную квартиру для слушанія лекцій по пиротехникѣ. Дознаніемъ однако установлено, что къ числу этихъ лицъ принадлежалъ Клименко, платье котораго носило на себѣ слѣды кислотъ, а часть этого платья даже хранилась въ квартирѣ Прибылевыхъ. Обстоятельство это подтверждаетъ и Раиса Прибылева. По собственному сознанію, квартиру эту посѣщала и дѣвица Гринбергъ, о близости которой къ главнымъ террористическимъ дѣятелямъ въ одномъ изъ своихъ показаній упоминалъ уже государственный преступникъ Меркуловъ, называвшій ее „Христиною“.

Но самымъ близкимъ къ Грачевскому лицомъ, самою ревностною и дѣятельною его помощницею была Анна Корба, которая видѣлась съ нимъ едва ли не каждый день и одна посѣщала его на его квартирѣ.

Анна Корба принадлежитъ къ семейству давно уже извѣстному своею политическою неблагонадежностью. Изъ шести дочерей инженера Путей Сообщенія Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Мейнгарда, лишь три, вышедшія замужъ за гг. Бернацкаго, Попова и Штанге, не принимали дѣятельнаго участія въ преступной пропагандѣ. Четвертая сестра, жена инженера Марія Лешернъ фонъ Герцфельдтъ, съ половины семидесятыхъ годовъ, знакомая съ Александромъ Иванчинымъ - Писаревымъ, жила въ Саратовской губерніи и за-границей, гдѣ была близко знакома съ государственнымъ преступникомъ Дмитріемъ Клеменцомъ, Вѣрою Филипповою, Александромъ Соловьевымъ, Юріемъ Богдановичемъ и др.; разыскиваемая по дѣлу о 58-ми лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, она въ 1881 г., послѣ ссылки Иванчина-Писарева административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, послѣдовала за нимъ туда и добровольно явившись къ начальнику Енисейскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія просила дозволить ей раздѣлить участь Писарева. Млад-

шая сестра Анны Корба, дѣвица Ольга Мейнгардъ, была наставницей въ школахъ, послѣдовательно учрежденныхъ въ Финляндіи, Тверской губерніи, и въ послѣднее время въ Закавказскомъ краѣ вдовою студента Быкова, воспитывающею въ нихъ дѣтей извѣстныхъ государственныхъ преступниковъ и лицъ политически неблагонадежныхъ.

По словамъ Корба, въ соціально-революціонное сообщество ввела ее жена государственнаго преступника Марія Барапникова, урожденная Оловенникова, съ которой она познакомилась въ 1879 г. послѣ окончательнаго разрыва съ мужемъ и даже поселилась съ ней на одной квартирѣ. Съ самаго начала своей преступной дѣятельности Корба стала въ близкія отношенія къ главнымъ руководителямъ террористическаго кружка, преимущественно къ Александру Михайлову. Еще въ 1879 году къ ней адресовала Вѣра Филиппова отправлявшагося изъ Одессы въ С.-Петербургъ Дмитрія Петрова, одного изъ одесскихъ пропагандистовъ, и просила ее свести Петрова съ Александромъ Михайловымъ. По задержаніи своемъ, Михайловъ написалъ къ ней изъ заключенія нѣсколько записокъ, частью зашифрованныхъ, въ которыхъ передавалъ ей содержаніе своего допроса и сущность данныхъ имъ показаній. Кромѣ того о Корба, какъ о видномъ членѣ сообщества, упоминается въ запискѣ, найденной въ ночь на 3-е Марта 1881 года въ квартирѣ государственныхъ преступниковъ Саблина и Гельфманъ. Наконецъ ею, какъ оказалось, писана записка, обращенная къ Александру Михайлову, найденная у задержаннаго въ декабрѣ 1881 года въ С.-Петербургѣ, Теллалова и приписывавшаяся доселѣ Аннѣ Макаревичъ. Въ запискѣ этой Корба сообщала, между прочимъ, Михайлову, что она находится на Кавказѣ. Хотя въ показаніи своемъ она и отрицаетъ пребываніе въ этомъ краѣ, но есть основаніе предполагать, что она посѣщала находящуюся тамъ младшую сестру свою.

При обыскѣ въ квартирѣ Корба найдены: ручной типографскій станокъ, около сотни различныхъ революціонныхъ изданій и нѣсколько замѣтокъ, писанныхъ ея рукою и разложенныхъ въ конвертахъ съ надписью на нихъ: „для редакцій". Въ одной изъ этихъ замѣтокъ указывается на необходимость „выставить наше единодушіе. На сторонѣ 1-го Марта была вся рево„люціонная партія до единаго человѣка, не исключая и чернопередѣльцевъ. „Все общество ликовало и въ особенности на окраинахъ крестьянство во„сторгалось 1-мъ Марта". Другая замѣтка говоритъ: „что Исполнительный „Комитетъ не поручалъ Халтурину участвовать лично въ Стрѣльниковскомъ „дѣлѣ; напротивъ, съ него было взято слово, чтобы онъ оставался органи„заторомъ его. Желваковъ, юноша съ честной и возвышенной душой, но „честныхъ и чистыхъ юношей много на Руси: они составляютъ большин„ство молодежи цѣлаго поколѣнія". Наконецъ третья замѣтка упоминаетъ о воззваніяхъ „къ народу", въ кототорыхъ „слѣдовало бы напомнить на„роду крѣпостное право и указать ему, что рабство отняло у него привычку „къ самоуправленію и свободѣ". Изъ этихъ замѣтокъ можно заключить, что Корба принимала участіе въ изданіи печатнаго органа террористическаго кружка „Народная Воля".

Другимъ лицомъ, съ которымъ Грачевскій поддерживалъ постоянныя сношенія и имѣлъ частыя свиданія, былъ флота лейтенантъ Александръ Буцевичъ.

Буцевичъ показалъ на допросѣ, что принадлежитъ къ партіи „Народной Воли“ съ Января 1882 г., что знакомство его съ Корба произошло въ Апрѣлѣ и было вызвано желаніемъ его сойтись съ личностью болѣе знакомою со средствами партіи и „сильнѣйшею въ идейномъ смыслѣ“, чѣмъ тѣ лица, съ которыми ему ранѣе приходилось сталкиваться; что Корба познакомила его съ Грачевскимъ; что свиданія его съ Корба происходили на улицѣ и у себя дома и, наконецъ, на квартирѣ его хорошихъ знакомыхъ, капитана Савельева и жены его. Изъ числа другихъ арестованныхъ лицъ Буцевичъ призналъ свое знакомство лишь съ Андреевымъ, но отказался объяснить цѣль этого знакомства и обстоятельства, при которыхъ оно произошло.

По словамъ Буцевича, онъ признаетъ неизбѣжность въ Россіи революціи политической и экономической, а потому и примкнулъ къ партіи „Народной Воли“, какъ къ единственной партіи, раздѣляющей тотъ же взглядъ. Онъ сдѣлалъ это по необходимости, за неимѣніемъ выбора, ибо, въ противномъ случаѣ, ему оставалось бы „желая революціи, сидѣть сложа руки“. Но, сочувствуя цѣлямъ партіи, онъ не одобрялъ насильственныхъ средствъ, къ которымъ она прибѣгала, ничего не зналъ о нихъ и не рѣшился бы принять въ нихъ участіе. Тѣмъ не менѣе, онъ считалъ себя обязаннымъ, „быть прямымъ или косвеннымъ пособникомъ партіи во всѣхъ пунктахъ ея программы и пропагандировать экономическую и политическую революцію до тѣхъ поръ, пока Россія не стала конституціоннымъ государствомъ“.

Въ томъ же духѣ составлено писанное рукою Буцевича и найденное въ бумагахъ Грачевскаго воззваніе „къ офицерамъ русской арміи, отъ центра военной организаціи партіи Народной Воли“. Въ этомъ и въ другомъ воззваніи „къ представителямъ русской арміи“, также найденномъ у Грачевскаго, войско призывается содѣйствовать къ ограниченію Самодержавной Власти.

Указанія на существованіе военнаго революціоннаго кружка встрѣчались нерѣдко какъ въ показаніяхъ разныхъ лицъ, такъ и въ доставляемыхъ агентурнымъ путемъ свѣдѣніяхъ. Въ началѣ 1881 г. отъ имени этого кружка было напечатано обращеніе къ тогдашнему Военному Министру Графу Милютину. Съ тѣхъ поръ всѣ полученныя о кружкѣ свѣдѣнія сводятся къ тому, что цѣль кружка—введеніе въ Россіи конституціоннаго устройства, а союзъ съ организаціей Народной Воли лишь компромисъ, не влекущій за собою солидарности съ террористическою ея дѣятельностью. Существуетъ предположеніе, что кружокъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ офицеровъ: моряковъ, артиллеристовъ и саперъ и можно допустить, что къ числу ихъ принадлежалъ и Буцевичъ.

Нѣсколько иной характеръ участія въ организованныхъ Грачевскимъ предпріятіяхъ другого офицера, задержаннаго въ ночь на 5-ое іюня, а именно маіора 9-го Лубенскаго гусарскаго полка Николая Тихоцкаго.

Въ семействѣ Тихоцкаго насчитывается рядъ членовъ болѣе или менѣе причастныхъ къ соціально-революціонному дѣлу. Одинъ братъ Николая, Викторъ Тихоцкій еще въ 1874 г. привлекался къ Долгушинскому дѣлу, былъ отданъ подъ судъ особаго Присутствія Правительствующаго Сената. Освобожденный судомъ отъ отвѣтственности, Викторъ Тихоцкій былъ въ 1879 г снова преданъ суду Харьковскаго Военнаго суда за присутствіе на сход-

кахъ, устроенныхъ въ гор. Харьковѣ Гольденбергомъ, Колодкевичемъ, Вѣрою Филипповой и др., но судъ и въ этотъ разъ оправдалъ его. Другой единоутробный братъ Виктора и Николая Тихоцкихъ, Эммануилъ Воронецъ, за принадлежность къ соціально-революціонному сообществу высланъ былъ административнымъ порядкомъ изъ Харькова въ Олонецкую губернію. Уже послѣ его высылки, Гольденбергъ, въ одномъ изъ своихъ показаній, назвалъ его въ числѣ прочихъ лицъ присутствовавшихъ на сходкахъ, на которыхъ обсуждался планъ убійства Харьковскаго Губернатора Князя Крапоткина. На мѣстѣ ссылки Воронецъ женился на другой участницѣ въ этомъ преступленіи, также высланной въ Олонецкую губернію, Зинаидѣ Воскресенской. Въ Ноябрѣ 1881 г. оба они, согласно постановленію Особаго Совѣщанія, оставлены подъ надзоромъ полиціи на пять лѣтъ и высланы въ Западную Сибирь.

Самъ однако Николай Тихоцкій до послѣдняго времени не принималъ участія въ преступной дѣятельности своихъ братьевъ. Служа въ Лубенскомъ гусарскомъ полку съ 1863 г., онъ въ продолженіи минувшей войны командовалъ въ немъ эскадрономъ и лишь осенью 1881 г., по неудовольствію на полкового командира, оставилъ полкъ, взявъ одиннадцатимѣсячный отпускъ. Не имѣя собственнаго состоянія, онъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни, до февраля прожилъ въ деревнѣ у матери, а затѣмъ поѣхалъ въ Харьковъ. Тамъ онъ, по собственному сознанію, посѣщалъ портерныя, трактиры и проводилъ время въ пьянствѣ и за карточной игрой. Въ это время ему было сдѣлано предложеніе лицомъ, назвавшимся Константиновымъ, ѣхать въ С.-Петербургъ, за что ему были обѣщаны значительныя деньги. Онъ согласился. Въ Москвѣ Константиновъ познакомилъ его съ Грачевскимъ, отъ котораго Тихоцкій получилъ 1.000 р. Съ этими деньгами онъ прибылъ въ С.-Петербургъ 17-го марта и остановился въ меблированныхъ комнатахъ въ д. Кононова въ Кирпичномъ переулкѣ. Предлогомъ къ пребыванію его въ С.-Петербургѣ служили хлопоты о пріисканіи мѣста. Съ этою просьбою онъ обращался къ прежнимъ своимъ знакомымъ, большею частію военнымъ. По наступленіи лѣта, онъ переѣхалъ на дачу въ Старую Деревню и въ теченіи мая нѣсколько разъ бывалъ въ Петергофѣ, гдѣ посѣщалъ своихъ бывшихъ сослуживцевъ, обѣдалъ у знакомыхъ морскихъ офицеровъ на Императорской яхтѣ „Александрія“, ко всѣмъ обращался съ просьбой содѣйствовать ему въ пріисканіи мѣста, но въ этомъ не успѣлъ. Жилъ Тихоцкій на деньги, получаемыя отъ Грачевскаго. который, по словамъ его, кромѣ 1.000 р., полученныхъ въ Москвѣ, въ разное время выдалъ ему 575 руб. Грачевскій часто видѣлся съ Тихоцкимъ, посѣщалъ его на его квартирѣ. а также назначалъ ему свиданія на улицѣ и общественныхъ гуляніяхъ, между прочимъ въ саду „Аркадія“. Тихоцкій утверждаетъ, что зналъ Грачевскаго лишь подъ фамиліей Болдырева. Грачевскій также заботился о пріисканіи Тихоцкому мѣста, что явствуетъ изъ того, что старшій адъютантъ штаба 1-го армейскаго корпуса капитанъ Савельевъ призналъ въ Тихоцкомъ офицера, отрекомендованнаго ему Буцевичемъ и являвшагося къ нему съ ходатайствомъ о прикомандированіи къ штабу означеннаго корпуса.

Что касается до самого капитана Савельева, то дознаніемъ выяснено лишь, что квартира его служила мѣстомъ свиданія Грачевскаго съ Буцевичемъ, давнимъ и близкимъ знакомымъ жены Савельева.

Допросъ Николая Андреева и произведенный у него обыскъ не обнаружили уликъ его преступной дѣятельности. Между тѣмъ, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, онъ играетъ важную роль въ террористической организаціи и самое переселеніе его съ женою изъ Москвы въ С.-Петербургъ вызвано особымъ порученіемъ, возложеннымъ на него руководителями террористическаго кружка. Женившись въ Январѣ 1882 г. на богатой московской купеческой дочери Надеждѣ Фирсановой и взявъ за нею въ приданое 25000 р., Андреевъ въ мартѣ прибылъ въ С.-Петербургъ и нанявъ квартиру, обмеблировалъ ее, а затѣмъ вмѣстѣ съ женою выѣхалъ въ Москву, оттуда въ Воронежъ, Саратовъ, Самару, а въ концѣ Мая вернулся въ С.-Петербургъ. Пребываніе свое въ С.-Петербургѣ онъ объяснилъ намѣреніемъ открыть здѣсь, на средства жены, торговую контору. Дознаніе установило знакомство его съ Грачевскимъ, Корба и Буцевичемъ.

Кромѣ лицъ выше перечисленныхъ, въ прямыхъ сношеніяхъ съ Грачевскимъ находились также Александръ Липскій, Левъ Луговскій, Василій Кульчицкій и Алексѣй Литвиновъ. Рукою Липскаго писано воззваніе, найденное въ бумагахъ Грачевскаго и обращенное отъ партіи „Народной Воли“ къ товарищамъ, коимъ скоро „предстоитъ предстать передъ судомъ“. Въ воззваніи этомъ утверждается, между прочимъ, „что ничто не можетъ устранить и остановить товарищей—даже висѣлица. Русскій революціонеръ, столкнувшись съ деспотизмомъ, умѣетъ умирать. Часъ справедливой мести застанетъ врага внезапно и тогда въ страхѣ и безпамятствѣ не принадлежащіе къ партіи будутъ давить, пожирать другъ друга“. Луговскій, бывшій сожитель Маріи Юшковой, писалъ къ Грачевскому длинное письмо, найденное при обыскѣ у послѣдняго, въ которомъ упрекалъ его за назначеніе, данное Юшковой, сопряженное съ такою для нея опасностью. Въ письмѣ этомъ заслуживаютъ вниманія выраженія, которыми Луговскій характеризуетъ Грачевскаго: „ты человѣкъ черствый, односторонній и забылъ вторую заповѣдь: не сотвори себѣ кумира, ты создалъ себѣ кумира, ты обратилъ дѣло въ идола Молоха, котораго только и можно было умилостивить кровавыми жертвами невинныхъ младенцевъ. Я, наоборотъ, думаю и убѣжденъ въ томъ, что дѣло не Молохъ и подобныя жертвы оскорбляютъ его и тѣхъ, кто ихъ приноситъ. Человѣкъ не долженъ унижаться до позорнаго сравненія съ машиной. Ты убилъ въ себѣ человѣка, требуешь отъ меня того же“. Въ заключеніе Луговскій объясняетъ, „что онъ отдалъ дѣлу свое счастіе и отдаетъ и самого себя и свою жизнь“. Что же касается до Кульчицкаго и Литвинова, то они принадлежатъ къ числу лицъ, съ которыми часто видѣлся Грачевскій.

По вызову Грачевскаго прибыла въ С.-Петербургъ изъ Москвы и жена задержаннаго тамъ въ апрѣлѣ 1882 г. Василія Гориновича, Надежда Гориновичъ.

Хотя Надежда Гориновичъ и успѣла скрыться въ Москвѣ изъ квартиры, въ которой былъ задержанъ мужъ ея, но полиція вскорѣ напала на ея слѣдъ вслѣдствіе перехваченной шифрованной записки, писанной мужемъ къ ней изъ тюрьмы и отправленной на имя слушательницы фельдшерскихъ курсовъ Ксеніи Волошинской.

При обыскѣ у послѣдней найдена была часть переписки супруговъ Гориновичъ, а учрежденное за квартирой Волошиной наблюденіе привело

къ задержанію сестеръ Маріи и Ванды Петкевичъ и студента Гольдина. Между тѣмъ Надежда Гориновичъ отправилась въ С.-Петербургъ и вступила въ сношеніе съ большею частію лицъ, причастныхъ къ настоящему дѣлу. Свиданія ея съ Грачевскимъ происходили въ квартирѣ студента Института Инженеровъ Путей Сообщенія Иванова.

Около того же времени, а именно въ апрѣлѣ и маѣ 1882 г., подъ различными предлогами, прибыли въ С.-Петербургъ изъ Москвы Александра Орлова, Лидія Шапаровская, Ольга Кучина и Иванъ Морозъ. Всѣ они находились въ сношеніяхъ между собою, а также съ главными руководителями террористическаго кружка: Корба, Буцевичемъ, Клименко и Андреевымъ. Морозъ, близкій знакомый Андреева, бывшій шаферомъ у него на свадьбѣ, видѣлся и съ Грачевскимъ.

Въ квартирѣ Шапаровской найдено при обыскѣ нѣсколько бланковъ для паспортовъ и множество революціонныхъ изданій. Въ числѣ бумагъ ея была записка съ отмѣченными на ней именами: Дмитрія Драго и Сесиліи Гаммеръ въ Одессѣ. О Драго извѣстно изъ показаній Петрова, что онъ въ январѣ 1882 г. въ квартирѣ Маріи Симановичъ свелъ Вѣру Филиппову съ Клименко, пріѣзжавшихъ въ Одессу „по особенному дѣлу“.

Въ квартирѣ Орловой была задержана, какъ уже сказано выше, давно розыскиваемая по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ и проявившая преступную дѣятельность свою въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи Антонина Лисовская.

Подобно Корба и Тихоцкому, Лисовская принадлежитъ къ семейству, многіе изъ членовъ котораго состоятъ въ числѣ соціально-революціонныхъ дѣятелей. Отецъ ея, за участіе въ польскомъ мятежѣ 1863 г., высланъ былъ изъ Кіевской губ. въ Сибирь, а впослѣдствіи водворенъ въ Великомъ Устюгѣ, Вологодской губ.; братъ Генрихъ и сестра Вицентина привлекались къ дознанію о польскихъ соціально-революціонныхъ гминахъ въ Кіевѣ и Варшавѣ и въ началѣ 1882 г. по Высочайшему повелѣнію высланы—первый въ Восточную Сибирь на пять лѣтъ, а вторая въ Западную—на три года. О самой Антонинѣ Лисовской, въ 1878 и 1879 г.г. слушавшей высшіе женскіе курсы въ Кіевѣ, упоминалъ въ своихъ показаніяхъ Гольденбергъ, называвшій ее „пропагандисткою, сочувственно относящеюся къ фракціи террористовъ и участвовавшею въ дѣлѣ предоставленія средствъ политическимъ заключеннымъ. Въ 1881 г. она проживала въ Варшавѣ подъ именемъ Краснопѣвцевой, а въ 1882 г. въ Вильнѣ подъ фамиліями Гаевской и Яворской и принимала участіе въ организаціи соціально-революціонныхъ гминъ. Вскорѣ послѣ задержанія Лисовской, въ той же квартирѣ Орловой, арестованъ бывшій бухгалтеръ одного изъ Виленскихъ банковъ Оттокаръ фонъ-Зейдлицъ. Задержанная вслѣдъ за нимъ, любовница его, Анисья Алексѣева подробно разсказала объ отношеніяхъ Лисовской къ Зейдлицу и о преступной дѣятельности послѣдней. По словамъ Алексѣевой, Лисовская подъ именемъ Анны Ивановой и въ сопровожденіи неизвѣстнаго Александра въ первый разъ появилась въ домѣ у Зейдлица около Рождества 1881 г., и въ теченіи двухъ мѣсяцевъ неоднократно посѣщала его подъ предлогомъ уроковъ бухгалтеріи. По отъѣздѣ ея изъ Вильны, къ Зейдлицу явился съ письмомъ отъ нея Иванъ Доманскій. По рекомендаціи Доманскаго, въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ 1882 г., Зейдлица посѣщали разныя подозритель-

ныя лица, извѣстныя подъ именами: „Маріи Николаевны“, „Николая Степановича“, „Ядвиги Антоновой Одаховской“, и „Маріи Павловны Люстивой“. О сношеніяхъ Зейдлица съ Иваномъ Лампе можно заключить изъ того обстоятельства, что у послѣдняго при обыскѣ найдены с.-петербургскіе адресы Зейдлица. Въ послѣднее время Зейдлицъ часто отсутствовалъ изъ Вильны и, наконецъ, переселился сначала въ Москву, а потомъ въ С.-Петербургъ, оставивъ Алексѣевой паспортъ на имя вдовы секретаря Саратовскаго Окружнаго Суда Пономаревой, тотъ самый, подъ которымъ проживала въ Москвѣ вмѣстѣ съ Юріемъ Богдановичемъ, жена государственнаго преступника Марія Баранникова.

Изъ числа прочихъ задержанныхъ лицъ обращаютъ особенное вниманіе на себя арестованные въ С.-Петербургѣ, подъ именемъ супруговъ Селезневыхъ, Алексѣй Ѳоминъ и Пелагея Бончъ-Осмоловская, въ квартирѣ которыхъ, кромѣ разныхъ революціонныхъ изданій, найдены также различныя принадлежности для поддѣлки паспортовъ.

Послѣ бѣгства своего, въ сентябрѣ 1879 г., изъ Виленской центральной тюрьмы, Ѳоминъ искалъ убѣжища въ Женевѣ и тамъ познакомился съ нѣкоторыми эмигрантами, между прочимъ съ Стефановичемъ. Онъ возвратился въ Россію осенью 1880 г. и весь 1881 г. провелъ въ Кіевѣ и Одессѣ. Въ послѣднемъ городѣ онъ жилъ съ Пелагеей Бончъ Осмоловской, извѣстной подъ именемъ Ольги Виноградовой, и занимался преступной пропагандою. Въ декабрѣ 1881 г. онъ, по вызову Стефановича, переданному ему Филипповою, отправился въ Москву вмѣстѣ съ Осмоловскою, но жилъ тамъ отдѣльно отъ нея по паспорту и подъ именемъ Костенецкаго. Въ С.-Петербургъ прибылъ онъ лишь 20-го мая сего года, вызванный изъ Москвы Осмоловскою и поселясь съ нею, вступилъ въ сношенія съ с.-петербургскими злоумышленниками.

При обыскѣ, произведенномъ въ Москвѣ у Любови Макаренко, найдено нѣсколько свидѣтельствъ полицейскихъ управленій съ печатями Московскаго Оберъ-Полицеймейстера, бланки Губернаторовъ: Подольскаго, Волынскаго и Пензенскаго, два метрическихъ свидѣтельства Полтавской Духовной Консисторіи на имя Петра и Ивана Шаровыхъ, подложныя печати разныхъ правительственныхъ учрежденій и множество рукописей и писемъ. Въ числѣ послѣднихъ замѣчательны два письма Вѣры Засуличъ изъ Женевы, писанныхъ въ мартѣ или апрѣлѣ 1882 г., и въ которыхъ она сообщаетъ террористическому кружку свѣдѣнія о ходѣ русской соціально-революціонной пропаганды за границей. Обыскомъ у учителя Панова, задержаннаго въ квартирѣ Макаренко, обнаружено нѣсколько №№ „Народной Воли“, программа и воззваніе сообщества, рѣчь на судѣ государственнаго преступника Суханова и некрологъ государственнаго преступника Дмоховскаго, предназначенный къ печатанію въ „Народной Волѣ“. Дознаніе выяснило сношенія Панова съ Орловой во время бытности послѣдней въ Москвѣ, гдѣ она проживала на одной квартирѣ съ Надеждою Андреевою, сестрою Николая Андреева.

Въ Москвѣ были также арестованы приказчикъ Николай Латышевъ и мѣщанинъ гор. Луха Василій Шишкинъ, дяля Алексѣя Ѳомина, уличенные въ томъ, что Шишкинъ познакомилъ съ Ѳоминымъ Латышева, а послѣдній передалъ Ѳомину два свидѣтельства, добытыя имъ изъ Купеческой Управы, которыя были найдены при обыскѣ въ квартирѣ Грачевскаго.

Московскіе аресты вызвали по всей вѣроятности исчезновеніе въ Москвѣ изъ дома Шильдбаха, Мясницкой части, трехъ лицъ, проживавшихъ въ немъ по подложнымъ свидѣтельствамъ на имя: губернскаго секретаря Дмитрія Колоґрива, жены его Анны и прислуги мѣщанки Чернскаго уѣзда, Маріи Кожуховой. Въ оставленной ими квартирѣ оказались: типографскій станокъ съ желѣзною доскою и разными къ нему принадлежностями, мѣшокъ съ шрифтомъ, разныя преступныя изданія, револьверъ и два небольшихъ мѣшка съ пулями.

Разсматривая въ совокупности выясненныя настоящимъ дознаніемъ обстоятельства, нельзя не видѣть въ нихъ новаго подтвержденія того, что руководство преступной дѣятельности террористовъ исходило до послѣдняго времени изъ одного общаго центра. Такимъ центромъ, до 1-го марта 1881 г., служилъ С.-Петербургъ, затѣмъ уцѣлѣвшіе отъ Мартовскихъ арестовъ важные дѣятели сообщества сгруппировались на нѣкоторое время въ Москвѣ; послѣ нѣсколькихъ серьезныхъ арестовъ, произведенныхъ тамъ въ началѣ сего года, извѣстные государственной полиціи члены руководящаго кружка террористовъ снова появляются въ Петербургѣ. По задержаніи Грачевскаго и его сообщниковъ, въ порѣдѣвшихъ рядахъ злоумышленниковъ, избѣгнувшихъ до сихъ поръ ареста, вниманіе полиціи, главнымъ образомъ, привлекаютъ нижеслѣдующія лица: Левъ Тихоміровъ, Марія Баранникова, Галина Чернявская, Прасковья Ивановская и Вѣра Филиппова. Названныя лица едва ли не послѣднія изъ оставшихся на свободѣ и не подвергнутыхъ заслуженной карѣ членовъ кружка, сплотившагося на Липецкомъ съѣздѣ и совершившаго рядъ злодѣяній, изъ коихъ ближайшимъ къ намъ, по времени, было убійство Генералъ-Маіора Стрѣльникова. Преступленіе это было организовано Халтуринымъ, при дѣятельномъ участіи Вѣры Филипповой, которая, послѣ казни Халтурина и задержанія Грачевскаго, можетъ быть почитаема одной изъ наиболѣе опасныхъ дѣятельницъ центральнаго кружка террористовъ, присвоившаго себѣ названіе „Исполнительнаго Комитета“. Къ обнаруженію ея, главнымъ образомъ, направлены всѣ розыски.

Въ продолженіи всей майской трети 1882 г. совершенно прекратилась дѣятельность подпольныхъ типографій соціально-революціоннаго сообщества и не появилось ни одного листка или воззванія“.

Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи [1]).

(*Окончаніе*).

IV.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ, принимая постъ Кавказскаго Намѣстника вѣрилъ въ близость обновленія государственнаго строя Россіи и надѣялся временно успокоить возбужденное населеніе Кавказа либеральнымъ управленіемъ, отмѣной законоположеній, направленныхъ противъ кавказскихъ національностей, введеніемъ земскаго самоуправленія типа 1864 г. и смѣной администраціи. Но у графа не было ни опредѣленной политической программы, ни выработанной тактики. Пригласивъ своимъ сотрудникомъ по управленію гражданской частью либерала шестидесятника Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирея, онъ въ то-же время парализовалъ его дѣятельность назначеніемъ самостоятельнаго завѣдывающаго полиціей на Кавказѣ реакціонера генерала Ширинкина. Извѣстье объ этомъ назначеніи и отвѣтъ графа на привѣтственную рѣчь городского головы въ день въѣзда въ Тифлисъ на тему «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ» произведа тяжелое впечатлѣніе даже на умѣренныхъ либераловъ, зачарованныхъ его обращеніемъ къ населенію изъ Петербурга и секретнымъ распоряженіемъ объ ослабленіи репрессій.

Борьба за вліяніе между ближайшими сотрудниками и совѣтниками графа при его безпринципности до-нельзя способствовала водворенію въ краѣ полнаго хаоса и широкаго произвола: каждая губернія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отдѣльные уѣзды, управлялись по особымъ законамъ или помимо законовъ, по усмотрѣнію; военныя, особыя и пр. положенія вводились и отмѣнялись безъ видимыхъ основаній. Либеральныя начинанія стѣснялись реакціонными мѣрами и наоборотъ. Въ этотъ именно періодъ хаоса и мнѣ пришлось неожиданно для себя 5 мѣсяцевъ управлять Кутаис-

---

[1]) Былое, сентябрь.

ской губерніей. Я принялъ предложенный мнѣ постъ послѣ большихъ колебаній и долгихъ переговоровъ, заручившись полнымъ одобреніемъ моей программы, изложенной не только въ личныхъ бесѣдахъ съ графомъ, но и въ особой докладной запискѣ (27 мая 1905 г.), въ которой, между прочимъ, я утверждалъ, что революціонное движеніе въ Кутаисской губ., возникшее на почвѣ общегосударственныхъ и мѣстныхъ экономическихъ и правовыхъ неустройствъ, можетъ быть успокоено только путемъ широкихъ общегосударственныхъ и областныхъ демократическихъ реформъ, и что «задача администратора при этихъ условіяхъ сводится къ использованію общаго подъема сознанія интеллигентнаго общества и народныхъ массъ съ цѣлью возможно плодотворной и спокойной разработки насущныхъ вопросовъ общественной жизни для участья въ предстоящей творческой работѣ по государственному устройству Россіи».

Въ числѣ выставленныхъ мною условій значились слѣдующія:

1) Военное положеніе и всякія охраны должны быть немедленно отмѣнены,

2) Агенты администраціи, проявившіе усердіе въ сферѣ произвола, подлежатъ увольненію,

3) Административные аресты, высылки и прочія репрессіи по отношенію къ политическимъ прекращаются,

4) Функціонировавшія въ деревняхъ до введенія военнаго положенія выборныя судебная и административная организаціи могутъ возобновить свою дѣятельность безпрепятственно,

5) Власти будутъ проявлять полную терпимость къ сходкамъ, митингамъ и демонстраціямъ, когда они не угрожаютъ личной и имущественной безопасности обывателей (погромомъ),

6) Дѣйствія жандармской полиціи должны быть строго согласованы съ дѣйствіями губернатора.

Мое назначеніе состоялось въ началѣ іюля, но, не имѣя объ этомъ оффиціальнаго увѣдомленія, я не вступалъ въ должность до 1-го августа.

16-го іюля въ совѣщаніи, на которомъ приглашенными общественными дѣятелями и членами совѣта подъ предсѣдательствомъ Намѣстника должны были быть разсмотрѣны проектированныя канцеляріей его основанія земскаго самоуправленія въ Закавказьѣ, мнѣ пришлось впервые встрѣтиться и столкнуться на критикѣ проекта съ г. Ширинкинымъ, злымъ врагомъ всякаго прогресса и злымъ геніемъ графа.

Распоряженіе объ отмѣнѣ военнаго положенія въ Кутаисской губ. и о расформированіи Ріонскаго отряда, несмотря на данныя мнѣ обѣщанія, запоздало на нѣсколько дней, и городъ Кутаисъ находился подъ военной охраной до 11 августа.

Крупные землевладѣльцы, часть горожанъ, преимущественно старые чиновники и войско ожидали этого событія съ нескрываемымъ неудовольствіемъ, достигшимъ апогея 7 августа, когда среди бѣлаго дня въ центрѣ города, въ городскомъ саду, при большомъ

стеченіи гуляющей публики и охранѣ былъ убитъ полковникъ Ходецкій, баталіонный командиръ Куринскаго полка. Убійца скрылся на глазахъ у всѣхъ. Въ появившихся прокламаціяхъ, подписанныхъ «группой солдатъ соціалъ-демократовъ Куринскаго и Потійскаго полковъ», смертный приговоръ Ходецкому объяснялся какъ актъ возмездія, вызванный его строгимъ отношеніемъ и репрессіями по отношенію къ участникамъ группы, послѣдовавшими вслѣдъ за возложеніемъ вѣнка на гробъ виднаго члена мѣстной соціалъ-демократической организаціи кн. Александра Цулукидзе. Въ городѣ распространился слухъ, что той-же организаціей приговорены къ смерти еще нѣсколько офицеровъ того-же полка и что во время похоронъ въ процессію будутъ бросать бомбы. Въ ближайшіе послѣдующіе за убійствомъ полк. Ходецкаго дни вблизи лагеря Куринскаго полка на проѣзжей дорогѣ были найдены два трупа поселянъ. Молва приписывала ихъ смерть мести куринцевъ. Возбужденіе и той и другой стороны росло. Похороны прошли въ строгомъ порядкѣ, но тревога не улеглась до тѣхъ поръ, пока Куринскій и Потійскій полкъ не были выведены изъ Кутаисской губ.

Взамѣнъ этихъ полковъ и войскъ Ріонскаго отряда были присланы одинъ пластунскій батальонъ, по два батальона Кубинскаго и Навагинскаго полковъ и части 33-й дивизіи (изъ Кіевской губ.), Бессарабскій и два батальона Херсонскаго полка, пулеметная рота, три батареи.

33-я дивизія была укомплектована запасными для отправленія на Дальній Востокъ, а затѣмъ направлена на Кавказъ. Войска эти шли «вновь завоевывать» Закавказье и были изумлены, заставъ мирное населеніе.

Часть этихъ силъ, предназначенная для охраны линіи желѣзной дороги, состоящая въ завѣдываніи, вполнѣ самостоятельномъ, Главнаго Штаба Кавказскихъ войскъ, а позднѣе Жандармскаго Упр. Зак. ж. д., была расквартирована на вокзалахъ и служила причиной постоянныхъ осложненій между озлобленными обстановкою и скучающими войсками и пассажирами. Другая часть, расквартированная въ городахъ и мѣстечкахъ, служила угрозой обывателямъ и разоряла ихъ, вызывая непомѣрные расходы на приспособленіе помѣщеній и удовлетвореніе другихъ нуждъ, относимыхъ закономъ на населеніе при передвиженіи и расквартированіи войскъ.

Несмотря на это, новый режимъ былъ встрѣченъ населеніемъ сочувственно, и опасенія гг. аграріевъ, что съ упраздненіемъ репрессій крестьяне разорятъ ихъ гнѣзда, не сбылись.

Митинги устраивались чаще прежняго, но проходили безъ осложненій. Народные суды и другія организаціи, о которыхъ я упомянулъ выше, вышли изъ подполья и получили нѣкоторое право гражданства. Число политическихъ убійствъ сократилось, а разгромы прекратились совсѣмъ.

Я ѣздилъ по губерніи безъ всякой охраны, собиралъ сходы и встрѣчалъ повсемѣстно радушный привѣтъ. Однако, довѣріе насе-

ленія ко мнѣ не распространялось вверхъ на власть имущихъ. Отъ нихъ оно ожидало только предательскихъ актовъ. Дѣйствія умиротворительныхъ комиссій и сопровождающихъ ихъ отрядовъ въ сосѣдней Тифлисской губ. и Тифлисскія побоища, событія въ армяно-татарскихъ районахъ восточнаго Закавказья и наконецъ сплошныя репрессіи въ Батумской области давали постоянно богатый матеріалъ для оцѣнки политики графа на Кавказѣ и отнюдь не способствовали насажденію несбыточныхъ мечтаній о возможности достиженія мирнымъ путемъ неотложныхъ реформъ.

Отношеніе населенія къ правительству ясно обрисовалось на выборахъ уполномоченныхъ для разсмотрѣнія проекта земской реформы въ уѣздныхъ и губернскихъ комиссіяхъ и въ оцѣнкѣ манифеста 6 августа.

Въ составъ этихъ комиссій входили представители всѣхъ имущихъ классовъ; они избирались по куріямъ. Выборы были прямые въ уѣздныя и двустепенные въ губернскія комиссіи. Проектъ уполномачивалъ уѣздныя комиссіи высказаться по вопросу о желательности введенія мелкой земской единицы, намѣтить ея предѣлы, пересмотрѣть положеніе 1864 г. и проектировать измѣненія и дополненія, вытекающія изъ мѣстныхъ условій жизни, провѣрить списки имѣющихъ цензъ и пр. Губернскія комиссіи должны были сдѣлать общую сводку работамъ уѣздныхъ и весь матеріалъ передать въ канцелярію Намѣстника.

Осуществленіе реформы назначалось на январь 1906 г.

Проектъ, какъ и все исходившее изъ нѣдръ канцелярій со времени пресловутой «весны», заключалъ много внутреннихъ противорѣчій, но онъ далеко выходилъ за предѣлы вожделѣній мѣстныхъ людей всѣхъ классовъ конца девяностыхъ и начала девятисотыхъ годовъ, когда даже дѣйствующее во внутреннихъ губерніяхъ земское положеніе было-бы принято съ восторгомъ. Теперь въ 1905 году либеральный проектъ уже никого не удовлетворялъ.

Періодъ выборовъ и засѣданій комиссій прошелъ бурно. На выборы представителей отъ крестьянскихъ обществъ созывались по 2—3 сельскихъ общества. Ораторами выступали какъ сторонники реформы изъ лагеря умѣренныхъ, такъ и представители крайнихъ лѣвыхъ партій.

Многія сельскія общества отказались отъ участья въ комиссіи, мотивируя отказъ недовѣріемъ къ самодержавному режиму и узкосословнымъ характеромъ предлагаемой реформы. Резолюціи большинства всѣхъ крестьянскихъ избирательныхъ собраній, вѣрнѣе многолюдныхъ митинговъ, сошлись на томъ, что мѣстное самоуправленіе, не основанное на принципѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права при существующемъ государственномъ строѣ было-бы жалкимъ палліативомъ, безсильнымъ измѣнить къ лучшему крестьянскую долю. Онѣ утверждали, что бюрократія, предлагая теперь земскую реформу, имѣла скрытую цѣль привлечь въ свой лагерь буржуазію и менѣе стойкихъ изъ крестьянъ и полумѣрами остановить освободительное движеніе.

Признавая полезнымъ въ цѣляхъ агитаціи участье въ избирательныхъ собраніяхъ, большинство предлагало бойкотировать комиссіи изнутри. На тѣхъ-же собраніяхъ былъ объявленъ бойкотъ и булыгинской Государственной Думѣ.

Земскія комиссіи функціонировали во всѣхъ уѣздахъ, но лишь въ одномъ изъ нихъ обсуждался предложенный канцеляріей проектъ. Остальные ограничились декларацiей принциповъ, которые должны лечь въ основу демократическихъ органовъ самоуправленія.

Основываясь на опредѣлившемся въ уѣздахъ мнѣніи не бойкотировавшаго меньшинства, губернская комиссія разработала и представила проектъ безсословнаго демократическаго самоуправленія, въ сферу компетенціи котораго входили, какъ хозяйственно-экономическія, такъ и административныя функціи; губернскія земства признавались излишними; мелкія земскія единицы и уѣздныя земства вѣдали всѣми дѣлами самостоятельно; объединяющимъ началомъ, по проекту, должно было служить областное всекавказское земское собраніе въ Тифлисѣ.

Авторами проекта были федералисты и умѣренные. Соціалъ-демократы вышли изъ состава губернской комиссіи на второмъ или третьемъ засѣданіи, послѣ неудавшейся попытки сорвать работы. Администрація не вмѣшивалась ни во время выборовъ, ни въ дѣла комиссій. Возможныя осложненія предупреждались или устранялись самимъ обществомъ и только въ одномъ пунктѣ губерніи— въ с. Абаша, они вызвали кровопролитье при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ селѣ была ярмарка, и слѣдовательно большое скопленіе окрестнаго населенія, размѣстившагося у родственниковъ и знакомыхъ. Воскресный день, пріѣздъ гостей и вызванное ярмаркой оживленіе располагали многихъ къ выпивкѣ и къ вечеру количество лицъ, возбужденныхъ виномъ, было значительнымъ. Невдалекѣ отъ Абаши, въ м. Ново-Сенаки въ этотъ день (6 сентября) заканчивала свою работу уѣздная земская комиссія и уполномоченные отъ Абашскаго и смежныхъ обществъ, въ количествѣ 5—6 человѣкъ, возвращались въ поѣздѣ домой, напѣвая революціонныя пѣсни. Присутствующіе случайно, въ качествѣ пассажировъ, 2 офицера, ѣхавшихъ изъ г. Поти, и жандармскій унтеръ-офицеръ арестовали ихъ въ купэ вагона 2-го класса и приставили караулъ.

Подгулявшая ярмарочная толпа, поджидавшая поѣзда и своихъ уполномоченныхъ на вокзалѣ, узнала объ этомъ и потребовала освобожденія арестованныхъ и, получивъ полное удовлетвореніе, устроила освобожденнымъ бурную овацію, сопровождавшуюся обычной на празднествахъ стрѣльбою изъ револьверовъ и возгласами.

Принявъ стрѣльбу за нападеніе на почтовый вагонъ, 3 нижнихъ чина, стражникъ и жандармскій унтеръ-офицеръ отвѣтили на нее залпами изъ оконъ вагоновъ прямо въ толпу. Тогда опасаясь дальнѣйшихъ агрессивныхъ дѣйствій со стороны желѣзнодорожной воинской охраны, расквартированной на станціи Самтреди, нѣсколько человѣкъ изъ толпы отцѣпили паровозъ и принудили машиниста везти ихъ по направленію къ этой станціи; проѣхавъ нѣ-

сколько верстъ, они отправили локомотивъ дальше, а сами разобрали въ нѣсколькихъ мѣстахъ путь, сдѣлавъ движеніе ожидаемаго воинскаго поѣзда невозможнымъ. Оставленный на пути сторожъ и красные флаги устраняли опасность крушенія. Послѣдствіемъ этой мѣры было то, что войска изъ Самтреди, принужденные идти значительную часть пути пѣше, прибыли въ Абашу, когда возбужденіе улеглось, и толпа разсѣялась частью по сосѣднимъ деревнямъ, частью по кукурузникамъ, унеся съ собою убитыхъ (свыше 10-ти) и раненыхъ. Рѣдкая стрѣльба съ обѣихъ сторонъ, т. е. со стороны лицъ, скрывшихся въ кукурузныхъ посѣвахъ и прибывшихъ войскъ продолжалось и ночью.

Абашское происшествіе между прочимъ доказало нелицепріятное отношеніе нашего суда.

Составленный судебнымъ слѣдствіемъ актъ осмотра вагоновъ подтверждалъ фактъ стрѣльбы въ поѣздъ; доказательствомъ служили найденные имъ многочисленные (свыше ста) пулевыя отверстія и слѣды на стѣнкахъ вагоновъ. При вторичномъ осмотрѣ тѣхъ-же вагоновъ по моему распоряженію, найденъ только одинъ пулевой слѣдъ у корниза крыши одного изъ вагоновъ. Всѣ оконныя стекла, за исключеніемъ одного, выбитаго очевидно ударомъ локтя, оказались цѣлыми [1]).

Во избѣжаніе возможныхъ споровъ поѣздъ былъ сфотографированъ съ обѣихъ сторонъ.

Абашская перестрѣлка не вызвала никакихъ внѣшнихъ проявленій народнаго гнѣва.

Убитыхъ похоронили безъ обычной въ этихъ случаяхъ торжественности [2]), тѣмъ не менѣе это произвело на общество глубокое впечатлѣніе. Возможность безцѣльныхъ кровавыхъ столкновеній, устраненная, какъ казалось, новымъ курсомъ, была доказана. Мое представленіе намѣстнику о необходимости привлеченія къ суду самовольныхъ охранителей «порядка» встрѣтило рѣшительный отпоръ со стороны ген. Ширинкина, и я получилъ замѣчаніе 3).

---

[1]) Окна въ вагонахъ устроены такъ, что рама со стекломъ опускается лишь до половины.

[2]) Августовскій погромъ въ Тифлисѣ былъ тоже отмѣченъ лишь однодневной забастовкой и панихидой по убитымъ.

[3]) Противникомъ новаго курса былъ конечно не одинъ г. Ширинкинъ. Враждебный лагерь образовала вся бюрократія, какъ таковая. Не болѣе какъ черезъ недѣлю послѣ вступленія въ исправленіе обязанностей губернатора, о моихъ дѣйствіяхъ жандармами производилось уже тайное дознаніе, причиной которому послужилъ слѣдующій инцидентъ: Трое горожанъ и въ ихъ числѣ С. Джапаридзе, избранный впослѣдствіи депутатомъ въ Госуд. Думу, гуляя въ городскомъ саду, читали про себя поднятую тамъ-же прокламацію. Всѣ трое были арестованы подошедшими полицейскими стражниками и доставлены въ участокъ. При арестованіи стражники вели себя дерзко. Узнавъ объ этомъ, я освободилъ задержанныхъ и арестовалъ стражниковъ. Переписка объ этомъ моемъ преступленіи тянулась мѣсяца полтора. Жандармское управленіе допрашивало всѣхъ подчиненныхъ мнѣ-же чиновъ полиціи и наконецъ дѣло было прекращено обычнымъ порядкомъ, т. е. постановленіемъ комиссіи (прокуроръ, начальникъ жандармскаго управленія и губернаторъ) *подъ моимъ предсѣдательствомъ.*

Конецъ сентября и начало октября протекали бурно, но не ознаменовались особыми осложненіями. Крестьяне убрали кукурузу съ арендованныхъ земель и уплатили аренду согласно договору, но временно-обязанные наотрѣзъ отказались отъ взноса галлы (часть урожая за право пользованія землей). Большинство помѣщиковъ, несмотря на тяжелыя матеріальныя условія, въ которыхъ они очутились, не протестовали, сознавая, что насильственныя мѣры, направленныя противъ 24 тысячъ дымовъ временно-обязанныхъ, вызвали-бы общій взрывъ негодованія и сдѣлали-бы невозможнымъ ихъ пребываніе въ селахъ. Доказательства были на лицо въ смежномъ Горійскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи. Тамъ въ сентябрѣ дѣйствовала умиротворительная комиссія съ ген. Амилахвари (корпусный командиръ) и кн. Петромъ Грузинскимъ во главѣ [1]).

Комиссію сопровождалъ всюду сборный отрядъ изъ казачьихъ, драгунскихъ и пѣхотныхъ частей. Непокорныя селенія наказывались экзекуціей и штрафами.

Уступая силѣ, крестьяне отдавали помѣщику галлу, но послѣ ухода отряда забирали всю наличность изъ помѣщичьихъ амбаровъ, а усадьбы сжигали.

Интересно, что вслѣдъ за умиротворительной комиссіей всегда подвигались агитаторы. Они поддерживали въ массахъ духъ сопротивленія и придавали имъ стойкость.

Въ половинѣ октября, приблизительно въ теченіе мѣсяца ген.

Второе такое-же дѣло возникло по иниціативѣ прокурорскаго надзора, которому крайне не понравились мои распоряженія по тюрьмѣ.

Замѣчу, что они были строго законными и отмѣняли только произволъ. Секретное дознаніе, вызванное нечистоплотнымъ доносомъ одного изъ товарищей прокурора, если не ошибаюсь, не было закончено до моего увольненія отъ службы.

Какъ ни странно, но тюрьма не переносила присутствія прокурорскаго персонала и во всѣхъ случаяхъ, когда въ стѣнахъ ея возникало какое-либо недоразумѣніе, я принужденъ былъ улаживать его или лично, или черезъ полицеймейстера Климентова, гуманнаго и симпатичнаго работника.

Болѣе-менѣе нормальныя отношенія съ прокурорскимъ надзоромъ у меня установились только съ пріѣздомъ изъ Кіева вновь назначеннаго прокурора (Н. А. Толпыго), послѣдовательнаго сторонника законности, но къ тому времени уже судъ бездѣйствовалъ окончательно.

Въ будущемъ я надѣюсь подробнѣе ознакомить читателей „Былого“ съ тѣми условіями бюрократической среды, съ которыми мнѣ пришлось столкнуться въ качествѣ представителя либеральнаго режима. Здѣсь замѣчу лишь, что они парализовали всякое нешаблонное начинаніе, что вся бюрократическая машина настолько-же непригодна для работы внѣ сферы репрессій и произвола, насколько непригоденъ паровой молотъ для тканья матерій. Отнимите у нея эти рычаги и сила ея погибнетъ. Ясно, что обновленіе личнаго состава чиновниковъ не сдѣлаетъ бюрократію работопригодной внѣ создавшаго ее режима, да и самая возможность подобнаго обновленія по частямъ сомнительна. Въ бюрократическомъ организмѣ всѣ звенья спаяны столь прочно, что безъ коренной ломки нельзя выключать ихъ по одиночкѣ. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ я предалъ суду нѣсколько человѣкъ,—двухъ стражниковъ полицейской стражи за стрѣльбу по наущенью въ собравшійся крестьянскій сходъ въ с. Гванкити, Шаропанскаго уѣзда, въ результатѣ которой были убитые и раненые, одного уѣзднаго начальника (Кегамова) за превышеніе власти и истязанія народа и двухъ полицейскихъ приставовъ за то-же, но всѣ они несмотря на несомнѣнныя улики были возстановлены въ правахъ и служатъ понынѣ.

[1]) Оба—крупнѣйшіе помѣщики въ уѣздѣ.

Ширинкинъ выслалъ изъ Горійскаго уѣзда въ Архангельскую и др. губерніи около 600 человѣкъ [1]).

Вѣсти о расправахъ въ Горійскомъ уѣздѣ быстро распространялись по селамъ Кутаисской губ. и поддерживали возбужденное настроеніе. Но эти вѣсти имѣли лишь второстепенное значеніе. И безъ нихъ общій подъемъ былъ очень великъ.

Въ сентябрѣ начались кое-какъ занятія въ среднихъ школахъ, но несмотря на предоставленныя учащимся льготы, на нѣкоторое давленіе со стороны родителей и существенныя улучшенія въ методахъ преподаванія, они прерывались постоянными вспышками молодежи. Въ низшихъ школахъ къ занятіямъ даже не приступали. Учебный персоналъ, не довольствуясь предоставленнымъ сельскимъ школамъ правомъ преподаванія на родномъ языкѣ, потребовалъ радикальныхъ измѣненій программы.

На митингахъ выяснилось отношеніе крестьянства къ предстоявшему въ ноябрѣ рекрутскому набору. Кое-гдѣ на митинги собирались съ оружіемъ въ рукахъ. Были случаи нападенія изъ засады и разоруженія стражниковъ полицейской стражи.

На участкѣ Закавк. жел. д. западнѣе ст. Самтреди неизвѣстные вооруженные остановили въ пути товарный поѣздъ и, велѣвъ оберъ-кондуктору отпереть указанный ими вагонъ, взяли изъ него ящики съ револьверными патронами.

Участились и уголовныя преступленія: хорошо вооруженные хулиганы, пользуясь общимъ броженіемъ, нерѣдко прикрывались политическимъ знаменемъ.

Гурія, имѣвшая наиболѣе совершенную народную организацію, боролась съ грабежами успѣшно, но ея порочные члены, изгнанные за предѣлы уѣзда, нашли убѣжище въ Чіатурскихъ рудникахъ и въ сообществѣ съ хулиганствующимъ элементомъ Имеретіи, совершали грабежи въ Чіатурахъ, въ Шаропани, въ Квирилахъ, въ Кутаисѣ и др. мѣстахъ. Въ Чіатурахъ была ограблена почтовая контора на 40 тысячъ рублей, присланныхъ марганцепромышленниками для расплаты съ промысловыми рабочими, тамъ-же дважды ограбили одного изъ марганцепромышленниковъ, въ Кутаисѣ среди бѣла дня на людной улицѣ, въ центрѣ города, отняли у артельщика Азовско-Донск. банка сундукъ съ деньгами, пересылаемыми въ казначейство. Въ Квирилахъ ограбили и убили кассира товарной станціи Залдастанова. Только одно изъ этихъ преступленій было отчасти раскрыто полиціей, и ей удалось найти похищенный сундукъ съ деньгами Азовско-Донск. банка; но похитители скрылись. Однако и эта волна грабежей шла недолго. Въ концѣ октября и въ ноябрѣ большинство грабителей было изловлено, и многіе изъ нихъ казнены населеніемъ. Полиціи доставались только трупы разстрѣлянныхъ; ихъ приносили и укладывали на большихъ проѣзжихъ дорогахъ.

---

[1]) По манифесту объ амнистіи всѣ высланные вскорѣ были возвращены назадъ, частью съ пути, частью съ мѣстъ ссылки.

Теперь, въ моментъ общей подавленности и затишья, не художнику трудно набросать полную картину октябрскихъ переживаній. Надвигалась стихія и всѣ чувствовали ея мощь, вѣрили, что она порветъ и размечетъ оковы, въ которыхъ задыхалась жизнь: ждали только сигнала. Онъ послѣдовалъ 14 октября.

15-го октября какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ началась полная политическая забастовка. Въ 12 часовъ дня прекратилось желѣзнодорожное движеніе, закрылись магазины, рестораны, скрылись биржевые извозчики, водовозы... улицы опустѣли. Забастовали многіе мелкіе служащіе въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ. Работали только хлѣбопекарни. Телеграфъ большей частью бездѣйствовалъ, такъ какъ крестьяне перерѣзывали провода и чинить поврежденія было трудно; между тѣмъ, стоустая молва распространяла слухи о кровопролитномъ столкновеніи въ Гуріи и о невѣроятныхъ событіяхъ въ Тифлисѣ и въ столицѣ...

Попытки къ возстановленію движенія силами желѣзнодорожнаго батальона тоже не привели къ цѣли. На 3-й или 4-й день забастовки изъ Кутаиса по направленію къ Батуму былъ отправленъ воинскій поѣздъ съ двумя ротами Кубинскаго полка для охраны пути, но на пятой верстѣ, на крутомъ изгибѣ пути онъ потерпѣлъ страшное крушеніе. Неопытный военный машинистъ шелъ съ большой скоростью и наскочивъ на развинченный рельсъ, долго не могъ задержать поѣзда. Десять или двѣнадцать солдатъ пали жертвою этого крушенія, но мартирологъ этимъ не закончился. Обезумѣвшіе солдаты, выскочивъ изъ вагоновъ, открыли стрѣльбу по собравшимся на большомъ разстояніи за р. Ріономъ окрестнымъ поселянамъ и убили нѣсколько человѣкъ.

Ѣхавшіе въ поѣздѣ офицеры показали на судебномъ слѣдствіи, что въ моментъ крушенія вагоны были обстрѣляны изъ толпы, но этотъ фактъ при мнѣ не былъ установленъ. Арестованные изъ толпы послѣ допроса были освобождены.

Описанное событіе, тревожные слухи, оторванность отъ міра и сознаніе значенія переживаемаго политическаго момента довели нервы до наивысшаго напряженія. Время тянулось мучительно медленно. Каждый день казался вѣчностью.

21-го октября днемъ начальникъ почтово-телеграфной конторы Рябчинскій сообщилъ мнѣ по телефону, что въ Тифлисѣ полученъ какой-то манифестъ; а вечеромъ того-же дня я узналъ его содержаніе изъ дошедшихъ къ намъ отрывковъ агентской телеграммы. Ее принималъ съ аппарата самъ Рябчинскій и настолько растерялся, что обратился ко мнѣ съ запросомъ не долженъ-ли онъ хранить тайну впредь до моихъ распоряженій.

Я затребовалъ провѣрки и возстановленія пропусковъ, но состояніе телеграфа было таково, что ждать скорыхъ отвѣтовъ было трудно. Пришлось распространить вѣсть въ томъ видѣ, въ какомъ она была получена и горожане узнали о ней черезъ часъ. Всюду, куда было возможно, были разосланы отпечатки, изготовленные

на мимеографѣ [1]). Возстановленный текстъ получился лишь черезъ 2—3 дня.

21-го вечеромъ впервые поступила просьба о разрѣшеніи устройства митинга въ городскомъ саду на основаніи правилъ о собраніяхъ 12-го октября; до манифеста эти правила бойкотировались.

На митингахъ 22-го и 23-го октября многотысячная толпа горожанъ обсуждала значеніе акта 17-го октября. Надъ трибуной ораторовъ развѣвались красныя знамена рабочей партіи, но слабыя попытки устройства демонстративныхъ шествій были безъ труда простой просьбой удержаны 22-го полицеймейстеромъ Климентовымъ, а 23-го мною. Оба митинга закончились къ 3-мъ часамъ дня и горожане разошлись въ полномъ порядкѣ.

Манифестъ 17-го октября не удовлетворилъ массы. Ихъ основное требованіе всеобщаго избирательнаго права—не осуществилось. Не было также и намека на амнистію по политическимъ проступкамъ, и волненіе не улеглось. Вотированныя резолюціи не оставляли въ этомъ сомнѣнія, но у многихъ народилась вѣра въ возможность дальнѣйшей мирной борьбы. Она исчезла такъ же быстро, какъ и зародилась. Но объ этомъ будетъ ниже.

Митинги по полученіи манифеста собирались и въ селахъ. Опишу одинъ изъ нихъ.

На 22-е октября былъ назначенъ въ с. Сапаро въ 2-хъ верстахъ отъ м. Квирилы, административнаго центра Шаропанскаго уѣзда вооруженный митингъ. Было предложено придти всѣмъ у кого есть хоть какое-либо оружіе для учета силъ, на которыя въ данной мѣстности можно расчитывать въ случаѣ необходимости перехода къ вооруженному возстанію. Митингъ предполагался очень многолюдный. Не сочувствующая революціонному движенію часть населенія ожидала его съ трепетомъ. Ходили вздорные слухи, что вооруженные крестьяне соберутся единовременно изъ деревень въ мѣстечкѣ, разрушатъ правительственныя учрежденія и желѣзнодорожный вокзалъ. Многіе боялись грабежей.

Настроеніе казачьей сотни и пѣхотныхъ ротъ расположенныхъ по линіи желѣзной дороги, вслѣдствіе забастовки и этихъ слуховъ, было слишкомъ нервнымъ и вызывало справедливыя опасенія весьма вѣроятнаго кровопролитія. При такихъ условіяхъ въ ночь съ 21-го на 22-е была доставлена телеграмма [2]) губернатора съ извѣстіемъ о манифестѣ. Несмотря на забастовку, она была отпечатана утромъ 22-го на русскомъ и грузинскомъ языкахъ и распространена среди населенія.

Собравшіеся въ Сапаро участники митинга послали къ уѣздному начальнику делегатовъ съ просьбой *разрѣшить* имъ собраться въ Квирилахъ; разрѣшеніе послѣдовало. Митингъ былъ необыкновенно многолюднымъ и продолжался болѣе шести часовъ. Говорили

---

[1]) Всѣ типографіи до губернской включительно бастовали.

[2]) Для того, чтобы сохранить хотя бы одинъ проводъ телеграфа, пріемъ частныхъ депешъ былъ прекращенъ за нѣсколько дней до описываемаго дня.

о смыслѣ и значеніи манифеста и переживаемаго момента; было рѣшено не прекращать забастовки до тѣхъ поръ, пока не будутъ получены извѣстія изъ Россіи о дальнѣйшей революціонной тактикѣ пролетаріата.

Вечеромъ рабочіе ст. Шаропань возвращались изъ Квирилъ по домамъ съ красными флагами и революціонными пѣснями. Увидѣвъ флаги и услышавъ пѣсни, офицеръ Тенгинскаго полка, охранявшій ст. Шаропань, выстроилъ солдатъ и далъ распоряженіе, стрѣлять. Къ счастью, онъ во время отмѣнилъ свое распоряженіе, и дѣло на этотъ разъ обошлось безъ кровопролитія; однако въ ту же ночь возбужденные солдаты обстрѣляли дома селенія, выпустивъ болѣе 200 выстрѣловъ, которыми, впрочемъ, никто не былъ раненъ.

Съ 24 октября забастовка въ губерніи прекратилась, но поѣзда пошли только до Кутаиса, такъ какъ западнѣе, какъ увѣряли, путь и телеграфъ были сильно повреждены. На самомъ дѣлѣ движеніе на западномъ участкѣ не возстанавливалось съ цѣлью затрудненія доступа въ Гурію карательной экспедиціи, если-бы таковая была послана. Судьба идущей во главѣ движенія Гуріи тревожила всѣхъ, такъ какъ проникшія оттуда вѣсти говорили объ уничтоженной повстанцами сотнѣ казаковъ, о гибели уѣзднаго начальника и мирового судьи и т. п. Было очевидно, что, если молва и преувеличила событія, то все-же тамъ произошло нѣчто серьезное. Въ числѣ повстанцевъ тамъ было до двухсотъ военныхъ дезертировъ съ трехлинейными ружьями. Были и бомбы.

Не получая никакихъ свѣдѣній отъ мѣстной администраціи, я рѣшилъ немедленно и лично разслѣдовать положеніе дѣла и выѣхать въ Гурію въ экипажѣ. На почтѣ въ Самтреди, на границѣ Гуріи, мнѣ удалось выяснить сущность происшедшихъ осложненій. Новыя, заслуживающія довѣрія свѣдѣнія подтверждали фактъ столкновенія, но уничтоженіе сотни пластуновъ и смерть уѣзднаго начальника и судьи оказались вымысломъ. Тутъ-же, въ Самтреди я получилъ телеграмму отъ вице-губернатора о распоряженіи намѣстника, объявлявшемъ Кут. губ. на военномъ положеніи и о назначеніи ген.-губернаторомъ начальника 20-ой дивизіи ген.-лейт. Н. Ѳ. Шишковскаго. Продолжать службу при военномъ положеніи я счелъ невозможнымъ и на слѣдующій день вернулся въ Кутаисъ.

Какова-же была моя досада и удивленіе, когда дома я засталъ вторую телеграмму Намѣстника, отмѣнившую сдѣланное распоряженіе! На слѣдующій день я вновь выѣхалъ въ Гурію. Моими спутниками были чиновникъ особыхъ порученій, знакомый гуріецъ и камердинеръ. Характерно, что моя поѣздка безъ полицейской или военной охраны разсматривалась мѣстными русскими какъ безразсудный актъ, опасный и роняющій престижъ власти! Мнѣ предсказывали плѣнъ или смерть. Пріемъ, оказанный мнѣ гурійцами, не оставлялъ желать ничего лучшаго: я ѣздилъ окруженный почетной охраной изъ крестьянъ, велъ бесѣды съ ихъ представителями и пользовался истинно грузинскимъ гостепріимствомъ.

Въ сел. Чахатаури мнѣ сообщили подробности перваго акта

разыгравшейся драмы. 16 октября гурійцы окружили полицейскій домъ и почтовую контору и потребовали отъ полицейскихъ стражниковъ выдачи оружія. Произошла перестрѣлка, въ результатѣ которой 2 стражника были убиты, 2 ранены; овладѣвъ оружіемъ и забравъ въ плѣнъ остальныхъ стражниковъ, они скрылись.

Узнавъ объ этомъ инцидентѣ, уѣздный начальникъ Лазаренко во главѣ сотни пластуновъ отправился изъ г. Озургетъ въ сел. Чахатаури.

Не задолго передъ этимъ Лазаренко, перепуганный событіями, выслалъ разными путями ко мнѣ и въ Батумъ цѣлый рядъ пакетовъ съ просьбами о присылкѣ въ уѣздъ, въ подкрѣпленіе квартировавшему тамъ баталіону пластуновъ, горной батареи и 2-хъ конныхъ казачьихъ сотенъ. *Всѣ пакеты были перехвачены*, и въ населеніи сложилась увѣренность въ неизбѣжности разгрома.

Выступленіе Лазаренко съ пластунами подтвердило эту увѣренность, и гурійцы рѣшили принять бой.

На разсвѣтѣ въ день прихода отряда въ сел. Чахатаури они арестовали пристава и увезли его въ горы, въ сел. Суреби. Этотъ арестъ, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, былъ вызванъ желаніемъ избавить пристава, противъ котораго не было злобы, отъ необходимости участія въ карательной экспедиціи Лазаренко. По показанію пристава, котораго освободили изъ плѣна черезъ нѣсколько дней, съ нимъ обращались хорошо и предоставляли возможныя удобства.

Отрядъ засталъ село пустымъ. Тамъ оставались лишь мировой судья съ женою, врачъ, начальникъ почтовой конторы и персоналъ пріемнаго покоя. Коренные жители ушли въ горы. Дѣлать было нечего и, отдохнувъ въ теченіе ночи, Лазаренко съ отрядомъ отправился въ обратный путь. Съ нимъ поѣхали мировой судья съ супругой.

20 октября къ ночи отрядъ, имѣя впереди авангардъ изъ полицейскихъ стражниковъ и обозъ, подошелъ къ горному перевалу Насакерали и здѣсь былъ встрѣченъ размистами [1]).

Въ авангардъ бросили бомбы, которыми были убиты и ранены нѣсколько стражниковъ и казаковъ.

Нѣсколько казаковъ были плѣнены.

Отрядъ Лазаренко свернулъ въ сторону, на открытое мѣсто у рѣки и провелъ тамъ ночь, а утромъ занялъ позицію на удобномъ для обстрѣла мѣстности холмѣ и приготовился къ битвѣ.

Размисты частью расположились на сосѣднемъ лѣсистомъ склонѣ, частью же окружили отрядъ. Къ нимъ присоединились и безоружные крестьяне, присутствіе которыхъ придавало осаждавшимъ видъ многочисленной рати. Размисты стояли на такомъ разстояніи, что ихъ пули не долетали до пластуновъ. Стрѣляли изрѣдка. Пулями казаковъ было убито двое. Третій погибшій изъ гурійцевъ былъ застрѣленъ своими-же за мародерство. Такъ протекъ день 21 октября;

---

[1]) Цители—размы—красная дружина, боевая революціонная дружина.

вечеромъ въ станъ размистовъ прибылъ гонецъ съ манифестомъ и вслѣдствіе этого ночью осаждавшіе разсѣялись.

Въ то-же время, т. е. 21-го днемъ озургетскіе пластуны, узнавъ о происшедшемъ, отправили на выручку осажденнымъ вторую сотню. По пути этой сотней было убито нѣсколько человѣкъ крестьянъ, но озлобленіе среди казаковъ достигло предѣла, когда они встрѣтили отрядъ Лазаренка, подвигавшійся къ Озургетамъ съ ранеными и убитыми.

Раздѣлившись на два отряда, они сожгли около ста дворовъ въ расположенныхъ по пути селахъ. Черезъ нѣсколько дней всѣ плѣнные были доставлены въ городъ. Они содержались отлично и въ плѣну почитались гостями. Въ бытность мою въ Озургетахъ я слышалъ объ этомъ отъ батальоннаго командира. Всего пострадавшихъ въ Насакеральской стычкѣ пластуновъ и полицейскихъ стражниковъ было восемь человѣкъ.

Почти одновременно съ Насакеральской стычкой было произведено нападеніе на стражниковъ, ѣхавшихъ на вагонеткѣ по желѣзнодорожной линіи близъ Нотанеби, закончившееся тремя или четырьмя жертвами.

Во время поѣздки, въ селеніи Нагомари вліятельные уполномоченные отъ сельскихъ обществъ вручили мнѣ резолюцію, опредѣляющую отношеніе гурійцевъ къ манифесту и ихъ дальнѣйшую тактику. Манифестъ 17 октября признавался хотя и не удовлетворяющимъ многимъ основнымъ требованіямъ народа, но все-же *конституціоннымъ* актомъ, вслѣдствіе чего бойкотъ, объявленный несуществующему больше самодержавному правительству, становился анахронизмомъ, но онъ отмѣнялся лишь при томъ условіи, если образъ дѣйствій правительства будетъ дѣйствительно конституціоннымъ. Дальнѣйшую борьбу за осуществленіе политическихъ идеаловъ народа при наличности конституціи гурійцы находили возможнымъ вести парламентскимъ путемъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ я получилъ увѣдомленіе о новомъ уклоненіи курса въ политикѣ графа Воронцова. Объявленное и тотчасъ отмѣненное, почти наканунѣ, военное положеніе безъ всякой видимой причины возстановлялось опять. Недовѣріе народа къ власти получило новое основаніе. Вѣсть о военномъ положеніи распространилась всюду и взволновала населеніе губерніи. Движеніе на всемъ западномъ участкѣ желѣзной дороги остановилось.

На станціи Самтреди, гдѣ мнѣ пришлось провести ночь съ 30 на 31-е октября на пути изъ Гуріи въ Кутаисъ, рано утромъ ко мнѣ пришли выборные отъ жителей мѣстечка и желѣзнодорожныхъ рабочихъ съ просьбою разрѣшить митингъ и разъяснить имъ манифестъ 17 октября. Часа черезъ три на площади близъ церкви собралось много тысячъ имеретинъ и мингрельцевъ изъ окрестныхъ селъ и желѣзнодорожные служащіе [1]). Въ центрѣ круга, образованнаго участниками митинга, на столѣ стоялъ ораторъ; возлѣ него

[1]) Самтредскія мастерскія—вторыя по численности послѣ тифлисскихъ.

на скамьѣ сидѣлъ предсѣдатель митинга. Предсѣдатель велъ запись ораторовъ, слѣдилъ за очередью и велъ собраніе въ образцовомъ порядкѣ. Тишина возстановлялась ударами карандаша по столу. На митингѣ были и русскіе, не знающіе грузинскаго языка. Въ виду этого каждая рѣчь произносилась по-грузински и по-русски или переводилась съ одного языка на другой. Знающіе оба языка слѣдили за точностью перевода и вносили поправки.

Манифестъ былъ прочтенъ тоже на двухъ языкахъ и послѣдовавшіе за чтеніемъ обращенные ко мнѣ изъ толпы вопросы свидѣтельствовали о высокой степени сознательности слушателей.

Въ заключеніе митингъ вотировалъ резолюцію, по смыслу тожественную съ гурійской, но съ добавленіемъ, что объявленное военное положеніе и предстоящія репрессіи въ Гуріи, если онѣ не будутъ отмѣнены, послужатъ лучшимъ доказательствомъ эфемерности нашей конституціи и побудятъ населеніе вернуться къ оставляемой нынѣ революціонной тактикѣ.

Собравшіеся предложили мнѣ поѣздъ до Тифлиса и обратно и просили принять мѣры къ устраненію угрожающихъ Гуріи бѣдствій. Черезъ часъ я выѣхалъ въ Кутаисъ на экстренномъ поѣздѣ, сопутствуемый делегатами отъ всѣхъ службъ дороги. Стоя у оконъ въ смежномъ съ моимъ вагонѣ, они при помощи знаковъ переговаривались съ дорожными сторожами и узнавали состояніе пути. Только съ такимъ составомъ поѣздъ могъ разсчитывать дойти благополучно до Тифлиса во время забастовки.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Самтреди, на полустанкѣ, стоялъ воинскій поѣздъ, везшій изъ Тифлиса въ Гурію первый эшелонъ карательнаго отряда ген. Алиханова-Аварскаго. Машиниста и кондукторскую бригаду замѣняли нижніе чины желѣзнодорожнаго баталіона.

На полпути въ Михайловѣ я засталъ второй такой-же поѣздъ. Здѣсь солдаты, преимущественно запасные, били прикладами какого-то рабочаго. Приказаніе батальоннаго, а затѣмъ и полкового командира подѣйствовали не сразу и вызвали нескрываемый ропотъ солдатъ. Настроеніе войска было угрожающимъ.

День спустя одинъ изъ двухъ воинскихъ поѣздовъ, идущихъ другъ за другомъ вслѣдъ, по винѣ замѣнявшаго начальника станціи Дзирулы офицера, потерпѣлъ на станціи крушеніе. Перепуганные солдаты открыли ружейный огонь и перестрѣляли работавшихъ вблизи на поляхъ крестьянъ (5—6 человѣкъ). Въ ихъ числѣ былъ мальчикъ со штыковой раной.

Мой пріѣздъ въ Тифлисъ задержалъ выѣздъ въ Кутаисскую губ помощника Намѣстника ген. Маламы съ тремя представителями Тифлисскаго Общества изъ Гурійскихъ дворянъ, имѣвшій цѣлью успокоеніе общественнаго мнѣнія. Поѣздъ для ген. Маламы *былъ наряженъ стачечнымъ комитетомъ* и уполномоченный комитетомъ машинистъ С. Долидзе отдалъ по телеграфу распоряженіе по станціямъ о безпрепятственномъ пропускѣ этого поѣзда. Телеграмму Долидзе показывалъ мнѣ въ засѣданіи у Намѣстника гене-

ралъ Ширинкинъ. Поѣздка комиссіи не состоялась, такъ какъ надобность въ ней миновала. Да и по существу она была задумана неосторожно: ни ген.-лейт. Малама, ни тѣмъ болѣе остальные члены комиссіи, представители бойкотируемаго дворянства, не могли разсчитывать на какой-бы то ни было успѣхъ въ населеніи.

Въ Тифлисѣ для меня выяснилась причина непонятныхъ колебаній въ тактикѣ графа, всей этой странной комедіи съ военнымъ положеніемъ. Она вытекала изъ борьбы двухъ партій приближенныхъ. Къ одной изъ нихъ, требовавшей сохраненія status quo ante, присоединилось общественное мнѣніе.

Въ короткій промежутокъ времени графъ получилъ нѣсколько петицій отъ городовъ Кутаиса, Поти, Тифлиса и др.; пріѣхали депутаціи отъ думы, дворянства, отъ Кутаисскихъ чиновниковъ, отъ крестьянскихъ сельскихъ обществъ Іорской Кахетіи и пр.

Живописная группа выборныхъ отъ крестьянъ верхомъ подъѣхала къ дворцу въ то время, когда вопросъ объ отмѣнѣ карательной экспедиціи въ Гурію по моему ходатайству былъ почти рѣшенъ. Успокоенные депутаты уѣхали ликуя.

Окончательное рѣшеніе вопроса послѣдовало только въ вечернемъ засѣданіи. Графъ обѣщалъ мнѣ немедля отозвать посланныя войска, замѣнить пластунскій батальонъ въ Озургетахъ другою воинской частью, отмѣнить военное положеніе и предать забвенію Насакеральское дѣло.

Опасность дальнѣйшаго пребыванія въ Гуріи раздраженныхъ пластуновъ и крайне недисциплинированныхъ, недовольныхъ призывомъ на службу запасныхъ, коими были укомплектованы части карательнаго отряда, было столь очевиднымъ, что распоряженія объ отозваніи тѣхъ и другихъ послѣдовали на слѣдующій же день; я поручился за то, что вслѣдствіе состоявшагося рѣшенія забастовщики встанутъ на работу и доставятъ войска обратно въ Тифлисъ безъ замедленій. Это ручательство вызвало ядовитыя замѣчанія Ширинкина.

Мой спеціальный поѣздъ (делегатскій), привезенныя резолюціи и полученная у графа личная телеграмма во время забастовки въ его представленіи казались дополнительными противъ меня уликами.

Засѣданіе, отмѣнившее военное положеніе въ Кутаисской губ., закончилось 2 Ноября около 11 часовъ ночи [1]); къ этому времени въ гостинницѣ меня ожидали уже представители прессы, члены пріѣхавшихъ депутацій и просто интересующіяся лица. Радость была искренней и, несмотря на крайнее утомленіе, я могъ закончить пріемъ все прибывающихъ съ привѣтствіями и поздравленіями лишь поздней ночью.

Утромъ 3-го ноября желѣзнодорожные рабочіе, служащіе депо и мастерскихъ и часть Тифлисскаго пролетаріата, всего — тысячъ

---

[1]) Въ тотъ-же день состоялось распоряженіе объ отмѣнѣ военнаго положенія и расформированіи карательнаго отряда въ Карталиніи (Горійскій уѣздъ, Тифлисской губерніи).

десять человѣкъ, провожали меня со станціи Тифлисъ. Поѣздъ отбылъ очень медленно подъ звуки духового оркестра изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и нѣсколькихъ хоровъ. Горячія сердечныя рѣчи ораторовъ покрывались привѣтственными кликами многотысячной толпы провожавшихъ. Такая же встрѣча ожидала меня въ Михайловѣ и въ Квирилахъ. Въ Гори мы застали вокзалъ запруженнымъ войсками, и во избѣжаніе осложненій горійцы ограничились выраженіемъ ихъ чувствъ присылкою депутаціи. Въ предѣлахъ Кутаиской губерніи мы были уже ночью. Станціи и полустанки освѣтились смоляными факелами. На перронахъ стоялъ народъ, женщины, дѣти въ праздничныхъ одеждахъ со свѣчами въ рукахъ... Сердечныя рѣчи, простыя, но искреннія и общая радость были моей наградой за посильное исполненіе долга.

День 3-го ноября сталъ навсегда однимъ изъ памятныхъ радостныхъ дней въ моей жизни.

В. Старосельскій.

Къ дѣлу В. И. Засуличъ.

МИНИСТЕРСТВО
ЮСТИЦІИ

КАНЦЕЛЯРІЯ
СТОЛЪ

Марта 31 дня
1878 года

№ 4843.

С.-Петербургъ.

Господину Прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ 31-го сего марта ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволилъ: дочь отставного капитана дѣвицу Вѣру Ивановну Засуличъ взять подъ стражу и содержать ее въ домѣ предварительнаго заключенія впредь до особаго распоряженія.

Прошу Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе о немедленномъ приведеніи таковой — ВЫСОЧАЙШЕЙ воли въ исполненіе.

Министръ Юстиціи

Статсъ-Секретарь Гр. ПАЛЕНЪ.

Управляющій канцеляріей Бар. КОРФЪ.

Помѣта прокурора палаты: Доложить Его Сіятельству, что Засуличъ уже освобождена и что мною лично сообщено г. Градоначальнику объ исполненіи ВЫСОЧАЙШЕЙ воли.

Карійская пѣсня, приписываемая Минакову.

Въ мое время (1882—1883 гг.) на Карѣ была очень популярна пѣсня, которую я теперь воспроизвожу. Говорили, что и слова, и музыка этой пѣсни принадлежатъ Минакову. Въ то время онъ еще былъ на Карѣ, и лишь впослѣдствіи его перевели въ Шлиссельбургъ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ былъ разстрѣлянъ за то, что ударилъ одного изъ своихъ тюремщиковъ.

Для лицъ, интересующихся словами больше, чѣмъ музыкой, считаю нужнымъ привести пѣсню здѣсь отдѣльно отъ мелодіи. Вотъ она:

Прости, несчастный мой народъ,
Простите, добрые друзья!
Мой часъ насталъ, палачъ ужъ ждетъ,
Уже колышется петля!

* * *

И если прежде не вполнѣ
Тебѣ на пользу я служилъ,—
Прости, народъ, теперь ты мнѣ:
Тебя я искренно любилъ!

* * *

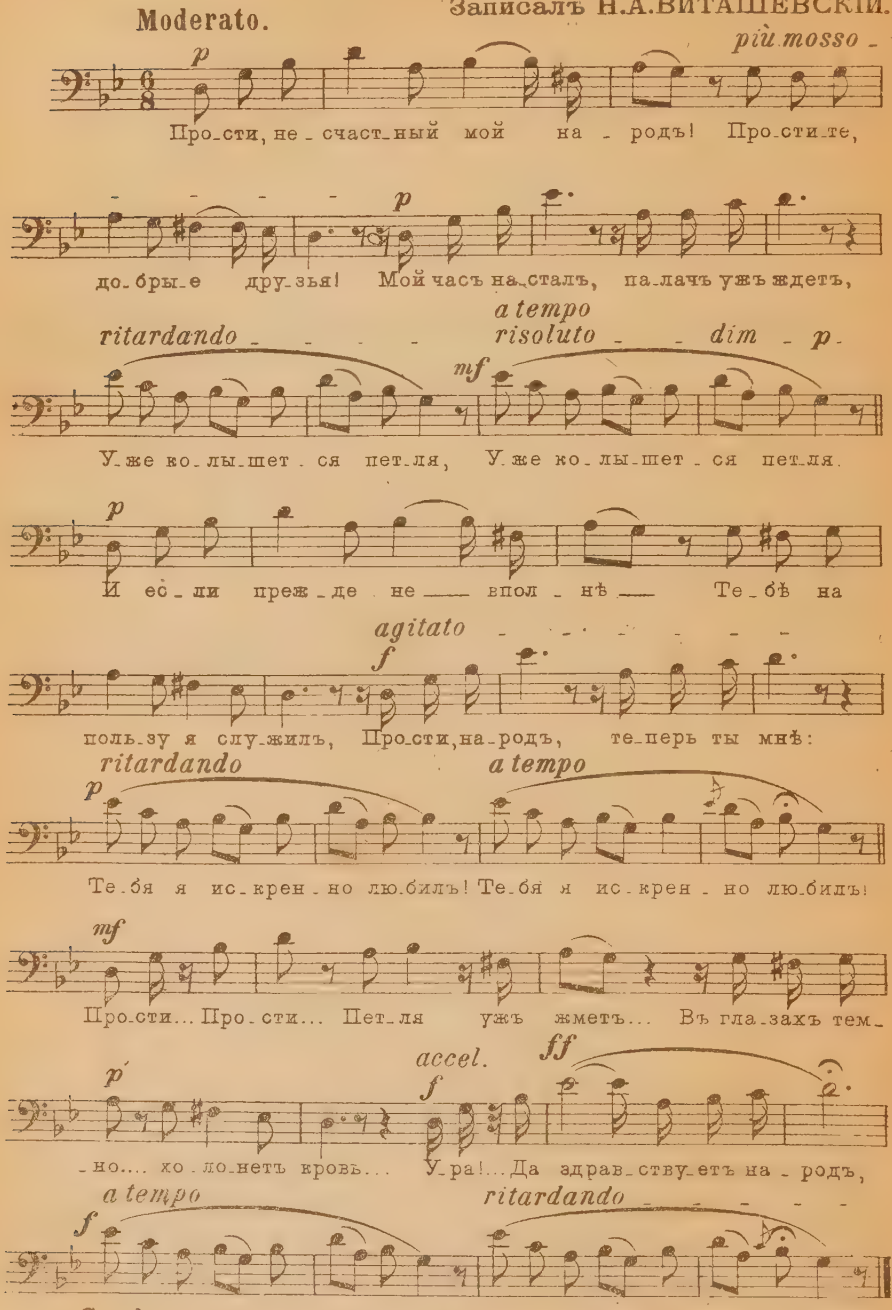
Прости... прости... Петля ужъ жметъ,
Въ глазахъ темно... Холонетъ кровь...
Ура! Да здравствуетъ народъ,
Свобода, разумъ и любовь!

Я долженъ сказать, что не встрѣчалъ непреложныхъ указаній на то, что приводимая пѣсня,—назовемъ ее «На Эшафотѣ»,—принадлежитъ Минакову. И я даже не могу припомнить, отъ кого именно я слышалъ, что Минаковъ—авторъ словъ и композиторъ мелодіи. Но съ другой стороны я утверждаю, что при мнѣ никогда и никто не приписывалъ ея другому кому-нибудь и даже не возражалъ противъ предположенія, что она — плодъ творчества Минакова.

НА ЭШАФОТѢ.

КАРІЙСКАЯ ПѢСНЯ, ПРИПИСЫВАЕМАЯ МИНАКОВУ.

Записалъ Н.А.ВИТАШЕВСКІЙ.



24 Сентября 1906 г.
„Кресты!"

Насколько я знаю Минакова и понимаю слова и музыку пѣсни «На Эшафотѣ», я легко допускаю, что Минаковъ могъ ее написать. Несомнѣнная наличность чувства, но чувства неглубокаго и не ярко (я бы даже сказалъ: немного вульгарно) выраженнаго—вотъ признаки, по которымъ я допускаю принадлежность этой пѣсни Минакову.

Но если даже пѣсня эта ошибочно приписывается Минакову, то все же опубликованіе ея представляетъ извѣстный интересъ, такъ какъ почти несомнѣнно, что она является продуктомъ творчества Кары, и во всякомъ случаѣ карійцы ее очень любили,—охотно пѣли и слушали.

По отношенію къ интерваламъ мелодіи, за безусловное соотвѣтствіе написаннаго мною теперь тому, что я когда-то слышалъ на Карѣ, я готовъ поручиться. Мелодію эту я очень часто вспоминалъ въ теченіи всѣхъ 23 лѣтъ, протекшихъ со времени выхода моего съ Кары, и нерѣдко про себя напѣвалъ.

Что касается ритма, то, какъ извѣстно, у самоучекъ онъ довольно часто хромаетъ, и здѣсь мнѣ пришлось уже не только «припоминать», но и согласовывать то, что я слышалъ когда-то отъ разныхъ лицъ, съ извѣстными законами ритмическаго сочетанія звуковъ въ мелодіи. Насколько удачно справился я со своею задачею,—объ этомъ пусть судятъ другіе.

То же самое долженъ сказать и относительно принятой мною нюансировки.

Наконецъ, касаясь тональности, въ которой приводится предлагаемая мелодія, замѣчу, что мое музыкальное чувство подсказываетъ мнѣ, что лучше всего пѣсня выходила бы въ *до-мажорной* гаммѣ. И когда я ее записывалъ для себя въ первый разъ, то взялъ именно эту тональность. Но для воспроизведенія въ печати я предпочелъ написать пѣсню въ *си-бемоль-мажорной* гаммѣ. Руководился я при этомъ слѣдующимъ соображеніемъ.

Голосъ у Минакова былъ необыкновенно мягкій, прямо-таки бархатный басъ,—basso cantante. Но онъ не отличался ни силой, ни высотою. И я полагаю, что Минаковъ не могъ исполнять ее въ тональности *до-мажорѣ*: у него не хватило бы голосу взять *fa*. При обычномъ, не усиленномъ напряженіи своего органа Минаковъ бралъ, вѣроятно, совершенно свободно лишь *ми-бемоль*. А мнѣ хотѣлось записать мелодію именно такъ, какъ она исполнялась Минаковымъ. Такимъ образомъ, всю мелодію, которая, какъ я сказалъ, лучше всего выходила бы въ *до-мажорной* гаммѣ, пришлось понизить на одинъ тонъ,—а это значитъ написать мелодію въ *си-бемоль-мажорной* гаммѣ. Такимъ образомъ, мелодія въ томъ видѣ, какъ она мною здѣсь приводится, представляетъ собою точное воспроизведеніе того, что я слышалъ, не только по своей музыкальной конструкціи, но и по тональности, въ которой, по всей вѣроятности, мы, карійцы, слышали ее въ исполненіи Минакова.

Не трудно было бы гармонизировать эту, въ сущности довольно простую мелодію. Но это для читателей «Былого» не представило

бы интереса, такъ какъ было бы уже лично моимъ творчествомъ позднѣйшаго происхожденія, ничего общаго съ жизнью и настроеніемъ карійцевъ не имѣющимъ. Замѣчу, впрочемъ, что гармоническія сочетанія звуковъ сопровождающаго инструмента для этой пѣсни у меня уже намѣчены; и аккомпаниментъ будетъ мной обработанъ для сборника русскихъ пѣсенъ и романсовъ, изображающихъ душевное состояніе въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ и въ изгнаніи,—если только этотъ сборникъ когда-нибудь мнѣ удастся выпустить въ свѣтъ.

Н. Виташевскій.

25 сентября 1906 г.
„Кресты".

М. Р. Гоцъ.

(Памяти дорогого друга).

Я не буду говорить о молодомъ Михаилѣ Рафаиловичѣ Гоцѣ, какимъ онъ былъ въ періодъ ранней юности. Объ этой порѣ его жизни намъ разскажутъ другіе его товарищи. Я познакомился съ Гоцемъ въ то время, когда онъ пріѣхалъ за-границу, послѣ своей долголѣтней ссылки, уже прострѣленный солдатской пулей въ Якутскѣ и похоронившій свою молодость въ Акатуйскомъ острогѣ.

Первый разъ я встрѣтилъ Гоца въ Парижѣ, на засѣданіи той небольшой комиссіи, которой были поручены подготовительныя работы, связанныя съ постановкой памятника на могилу Лаврова. Я увидѣлъ вошедшаго среди уже начавшагося засѣданія незамѣтнаго по виду человѣка, небольшого роста, съ очень простыми манерами. Многія выдающіяся и даже блестящія стороны Гоца никогда не бросались сразу въ глаза. Это былъ очень скромный человѣкъ и одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые совершенно не заняты сами собою. Мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые товарищи.

Вскорѣ послѣ того онъ привлекъ мое вниманіе на рефератѣ о Михайловскомъ, читавшемся въ Парижѣ однимъ соціалъ-демократомъ. Гоцъ вошелъ въ залу въ серединѣ реферата, но попросилъ слова сейчасъ же послѣ его окончанія и сталъ говорить видимо безъ всякой подготовки. Его рѣчь была очень проста и лишена политическихъ рѣзкостей, но онъ указалъ референту на упущенныя имъ стороны въ соціологическихъ построеніяхъ Михайловскаго, причемъ ссылался на тексты и цитировалъ на память нѣкоторыя резолюціи нѣмецкой соціалистической партіи. Слушатели не могли не обратить серьезнаго вниманія на эту простую рѣчь представителя несоціалдемократической мысли.

Тогда, какъ въ Россіи, такъ и среди эмиграціи, только что еще начинало возстановляться идейное теченіе, прерванное реакціей

послѣ-народовольческаго періода, и Гоцъ былъ однимъ изъ первыхъ теоретиковъ, которые открыто взяли въ свои руки наслѣдственное знамя семидесятыхъ годовъ. Тѣ, кто еще не забылъ этой, столь близкой къ намъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уже столь далеко ушедшей отъ насъ эпохи начала девятисотыхъ годовъ, должны знать, что для такого выступленія требовалось въ то время нѣкоторое идейное мужество, въ которомъ, впрочемъ, у Гоца никогда не было недостатка.

Немедленно же послѣ своего пріѣзда за-границу Гоцъ принялъ самое дѣятельное участіе въ литературной и матеріальной постановкѣ новаго теоретическаго органа «Вѣстника Русской Революціи». Въ области теоретической мысли, всегда игравшей огромную роль въ русскомъ революціонномъ движеніи, всякому новому теченію приходилось пробивать себѣ дорогу среди почти неприступныхъ твердынь соціалдемократической ортодоксіи. Необходимо было носить въ своемъ сознаніи вполнѣ законченную, стройную систему міросозерцанія, чтобы противопоставить ее твердо-установившимся идейнымъ навыкамъ огромнаго большинства въ составѣ русскаго общественнаго движенія. Мы всѣ хорошо помнимъ еще, съ какою увѣренностью въ своемъ теоретическомъ превосходствѣ относились тогда признанные властители думъ къ новымъ и странно звучащимъ словамъ людей, «которыхъ всѣхъ можно было усадить на одномъ диванѣ». Но надо было также видѣть, съ какимъ спокойнымъ юморомъ и веселымъ блескомъ въ своихъ умныхъ глазахъ относился Михаилъ Рафаиловичъ Гоцъ къ этому традиціонному идейному высокомѣрію. Рѣдкая устойчивость мысли и неисчерпаемый запасъ умственной энергіи составляли одинъ изъ его отличительныхъ признаковъ. Я не запомню, чтобы Гоцъ, хотя-бы на одну минуту, былъ удрученъ зрѣлищемъ великой и, какъ казалось иногда, непобѣдимой армады теоретическихъ противниковъ. Его никогда не покидала въ этой, сначала очень неравной, борьбѣ веселая улыбка и часто очень остроумная шутка. Быстро начавшееся тогда возстановляться и организоваться соціально-революціонное направленіе въ русскомъ общественномъ движеніи, нашло въ немъ одного изъ своихъ наиболѣе стойкихъ и надежныхъ членовъ-основателей.

Скоро его квартира, въ Парижѣ, сдѣлалась сборнымъ пунктомъ, куда заходили не только друзья и единомышленники, но также и люди другого соціалистическаго лагеря, заинтересованные его появленіемъ среди эмиграціи. Вѣчно занятый, вѣчно торопившійся, вѣчно озабоченный предпріятіями въ Россіи, съ которою онъ велъ постоянныя сношенія, Гоцъ никогда не хлопоталъ о привлеченіи къ себѣ людей, никогда не старался сдѣлать свой домъ центромъ движенія; это дѣлалось само собою, въ силу присущихъ ему свойствъ, въ силу его огромныхъ и разностороннихъ способностей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ революціонныхъ дѣятелей, по отношенію къ которымъ движеніе какъ-бы всецѣло сливается съ ихъ собственнымъ существованіемъ. Черезъ нѣсколько недѣль

послѣ своего пріѣзда за границу, Гоцъ уже не имѣлъ своей личной жизни; она исчезла совершенно, она была вытѣснена безъ остатка партійными дѣлами и партійными интересами. У него, въ буквальномъ смыслѣ слова, не было ни одной свободной минуты, въ теченіе которой онъ могъ бы подумать о самомъ себѣ, даже о своихъ теоретическихъ работахъ. Только во время пріѣзда его родныхъ, съ которыми его связывали очень тѣсныя отношенія, онъ запиралъ квартиру и исчезалъ съ нашего горизонта. Это было неотвратимо: въ этомъ случаѣ онъ уже не принадлежалъ самому себѣ.

Мы всѣ, окружавшіе Гоца, привыкали смотрѣть на него не какъ на извѣстную индивидуальную единицу, со своими особыми чертами и привычками, а какъ на воплощеніе нѣкоторыхъ общихъ индивидуальныхъ свойствъ, связанныхъ съ данной общественной программой и данной общественной дѣятельностью. Въ немъ не замѣчалось, въ сферѣ партійной жизни, никакихъ личныхъ стремленій, никакихъ слабостей, прежде всего уже потому, что въ немъ вообще не замѣчалось никакихъ проявленій собственной личной жизни. Это былъ на рѣдкость умный, широко образованный, живой, отзывчивый, страстный, неумолимо-требовательный въ вопросахъ достоинства и чести—сторонникъ даннаго общественнаго направленія, и ничего больше. Все остальное исчезало въ немъ безслѣдно. Гдѣ-бы вы ни встрѣтили его и сколько бы времени ни провели съ нимъ, вы никогда не могли замѣтить въ немъ ничего, кромѣ одной этой общественной стороны его жизни. Онъ шелъ въ типографію, читалъ корректуры, писалъ или шифровалъ письма, принималъ безконечное число посѣтителей, торопился на какое-нибудь собраніе и т. д.—словомъ все его существованіе было безраздѣльно поглощено тѣми или другими его партійными функціями. Но наиболѣе характерною особенностью въ этомъ образѣ жизни, свойственномъ болѣе или менѣе всѣмъ серьезнымъ общественнымъ дѣятелямъ, была та удивительная черта Гоца, въ силу которой онъ какъ-бы совсѣмъ *не замѣчалъ* этого полнаго отсутствія личныхъ элементовъ въ своей жизни и, внутренно, нимало не протестовалъ противъ этого. Такого рода существованіе соотвѣтствовало его второй натурѣ; оно лежало въ основѣ всего его жизненнаго строя. Съ самой своей ранней молодости онъ пріучилъ себя жить исключительно интересами высшаго порядка, интересами общественныхъ идеаловъ, безмѣрными страданіями настоящаго и безмѣрными радостями будущаго общественнаго строя.

Эта незамѣтная, быть можетъ, съ перваго взгляда, но очень важная особенность *внѣ-личнаго* существованія, когда она проявляется въ такихъ исключительныхъ размѣрахъ, въ какихъ она проявлялась у Михаила Гоца, свойственна лишь рѣдкимъ, избраннымъ натурамъ, «дѣлателямъ новой жизни», и она именно составляла основную черту духовнаго облика Михаила Гоца. Ею опредѣлялся весь его жизненный путь, и она именно связывала его духовно съ лучшими русскими людьми, со всѣми лучшими представителями русскаго общественнаго движенія,—съ тѣми, ино-

гда безвѣстными, а иногда прославившимися, великими подвижниками русской земли, которыми красится многотрудная русская общественнная жизнь. Одни изъ этихъ людей умирали въ Россіи, другіе умирали за границей, но для всѣхъ для нихъ, при данныхъ условіяхъ жизни русскаго народа, не было проложено ни даже самой узенькой тропинки къ личному счастью; для всѣхъ для нихъ преждевременная могила составляла одну и ту же неминуемую ближайшую пристань. Они были связаны съ многострадальной жизнью русскаго народа не идейной только, но органическою, кровною связью.

То обстоятельство, что Михаилъ Гоцъ умеръ на далекой чужбинѣ, а не на своей родинѣ,—въ Берлинскомъ хирургическомъ госпиталѣ, а не на Якутской висѣлицѣ, или не на дворѣ старой Шлиссельбургской тюрьмы—составляло лишь совершенно непредвидѣнную случайность; причемъ, по несчастью, эта случайность не только не облегчила для него, но лишь, во много разъ, увеличила безмѣрную тяжесть его жизни.

И при всемъ томъ, это была въ высшей степени жизнерадостная натура, полная энергіи и разнообразныхъ силъ. Въ немъ были большіе задатки многосторонняго и счастливаго личнаго существованія; въ немъ были большія способности къ воспріятію художественныхъ красотъ жизни; въ немъ были богатыя умственныя способности, тянувшія его въ теоретическія сферы, къ спокойнымъ радостямъ идейнаго творчества. Но все это было отброшено имъ въ сторону; все это было подавлено въ немъ громадною волною общественныхъ бѣдствій въ Россіи, и онъ, безъ малѣйшихъ колебаній, отрекся даже отъ самыхъ чистыхъ, отъ самыхъ возвышенныхъ источниковъ личнаго существованія.

Особенно велика была для него та жертва, въ силу которой онъ долженъ былъ махнуть рукою на запросы своего большого теоретическаго ума. Онъ обладалъ выдающимися умственными силами: огромною памятью, способностью критическаго анализа и несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Въ тѣхъ его бѣглыхъ журнальныхъ замѣткахъ, для которыхъ онъ, съ большимъ трудомъ, находилъ иногда время, можно видѣть признаки такой широкой начитанности и такого литературнаго блеска и одушевленія, которые свойственны лишь крупнымъ писателямъ. Въ періодъ своей вынужденной бездѣятельности, скитаясь по сибирскимъ тюрьмамъ, а затѣмъ, живя въ ссылкѣ въ Западной Сибири, онъ имѣлъ время много читать и завелъ у себя большую библіотеку; онъ уже сблизился на практикѣ съ теоретическими занятіями, онъ уже конкретно заинтересовался изслѣдованіемъ теоретическихъ вопросовъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ данные для выдающейся литературной дѣятельности. Даже въ періодъ интенсивной партійной жизни онъ не разставался со своей библіотекой, выписывалъ вновь выходящія книги и все еще питалъ надежду, когда-нибудь, вернуться къ прерваннымъ теоретическимъ и литературнымъ работамъ;—хотя, иногда, сознавая всю призрачность этихъ надеждъ,

онъ съ нѣкоторою болью въ душѣ говорилъ, что уже не можетъ слѣдить больше за наукой и превращается въ чистаго практика.

Эта очень тяжелая духовная жертва для такой богато-одаренной натуры, это закланіе своего внутренняго *я*—составляли, быть можетъ, самое осязательное проявленіе его беззавѣтнаго самоотреченія; онъ зарывалъ въ землю свои лучшіе таланты. Кто знакомъ съ практической стороной революціоннаго движенія, съ повседневными требованіями конспиративной работы, тотъ знаетъ, сколько мелкихъ предосторожностей и какую огромную затрату времени они налагаютъ даже на своихъ главныхъ руководителей. Помимо тѣхъ драматическихъ моментовъ, которые бываютъ связаны съ ходомъ крупныхъ революціонныхъ предпріятій, цѣлыя недѣли и цѣлые мѣсяцы въ заграничной жизни Гоца уходили на безпрерывную, утомительную и часто раздражающую суету все болѣе и болѣе расширявшагося текущаго дѣла. Онъ рѣдко могъ дочитывать въ одинъ пріемъ газетныя статьи, не говоря уже о журналахъ и книгахъ; у него на квартирѣ, не умолкая, звенѣлъ звонокъ, и его нервы доходили подчасъ до крайняго напряженія. Но онъ отдалъ всего себя въ распоряженіе данныхъ, неизбѣжныхъ условій и безропотно несъ свою общественную службу,—лишь изрѣдка поглядывая съ грустной улыбкой на заставленныя книгами полки своей библіотеки. «У насъ есть кому писать и безъ меня»—говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ: «пусть пишетъ В., а я буду оберегать его отъ черной работы».

Къ сожалѣнію, Гоцъ былъ незамѣнимый для партіи человѣкъ именно въ области чисто-практическихъ функцій. Съ большими теоретическими силами онъ соединялъ въ себѣ рѣдкія дѣловыя способности: большую ясность ума и быстроту соображенія, которыя позволяли ему немедленно же и не колеблясь принимать необходимыя рѣшенія. Его точная, никогда не измѣнявшая ему память и постоянное вниманіе къ подробностямъ, полное отсутствіе разсѣянности и какая-то неисчерпаемая умственная энергія дѣлали его способнымъ слѣдить за всѣми сторонами дѣла, держать въ своихъ рукахъ множество отдѣльныхъ отраслей, переходить въ теченіи цѣлаго дня отъ одного предмета къ другому и никогда не терять головы, никогда даже не терять терпѣнія и своего обычнаго веселаго огонька въ глазахъ.

Имѣя во главѣ того или другого предпріятія Михаила Гоца, можно было не бояться ни крупныхъ промаховъ, ни мелкихъ упущеній. Десятки лицъ обращались къ нему ежедневно за совѣтами и указаніями и всегда находили опредѣленный отвѣтъ. Это былъ идеальный практикъ. Прекрасно понимая практическую сторону дѣла, онъ никогда не спускался съ высоты принципіальныхъ требованій; тщательно охраняя матеріальные интересы партіи, онъ никогда не руководился денежными разсчетами; очень горячій по темпераменту, вспыхивавшій какъ порохъ при всякомъ волнующемъ событіи, онъ никогда не терялъ здраваго взгляда на вещи. Его роль представителя центральнаго комитета партіи за границей,

какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала всѣмъ этимъ выдающимся его способностямъ.

Но заграничная дѣятельность не могла удовлетворить его. Когда въ 1903 году движеніе въ Россіи стало все болѣе и болѣе расширяться, онъ сталъ готовиться къ отъѣзду туда. Онъ не разъ говорилъ мнѣ, вполнѣ опредѣленно, объ этихъ своихъ намѣреніяхъ, и—не задержи его тяжелая, смертельная болѣзнь—ничто въ мірѣ, никакія соображенія о партійныхъ интересахъ не могли бы заставить его отказаться отъ рѣшенія принять непосредственное участіе въ еще болѣе важныхъ партійныхъ дѣлахъ, въ самомъ центрѣ движенія. Но судьба рѣшила иначе; вмѣсто полнаго простора революціонной дѣятельности, вмѣсто полнаго примѣненія его рѣдкихъ активныхъ способностей и его огромной духовной энергіи, она готовила ему, по истинѣ, страдальческій конецъ.

Его болѣзнь развивалась довольно медленно, и первое время обнаруживалась лишь мучительными болями, которыя принимались за ревматическія; только теперь, зная происхожденіе этихъ болей, обусловленныхъ давленіемъ опухоли на центры спинного мозга, можно себѣ представить, до какой степени онѣ были мучительны. Скоро Гоцъ могъ засыпать только съ помощью морфія, но все еще крѣпился и ни въ чемъ не измѣнялъ своей обычной жизни. Такъ какъ онъ не любилъ говорить о своей болѣзни, такъ какъ онъ могъ попрежнему заниматься дѣлами, могъ даже попрежнему шутить и смѣяться, блистая часто своимъ милымъ, незлобивымъ остроуміемъ, то постороннему человѣку трудно было догадаться о его болѣзни. Предполагалось, что онъ сильно простудился въ сырой неаполитанской тюрьмѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ все шло какъ будто по старому. Но вотъ пришло время, когда его непрекращавшіяся мучительныя боли, особенно усилившіяся при дурной погодѣ, сдѣлали для него пребываніе въ Женевѣ совершенно невозможнымъ, и онъ долженъ былъ уѣхать въ болѣе южный климатъ. Затѣмъ настало время, когда появились явные признаки прогрессирующаго паралича: сначала отнялись ноги, потомъ была парализована вся нижняя часть тѣла, потомъ даже руки—и Гоцъ оказался навсегда прикованнымъ къ постели.

Тогда наступилъ послѣдній, страдальческій, и вмѣстѣ съ тѣмъ героическій періодъ его жизни, длившійся болѣе двухъ лѣтъ; наступилъ періодъ борьбы его духа съ ужасною смертельною болѣзнью. Эта болѣзнь не оставляла его въ покоѣ ни на одинъ день, причемъ, непрерывно мучая его, она въ то же время медленно, но неуклонно отнимала у него, одну за другой, отдѣльныя части его физическаго существованія; а вмѣстѣ съ ними отнимались также, все въ большей и большей степени, источники всей его индивидуальной жизни: терялась даже самая возможность для него сознавать себя живымъ существомъ и сохранять какія-либо надежды на дальнѣйшія личныя перспективы. Все, что касалось личной жизни, умерло тогда для него не только идейно, въ силу его собственнаго рѣшенія, но уже и реально, физически, въ

силу безвозвратнаго разрушенія. Будь у него хоть въ сколько-нибудь значительной степени развита личная сторона жизни, занимай она хоть сколько-нибудь значительное мѣсто во всемъ его предшествующемъ двадцатилѣтнемъ существованіи—такая безнадежная утрата всѣхъ ея органическихъ источниковъ и мотивовъ несомнѣнно должна была бы проявиться полнымъ упадкомъ духовной энергіи, полной потерей интереса къ окружающему. Разъ разрушено самое физическое существованіе человѣка, то конечно вмѣстѣ съ тѣмъ разрушены и всѣ связанные съ этимъ существованіемъ личные интересы—даже самыхъ возвышенныхъ категорій.

Вотъ почему, люди, съ обычной долею въ ихъ психикѣ чисто личныхъ жизненныхъ стимуловъ, такъ рѣзко мѣняютъ свою духовную физіономію при всякой серьезной, а тѣмъ болѣе смертельной болѣзни; вотъ почему эти люди дѣлаются неузнаваемы для своихъ окружающихъ.

Но у Гоца не было этихъ личныхъ стимуловъ жизни; они были давно уже, въ теченіе всего его двадцатилѣтняго революціоннаго служенія, отодвинуты далеко назадъ, въ самый укромный уголокъ его очень дѣятельнаго существованія. Мы всегда имѣли предъ собою чрезвычайно живого, возбужденнаго, даже страстнаго человѣка; вся его повседневная жизнь была проявленіемъ никогда не изсякавшаго запаса внутренней энергіи; по своей подвижности и неутомимости онъ выдавался даже среди своихъ очень дѣятельныхъ и энергичныхъ сотоварищей; но весь этотъ неизсякаемый запасъ энергіи и жизненнаго интереса, вся эта кипучая дѣятельность существовали въ немъ какъ бы помимо его собственной личности, вполнѣ независимо отъ всякихъ личныхъ ея мотивовъ; они существовали въ немъ въ силу другихъ, болѣе общихъ, внѣ-личныхъ стремленій, давно поборовшихъ въ немъ основныя личныя побужденія, давно поставившихъ его на высоту общечеловѣческаго внѣличнаго существованія.

И вотъ, когда болѣзнь убила въ немъ физическаго человѣка, эта другая сторона его жизни, не бросавшаяся сразу въ глаза, не всегда даже замѣтная при нормальныхъ условіяхъ, выступила ярко наружу. Въ этомъ полу-умирающемъ, на три четверти физически уничтоженномъ, укороченномъ, изсохшемъ, измученномъ тѣлѣ, мы имѣли предъ собою того же самаго Михаила Гоца, того же самаго борца и дѣятеля, не измѣнившагося ни въ одномъ изъ своихъ основныхъ свойствъ, не потерявшаго ни единой черты своего прежняго духовнаго облика. Это былъ все тотъ же умный, проницательный, горячій, иногда насмѣшливый и негодующій, иногда веселый и шутливый, представитель русскаго общественнаго движенія.

Въ этомъ отношеніи болѣзнь ничего не измѣнила въ его существованіи. Около его постели или кресла происходили партійныя совѣщанія и обсуждались самыя серьезныя предпріятія; къ нему, попрежнему, ѣхали изъ Россіи делегаты центральнаго комитета и представители отвѣтственныхъ организацій; когда онъ возвращался

въ Женеву, онъ попрежнему руководилъ изданіемъ партійнаго органа;—словомъ, въ тѣ немногіе часы жизни, которые онъ еще могъ отвоевывать у своей болѣзни, онъ оставался прежнимъ Гоцомъ, прежнимъ неизмѣннымъ товарищемъ по дѣлу. Когда онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, укрытый плэдомъ, когда вы видѣли его характерную голову съ высокимъ лбомъ и горящими глазами, когда вы слышали его громкій голосъ и слушали его рѣчь, далекую отъ личныхъ тревогъ и печалей, вы легко могли забыть о его болѣзни. Трехлѣтнія мучительныя страданія и все болѣе и болѣе выяснявшаяся переспектива близкой смерти не могли сломить въ немъ его прежняго духа. Ужасная болѣзнь безжалостно уничтожала на вашихъ глазахъ дорогое и любимое живое существо, но она не могла еще отнять дѣятельнаго члена у партіи. Это была удивительная картина торжества духовной энергіи и беззавѣтно-преданнаго сердца надъ разрушительными силами смерти.

Но болѣзнь все болѣе и болѣе развивалась, слабыя надежды на возможность выздоровленія все болѣе и болѣе исчезали, и неминуемый конецъ приближался. Въ началѣ лѣта 1906 года Гоцъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ уже опустѣвшую тогда Женеву, откуда вся прежняя партійная жизнь была перенесена въ Россію. Около его постели собирались теперь лишь рѣдкіе наѣзжавшіе гости, а немногимъ остававшимся за границей друзьямъ было еще тяжелѣе смотрѣть на послѣднія потухавшія искры дорогого существованія.

Я часто видѣлся съ Гоцемъ во время его болѣзни, но я никогда не замѣчалъ на его лицѣ выраженія скорби или отчаянія. Обыкновенно онъ встрѣчалъ приходившихъ веселой улыбкой; затѣмъ шли разговоры о чемъ угодно, но только не о немъ самомъ и ни о его положеніи: «Эхъ, оставимъ это; надоѣло!»—такъ чаще всего обрывалъ онъ краткія сообщенія о ходѣ своей болѣзни. Но даже помимо его собственныхъ словъ и жестовъ, въ самомъ выраженіи его лица, въ его голосѣ, въ его глазахъ вы никогда не могли бы подмѣтить признаковъ подтачивающаго его внутренняго упадка духа. Тотъ же живой тонъ, та же вспыхивающая страстность, то же веселое, незлобивое остроуміе. Но вотъ, въ эти послѣднія недѣли его жизни, въ этотъ послѣдній его пріѣздъ въ Женеву и на его настроеніи уже стала отражаться набѣгающая тѣнь смерти. Изрѣдка, не всегда еще, съ перерывами прежней бодрости и одушевленія, она начинала накладывать свою тяжелую руку на его обычный душевный строй, пересиливать его больную душу, одолѣвать его больное сердце. Такъ-то, однажды, подходя незамѣтно къ тому мѣсту въ саду отеля, гдѣ онъ одинъ лежалъ въ своемъ креслѣ, я уловилъ на его лицѣ выраженіе такой печали и такой глубокой тоски, что первую минуту мнѣ трудно было сдержать свое волненіе...

Да, онъ конечно страдалъ въ эти послѣдніе дни своей жизни. Даже онъ, такъ хорошо защищенный отъ личныхъ страданій, такъ далеко отбросившій отъ себя тревоги личной жизни, не могъ вполнѣ освободиться отъ ощущеній своего собственнаго личнаго не-

счастья; даже онъ долженъ былъ временами испытывать ту, ничѣмъ не скрашиваемую, ничѣмъ неоправдываемую, никому ненужную, чисто личную боль, какой сопровождается всякое чисто-личное горе... Но вѣдь онъ никогда и не разсчитывалъ на полную чашу однихъ удачъ и радостей въ своей жизни.

Михаилъ Гоцъ былъ въ очень ранней молодости оторванъ отъ всѣхъ житейскихъ удобствъ и радостей, былъ загнанъ въ необитаемыя мѣста Сибири, подвергся самому безпощадному насилію, разстрѣливался солдатскими пулями, просидѣлъ цѣлые годы въ каторжной тюрьмѣ и наконецъ сдѣлался жертвой мучительной болѣзни;—но развѣ онъ промѣнялъ бы эту свою жизнь на какую угодно сумму личнаго благополучія? Въ Россіи теперь ежедневно погибаютъ люди, полные силъ и молодости, погибаютъ добровольною смертью. Спрашивается: развѣ могло бы поддерживаться такое положеніе вещей, развѣ Россія могла бы выставить такое неисчерпаемое количество часто безмолвнаго и безвѣстнаго одушевленія, если бы носители его не находили для себя извѣстнаго эквивалента, еслибы они не заключали въ самихъ себѣ, въ своей собственной груди, того источника внутренняго спокойствія и душевнаго равновѣсія, которому должны были бы позавидовать самые счастливые маленькіе люди въ своей счастливой маленькой жизни?

Да, конечно, Михаилъ Гоцъ пережилъ много душевной муки и перенесъ много личныхъ несчастій; и тѣмъ не менѣе это былъ одинъ изъ избранниковъ на землѣ, одинъ изъ ея счастливѣйшихъ сыновъ—ибо онъ носилъ въ своемъ сердцѣ источники самыхъ высокихъ человѣческихъ радостей.

Но мало этого: ему было суждено также подойти очень близко къ источникамъ другихъ еще болѣе объективныхъ и болѣе общихъ радостей, связанныхъ съ результатами общественнаго движенія въ Россіи. Ему было суждено дожить до того момента русской общественной жизни, когда въ ней уже начинали воочію осуществляться далекія мечты, далекія надежды его болѣе раннихъ и менѣе счастливыхъ предшественниковъ. Для тѣхъ людей, которые, подобно Гоцу и въ той же степени, какъ онъ, дѣйствительно отдаютъ всю свою жизнь, всѣ свои лучшія силы на дѣло народнаго освобожденія,—вопросы личнаго существованія, конечно отступаютъ на второй планъ. Но это великое дѣло народнаго освобожденія, эта великая соціальная задача народнаго пробужденія въ Россіи, вначалѣ движенія, являлась неизмѣримо трудной, почти недостижимой. Громадныя политическія и стихійныя препятствія заграждали къ ней всякій доступъ; всѣ первоначальныя героическія усилія, направленныя противъ этихъ препятствій, разбивались вначалѣ какъ бы безслѣдно. Многіе такіе же сильные умы и такія же великія сердца пошли на эту борьбу и погибли «безъ трепета и безъ надеждъ впереди». Цѣлыя десятилѣтія проходили безъ замѣтныхъ результатовъ, цѣлыя поколѣнія смѣняли одно другое на одной и той же губительной, истребляющей всѣ молодыя силы Россіи и, повидимому, безплодной работѣ. Погибали лучшіе люди, умирали самыя избран-

ныя сердца, а народныя массы все еще оставались, повидимому, такими же чуждыми и далекими, такими же неподвижными и недосягаемыми... И вотъ, въ это тяжелое мучительное время, гораздо труднѣе было умирать русскимъ лучшимъ людямъ, безъ твердой увѣренности въ успѣхѣ, безъ осязаемыхъ результатовъ, передаваемыхъ преемникамъ.

Но теперь, эти тяжелыя времена миновали; результаты великаго общественнаго движенія въ Россіи стали ясно очерчиваться впереди, и русскія народныя, рабочія массы стали наконецъ пробуждаться на нашихъ глазахъ,—и стали пробуждаться въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ сознаніемъ своихъ собственныхъ великихъ массовыхъ народныхъ задачъ, что еще въ очень неотдаленную отъ насъ эпоху трудно было даже мечтать о такихъ огромныхъ успѣхахъ.

Для людей подобныхъ Гоцу, для людей, которые вкладывали всѣ свои лучшія надежды не въ дѣло завоеванія одной политической конституціи, которые ожидали отъ Россіи, взамѣнъ отданныхъ ей безчисленныхъ жертвъ, непосредственнаго приступа къ осуществленію ближайшихъ трудовыхъ требованій—и только въ этой цѣли находили оправданіе для понесенныхъ невозвратныхъ и неоцѣнимыхъ потерь,—въ глазахъ такихъ людей эта наступившая полоса великаго массоваго движенія въ Россіи имѣла совсѣмъ особую цѣну. Это была та степень удовлетворенія, та степень внутренняго успокоенія и духовной радости, по сравненію съ которыми даже ужасы переживаемой теперь общественной агоніи теряли свой зловѣщій характеръ. Пусть будетъ брошено еще много дорогихъ жертвъ на неизбѣжную борьбу, пусть будетъ пережито еще много тревогъ и мученій, но вѣдь это уже конецъ, это уже послѣднія кровавыя жертвы, послѣднія невозвратныя потери. Пристань уже видна, развязка неизбѣжна,—и она въ рукахъ у самихъ проснувшихся, сознательныхъ массъ трудового народа. Этого великаго завоеванія русскаго освободительнаго движенія не въ силахъ теперь не только отнять, но даже сколько нибудь серьезно ослабить никакія темныя силы.

Таковы были послѣднія, радостныя впечатлѣнія, которыми озарялась потухавшая личная жизнь Михаила Гоца. Онъ былъ достаточно приготовленъ всѣмъ своимъ прошлымъ, чтобы достойно оцѣнить эти впечатлѣнія, и онъ оцѣнилъ ихъ въ полной мѣрѣ. Съ этими безконечно радостными мыслями, съ этимъ облегченнымъ чувствомъ, послѣ долгихъ лѣтъ мучительной тревоги и мучительныхъ ожиданій, онъ спокойно сошелъ со сцены жизни. Онъ много страдалъ, но онъ не былъ несчастнымъ. Онъ умеръ удовлетвореннымъ во всѣхъ основныхъ запросахъ своей души...

Л. Шишко.

Афанасій Афанасьевичъ Спандони.

(Некрологъ).

Онъ умеръ въ своей любимой Одессѣ, къ которой стремился всей душой, о которой пламенно мечталъ во время своихъ частыхъ невольныхъ и многолѣтнихъ разлукъ съ роднымъ городомъ. Онъ умеръ въ разгарѣ революціи, которой онъ отдалъ всѣ лучшіе годы своей жизни и наступленія которой онъ жаждалъ всѣми помыслами своего безпокойнаго ума, всей жаждой своей мятежной души. Но онъ не дождался полнаго торжества свободы, однимъ изъ неутомимыхъ борцовъ которой онъ былъ съ юныхъ лѣтъ. Онъ умеръ среди своихъ, окруженный товарищами и друзьями, интересы которыхъ одни были ему понятны и стремленія которыхъ одни были ему дороги. Но его проводили чуждые ему люди и прахъ его почтили своимъ присутствіемъ тѣ, кого онъ больше всего ненавидѣлъ и на борьбу съ которыми онъ отдалъ свое здоровье и жизнь...

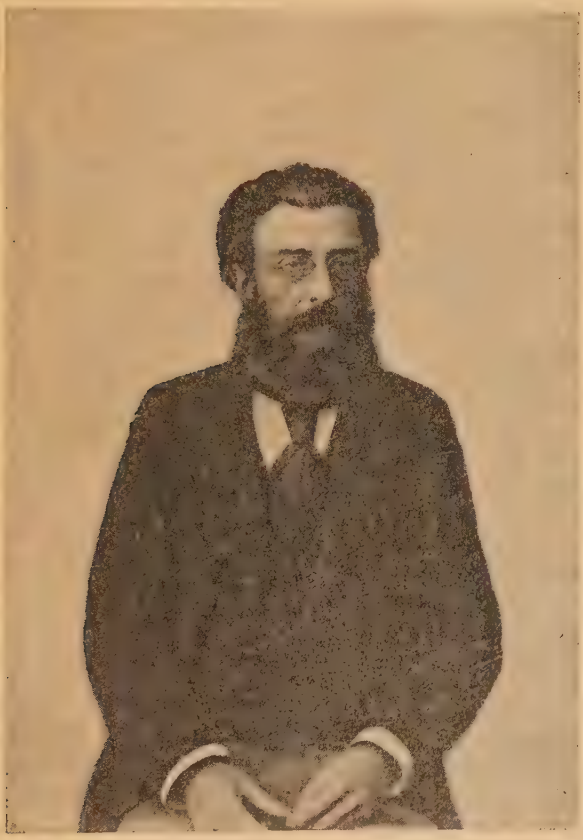
Афанасій Афанасьевичъ Спандони умеръ въ $3^1/_2$ часа ночи съ 14-го на 15-ое октября с. г. отъ паралича сердца. Ему было всего 52 года и болѣзнь (сердечная жаба), которая свела его безвременно въ могилу, явилась въ результатѣ его многолѣтнихъ скитаній по тюрьмамъ и ссылкамъ, всей его недолгой, но полной лишеній и страданій жизни. Тихо и медленно, невидимо для стороннихъ глазъ, развивалась она въ организмѣ, неуклонно и фатально подтачивая корни и безъ того хрупкаго, неустойчиваго здоровья. Небольшого роста, слабый и тщедушный, Афанасій Афанасьевичъ еще со второй ссылки страдалъ разными болѣзнями, которыя истощали его и безъ того некрѣпкій организмъ. И для товарищей, привыкшихъ его видѣть всегда недомогающимъ, всегда борющимся съ тѣмъ или инымъ недугомъ, ничего новаго не представлялось въ болѣзненныхъ проявленіяхъ послѣдняго времени. Но для врачей онѣ съ перваго раза казались удивительными и мало понятными. Одинъ изъ профессоровъ, при первомъ осмотрѣ его, былъ пораженъ старческимъ перерожденіемъ тканей, когда узналъ, что больному всего 52 года и все прошлое его было такъ далеко

отъ всякихъ излишествъ жизни и отъ злоупотребленій ея благами. И только, когда curriculum vitae паціента сталъ ему извѣстенъ, яснѣе опредѣлился для него и самый генезисъ болѣзни...

Да, это было въ своемъ родѣ богатое прошлое! Перенести *четыре* ссылки подрядъ одну за другой и, въ томъ числѣ, 8 лѣтъ Карійской и Акатуевской каторжной жизни и почти столько же поселенія въ Сибири,—для этого нужно было имѣть покрѣпче и посильнѣе организмъ, чѣмъ тотъ, какимъ обладалъ покойный Афанасій Афанасьевичъ. Нужно было обладать дюжимъ, почти гигантскимъ здоровьемъ, чтобы выдержать безъ особаго ущерба тѣ лишенія физическаго и моральнаго характера, съ которыми сопряжены неизбѣжно шествія и переходы по сибирскимъ этапамъ, многіе годы жизни въ одиночкахъ или въ тѣсныхъ, переполненныхъ людьми тюрьмахъ, а также многолѣтнее томленіе въ каторжной вольной командѣ или въ глухихъ безжизненныхъ городишкахъ сибирской ссылки. Достаточно тутъ принять во вниманіе только чисто матеріальную сторону этихъ невзгодъ, чтобы легко представить себѣ, какъ могли отразиться на здоровьѣ слабаго человѣка почти *тридцать* лѣтъ заточенія и ссылки, слѣдовавшихъ непрерывно одна за другой. Отсутствіе какого-либо комфорта и культурныхъ удобствъ, нужда въ самомъ необходимомъ и обязательное постоянное недоѣданіе, вотъ первыя, такъ сказать, примитивныя условія этого тяжелаго существованія. Другихъ сторонъ его можно пока и не касаться...

Революціонная дѣятельность А. А. Спандони началась въ ранней его молодости. Ему было лѣтъ двадцать, когда онъ впервые принялъ участіе въ революціонныхъ кружкахъ Одессы. Будучи вольнослушателемъ одесскаго университета, онъ уже активно и вплотную примкнулъ къ тѣмъ кружкамъ революціонной молодежи, которые группировались вокругъ Ковальскаго и его сотрудниковъ. Послѣ суда надъ Ковальскимъ и извѣстной демонстраціи на Гулевой площади въ 1878 году, онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Устюгъ Вятской губ., гдѣ онъ прожилъ въ тѣсной и небольшой компаніи ссыльныхъ недолго, такъ какъ вскорѣ былъ возвращенъ Въ Одессу. Но и свободой ему пришлось насладиться недолго. Въ Одессу онъ попалъ въ моментъ большого революціоннаго оживленія, когда южная организація «Земли и Воли», нетерпѣливая и активная, приняла уже ярко террористическую окраску и ознаменовала свою дѣятельность рядомъ громкихъ фактовъ. Къ этимъ кружкамъ примкнулъ немедленно, по своемъ возвращеніи изъ ссылки, молодой и полный бодрости Афанасій Афанасьевичъ. Въ это же время свирѣпствовалъ знаменитый Панютинъ, правая рука и вдохновитель тогдашняго генералъ-губернатора Тотлебена. Спандони былъ привлеченъ къ большому политическому дѣлу, разбиравшемуся въ Одессѣ въ 1879 г. въ военно-окружномъ судѣ и закончившемуся казнью Чубарова, Лизогуба и др. Въ іюлѣ 1879 г. онъ уже былъ въ Мценскѣ, въ центральной пересыльной тюрьмѣ того времени, откуда съ большой партіей такихъ же, какъ и онъ,

административно ссыльныхъ, большею частью одесситовъ, онъ отправленъ былъ въ Восточную Сибирь. Осенью того же года, онъ прибылъ на мѣсто назначенія—въ городъ Верхоленскъ, гдѣ и пробылъ почти два года. Это было первое изъ серьезныхъ испытаній, выпавшихъ на его короткій многострадальный вѣкъ. Въ этомъ маленькомъ, глухомъ и заброшенномъ городишкѣ, похожемъ скорѣе



Афанасій Афанасьевичъ
СПАНДОНИ.

на большую сибирскую деревню, онъ томился и изнывалъ ужасно, безпрерывно жалуясь въ своихъ письмахъ на пустоту и скуку тамошней жизни, на недостатокъ дѣятельности и работы, на отсутствіе какихъ-либо высшихъ интересовъ. Но онъ былъ еще молодъ и полонъ жажды знанія, и поэтому годы этой второй ссылки ему пригодились въ смыслѣ серьезной научной подготовки и пріобрѣ

тенія нужной для дальнѣйшей революціонной дѣятельности начитанности.

Въ 1881 году, во время «диктатуры» Лорисъ-Меликова, Афанасій Афанасьевичъ вернулся въ Одессу. Немного времени ему нужно было, чтобы познакомиться съ новѣйшимъ революціоннымъ движеніемъ. Онъ всецѣло присоединился къ партіи «Народной Воли» и оказался вполнѣ ко времени и къ мѣсту послѣ страшныхъ потерь, которыя понесла партія впродолженіи года, слѣдовавшаго за 1 марта. Въ началѣ лѣта 1882 г. мы застаемъ его въ Кіевѣ въ качествѣ представителя (или, какъ тогда говорилось, агента) Исполнительнаго Комитета Народной Воли. Къ этому времени относится краткая характеристика покойнаго, которую мы находимъ въ книжкѣ Туна «Исторія революціоннаго движенія въ Россіи», съ примѣчаніями Л. Э. Шишко. Она принадлежитъ товарищу его по революціонной дѣятельности въ Кіевѣ, г. Баху. «Къ этому же времени,—пишетъ авторъ этихъ воспоминаній,—относится и мое знакомство со Спандони, который тогда только что вернулся изъ ссылки и считался всѣми за очень способнаго революціонера. Дѣйствительно, у него было много выдержанности, конспиративности и умѣнія отлично опредѣлять людей»... Понятно, что эти качества и другія выдающіяся его способности, какъ человѣка и революціонера, дали ему быстрый ходъ по іерархической лѣстницѣ тогдашней централистической организаціи. Къ концу этого года онъ является однимъ изъ ближайшихъ и самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Вѣры Николаевны Фигнеръ. Въ качествѣ члена Исполнительнаго Комитета онъ устраиваетъ въ Одессѣ большую партійную типографію. Но въ декабрѣ того же года онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Дегаевымъ, Суровцевымъ и Маріей Калюжной по дѣлу этой же открытой полиціей типографіи. Съ этого момента начинается длинный мартирологъ его скитаній по тюрьмамъ и этапамъ. Мы не будемъ останавливаться тутъ на предательствѣ Дегаева, которое упекло и его въ каторгу, ни на самомъ процессѣ, въ которомъ онъ участвовалъ вмѣстѣ съ другими жертвами пресловутой Дегаевщины. Объ этомъ лучше всего прочесть превосходныя воспоминанія самого покойнаго Афанасія Афанасьевича, напечатанныя въ майской книжкѣ «Былого». Судился онъ въ 1884 году вмѣстѣ съ Вѣрой Николаевной Фигнеръ, М. Ю. Ашенбреннеромъ и казненными по этому же процессу Рогачевымъ и Штромбергомъ. Изъ присужденныхъ къ каторгѣ по этому дѣлу только онъ и Чуйко избавились отъ страшной участи быть замурованными въ темныхъ склепахъ Шлиссельбургской крѣпости. Какъ больные и сравнительно краткосрочные, они въ видѣ льготы и снисхожденія были отправлены на Кару. Почти цѣлый годъ шествовали они по этапамъ до новаго мѣста назначенія. Замученный почти трехгодичнымъ сидѣніемъ въ одиночкахъ и «на каторжномъ положеніи» въ Петропавловской крѣпости, Афанасій Афанасьевичъ нѣсколько оправился только въ дорогѣ. Все же временами онъ чувствовалъ себя плохо и въ одномъ изъ писемъ къ близкому человѣку онъ жаловался на

плохое здоровье, при чемъ признавался, что страшно хочетъ жить и отнюдь умирать не собирается. «Какъ хочется въ Россію!»— восклицаетъ онъ,—до сумасшествія хочется! Дай срокъ, вернемся еще въ Россію и будемъ дѣла ломать и еще въ третій разъ въ Сибирь пойдемъ... Ну, а чѣмъ чортъ не шутитъ, можетъ быть еще до революціи проскриплю»... Эти прорицательныя и почти буквально сбывшіяся слова онъ писалъ въ декабрѣ 1885 г. съ дороги, изъ Забайкальской области. Въ маѣ 1886 года онъ прибылъ на Кару.

Онъ пришелъ къ намъ въ самую глухую пору русской дѣйствительности. Это было начало общественнаго упадка, разгаръ «смуты умовъ» и тѣхъ горестныхъ измѣнъ и отступленій, которыми ознаменовалась эпоха реакціи и разочарованія 80-хъ годовъ. Это было время послѣднихъ усилій Народной Воли, послѣднихъ напряженій разгромленныхъ и разсѣянныхъ революціонныхъ силъ въ тяжелой и неравной борьбѣ съ потрясеннымъ уже самодержавіемъ, но вновь окрѣпшимъ и поднявшимся, чтобы нанести революціи свой послѣдній, но чувствительный ударъ. И тѣ жертвы этой борьбы, которыя попадали къ намъ, не могли не приносить съ собой отпечатка утомленія и ослабленія, слѣдовъ унынія или разочарованія. Такъ же и наша карійская политическая тюрьма, хотя и заброшенная въ лѣсныя дебри и ущелья Забайкальскихъ горъ, не могла все же не отражать—даже весьма точно и достаточно—своевременно всѣхъ новѣйшихъ теченій умственнаго и политическаго настроенія въ Россіи. Отразились на ней и всѣ отрицательныя явленія этой эпохи смуты и упадка. Но прибывшій къ намъ новичекъ, этотъ маленькій, хрупкій и болѣзненный каторжанинъ, стоялъ выше своего времени, стоялъ выше всѣхъ текущихъ настроеній и теченій. Этотъ плѣненный маленькій воинъ изъ большой разбитой арміи далеко не былъ разочарованъ, ни подвергнутъ унынію или какому бы то ни было раскаянію. Онъ не привезъ съ собою ни тѣни сожалѣнія о пройденномъ пути, ни капли отрицанія по адресу того дѣла, за которое онъ и его товарищи боролись до послѣдней своей крайности. Онъ высоко держалъ знамя Народной Воли и никогда ни на одну минуту не выпускалъ его изъ своихъ слабыхъ рукъ, доказывая всѣмъ горячо и пламенно его правоту, его неминуемое торжество, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ. Онъ сразу внесъ оживленіе въ наше притихшее и нѣсколько пріунывшее общество. Во многихъ онъ поднялъ упавшую бодрость и приникшія надежды, другимъ онъ далъ матеріалъ для новыхъ размышленій, а въ общемъ онъ обновилъ и обострилъ живой обмѣнъ мнѣній, поддержалъ нашъ интересъ къ жизни, къ грядущимъ событіямъ. Всегда отзывчивый и горячій спорщикъ, никогда не пропускавшій безъ возраженія ни одного слова, задѣвающаго интимную сторону его міросозерцанія, всегда готовый на словесный бой до хрипоты и изнеможенія, онъ служилъ у насъ мишенью теоретическихъ и принципіальныхъ нападокъ, но и самъ же первый всегда бросался въ битву, вызывая на бой противника и не спуская ему ни въ чемъ, разъ это касалось его святая святыхъ, самыхъ доро-

гихъ для него идеаловъ и упованій. А эти послѣднія лежали въ его непоколебимой вѣрѣ въ торжество революціоннаго дѣла, въ его глубокомъ убѣжденіи въ правотѣ той революціонной программы и тѣхъ революціонныхъ задачъ, которыя ставила тогда партія Народной Воли. Въ этой беззавѣтной защитѣ теоретическихъ обоснованій партійной программы, вплоть до излюбленныхъ имъ ссылокъ на Лаврова и Михайловскаго, такъ и въ его яростныхъ нападкахъ на другія направленія, онъ былъ неутомимъ и неисчерпаемъ. Отсюда его непрестанные и горячіе споры, кончавшіеся иногда конфликтами. Но проходили минуты увлеченія и горячности и онъ не помнилъ зла и раздраженія и опять готовъ былъ вступить съ тѣми же противниками въ новый словесный бой. Особенно же не давали ему покоя новыя, хотя и слабыя еще тогда, теченія марксизма, которыя едва пробивались въ нашей народнической средѣ. Они раздражали и волновали его ужасно, и онъ направлялъ на нихъ всю силу своего полемическаго задора, весь запасъ своего отрицательнаго къ нимъ отношенія. Впослѣдствіи, на поселеніи и «на волѣ», въ Россіи, онъ истрачивалъ на полемику съ ними свои послѣднія физическія силы. И часто, хватаясь за грудь, задыхаясь, изнемогая отъ сердечнаго припадка, онъ горячился и кричалъ, стараясь убѣдить своего неуступчиваго противника. Еще больше волновали его и сердили разныя проявленія реакціи, вѣянія упадка и «непротивленія злу» въ 80-хъ годахъ, пропаганда чистого экономизма въ 90-хъ и, наконецъ, хулиганство и черносотенство послѣдняго времени. Приводимъ лишь первые попавшіеся на память примѣры. Можно сказать безъ преувеличенія, что эти «болѣзни своего времени» превращались въ болѣзнь его тѣла, разбивали его слабое сердце, разлагали и безъ того истощенныя его ткани...

Въ сентябрѣ 1890 года, когда наша политическая каторжная тюрьма на Карѣ была упразднена, а всѣ наши товарищи, окончившіе сроки «испытанія» и «исправленія», были выпущены въ вольныя команды, Афанасій Афанасьевичъ былъ отправленъ въ Акатуй вмѣстѣ съ остальными 12 карійцами, еще не кончившими упомянутаго срока. Къ счастью, не долго пришлось ему прозябать въ царствѣ «шестиглазаго», въ тяжелой атмосферѣ уголовной каторги. Въ слѣдующемъ (1891) году онъ вернулся къ своимъ товарищамъ и водворился въ вольной командѣ на Карѣ. Онъ опять очутился въ своей родной стихіи, и объ этихъ годахъ изгнанія онъ вспоминаетъ всегда охотнѣе, чѣмъ о другихъ. Въ вольной командѣ на Карѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ и на поселеніе вышелъ, кажется, въ 1894 г. (быть можетъ, въ началѣ 1895 г.). Онъ былъ поселенъ въ г. Селенгинскѣ Забайкальской области. Это очень глухой и заброшенный въ глубь тайги городишка, почти на самой границѣ съ Китаемъ. Жилось въ немъ гораздо хуже, чѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ въ Верхоленскѣ, и не только потому, что въ немъ совсѣмъ не было ссыльныхъ и, стало быть, не съ кѣмъ было душу отвести одинокому заброшенному интеллигенту, но и, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что отстоялъ онъ далеко отъ Москов-

скаго тракта,—этой питательной артеріи Сибири, снабжавшей ее умственной и всякой духовной пищей. Почта доходила туда чуть-ли не разъ въ мѣсяцъ, а въ распутицу прекращалось всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. Оглядѣвшись кругомъ и увидѣвъ, въ какую берлогу онъ попалъ, Афанасій Афанасьевичъ сталъ энергично изыскивать всякіе пути и способы, чтобы скорѣе выбраться оттуда. Въ концѣ концовъ это ему удалось и въ 1896 году онъ уже жилъ въ г. Верхнеудинскѣ Забайкальской области, между Читой и Иркутскомъ. Лѣтомъ этого года, проѣздомъ изъ Забайкалья въ Иркутскъ, я навѣстилъ Верхнеудинскаго отшельника. Его жизнь, дѣйствительно, похожа была на отшельническую, потому что и въ этомъ городѣ не было ссыльныхъ, а Афанасій Афанасьевичъ любилъ только общество своихъ, людей близкихъ ему по духу и по общимъ интересамъ и терпѣть не могъ общенія съ обывателями, со всѣмъ ихъ скучнымъ и будничнымъ обывательскимъ обиходомъ. Поэтому, хотя онъ чувствовалъ себя довольно здоровымъ и бодрымъ и настроеніе у него было сравнительно уравновѣшенное и благодушное, но все же онъ жаловался на скуку и пустоту тамошней жизни, въ особенности на недостатокъ общества, подъ чѣмъ нужно было разумѣть, главнымъ образомъ, невозможность отвести душу въ спорахъ, обмѣняться съ равными себѣ мыслями и впечатлѣніями по текущимъ вопросамъ и злобамъ дня. Все же настоящее свое житье онъ ставилъ несравненно выше Селенгинскаго и прежде всего потому, что жилъ при большой дорогѣ и могъ видѣться съ проѣзжающими товарищами, имѣть своевременно почту, письма, газеты и журналы. Да и заработокъ легче было здѣсь достать въ видѣ уроковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ строющейся желѣзной дорогой ему удалось продвинуться къ самой Читѣ. Здѣсь онъ провелъ послѣдніе годы своего поселенія, въ тѣсной средѣ своихъ старыхъ друзей и товарищей, среди тѣхъ самыхъ людей, большинство которыхъ еще не такъ давно составляло, такъ называемую, вольную команду на Карѣ. Отсюда же онъ и выѣхалъ въ Европейскую Россію.

Афанасій Афанасьевичъ вернулся на родину въ 1902 году, но пріѣхать и жить въ Одессѣ ему не разрѣшили. Онъ долженъ былъ поселиться въ ближайшемъ изъ большихъ городовъ, въ Кишиневѣ, и тотчасъ же началъ мечтать о переѣздѣ въ Одессу. Какъ и всегда, онъ именно мечталъ только объ улучшеніи своего положенія, волновался и много говорилъ по этому поводу, но практическихъ мѣръ не принималъ для его измѣненія, потому что не умѣлъ, да и не привыкъ онъ самъ о себѣ заботиться: какъ устроится, такъ и будетъ, авось, устроится къ лучшему. Но благодаря его столь очевидной болѣзненности и явной нуждѣ въ леченіи, не такъ то трудно было устроить ему этотъ вожделѣнный переѣздъ и добиться, хотя бы временнаго, разрѣшенія жить въ Одессѣ. Впослѣдствіи оно могло бы быть продлено. Такъ оно и было: жилъ онъ и поживалъ въ своемъ любимомъ городѣ отъ одного до другого разрѣшенія, купаясь въ родной стихіи уличнаго шума, наслаждаясь движеніемъ

большого суетливаго города. Но вскорѣ дала себя знать и почувствовать и оборотная сторона этой шумной многолюдной жизни, глухой къ чужимъ страданіямъ и чуждой всему, что выходитъ за предѣлы ея промышленныхъ и коммерческихъ интересовъ. Вернувшись въ этотъ полумилліонный Вавилонъ, послѣ двадцати пяти съ лишнимъ лѣтъ скитанія, онъ не нашелъ въ немъ ни пріюта, ни привѣта, и на старости лѣтъ долженъ былъ искать грошеваго заработка. Выбирать не приходилось, и онъ взялъ первое, что ему попалось—мѣсто за 30 руб. въ мѣсяцъ въ одной страховой конторѣ. Онъ жилъ тогда недалеко отъ меня, и я видѣлъ, какъ онъ по утрамъ спѣшилъ мимо моихъ оконъ на службу. Мучительно больно и обидно было видѣть, какъ этотъ больной, изможденный старикъ,—состарили его не годы, — долженъ былъ отучаться отъ своихъ привычекъ, напримѣръ, отъ настоятельной потребности спать до поздняго часа, вызванной его безпрестанной безсонницей, или отъ привычки ѣсть въ опредѣленные часы, отдыхать послѣ ѣды, выработанной постояннымъ его болѣзненнымъ состояніемъ. И все это отбросивъ въ сторону, онъ вынужденъ былъ, ради жалкаго заработка, не обезпечивавшаго его существованія, — долженъ былъ тянуться за другими молодыми и полными силъ служащими, сидѣть съ ними наравнѣ съ ранняго утра до 4-хъ часовъ дня, гнуть свою больную спину надъ чуждыми ему и непонятными выкладками чужихъ дивидендовъ. Больно и обидно было за этого стараго заслуженнаго воина, за ветерана революціи, обреченнаго на мелкую борьбу за существованіе. Обидно было и за всѣхъ тѣхъ, которые могли и не хотѣли придти ему на помощь, которые могли и не хотѣли поддержать этого уходящаго отъ насъ страдальца...

Конечно, друзья и товарищи покойнаго сдѣлали все, что могли, чтобы скрасить и облегчить его одинокую и невеселую жизнь. Они всячески старались быть полезными ему въ матеріальномъ отношеніи. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ приходилось считаться съ его подозрительностью и мнительностью, съ его крайней щепетильностью въ денежныхъ дѣлахъ и во всемъ, что касалось товарищеской помощи, которую онъ всегда цѣнилъ очень высоко, но принимать которую онъ считалъ для себя преждевременнымъ и зазорнымъ. И сколько хитрости и всякихъ дипломатическихъ подходовъ требовалось для того, чтобы оказать ему маленькую услугу въ самыя трудныя минуты его нужды и лишеній. Когда же въ этихъ крайнихъ случаяхъ помощь извнѣ къ нему приходила, наконецъ, онъ всегда долго волновался по этому поводу, сердился и брюзжалъ, обвиняя ближайшихъ къ нему въ томъ, что они «здѣсь руку приложили»...

Особенно же онъ цѣнилъ моральную и духовную поддержку товарищей. Я уже сказалъ, что общеніе съ тѣми, которыхъ онъ считалъ «своими», было для него той родной и натуральной стихіей, безъ которой онъ жить не могъ. Оно было ему также необходимо, какъ теплый воздухъ юга, какъ волнующій шумъ одесскихъ улицъ, какъ поднимающій прибой обновляющейся жизни. Само

по себѣ, оно одно уже составляло огромную нравственную поддержку для одинокаго и столь общительнаго человѣка, какимъ былъ Афанасій Афанасьевичъ. Но особенно цѣнилъ онъ общество старыхъ товарищей и друзей. Оно было ему дорого и по тѣмъ воспоминаніямъ, которыя связывались съ ихъ знакомствомъ и съ общими переживаніями. Можно сказать, что душу свою онъ отводилъ только въ обществѣ этихъ старыхъ и близкихъ ему людей. Съ тѣми же изъ нихъ, которые были отъ него далеко, онъ поддерживалъ постоянную переписку. И по тому маленькому наслѣдію, которое осталось послѣ него и которое все состоитъ изъ обширной коллекціи фотографическихъ карточекъ и объемистой груды писемъ, можно судить о томъ, какъ культивировалъ онъ и лелѣялъ свои интимныя отношенія къ друзьямъ. Все оно обнаруживаетъ его крайнюю и безпокойную заботливость о сохраненіи каждой вещи, о бережномъ и ревнивомъ отношеніи къ каждому листочку, къ каждой мелочи. Память о немъ его старыхъ друзей и товарищей и всякій знакъ вниманія къ нему съ ихъ стороны въ послѣднее время очень трогали чуткаго и болѣзненно настроеннаго Афанасія Афанасьевича. И особенно дорога была ему старая нѣжная дружба къ нему со стороны Вѣры Николаевны Фигнеръ. Дружба эта была большой поддержкой для него въ самые послѣдніе годы. Расположеніе къ нему Вѣры Николаевны было для него выше всего на свѣтѣ и всякій знакъ, каждое выраженіе этой симпатіи прибавляли ему здоровья, бодрости и настроенія. Полученіе отъ нея письма или фотографической карточки было для него цѣлымъ ликованіемъ, большимъ и шумнымъ праздникомъ. Съ этой получкой онъ обѣгалъ своихъ друзей, дѣлился съ ними радостью подарка, сообщалъ наиболѣе поразившія или тронувшія его фразы и слова изъ писемъ. Однимъ изъ яркихъ мечтаній его послѣднихъ лѣтъ было свидѣться съ далекимъ любимымъ другомъ, со всѣми своими старыми товарищами...

Такъ или иначе, но кое-какъ онъ устроился въ своей любимой Одессѣ и былъ доволенъ, что его, по крайней мѣрѣ, не трогаютъ, и что, заработывая свои 30 руб. въ мѣсяцъ, онъ можетъ «безбѣдно» и, по его мнѣнію, даже съ комфортомъ поддерживать свое существованіе. Но не очень долго пришлось ему наслаждаться этимъ относительнымъ покоемъ. Не обошлось и на этотъ разъ безъ вмѣшательства и вторженія въ его жизнь привычной для покойнаго административной опеки. Въ іюлѣ 1905 г., послѣ извѣстныхъ «Потемкинскихъ дней» въ Одессѣ, по распоряженію генералъ-губернатора Карангозова, онъ былъ высланъ въ Вологду на 3 года. И это безъ всякой съ его стороны вины, лишь по подозрѣнію, что такой старый, всѣмъ извѣстный революціонеръ, какимъ былъ Афанасій Афанасьевичъ Спандони, не могъ однимъ своимъ присутствіемъ въ Одессѣ не вліять на ходъ событій въ ней, не могъ не быть «зачинщикомъ» проявившагося революціоннаго движенія. Пришлось ему и еще разъ расплачиваться за свои старые грѣхи. Пришлось поплатиться за старую, всѣмъ извѣстную репутацію. Словомъ, пришлось

ему отбывать и *четвертую* ссылку. Къ счастью, она окончилась раньше срока. Послѣ амнистіи, сопровождавшей нашу «конституцію», онъ вернулся въ Одессу, чтобы уже больше не покидать ее никогда...

Вологодская ссылка окончательно подорвала ослабѣвшія силы Афанасія Афанасьевича. Ко всѣмъ прочимъ недугамъ онъ присоединилъ еще въ Вологдѣ схваченный тамъ ревматизмъ. Вернулся онъ совсѣмъ больнымъ и разбитымъ. Всѣ его прежнія болѣзни отодвинулись на задній планъ, и онъ сталъ жаловаться на боль и стѣсненіе въ груди. Врачи безъ затрудненія констатировали у него сердечную жабу и предсказали возможность скораго печальнаго конца. Весной этого года онъ пролежалъ нѣкоторое время въ клиникѣ, а часть лѣта прожилъ на дачѣ. Но его тянуло въ городъ: онъ не могъ жить безъ шума и сутолоки городского движенія, онъ не могъ жить одной растительной жизнью, посвящая всего себя уходу за собой. Оторванный отъ жизни, онъ буквально задыхался безъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыми такъ богатъ каждый наступающій день. Онъ жаждалъ все знать и видѣть и боялся упустить малѣйшую черточку, какую либо каплю изъ обильнаго дождя событій и фактовъ, которые сыпались каждый день, каждый часъ. Онъ хотѣлъ видѣть и слышать все, наблюдать все непосредственно, воочію, такъ сказать, ощупывая явленія собственными руками, измѣряя ихъ собственными глазами. И эта жажда жизни поглощала у него въ послѣднее время даже его любовь къ природѣ, его страсть къ общенію съ внѣшнемъ міромъ, полнымъ красоты и гармоніи. Его тянуло на улицу, въ шумъ и движеніе, въ непосредственную близость съ людьми простой и обыденной жизни. И ему казалось, что среди этой сутолоки жизни, въ этой жаркой, накаленной атмосферѣ городского лѣта онъ чувствуетъ себя гораздо лучше и здоровѣе. Быть можетъ, это былъ самообманъ, сладкая, убаюкивающая иллюзія, быть можетъ, сердце его не выдержало усиленной работы крови и оно перестало биться, какъ только наступили осенніе туманы и холодъ, сжавшіе и безъ того съуженные сосуды...

Вспоминая эти послѣдніе дни, можно сказать только одно съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ: замученному человѣку не пришлось еще мучиться думою о завтрашнемъ днѣ. Больному и изстрадавшемуся борцу не пришлось бороться болѣе за обезпеченіе своего существованія. Старые друзья и товарищи приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы избавить его отъ необходимости тратить послѣднія силы на грошевой заработокъ, а тутъ подоспѣла и небольшая ежемѣсячная пенсія, устроенная ему его товарищемъ — акатуевцемъ, извѣстнымъ писателемъ. Кромѣ того, они всячески старались уговорить его приняться за леченіе или, по крайней мѣрѣ, переѣхать въ болѣе теплыя мѣста. Но онъ самъ отклонялъ всѣ эти планы и, если говорилъ о переѣздѣ куда нибудь, то всегда въ такомъ тонѣ, по которому легко было понять, что все это одни только разговоры, и что съ Одессой добровольно онъ никогда не разстанется. Въ самыхъ же откровенныхъ своихъ разговорахъ, а именно, въ бесѣдахъ съ однимъ лицомъ, которому покойный оставилъ свои

предсмертныя распоряженія, онъ всегда настаивалъ на безнадежности своего недуга, на близости конца и напрасныхъ стараніяхъ предотвратить неизбѣжное. И говорилъ онъ обо всемъ этомъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и мужествомъ...

До послѣдней же минуты Афанасій Афанасьевичъ оставался самимъ собой, тѣмъ самымъ живымъ, чуткимъ и отзывчивымъ, общительнымъ и общественнымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ всегда. Еще наканунѣ своей смерти онъ былъ въ театрѣ. А за нѣсколько дней до этого онъ велъ горячій и увлекательный споръ съ однимъ своимъ политическимъ противникомъ, яростный и полный огня споръ, живо напоминавшій мнѣ его споры, его безконечные споры въ камерахъ нашей Карійской тюрьмы... Нужно тутъ-же прибавить, что, по возвращеніи своемъ изъ Сибири, Афанасій Афанасьевичъ не принималъ активнаго участія въ современной революціонной борьбѣ. Но ея ходъ и движеніе, ея успѣхи и пораженія, ея судьбы въ будущемъ и всѣ ея перипетіи въ настоящемъ интересовали его всецѣло и всегда. Его симпатіи были выражены опредѣленно и ярко и направлялись по адресу той изъ борющихся партій, которая являлась непосредственной преемницей завѣтовъ и стремленій Народной Воли, которая продолжала борьбу ея за свободу народа, за дѣло всѣхъ трудящихся. И въ этомъ напряженномъ его вниманіи къ успѣхамъ новѣйшихъ народовольцевъ, въ этой его горячей и беззавѣтной симпатіи къ завоеваніямъ революціи лежала одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ покойнаго борца и страдальца за свободу русскаго народа. Афанасій Афанасьевичъ, больной и бездѣятельный, оставался все же до послѣдняго своего дня прежнимъ революціонеромъ, старымъ народовольцемъ. На жизнь и ея перемѣны онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія этого своего народовольства. Онъ любилъ свой народъ, и освобожденіе его отъ политическаго рабства было его первой, самой пламенной мечтой. Поэтому не мало радости и лучезарнаго свѣта влилось въ утомленную душу этого стараго народолюбца, когда онъ воочію увидѣлъ, что это освобожденіе уже началось и что завѣтъ дорогой ему «Народной Воли»: *Carthago delenda est* уже началъ осуществляться въ жизни. Воистину, стали сбываться его мечты изъ письма 1879 года о томъ, чтобы дожить, «проскрипѣть» до революціи. Онъ дожилъ до нея, старый боецъ, одинъ изъ орловъ великой освободительной рати. Но онъ ушелъ слишкомъ рано, горячій и нетерпѣливый застрѣльщикъ великаго авангарда русской революціонной арміи. Ему не довелось видѣть полную и прочную побѣду свободы, окончательное торжество двуединной русской правды,—правды—истины и правды—справедливости, которую возвѣстилъ любимый имъ публицистъ, а проводили въ жизнь, любимые друзья—единомышленники...

Н. Геккеръ.

Къ біографіи А. А. Бестужева-Марлинскаго.

I.

Въ только-что вышедшемъ прекрасномъ трудѣ Н. А. Котляревскаго о двухъ декабристахъ-поэтахъ достаточно подробно разсказанъ эпизодъ изъ Дербентской жизни Бестужева, причинившій ему такъ много непріятностей: это—смерть дѣвицы Ольги Нестерцовой отъ нечаяннаго пистолетнаго выстрѣла въ квартирѣ Бестужева. Кромѣ указанія на любопытную статью г. Козубскаго, дополняющую разсказъ г. Котляревскаго („Русск. Арх.“ 1905 г., № 11, стр. 458—470) и оставшуюся, кажется, ему неизвѣстною, могу привести еще одно письмо Бестужева къ нѣкоему, неизвѣстному мнѣ по фамиліи, офицеру Куринскаго полка Іосифу Ивановичу, касающееся того-же печальнаго случая съ Нестерцовой и лишній разъ доказывающее невиновность въ немъ Бестужева. Приписка на письмѣ принадлежитъ штабсъ-капитану Ивану Петровичу Жукову, „доброму малому и очень неглупому“, по выраженію Бестужева („Русск. Вѣстн.“ 1861 г. т. XXXII, стр. 444, 445), который жилъ съ нимъ въ Дербентѣ въ одномъ домѣ.

„Если-бъ вы знали любезнѣйшій Іосифъ Ивановичъ всѣ хлопоты и бѣды павшія на меня въ послѣдній мѣсяцъ, вы бы не обвиняли меня ни въ забывчивости къ друзьямъ, ни въ лѣности.

Во-первыхъ по случаю изданія моихъ повѣстей вышла ссора съ сестрою моей и издателемъ, и она взяла на себя продажу, ибо въ самомъ дѣлѣ начало оной было весьма невыгодно. Печать и бумага стоили вдвое нежели я полагалъ, нежели должно. Потомъ сбавили цѣны—такъ что я не получу и половины того, что мнѣ обѣщали. Надо было расчитываться—и дѣлать новыя порученія, однимъ словомъ хлопотъ куча.

Потомъ на квартирѣ у меня случилось важное нещастіе. Ко мнѣ ходила дѣвушка Ольга — она рѣзвясь кинулась на подушки — тамъ, какъ вы знаете, всегда лежалъ заряженный пистолетъ—онъ выстрѣлилъ внезапно и ранилъ ее въ плечо. Нещастная отъ сего черезъ 50 часовъ умерла. Мнѣ очень жаль ее. Но кромѣ того нашлись мерзавцы, которые желаютъ погубить меня и наводятъ подозрѣніе, не смотря на то, что больная и слѣдователямъ и 20-ти особамъ подробно расказала, какъ всё случилось. Это меня огорчаетъ за людей — которые столь злобны, что хотятъ гибели и безъ того полуутопшему. Впрочемъ Богъ и моя невинность мнѣ защита— да и въ высшемъ начальствѣ я надѣюсь найти болѣе справедливости, чѣмъ въ своемъ ближайшемъ, которое изъ ненависти къ коменданту ста-

рается меня угнести. — Теперь мнѣ плохо будетъ въ баталіонѣ! — Терпи казакъ будешь Атаманъ. Вотъ пословица годная — и для васъ, любезный товарищъ. — Будьте здоровы и пожелайте мнѣ спокойствія. Вамъ преданный **Александръ Бестужевъ**.

8 марта 1833.

Есть въ „Инвалидѣ", что въ вашъ полкъ назначенъ командиромъ Ф. Клюке. Онъ скоро будетъ".

Приписка Ив. П. Жукова.

„И я свидѣтельствую мое усердное почтеніе любезнѣйшему Іосифу Ивановичу, и прошу его вѣрить истинной моей дружбѣ; жалѣю душевно, что мы не можемъ жить вмѣстѣ, тогда-бъ все таки намъ веселѣе было сносить грусть изгнанія—но терпѣніе, можетъ быть, скоро участь наша улучшится; а до тѣхъ поръ возложимъ наше упованіе на промыслъ Всевышняго. Желая Вамъ совершеннаго здоровья, а что еще важнѣе въ нашихъ обстоятельствахъ, душевнаго спокойствія, остаюсь душевно уважающій Васъ Иванъ Жуковъ.

Я слышалъ, что въ Шурѣ нѣтъ курительнаго табаку, а у меня много, почему и посылаю къ Вамъ 3 фунта турецкаго".

Упоминаемая въ письмѣ Бестужева сестра его — Елена Александровна; она завѣдывала въ это время, между прочимъ, изданіемъ „Русскихъ повѣстей и разсказовъ" своего брата.

Ф. Клюке — полковникъ Францъ Карловичъ Клюки-фонъ-Клюкенау; 31 января 1833 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Куринскаго пѣхотнаго полка, изъ коего въ 1834 г. переведенъ былъ въ Апшеронскій полкъ; скончался въ 1851 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта (см. о немъ „Русск. Стар." 1874 г. т. XI, XII и 1876 г., т. XV и XVI).

II.

Въ дополненіе къ напечатанному въ „Русск. Старинѣ" 1881 г. (т. XXXII, стр. 886—897) письму Бестужева къ графу Дибичу (срав. у г. Котляревскаго стр. 166), привожу служащее откликомъ на это письмо отношеніе управляющаго главнымъ штабомъ графа А. И. Чернышева къ главноуправляющему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ графу Паскевичу-Эриванскому.

13 апрѣля 1829 г. № 270.

Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ государственнаго преступника Александра Бестужева, осужденнаго по приговору верховнаго уголовнаго суда въ каторжную работу и потомъ, изъ единаго монаршаго милосердія, сосланнаго въ Сибирь на поселеніе, опредѣлить на службу рядовымъ въ одинъ изъ дѣйствующихъ противъ непріятеля полковъ кавказскаго отдѣльнаго корпуса по усмотрѣнію Вашего Сіятельства, съ тѣмъ, однако-же, что, въ случаѣ оказаннаго имъ отличія противъ непріятеля, не былъ онъ представляемъ къ повышенію, а доносить только на Высочайшее благовоззрѣніе. какое именно отличіе будетъ имъ сдѣлано.

Сообщая Вашему Сіятельству сію Высочайшую волю, для зависящаго

отъ Васъ исполненія, имѣю честь увѣдомить, что Александръ Бестужевъ будетъ доставленъ къ Вамъ фельдъегеремъ Богомоловымъ, который отправленъ за нимъ въ мѣсто его ссылки.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что, по опредѣленіи Бестужева въ полкъ рядовымъ, должно имѣть за нимъ тайный бдительный надзоръ и согласно сообщенной отъ меня Вашему Сіятельству Высочайшей волѣ, отъ 30 ноября прошедшаго года № 635, о состоящихъ во ввѣренномъ Вамъ корпусѣ офицерахъ, бывшихъ прикосновенными къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, доносить немедленно, коль скоро усмотрѣно будетъ въ поведеніи Бестужева какое-либо отступленіе отъ порядка.

Въ августѣ Бестужевъ былъ доставленъ въ Тифлисъ и зачисленъ въ 41-й Егерскій полкъ.

Сообщ. Б. Л. Модзалевскій.

Историческая библіографія.

Г. Энгель и В. Гороховъ. *Изъ исторіи студенческаго движенія (1899—1906).* Изданіе В. К. Сердаковскаго. СПБ. 1906, с. 128, ц. 50 коп.

Въ этой книгѣ, представляющей совмѣстный трудъ двухъ авторовъ, глава о студенческомъ движеніи съ сентября 1900 по декабрь 1902 г. написана г. Гороховымъ, остальныя-же главы принадлежатъ г. Энгелю. Появленіе этой книги нельзя не привѣтствовать. Это первая попытка вкратцѣ изложить и осмыслить студенческое движеніе за послѣднія 7 лѣтъ. Принимая во вниманіе то большое значеніе въ развитіи русскаго освободительнаго движенія, которое имѣли студенческіе безпорядки, нельзя не пожелать, чтобы эта область русской новѣйшей исторіи была подробно изслѣдована и освѣщена. Тѣмъ болѣе, что наступилъ моментъ, когда студенческое движеніе, какъ таковое, сыграло свою роль и окончательно растворилось въ широкомъ потокѣ общенароднаго революціоннаго движенія. Г.г. Гороховъ и Энгель пытаются въ своей книгѣ, во первыхъ, изложить, во вторыхъ, объяснить студенческое движеніе съ 1899 г. по 1906 г. Нужно сказать, что изложенію самаго движенія авторы отвели слишкомъ мало мѣста. Мало того, они позабыли добавить въ оглавленіи, что они пишутъ о студенческомъ движеніи въ С.-Петербургѣ, и даже вѣрнѣе—въ петербургскомъ университетѣ. Но и при такомъ ограниченіи темы нельзя не указать на цѣлый рядъ пробѣловъ. Авторы, упоминая о студенчествѣ 90-хъ годовъ, рисуютъ его массой политически совершенно индиферентной, забывая о московскихъ безпорядкахъ 1896 г., о демонстраціи въ 1897 г. на Казанской площади по поводу трагической гибели М. Ѳ. Вѣтровой въ Петропавловской крѣпости, о дѣятельности московскаго союза землячествъ и с.-петербургской „Кассы взаимопомощи студентовъ университета" (особенно съ 1897 г.). Затѣмъ, г. Энгель, описывая весьма интересное движеніе 1899 г., ограничивается нѣсколькими страничками, тогда какъ онъ могъ-бы использовать обширный матеріалъ, заключающійся въ майскомъ правительственномъ сообщеніи (1899 г.), въ докладѣ ген. Ванновскаго, въ двухъ сборникахъ изданныхъ Чертковымъ въ Лондонѣ и другимъ лицомъ въ Берлинѣ и мн. др. Ни слова не сказано о сходкѣ 7-го февраля 1900 г. и *послѣднемъ* (сорванномъ) актѣ 8 февр. того-же года. Не говоря о томъ, что безпорядки на этомъ актѣ и послѣдовавшая за нимъ сходка были отголоскомъ безпорядковъ 1899 г. и протестомъ противъ изгнанія лучшихъ профессоровъ и сотенъ студентовъ, полезно было-бы отмѣтить, что съ 8-го февраля 1900 г.

стали невозможны офиціальные праздники офиціальной науки. Говоря о студенческомъ движеніи по 1902-й годъ нужно было отмѣтить немаловажное значеніе традиціонныхъ „вечеринокъ“ 8-го февр., вліяніе которыхъ на студенчество отмѣтилъ даже Ванновскій въ своемъ докладѣ. Въ описаніи осенняго движенія 1900 г. пропущены октябрьскія волненія студентовъ Лѣсного Института по поводу попытки охраннаго отдѣленія черезъ посредство агента Статковскаго завести провокатора въ Институтѣ, „единственномъ въ то время—по компетентному сообщенію г. Статковскаго—высшемъ учебномъ заведеніи СПБ., гдѣ у охранки не было „своихъ“ людей“. Затѣмъ, вѣроятно по случайнымъ причинамъ, вовсе пропущенъ моментъ движенія въ СПБ. университетѣ, непосредственно предшествовавшій сдачѣ студентовъ въ СПБ. въ солдаты, и описаніе самой сдачи въ солдаты. Этотъ незаурядный моментъ заслуживалъ-бы вниманія. Говоря о движеніи осенью 1901 г., г. Гороховъ совершенно не упоминаетъ о волненіяхъ въ Электротехническомъ Институтѣ въ началѣ ноября по поводу вторженія полиціи въ Институтъ съ цѣлью ареста студента. Говоря объ отвѣтѣ, данномъ Ванновскимъ московскому студенчеству, г. Гороховъ не приводитъ подлинныхъ его словъ, хотя они очень характерны. Не приводитъ г. Гороховъ и рѣчи Ванновскаго 19 ноября 1901 г. къ студентамъ СПБ. университета. Авторъ отмѣчаетъ смѣхъ, которымъ сходка 20-го ноября встрѣтила одну изъ поданныхъ, но не поставленныхъ на голосованіе резолюцій, говорившую о необходимости конституціи. Но дѣло въ томъ, что смѣхъ вызвало не требованіе конституціи, а форма резолюціи, гласившей дословно: „Студенты СПБ. унив., собравшись и т. д., . . . постановили: требовать у подлежащаго начальства введенія въ Россіи конституціи“! Та же сходка привѣтствовала аплодисментами заявленіе предсѣдателя, что если отбросить явно нелѣпую форму, то несомнѣнно, что всѣ присутствующіе согласны съ сущностью подобной резолюціи. Въ изложеніи г. Энгеля дѣятельность такъ называемой „Кассы радикаловъ“ начинается съ послѣднихъ чиселъ января 1902 г., тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, въ это время была выпущена декларація этой группы, самая же группа „радикаловъ“ образовалась вслѣдъ за сходками по поводу гнусной выходки кн. Мещерскаго, въ октябрѣ, благодаря соединенію „Союза студентовъ университета“ съ лицами, вышедшими изъ состава „Кассы взаимопомощи“. Эта группа „радикаловъ“ (или „ораторовъ“) руководила всѣмъ ноябрьскимъ движеніемъ 1901 г. въ СПБ. унив., выдвинувъ своего предсѣдателя и своихъ ораторовъ. Ея дѣятельность пріобрѣла такое сочувствіе студенчества, что, когда въ концѣ января 1902 г. совершенно анонимная „соціалъ-демократическая группа Дѣло“ попыталась использовать возбужденное состояніе студенчества и созвать сходку, то достаточно было нѣсколькихъ словъ бывшаго предсѣдателя сходокъ и завѣдомаго члена „Кассы радикаловъ“, чтобы толпа изъ 500—600 чел. студ. безпрекословно разошлась, въ ожиданіи, что призывъ на сходку послѣдуетъ отъ „Совѣта старостъ“ или отъ „Кассы радикаловъ“! Мы могли бы значительно умножить указанія на то, что пропущено авторами книги, и что имъ необходимо было-бы пополнить во 2-мъ изданіи. Нельзя не замѣтить, что о студенчествѣ въ 1906 году не сказано ни слова.

Переходя затѣмъ къ оцѣнкѣ движенія, которую дѣлаютъ авторы книги, нельзя не замѣтить, что, излагая движеніе по печатнымъ матеріаламъ,

авторы не всегда критически отнеслись къ этимъ матеріаламъ. Такъ, г. Энгель, скомкавши изложеніе движенія 1899 г., находитъ возможнымъ разсказывать о группѣ „студентовъ-демократовъ А.“, хотя, если мы не ошибаемся, „группа“ эта состояла чуть ли не изъ одного человѣка. Если даже и не соглашаться со схемой движенія, проведенной въ книгѣ, то нужно все-же признать, что авторы вполнѣ объективно отнеслись къ имѣвшемуся у нихъ подъ руками матеріалу. Книга Энгеля и Горохова особенно интересна для молодежи, явившейся этой осенью въ громадномъ числѣ въ столицу, и ей мы совѣтуемъ ознакомиться съ тѣмъ, за что и какъ боролись ея предшественники.

Что касается приложеній къ книгѣ, то среди нихъ мы не нашли извѣстной декларацiи сосланныхъ въ 1902 г. студентовъ (напечатана въ „Освобожденіи“ 1902); списки пострадавшихъ за студенческіе безпорядки весьма неполны, такъ, напр., о 1899 г. нѣтъ ни слова, не названы уволенные въ 1900 г. за ноябрскія сходки; не указаны пострадавшіе за сходки и демонстраціи весной 1901 г.; нѣтъ списка старостъ 1901 г.; очень неполонъ списокъ сосланныхъ и посаженныхъ въ тюрьму по приговору Особаго Совѣщанія „за подготовленіе уличныхъ демонстрацій“ весной 1902 г.; такъ напр. не упомянуты вовсе А. В. Ивановъ (юр.) посланный на 4 г. въ Якут. обл., а равно и технологъ Скрыпникъ I-ый, и многіе другіе. Цѣну въ 50 коп. за 128 страницъ небольшого формата нельзя не признать чрезмѣрно высокой.

Сергѣй С.

Матеріалы по исторіи студенческаго движенія въ Россіи. Выпускъ I. Извлеченіе изъ книги *А. И. Георгіевскаго* „Краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ“, Издательство „Свободная Мысль“ Лондонъ—С.-Петербургъ. 1905, 135+I. ц. 40 к.

Выпускъ II. Докладъ комиссіи московскаго университета 1901 г. о причинахъ студенческихъ волненій. Изд. „Свободная Мысль“, 1906, 101+I. цѣна 35 к.

Обѣ вышеназванныя книги дословно перепечатаны съ книгъ, вышедшихъ подъ тѣмъ-же названіемъ въ Штутгартѣ, въ 1902—1903 г., въ изданіи редакціи „Освобожденія“. Книгоиздательство „Свободная Мысль“ выпустило лишь въ первой изъ названныхъ книгъ предисловіе и примѣчанія, написанныя П. Б. Струве. Перепечатка обѣихъ книгъ произведена книгоиздательствомъ „Свободная Мысль“ безъ разрѣшенія бывшаго редактора „Освобожденія“. Если по отношенію къ запискѣ профессоровъ Московскаго университета, представляющей изъ себя историческій документъ, и не было необходимости испрашивать у кого-бы то ни было разрѣшеніе, то по отношенію къ *извлеченію*, сдѣланному П. Б. Струве изъ книги Георгіевскаго, запастись разрѣшеніемъ г. Струве было необходимо. Впрочемъ, едва-ли можно было ожидать отъ издательства, которое присвоило себѣ наименованіе уже существовавшей фирмы и продолжаетъ этимъ наименованіемъ пользоваться, несмотря на заявленный въ печати („Рус. Вѣд.“ за авг. 1906) протестъ, которое упорно перепечатываетъ (къ тому-же, съ искаженіями) произведенія П. Кропоткина, несмотря на его протесты, едва-ли можно было ожидать отъ по-

добнаго издательства соблюденія правилъ литературной этики. Издательство не позаботилось снабдить изданные имъ матеріалы предисловіемъ, которое выясняло-бы широкой публикѣ смыслъ и значеніе этихъ документовъ. Матеріалы по студенческому вопросу изданы „Свободной Мыслью“ небрежно и напечатаны на плохой бумагѣ, какъ, впрочемъ, и всѣ до сихъ поръ вышедшія въ свѣтъ изданія этой фирмы. Цѣна (40 к. за вып. I, и 35 к. за вып. II)— непомѣрно высокая.

Что касается содержанія изданныхъ „Свободной Мыслью“ матеріаловъ, то оно весьма интересно, хотя въ настоящее время студенческое движеніе растворилось въ великомъ освободительномъ движеніи и потеряло острый интересъ, присущій ему въ теченіе долгихъ лѣтъ. Студенческое движеніе въ Россіи, какъ одна изъ формъ освободительнаго движенія, ведетъ свое начало отъ московскихъ безпорядковъ 1857 г. Въ этомъ году отрядъ полицейскихъ ворвался въ студенческую квартиру, гдѣ въ то время собрались земляки, студенты университета, и подъ предлогомъ поисковъ скрывшагося въ эту квартиру вора произвелъ обыскъ. Студенты протестовали, такъ какъ по университетскому уставу полиція обязана была вызвать въ этомъ случаѣ депутата отъ университета, присутствіе котораго гарантировало интересы студента отъ произвола администраціи. Полиція жестоко избила студентовъ и сволокла ихъ въ участокъ. Тогда въ Московскомъ университетѣ собралась первая сходка, которая послала депутацію къ ректору и попечителю съ требованіемъ оградить студенчество отъ произвола полиціи. Генералъ-губернаторъ Москвы Закревскій телеграфировалъ Александру II: „Студенты бунтуютъ“ и получилъ въ отвѣтъ: „Не вѣрю“. Назначенная по высочайшему повелѣнію комиссія выяснила виновность полиціи, и низшіе чины понесли наказаніе. На докладѣ объ этомъ дѣлѣ императоръ Александръ II написалъ: „Я знаю, что московская полиція—свинья!“ Такимъ образомъ, благодаря закономѣрному и благожелательному отношенію къ студентамъ верховной власти, дѣло кончилось для студентовъ благополучно. Но вслѣдъ затѣмъ начался рядъ отдѣльныхъ студенческихъ безпорядковъ въ Кіевѣ, Казани, на почвѣ столкновенія студентовъ съ военными, съ профессорами и т. п. Въ 1858 г. произошли значительные безпорядки въ Харьковскомъ университетѣ, съ первой студенческой забастовкой, тоже на почвѣ защиты студентами личной неприкосновенности своихъ товарищей, грубо нарушенной администраціей. Въ университетахъ появились и быстро окрѣпли кассы взаимопомощи, землячества. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ студенты начали издавать, съ разрѣшенія начальства, „Сборникъ“ произведеній студентовъ, а для редактированія „Сборника“ избраны были студентами редакторы, вскорѣ превратившіеся въ представителей отъ факультетовъ и курсовъ. Сходки стали обычнымъ явленіемъ. Студенчество устроило первый въ Россіи судъ присяжныхъ, разбиравшій дѣло о нарушеніи довѣрія, совершенномъ однимъ изъ редакторовъ. Организація студенчества на почвѣ его корпоративныхъ нуждъ шла при сочувствіи и помощи высшихъ лицъ учебной администраціи. Въ Кіевѣ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ попечитель Пироговъ, въ С.-Петербургѣ кн. Щербатовъ. Но положеніе дѣлъ, создавшееся въ университетахъ, не могло долго длиться. Въ университетахъ студенты привыкали къ свободѣ объединяться въ союзы для самообразованія, взаимопомощи, къ свободѣ слова, собраній, даже къ свободѣ печати, потому что

они занялись изданіемъ различныхъ литографированныхъ сочиненій и журналовъ, недозволенныхъ общей цензурой. Словомъ, создавалось положеніе какого-то свободнаго государства въ царствѣ самодержавнаго произвола. Университетскія свободы и вольности кончались за университетскими дверьми. Внѣ университета не было никакихъ свободъ. Вполнѣ естественно, что студенчество, подвергаясь внѣ университета воздѣйствію наравнѣ съ прочими обывателями, бурно протестовало. Но протестъ этотъ опять-таки происходилъ въ стѣнахъ университета. Понятное дѣло, что власть, отнюдь не желавшая поступаться своимъ неограниченнымъ правомъ усмотрѣнія и произвола, прежде всего постаралась устранить возникшую аномалію. Студенты за проступки свои внѣ стѣнъ университета стали съ 1859 г. подвергаться воздѣйствію не университетскаго начальства, а полиціи. Такъ какъ студенты видѣли, между прочимъ, въ форменной одеждѣ признакъ принадлежности своей къ особой корпораціи, то 14 янв. 1860 г. студенческая форма была отмѣнена, дабы студенты ничѣмъ не отличались отъ прочихъ обывателей. Затѣмъ обращено было вниманіе и на новые порядки, создавшіеся въ университетѣ. Правила 31 мая 1861 г. отмѣнили всѣ студенческія вольности (право сходокъ, организацій, и т. п.), а также ограничили доступъ въ университетъ для бѣдняковъ. Попытка примѣнить правила на дѣлѣ вызвала громадные безпорядки, охватившіе С.-Петербургскій, Московскій, Кіевскій и Казанскій университеты. Студенты собирались на сходки, обсуждали петицію на имя императора, и наконецъ. вынесли свой протестъ на улицу. Произошли первыя уличныя демонстраціи, и неразрывныя съ ними въ Россіи побоища, аресты, высылки и т. п. Этими безпорядками 1861 г. начались тѣ студенческія волненія, которыя непрерывно, съ небольшими періодами затишья, охватывали высшія учебныя заведенія Россіи.

Книга А. И. Георгіевскаго, бывшаго предсѣдателя ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, написана въ 1891 г. и посвящена изложенію мѣръ, принятыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за 30-ти лѣтній слишкомъ періодъ борьбы правительства съ студенчествомъ. Книга эта была издана, какъ весьма секретный документъ для высшихъ сановниковъ имперіи, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Мало того, большая часть экземпляровъ была отобрана обратно у лицъ, которымъ она была дана. Такъ боялась бюрократія обнародованія ея собственныхъ дѣйствій противъ молодежи. Одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ (чуть-ли не одинъ изъ *семи!*) попалъ въ руки редактора „Освобожденія“, который счелъ своимъ долгомъ опубликовать то, что такъ тщательно скрывала отъ общества правящая бюрократія. Нѣкоторыя извлеченія изъ книги Георгіевскаго были, если не ошибаемся, напечатаны въ ученыхъ запискахъ Новороссійскаго университета года 2 тому назадъ. Желательно, конечно, чтобы книга г. Георгіевскаго была переиздана въ полномъ видѣ съ надлежащимъ предисловіемъ и поясненіями, безъ которыхъ далеко не все будетъ понятно читателямъ изъ широкой публики.

Но и въ томъ видѣ, въ какомъ книга г. Георгіевскаго издана „Свободной Мыслью“, она представляетъ большой интересъ. Изъ нея читатель увидитъ, какъ постепенно создавало самодержавное правительство атмосферу казармы и сыска въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тутъ есть все:

и „связь и взаимность въ совокупныхъ дѣйствіяхъ университетскаго и полицейскаго начальствъ“; и ограниченіе доступа вольнослушателей, „самаго опаснаго и ненадежнаго элемента“, и препятствія къ доступу въ высшія учебныя заведенія инородцевъ (поляковъ, евреевъ), а также бѣдняковъ; и воспрещеніе корпоративнаго устройства студенчества, запрещеніе сходокъ, организацій, землячествъ; и воспрещеніе студенческой взаимопомощи, воспрещеніе студентамъ устраивать вечера, концерты и т. п.; и судъ правленія, увольненіе а исключеніе изъ университета, высылка и ссылка студентовъ; и, наконецъ, проекты усмирительныхъ домовъ для учащейся молодежи и проекты сдачи ея въ солдаты и въ дисциплинарные батальоны. Изъ книги г. Георгіевскаго читатель узнаетъ, что сдачу студентовъ въ солдаты, начало которой положилъ имп. Александръ I указомъ 1811 г., которую практиковали Николай I, Александръ II, и Александръ III въ отдѣльныхъ случаяхъ и внѣзаконно, предполагалось узаконить еще въ 1882 г.; читатель узнаетъ, какіе доводы *за* и *противъ* этой мѣры приводились „сановниками“ участниками Особаго Совѣщанія 1882 г. по вопросу объ усмиреніи студентовъ. Читатель узнаетъ, что сдача студентовъ, примѣненная въ 1901 году, была завѣтной и давней мечтой бюрократіи. Словомъ, несмотря на неудовлетворительное изданіе „Свободной Мыслью“ книги г. Георгіевскаго, мы горячо рекомендуемъ ознакомиться съ нею всякому, кто интересуется исторіей студенческаго движенія въ Россіи.

Большой интересъ также представляетъ докладъ комиссіи, избранной Совѣтомъ Московскаго университета 28 февр. 1901 г. для выясненія причинъ студенческихъ волненій и мѣръ къ упорядоченію университетской жизни. Этотъ докладъ относится къ тѣмъ временамъ, когда студенческое движеніе, недавно еще прошедшее черезъ грандіозные безпорядки 1899 г., снова вспыхнуло, подъ вліяніемъ сдачи въ солдаты 183 студ. Кіевскаго и 28 студ. Петербургскаго университета, и было вынесено на улицу въ видѣ ряда демонстрацій. Широкое общественное движеніе, выступленіе рядомъ со студенчествомъ сознательнаго пролетаріата, выстрѣлъ Карповича,—все это заставило правительство отступить и объявить эпоху „сердечнаго попеченія“. Эта эпоха ознаменовалась цѣлымъ рядомъ записокъ, мнѣній, докладовъ профессоровъ и профессорскихъ коллегій, которыя были написаны частью по собственному почину, а частью по призыву правительства. Всѣ эти записки и доклады были похоронены вскорѣ въ архивахъ, когда „сердечное попеченіе“ замѣнилось для студентовъ тюрьмой и ссылкой въ Сибирь. Докладъ комиссіи московскаго совѣта профессоровъ избѣжалъ этой печальной участи. Онъ былъ напечатанъ въ № 1 „Вѣстника Русской Революціи“, изданіи партіи соціалистовъ-революціонеровъ, а потомъ отдѣльно изданъ редакціей „Освобожденія“. Въ „Докладѣ“ интересны—историческій очеркъ безпорядковъ въ Московскомъ университетѣ, сводка мнѣній профессуры, инспекціи и студенчества о причинахъ безпорядковъ и о средствахъ къ ихъ устраненію. Интересно также сопоставить выводы „Доклада“ съ заявленіями 71-го профессора, опубликованными въ концѣ февраля 1901 г. въ московскихъ газетахъ, въ видѣ увѣщанія бунтующимъ студентамъ. Всѣмъ интересующимся студенческимъ движеніемъ мы рекомендуемъ ознакомиться съ московскимъ „Докладомъ“ 1901-го года.

Сергѣй С.

М. Лядовъ. *„Исторія россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“*. Ч. I: Возникновеніе соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи (1883—1897 г. г.). Книгоизд. „Колоколъ“. Стр. 163. Ц. 50 коп. СПБ. 1906.

Соціалъ-демократическое движеніе возникло у насъ въ Россіи не въ процессѣ развитія классоваго движенія пролетаріата, не какъ одна изъ формъ этого развитія, но какъ одно изъ теченій соціально-политической мысли въ средѣ интеллигенціи. Марксизмъ появился у насъ въ то время, когда рабочій классъ не обнаруживалъ почти никакихъ признаковъ соціально-политическаго существованія. Онъ воспринятъ былъ быстро, даже страстно интеллигентной молодежью, искавшей выхода изъ—казалось—безконечныхъ глухихъ сумерекъ русской жизни. Соціалъ-демократическая доктрина, какъ она сложилась къ тому времени (начало 90-хъ г. г.) въ Германіи, почти безъ всякихъ измѣненій, сразу перевезена была на русскую почву и вскорѣ сдѣлалась достояніемъ довольно многочисленныхъ интеллигентскихъ, и, въ частности, революціонныхъ, круговъ. Ученіе объ исторической и революціонной миссіи пролетаріата было настоящимъ открытіемъ путеводной звѣзды для русской революціи. Оно значительно расширило горизонтъ общественно-политической мысли и совершенно обновило почву для надеждъ революціонеровъ, придавъ ей гораздо большую прочность, чѣмъ то было при прежнемъ культѣ героевъ и интеллигентнаго единоборства съ самодержавнымъ правительствомъ. Окрыленная этимъ внезапно засіявшимъ передъ ней просвѣтомъ, революціонная молодежь всѣми своими помыслами и упованіями обратилась къ рабочему классу. Если послѣдній въ широкихъ своихъ массахъ спалъ тогда еще сномъ забитаго подневольнаго существа съ почти первобытнымъ уровнемъ культурнаго развитія, то это нисколько не смущало піонеровъ-марксистовъ. Они вѣрили, что въ ихъ рукахъ имѣется дѣйствительно нить Аріадны, которая выведетъ наконецъ несчастную страну къ свѣту и свободѣ. Вполнѣ естественно, что въ этомъ увлеченіи интеллигенція не могла предусмотрѣть всѣхъ тѣхъ трудностей, которыя обнаружились впослѣдствіи, какъ только ей пришлось на дѣлѣ разрѣшать задачу организаціи пролетарскихъ массъ въ единую политическую силу, на европейскій манеръ.

Для этого у нея прежде всего не было никакого опыта, ни достаточнаго собственнаго политическаго воспитанія. Поднявъ знамя возстанія противъ соціально политическаго романтизма народниковъ, русскіе марксисты не замѣчали долгое время, что они сами продолжаютъ стоять на высотахъ готовой соціалистической доктрины и что они измѣнили только обличье романтизма, но существо его удержали. Мѣнялся только предметъ увлеченія, но характеръ увлеченія оставался тотъ же.

Г. В. Плехановъ, являющійся однимъ изъ первыхъ литературныхъ вождей новаго движенія и его наиболѣе талантливымъ выразителемъ еще въ 1890 г. во второй книжкѣ своего „Соціалъ-демократа“, подвергнувъ во „внутреннемъ обозрѣніи“ безпощадной критикѣ знаменитое письмо М. К Цебриковой къ Александру III, какъ характерное проявленіе романтизма русскихъ „либераловъ“, противопоставлялъ этому марксизмъ, какъ *европейскую* формулу политической мысли и призывалъ черезъ марксизмъ *европеизировать* наше политическое міросозерцаніе. Съ той поры прошло уже больше пятнадцати лѣтъ, но, можно смѣло сказать, что этотъ процессъ

европеизаціи политики русскихъ оппозиціонеровъ (включая, конечно, революціонные элементы) далеко еще не завершился. Мы еще только присутствуемъ при немъ, еще только переживаемъ его, быть можетъ, наиболѣе драматическія перипетіи. Въ частности, и сама соціалъ-демократія успѣла за эти пятнадцать лѣтъ пережить по пути къ этой европеизаціи сложную и разнообразную эволюцію, пройти цѣлый рядъ,—не этаповъ—движеніе развивалось скорѣе зигзагами,—но направленій. Устремившись сначала въ рабочія массы съ пропагандой соціалъ-демократической доктрины, она занялась устройствомъ кружковъ рабочихъ, соціалистовъ in spe и in teoria. Образовался постепенно слой рабочей интеллигенціи, начинавшій жить общеинтеллигентской жизнью. Но когда естественный ростъ рабочаго класса, совпавшій съ общимъ подъемомъ въ странѣ промышленной жизни, вызвалъ стихійное стачечное движеніе за сокращеніе рабочаго дня и др. улучшенныя условія труда,—соціалъ-демократія живо почувствовала свою теоретичность, и оставивъ высоты соціалистической теоріи, спустилась въ агитацію на почвѣ ежедневныхъ экономическихъ нуждъ рабочихъ. Усложнившаяся дѣйствительность ставила сама собой на очередь вопросъ—о томъ, какъ сумѣть перевести стихійно развивавшееся рабочее движеніе въ русло организованнаго классоваго и—неизбѣжно—политическаго развитія. На этой почвѣ въ средѣ соціалъ-демократіи возникли разногласія, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе обострялись и углублялись, такъ что даже октябрьская революція не уничтожила ихъ. Въ соціалъ-демократіи продолжаютъ бороться два теченія—реалистическое, старающееся организовать пролетарское движеніе при помощи коллективнаго опыта массъ, развивъ въ этихъ послѣднихъ до максимума ихъ способность къ самодѣятельности, [1])—и другое—романтическое, уповающее на стихію, полагающее, что разъ данъ рабочій классъ и дана соціалистическая доктрина,—то все само собой приложится и требуется лишь сплоченная группа (или партія) единомысленныхъ соц.-демократовъ („профессіональныхъ революціонеровъ"), чтобы можно было руководить всей классовой политикой пролетаріата. Таковы—въ грубыхъ, конечно, чертахъ,—„наши разногласія", раздѣляющія уже лѣтъ 8 русскую соціалъ-демократію, возникшія, можно сказать, почти при самомъ прикосновеніи соціалъ-демократіи съ рабочимъ классомъ...

Далъ ли г. М. Лядовъ, книжка котораго лежитъ передъ нами, достаточно безпристрастную и вдумчивую исторію этихъ зигзаговъ и перипетій, легкій абрисъ которыхъ мы отмѣтили въ вышеприведенныхъ строкахъ? *Не далъ*, ибо и не задавался этой, казалось бы, столь заманчивой задачей. „Авторъ предлагаемаго труда—говоритъ онъ самъ о себѣ въ своемъ предисловіи—никогда не былъ кабинетнымъ теоретикомъ, не былъ также профессіональнымъ партійнымъ литераторомъ; всю свою дѣятельность онъ провелъ рядовымъ партійнымъ работникомъ. И если теперь онъ берется за работу, которая возлагаетъ на него столь большую отвѣтственность, то только потому, что придерживается убѣжденія, что дѣйствительная фактическая исторія нашей партіи, охватывающая всю будничную ея жизнь, ту

[1]) Мы отмѣчаемъ, разумѣется, только общія тенденціи теченія, не касаясь конкретнаго проявленія этихъ тенденцій.

жизнь, которая приготовляла выводы теоретикамъ, лишь post factum освѣщавшимъ ее, должна и можетъ быть написана только практикомъ. Партійный историкъ-теоретикъ долженъ явиться послѣ историка-практика, и онъ уже завершитъ, обработаетъ и освѣтитъ работу послѣдняго. Роль историка-практика—собрать матерьялъ, свести въ одно свой опытъ, свои наблюденія". (стр. 6—7).

Этимъ указаніемъ авторъ далъ, такимъ образомъ, самъ отвѣтъ на поставленный нами вопросъ. Если только что цитированное противопоставленіе „историка-практика"—„историку-теоретику" имѣетъ какой либо смыслъ, то, конечно, только тотъ, что *субъективная* исторія противопоставляется здѣсь исторіи *объективной*, исторіи *научной* (поскольку, разумѣется, партійность не мѣшаетъ этой научности). Г. Лядовъ самъ отказался, такимъ образомъ, дать попытку научной исторіи соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи и свелъ свою задачу къ изложенію матерьяловъ, находящихся у него въ распоряженіи, какъ давнишняго члена партіи.

Нечего, значитъ, и предъявлять къ его работѣ требованія научности. Его книга—не исторія, а памфлетъ „партійнаго работника", страстно преданнаго своимъ фракціоннымъ догмамъ. Но и въ тѣхъ предѣлахъ, которые отвелъ самъ себѣ г. Лядовъ, его работа могла бы имѣть свой интересъ, если принять во вниманіе тѣ рекомендательныя оговорки, которыя сдѣлалъ авторъ въ томъ же предисловіи по своему личному адресу. „Въ то время, какъ Дубасовы заканчивали завоеваніе и сожженіе Москвы, читаемъ мы тамъ,—автору этой работы пришла въ голову мысль, что неизбѣжное возрожденіе реакціи можетъ окончательно смести и безъ того уже рѣдкую фалангу немногочисленныхъ свидѣтелей первыхъ шаговъ нашей революціонной дѣятельности"... „О первыхъ шагахъ нашей дѣятельности у насъ нѣтъ литературныхъ памятниковъ, поэтому, опытъ и наблюденія этого періода исчезнутъ безслѣдно, если очевидцы не поторопятся занести ихъ на бумагу... Ни въ одномъ архивѣ мы не найдемъ первыхъ мѣстныхъ прокламацій, первыхъ русскихъ с.-дем. изданій, не говоря уже о такихъ цѣнныхъ памятникахъ, какъ различные проэкты уставовъ, проэкты агитаціонной работы и т. д. *Все это и заставило автора поторопиться со своей попыткой написать исторію партіи*". (5, 7 стр.). Положа руку на сердце, приходится, однако, сказать, что читатель, подготовленный такого рода завлекательнымъ предисловіемъ, по прочтеніи самой книги долженъ испытать въ большой степени разочарованіе. Во всей книгѣ г. Лядова можно найти очень мало данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы о томъ, что авторъ обладалъ при выполненіи своей работы какими-то особенно цѣнными матерьялами. Въ громадной своей части книжка представляетъ собой простую компиляцію изъ тѣхъ печатныхъ матерьяловъ, которые въ свое время были извѣстны въ широкихъ слояхъ интеллигенціи. Авторъ все время опирается на работы Акимова, Плеханова, Кольцова, Рязанова, статьи Ленина, брошюрку: „Объ агитаціи" и т. п. Матерьяловъ, т. сказать личнаго характера, основанныхъ на личномъ опытѣ и наблюденіяхъ автора—мы почти не видимъ, быть можетъ, потому, что авторъ придерживается въ своемъ изложеніи фельетонно-памфлетнаго тона и гораздо больше споритъ, чѣмъ сообщаетъ и излагаетъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что какихъ-либо *новыхъ цѣнныхъ* матерьяловъ *фактическаго* харак-

тера, по сравненію съ тѣмъ, что было писано до него другими авторами, мы не находимъ. Съ другой стороны бросается въ глаза, что относительно нѣкоторыхъ фактовъ и явленій соціалъ-демократической исторіи, авторъ имѣетъ свѣдѣнія несомнѣнно понаслышкѣ. Укажемъ хотя бы на то, что авторъ ошибочно называетъ въ числѣ первыхъ легальныхъ соц.-дем. органовъ—„Самарскую *Газету*", которая никогда таковой не была. Авторъ, очевидно, имѣлъ тутъ въ виду другую газету—„Сам. *Вѣстникъ*", выходившій, въ качествѣ соц.-дем. органа, въ теченіе всего пяти мѣсяцевъ (1896—1897 г.г.) и пріостановленный правительствомъ. Попадаются и др. недочеты въ томъ же родѣ. Это, конечно, мелочи, но въ исторической работѣ было бы очень желательно ихъ избѣгать. Во всякомъ случаѣ это не свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ во всемъ пользовался первоисточниками.

Къ сожалѣнію, работа г. Лядова несвободна отъ гораздо болѣе грубыхъ промаховъ, чѣмъ указанныя неточности. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, авторъ оказывается совершенно неподготовленнымъ къ роли историка русской общественности. Такъ, на стр. 156—157 г. Лядовъ сообщаетъ намъ слѣдующее: „Въ моментъ подъема промышленности (т. е. значитъ во вторую половину 90-хъ г.г.—В. П.) русская европеизированная промышленная буржуазія должна была почувствовать себя стѣсненной самодержавно-полицейскимъ строемъ нашего государства. Она не могла простить самодержавію удара, нанесеннаго ей русско-германскимъ торговымъ договоромъ, заключеннымъ въ интересахъ нашихъ аграріевъ. Въ обложеніи промышленныхъ предпріятій 3-хъ проц. сборомъ и во введеніи квартирнаго налога она усматриваетъ грозныхъ предвѣстниковъ перехода къ подоходному налогу... Политическая свобода нужна была и крупной буржуазіи". Нужно ли говорить, какъ сгущены краски въ этой характеристикѣ политической обстановки 90-хъ годовъ, какъ мало онѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей? Въ самомъ дѣлѣ,—гдѣ нашелъ нашъ авторъ оппозиціонное настроеніе у нашей крупной буржуазіи 90-хъ г.г., времени, которое, наоборотъ, можно считать эпохой самаго трогательнаго альянса крупной буржуазіи съ самодержавіемъ. Эпоха разцвѣта Виттевскаго вліянія, эпоха промышленнаго оживленія, эпоха торжества всероссійскаго купечества на Нижегородскомъ съѣздѣ, эпоха возникновенія дальневосточныхъ авантюръ,—гдѣ тутъ было мѣсто политической оппозиціи капитала?! Если какой изъ владѣльческихъ элементовъ и проявлялъ тогда нѣкую фронду, то это были, разумѣется, сельскіе хозяева, тѣ же земцы, выливавшіе свое оппозиціонное настроеніе въ ходатайствахъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, проэктахъ всеобщаго обученія, или, наконецъ,—протестахъ противъ протекціонизма въ экономической политикѣ. Достаточно напомнить, наконецъ, тотъ фактъ, что Витте, тогдашній кумиръ и ходатай крупной буржуазіи, „свергъ" министерство Горемыкина ничѣмъ инымъ, какъ своей запиской противъ земства, противъ его возможной политической роли.

Впрочемъ, недоразумѣніе (скажемъ такъ) г. Лядова слишкомъ очевидно само собой, чтобы на немъ стоило останавливаться подробнѣе. Но позволительны ли подобныя „недоразумѣнія" даже для „историка-практика"?

Къ числу такого же рода недоразумѣній, являющихся результатомъ недостаточно вдумчиваго отношенія къ вопросу, мы должны отнести и слѣдующее. Г. Лядовъ, въ качествѣ фракціоннаго памфлетиста, очень рѣзко осуж-

даетъ то критическое направленіе въ русскомъ марксизмѣ, которое обнаружилось въ концѣ 90-хъ годовъ. Въ своемъ политическомъ настроеніи противъ этого „ревизіонизма“ авторъ заходитъ такъ далеко, что такъ таки en toutes lettres объявляетъ его идеологіей крупной буржуазіи, идеологіей, разумѣется, по существу глубоко контръ-революціонной [1]). И автора совершенно не смущаетъ то обстоятельство, что эта самая „идеологія“, этотъ самый ревизіонизмъ, въ сосѣдней съ нами Германіи, странѣ, все же болѣе высокаго сравнительно съ нами соціальнаго и политическаго развитія,—является достояніемъ соціалъ-демократіи, хотя бы и праваго ея крыла. Какимъ образомъ, то, что для Германіи составляетъ умѣренный соціалъ-демократизмъ, можетъ быть *у насъ*, при нашемъ абсолютическомъ строѣ,—контръ-революціоннымъ и крупно-буржуазнымъ? Разумѣется, достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы понять, какую степень опреметчивости и политическаго увлеченія разрѣшаетъ себѣ нашъ „историкъ—практикъ“...

Наше заключеніе сводится къ слѣдующему: книга г. Лядова—не исторія, а памфлетъ. Кому интересны политическія произведенія въ „большевистскомъ“ духѣ,—тотъ пусть читаетъ и книжку г. Лядова,—она не хуже, не лучше другихъ въ этомъ родѣ, но для интересующагося дѣйствительно серьезной исторіей нашей соціалъ-демократіи—рекомендовать эту работу было-бы рисковано. Будетъ гораздо лучше, если читатель ознакомится съ тѣми самыми литературными матерьялами, которыми пользовался г. Лядовъ; ихъ не такъ много да и въ литературномъ (какъ и во многихъ другихъ) отношеніи они написаны куда болѣе зрѣло, чѣмъ памфлетъ г. Лядова...

В. Португаловъ.

А. Цитронъ. *72 дня перваго русскаго парламента.* СПБ. 1906.

Государственная Дума, просуществовавъ 72 дня, отошла въ область исторіи—не въ ту отдаленную область, изъ которой нѣтъ уже возврата къ реальной жизни, а въ близкую еще современникамъ вчерашняго дня область „былого“, въ которой накопилось уже много памятниковъ борьбы за идею россійскаго народоправства. Дума не умерла, а лишь опали первые лепестки этого экзотическаго для суровой русской дѣйствительности цвѣтка, взлелѣяннаго демократической Россіей и побитаго свирѣпымъ морозомъ реакціи. Поэтому, первую русскую Думу нужно не вспоминать, ибо она, все таки, несмотря на роспускъ депутатовъ, представляетъ самую реальную дѣйствительность, а характеризовать. Характеристика нашего парламента лучше всего можетъ выяснить, насколько онъ являлся въ своей дѣятельности отраженіемъ воли всей страны, и какъ велика, слѣдовательно, его жизненность. Разсматриваемая книга г. Цитрона и представляетъ собою одну изъ такихъ характеристикъ, сдѣланныхъ при томъ и не по случаю и не послѣ закрытія Думы, а во время разгара ея работъ, когда ея дѣйствія оцѣнивались и характеризовались подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ той кипучей работы, которая въ теченіе 72 дней происходила въ Таврическомъ дворцѣ.

Г. Цитронъ—парламентскій журналистъ и свои литературные наброски

---

[1]) Ср. стр. 157—158 его книги.

о Думѣ дѣлалъ изо дня въ день, отмѣчая въ своихъ бѣглыхъ очеркахъ каждый выдающійся моментъ въ жизни нашего парламента. Этимъ, по нашему мнѣнію, и интересна его книга. Онъ собралъ въ ней эти живыя свидѣтельства только что прерванной борьбы, и въ нихъ, даже помимо своей воли, отразилъ всю живучесть народнаго представительства, разъ оно облечено въ реальную форму депутатскаго мандата.

Извѣстная инсинуація крайнихъ правыхъ, увѣрявшихъ, что всѣ наказы и резолюціи крестьянскихъ обществъ, сотнями посылавшіеся въ Трудовую группу, сфабрикованы трудовиками, опровергнута уже самымъ разнообразіемъ и многочисленностью этихъ замѣчательныхъ посланій: никакія усилія, ни самая богатая фантазія отдѣльныхъ лицъ не въ силахъ были бы создать этихъ своеобразныхъ документовъ народной нужды и глубокой вѣры въ народныхъ представителей. Но еще лучшимъ опроверженіемъ этой клеветы можетъ служить слѣдующая картина, нарисованная авторомъ съ живой натуры:

Въ кулуарахъ собрались ходоки, посланные костромскими крестьянами въ Думу со словеснымъ наказамъ. Это, описываетъ ихъ Цитронъ, „три совершенно бѣлыхъ старика костромича, въ рваныхъ зипунахъ и дырявыхъ сапогахъ, лица въ морщинистыхъ складкахъ, глаза скорбные и печальные“.

— Сказало намъ наше кологривское обчество—началъ самый старый—такъ и такъ, придете вы въ Питеръ и скажите нашимъ выборнымъ Ивану Егорычу и Ѳедору Иванычу насчетъ всего, что на сходѣ рѣшили: чтобы крѣпко стояли, на чемъ посланы.—Опять таки, выгоны и сѣнокосы, чтобы назадъ отдать намъ: нашимъ отцамъ, они, еще какъ воля была, дадены были... И чтобы они, выборные наши, противъ божескаго установленія не шли, чтобы ни казней, ни мучительства не допустить. Чтобы отъ земскихъ міръ ослобонить. А что ежели опричь того противъ выборныхъ нашихъ пойдутъ, то вертаться имъ домой. Дома сами все порѣшимъ.

Въ этой эпически простой и образной рѣчи умѣщается вся крестьянская программа; этими простыми словами ходоки выразили всѣ упованія русскаго крестьянства, всю вѣру его въ могущество Думы. Для будущаго историка первой Государственной Думы этотъ набросокъ дастъ для уясненія настроенія народныхъ массъ гораздо больше, чѣмъ обстоятельный трактатъ о дѣятельности самой Думы.

А вотъ, напримѣръ, набросокъ „Разоблаченія Урусова“ (стр. 124). Авторъ приводитъ только внѣшнюю сторону того засѣданія, въ которомъ князь Урусовъ, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ при П. Н. Дурново, произнесъ свою знаменитую рѣчь о погромной лабораторіи, устроенной въ нѣдрахъ департамента полиціи. Но читая этотъ очеркъ, живо вспоминаешь о запросѣ 8 мая министру внутреннихъ дѣлъ и о той бурѣ, которую вызвалъ отвѣтъ П. А. Столыпина на этотъ запросъ. Основываясь на оффиціальныхъ данныхъ—на рапортѣ министру внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника Макарова отъ 15 февраля, Дума указывала въ своемъ запросѣ, что департаментъ полиціи печаталъ въ спеціально оборудованной для этого типографіи и распространялъ воззванія, призывающія къ избіенію инородцевъ и интеллигенціи, а помощникъ начальника екатеринославскаго губерн. жандармскаго управленія ротмистръ Будоговскій поддерживалъ сношенія съ александровской русской боевой дружиной—погромной организаціей

александровскаго уѣзда, напечаталъ и распространилъ цѣлый рядъ воззваній, призывающихъ народъ собраться, запастись оружіемъ, косами, вилами и идти противъ евреевъ и „крамольниковъ“; этотъ же Будоговскій представляя экземпляры этихъ воззваній департаменту полиціи, сообщалъ при этомъ, что „они приносятъ существенную пользу въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ“; за эти подвиги Будоговскій былъ награжденъ начальствомъ. Отвѣчая на этотъ запросъ, П. А. Столыпинъ вынужденъ былъ признать справедливость этихъ фактовъ и лишь обѣщалъ, что они болѣе не повторятся. Но то, что сообщилъ вслѣдъ за Столыпинымъ въ своей рѣчи князь Урусовъ, превзошло всякія ожиданія. „Еще осенью 1905 г. (и кажется до вступленія въ должность октябрьскаго министерства)—говорилъ кн. Урусовъ, въ Петербургѣ въ домѣ № 16, на Фонтанкѣ, заработалъ въ какой то отдаленной комнатѣ департамента полиціи печатный станокъ, пріобрѣтенный на средства департамента, на казенныя суммы. Къ станку былъ приставленъ жандармскій офицеръ—въ штатскомъ платьѣ,—Коммисаровъ, который съ нѣсколькими помощниками усердно готовилъ ранѣе упомянутыя воззванія. Тайна существованія этой подпольной типографіи была такъ хорошо соблюдена, и дѣйствія ея организаторовъ были столь конспиративны, что не только въ министерствѣ, но и въ самомъ департаментѣ полиціи мало кто о ней зналъ. Между тѣмъ, работа сообщества, органамъ котораго служила типографія, очевидно шла успѣшно, такъ какъ на вопросъ лица, случайно напавшаго на слѣдъ организаціи, о ходѣ дѣла, Коммисаровъ отвѣчалъ: „погромъ устроимъ какой угодно, угодно—на 10 человѣкъ, а угодно—на 10 тысячъ“. Господа, эта фраза историческая (въ залѣ среди депутатовъ большое движеніе). Къ свѣдѣнію депутатовъ—кіевлянъ добавлю, что въ Кіевѣ на 3 февраля былъ назначенъ погромъ на „10 тысячъ“, но его удалось предотвратить“ (большое движеніе).

Предсѣдатель Совѣта министровъ испыталъ, какъ говорятъ, сильнѣйшій припадокъ нервной астмы, когда ему сообщены были разсказанные сейчасъ факты. Онъ вызвалъ къ себѣ Коммисарова, который доложилъ ему о своихъ дѣйствіяхъ и о своихъ полномочіяхъ, а черезъ нѣсколько часовъ въ департаментѣ не было болѣе ни станка, ни воззваній, ни оригинала—осталась пустая комната. И вотъ почему никто, въ томъ числѣ и министръ внутреннихъ дѣлъ, не будетъ имѣть возможности удовлетворить законное желаніе Думы—узнать имена тѣхъ, именно, тѣхъ лицъ, которыя объединяли дѣйствія организаціи, обезпечивали ей безнаказанность, магически дѣйствовали на умы полицейскихъ и другихъ правительственныхъ чиновниковъ и даже дали возможность добиваться повышенія и наградъ для тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались наиболѣе дѣятельными“.

Большинство очерковъ г. Цитрона знакомитъ читателя не съ самою работою Думы, не съ дѣловою стороною ея кратковременнаго существованія, а съ тѣмъ настроеніемъ, которое существовало тогда какъ въ самой Думѣ, такъ и около нея, и эта особенность разсматриваемой книги составляетъ, по нашему мнѣнію, наибольшую ея цѣнность. О дѣятельности Думы, несомнѣнно, будетъ написана не одна книга, да и стенографическіе отчеты ея засѣданій даютъ достаточный матеріалъ для сужденія о ней. Но никакой трактатъ не въ состояніи будетъ передать настроеніе Думы и всего общества такъ, какъ это можетъ быть сдѣлано подъ непосредственнымъ

впечатлѣніемъ журналиста; для будущаго историка эти очерки явятся цѣннымъ матеріаломъ. Весьма жаль только, что г. Цитронъ, такъ удачно выполнивъ свою задачу, увлекся подъ конецъ несвойственною ему ролью критика, навязавъ оппозиціоннымъ депутатамъ совершенно нелѣпое сравненіе ихъ съ Куропаткинымъ. Если Куропаткинъ уступалъ японцамъ позицію за позиціей благодаря негодности своей тактики и недоброкачественности боевыхъ средствъ, то депутаты повинны только въ томъ, что бюрократы противопоставили ихъ нравственной силѣ грубую физическую силу, для борьбы съ которою пригодна только такая же сила.

В. Русинъ.

Н. Ростоцкая. Потемкинскіе дни въ Одессѣ. СПБ. 1906. Книгоиздательство „Нашъ Голосъ". Ц. 8 коп.

Горячо, талантливо написанныя брошюра. Разсказывается о томъ, что пережила Одесса въ іюнѣ 1905 года, во время пребыванія въ порту взбунтовавшагося броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій". Авторъ,—самъ участникъ событій,—очень критически относился къ дѣятельности революціонныхъ организацій въ данный критическій моментъ. „Мы, участники, всѣ ясно чувствовали только одно: то, что вчера казалось отдаленнымъ будущимъ или вѣрной, но абстрактной истиной, встало вдругъ передъ нами во всей своей конкретной дѣйствительности. Вчера мы думали и сомнѣвались, сегодня мы должны были уже рѣшать и дѣйствовать, вчера мы подготовлялись и мечтали о далекой побѣдѣ,—сегодня мы должны были сразу двинуться и завоевывать".... Авторъ послѣдовательно передаетъ ходъ событій и выясняетъ вопросъ о томъ, насколько „мы" проявили способность рѣшать и дѣйствовать, почему не успѣли двинуться, почему не умѣли завоевывать.

М. Ольминскій.

Вл. Дебагорій-Мокріевичъ. *„Воспоминанія"*. Книгоиздательство „Свободный Трудъ" А. И. Жуковой и М. А. Полубояриновой. Спб. 1906. 598 + II стр. in 8⁰. Цѣна 1 р. 50 к.

Это препинтересная книга, безспорно написанная очень живо и талантливо. Написана она, судя по нѣкоторымъ указаніямъ автора, во второй половинѣ 90-хъ годовъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ авторъ (родившійся въ 1848 году) разсказываетъ безъ утайки и безъ прикрасъ, но просто и правдиво, всю свою жизнь, начиная съ дѣтства и школьныхъ лѣтъ вплоть до своего побѣга изъ Сибири (куда онъ былъ сосланъ на каторгу) за границу въ 1881 году.

Владиміръ Карповичъ Дебагорій-Мокріевичъ принадлежалъ къ числу выдающихся революціонныхъ дѣятелей семидесятыхъ годовъ,—того достопамятнаго времени, когда пылкою и благородною русскою молодежью, (подъ вліяніемъ, съ одной стороны, П. Л. Лаврова („Историч. письма" и „Впередъ"), а съ другой знаменитаго М. А. Бакунина,—овладѣло неудержимое стремленіе освободить свою родину, свой родной народъ отъ экономическаго и политическаго гнета. Результатомъ этого стремленія и явилась, какъ извѣстно, революціонная пропаганда молодежи въ народѣ („народохожденіе",

по выраженію г. Дебагорій-Мокріевича), имѣвшая мѣсто въ семидесятыхъ годахъ. Пропаганда дала отрицательные результаты. Нашъ тогдашній народъ оказался вовсе неподготовленнымъ къ немедленной революціи, какъ о томъ мечтали тогдашніе пропагандисты. Вслѣдствіе этого иные разочаровались въ народѣ, другіе же, болѣе стойкіе, перешли къ другимъ формамъ и способамъ революціонной борьбы, въ результатѣ чего явился терроръ, начавшійся съ выстрѣла В. И. Засуличъ въ генерала Трепова (въ январѣ 1878 года). Терроръ достигъ своего кульмнаціоннаго пункта 1-го марта 1881 года.

Къ этому-то замѣчательному въ новѣйшей исторіи времени и относится большая часть „Воспоминаній" г. Дебагорія-Мокріевича. Описавъ годы, проведенные имъ сперва въ немировской, а затѣмъ въ каменецъ-подольской гимназіи, авторъ повѣствуетъ о своихъ юношескихъ, студенческихъ (1866 и послѣдующіе) годахъ, проведенныхъ имъ въ кіевскомъ университетѣ, затѣмъ переходитъ къ своему народничеству, а далѣе и къ самому своему хожденію въ народъ съ революціонными цѣлями, съ опредѣленною идеей—поднять бунтъ и такимъ образомъ добиться въ Россіи соціальной революціи и политическаго освобожденія Россіи. Самая революціонная пропаганда г. Дебагорія-Мокріевича и его товарищей происходила въ Кіевской губерніи. Но предварительно (въ 1873 г.) авторъ съѣздилъ за границу—въ Швейцарію, гдѣ познакомился съ Бакунинымъ и съ благословеніемъ, такъ сказать, этого великаго анархиста, отправился на революціонную борьбу на Руси. Бакунинъ разсказывалъ ему о своемъ пребываніи въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ, для развлеченія, онъ занимался тѣмъ, что кормилъ крошками хлѣба голубей на окнѣ своей одиночной камеры.

Интересно мнѣніе Бакунина о тогдашнихъ (1873 года) русскихъ революціонерахъ. „Бакунинъ, - говоритъ г. Дебагорій-Мокріевичъ,—возражая мнѣ, въ заключеніе вдругъ воскликнулъ: „Да что русскіе!?... Всегда они отличались стадными свойствами! Теперь они всѣ анархисты! На анархію мода пошла, а пройдетъ нѣсколько лѣтъ—и можетъ быть ни одного анархиста среди нихъ не будетъ!"— Эти слова—добавляетъ авторъ—глубоко врѣзались въ моей памяти и часто приходилось мнѣ потомъ ихъ вспоминать и видѣть въ нихъ пророческое значеніе.

Прощаніе г. Дебагорія-Мокріевича съ Бакунинымъ тоже вышло интереснымъ. Авторъ разсказываетъ объ этомъ такъ: „Бакунинъ высчиталъ по путеводителю количество денегъ, необходимыхъ для моего путешествія, и потребовалъ, чтобы я показалъ ему свой кошелекъ. Напрасно я старался убѣдить его, что денегъ у меня достаточно, и я въ нихъ не нуждаюсь. Онъ все таки настоялъ на своемъ: кошелекъ свой я долженъ былъ въ концѣ концовъ показать ему. До требуемаго количества не хватило тридцати съ небольшимъ франковъ.

— Я остановлюсь въ Богеміи. Тамъ у меня есть пріятели, у которыхъ я могу взять денегъ, сколько мнѣ понадобится,—объяснялъ ему я.

— Ну, ну, разсказывай!—возразилъ Бакунинъ. Онъ вытащилъ изъ стола небольшую деревянную коробочку, отворилъ ее, сопя отсчиталъ тридцать съ лишнимъ франковъ и передалъ мнѣ.

Мнѣ было очень неловко принимать эти деньги, однако я принужденъ былъ ихъ взять.

— Хорошо, по пріѣздѣ въ Россію я вышлю—проговорилъ я.

Но Бакунинъ только сопѣлъ и, глядя на меня, только улыбался.

— Кому? Мнѣ вышлешь?—спросилъ наконецъ онъ; потомъ добавилъ: это я даю тебѣ не свои деньги.

— Кому же ихъ переслать въ такомъ случаѣ?

— Большой же ты собственникъ! Да отдай ихъ на русскія дѣла, если ужъ хочешь непремѣнно отдать.

Мы простились, и я выѣхалъ изъ Локарно.

Возвратясь на родину, г. Дебагорій-Мокріевичъ энергично принялся за революціонную работу въ Кіевѣ и въ Кіевской губерніи, и эта работа продолжалась до 11 февраля 1879 г., когда авторъ былъ арестованъ жандармскимъ капитаномъ Судейкинымъ (служившимъ тогда въ Кіевѣ) вмѣстѣ съ М. П. Ковалевской и П. А. Орловымъ въ квартирѣ шпіонки Бабичевой, курсистки кіевскихъ женскихъ курсовъ, вкравшейся въ довѣріе кіевскихъ революціонеровъ, но состоявшей на жалованьи у жандармовъ. Арестъ и предшествовавшее ему передъ этимъ вооруженное сопротивленіе въ другой квартирѣ и въ другомъ домѣ со стороны товарищей автора описаны имъ необыкновенно живо и увлекательно.

Далѣе послѣдовали тюрьма, военный судъ и ссылка на каторгу, на пути къ которой г. Дебагорій-Мокріевичъ и бѣжалъ, и пройдя разныя мытарства и приключенія, спасся за границей.

Въ книгѣ г. Дебагорія масса интересныхъ эпизодовъ, характеристикъ и подробностей, какъ бытовой, такъ и революціонной русской жизни семидесятыхъ годовъ, причемъ обрисованъ ярко и мѣтко рядъ болѣе или менѣе крупныхъ тогдашнихъ революціонныхъ дѣятелей. Но, понятно, что въ журнальной рецензіи невозможно исчерпать того богатаго матеріала, которымъ изобилуетъ эта книга. Если бы можно было выписать всѣ интересныя мѣста изъ этой книги, то, чего добраго, пожалуй, пришлось бы переписать всю книгу, а такъ какъ это немыслимо, то я и совѣтую читателямъ „Былого" самимъ прочесть „Воспоминанія" извѣстнаго революціонера семидесятыхъ годовъ.

Въ заключеніе отмѣчу, что при чтеніи настоящей книги непріятно поражаетъ масса опечатокъ (иногда даже искажающихъ и смыслъ самой рѣчи), пестрящихъ сплошь всю книгу.

Д. П. Сильчевскій.

Рабочій Ежегодникъ. Годъ I. Книгоиздательство „Альманахъ". Петербургъ 1906 г. ц. 60 к.

Въ составленіи Ежегодника принимали участіе многія, наиболѣе видныя, литературныя силы соціалдемократіи: В. Засуличъ, Мартовъ, Луначарскій, Кольцовъ и другіе. К. Каутскій спеціально для Ежегодника написалъ статью: „Международное значеніе русскаго пролетаріата". Большинство статей представляетъ значительный интересъ и теоретическій, и историческій, и справочный. Обстоятельно составлены: мѣсяцесловъ революціоннаго движенія, временникъ революціонныхъ событій за 1905 годъ и мартирологъ. Въ послѣднемъ перечислены всѣ смертные приговоры и смертныя казни,

начиная съ декабристовъ; приговоры распредѣлены по роду „преступленій“, подсчетъ сдѣланъ по январь 1906 года.

Изъ статей по исторіи движенія отмѣтимъ слѣдующія:

Ю. Каменевъ даетъ сжатый очеркъ исторіи россійской соціалдемократической рабочей партіи,—главнымъ образомъ исторію борьбы принциповъ. Въ статьѣ М. Лунца „Фабричное законодательство въ Россіи“ прослѣжено вліяніе рабочаго движенія на развитіе этого законодательства; всѣ данныя, приводимыя авторомъ, подтверждаютъ правильность его вывода: „партійная политическая борьба и профессіональные союзы—вотъ силы, которыя обезпечатъ пролетаріату необходимые ему фабричные законы“.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить обзоры за богатый событіями 1905 годъ: Клейнборта „Россійская соціалдемократія“; Б. Веселовскаго „Крестьянское движеніе“; Тотоміанца „Стачки въ Россіи“; Б. Веселовскаго „Роль земства“; Г. Гроссмана „1905 годъ за границей“ и др. По исторіи рабочаго движенія слѣдуетъ отмѣтить статью А. Коллонтай „Рабочее движеніе въ Финляндіи“. Въ біографическомъ отдѣлѣ находимъ очерки жизни Маркса, Энгельса, Лассаля, Каутскаго, Бебеля, Гэда и Лафарга.

Статистическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ между прочимъ данныя по избирательной статистикѣ, статистикѣ пролетаріата и статистикѣ стачекъ.

Въ справочномъ отдѣлѣ находимъ свѣдѣнія о фабричномъ законодательствѣ, правила объ обществахъ, собраніяхъ и профессіональныхъ союзахъ, объ избирательныхъ правахъ и,—характерно для рабочаго ежегодника нашихъ дней!—правила о порядкѣ свиданія съ заключенными въ Петербургѣ...

Тщательно составленный и хорошо изданный, довольно объемистый (свыше 300 страницъ) Ежегодникъ представляетъ собою очень полезную книгу для всякаго, интересующагося общественными дѣлами вообще и рабочимъ движеніемъ въ частности.

М. Ольминскій.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой, гр. Л. Н. Толстого т. III. № 3.

Изданія „Библіотеки для всѣхъ“ О. Н. Рутенбергъ:

Георгъ Герронъ. Отъ революціи къ революціи. Уроки парижской коммуны 1871 г.

Г. Плехановъ. Генрикъ Ибсенъ. Ц. 25 к.

Г. Плехановъ. Къ вопросу о революціонной тактикѣ. Сила и насиліе. Ц. 5 к.

Рихардъ Кальверъ. Христіанство и соціалдемократія. Ц. 5 к.

Книгоиздательство „Сѣятель“:

Полезныя для всѣхъ свѣдѣнія № 4. Свѣдѣнія о землѣ въ Россіи сост. Л. Никифоровъ. Ц. 3 к.

Толковый словарь въ помощь при чтеніи газетъ, журналовъ и книгъ. Сост. Н. А. 2-ое изд. Ц. 7 к.

Изданія „Равенство“:

Михаилъ Бакунинъ. Богъ и государство. Ц. 50 к. М. 1906 г.

Стенька заяцъ. Какъ мужики остались безъ начальства. Сказка. Ц. 5 к.

Жакъ Гравъ. Умирающее общество и анархія. Ц. 1 р. 1906 г.

Изданія „Свободная Коммуна“:

Заявленіе передъ судомъ Жоржа Этьевана. 1906 г.

Новомірскій. Манифестъ анархистовъ-коммунистовъ.

Изданія „Истина“:

„Непримиримый“. Тактика интернац. С.-д. въ борьбѣ съ анархистами. Ц. 15 к.

Книгоиздательство „Свобода“:

Элизе Реклю. Эволюція, революція и идеалъ анархизма. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Русскій рабочій союзъ. Ц. 3 к.

П. Крапоткинъ. Безначальный коммунизмъ и экспропріація М. 1906 г. Ц. 10 к.

П. Кропоткинъ. Анархія, ея философія и идеалъ. Воспоминанія о М. Бакунинѣ. М. 1906 г. Ц. 25 к.

П. Кропоткинъ. Узаконенная месть, именуемая правосудіемъ. М. 1906 г.

Книгоиздательство „Солидарность“:

Андрэ Жираръ. Анархія и В. Э. Идеи революціоннаго анархизма среди французскаго пролетаріата. М. 1906 г. Ц. 12 к.

Себастьянъ Форъ. Преступленія Бога. Ц. 15 к. М. 1906 г.

Политическая энциклопедія под. ред. Слонимскаго т. I вып. 3-й.

Евг. Мазепикъ. Волостной писарь, Разсказъ, Кадниковъ. 1906 г. 25 к.

Евг. Мазепикъ. Повѣсти и разсказы изъ сельской жизни, Кадниковъ 1906 г. Ц. 1 р.

Бой-Котъ. Пѣсни о четырехъ свободахъ. Кн-во „Прогрессъ Нашей Жизни“. СПБ. 1906 г. Ц. 10 к.

Е. А. Валле де Барръ. „Свобода“ русской печати (послѣ 17 окт. 1905). Самара 1906 г. Ц. 50 к.

И. М. Любомудровъ. Введеніе въ науку о справедливости Герб. Спенсера, составлено по Отто Гауппу. Ковровъ 1906 г. Ц. 15 к.

Изданія О. Н. Поповой:

Теодоръ Липпсъ. Руководство къ психологіи. Перев. съ нѣм. М. А. Лихарева. Ц. 1 р. 50 к.

Вильгельмъ Блоссъ. Исторія германской революціи 1848 г. Перев. Радомыльскаго подъ ред. Луначарскаго. 1907 г. Ц. 1 р. 20 к.

Н. А. Рожковъ. Какъ произошло и какъ развилось самодержавіе въ Россіи. СПБ. 1907 г. Ц. 6 к.

Темы жизни № 15. П. Кричевскій. Восьмичасовой рабочій день Ц. 15 к.

Ивановъ - Разумникъ. Исторія русской общественной мысли т. I и II за оба тома 3 р. Изд. помѣщ. въ книж. скл. М. М. Стасюлевича СПБ. 1907 г.

С. И. Игнатьевъ. Куланайпа акцизсемъ синбенъ (О налогахъ). Ц. 3 к. Изд. газ. „Хипоръ“. Казань 1906 г.

Крестьянскіе наказы Самарской губ. (Опытъ собиранія матеріаловъ русской революціи). Со вступ. статьей А. А. Васильева и В. А. Кудрявцева. Изд. въ конторѣ газеты „Самарскій Курьеръ“.

Книгоиздательство „Вѣрный Путь“:

Александръ Златкинъ. Земля. Разсказъ. Ц. 2 к. 1906 г.

Александръ Златкинъ. Въ натурѣ. Разсказъ. Ц. 1 к.

Ольговичъ. Что сказала деревня первой Государственной Думѣ (27 апрѣля—9 іюня). 1906 г. Ц. 4 к.

О. Волькенштейнъ. Кому и зачѣмъ нужно всеобщее избирательное право. 1906 г. Ц. 4 к.

Эльве. Для чего нужно народное образованіе СПБ. 1906 г. Ц. 4 к.

Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“:

С. А. Савенкова. Годы скорби. (Воспоминанія матери). СПБ. 1906 г. Ц. 15 к.

П. Лавровъ. Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Теоретики 40-хъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ СПБ. 1906 г. Ц. 40 к.

Григ. Бѣлорѣцкій. Безъ идеи. (Изъ разсказовъ о войнѣ). СПБ. 1906 г. Ц. 75 к.

Амфитеатровъ. Сказанія времени. СПБ. 1907 г. Ц. 1 р.

Гессенъ. О жизни евреевъ въ Россіи. К-во „Общественная Польза“ Ц. 75 к.

Марксъ и Энгельсъ наканунѣ ихъ историческаго выступленія. К-во „Новый голосъ“.

М. Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека „Юнаго Читателя“:

С. Русова. Рылѣевъ. Пѣвецъ и мученикъ свободы Ц. 5 к.

Отто Эрнстъ Исторія молодой жизни. Пер. В. Исполатовой. Ц. 20 к.

Среди дикарей. Біографич. разсказъ Виктора Окса. Ц. 15 к.

М. Собинина. Въ рѣкахъ и прудахъ. Ц. 15 к.

Э. Пименова. Эринъ—Изумрудный островъ. Ц. 20 к.

Э. Пименова. Небесная имперія. Ц. 25 к.

П. Телліе. Изъ жизни уличнаго мальчика. Ц. 5 к.

Б. Зуттнеръ. Долой оружіе. Ц. 15 к.

В. Іензенъ. Во славу Божію. Ц. 15 к.

Е. Колтоновская. Поборница справедливости (Э. Оржешко). Ц. 5.

Ал. Алтаевъ. Подъ знаменемъ башмака. Ц. 50 к.

Крэнъ. Джонъ Халифаксъ. Ц. 20 к.

Францискъ Пизарро и завоеваніе Перу. Ц. 20 к.

С. Р. Микуловъ. На крестахъ. Ц. 30 к.

Кампфмейеръ. Измѣненія въ теоріи и практикѣ соціал-демократіи Перев. съ нѣмецкаго Шутикова СПБ. 1906 г. Ц. 25 к. К-во Е. Д. Мягкова „Колоколъ“.

К-во „Молодая Россія“:

Популярная библіотека № 10. Сергѣй Самагинъ. Изъ прошлаго М 1906 г. Ц. 3 к.

Популярная библіотека. № 11. Сборникъ стихотвореній. Составилъ Дѣдусь. Ц. 8 к. М. 1906 г.

Юлій Словацкій. Ангелли пер. В. Высоцкаго. Ц. 25 к.

Джонъ Лондонъ. На днѣ. Очеркъ изъ жизни лондонскихъ бѣдняковъ. Пер. съ нѣм. Е. Гурвичъ М. 1906 г. Ц. 75 к.

П. Умбрейтъ. Значеніе и задачи центральныхъ бюро профессіональныхъ союзовъ. Перев. съ нѣм., со вступ. стааьей В. Гриневича: Организація и задача центральныхъ бюро въ Россіи“. К-во „Молотъ“. Ц. 30 к. СПБ. 1906 г.

Книгоиздательство „Впередъ“:

М. Ольминскій. Памяти погибшихъ. СПБ 1907 г. Ц. 10 к.

Н. Ленинъ. Соціалдемократія и избирательныя солгашенія. Ц. 6 к.

Сергѣй Мининъ. Письмо къ пролетарію. (О программѣ и партіи с.-р.) съ прилож. статьи П. О. О трудовой и потребительной нормѣ. Ц. 5 к.

К. Каутскій. Мангеймскій партейтагъ пер. съ нѣм. Ц. 3 к.

Отвѣтъ польскихъ соціалъ-демократовъ Плеханову по вопросу о чрезвычайномъ съѣздѣ рос. с.-д. р. п. СПБ. 1906 г. К-во „Новая Волна“.

Н. Ленинъ. Выступленіе Мартова и Череванина въ буржуазной печати. СПБ. Ц. 5 к. К-во „Пролетарское Дѣло“.

Л. Андреевъ. Памяти Владиміра Мазурина. СПБ. 1906 г. Ц. 3 к.

Газеты: Впередъ № 2 Суббота $^{23}/_{9}$ и № 3 отъ 7 окт. 1906 г. Орг. Моск. Пет. Пермск. Курск. и Моск. Окр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Голосъ Пролетарія № 2 $^{25}/_{9}$ и № 3 $^{16}/_{10}$ Орг. Выборскаго раіона Р. С.-Д. Р. П.

Трудъ № 3 и № 4 Изд. Пет. Ком. парт. с.-р. Окт. 1906 г.

Казарма № 3 отъ $^{4}/_{4}$, № 8 отъ $^{5}/_{10}$ и № 9 отъ $^{26}/_{10}$ Орг. Воен. Орг. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.

Robotnik, Organ P. P. S. №№ 192, 193 и 196.

Военный Листокъ. Изд. Таврич. Союза пар. с.-р. № 5 1 окт. 1906 г.

Борьба № 1. 9 сен. 1906 г. Изд. Ц. К. С.-Д. Латыш. Края.

Листки „Хлѣбъ и Воля“ Орг. коммун. анархист. № 1 $^{30}/_{10}$ 1906 г. London.

Воля Политич. общест. и литерат. газета. Изд. с.-р. № 71 $^{1}/_{10}$ и № 72 $^{6}/_{10}$ 1906 г. Японія Нагасаки.

Пролетарій № 5. Суб. 30 сент. 1906 г. Орг. Моск. Петер, Московскаго Окруж. Перм. и Курскаго Комит. Р. С.-Д. Р. П.

Партійныя извѣстія № 1 22 окт. 1906 г. Изд. Ц. К. партіи с.-р.

Солдатская Мысль № 1 (сент.) и № 2 (окт.). Изд. Воен. Орг. Петер. Воен. Окр. п. с.-р. 1906 г.

Уфимскій рабочій № 2 и № 3 Еженед. изд. Уфим. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 15 и 22 окт. 1906 г.

Солдатская Газета № 3. Изд. Ц. К. пар. с.-р. 8 окт. 1906 г.

Соціалдемократъ № 3. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 13 окт. 1906 г.

Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ № 5 3 нояб. 1905 г.

По поводу обращенія депутатовъ къ народу Костр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Три конституціи или три порядка государственнаго устройства. Изд. газ. „Пролетарій“ Р. С.-Д. Р. П.

2 листка Тульскаго Ком. пар. с.-р.

2 листка Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1905 г.

Не давайте солдатъ. Обл. Ком. Центр. Орг. пар. с.-р. Изд. Тав. Союз. Ком. п. с.-р. сент. 1906 г.

Ко всему народу. Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

2 листка федератив. Ком. рижскихъ с.-д. рабочихъ организ. 1906 г. іюнь.

Ben Ader. Смѣлость слова и трусость мысли. Изд. Витеб. Евр. с.-д. р. п.

По поводу выступленія Бунда изъ р. с.-д. р. п. Изд. Мин. орг. Ком. Пойалей-Ціонъ 1904 г.

9 января. Сборникъ для провинціи. Изд. гр. с.-р. СПБ. 1905 г.

2 листка Ц. К. Углич. Орг. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.

Товарищи! Царское правительство отдало подъ судъ Сов. Раб. еп. П. К. Р. С.-Д. Р. П.

Къ кронштадскимъ матросамъ и солдатамъ. Исп. Ком. Воен. и Рабоч. Орг. Р. С.-Д. Р. П.

О внутренней войнѣ. } Изд. Орг. Воен. при П. К. Р. С.-Д. Р. П. 1906 г.
Дворянскій царь. }

Еще одна жертва! Организ. солдатъ новочеркас. полка. Изд. В. О. при П. К. Р. С.-Д. Р. П. окт. 1906 г.

Солдатская доля. Воен. Орг. П. К. Р. С.-Д. Р. П.

Письмо крестьянина о рекрутскомъ наборѣ. Изд. В. О. при П. К. Р. С.-Д. Р. П. окт. 1906 г.

Гг. депутаты Трудовой Группы. Раб. Орг. П. К. пар. с.-р. май 1906 г.

Солдатская Бесѣда. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Примѣрный уставъ боевой дружины. Изд. Цент. Крестьян. Ком. при Ц. К. пар. с.-р. М. 10 окт 1906 г.

Откуда берутся и куда идутъ народныя деньги. } Барнаульск. Ком. Р. С. Д. Р. П. іюнь 1906 г.
Къ товарищамъ.
Манифестъ ко всѣмъ рабочимъ Россіи отъ депутатовъ-рабочихъ въ Гос. Думѣ.

Ко всѣмъ учащимся среднеучеб. заведеній Царства Польскаго. Товарищи! Варшава 12 окт. 1906 г.

Въ годовщину. Товарищи! Коалиц. союз. мѣстныхъ ученическихъ революц. организацій Баку.

Не дадимъ царю солдатъ. Оппоз. орг. с.-р. Исп. Ком. Оппоз. Орг. с.-р. 17 окт. 1905—1906 г. Изд. Обл. Комит. Закавказ. Союза п. с.-р. 17 окт. 1906 г.

Товарищи граждане! Бат. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 17 окт. 1906 г.

Манифестъ къ арміи и флоту. Отъ Тр. Гр. С.-Д. фракціи. Изд. Бат. Ком. п. с.-р. 12 іюня 1906 г.

Товарищи солдаты! Воен. Орг. при Бат. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 15 окт. 1906 г.

Товарищи граждане! Бат. Ком. Закавказ. Союза п. с.-р. 17 окт. 1906 г.

Товарищи солдаты. Совѣт. Батум. Гарнизона Всеросс. Воен. Союза.

Ко всѣмъ гражданамъ Объединен. Ком. Казачьей Орг. Р. С.-Д. Р. П. и Новочеркасской гр. Р. С.-Д. Р. П. Новочерк. 17 окт. 1906 г.

14 различныхъ листковъ Организ. Ком. СПБ. Университ. и др. 1901 г.

Къ войскамъ Финляндіи Воен. Орг. Р. С.-Д. Р. П. въ Финляндіи 14 окт. 1906 г.

О поручикѣ Шиффсъ Воен. Орг при П. К. Р. С.-Д. Р. П.

Бюллетени Перваго Всероссійскаго Делегатск. съѣзда желѣзнодорожныхъ служащихъ №№ 1, 3, 6 и 9.

До селянъ Украінск. Полт. Ком. Р. С.-Д. Р. П. іюнь 1906 г.

Къ солдатамъ Полт. Ком. пар. с.-р. іюнь 1906 г.

Готовьтесь! Главн. Ком. Укр. С.-Д. Спилки Р. С.-Д. Р. П. іюнь 1906 г.

Товарищи и граждане! Полт. Ком Р. С.-Д. Р. П. окт. 1906 г.

Ко всѣмъ солдатамъ. Объедин. Ком. с.-д. организ. г. Полтава.

„30 окт. въ Москвѣ при покушеніи" Обл. Ком. Цент. обл. пар. с.-р.

Къ партійнымъ организаціямъ Ц. К. пар, с.-р. іюль 1906 г.

Що треба, а чого не треба робыты. Укр. С.-Д. Р. П. Полт. Ком. авг. 1906 г.

Нѣсколько листковъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1905 г.

Товарищи, солдаты, матросы, рабочіе и всѣ граждане. Совѣт. Ком. пар. с.-р. сент. 1906 г.

Къ рабочимъ и крестьянамъ. Пенз. Губ. Ком. пар. с.-р. Пенз. гр. с.-д. р. п., Пенз. Бюро Всер. Кр. Союза. Пенз. желѣзнод. союзъ.

Братья крестьяне! Всерос. Крестьян. Союзъ.

Отчетъ Бакин. Ком. парт. с.-р. за сент. 1906 г.

Нѣсколько листковъ Русскаго Собранія 1905 г.

13 листковъ Муром. группы, пар. с.-р. 1905 и 1906 г.

Ко всему трудовому народу Обл. Ком. п. с.-р.

Нѣсколько листковъ Нижегород. Ком. п. с.-р. 1906 г.

Постановленія Владим. Губ. Съѣзда іюль 1906 г. Влад. Губ. Ком. п. с.-р.

Граждане 20 февр. соберется вторая Гос. Дума. Группа избирателей 1 нояб. 1906 г.

Письма къ товарищамъ Област. Ком. закавказ. с.-д. раб. организ 15 окт. 1906 г.

Къ избирателямъ Центр. Изб. Ком. Бат. орг. Р. С.-Д. Р. П. 25 окт. 1906 г.

Товарищи-революціонеры Батум. раб. синдикат. анархистовъ коммунистовъ „Интернаціоналъ“ 25 окт. 1906.

Отчетъ Бат. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Товарищи солдаты! Ростовль въ тюрьмѣ Всерос. Воен. Союз. Тип. Бат. К. пар. с.-р.

17 ноября въ П—бургѣ. (Прокламація 1886 года по поводу Добролюбовской демонстраціи).

Чего ожидать отъ коронаціи (брошюра 1883 г. С. Н. Кривенко, напечат. въ летуч. типогр. „Народной Воли“).

Къ тов. рус.-соц. Жен. 3 ноября 1881 г.

Практ. работа группы „Народной Воли“ 27 іюня 1883 г.

Листокъ по поводу разстрѣла Неустроева въ Иркутскѣ 1883 г.

Прокламація Исп. Ком. по поводу казни Судейкина.

Къ русской интеллигенціи 19 февр. 86 г. Изд. груп. народниковъ.

Къ бѣлорусской интеллигенціи прокл. 1885 г.

Программа органа „Чистый соціалистъ“.

Прилож. къ листку Народной Воли № 1 (20 авг. 1883 г.).

Листокъ Н. В № 1 (20 іюля 83 г.).

2-ое прил. къ № 1 журн. „Студенчество“ (1883 г.).

Программа Вѣстника Н. В. (1883 г.).

Народная Воля №№ 10 и 11—12.

Уставъ о-ва страх. отъ административнаго и фабр. произвола (1886 г.).

Свобода №№ 1—2, 3, 5 (Женева 1888).

Самоуправленіе № 2 (1888).

Своб. слово №№ 6—7 1884 г.

Летучій листокъ З. и В. № 2.

Къ обществу 1902. Изд. „Кассы радикаловъ“.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ получено:

Изъ Николаева, за картину, разыгранную въ лоттерею отъ NN—120 рублей.

Изъ Балты, отъ г. Шафермана—50 руб.

Деньги переданы по назначенію.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Приготовляя къ печати большую біографію Ѳ. М. Достоевскаго, обращаюсь за помощью ко всѣмъ, кто имѣетъ письма Ѳедора Михайловича и воспоминанія о немъ. Всѣ, чтущіе память Достоевскаго и любящіе его, не могутъ не пожелать, чтобы новая *большая* біографія Ѳ. М. Достоевскаго, какой теперь еще не имѣется, вышла бы какъ можно болѣе многосторонней и исчерпывающей. Въ виду этого очень прошу всѣхъ лицъ, обладающихъ *неизданными письмами Достоевскаго и другими біографическими матеріалами—воспоминаніями и сообщеніями*,—какъ бы не казались они малосодержательными,—прислать мнѣ ихъ *для снятіи копіи*. Такъ-же прошу лицъ, *печатавшихъ когда либо и что либо о Достоевскомъ*, воспоминанія, письма, статьи и замѣтки (*особенно въ газетахъ*) сообщить мнѣ названіе, годъ и №№ изданія, гдѣ написанное имя было помѣщено, а если возможно, то прислать самое изданіе (если эта газета) для снятія копіи. Все присылаемое мнѣ я скопирую и самымъ скорымъ и аккуратнымъ образомъ возвращу обладателямъ.

Само собою разумѣется, что доставленный матеріалъ, который я использую въ моей біографіи Достоевскаго, я, по напечатаніи ея и по соглашенію съ издателемъ, смогу также и оплатить.

Всѣмъ, кто отзовется на призывъ, заранѣе выражаю глубочайшую благодарность. Пусть этимъ путемъ, люди, знающіе Достоевскаго, имѣющіе письма и сообщенія о немъ, почтятъ память великаго русскаго генія.

А. С. Глинка (Волжскій).

II.

Подготовляя къ печати работу о жизни, дѣятельности и времени Николая Гавриловича Чернышевскаго, позволяю себѣ обратиться съ просьбою о содѣйствіи ко всѣмъ лицамъ, которыя могли бы сообщить какія либо воспоминанія, свѣдѣнія, записки, письма или иные матеріалы, имѣющіе отношеніе къ Чернышевскому, къ ближайшимъ товарищамъ его по журналу „Современникъ“ и къ вліянію дѣятельности Чернышевскаго на общество и литературу.

Авторамъ замѣтокъ и статей по этому предмету, помѣщенныхъ въ малодоступныхъ изданіяхъ (заграничныхъ и провинціальныхъ, особенно сибирскихъ) буду весьма благодаренъ за присылку и этого рода матеріала или по крайней мѣрѣ библіографическихъ о немъ указаній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приношу искреннюю благодарность лицамъ уже подѣлившимся нѣкоторыми данными о Чернышевскомъ.

Адр.: Нижній Новгородъ, редакція „Нижегородскаго Листка“ Василію Евграфовичу Чешихину.

Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ).

P. S. Просьба къ редакціямъ журналовъ и газетъ (особенно провинціальныхъ) о перепечаткѣ настоящаго письма.

Современная лѣтопись.

Въ теченіе октября зарегистрованы нижеслѣдующіе смертные приговоры и смертныя казни:

1) Въ Кутаисѣ, 1 октября. За разбой, по приговору полевого суда, въ Квирилахъ, *казнены крестьяне—Мелитонъ Схиладзе и Димитрій Тапатадзе.*

2) Въ Варшавѣ, 1 октября. Приговоръ Домбровскаго къ смертной казни распоряженіемъ генералъ-губернатора замѣненъ ссылкою въ каторжныя работы на 20 лѣтъ.

3) Въ Кѣльцахъ, 2 октября. Утромъ, по приговору военно-полевого суда, *разстрѣлянъ грабитель Капуснякъ.*

4) Въ Кіевѣ, 2 октября. — Военно-окружнымъ судомъ *приговорены къ повѣшенію: Войнарскій и Вареникъ* за вооруженное нападеніе на ювелирный магазинъ Нейдерфа въ Кіевѣ.

5) Въ Ташкентѣ, 2 октября. — Военно-окружный судъ, приговорившій убійцу прокурора Шарыгина Бодрицкаго къ повѣшенію, ходатайствовалъ передъ командующимъ войсками о помилованіи преступника по молодости лѣтъ и личнымъ условіямъ, смягчающимъ вину. Генералъ Маціевскій замѣнилъ смертную казнь 20-лѣтней каторгой.

6) Въ Кокандѣ, 3 октября. — Сегодня въ 4 часа дня въ стѣнахъ тюрьмы по приговору военно-полевого суда *повѣшены два туземца,* оказавшіе вооруженное сопротивленіе при задержаніи и убившіе полицейскаго.

7) Въ Ростовѣ-на-Дону, 3 октября. Участники ограбленія конторы Фридбергъ—*три еврея и трое христіанъ по приговору военно-полевого суда разстрѣляны.*

8) Въ Варшавѣ, 3 октября. По приговору военно-полевого суда, утвержденному начальникомъ Гарволинскато гарнизона, *казнены крестьяне Кригеръ, Николайчукъ, Новекъ, Прочекъ и Серанскій* за вооруженное нападеніе и грабежъ въ Новой-Александріи. По приговору полевого суда *разстрѣляны за грабежъ и разбой крестьяне Песлякъ и Вознякъ.*

9) Въ Либавѣ, 3 октября. Крестьяне *Янъ Преденъ и Яковъ Тиликъ,* ограбившіе въ Либавѣ винную лавку, временнымъ военнымъ судомъ въ Митавѣ *приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

10) Въ Ригѣ, 3 октября. По приговору военно-полевого суда *разстрѣляны* въ имѣніи Нитау рижскаго уѣзда *пять грабителей: Апалитъ, Рудзитъ, Знотинъ, Адамсонъ и Миндеръ.*

11) Въ Петербургѣ. Приговоренному военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе бывшему рабочему Путиловскаго завода Цедзинскому, по обвиненію въ убійствѣ городового, 3 октября замѣнена смертная казнь безсрочной каторгой.

12) Въ Варшавѣ, 3 октября. По приговорамъ военно-полевыхъ судовъ за участіе въ грабежахъ *казнены въ Андреевѣ, Кielской губ.—двое.*

13) Въ Особомъ присутствіи Ташкентской судебной палаты 6 сентября слушалось дѣло инженера Соколова, годъ тому назадъ приговореннаго военно-полевымъ судомъ къ смертной казни, и электротехника Симонова, обвиняемаго по 3 п. 129 ст. Резолюціей палаты Соколовъ оправданъ, а Симоновъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ.

14) Въ Варшавѣ, 5 октября. Утромъ въ цитадели казненъ черезъ повѣшеніе Мотель, приговоренный военно-окружнымъ судомъ за покушеніе на патруль.

15) Изъ мѣстечка Нерфъ Лифлянд. губ. сообщаютъ *о разстрѣляніи* по приговору военно-полевого суда *крестьянина Асберга* за вооруженное нападеніе.

16) Въ Телавѣ, 5 октября. Въ пятомъ часу по приговору военно-полевого суда разстрѣлянъ въ оградѣ тюрьмы убійца городового.

17) Изъ мѣстечка Цабельнъ Лифлянд. губ. сообщаютъ о *приговорѣ къ смертной казни военно-полевымъ судомъ 19-лѣтняго Гаиль* за поджогъ Стенденскаго лѣсничества.

18) Въ Екатеринославѣ, 6 октября. Трое анархистовъ братья Липманъ и Лапидусъ, напавшіе съ цѣлью ограбленія на еврея Могильницкаго, *военно-полевымъ судомъ приговорены къ разстрѣлянію.* Въ 5 час. утра *приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

19) Въ Москвѣ, 7 октября. Военно-полевымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе Михайловъ,* убившій на московско-курской жел. дорогѣ жандарма Ломачева.

20) Въ Кіевѣ, 8 октября. Военно-окружнымъ судомъ соучастникъ казненнаго Рудановскаго Зинченко, обвинявшійся въ вооруженномъ сопротивленіи полиціи при арестѣ его на улицѣ, *приговоренъ къ смертной казни,* при чемъ судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ казни ссылкой въ каторжныя работы на 15 лѣтъ.

21) Въ Митавѣ, 6 октября. *Разстрѣляны латыши Знотсъ и Берзинъ* за ограбленіе въ концѣ прошлаго года винной лавки въ Фрауенбургѣ, съ похищеніемъ 3,000 рублей, и за участіе въ другихъ грабежахъ. Вожакъ шайки Пукударсъ приговоренъ къ четырехлѣтней каторгѣ, *еврей Аренсбургъ* за пораненіе городового—*къ смертной казни.*

22) Въ Красноярскѣ, 8 октября. Трое неизвѣстныхъ, назвавшихся Петромъ Сергѣевымъ, Андреемъ Стасенковымъ и Федоромъ Лышковскимъ, въ квартирѣ которыхъ обнаружено около пуда динамита и двѣ готовыя бомбы, приговорены военно-полевымъ судомъ къ 15-лѣтней каторгѣ каждый.

23) Въ Митавѣ, 8 октября. Разстрѣляны въ виндавскомъ уѣздѣ два брата Трейлоны.

24) Въ Умани, 8 октября. Окружнымъ судомъ законченъ разборъ дѣла объ аграрныхъ безпорядкахъ въ Нерубайкѣ, гдѣ стражниками былъ убитъ одинъ крестьянинъ и ранено 19. Предано суду 22 крестьянина, двое оп-

равданы. Приговорены къ тюремному заключенію 16 человѣкъ на 10 мѣсяцевъ и 4 человѣка на 6 мѣсяцевъ.

25) Въ Варшавѣ, 9 октября. Вчера военно-полевымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни Винклеръ,* обвинявшійся въ покушеніи на ограбленіе кассировъ варшавскихъ трамваевъ и въ нанесеніи огнестрѣльныхъ ранъ городовому, отъ которыхъ тотъ скончался. Сегодня *приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

26) Въ Либавѣ, 9 октября. Задержанный полиціей при вооруженномъ нападеніи на пивоварню завода Рамзай грабитель *Рейнгольдъ сегодня полевымъ судомъ приговоренъ къ повѣшенію.* 10 октября *К. Рейнгольдъ разстрѣлянъ въ крѣпости.*

27) Въ Тифлисѣ, 9 октября. Вчера военно-полевой судъ *приговорилъ крестьянина Козмѣева къ повѣшенію за убійство и пораненіе.*

28) Въ Ревелѣ, 9 октября. Смертная казнь крестьянину Вильдену, по приговору военно-окружнаго суда за разбойническое нападеніе на крестьянку, замѣнена генералъ-губернаторомъ каторжными работами на 20 лѣтъ

29) Въ Андижанѣ, 10 октября. *Утромъ повѣшены трое грузинъ,* приговоренныхъ военно-полевымъ судомъ къ смертной казни за похищеніе у фирмы Крафтъ 50,000 р.

30) Въ Екатеринославѣ, 10 октября. *Горбуновъ* ограбившій на 9,000 р. желѣзнодорожнаго артельщика и ранившій его. *военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни.*

31) Въ Кіевѣ, 10 октября. Генералъ-губернаторъ замѣнилъ Полонскому, виновному въ бросаніи бомбы въ Житомірѣ и Калинѣ, виновному въ покушеніи на пристава, смертную казнь пожизненной каторгой.

32) Въ Петербургѣ, рядовому новочеркасскаго полка Матвѣеву, приговоренному къ разстрѣлу за оскорбленіе офицера, смягчено наказаніе безсрочной каторгой.

33) Въ Вильнѣ, 10 октября. Въ военно-окружномъ судѣ сегодня разбиралось дѣло по обвиненію Шухатовича, Шварца и Осаковскаго въ убійствѣ въ Слонимѣ стражника. Всѣ трое признаны виновными и *приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

34) Въ Тифлисѣ, 11 окт. Полевой судъ приговорилъ *къ повѣшенію* за вооруженное сопротивленіе *мѣщанина Гуджабидзе.* 13 окт. *приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

35) Въ Одессѣ, 11 октября. Военный судъ *приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе потомст. почетнаго гражданина Козакевича,* обвинявшагося въ разбойномъ нападеніи съ цѣлью грабежа.

36) Въ Митавѣ, 10 октября. Вчера по приговору полевого суда *разстрѣлянъ террористъ Папендикъ.*

37) Въ Митавѣ, 12 октября. Засѣдающій почти ежедневно военный судъ *приговорилъ латыша Штромбаха,* за участіе въ вооруженномъ нападеніи на драгунъ въ декабрѣ 1905 г., къ смертной казни. *Приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

38) Въ Ташкентѣ, 12 октября. Убившій Курицына Гринбергъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, 16 октября командующимъ войсками смертный приговоръ убійцѣ доктора Курицына, Гринбергу, замѣненъ вѣчной каторгой.

39) Въ Екатеринославѣ, 12 октября. Арестанты Потемкинъ и Савченко, задушившіе въ арестантскомъ отдѣленіи товарища Переваленко, *приговорены къ повѣшенію.*

40) Въ Ригѣ, 13 октября. По приговору военно-полевого суда *присуждены* вчера поздно вечеромъ *къ смертной казни Лушасъ, Озолинъ и Гайлисъ,* Оправданъ Михельсонъ, привлеченный къ суду по оговору первыхъ.

41) Въ Варшавѣ, 13 октября. По *приговору военно полевого суда разстрѣляны Олышевскій, Бляховичъ и Гржибовскій,* покушавшіеся на убійство земскаго стражника 7 октября, въ деревнѣ Раковѣ, подъ Варшавой.

42) Въ Саратовѣ, 14 октября. Смертный приговоръ Скутельмину, стрѣлявшему въ начальника тюрьмы Шаталова, замѣненъ 15-лѣтней каторгой.

43) Въ Ригѣ, 13 октября. Вчера въ 4 часа дня *разстрѣляны по приговору военно-полевого суда* въ Кокенгузенѣ близь Риги *грабители Кальнинъ, Аргуль.* Оправданъ Залитъ.

44) Въ Перновѣ, 14 октября. По приговору военно-полевого суда въ 7 час. утра *разстрѣляны убійцы урядника Лаура*—крестьяне *Киритейнъ, Кульберъ и Треплобъ.*

45) Въ Юзовкѣ, 14 октября. Вчера въ поселкѣ Дмитріевкѣ *разстрѣлянъ по приговору военно-полевого суда злоумышленникъ* за вооруженное нападеніе на магазинъ.

46) Въ Екатеринославѣ, 14 октября. Военный судъ *приговорилъ Піотровскаго и Щербакова,* подозрѣваемыхъ въ грабежѣ и стрѣлявшихъ въ жандармовъ и солдатъ при арестѣ на станціи „Мальцево", *къ повѣшенію.*

47) Въ Таганрогѣ, 14 октября. 11 октября въ поселкѣ Николаевскомъ на землѣ Михалкова *по приговору военно-полевого суда казнены крестьяне Алтуховъ и Корниловъ* за вооруженные грабежи.

48) Въ Люблинѣ, 14 октября. Сегодня по приговору военно-полевого суда *разстрѣляны за убійство и грабежъ въ* любленскомъ уѣздѣ *Худзикъ и Ривка.*

49) Въ Юрьевѣ, 14 октября. Троекратно присужденному военнымъ судомъ къ смертной казни Гольденбергу казнь замѣнена 20 лѣтней каторгой.

50) Въ Севастополѣ, 15 октября. Вчера въ 5 час. вечера убитъ начальникъ охраннаго отдѣленія Михайловъ. *Задержанный убійца,* отказавшійся назвать себя, военно-полевымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни. Приговоръ ночью приведенъ въ исполненіе.*

51) Въ Кутаисѣ, 15 октября. За разбойничье нападеніе, по приговору военно-полевого суда, *разстрѣлянъ разбойникъ Ной-Гонейридзе.*

52) Въ Тифлисѣ, 16 октября. По приговору военно-полевого суда въ Сигнахѣ *разстрѣляны двое лицъ за покушеніе на убійство и пораненіе стражника.*

53) Въ Петербургѣ, 16-го октября закончились засѣданія военно-полевого суда по дѣлу объ обвиненіи одинадцати лицъ въ ограбленіи 366 тысячъ у казначея с.-петербургской портовой таможни. Судъ призналъ виновными: именовавшаго себя *„Сергѣемъ"*, Исаака *Рабиновича,* Евгенія *Эйхенбаума,* Ивана *Мишина,* Александра *Кочеткова* (онъ-же Сомовъ и Розенбергъ), Ивана *Толмачева,* Сергѣя *Голубева,* и Павла *Дорофѣева, и постановилъ: подвергнуть названныхъ восемь лицъ смертной казни черезъ повѣшеніе* Что же касается подсудимыхъ Никиты Лебедева, Афанасія Михайлова и Нико-

лая Варишкина, обвиняющихся по тому же дѣлу, то судъ опредѣлилъ: за недостаточностью очевидности учиненія ими преступнаго дѣянія возвратить дѣло о нихъ для направленія въ обычномъ порядкѣ.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе 18 октября въ Кронштадтѣ рано утромъ въ фортѣ № 6 Сѣвернаго фарватера.

54) Въ Кронштадтѣ. Во время засѣданій военно-временного суда въ Кронштадѣ по дѣлу о возстаніи матросовъ было задержано пять лицъ, которыя за намѣреніе бросить бомбу въ помѣщеніе, гдѣ засѣдалъ судъ, были преданы военно-полевому суду.

17 октября *судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни и приговоръ приведенъ въ исполненіе.* Среди *казненныхъ рядовые: Константинъ Власовъ, Алексѣй Ипатовъ, рабочій Вячеславъ Тубилевичъ и двѣ женщины: Анастасія Мамаева и Анна Венедиктова.*

55) Въ Петербургѣ. 18 октября, по приговору военно-полевого суда *подвергнутъ смертной казни Василій Топориковъ* (онъ-же Соловьевъ). *Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе* вмѣстѣ съ осужденными тѣмъ же судомъ участниками ограбленія казначея портовой таможни.

Василій Топориковъ обвинялся въ вооруженномъ нападеніи, съ цѣлью ограбленія, на мелочную лавочку на Архангельской ул., по Выборгской сторонѣ, но былъ задержанъ постовымъ городовымъ.

56) Въ Варшавѣ, 16 октября. Въ военномъ судѣ разсматривалось дѣло *Сурда и Янкелевича,* обвинявшихся въ вооруженномъ нападеніи въ ильжецкомъ уѣздѣ на винныя лавки и нанесеніи тяжкой раны солдату. *Оба приговорены къ смертной казни.* Крестьяне Франкъ и Сикоръ, обвинявшіеся въ разбоѣ въ Люблинѣ и убійствѣ нижняго чина, приговорены: первый—къ безсрочной каторгѣ, второй—къ каторгѣ на 20 лѣтъ. Баллертъ, обвинявшійся въ стрѣльбѣ въ проходившій патруль, приговоренъ въ арестантскія отдѣленія на три года. 23 октября *смертный приговоръ надъ Янкелевичемъ и Сурдою приведенъ въ исполненіе.*

57) Въ Липовцѣ, 17 октября. Бѣглый каторжникъ *Дубовый* и рецидивисты-воры *Негода, Болибрюхъ и Глибоцкій* за два вооруженныхъ нападенія съ цѣлью грабежа *приговорены военно-полевымъ судомъ съ смертной* казни. Сегодня въ 6 час. утра *приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

58) Въ Кѣльцахъ, 18 октября. Полевой судъ *приговорилъ* крестьянина *Казиміра Лыжву за убійство* лѣсника самсоновскаго лѣсничества *къ смертной казни.* 20-го *приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

59) Въ Екатеринославѣ, 17 октября Екатеринославскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ преданы военно-полевому суду крестьяне Александровскаго уѣзда: Елисей Доля, Пантелеймонъ Чичикало, Василій Ганичъ и Трофимъ Таранъ по обвиненію въ разгромѣ имѣнія землевладѣльца Ивана Михайловича Морозова и истязаніи послѣдняго. *Доля и Таранъ приговорены къ разстрѣлянію,* остальные оправданы.

60) Дубно, 17 октября. Военно-окружнымъ судомъ *Ткачукъ и Демчукъ* за убійство казеннаго сборщика Маканова *приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

61) Въ Иркутскѣ приговорены къ смертной казни: за безпорядки въ тюрьмѣ *одинъ политическій и четверо уголовныхъ.*

62) Въ Сухумѣ, 18 октября. Военно-полевой судъ, разсмотрѣвъ дѣло о нападеніи мингрельцевъ *Джгандженау* и Шерозія на домъ крестьянина, *приговорилъ перваго къ смертной казни* черезъ разстрѣляніе, а второго оправдалъ.

63) Въ Ригѣ, 19-го октября. Въ окружномъ судѣ слушалось дѣло о нападеніи на городового, совершенного Абситомъ, Земгалемъ, Іогансономъ кассированное главнымъ военнымъ судомъ, первымъ приговоромъ Абситъ былъ оправданъ, Земгалъ и Іогансонъ приговорены къ смертной казни. Сегодня въ окружномъ судѣ Абситъ оправданъ вторично, Земгалъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ, Іогансонъ на 4 года.

64) Въ Ревелѣ Смертная казнь крестьянину Вильдену по приговору военно-окружнаго суда за разбойническое нападеніе на крестьянку замѣнена генералъ-губернаторомъ каторжными работами на 20 лѣтъ.

65) Въ Екатеринославѣ, 19 октября. *Трое главарей шайки*, переодѣтыхъ въ форму полицейскихъ, *приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

66) Въ Лодзѣ, 19 октября. *По приговору военно-полевого суда разстрѣлянъ* въ Бендинѣ *Антонъ Михно* за умышленное убійство въ гроецкомъ лѣсу Маріаны Стемпенъ и за покушеніе на убійство нѣкоего Регальскаго.

67) Въ Екатеринославѣ, 19 октября. — Вчера въ Александровскѣ, по приговору военно-полевого суда, *разстрѣляны двое крестьянскихъ парней*, ограбившихъ и истязавшихъ Морозова.

68) Въ Тукумѣ, 20 октября по приговору военно-полевого суда *разстрѣлянъ предводитель лѣсныхъ братьевъ Анскальнъ.*

69) Въ Ригѣ, 20 октября. Военно полевой судъ *приговорилъ крестьянъ Петруна и Титова* за нападеніе и нанесеніе тяжкихъ пораненій городовому *къ смертной казни.* Андреевскій и Кузнецовъ оправданы. *Приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

70) Въ Владивостокѣ, 21 октября. Военнымъ судомъ *приговорены къ повѣшенію двое хунгузовъ* пойманныхъ въ моментъ грабежа въ домѣ Подгорбунскаго. *Приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

71) Въ Минскѣ, 22 октября. Военно-полевой судъ *приговорилъ крестьянина Шалая,* покушавшагося на ограбленіе лавки въ мѣстечкѣ Раковѣ и ранившаго при этомъ лавочницу, *къ смертной казни* черезъ повѣшеніе *23-го приговоръ приведенъ въ исполненіе.* Повѣшеніе было замѣнено разстрѣляніемъ.

72) Въ Сосновицы, 22 октября. Въ Бендинѣ *разстрѣлянъ по приговору военно-полевого суда Бартошевичъ,* обвинявшійся въ грабежахъ.

73) Въ Ригѣ, 23 октября. Военно-полевой судъ приговорилъ членовъ группы коммунистовъ-анархистовъ—*Силина, Подзина, Шафрона, Іоффе и Левина,* совершившихъ нѣсколько крупныхъ вооруженныхъ грабежей, *къ смертной казни. 24-го смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

74) Въ Кутаисѣ, 23 октября. Вчера въ Квирилахъ рѣшеніемъ полевого суда *преданы смертной казни Саихарадзе и Гвелесіани,* обвинявшіеся въ грабежѣ.

75) Полевымъ судомъ въ Наткенсгофѣ, близь Вендена, за ограбленіе трехъ корчмъ *приговорены къ смертной казни Зейманъ, 2 брата Древинкъ,*

Сарринъ, Бергольцъ, Михельсонъ, Смургисъ. Вчера *въ 5 ч. приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

76) Въ Кіевѣ, 23 октября. Командующій войсками *утвердилъ приговоръ* о повѣшеніи *Якобсона*, участника нападенія на почтальона, разносящаго деньги. Повѣшеніе замѣнено разстрѣляніемъ. *Приговоръ приведенъ въ исполненіе 30 октября.*

77) Въ Екатеринославѣ, 23 октября. *На разсвѣтѣ разстрѣлянъ Василій Короткій*, приговоренный военно-полевымъ судомъ къ смертной казни за нападеніе на казенныя винныя лавки и частное имущество въ селѣ Кайдаки.

78) Въ Варшавѣ, 23 октября. *Приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ военно-полевого суда надъ Станиславомъ Клоссомъ*, покушавшимся на убійство 19 октября мясника и убившимъ пытавшагося его задержать Гольдберга.

79) Въ Кутно, 24 октября. *Разстрѣляны три участника шайки грабителей, грабившей помѣщиковъ.*

80) 24 октября. Въ Сухумѣ *разстрѣлянъ, по приговору военно-полевого суда Жанжаловъ*, обвинявшійся въ рядѣ грабежей.

81) Въ Екатеринославѣ, 25 октября. Вчера *разстрѣляны Анфиловъ и Амбрушевичъ, осужденные военно-полевымъ судомъ* за ограбленіе артельщика Иванова.

82) Въ Варшавѣ, 24 октября. Военный судъ *приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе Шпитальника, Познера, Стаховича и Банковскаго* и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ Смолинскаго,—обвиняемыхъ въ убійствѣ въ маѣ мѣсяцѣ помощника пристава Ковалевскаго.

83) Въ Одессѣ, 25 октября. Судебная палата за участіе въ революціонномъ сообществѣ, пользовавшемся для преступныхъ цѣлей взрывчатыми веществами, приговорила къ каторжнымъ работамъ подсудимыхъ Столярова и Панцулая—на 8 лѣтъ, бригадира Вѣтрюка и Глущенко—на 6 лѣтъ, Больпера - на 4 года; Маріи Завьяловой, обвинявшейся въ покушеніи на убійство надзирателя Шакарманъ, смертная казнь замѣнена безсрочной каторгой.

84) Въ Екатеринославѣ, 26 октября. По дѣлу о захватѣ въ декабрѣ станціи Мечетная и Пологи военнымъ судомъ *приговорены двое къ смертной казни*, трое къ каторгѣ и четверо, къ ссылкѣ въ Сибирь. Постановлено ходатайствовать о замѣнѣ первымъ смертной казни каторжными работами.

85) 26 октября, въ главномъ военномъ судѣ разсматривались *кассаціонныя жалобы приговоренныхъ къ смертной казни*—кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ — Веймарскаго и Вареника за нападеніе на ювелирный магазинъ и—временнымъ военнымъ судомъ въ Екатеринославѣ—Горбунова за нападеніе на желѣзнодорожнаго артельщика. *Всѣ жалобы оставлены главнымъ судомъ безъ удовлетворенія.*

86) Въ Тифлисѣ, 26 октября. Военно-полевой судъ *приговорилъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе Семена Меликяна*, обвинявшагося въ вооруженномъ нападеніи совмѣстно съ другими, скрывшимися грабителями, на домъ Павлова. *28 окт. приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

87) Въ Калишѣ, 27 октября. Въ тюрьмѣ сегодня въ 1 часъ ночи *казненъ по приговору военно-полевого суда Войцехъ Яблоковскій* за умышленное убійство рабочаго Гаевскаго, совершенное 25 октября въ 5 часовъ вечера.

88) Въ Тифлисѣ. 26 октября. *По приговору военно-полевого суда, въ Вагаршапате разстрѣляны трое*, покушавшіяся на убійство полицейскаго стражника.

89) Въ Ригѣ. 27 октября. Военно-полевой судъ *приговорилъ Юргенсона, за нападеніе на городового, къ смертной казни; приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

90) Въ Тифлисѣ, 27 октября. Житель селенія Ковартъ, *Ованесовъ, преданный военно-полевому суду* за убійство татарина, *приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.*

91) Въ Полтавѣ, 28 октября. Военно-полевой судъ *приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе рабочаго Илью Фоменко* за нанесеніе раны, съ цѣлью убійства, начальника движенія желѣзной дороги.

92) Въ Варшавѣ, 28 октября. Военно-окружной судъ, вторично разсмотрѣвъ дѣло жителей Новоминска Войцеховскаго, Яворскаго, Шамборскаго, Шубы и Піоруункевича, обвиненныхъ въ убійствѣ начальника новоминскаго уѣзда Юнацкевича, приговорилъ къ каторгѣ, перваго—къ безсрочной и троихъ къ двадцатилѣтней. Піоруункевичъ оправданъ. Всѣ они были въ іюлѣ приговорены къ смертной казни. но вслѣдствіе кассаціонной жалобы главный военный судъ отмѣнилъ приговоръ.

93) Въ Сосновицѣ, 28 октября. Въ Бендинѣ *разстрѣлянъ по приговору военно-полевого суда Киспержакъ*, обвинявшійся въ грабежахъ.

94) Въ Тифлисѣ, 29 октября. По приговору военно-полевого суда въ Эривани *разстрѣлянъ Аветикъянцъ за покушеніе* на жизнь часового.

95) Въ Тифлисѣ, 30 октября. *Братья Богратъ и Николай Меликовы* по приговору военно-полевого суда *разстрѣляны за вооруженное нападеніе на купца Громова.*

96) Въ Петербургѣ, 29 октября. Въ главномъ военномъ судѣ разсматривалась кассаціонная жалоба крестьянина Жухатовича, Шварца и Осоковскаго, приговоренныхъ виленскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за убійство стражника. Главный судъ постановилъ, кассаціонную жалобу оставить безъ послѣдствій.

97) Въ Луганскѣ, 30 сентября. Въ 5 час. утра по приговору военно-полевого суда *разстрѣляны двое за динамитное* покушеніе въ Павловскѣ.

98) Въ Красноярскѣ, 30 октября. *Трое нижнихъ чиновъ* 31 полка за нанесеніе ударовъ фельдфебелю и пораненіе офицера *приговорены военно-полевымъ судомъ къ смертной казни. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

99) Въ Новой Бухарѣ, 31 октября. Задержанные полиціей въ Новой Бухарѣ трое кавказцевъ, ограбившихъ агента фирмы „Бродскій" въ Чарджуѣ, *приговорены военнымъ судомъ одинъ къ повѣшенію*, а двое къ пожизненной каторгѣ.

100) Въ Кіевѣ, 30 октября. Военно-окружной судъ *приговорилъ крестьянъ Биленькаго и Маринича* за вооруженное нападеніе на экономію Кузминскаго, житомірскаго уѣзда, *къ повѣшенію*, постановивъ ходатайствовать о смягченіи. Палата приговорила къ двумъ годамъ заключенія въ крѣпости крестьянина Королькова за агитацію среди крестьянъ села Терновки, кро-

левецкаго уѣзда, а также Ермиленко, у котораго при обыскѣ найдена чековая книжка конотопской организаціи соціалъ-демократической рабочей партіи, принадлежности для печатанія и партійная литература.

Изъ «Прибалтійскаго Края» сообщаютъ:

101) Въ Маріенбургѣ, 1 октября. разстрѣляны два лица по подозрѣнію въ участіи въ ограбленіи мѣстной корчмы.

102) Въ мѣстечкѣ Дубенаа, фридрихштадтскаго уѣзда, что войска изловили давно разыскиваемаго главаря лѣстныхъ братьевъ Августа *Мазера и его двухъ сообщниковъ 27 сентября,* по приговору военно-полевого суда, *всѣ трое были разстрѣляны не берегу Двины.*

103) Въ Фестенѣ, 3 октября. Утромъ у Толкинскаго православнаго кладбища, *разстрѣлянъ нѣкій Мауринъ,* арестованный еще лѣтомъ и теперь лишь привезенный изъ Виндена въ Толку.

104) Въ Митавѣ, 14 октября. *Разстрѣляны* около Цабельна вожакъ банды Алкснекъ.

105) 16 окт. Въ Энневарденѣ *разстрѣлянъ нѣкій Билютъ,* за которымъ насчитываютъ 22 убійства и вооруженныхъ нападеній.

106) Въ Митавѣ *разстрѣлянъ одинъ* изъ нападавшихъ на гольдингенскую почту. 5 остальныхъ преданы военно-полевому суду.

107) 22 октября. Карательный отрядъ въ Даленѣ застрѣлилъ свояка иствиашагося предводителемъ грабителей Вебрандта, Лаздина. Лаздина застрѣлили потому, что онъ отказывался сообщить, гдѣ въ настоящее время находится Вебрандтъ.

108) 25 октября. Въ Даленѣ, Карательнымъ отрядомъ *былъ разстрѣлянъ нѣкій Рагулъ,* на котораго пало подозрѣніе въ политическихъ преступленіяхъ.

109) 25 октября. Подъ Митавой *разстрѣляны двое рабочихъ,* завода акціонерной компаніи Бекера въ Либавѣ, руководившіе тайной организаціей, имѣвшей задачей держать всѣхъ рабочихъ въ Либавѣ въ извѣстной сплоченности для революціонныхъ цѣлей.

110) Карательная экспедиція 23 октября у Пулькарна (имѣніе Левисъ офъ-Менара), въ 24 верстахъ отъ Риги застрѣлила двухъ даленцевъ: *И. Бригмана* изъ усадьбы „Скуяны“ *и М. Крузе изъ усадьбы* „Шунупасъ“. Кромѣ того, тѣлесному наказанію подвергнуто очень много жителей, такъ что въ рѣдкой усадьбѣ нѣтъ стоновъ и плача.

111) Въ виндавскомъ уѣздѣ карательной экспедиціей *разстрѣляны два мѣстныхъ усадьбовладѣльца* по подозрѣнію въ поджогѣ, оказавшемся неосновательнымъ.

112) Въ Ленерварденѣ *разстрѣлянъ* крестьянинъ *Лавдовскій,* обвинявшійся въ грабежѣ.

Военно-полевой судъ *приговорилъ* въ Сецесъ-Серекѣ *къ смертной казни черезъ разстрѣляніе нѣкоего Винтина,* силой заставившаго мѣснаго почтальона везти его на своихъ лошадяхъ и похитившаго послѣ того у почтальона полъ-штофа водки. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Печать въ октябрѣ подверглась нижеслѣдующимъ преслѣдованіямъ:

1) Въ Тифлисѣ, 1 октября. Пріостановлена грузинская газета „Григали“ Редакторъ арестованъ и высылается изъ предѣловъ генералъ губернаторства.

2) Въ Петербургѣ, 1 октября конфискованъ вышедшій въ этотъ день еженедѣльникъ к.-д. партіи „Вѣстникъ народной свободы“.

3) Тамъ-же 2 октября, въ виду состоявшагося распоряженія о конфискаціи сентябрьской книжки журнала „Русское Богатство“, былъ произведенъ обыскъ въ помѣщеніяхъ редакціи и типографіи, гдѣ печатается журналъ. Въ редакціи найдено всего 4 экземпляра книжки журнала.

4) Въ Кіевѣ, 2 октября. Генералъ-губернаторомъ сдѣлано распоряженіе объ изъятіи изъ обращенія на время военнаго положенія „Всеобщей Газеты“.

5) Въ Петербургѣ. Выпускъ II сборника подъ названіемъ „Народно-соціалистическое обозрѣніе“ конфискованъ 2 октября. При этомъ полиція въ типографіи не нашла ни одной книжки, на квартирѣ же писателя А. В. Пѣшехонова при обыскѣ арестованъ одинъ экземпляръ II выпуска сборника.

6) Въ Кіевѣ, 3 октября. Генералъ-губернаторомъ пріостановлена газета „Кіевскій Голосъ“ на время военнаго положенія.

7) Въ Тифлисѣ, 3 октября. Распоряженіемъ генералъ-губернатора пріостановлена газета „Тифлисскій Телеграфъ“ за вредное направленіе.

8) Въ Петербургѣ. По распоряженію комитета по дѣламъ печати 4-го сентября былъ наложенъ арестъ на 7-й и 8-й №№ „Журнала для всѣхъ“; затѣмъ черезъ нѣсколько дней на 9-й № и, наконецъ, 30-го сентября—на 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й №№ этого года и на № 12-й 1905 г.

Такимъ образомъ всѣ №№ этого года конфискованы.

9) Въ Тифлисѣ, 4 окт. Генералъ губернаторомъ закрыта за вредное направленіе „Лѣтопись патріотическаго общества“.

10) Въ Петербургѣ, 4 октября, въ 10 час. утра, въ книжный магазинъ „Трудъ“ явилась въ большомъ количествѣ полиція и произвела въ магазинѣ обыскъ. Полиція особенно усердно искала номера с.-д. газеты „Пролетарій“, два номера котораго найдены въ какой-то корзинѣ.

11) Въ Вильно, 4 октября. Въ камерѣ судебнаго слѣдователя арестованъ и препровожденъ въ тюрьму редакторъ еженедѣльной газеты „Der Neuer Weg“ Зибель по обвиненію по обвиненію по 129 ст. за передовую статью „Военные погромы“.

12) Въ Варшавѣ, 7 октября. Редакторъ „Еврейскаго Голоса“ Вейцманъ подвергнутъ въ административномъ порядкѣ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ за напечатаніе письма изъ Сѣдлеца о бывшихъ тамъ безпорядкахъ.

13) Въ Москвѣ, 5 окт. На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ пріостановлена газета „Послѣдняя Вечерняя Почта“.

14) Тамъ-же полиціей произведенъ обыскъ въ книгоиздательствѣ „Новое Товарищество“. Книгоиздательство закрыто. Завѣдующіе имъ г-нъ и г-жа Высоцкіе, а также и всѣ приходившіе въ магазинъ во время обыска арестованы.

15) Въ Петербургѣ. Ночью на 6 октября чины охранной и наружной полиціи произвели обыскъ въ Сѣверномъ книжномъ складѣ, находящемся въ д. № 134, по Невскому проспекту. Приступивъ къ обыску, полиція устроила у входа засаду. По окончаніи обыска складъ былъ опечатанъ, а самъ завѣдующій склада арестованъ и препровожденъ въ охранное отдѣленіе.

16) Въ Томскѣ, 7 октября. Пріостановлена на 3 недѣли газета „Сибирская Жизнь". Поводомъ послужило сообщеніе невѣрныхъ свѣдѣній о военно-подевыхъ судахъ, напечатаніе статей, возбуждающихъ къ прекращенію занятій въ учебныхъ заведеніяхъ, и, наконецъ, оглашеніе данныхъ производящагося слѣдствія.

16) По распоряженію цензурнаго комитета конфискованы брошюры, Нотлау М. „Излишная отвѣтственность и солидарность въ борьбѣ рабочаго класса" К-ва „Свободное соглашеніе" и М. Пьеро. „Синдикализмъ и революція" К-ва „Просторъ".

17) Въ Петербургѣ, 6 октября во 2-мъ отдѣленіи уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената слушалось кассаціонная жалоба бывшаго редактора газетъ „Наша Жизнь" и „Народное Хозяйство" и журнала „Вѣстникъ Свободы" В. В. Водовозова, обвинявшагося по ст. 129 угол. улож. и п. 6 ст. 5 отд. VIII закона о печати 24 ноября 1905 года и приговореннаго къ 1 году крѣпости. Сенатъ, отмѣнивъ часть приговора, оставилъ въ силѣ приговоръ за напечатаніе „Постановленія делегатскаго съѣзда 6—10 ноября 1905 г."; такимъ образомъ, рѣшеніе палаты о заключеніи Водовозова на 1 годъ въ крѣпость осталось въ силѣ.

18) Тамъ же 6 октября въ окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію редакторовъ газеты „Страна" проф. Иванюкова и проф. М. Ковалевскаго по 6 ст. VIII времен. прав. о печати 24 ноября 1905 г. Окружный судъ призналъ ихъ виновными и приговорилъ къ аресту на 2 недѣли.

19) Въ Лодзи, 5 октября. Редакторъ-издатель „Лодзинскаго Листка" Зонеръ приговоренъ петроковскимъ окружнымъ судомъ за напечатаніе статьи, въ которой нанесено оскорбленіе арміи, къ двухнедѣльному аресту.

20) Въ Москвѣ, 8 октября. Произведенъ обыскъ въ редакціи „Новый Путь".

21) Въ Кіевѣ, 9 октября. Бывшій редакторъ газеты „Народъ" за оскорбленіе бранными словами въ своей газетѣ гр. С. Ю. Витте и П. Н. Дурново приговоренъ окружнымъ судомъ къ аресту при тюрьмѣ на три недѣли.

21) Главное управленіе по дѣламъ печати налсжило арестъ на слѣдующія изданія—брошюры: 1) „Бѣлостокскій погромъ" изд. Рус. Своб. Издательства, 2) „Передъ грозой" изд. газ. Сѣверная Россія 3) Виконтъ Анархическій индивидуализмъ, 4) П. Степановъ „Домой вернули" 5) „За вѣру, царя и отечество" и 6) журналы „Истина".

22) Въ Таганрогѣ, 9 октября. Сегодня новочеркасской палатой разбирались дѣла редактора „Таганрогскаго Вѣстника" Чумаченко, сотрудника Градусова по 129 и 51 и Селезнева по 134 ст. Чумаченко и Градусовъ оправданы. Селезневъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ срокомъ на одинъ мѣсяцъ.

23) Московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбуждены вопросы о судебномъ преслѣдованіи періодическихъ изданій „Желѣзнодорожная жизнь", „Народная газета" и „Литературные вечера", а также порнографическихъ изданій „Веселая сваха" и „Клико".

24) Въ Самаркандѣ, 9 октября. По распоряженію туркестанскаго генералъ-губернатора пріостановлена газета „Новый Самаркандъ"; типографія газеты запечатана; въ редакціи произведенъ обыскъ.

25) Въ Москвѣ Губернское присутствіе привлекаетъ къ отвѣтственности три петербургскія газеты: „Страну“, „Рѣчь“ и „Око“, за напечатаніе ложнаго сообщенія о происшедшемъ, якобы, похищеніи призывныхъ списковъ изъ присутствія.

26) Въ Кіевѣ. Въ окружномъ судѣ разсматривались литературныя дѣла бывшихъ редакторовъ „Кіевскихъ Откликовъ“ профессора Лучицкаго и Саликовскаго. Лучицкій оправданъ, Саликовскій по двумъ дѣламъ приговоренъ къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы.

27) Въ Петербургѣ Комитетомъ по дѣламъ печати конфискованы брошюры: 1) Іорданскій „Задачи революціи“. Изданіе Сергѣя Дёмина. и 2) „Григорій Бѣлорѣцкій“ „Безъ идеи“. Изданіе „Русское Богатство“.

28) Тамъ же Комитетомъ по дѣламъ печати конфискованы брошюры: Лафаргъ. „Вѣра въ Бога“. Изданіе „Колоколъ“ и „На разныя темы“. Изданіе „Книжныя новости“.

29) Московскимъ генералъ-губернаторомъ, на основаніи чрезвычайной охраны, пріостановлено изданіе „Народной Газеты“ и издававшейся при ней газеты „Старообрядецъ“, которыя являлись органами прогрессивнаго старообрядчества.

30) Въ Петербургѣ. На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ градоначальникомъ пріостановлено изданіе ежедневной газеты „Петербургское Эхо“. № 4 этой газеты конфискованъ.

Редакторъ газеты „Петербургское Эхо“, г. Вишневъ, привлекается къ отвѣтственности по 4 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 3 статьи „Наброски“, „О герояхъ“. Кромѣ того, возбужденъ вопросъ о подложности помѣщеннаго въ томъ же номерѣ документа по дѣлу о казненномъ въ Москвѣ Звѣревѣ.

31) Въ Кіевѣ, 10 октября. Генералъ-губернаторъ на время военнаго положенія воспретилъ продажу газеты „Вѣче“.

32) Въ Варшавѣ, Пріостановленъ журналъ „Политыкъ“.

33) Въ Петербургѣ. Въ ночь съ 13 на 14-е октября полиція конфисковала въ помѣщеніи редакціи журнала „Русское Свободное Слово“ (Троицкая ул., № 6), вышедшій на-дняхъ 3-й томъ сочиненій гр. Л. Н. Толстого, въ которомъ помѣщены слѣдующія статьи: „Такъ что же намъ дѣлать?“ „Исповѣдь“, „Къ политическимъ дѣятелямъ“, „Возстановленіе ада“, „Стыдно“ и „Требованія любви“. Всѣ эти статьи, напечатанныя въ другихъ изданіяхъ, до сихъ поръ конфискованы не были.

34) Въ Тифлисѣ, 17 октября. Генералъ-губернаторомъ закрыты газеты „Кавказская Жизнь“ и „Тифлисъ“.

35) Въ Петербургѣ, 17 октября. Конфискованы и отбирались у газетчиковъ №№ „Товарища“ и „Ока“.

36) Ярославль, 17 октября. Редакторъ „Сѣвернаго Голоса“ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Коварскій за неуваженіе къ Верховной власти особымъ присутствіемъ московской судебной палаты приговоренъ къ штрафу въ 500 рублей, съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ на 6 мѣсяцевъ.

37) Симферополь, 17 октября. Конфискованы мѣстныя газеты за исключеніемъ органа октябристовъ.

38) Въ Самарѣ, 17 октября. Сегодня, 17 октября конфискованъ номеръ

„Самарскаго Курьера“. Полиція ночью остановила печатаніе „Самарской Луки“.

39) Въ Вильно, 17 октября. Сегодняшній номеръ „Свободнаго Слова“ конфискованъ за передовую статью по поводу 17 октября; редакторъ привлекается по 129 ст.

40) Въ Красноярскѣ. По распоряженію администраціи закрыта газета „Енисейскій Край“.

41) Въ Верхнеудинскѣ, 18 октября. 15-го октября временнымъ генералъ-губернаторомъ пріостановлена газета „Сибирское Слово“ вслѣдствіе вреднаго направленія.

42) Въ Полтавѣ, 18 октября. Особое присутствіе харьковской палаты, разсмотрѣвъ пять дѣлъ редактора „Полтавскихъ Думокъ“ Екатерины Гулькевичъ, приговорилъ ее къ трехмѣсячному заключенію въ крѣпости. Газета закрыта навсегда.

43) Въ Омскѣ, 19 октября. 18 октября пріостановлены газеты „Степной Піонеръ“ и журналъ „Да будетъ свѣтъ“, типографія закрыта. Владѣлецъ типографіи редакторъ-издатель „Степного Голоса“, горный инженеръ Корнѣевъ высланъ.

44) Въ Полтавѣ, 19 октября. Редакторъ журнала „Наканунѣ“ Зеленская, привлеченная по первому и пятому пунктамъ 129 статьи, приговорена палатой къ заключенію въ крѣпости на три мѣсяца. Изданіе журнала прекращено.

45) Въ Москвѣ. № 4 „Студенческой газеты“ отъ 18 октября конфискованъ.

— Комитетъ по дѣламъ печати привлекъ къ отвѣтственности „Студенческую Газету“ по 129 и 133 ст.ст., за восхваленіе преступленій.

— Комитетомъ по дѣламъ печати привлекаются къ отвѣтственности: по 129 ст. журналы „Наше Дѣло“ и „Техникъ“; по 285 ст. журналъ „Русская Мысль“ по 1001 ст. (за порнографію) „Почта Амура“ и „Судебной Газеты“ по 129 и 133 ст. уг. ул.

46) Въ Петербургѣ, 19 октября. Конфискованъ только что вышедшій № 12 журнала „Вѣстникъ Жизни“.

Конфискованъ весь только что отпечатанный номеръ 23-й газеты „Неделя“.

47) Въ Лодзи, 20 октября. Петроковскій судъ приговорилъ редактора „Kurjer Łódzski“, Максіорскаго, за напечатаніе статьи о бѣлостокскомъ погромѣ, къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы.

48) Въ Петербургѣ, 20 октября. Былъ произведенъ обыскъ въ помѣщеніи книгоиздательства О. Н. Рутенбергъ. Конфискованъ 31 экземпляръ брошюры „Христіанство и соціалъ-демократія“.

49) Въ Петербургѣ. Опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 23 октября, пріостановлено изданіе журнала „Хлѣбъ и работа“.

Комитетомъ по дѣламъ печати конфискованы брошюры. Андреа Коста: „Что такое соціализмъ“ и Александръ Новиковъ: „Пролетаріатъ въ современной борьбѣ“.

50) Въ Тифлисѣ. Закрыта газета „Отголоски“ и редакторъ ея высланъ.

51) Въ Петербургѣ, 20 октября. Старшимъ инспекторомъ типографій

конфискована въ количествѣ 5,000 экземпляровъ въ типографіи „Грамотность“ брошюра „П. Кропоткинъ. Анархія и ея мѣсто въ соціалистической эволюціи“.

52) Тамъ же. Опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 20 октября, пріостановлено изданіе журнала „Ткачъ“ за напечатаніе въ № 8 статей: „Англійская депутація и русская черная сотня“ и „Судъ впереди“. Редакторъ журнала привлекается къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст угол. улож.

53) Тамъ же. Комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на брошюры: „Чего ждать отъ современнаго движенія“. Книгоиздательство „Свѣточь“ г. Таръ, „Очеркъ петербургскаго движенія 90-хъ годовъ“. Книгоиздательство „Новый міръ“ и Вандервельде „Соціализмъ и земледѣліе“. Изданіе журнала „Образованіе“.

54) Тамъ же. Въ воскресенье, 22 октября, въ типографіи „Трудъ и Польза“ (Садовая, 32) полиціей былъ произведенъ обыскъ, третій въ текущемъ мѣсяцѣ. Арестовано около 10 тыс. экземпляровъ печатавшагося № латышской соц.-дем. газеты „Zihna“ („Борьба“); полиція захватила стереотипъ и бумагу съ барабана.

55) Въ Ригѣ, 23 октября. Латышская газета „Beedris“ пріостановлена администраціей.

56) Еженедѣльная газета „Царскосельская Жизнь“ распоряженіемъ петербургскаго губернатора прекращена за „вредное направленіе“.

57) Въ Шуѣ, 22 октября. Конфискованъ сегодняшній номеръ „Иваново-вознесенскаго Дневника“.

58) Въ Казани, 24 октября. Пріостановлена на неопредѣленное время соціалъ-демократическая газета „Волжскій Курьеръ“. Редакторъ ея Плетневъ привлекается по 128 ст. ул. къ отвѣтственности.

59) Въ Петербургѣ, 23 октября. Въ судебной палатѣ слушалось дѣло литератора Хирьякова, обвинявшагося по 132 ст. уг. ул. за выпускъ революціоннаго гимна „Впередъ“. Палата признала Хирьякова виновнымъ въ составленіи сочиненія, призывающаго солдатъ къ неисполненію ихъ обязанностей, но не получившаго распространенія, и приговорила его къ заключенію въ крѣпость на 1 мѣсяцъ.

60) Въ Вильнѣ, 24 октября. Конфискованы очередные номера газетъ „Свободное Слово“ и „Сѣверо Западный Голосъ“.

61) Въ Петербургѣ, 25 октября. Днемъ отрядъ полицейскихъ съ приставомъ во главѣ явился въ типографію „Будущность“ по 2-й Рождественской ул., и произвелъ тщательный обыскъ Типографія опечатана.

62) 24 октября. Въ московской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей назначено было къ слушанію дѣло редактора-издателя газеты „Вѣче“ Оловянникова, обвинявшагося по 103 ст. уг. ул. и 1024 ул. о нак. Заочнымъ приговоромъ Оловянниковъ присужденъ къ двухмѣсячному заключенію въ крѣпости.

63) Въ Петербургѣ. Департаментъ полиціи сообщилъ прокурорскому надзору о привлеченіи къ отвѣтственности редактора газеты „Сегодня“ за сообщеніе въ вышедшемъ 13 октября номерѣ ложныхъ свѣдѣній о томъ, что будто бы при разборѣ дѣла о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ было опу-

бликовано письмо Лопухина къ Столыпину. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, письмо это на судѣ опубликовано не было.

64) Въ Петербургѣ. Старшимъ инспекторомъ типографій Бутовскимъ отдано распоряженіе о принятіи мѣръ къ конфискаціи только что вышедшаго № 10 журнала „Всемірный Вѣстникъ". Полиціей произведенъ обыскъ въ типографіи, причемъ конфисковано нѣсколько сотъ экземпляровъ журнала.

65) Тамъ же Конфискована недавно вышедшая брошюра Л. Шишко. „Разсказы изъ русской исторіи. Часть третья".

66) Въ Петербургѣ. Постановленіемъ комитета по дѣламъ печати наложенъ арестъ на нижеслѣдующія брошюры: 1) „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь", „Пролетаріатъ и его конечная цѣль" (программа максимумъ), 2) „На чьей сторонѣ правда", 3) „Чиновничій законъ и народное право", 4) „Народно-соціалистическое обозрѣніе", 5) Роза Люксенбургъ. „Русская революція", переводъ И. Гуревича, 6) Арцыбашевъ. „Кровавое пятно въ деревнѣ". Разсказы, 7) М. А. Бакунинъ. Полное собраніе сочиненій Т. I, подъ редакціей А. И. Бакунина.

Московской судебной палатой утверждены аресты на нижеслѣдующія брошюры: 1) О. Наумовъ „Правда о черной сотнѣ", подъ редакціей прив.-доцента Н. А. Рожкова; 2) Н. Ленинъ „Роспускъ думы и задачи пролетаріата" и 3) на книгу „Сборникъ извѣстій крестьянск. депутатовъ и трудовой Россіи".

67) Въ Черниговѣ, 25 октября. Редакторъ „Десны" Галимскій за перепечатку изъ газеты „Дума" воззванія трудовой группы государственной думы приговоренъ кіевской судебной палатой къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ.

68) Въ Симферополѣ, 25 октября. Бывшему депутату думы князю Оболенскому воспрещено редактировать „Жизнь Крыма". Сегодняшній номеръ съ письмомъ Лопухина конфискованъ.

69) Въ Москвѣ. Пріостановлена газета „Желѣзнодорожная Россія" на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ.

70) Въ Петербургѣ, 25 октября. Въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора газеты „Русь" г. Крамалея за цѣлый рядъ помѣщенныхъ въ редактируемой имъ газетѣ статей.

Палата, отвергнувъ обвиненія по 129 ст., признала г. Крамалея виновнымъ лишь по ц. *в.* ст. 5 отд. VIII временныхъ правилъ и приговорила его къ аресту на 3 мѣсяца.

71) Въ Москвѣ. По распоряженію московскаго генералъ-губернатора изданіе старообрядческой газеты „Народное Благо" пріостановлено.

72) Въ Полтавѣ 27 октября. Противъ бывшаго члена думы Тесли возбуждено уголовное преслѣдованіе по 1040 ст. за напечатаніе въ мѣстной газетѣ „Колоколъ" „Письма на родину".

73) Въ Петербургѣ, 29 октября. Старшій помощникъ участка литейной части явился въ помѣщеніе книгоиздательства Н. Глаголева съ предписаніями старшаго инспектора по дѣламъ печати наложить арестъ на книгу Л. Мартова, „Пролетарская борьба въ Россіи", съ предисловіемъ П. Аксельрода, и на уже ранѣе арестованную книгу Парвуса — „Россія и революція", такъ какъ въ № 44 „Око" помѣщено объявленіе книгоиздательства Н. Гла-

голева о продажѣ книгъ, въ числѣ которыхъ находится и книга Парвуса, подлежащая аресту. Послѣ произведеннаго во всѣхъ помѣщеніяхъ издательства обыска, арестовано только 16 экз. книги Л. Мартова.

74) Въ Одессѣ, 30 октября. Генералъ-губернаторъ созвалъ редакторовъ здѣшнихъ газетъ и обязалъ ихъ подпиской не помѣщать статей, а также перепечатокъ, въ которыхъ проявляется тенденціозное отношеніе къ выборамъ въ государственную думу. За неисполненіе указаннаго распоряженія редакторы, а также завѣдывающіе отдѣлами газеты будутъ подвергаться штрафу въ три тысячи рублей или соотвѣтствующему аресту.

75) Въ Петербургѣ. Въ ночь съ 29 на 30 октября полиція конфисковала 164 экземпляра книги „Дѣло 1 марта 1881 года", со статьей и примѣчаніями Льва Дейча. Книга эта вышла еще въ ноябрѣ 1905 года и до сего времени конфискаціи не подвергалась.

76) Въ Петербургѣ. Департаментъ полиціи сообщилъ прокурору суда о привлеченіи къ отвѣтственности редактора „Петербургской Газеты" за напечатаніе 18 октября статьи подъ названіемъ „Судъ надъ бомбистами-грабителями".

77) Въ Петербургѣ. Комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на нижеслѣдующія произведенія печати: 1) Комперъ-Морель „Задачи пропаганды въ деревнѣ", 2) Листокъ „Бабочка" № 1, 3) „Взятіе Бастиліи, 4) А—др. Новиковъ „Наши братья", 5) Алексѣй Златкинъ „Земля", 6) Новоторжскій „Что такое правовое государство", 7) Сознательная Россія вып. I, 8) Е. Тач—нъ Отвѣтъ В. Чернову, 9) „Къ организаціи трудового общества, 10) „Пролетаріатъ въ современной борьбѣ", 11) „На разныя темы", К-во „Книжныя Новости, 12) Л. Мартовъ „Политическія партіи въ Россіи" 3-й годъ. К-во А. Витолъ. 13) Эд. Цалитъ Революція и контръ-революція изд. Злетинъ. 14) Революціонныя пѣсни изд. Я. Крумина, 15) № 2 журналъ „Для смѣха", № 154 евр. газеты „Пазманъ", №№ 5. 6, 7, 8 и 9 журнала „Наше Слово", № 7 журнала „Шутовокъ". Утверждены судебными установленіями аресты на брошюры. 1) В. Асинъ „Бѣднота — отъ темноты, темнота—отъ бѣдноты" изд. „Трудового Т-ва", 2) „Смерть агитатора", 3) Русскій рабочій союзъ К-во „Свобода", 4) „Письмо анархиста—брату рабочему" К-во „Солидарность", 5) „Открытое письмо рабочимъ соціалъ-демократамъ и соціалъ-революціонерамъ, 6) Популярная библіотека № 12 К-во „Новое Тв-о", 7) Новоторжскій „Значеніе правъ на землю для рабочаго класса", 8) К. Чужой „Примирились". 9) Газета „Земля, и Трудъ" № 3, 4 и опредѣленіемъ окружн. суда постановлено уничтожить отпечатанный въ Кіевѣ листокъ „Людямъ нашего времени" изд. Содружества патріотическихъ русск. рабочихъ.

78) Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на брошюры: 1) „Въ борьбѣ" сборникъ, К-во „Борьба", 2) Андреа Коста „Что такое соціализмъ", 3) „Сознательная Россія" вып. II, 4) Троцкій „Наша революція" и 5) А. С. Абрамовъ „Деревенскіе очерки К-во „Свободная Жизнь".

79) Въ Петербургѣ, 28 окт. Въ типографіи „Трудъ" конфискована газета „Два пути" издательства „Духа не угашайте".

Книгоиздательство Н. Е. Парамонова „Донская Рѣчь".

Главный складъ: Ростовъ н-Д. Казанская, 42.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Лиговская, 44, кв. 22. **Москва,** Ащеуловъ пер., д. 13. **Кіевъ,** Крещатикъ, д. 27, кв. 13. **Одесса,** Колодезный пер., д. 4, кв. 29.

№		ЦѢНА.
201²	Бѣлоконскій—Голодъ, вымираніе и невѣжество русс. нар., какъ слѣдствіе полицейскаго строя.	3
202²	Новиковъ—Какъ должны писат. законы	5
203	В. Алексѣевъ—Народовластіе.	15
204	В. Алексѣевъ—Земскіе соборы.	10
204²	Вальянъ—Уничт. пост. арміи и воен. судовъ	12
205	Малонъ—Интернаціоналъ . .	8
205²	Процессъ Жирондистовъ . .	8
206	Бѣлоконскій—Самоупр. и земство	5
207	Булгакова—Японія и японцы .	20
208	Алексѣевъ—Изъ ист. верх. власти	15
209	А. Ѳ. Быкова—Англія и англич.	15
210	Б. Б.—Великая франц. револ.	15
211	Всеобщ. избир. право на Западѣ	5
212	Гауптманъ—Ткачи	12
213	Горбуновъ—Гарантіи личн. своб.	10
214	И. Дитятинъ—Екатерин. Комис.	15
215	И. Дитятинъ—Роль челобитій.	15
216	Дубровскій—Іюль 1830 г. во Фр.	7
217	Живаго—Освобожд. Швейцаріи	6
218	Звягинцевъ—Общ. движ. въ Рос.	15
219	К. Каутскій—Ирландія . .	7
220	Каутскій—Прот. клас. интерес.	15
221	Каутскій—Разв. формъ государ.	7
222	Кизеветтеръ—Изъ исторіи зак. въ Россіи	15
223	Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи . .	15
224	Кизеветтеръ—XIX в. въ ист. Рос.	10
225	Кизеветтеръ—Протоп. Аввакумъ	8
226	Кизеветтеръ—Кузнецъ-Гражд.	10
227	Н. Карышевъ—Эконом. бесѣды	15
228	Струмилинъ—Слово къ кр. бѣд.	10
229²	Нордау—Мон., конст. и респ. ложь	3
230	Лангманъ—Бартель Туразеръ .	15
231	Мякотинъ—На зарѣ рус. общест.	15
232	Петрушевскій—Вел. харт. вольн.	15
233	Пругавинъ—Прошл. Шлис. крѣп.	5
234	Прокоповичъ—Длина рабоч. дня	5
235	Строевъ—Моск. гос. передъ реф.	10
236	Семевскій—Изъ исторіи общест. теч. въ 40 г.	15
237	Б. С. Трудъ и Капиталъ . .	6
238²	Князьковъ—Какъ начался раск. русской церкви	25
239	Лассаль—Сущн. конституціи .	8
240²	Федоровъ—Къ вопр. о воинской повинности въ Россіи . . .	8
241	Созывъ народныхъ представ.	10
242	Лассаль—Программа работник.	8
243	Шатріанъ—Исторія крестьянина	20
244	Рожковъ—Ист. крѣп. пр. въ Рос.	10
245	Прокоповичъ—Аграрное движ.	5
246	Милюковъ—Верховн. и шляхет.	15
247	Карѣевъ—Франц. писат. XVIII в.	10
248	Бебель—Государство будущаго.	10
249	К. Каутскій—Соціальн. реформа	25
250	Жилищный вопросъ	10
251	Зомбартъ—Соціализмъ въ XIX в.	15
252	Зомбартъ—Раб. движ. въ XIX в.	20
253	Гра—Марсельцы	25
254	Котляревскій—Совѣщ. представ.	4
255	Гэдъ—Коллективизмъ	4
256	Сторожевъ—Біогр. Грановскаго	10
257	Марксъ—Гражданская война .	10
258	Либкнехтъ—Отъ обор. къ напад.	10
259	Шиппель—Профес. рабоч. союзы	10
260	Голубевъ—Роль земства . .	12
261	Н. Щепкинъ—Земская и город. Россія о народномъ представит.	10
262	Милюковъ—Исконныя начала .	5
263	Дживелеговъ—Отвѣтств. минис.	3
264	Амичисъ—Студенты и соц. вопр.	5
265	Общественное движ. въ Японіи	6
266	Якушкинъ—Государствен. Дума	3
267	Голубевъ—Крест. въ Гос. Думѣ.	3
268	Пр. изб. закон. въ Учред. соб.	3
269	Жбанковъ—Когда въ Рос окон. тѣлесныя наказанія . . .	3
270	Семевскій—Кр. пр. въ пр. Щедр.	20
271	Русская исторія ч. I	10
272	„ „ „ II	12
273	Бахъ—Экономическіе очерки .	10

№		ЦѢНА.
274	48-й годъ въ Германіи . . .	12
275	Экон. положеніе еврейск. прол.	4
276	Мирбо.—Дурные пастыри . .	10
277	Сватиковъ—Общ. движ. въ Рос.	60
278	Вересаевъ—Честнымъ путемъ.	7
279	Либкнехтъ—Рѣчь о налогахъ.	4
280	Книга русскаго рабочаго .	12
281	Тунъ—Ист. револ. движ. въ Рос.	50
282	Госуд. устр. въ зап-евр. стран.	6
283	Митинги въ Англіи . . .	10
284	Страхованіе рабочихъ .	15
285	Парижс. ком. 1870—1871 гг.	10
286	Кеннанъ—Сибирь и каторга .	25
287	Волкенштейнъ—Борьба за нар. предст. въ Англіи . .	15
288	Революція въ Вѣнѣ . . .	3
289	Каутскій—Аграр. вопр. въ Рос.	3
290	Рубакинъ—Русск. исторія ч. I.	15
291	„ „ „ ч. II.	18
292	„Впередъ“ Сборникъ стихотвор.	20
293	Туровъ—Восьмич. раб. день .	3
294	Права и обязан. англійск. гражд.	10
295	Бернштейнъ—Формы хоз. жизни.	8
296	Приказчичій вопросъ въ Рос.	4
297	Васильевъ—Что такое отечест.	8
298	Мазовецкій—Процессъ пролет.	6
299	Мартовъ—Пролетар. праздн. .	4
300	Жоресъ и Гэдъ—Так. с.-демокр.	5
301	Толстой—Исповѣдь	15
302	Сатуринъ—Ирландія	15
303	Кропоткинъ—Къ молодежи .	4
304	Ярошъ—Послѣдній король .	20
305²	Мазовецкій—Полит. пар. въ Пол.	12
306	Іеллинекъ—Бюджетное право .	6
307	Государственныя преступ. т. I.	150
308	Матеріалы револ. движенія. т. II.	75
309	Кабановъ—О налогахъ . .	2
310	Князьковъ—Освобожд. крест. .	15
311	Каутскій—Всеобщ. стач. и соц.	4
312	Петровскій—Изб. кам. въ св. гос.	4
313	Эритье—Револ. студ. во Фран.	4
314	Быкова—Гос. уст. С.-А. Штат.	20
315	Отъ деревни до парламента .	6
316	Дитятинъ—Ког. воз. рознь въ Рос.	20
317	Роль—Какъ происх. рев. на Зап.	35
318	Петровъ—Прогрес. эконом. пар.	8
319	Организованный трудъ . . .	8
320²	М. Р. Поповъ—Біогр. Мышкина.	5
321	Существуетъ ли барщина .	5
322	Данъ—Раб. дв. и с.-дем. въ Рос.	15
323	Смер. Имп. Павла I (ред. Щегол.	
324	Процессъ 16-ти (ред. Бурцева)	60
325	Морозовъ—Стихотворенія . .	25
326	Послѣд. заявл. русск. либер. .	7
327	Жоресъ—Всеобщ. стачка . .	3
328	Сатуринъ—Индія и ея горе .	15
329	Кавелинъ—Изъ ист. земел. соб.	4
330	К. Шмидтъ—Безр. и бор. съ ней.	10
331	Каутскій—Памяти Маркса . .	
332	Бернштамъ—Якутскій процессъ	15
333	Таньскій—Междун. солид. прол.	
334	Реклю—Анархія	3
335	Герронъ—Судн. день капитализ.	6
336	Алексѣевъ—Самодержавіе . .	4
338	Лафаргъ—Всеобщая стачка .	3
340	Малатеста—Немножко теоріи .	2
342	Сатуринъ—Герм. Имп. и народъ	3
343	Волкенштейнъ—Воп. о всеоб. заб.	1½
344	Сатуринъ—Исторія одной стач.	4
345	Министры Слуги народа . .	3
346	Пѣшехоновъ—Осн. зад. агр. реф.	3
347	Послѣдній день Каляева . .	3
348	Дубровскій—Бур. и пролет. въ іюльск. дни во Франціи . .	8
349	Пругавинъ—Петропав. крѣп. .	5
350	Кайдановъ—Декабристы .	10
	Павловъ—Фабр. законодат. и его разв. въ Россіи. . . .	5
	Арну—Народъ и прав. Коммуны.	50
	Рубакинъ—Русская истор. ч. III.	20
	Былое (издав. загр.) вып. 1	50
	. . . . . вып. 2	50
	Былое—историческій журналъ кн. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI . . . по	1 р.
	В. Алексѣевъ—Отвѣтст. минис.	4

Отклики современности.

Статьи Мартова, Потресова, Дана, Кольцова и др.	кн. I	20
	II	35
	III	25
	IV	30
	V	25

Народный Вѣстникъ.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Швецова, Тана и др.	кн. I	10
	II	10
	III-IV	15
	V	10
	VI	10
	VII	10

Народная Жизнь.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Швец[illegible] Тана и др.	кн. I	6
	II	6
	III	6
	IV	6
	V	6

№		ЦѢНА.
1	Короленко—Пріемышъ . . .	2
2	Дмитріева—Майна-вира . . .	3
3	Чириковъ—Маленьк. грѣшникъ.	1
4	Андреевъ—Баргам. и Гараська.	1½
5	Кретцеръ—Истор. чер. сюртука.	1
6	Крандіевская—Для души .	2
7	Чириковъ—Свинья.	2
8²	Н.-Данченко—Старый замокъ	3
9	Свирскій—Забракованный . .	2
10²	Костинъ—Ошибка	3
11	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ .	3
12	Станюковичъ—За „Щупленьк."	2
13	Митропольскій—Вода. . . .	2
14	Серафимовичъ—Мсстъ . . .	3
14³	Курочкинъ—Принцъ Лутоня .	6
15	Мельшинъ—Искорка	3
16	Мельшинъ—Чортовъ Яръ . .	4
17	Андреевъ—Гостинецъ. . . .	2
18	Андреевъ—Петька на дачѣ	2
19	Дмитріева—Мама на войнѣ .	3
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ . .	2
21	Бѣлоконскій—Страховка . .	2
22	Ивашева—Мой день	2
23	Короленко—Ночью.	5
24	Тимковскій—Среди людей . .	5
25	Русова—Біографія Гарибальди	4
26	Отч. Пар. не выуч. грам. .	3
27	Златовратскій—Мечтатели	4
28²	Н.-Данченко—Махмудкины дѣти	3
29	Ожешко—Гедали	3
30	Юшкевичъ—Хаимка и Іоська.	2
31	Вересаевъ—Въ пути	1
32	Франко—Самъ виноватъ . . .	1½
33	Алексѣевъ.—Изъ-за хлѣб. насущ.	1½
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ .	3
35	Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ	2
36	Митропольскій—Отсрочка . .	1
37	Яблоновскій—Удружилъ. .	1
38	Франко—Хорошій заработокъ .	1
39²	Мать (съ армянскаго) . . .	1½
40	Остои—Поденщикъ	2
41	Некрасовъ и Никитинъ. . .	4
42	Бунинъ—Байбаки	3
43	Петровскій—Не дался . . .	1
44	Дмитріева—Бѣлыя крылья .	2
45	Серафимовичъ—Въ бурю . .	3
46	Яблоновскій—Конокрадъ . .	3
47	Франко—На днѣ	9
48²	Какъ сицил. крест. боролись. .	6
49	Н.-Данченко—Воскрес. пѣснь .	5
50	Вересаевъ—Повѣтріе	4
51	Бѣлоконскій—Деревня Печальн.	3
52	Дмитріева—Волки	3

№		ЦѢНА.
54²	Звяг.—До чег. нужд, дов. крест.	3
53²	Мирбо—Война	5
55	Короленко—Черкесъ	4
56	Вересаевъ—Звѣзда (вост. сказ).	1½
57	Телешевъ—Противъ обычая .	2
58	Яблоновскій—Въ консультаціи	3
59	Пѣсни труда	8
60	Темный—Сироткинъ	3
61	Кранд.—Только часъ и др. разс.	10
61²	Сазановъ—Въ пути	3
62	Бунинъ—Надъ городомъ .	1
63	Измайловъ—Мать	3
64	Станюковичъ—Эмигрантъ . .	3
65	Избр. стихотв. Надсона . . .	3
66	Андреевъ—Ангелочекъ . . .	3
67	Андреевъ—Жили-были . . .	3
68²	Слово вѣрующ.	6
69	Серафимовичъ—Въ камышахъ.	2
70²	Бѣлоконскій—За что и почему	3
71	Яблоновскій—Завѣтная мечта.	3
72	Присяжн. засѣдателямъ . . .	2
73	Вересаевъ—Къ спѣху. . .	1
74	Серафимовичъ. На льдинѣ . .	3
75	Мельшинъ—Маленькіе люди .	4
76²	Франко—Лѣса и пастбища .	2
77²	Яковлева—Свидѣтель	8
78²	Катехизисъ рабочаго . . .	3
79²	Русова—На счастлив. остров.	6
80	Короленко—Соколинецъ . .	7
81²	Маньковск.—У поднож. висѣл.	6
82	Елеонскій—Огорченіе	3
83	Русова—Братья Гракхи . . .	3
84	Телешовъ—Нужда.	1½
84²	В. Гюго—Клодъ Ге. . . .	3
85	Народоволецъ—Почему крест. требуютъ земли и воли .	3
86²	Молодая жизнь	7
87	Золя—Кровь.	3
88²	Бѣлоконскій—Фейга	3
89	Успенскій—Будка.	3
90	Короленко—Мгнов. и огоньки	2
91	Пѣсни мира. Сборн. стихотвор.	2
91²	Кондурушкинъ—Забастовка .	4
92²	Бѣлоконскій—Дерев. консп. .	2
93	Бѣлоконскій—Страшное мѣсто.	1½
94	Мирбо—Бродяга	1
95²	Гези—Ант. Матье (жизнь руд.)	3
96	Тимковскій—Травля	5
97	Наживинъ—Волосъ Мадонны .	1
98	Франко—Къ свѣту	3
99	Чириковъ—Въ отставку. . .	7
100	Зарницы—Сборникъ стихотвор.	5

№		ЦѢНА.
101	Андреевъ—На станціи . . .	1
102²	Бѣлоконскій—На высотѣ своего призванія	3
103	Рубакинъ—Искорки	5
104	Хаимъ Гершковичъ	5
105	П. Я. (Мельшинъ)—Избр. стих.	5
106	Мирбо—Крест. и Пропов. . .	1½
107	Андреевъ—Валя.	2
108	Ирланд. Джонъ и голад. муж. .	1½
109	Короленко—Послѣдній лучъ .	3
110	Короленко—Морозъ	4
111²	Малатеста—Въ кофейнѣ .	7
112	М. Сибирякъ—Въ худыхъ душ.	4
113	Чириковъ—Танино счастье. .	7
114	Рубакинъ—Книгоноша . . .	20
115	В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3
116	Андреевъ—Весеннія обѣщанія	3
117	Наживинъ—Ложь	1½
118	Суздальц.—Остл., др. фабр. дѣт.	3
119	Крюковъ—Въ родн. мѣстахъ.	5
120	Короленко—Госуд. Ямщики.	7
121	М. Конопницкая—Яктонъ . .	1½
122	А. Яблоновскій—Нухимъ . .	3
123	П. Бутошинъ—Случай № 212	1
124	Русова — Какъ болгары добыли себѣ свободу	6
		3
125	В. Короленко—На затменіи .	3
126	Сказка о 4 братьяхъ	4
127	Юшкевичъ—Кабатч. Гейманъ.	4
128	Наживинъ—Въ степи	1½
129	Конопницкая—Менд. Гданскій.	3
130	Пругавинъ—Милліонъ. . . .	6
131	Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь.	2
132	Гези—Благотворительность.	2
133	Дикштейнъ.—Кто чѣмъ живетъ.	3
134	Какъ нѣмцы добыли себѣ свободу	3
135	Короленко—Чудная	3
136	Какъ выбирать нар. представ.	1
137	Разрушенный молъ	1
138	Успенскій—Неизлѣчимый . .	5
139	Погорѣловъ—Въ глуши . .	2
139²	Бунинъ—Черноземъ . . .	2
140	Л. Андреевъ—Предст. кража,	1½
141	Конопницкая—Дымъ	1½
142	Національное собраніе . . .	1½
143	Амичисъ—Красная гвоздика .	2
144	Мѣстное самоуправленіе . .	3
145	Права человѣка и гражданина	1½
146	Анисимовъ—До чего мы обезсуд., и какой намъ нуженъ судъ .	7
147	Бирскій—Безъ исхода . . .	3
148	О земельномъ вопросѣ	2
149	Сонъ подъ 1-е мая	3

№		ЦѢНА.
150²	Кабановъ—Какъ улучшить крестьянское хозяйство . .	4
151²	Клочковъ—Крестьянство и воля	6
152²	Бѣгство короля	3
153	Что такое государств. роспись	3
153²	Джаво (перев. съ армянск.)	1½
154	Областное народоправіе . . .	1
155	Національна рада	2
156²	Взятіе Бастиліи	1½
157	Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ... . .	3
158	Какъ французы добыли свободу.	4
159	Л. Толст.—Неуж. это такъ надо?	3
160	Л. Толстой—О смертной казни	1
161	Новиковъ—Женщ. тов.-мужч. .	4
162	Что такое тайная под. голосовъ	1
163	Радловъ—Котлочистъ Ваня .	4
164	Проектъ основ. закона о землѣ	6
165	Журавлевъ—Убійство . . .	3
166	Юшкевичъ—Левко Гемъ . . .	3
167	Пѣсни борцовъ—Сборн. стих.	8
168	Конопницкая—Юзефово . .	1½
169	Танъ—Истин народн. предст.	4
170	Дѣти рабочихъ	1
171	Серафимовичъ—Подъ землей .	3
172	О. Зновицкій—Въ чертѣ осѣдл.	1½
173	Ив. Наживинъ—Братья . . .	2
174	Ивановичъ—Не понравилось .	2
175	Русова—Свободная республика Швейцаріи	5
176	Партіи и крест. въ Госуд. Думѣ	15
177	Новиковъ—Враги народа . .	15
178	Г. Джорджъ, его жизнь и ученіе	4
178²	Костинъ—Одинъ	2
179	Шевченко—Избранныя стихотвор. (малор.)	3
180	Поливановъ—Кончился . . .	5
181	Какъ мужикъ въ долгу остался	
182	Не въ моготу	9
183	Почему бѣдна Россія . . .	
184	Пѣсни рабочихъ	2
185	Ибаньесъ—Долж. лицо (палачъ)	2
186	Товарищъ, не измѣняй . . .	2
187	Народный трибунъ—Бабефъ .	1
187²	Радловъ—Семенъ	5
188	Обѣщанія правительст. о землѣ	4
189	Почему треб. свободы личности	1
190	Для чего треб. своб. сходокъ	1
191	Англійскіе раб. прежде и теп.	4
192	Какъ господа 1-е Мая празднов.	1½
193	Что видно въ подз. трубу .	2
194	Что сказали наши пред. Царю	4
195	Что министры сказали народн. представителямъ	2

№		ЦѢНА.
196	За свободу—Сборн. стихотвор.	3
197	Женщина избирательница . .	1
198[1]	Въ помощь читателю разборъ новыхъ книгъ. Аграрный вопросъ .	5
198[2]	Рабочій вопросъ .	5
198[3]	Избирател. право	5
198[4]	Историческія книги.	5
198[6]	Беллетристика . .	5
198[7]	Практич. политика .	5
198[9]	Аграр. вопросъ в. II.	5
198[10]	„ „ в. III.	5
198	Крестьянск. вопросъ.	5
199	Мельшинъ—Школа въ каторгѣ	7
200	Короленко—Сонъ Макара . .	6
200[2]	Наши братья	5
401	Радловъ—Пошумѣли	
402	Русова—Луиза Мишель . . .	8
403	Рыбацкій—Шестипалый . . .	4
404	Питомецъ воспитательн. дома .	5
405	Ямайкинъ—Поручикъ Эрве .	1
406	Юшкевичъ—Ита Гайне . .	12
407	Какъ муж. наш. то, что нужно	1
408	Брусянинъ—Заразные люди .	2
409	Ежъ—На разсвѣтѣ . . .	20
411	Никифоровъ—Смертная казнь	6

Картины и портреты.

1	Портретъ Кропоткина . . .	20
2	» Лаврова	20
3	» Морозова	20
4	» В. Фигнеръ . .	20
5	» Л. Волкенштейнъ .	20
6	» Петрашевскаго . .	20
7	» Перовской	20
8	» Желябова	20

№		ЦѢНА.
9	«Вы жертвою пали въ борьбѣ ро ковой»	
10	«Безум. храбр. поемъ мы пѣсню»	
11	«Не ходи»	
12	«Обыскъ»	
13	«Очистка площади»	
14	«Послѣ погрома»	
15	«Шлиссельбургъ»	
16	Каменный мѣшокъ .	
17	Группа ссыльныхъ	
18	Клятва въ Національн. Собр.	
19	Взятіе Бастиліи	
20	Защита республ. своихъ позиц.	
21	Столкновеніе въ Вандеѣ . . .	
22	Засѣданіе коммуны	
23	Разстрѣлъ коммунаровъ . . .	
24	Наполеонъ въ Совѣтѣ 500 .	
25	Забастовка	
26	Передъ забастовкой	
27	Стачка углекоповъ	
28	Послѣ работы	
29	Возстаніе въ Бретани . . .	
30	Марсельеза	
31	Баррикада	
32	Свобода ведетъ народъ . . .	
33	Сборъ податей	
34	Въ одиночномъ заключеніи .	
35	Всюду жизнь	
36	Девятое Января	
37	Портретъ Горькаго	
38	Портретъ Мельшина . .	
39	На баррикадѣ	
40	Разстрѣлъ вождей исп. револ.	
41	Республ. армія при Риволи Случайная жертва . . .	

Цѣна 20 копеекъ.

Лица, выписывающія на 3 р., за перес. въ Евр. Россіи не платятъ. Книжные склады пользуются 30% скидкой

Выписывающіе изъ Ростовскаго склада на 20 р. въ Евр. Россіи за пересылку по желѣзной дор. не платятъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

„БЫЛОЕ“

ЖУРНАЛЪ

издававшійся заграницею подъ редакціей

Вл. Льв. Бурцева.

СОДЕРЖАНІЕ перваго выпуска.

1. Отрывокъ изъ завѣщанія Гриневицкаго; 2. Памяти Гриневицкаго; 3. Три письма Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ къ Рошфору, Гартману и К. Марксу; 4. Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, П. Кропоткина; 5. Революціонный Петербургъ; 6. Статьи изъ „Народной Воли“ и „Рабочей Газеты“; 7. Процессъ 20-ти В. Бурцева; 8. Завѣщаніе А. И. Баранникова; 9. Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 10. Казнь П. Е. Суханова; 11. Письмо П. В. Карповича; 12. Изъ воспоминаній Л. Гартмана; 13. Программа рабочихъ—членовъ партіи „Народной Воли“; 14. О сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ и пр.

СОДЕРЖАНІЕ второго выпуска.

1. Изъ жизни саратовскихъ кружковъ Н. Волкова; 2. Два письма С. Г. Ширяева; 3. Воспоминанія о С. М. Кравчинскомъ, Рабочаго; 4. „Воспоминанія пропагандистки“ Е. Брешковской; 5. Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882-84 г.г.; 6. Памяти Каховскаго; 7. Международный конгрессъ въ Хурѣ; 8. „М. Л. Михайлову“ стих. Н. Огарева; 9. „Узнику“ стих. Н. Утина; 10. Прокламаціи 60-хъ г.г.; 11. Дѣло С. Г. Нечаева; 12. „Южно-Русскій Рабочій Союзъ въ 1880-81 г.г.“ Ел. Ковальской; 13. „Взрывъ царскаго поѣзда въ 1879 г.“ князя Д. Л. Оболенскаго; 14. „Завѣщаніе Юрія Богдановича“ (стих.).

Цѣна за каждый выпускъ 50 коп.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.
XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „ПРОМЕТЕЙ", С.-Петербургъ, Загородный, 28.

А. Н. Радищевъ.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Редакція Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.

Точное воспроизведеніе перваго изданія 1790 года, свѣренное съ рукописью, представленною Радищевымъ въ Управу благочинія. Портретъ Радищева, сдѣланный геліогравюрой съ оригинала. Факсимиле заглавной и первыхъ четырехъ страницъ перваго изданія. Вступительныя статьи Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Примѣчанія съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ.

LXXXX + 4 нен. + 296. Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ т-ве „Общественная Польза" (Б. Подъяческая, д. 39).

П. Е. Щеголевъ.

Первый декабристъ Владиміръ Раевскій.

Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка.

2-ое изданіе т-ва „Общественная Польза" (Спб., Б. Подъяческая, 39).

80 стр. Цѣна **30** коп.

П. Е. Щеголевъ.

А. С. Грибоѣдовъ и декабристы.

Изслѣдованіе (по архивнымъ матеріаламъ).

Съ приложеніемъ факсимиле подлиннаго дѣла о Грибоѣдовѣ производившагося въ Слѣдственномъ Комитетѣ 1825—1826 г г. и хранящагося въ Государственномъ Архивѣ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени" (Спб., Невскій, 40).

Цѣна **10** рублей.

3 8198 319 173 280
THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO